

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета
имени Н.А. Некрасова

1

2016

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

2016 **Том 22**

№ 1
Январь – Февраль

VESTNIK
OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2016 **Volume 22**

№ 1
January – February

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе
КГУ им. Н.А. Некрасова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
КГУ им. Н.А. Некрасова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,

заведующий кафедрой исторической информатики,
научный руководитель Центра экономической истории
исторического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

действительный член РАЕН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва)

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,

ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН

Институт лингвистических исследований

Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,

КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,

Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,

Институт мировой литературы

им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,

директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Nekrasov Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Nekrasov Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Nekrasov Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,

Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,

Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
head of Department of Historical Informatics,
principal investigator of Economic History Centre of Historical
Faculty of Lomonosov Moscow State University
Russian Natural Sciences Academy full member,
chairman of scientific council of Russian Academy
of Sciences on the issues of Russian
and world economics (Moscow)

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,

Linguistic Investigations Institute

of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,

Nekrasov Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,

Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,

Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,

Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,

director of Philology, Journalism

and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,

Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой теории государства и права им. Г.В. Мальцева,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, заведующий кафедрой
отечественной истории Ярославский государственный
педагогический университет
имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных литератур и языков
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории государства
и права Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Mal'tsev Department of State and Law Theory,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTILOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation
head of Department of Russian History,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Foreign Writings and Languages
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
Aleksandr Grigoriyevich
and Nikolay Grigoriyevich Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of State and Law Theory,
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и стилистики
русского языка Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории литературы
и русской литературы XX в.

Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет,
заведующий кафедрой церковной и общей истории
Свято-Алексеевская Иваново-Вознесенская
Православная Духовная семинария (г. Иваново)

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
КГУ им. Н.А. Некрасова (г. Кострома)

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
старший научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного, финансового
и информационного права Нижегородского института
управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
руководитель кафедры «Частно-правовые науки»
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Documentation Scientific Discipline
and Russian Language Stylistics
Leo Tolstoy Tula State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
head of Department of Literature Theory
and the 20th Century's Russian Literature,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University
head of Department of Church and Worldly History,
Saint Alexius Orthodox
theological seminary (Ivanovo)

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nekrasov Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA)
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
head of Department of Administrative,
Financial and Informational Law, Nizhny Novgorod
Management Institute – branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
head of Department of Individual Right
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 8 Митрофанов В.В.**
«... Попрошу Вас оказать нам с Вашей стороны возможное содействие»:
письма Н.Н. Шамонова С.Ф. Платонову
- 16 Матюхина О.А., Дзюбан В.В.**
О некоторых направлениях работы с молодежью
российского православного духовенства в конце XIX –
начале XX веков (на материалах Орловской губернии)
- 20 Росляков Е.С.**
Основные аспекты восприятия архиепископа
Антония (Храповицкого) представителями русской
религиозной интеллигенции начала XX века
- 24 Волков Д.А.**
Костромская полиция
от создания до 1917 года (краткий очерк)
- 29 Белов А.М., Сулоев И.Н.**
Сельский сход в условиях первой российской рево-
люции (на материалах Костромской и Ярославской
губернии)
- 34 Макеева Е.Д.**
Становление системы государственного управления
охраной природы в России в 1917–1920-х гг.
- 39 Ермушин М.В., Беляев Г.В.**
Советская политика по оплате труда
иностранцев инженеров в 20-е гг. XX века
- 42 Пискунов С.А.**
Практика внутриобластного переселения в РСФСР
во второй половине 1940–1980-х гг.
- 46 Никитин Д.И.**
«Труба тебе, Аденауэр!»: история досрочного пуска
трубопрокатного стана «1020» в г. Челябинске
- 49 Березин А.А.**
Экспедиция Подводных Работ Особого Назначения
на службе гуманитарной науки СССР
- 53 Микуленок А.А.**
Проблема получения высшего образования
российскими эмигрантами в Польше в 1920–1930-е гг.
- 58 Кочукова Е.А.**
Особенности этнической классификации народов
в КНР (по материалам работ Фэй Сяотуня)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 64 Тулуп Э.Р.**
Героическая баталистика Джона Барбура
(на материале шотландской поэзии XIII–XV веков)
- 68 Дубинская М.В.**
Три шага Алена-Фурнье к духовному реализму
в трех вариантах названия романа «Большой Мольн»
- 74 Найденова Н.С.**
Художественное пространство в произведениях
африканских писателей на французском и испанском
языках: лингвостилистический аспект
- 78 Басенко А.С.**
Жанр были в драматургии Н.А. Полевого
- 83 Иванов В.В.**
Поэтика стихотворения А.С. Пушкина «Пророк»:
к структурно-силовой теории жанров
- 89 Лебедев Ю.В.**
Комедия А.Н. Островского «Бешеные деньги»
в литературном процессе 1880–1890-х годов
- 93 Коптелова Н.Г.**
Антитеза «мужественность – женственность»
в литературной критике и публицистике
Д.С. Мережковского 1890–1910 годов

CONTENTS

HISTORY AND ARCHEOLOGICAL SCIENCES

- 8 V.V. Mitrofanov**
«...I request you to render your possible
assistance to us»:
Nikolay Shamonin's letters to Sergey Platonov
- 16 O.A. Matyuhina, V.V. Dzyuban**
Some areas of work with youth on the part
of Russian Orthodox clergy in the late 19th—early 20th
centuries (in terms of Oryol Province)
- 20 Ye.S. Roslyakov**
The key aspects of perception of metropolitan Antony
(Khrapovitsky) by the representatives of Russian religious
intellectuals in the early 20th century
- 24 D.A. Volkov**
Kostroma police in the Tsarist Russia from police
creation to 1917 (a brief sketch)
- 29 A.M. Belov, I.N. Suloyev**
Rural gathering under conditions of the Russian Revolution
of 1905 (based on Kostroma and Yaroslavl provinces'
material)
- 34 Ye.D. Makeyeva**
The formation of the system of public administration and
environment protection in Russia from 1917 to the 1920s
- 39 M.V. Yermushin, G.V. Belyayev**
Soviet policy on foreign engineers' emoluments
in the 1920s
- 42 S.A. Piskunov**
The practice of the intraregional migration in the RSFSR
from the second half of 1940s till 1980
- 46 D.I. Nikitin**
“There is the pipe for you, Adenauer”: history of the preterm
launch of the tube-rolling mill “1020” in Chelyabinsk
- 49 A.A. Berezin**
Expedition of special purpose underwater works in service
to humanitarian sciences of the USSR
- 53 A.A. Mikulyonok**
The problem getting a higher education by the Russian
emigrants in Poland in 1920—1930s
- 58 Ye.A. Kochukova**
Features of ethnic classification of peoples in the PRC
(based on Fei Xiaotong's works)

SCIENCE OF LITERATURE

- 64 E.R. Tulup**
Heroic batalism of John Barbour (on the material of
Scottish poetry of the 13th—15th centuries)
- 68 M.V. Dubinskaya**
Three steps of Alain-Fournier to the spiritual realism in the
three variants of the title of the novel “Le Grand Meaulnes”
- 74 N.S. Naydyonova**
Narrative space in African novels written
in French and Spanish:
linguistic and stylistic aspect
- 78 A.S. Basenko**
The genre of dramatic true stories written by Nikolai Polevoy
- 83 V.V. Ivanov**
The poetics of the poem by Alexander Pushkin
“The Prophet”: on the power-structural theory of the genres
- 89 Yu.V. Lebedev**
The comedy “Money to Burn” by Alexander Ostrovsky in
the 1880s—90s literary process
- 93 N.G. Koptelova**
“Masculinity Vs Femininity” antithesis
in 1890–1910 literary criticism and journalism
by Dmitry Merezhkovsky

- 98 Куликова Е.Ю.**
О «тайной прародине» Николая Гумилева («Стокгольм», «Швеция», «Заблудившийся трамвай»)
- 101 Дзутцева Н.В., Нгуен Тхи Тхьонг**
Роль антропонимической семантики в рассказе И.А. Бунина «Натали»
- 104 Сафронов А.В.**
Свободный человек из «Ракового корпуса» (образ Максима Чалого в повести А.И. Солженицына)
- 108 Соколова В.А.**
Поздняя поэзия Ирины Кнорринг (на примере титульного стихотворения «Темнота. Не светят фонари...»)
- 111 Хриптулова Т.Н.**
«Личное дело кандидата, не получившего государственной премии СССР в 1987 году». Архив Н.И. Тряпкина в РГАЛИ
- 116 Алексеева А.А.**
К вопросу об особенностях поэтики лирического цикла А.В. Ширяевца «Поминальник»
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
- 121 Бурькин А.А.**
Киевский зодчий Кузьмище Киянин – автор «Слова о полку Игореве»?
- 130 Блохин А.В.**
Продуктивные словообразовательные модели суффиксальных существительных с отвлеченным и собирательным значениями в деловых грамотах Великого Новгорода XII–XIV веков
- 135 Ганцовская Н.С.**
Диалектные тексты как хранилище лексического богатства языка (на материале хрестоматий костромских говоров)
- 140 Васильева Ю.А.**
Интерпретация этнокультурных компонентов семиотического пространства города (на примере тюркских эргонимов Астрахани)
- 143 Дундукова А.М.**
К вопросу о трансформации парадигматических и синтагматических связей слов в фольклорном тексте (на материале лексики природного мира)
- 147 Павлова А.Э.**
Фразеологические единицы как средство выражения парадоксальности в рассказе «Любовь» Ю. Олеши
- 150 Величко А.В.**
Структурно-семантический и коммуникативный анализ фразеологизированных предложений со значением единственности и множественности
- 155 Наградова Л.С.**
Особенности фразеологической репрезентации концепта «Корысть, расчёт» в пьесах А.Н. Островского
- 159 Пчелинцева Е.Э.**
Польское отглагольное имя действия: словарь и корпусные данные
- 164 Сидоров Е.В., Смерчинская А.А.**
Субъективные мотивы в организации семантики дискурса и знаковая координация деятельности коммуникантов
- 167 Шаджанова Е.И.**
Эволюция семантики концепта СМЕРТЬ в рамках когнитивного уровня языковой личности Виктора Цоя
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 171 Сиверская Л.А., Конардов С.Б.**
К вопросу о классификации нарушений, допускаемых должностными лицами правоохранительных органов при приеме сообщения о преступлении

- 98 Ye.Yu. Kulikova**
On Nikolay Gumilyov's "mysterious ancestral home" ("Stockholm", "Sweden", "The Tram That Lost Its Way")
- 101 N.V. Dzutseva, Nguyen Thi Thuong**
The role of name semantics in the short story «Natalie» by Ivan Bunin
- 104 A.V. Safronov**
Free man from the «Cancer Ward» (image Maxim Chaly in the novel by Aleksandr Solzhenitsyn)
- 108 V.A. Sokolova**
The Later Poetry of Irina Knorring (Using as an example the poem «It is dark. No street lamp shine a light...»)
- 111 T.N. Khriptulova**
"Dossier of a candidate who failed to receive State Prize of the USSR in 1987". Nikolay Tryapkin's archive in Russian State Archive of Literature and Art
- 116 A.A. Alekseyeva**
Revisiting of peculiarities of poetics lyrical cyclus «Commemoration Book» by Aleksandr Shiryayevets
- SCIENCE OF LANGUAGE**
- 121 A.A. Burykin**
Was Architect Kuz'mishche of Kiev the author "The Tale of Igor's Campaign"?
- 130 A.V. Blohin**
Productive derivational model of suffixal nouns with abstract and collective meanings in business content birch bark manuscripts of Veliky Novgorod of 12th–14th centuries
- 135 N.S. Gantsovskaya**
Dialect texts as depository of vocabulary treasure house (on the material of Kostroma patois reading books)
- 140 Yu.A. Vasil'yeva**
Interpretation of ethnic and cultural components in urban semiotic space (case study of Turkic ergonyms of Astrakhan)
- 143 A.M. Dundukova**
On the transformation of paradigmatic and syntagmatic word connections in a folklore text (on the basis of lexemes referring to the realm of nature)
- 147 A.E. Pavlova**
Phraseological units as means of paradoxality expressing in the short story "Love" by Yury Olesha
- 150 A.V. Velichko**
Structural-semantic and communicative analysis of sentences with idioms meaning uniqueness and multiplicity
- 155 L.S. Nagradova**
Peculiarities of phraseological representation of the concept "Profit, calculation" in plays by Alexander Ostrovsky
- 159 Ye.E. Pchelintseva**
Polish verbal noun: dictionary and corpus data
- 164 Ye.V. Sidorov, A.A. Smerchinskaya**
Subjective motives in the semantic organisation of discourse and the sign coordination of communicants' activities
- 167 Ye.I. Shadzhanova**
The evolution of the semantics of the concept of DEATH within the cognitive level of linguistic personality of Viktor Tsoi
- JURAL SCIENCES**
- 171 L.A. Siverskaya, S.B. Konardov**
On the question of classification of violations by officials of law enforcement agencies upon receipt of a message about crime

175 Тетерина О.А.

К вопросу о полномочиях прокурора

178 Тутов Р.Н.

Некоторые проблемы розыска без вести пропавших граждан подразделениями полиции ЛНР

181 Безносова Я.В.

Особенности нормативного регулирования займовых операций по древнеиндийским дхармашастрам

184 Пужаев В.В.

Критика догматического формализма и правовое учение Франсуа Жени

189 Волконский Ю.К.

Современная характеристика правовых основ политико-правовых отношений личности и государства в Российской Федерации

192 Злобина Е.А.

Конституционно-правовые критерии оценки эффективности системы органов государственной власти

196 Милинчук Д.С.

Коллизионное право как межотраслевой институт системы российского права

199 Хижняк Д.С.

Категории информации и данных как методологически релевантные форматы знания для моделирования процесса расследования транснациональных преступлений

203 Демидюк В.А.

Анализ правовой природы недействительных сделок

206 Максимов С.Н.

К вопросу о квалификационных требованиях к сотрудникам аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

209 Климова Л.А.

Здесь русский дух. Здесь Русью пахнет

213 SUMMARY

228 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

175 O.A. Teterina

On the question of prosecutor's powers

178 R.N. Tutov

Some problems of search for missing persons by police units of Lugansk volunteer corps

181 Ya.V. Beznosova

Special aspects of statutory regulation of the loan agreement according to Ancient Indian dharmasastras

184 V.V. Puzhayev

Criticism of dogmatic formalism and the legal doctrine of François Géný

189 Yu.K. Volkonskiy

Modern characteristics of the legal framework for political and legal relationship between the individual and the state in the Russian Federation

192 Ye.A. Zlobina

Constitutional and legal criteria for assessing the effectiveness of the public authorities

196 D.S. Milinchuk

Conflicts of law as the interbranch institution of the system of Russian law

199 D.S. Hizhnyak

Categories of information and data as methodologically relevant formats of knowledge for modelling transnational crime detection process

203 V.A. Demidyuk

Analysis of the legal nature of invalid transactions

206 S.N. Maksimov

On the question of qualification requirements to employees of administrations of plenipotentiaries of the President of the Russian Federation in federal districts

SCIENTIFIC LIFE

209 L.A. Klimkova

All breathes of Russ, the Russ of old

213 SUMMARY

228 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

«...ПОПРОШУ ВАС ОКАЗАТЬ НАМ С ВАШЕЙ СТОРОНЫ ВОЗМОЖНОЕ СОДЕЙСТВИЕ»: ПИСЬМА Н.Н. ШАМОНИНА С.Ф. ПЛАТОНОВУ

Вопросы областных Археологических съездов продолжают оставаться дискуссионными. Опубликованных исследований немного, и они порой содержат неточности. Недостаток источников не позволяет оценить и роль С.Ф. Платонова в организации и проведении съездов, особенно костромского. Не упоминается и имя Н.Н. Шамонина, который возглавлял организационный комитет Костромской губернской ученой архивной комиссии по его созову. Публикуемый важный исторический источник – письма Н.Н. Шамонина С.Ф. Платонову, касающиеся созыва съезда, позволят дополнить имеющиеся сведения из истории комиссии, взаимоотношений между ее членами, уточнить этапы подготовки съезда. Они же рисуют яркую картину соперничества внутри корпорации ученых, особенно между столичными авторитетами, по принципиальным вопросам проведения съездов.

Ключевые слова: С.Ф. Платонов, Н.Н. Шамонин, Костромская губернская ученая архивная комиссия, областной Археологический съезд, Кострома, организационный комитет, провинциальная историография.

История отдельных регионов России активно начала разрабатываться во второй половине XIX в. Особенно этот процесс активизировался с созданием Губернских ученых архивных комиссий (ГУАК), призванных консолидировать местные научные силы в изучении истории, археологии, этнографии конкретных регионов (губерний), организации архивов, музеев и библиотек. Решение этих научных и культурно-просветительских вопросов взяли на себя талантливые провинциальные организаторы – люди с профессиональными навыками и любители старины, прежде всего, земские деятели, преподаватели и учителя, представители духовенства.

В настоящее время подробно изучена деятельность большинства ГУАК, их история и вклад в краеведение, роль в развитии местной археологии, организации архивного и музейного дела явились предметом исследования десятков диссертационных исследований и монографий [2; 5; 16; 23].

Цель нашей работы проанализировать деятельность Костромской ГУАК по организации и проведению областного Археологического съезда. В основу исследования положен комплекс писем Н.Н. Шамонина, направленных выдающемуся историку С.Ф. Платонову. Этот важный исторический источник уже введен в научный оборот в ограниченном объеме [13, с. 179–186]. Публикация же его полностью будет важным шагом в восстановлении объективной оценки КГУАК в деле подготовки съезда, роли в этом деле ее почетного члена с 25 ноября 1901 г. С.Ф. Платонова и председателя оргкомитета Н.Н. Шамонина. О постоянных связях С.Ф. Платонова с провинциальными историками и краеведами свидетельствует и недавно опубликованный его отзыв на книгу секретаря Рязанской духовной консистории В.А. Самарянова [14, с. 21–24].

О Н.Н. Шамонине известно больше как о деятеле гимназического образования [26], хотя и таких сведений немного. И это несмотря на то, что у него были родственники и друзья – люди, известные в России. Например, он был в близких родственных связях с выдающимся историком С.Ф. Платоновым. Н.Н. Шамонин – родной и старший брат Надежды Николаевны [19, с. 44–54] – жены С.Ф. Платонова, родился 11 июля 1858 г. в г. Купянске, умер 11 марта 1917 г. в Рязани.

По мнению костромских исследователей А.Д. Шипилова, Е.А. Флеймана, пятая по счету комиссия, созданная в России, начиная с 1905–1907 гг. [29, с. 209], переживала кризисные явления, с этого времени «фактически начинается упадок ее деятельности», с чем нельзя согласиться в полной мере.

Для аргументации нашей позиции сошлемся на знатока истории комиссий В.П. Макарихина, писавшего только о «назревании внутреннего кризиса» комиссии, который «усугубился событиями первой русской революции». К тому же авторитетный историк выделяет в деятельности комиссии и период «подъема и перелома», который относит к 1912–1913 гг. [9, с. 59–60, 70–71, 91], а оживление ее деятельности в это время связывается с проведением юбилея – 300-летия Дома Романовых [11, с. 432–436]. К тому же нижегородский историк констатирует, что Костромская ГУАК, начиная с 1895 г. и в «последующие годы, вплоть до 1913 г.» «упорно занималась воплощением» [9, с. 65] плана по сбору материалов к торжествам.

Обратим внимание и на следующие факты из жизни комиссии. В 1909 г. проводится очередной областной Археологический съезд, который следует рассматривать как крупный успех, прежде всего, местных краеведов и самой комиссии, которая активно взаимодействовала со столичными учеными

по его организации. К этому съезду была изготовлена археологическая карта губернии [3]. Такая же карта была опубликована, например, и в Твери [15, с. 177–185]. Съезду была посвящена и специальная книга [22]. В 1911 г. комиссия ассигновала 3000 рублей на раскопки, с 1909 г. велось строительство и 19 мая 1913 г. был открыт Романовский музей. Кстати, император выделил солидную сумму на его строительство. Продолжалась и издательская деятельность [25], которая не отличалась большой активностью и в предыдущие годы по сравнению с другими комиссиями. По сведениям В.П. Макарихина, только при Н.Н. Селифонтове было издано 4 выпуска «Костромской старины» и 16 отдельных трудов [9, с. 26, 64].

Следовательно, комиссия не умирала тихо, начиная с 1905–1907 гг. до своего вхождения в Костромское научное общество по изучению местного края (далее – КНОИМК) [30, с. 74–80] в 1918 г., а продолжала работу в конкретных социально-экономических и политических условиях.

К тому же в 1912 г. в Костроме были созданы новые общества, прежде всего, укажем на КНОИМК и Костромское церковно-историческое общество [21, с. 147–157] (21 декабря 1911 г. за № 9105 Святейшим Синодом был утвержден Устав), что приводило к дроблению небольших научных сил и, по всей видимости, между ними возникало соперничество, несмотря на разные уставные цели.

После смерти Н.Н. Селифонтова – действительного (06.07.1885 г.), почетного (14.03.1891 г.) и пожизненного (26.11.1898) члена и председателя правления (11.06.1891–29.12.1900 г.), с которым связывается самый плодотворный период деятельности комиссии, в ее рядах не нашлось достойного приемника. Недолгое время комиссию возглавлял с 1906 г. Петр Алексеевич Илинский (1837–1907). Информация о нем порой встречается различная, например, иногда его фамилия пишется с «ь», а годом председательства в комиссии указывается 1908. П.А. Илинский приехал в г. Кострому в 1895 г. и работал санитарным врачом при губернской земской управе. Товарищем председателя с пятого марта 1905 г. был В.И. Строев. И вот в условиях отсутствия лидера комиссии председателем оргкомитета по подготовке съезда был избран недавно переехавший в Кострому Н.Н. Шамонин.

А с началом Первой мировой войны, действительно, возникает кризис в ГУАК и других научно-исторических обществах, от которого они не оправались. Одни прекратили свое существование (например, Архангельское общество изучения русского Севера, Вологодское общество изучения северного края, Владимирская, Ярославская ГУАК и др.), другие стали частью других обществ вновь созданных (например, Костромская ГУАК), третьи трансформировались в общества с новыми целями (например, Нижегородская ГУАК стала основой

для Новгородской археолого-этнологической комиссии).

Важной заслугой ГУАК Волжского региона следует считать областные Археологические съезды. За небольшой временной отрезок было подготовлено и проведено 4 подобных съезда – в Ярославле (1901 г.), Твери (1903 г.), Владимире (1906 г.) и Костроме (1909 г.). Проблемы их организации продолжают привлекать заинтересованных исследователей. Оценки же их в современной историографии меняются по сравнению с оценками современников и участников съездов.

Академик А.И. Соболевский говорил о съезде, прошедшем в Ярославле, что за последние 15 лет, в течение которых ему приходилось присутствовать на Археологических съездах (имеются в виду, Всероссийские съезды), «ни один съезд не был так удачен, как этот» [17, с. 4].

Директор московского Главного архива МИД кн. П.А. Голицын хотел видеть в съездах «новое просветительское дело» [18].

Реализованная губернскими архивистами задача была не «... просто отметкой существующих популярных интересов, а сыграла созидательную роль в деле популяризации новых научных задач...» [7]. Здесь речь идет о готовящемся областном Археологическом съезде в Твери.

15 августа 1908 г. С.Ф. Платонов писал С.Д. Шереметеву: «Будущность за съездами областными, где яснее и уже цель и предмет занятий и однороднее публика» [1, с. 121].

А вот В.В. Майков, будущий член-корреспондент АН, вскоре после съезда, когда еще свежи были в памяти многие детали, 8 июля 1909 г. писал С.Ф. Платонову о своих не вполне оправдавшихся надеждах и впечатлениях, полученных на съезде. По его мнению, на съезде «было кое-что интересное», в том числе «несколько интересных сообщений по местной истории (о кремле, о посадке костромском по писцовым книгам, очень толковый доклад)». Среди недостатков отмечена «небольшая» выставка, «скучные» раскопки. Представляют интерес нелюбимые характеристики отдельным гостям: Н.И. Троицкий (из Тулы) назван «неизменным болваном», Д.И. Иловайский – «истуканом», Д.А. Корсаков – «неисправимым циником», Ф.И. Успенский – «напыщенной» и «забавной фигурой» [13, с. 186].

На взгляд В.П. Макарихина, например, «Тверской съезд прошел успешно» [9, с. 60]. Он же ссылается на Н.В. Покровского, сказавшего в Костроме о том, что «областные съезды... оправдали все надежды» [9, с. 71].

«Благодаря им (областным Археологическим съездам – В.М.), оформилось научное направление по изучению всего комплекса материальной культуры древних финно-угорских народов, проживавших на территории Костромского края» [27,

с. 12], – констатирует современная исследовательница С.Г. Шарабарина.

Сегодня встречаются и более скромные оценки съездов. «Общие итоги работы областных съездов следует считать вполне удовлетворительными», – пишет А.Д. Шипилов. А «идею» созыва областных историко-археологических съездов автор находит «далеко не оригинальной», но отмечает, что «их работа имела большое значение для дальнейшего развития провинциальной историографии» [28, с. 50].

Активная подготовка к четвертому областному Археологическому съезду началась в 1907 г. при непосредственном участии председателя Тверской архивной комиссии И.А. Иванова. Так 2 мая 1907 г. на заседании комиссии было предложено: «На основании опыта по организации Тверского съезда совещанием были высказаны некоторые пожелания организаторам Костромского съезда касательно приема членов съезда, приготовления изданий по местной библиографии и указателей местных древностей, издания бюллетеней съезда, устройства экскурсий и выставки..., изыскания средств на расходы и печатание трудов» [8, с. 41].

Все непростые проблемы по подготовке съезда изложены в публикуемых письмах.

Высшим знаком внимания к съезду, открывшемуся в Костроме, следует считать приветственную телеграмму императора: «Сердечно благодарю за молитвы в верноподданнические чувства всех собравшихся на закладку музея (она проходила во время съезда – *В.М.*) в близкой моему сердцу Костроме» [24, с. XIII, XXIX], приветствие было получено и от графини П.С. Уваровой – Председателя Московского археологического общества [24, с. XII]. Следует заметить, что известный археолог, продолжатель дела своего мужа по проведению Всероссийских археологических съездов, присутствовала на предыдущем съезде во Владимире.

Материалы о состоявшемся съезде появились вскоре после его окончания в местных (костромских) и центральных изданиях [31, с. 511]. А вот материалы съезда вышли из печати только через 5 лет [24]. Надо отметить, что оперативно, в 1902 г., были опубликованы только материалы Ярославского съезда, а Тверского в 1906 г., Владимирского в 1909 г., Костромского в 1914 г.

История последнего областного Археологического съезда нашла отражение в историографии. Н.В. Бржостовская допускает неточность, указывая на 1908 г., как время созыва съезда в Костроме [4, с. 104]. Знаток истории ГУАК В.П. Макарихин в известной монографии констатирует только факт его открытия 20 июня 1909 г. и указывает, что там началось празднование 25-летия Тверской ГУАК [9, с. 61]. К тому же исследователь допускает ряд неточностей о съезде, например, он пишет, что С.Ф. Платонов не был в Костроме в рамках подготовки съезда [9, с. 71], а он приезжал.

В материалах областного съезда, состоявшегося в Костроме, говорится, что «особое живое участие в деле устройства съезда приняли из столичных ученых проф. Н.В. Покровский, ак. А.И. Соболевский и проф. С.Ф. Платонов, лично приезжавшие в Кострому для переговоров об этом съезде с выделенным из состава архивной комиссии организационным комитетом, который во многом воспользовался их авторитетными советами и указаниями» [24, с. VII]. Об этом свидетельствует и публикуемое письмо под №5, а из письма №3 мы узнаем, что авторитетный историк был избран в организационный комитет по созыву съезда.

К сожалению, об этом съезде нет упоминаний и в работе костромских исследователей А.Д. Шипилова и Е.А. Флеймана [29, с. 205–211], посвященной КГУАК. Только в специальной статье А.Д. Шипилов подробно пишет о самой идее областных Археологических съездов, первом съезде в Ярославле. Кстати, в статье дважды упомянуто имя С.Ф. Платонова [28, с. 49]. О Костромском съезде сообщается очень скромно, автор ограничивается упоминанием о его проведении и указании, что в исторической секции были зачитаны рефераты на тему о «пахотных орудиях на Руси и их особенности в Ярославской и Костромской губерниях, распределение в XVII в. посадского населения в Московском государстве, древнее заселение Ярославского края и др.» [28, с. 50].

В диссертационном исследовании С.Г. Шарабарина в качестве объекта исследования взята история «археологических областных съездов XIX – первой трети XX вв.» [27, с. 4]. А раскрытию темы автор отводит второй параграф «Археологические съезды в начале XX в. – новый качественный этап развития провинциальной исторической мысли». Как видим, в работе встречаются неточности в определении хронологических рамок, они разные в сформулированном объекте исследования и в названии параграфа работы. Автор диссертации заблуждается, когда пишет: «по инициативе КГУАК стали созываться областные археологические съезды» [27, с. 16].

Среди участников съезда в автореферате названы имена «столичных учёных: русский богослов А.П. Голубцов, профессор Д.И. Иловайский; искусствовед В.К. Лукомский; профессор Н.В. Покровский и др.» [27, с. 20]. А вот В.П. Макарихин участников совершенно справедливо называет «цветом российской науки» и называет имена Н.В. Покровского, Н.В. Соболевского, А.И. Штюрмера, Н.И. Иловайского, А.А. Титова, И.А. Тихомирова» [9, с. 71].

В работах, касающихся съезда, кроме опубликованных «Трудов» не упоминаются и костромские участники, а среди них была большая когорта представителей КГУАК: Н.Н. Виноградов, И.В. Баженов, кстати, принимал участие во всех подобных

съездах, как и И.А. Рязановский, М.М. Раевский, Л.П. Скворцов, П.С. Троицкий и др.

Важная роль С.Ф. Платонова в созыве съезда в Костроме, как и предыдущих, проанализирована в недавно опубликованных работах [10, с. 42–52; 12, с. 53–56; 13, с. 164–192]. Об этом свидетельствует и письма Н.Н. Шамонина, адресованные С.Ф. Платонову (а вот его ответные до сих пор не выявлены). Писем всего 19, датируются они с 19 июня 1906 г. по 30 января 1913 г. объемом 27 листов с оборотом, включая два конверта лл. №2 и 22. Первое написано в Москве, последнее в Рязани, остальные в Костроме. Письма можно разделить по тематике на 2 части. В первом, 12 и до 19 затрагивается педагогическая деятельность Н.Н. Шамонина, его переводов из Москвы в Кострому, затем в Рязань и обратно в Москву. Два письма №9 и 10 косвенно связаны с первой темой, они касаются ученика Парийского, за которого ходатайствует С.Ф. Платонов. Эти письма являются важным источником по истории гимназического образования Костромы и Москвы начала XX в.

Для заявленной темы важны письма под №2–8 и 11 (это общая нумерация писем, хранящаяся в деле. Именно эти письма и предлагаются к публикации) – в них речь идет о подготовке четвертого областного Археологического съезда. Их содержание позволяет установить и проанализировать роль С.Ф. Платонова в этом важном деле КГУАК, ситуацию, сложившуюся в комиссии. Кроме того, прослеживается и борьба мнений и позиций известных представителей столичных университетов и институтов в самой корпорации ученых, а мнения, порой, были непримиримыми.

Несмотря на все недостатки, которые справедливо отмечались, съезды имели непреходящее значение в деле просвещения российской провинции, также трудно недооценить и изданные как к съездам, так по их итогам материалы, которые сохраняют научную и культурную ценность и в наши дни.

Таким образом, сама подготовка областных Археологических съездов вдохновляла членов ГУАК и не только той, которая непосредственно была занята его подготовкой, но и соседних комиссий. Эта работа позволяла проявить инициативу, готовить выставки, проводить экскурсии, археологические раскопки, готовить и издавать исторические и археологические материалы. На примерах подобных съездов можно проследить взаимодействие академической и провинциальной науки. Одним из заинтересованных столичных ученых, принимавший активное участие в оргкомитетах по созыву всех 4-х съездов, был С.Ф. Платонов. Как свидетельствует содержание писем Н.Н. Шамонина, он сыграл одну из ведущих ролей и в подготовке IV съезда: входил в оргкомитет, вел переговоры с авторитетными учеными по вопросам съезда, проводил совещание в Петербурге, приезжал в Кострому для ознаком-

ления на месте с ходом подготовки, давал советы. Выясняется и новое направление краеведческой деятельности Н.Н. Шамонина.

Письма Н.Н. Шамонина

№2

Кострома. 30. 10. [19]07 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Пишу Вам по особому случаю. На прошлой неделе образованной при здешней архивной комиссии¹ организационный комитет по устройству IV археологического областного съезда² к великому моему удивлению выбрал меня своим председателем, хотя я усиленно ссылался на крайне слабое касательство к археологии вообще и русской в частности. Тем не менее, более подходящего человека здесь, по-видимому, не нашлось и на мои плечи взвалили такую тяжелую задачу.

Теперь я занят ознакомлением с тем, как действовали в этом случае организационные комитеты предыдущих съездов³ и что в этом направлении намечено было здесь у нас. Постараюсь, конечно, сделать все возможное при данных местных и личных условиях, а они пока представляются мне не особенно благоприятными, но, в то же время, убедительно просил бы содействия людей более меня знакомых с делом и вообще ему сочувствующих. Таковым представляется мне Вы сами и близкие с Вами петербургские археологи. На мой взгляд, одними здешними силами дела нам не сделать, а необходима для успеха его усиленная помощь со стороны столичных гостей; а можно ли рассчитывать на такую? С нетерпением буду ждать от Вас ответа на этот интересный вопрос.

Преданный Вам Н. Шамонин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4572. Л. 3–3 об.

№3

17 ноября [19]07 г. Кострома.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Извините, что не ответил раньше на Ваше любезное предложение: все ждали заседания комитета. Наконец оно состоялось вчера и все присутствовавшие поручили мне настаивать перед Вами на исполнении Вашего обещания. Будем с нетерпением ждать Вас в конце месяца и тогда побеседуем с Вами откровенно о многих пунктах, намеченных в Вашем письме. А пока только несколько беглых замечаний. Прежде всего, на счет москвичей. Я очень скромного мнения насчет своего влияния на них, но все-таки мне хотелось бы привлечь на съезд кое-кого из них: видимо, все же они под башмаком у Уваровой⁴. Кое-какие шаги в этом, например, я думаю сделать на Рождество, но об этом мы еще поговорим с Вами при свидании. А пока скажу, что как Вам, вероятно, известно, Вас еще летом выбрали в почетные члены организационного комитета вместе с Покровским⁵, Соболевским⁶,

Шляпкиным⁷, Спицыным⁸. Покровский и Соболевский приезжали сюда в начале августа для переговоров об устройстве съезда и содержание их речей занесено в протокол заседания архивной комиссии. Там был затронут целый ряд вопросов, но разработка их, на мой взгляд, не двигается с места. Есть у нас составленная одним старожилом доктором⁹ «История г. Костромы»¹⁰, но она до сих пор остается неизданной, т[ак] к[ак], по словам автора, для издания ее со всеми иллюстрациями понадобится до 3 т[ысяч] руб[лей], один протоиерей взялся составить путеводитель по Костроме. Намечены составители путеводителей для нескольких уездных городов. Нашлись охотники составить указатели к губернским и епархиальным ведомостям, а также указатель книг и статей Костр[омской] губернии вообще. Директор частной гимназии взялся составить свод произведенных раскопок. Один из наших учителей, оказывается, произвел, не знаю уж насколько умело, ряд курганных раскопок. Инспектор городского училища оказался большим мастером фотографии и соглашается объехать летом интересные пункты губернии для съемки видов церквей, их внутренности, усадеб и т[ому] п[одобное]. У иных купцов, особенно раскольников, есть большие собрания древностей, и владельцы их, по-видимому, согласятся, если не поместить на выставку, так, по крайней мере, допустить обозрение их археологами. Намечен ряд местностей, куда можно устроить не безытересные экскурсии и т[ому] п[одобное].

Вот главное, что я могу пока припомнить. И об этом и о прочем побеседуем при свидании. Надеюсь, Вы остановитесь у нас. Спасибо за помощь.

Поклон всем Вашим. Преданный Вам Н. Шамонин.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4572. Л. 4–5 об.

№4

Кострома. 23 ноября [19] 07.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Очень жаль, что Вы не можете приехать к нам, как предлагали раньше. Будем ждать Вас между 15 и 20 декабря. Люди мы здесь сравнительно свободные, можем устроить совещание, когда для Вас окажется удобнее приехать; только, пожалуйста, напишите об этом за несколько дней. При прочих равных условиях для нас, пожалуй, было бы удобнее собраться ближе к 15-му, чем к 20-му декабря. Но это, между прочим.

Поклон Вашим. Искренне Вам преданный Н. Шамонин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4572. Л. 6.

№5

Кострома, 23 декабря 1907 г.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

В заседании 21-го числа организационный комитет поручил мне еще раз поблагодарить Вас за

приезд и сообщенные указания, а на Рождество побеседовать в Москве насчет съезда с тамошними археологами. Думаю выехать на второй или третий день праздника. Наши, кроме Коли¹¹, уезжают сегодня. Коляня простудился и рассчитывает ехать в Москву 28-29-го.

Наш поклон и поздравления с праздником Вас и всех Ваших.

Преданный Вам Н. Шамонин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4572. Л. 7.

№6

Кострома, 9 янв[аря] 1908

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Очень Вам благодарен за присылку 3-го издания Лекций¹² и сообщение о беседе с Покровским. Отказ его от звания члена комитета я получил, но до сих пор недоумеваю, кто ему корреспондировал. Н.Н. Виноградов¹³, бывший у меня на днях, подозревает Андроникова¹⁴ или Иону Преображенского¹⁵: быть может, это выяснится на имеющем быть на этих днях заседании комитета, о результатах которого я Вам тотчас сообщу. Я думаю предложить комитету выразить Покровскому глубокое сожаление о его отказе и надежду, что он все-таки примет участие в Санкт-Петербурге в работе по подготовке съезда, а также придет на него. Вас я предложу просить о созыве в Санкт-Петербурге археологов на совещание о подготовке съезда. В Москве я был у директора Археологич[еского] института¹⁶, который сначала решительно отказался от всякого участия в съезде, указывая на враждебное отношение Покровского к Моск[овскому] институту, но когда я объяснил ему, что в худшем случае Покровскому предполагается предоставить на съезде чисто почетную роль, а организационная работа будет идти независимо от него, то Успенский взял свой отказ назад и обещал по получении от комитета формального приглашения заняться делом и привлечь к нему преподавателей института. И об этом нам придется поговорить здесь на ближайшем заседании. Но на работу костромичей я, признаться, рассчитываю не особенно много. Впрочем, на последнем заседании перед Рождеством Рождественский¹⁷ внес дельное предложение насчет распределения местной работы между наличными силами. Поживем, увидим.

Не знаю, впрочем, мое первое впечатление; по мне Н.Н. Виноградов показался человеком очень для нашего дела подходящим, и мы с ним уговорились о вменении ему полномочий на переговоры о привлечении к делу съезда сил с средств Санкт-Петербургских учреждений, ему знакомых, музея Александра III¹⁸, Археологич[еской] комиссии¹⁹, Этнографич[еского] отделения. Вот, кажется все, что пока можно сказать. О дальнейшем сообщу немедленно.

Очень, признаться, меня беспокоит пришибленный вид Коли. Преданный Вам Н. Шамонин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4572. Л. 8–9.

№7

16 января. 1908.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Третьего дня в заседании комитета по предложению моему постановлено: выразить Покровскому глубокое сожаление о том, что по причинам, комитету не известным, он счел за нужное уклониться от участия в подготовке съезда и надежду на участие в самом съезде (за несколько дней перед тем Комиссия послала адреса Институту и Покровскому по случаю 30-летия их деятельности). 1) «в заседании Комитета упрекал Сизова за нападки на Покровского в Вашем заседании, кто именно корреспондировал Покр[овского] (для меня до сих пор не ясно); 2) просить Вас уже одного созвать Санкт-Петербургских археологов и от имени комитета пригласить их к участию в съезде, а также сговориться насчет необходимых на первое время частных; 3) избрать в члены комитета А.И. Успенского и просить его содействия привлечению к участию в съезде московских археологов вообще и преподавателей института в частности; 4) избрать в члены комитета Н.Н. Виноградова и уполномочить его на соответствующие цели ходатайства перед музеем Александра III, Этнографическим отделением, Археологической комиссией и т.д.

Вот, кажется, самое главное из того, что было на заседании. О работе местных наших напишу Вам в следующий раз.

А пока еще раз попрошу Вас оказать нам с Вашей стороны возможное содействие.

Преданный Вам Н. Шамонин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4572. Л. 10–10 об.

№8

Кострома. 9. 03. [19]08.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Наконец-то я собрался написать Вам: с одной стороны, был занят по горло сначала ревизией Смольянинова²⁰, потом окончанием четверти и поездкой в Москву, с другой, и нового-то у нас по части археологии немного; вся надежда на петербуржцев и москвичей. В конце января у губернатора²¹ было заседание архивной комиссии, на котором он со свойственной военному администратору решительностью издал обязательное постановление, «обязывающее окончить все подготовительные работы к съезду в сентябре».

Даже податливый Андроников и тот объявил это невозможным. Тогда было дано 3 месяца отсрочки. В феврале, впрочем, после этого совещания комитет не собирался; собрание его будет на этой неделе. На масленице я был в Москве у директора Археологического института, и он указывал ряд преподавателей после у него, привлеченных им к участию в съезде, а сам обещал в мае приехать в Кострому, чтобы осмотреть на месте и выбрать место для летних раскопок. Неугомонный,

но и бестолковый Сизов успел 2 раза съездить в Москву и завязать там с какими-то раскольниками сношения и там, по-видимому, обещали ему принять участие в выставке съезда своими собраниями. От Виноградова все еще не имею сведений о совещании на масленице, думаю написать ему на днях об этом запрос. Вот, кажется, и все, что пока можно сообщить об этом.

Как видите, определенного мало. Вся надежда, повторяю, на петербуржцев и москвичей.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4572. Л. 11–12.

№11

Кострома, 20. 11. [19] 08.

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Дела здесь с подготовкой пресловутого съезда идут тишайшим ходом, и я очень жалею, что впутался в эту затею. Судите сами по такому факту. Год назад Комитет задумал составить по имеющимся образцам программы вопросы по заданным отраслям археологии и этнографии, отпечатать их и затем разослать и раздать учителям, священникам, докторам, учащимся и т. п. с просьбою прислать на них ответы и разработать заключающийся в ответах материал ко времени съезда. Знаете, сколько времени потребовалось для переработки, печатания и рассылки этих программ? Без малого год. Что же, спрашивается, теперь можно будет теперь сделать с этим? Далее. На что, кажется, простое дело по составленному комитету списку разослать учреждениям приглашения на съезд, но и на это понадобилось г. Черницыну²² чуть ли не 2 месяца. Затем обещаны были местными деятелями ряд путеводителей по г. Костроме и двум городам губернии, но до сих пор, несмотря на понукания комитета, почти ничего не видно. Дворянство обещает дать помещения для заседаний и выставки, семинария для участия; дворянский пансион пока молчит. Задуманы переговоры с купцами касательно предоставления казенных пароходов для поездки по Волге.

Не знаю, как в других городах Ярославле, Владимире, Твери, а Кострома, на мой взгляд, до устройства настоящего съезда еще не доросла. Одно мне признаться понравилось: некий фотограф любитель летом объехал несколько уездов и снял много церквей, церковной утвари, инородцев и типичной одежды. А вообще местные обыватели заняты своими делишками и, самое большее, готовы иногда поговорить о том, что недурно было бы устроить то или другое, но для устройства чего-либо путного у тех не хватает силы.

Летом здесь был как-то Покровский, обошел церкви и монастыри и указал названному фотографу предметы для снимков, которые ему осенью и были отосланы. С московским институтом дело у нас совсем разошлось, когда стало известно о возвращении Покровского в лоно комитета. Об участии в выставке частных коллекционеров

и старообрядцев пока тоже идут только разговоры. А тут еще губернатор настаивает по-военному, чтобы в декабре непременно была составлена подробнейшая, по дням и даже по часам программа будущего съезда.

Одним словом, все надежды приходится возлагать только на столицу: авось она матушка вывезет. Очень желал бы получить на этот счет от Вас какие-либо утешительные сведения. А то здесь просто руки опускаются.

Преданный Вам Н. Шамонин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4572. Л. 15–16 об.

Примечания

¹ Костромская губернская ученая архивная комиссия работала в 1885–1917 гг.

² Четвертый областной Археологический съезд в Костроме состоялся в 1909 г.

³ Областные Археологические съезды проходили: первый в Ярославле (1901), второй в Твери (1903), третий во Владимире (1906).

⁴ Уварова Прасковья Сергеевна (урождённая княжна Щербатова; 1840–1924) – графиня, русский ученый, историк, археолог, жена знаменитого археолога Алексея Уварова (1825–1884).

⁵ Покровский Николай Васильевич (1848–1917) – известный археолог. С 1898 г. занимал должность директора Археологического института.

⁶ Соболевский Алексей Иванович – (1856/1857–1929), филолог, академик Петербургской АН (1900), РАН (1917) и АН СССР (1925).

⁷ Шляпкин Илья Александрович (1858–1918) – историк русской литературы, археолог и палеограф, чл.-корреспондент Академии наук.

⁸ Спицын Александр Андреевич (14 (26) августа 1858, Яранск, Российская империя – 17 сентября 1931, Ленинград, РСФСР) – русский и советский археолог, профессор, член-корреспондент АН СССР (1927)

⁹ Речь идет о Льве Петровиче Скворцове.

¹⁰ Скворцов Л.П. Материалы для истории г. Костромы, Ч. 1. Кострома, 1913.

¹¹ Шамонин Николай Николаевич (1888–1932) – усыновленный Н.Н. Шамониным.

¹² Имеются в виду «Лекции по русской истории».

¹³ Виноградов Николай Николаевич (1876–1938) – член Костромской ученой архивной комиссии, участвовал в комплектовании фондов музея комиссии, с 1903 г. был сотрудником Музея Александра III (будущий Русский музей) в Петербурге, научный сотрудник Карельского научно-исследовательского института, был репрессирован.

¹⁴ Андроников Владимир Алексеевич (1874–1961) – этнограф, действительный член Костромской ГУАК.

¹⁵ Преображенский Иона Дмитриевич – историк, археолог, титулярный советник, член Костромской ГУАК с 14 марта 1891 г., до 15 апреля

1904 г., делопроизводитель, директор музея Костромской губернской ученой архивной комиссии.

¹⁶ Успенский Александр Иванович (1873–1938) – историк, искусствовед, доктор богословия, доктор теории и истории искусств, член-корреспондент, с 1906 г. действительный член Московского археологического общества.

¹⁷ Рождественский А.Н. (1852–1930) – член Костромской ГУАК, крупный общественный деятель, краевед-географ, педагог, инициатор открытия и директор 2-й Костромской мужской гимназии.

¹⁸ Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, бывший Музей изящных искусств имени императора Александра III.

¹⁹ Императорская археологическая комиссия (1859–1917) – первое государственное археологическое учреждение в России.

²⁰ Сведений обнаружить не удалось.

²¹ Веретенников Алексей Порфирьевич (1860 – после 1917) – костромской губернатор в 1906–1910 гг., военный инженер, генерал-майор.

²² Черницын Александр Иванович – правитель дел Костромской ГУАК, преподаватель Костромской духовной семинарии (преподаватель Священного писания).

Библиографический список

1. *Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х т. / отв. ред. С.О. Шмидт. – М.: Наука, 2003. – Т. 1. – 388 с.*

2. *Аленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX в: Тамбовская ученая архивная комиссия. – Рязань, 2002. – 375 с.*

3. *Бекаревич Н.М. Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд (Из Трудов Тверского Областного Археологического Съезда). – Тверь, Типография губернского правления, 1905. – 87 с.*

4. *Бржостовская Н.В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела (1884–1917 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук. – М., 1951. – 13 с.*

5. *Вечмотова Ю.Е. Развитие краеведения в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии: автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Киров, 2006. – 23 с.*

6. *Губернская ученая архивная комиссия. – Кострома: Губернская типография, 1914.*

7. *Журнал 90 заседания Тверской ГУАК 9.03.1903 г. – Тверь, б.г.*

8. *Журналы 101 заседания Тверской ГУАК 2 апреля 1906 года и 2 мая 1907 года. – Тверь, 1909.*

9. *Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. – Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1991. – 120 с.*

10. *Митрофанов, В.В. О роли С.Ф. Платонова в организации областных Археологических*

съездов // Тюменский исторический сборник. – Тюмень: Изд-во «Вектор–Бук», 2007. – Вып. X. – С. 42–52.

11. *Митрофанов В.В.* О привлечении С.Ф. Платонова к мероприятиям по празднованию 300-летия Дома Романовых // Двенадцатые Романовские чтения. – Екатеринбург, 2010. – С. 123–130.

12. *Митрофанов В.В.* О роли С.Ф. Платонова в организации IV областного Археологического съезда // Вестник Поморского ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2010. – № 7. – С. 53–56.

13. *Митрофанов В.В.* Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX вв.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. – Челябинск, Издательский центр ЮУрГУ, 2011. – 501 с.

14. *Митрофанов В.В.* Отзыв С.Ф. Платонова на исторический очерк В.А. Самарянова об Ипатьевском монастыре (вступ. ст. публик., коммент.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 1. – С. 21–24.

15. *Митрофанов В.В.* Роль С.Ф. Платонова в издании археологической карты Тверской губернии // Российская археология. – 2015. – №2. – С. 177–185.

16. *Орешина М.А.* Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. – М.: Рос. об-во историков-архивистов, 2003. – 359.

17. Отчет о деятельности Ярославской губернской ученой архивной комиссии за 1900–1914 годы // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. – Ярославль, 1914. – Кн. 7. – Вып. 2.

18. Протоколы Ярославской губернской ученой архивной комиссии 1898–1903 гг. // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. – Ярославль, – 1914. – Кн. 6. – Вып. 1.

19. *Ростовцев Е.А.* Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): между семьей и наукой // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. – Вып. 4. – С. 44–54.

20. *Рудаков В.Е.* Историко-археологический съезд в Костроме // Исторический вестник. – 1909. – № 9. – С. 1013–1036.

21. *Сазонов Д.И.* Костромское церковно-историческое общество в его прошлом и настоящем // Светочъ. Альманах Костромского церковно-исторического общества. – 2010. – № 6. – С. 147–157.

22. Старинные волости и станы в Костромской стороне. Материалы для историко-географического словаря Костромской губернии. С предисловием А. Титова. Посвящается просвещенному вниманию Четвертого Костромского областного археологического съезда. Список старинных волостей и станов находившихся на пространстве Костромской стороны по рукописи отца Михаила Диева. – Кострома, 1909.

23. *Толстов В.А.* Рязанская губернская ученая архивная комиссия: история создания, труды и коллекции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов. 2003. – 23 с.

24. Труды IV Областного историко-археологического съезда в гор. Костроме, в июне 1909 г. / изд. Костромской губернской ученой архивной комиссии. – Кострома, 1914.

25. Указатель книг, статей и мыслей о Костромском крае по концепции их содержания. Кострома, 1907. Костромская старина. Кострома, 1911 (на обл.: 1912). Вып. VII.

26. «Формулярный список о службе учителя истории и географии Московской 6-й гимназии Статского советника Николая Николаевича Шамонина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.rodovid.org/wk/Запись:589559 (дата обращения 23.08.2015).

27. *Шарабарина С.Г.* Деятельность ученой общественности Костромского края по изучению и популяризации финно-угорского культурного наследия в XIX – первой трети XX вв: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 2013. – 22 с.

28. *Шутилов А.Д.* Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 3. – С. 47–51.

29. *Шутилов А.Д., Флейман Е.А.* Костромская губернская ученая архивная комиссия (1885–1917): организация и становление // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. № 5–6. – С. 205–211.

30. *Шутилов А. Д., Флейман Е. А.* Костромское научное общество по изучению местного края (1912–1930) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 1. – С. 74–80.

31. IV Областной археологический съезд в г. Костроме // Костромские епархиальные ведомости. – 1909. – № 16. отд. неоф. – С. 511.

Матюхина Ольга Анатольевна
Брянский государственный технический университет
ya.matukhina@yandex.ru

Дзюбан Валерий Валерьевич
кандидат педагогических наук, доцент
Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского
bryanskstudzuban@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ РОССИЙСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ (на материалах Орловской губернии)

Сегодня остро ощущается необходимость усиления воспитательных начал в семье, в педагогике, в обществе. Современное российское общество осознает, что только образовательными методами невозможно сформировать полноценного, всесторонне развитого человека XXI века. Необходимо гармоничное формирование личности, не исключающее духовно-нравственное развитие. О необходимости включения духовно-нравственного компонента в учебно-воспитательный процесс подчеркивалось еще в 1999 г., когда Министерством образования РФ была утверждена «Программа развития воспитания в системе образования России» на 1999–2001 гг. Она начиналась со слов: «Духовно-нравственное становление детей и молодежи, подготовка их к самостоятельной жизни есть важнейшая составляющая развития общества, государства». Отечественные традиции были названы одной из основ обновления содержания и структуры воспитания. [10]. Это побуждает вновь и вновь обращаться к имеющемуся историческому опыту.

Обращение к отечественным традиционным духовным и культурным ценностям не случайно. На протяжении веков Русская Православная Церковь (РПЦ) участвовала в государственном строительстве через формирование духовно-нравственных традиций русского общества. Сложившиеся и отшлифованные веками традиции – это часть ментальности народа, часть его культуры [2]. Наши православные традиции, будучи нравственной опорой русского народа, сформировали уникальную и богатейшую культуру, способствовали консолидации общества. Русское православное духовенство имеет богатый опыт в просвещении российского общества. Приоритетом для Русской Православной Церкви всегда была работа с подрастающим поколением, молодежью. Обращение к этому опыту представляется актуальным. Важным является также изучение регионального аспекта, это дает возможность использовать большой пласт малоизученного архивного материала.

Ключевые слова: русское православное духовенство, Орловская губерния, церковно-приходские школы, движение «потешных», общества трезвости.

Основным направлением работы православного духовенства с молодым поколением россиян в конце XIX – начале XX вв. являлось просвещение (образование) через сеть синодальных церковно-приходских школ. На протяжении XIX в. государство неоднократно обращало внимание на привлечение духовенства к делу народного образования. Формирование системы церковно-приходских школ происходило с 1884 по 1904 г. В это время определялись источники финансирования всех типов школ, были установлены правила попечительства над ними, формировался преподавательский состав, решались хозяйственные вопросы.

Для Орловской губернии, как одной из центральных, были характерны общероссийские тенденции, в том числе, в образовании. В последнее десятилетие XIX и первое десятилетие XX вв. здесь быстрыми темпами росло количество церковно-приходских школ. Согласно отчетным ведомостям о церковно-приходских школах Орловского Училищного Совета за 1910 г., в губернии насчитывалось 811 школ духовного ведомства [1, с. 1–12].

В школах духовного ведомства учебные программы выстраивались таким образом, что воспитательный компонент должен был содержаться

во всех преподаваемых предметах: Закон Божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской печати и письмо, начальные арифметические сведения. В двухклассных школах добавлялись начальные сведения из церковной и отечественной истории. При изучении Закона Божьего и истории Церкви дети должны были «из живых примеров получить первое понятие о главных обязанностях, как семейных, так и общественных, а именно: о почитании родителей, о значении родительского благословения, о любви к родным и ближним, о милосердном отношении к животным» [8, с. 2318–2319]. На занятиях по русской истории детям разъяснялась необходимость взвешенной гражданской позиции, отношение к государственной власти, к Отечеству. Преподавание церковно-славянской грамоты в школах духовного ведомства также преследовало воспитательные цели. Ее изучение должно было ввести детей в понимание языка государственной Православной Церкви и ее священнодействий. При этом в церковно-приходских школах кроме христианских духовно-нравственных установок дети приобретали «общее умственное развитие и полезные знания по программным предметам». В частности, вырабатывался твердый навык правильного и беглого чтения, письма без

звуковых и этимологических ошибок, грамотного изложения своих мыслей устно и письменно, навык выполнения основных действий с числами и применение его в практических повседневных ситуациях, также усваивались сведения из истории, географии, этнографии.

Обязательным включением в учебный процесс, кроме программных занятий, было патриотическое воспитание учеников. Оно предполагало ученические экскурсии и паломничества, которые расширяли кругозор учащихся, знакомили с культурными гражданскими, военными и религиозными достопримечательностями Отечества; участие в религиозно-нравственных чтениях, проводимых православным духовенством для народа с целью повышения уровня его образования; посещение библиотек и читален, что способствовало привитию вкуса к хорошей литературе, к размышлению, расширяло кругозор.

В церковно-приходских школах воспитание и обучение детей младшего школьного возраста осуществлялось «на основе взаимосвязи нравственного и эстетического развития личности, сумма знаний и умений, полученных в процессе образования, была уравновешена и способствовала духовно-нравственному потенциалу, приобретенному в процессе воспитания как на внеклассных мероприятиях, так и в ходе учебной работы...» [15, с. 5–6].

В пользу того, что система воспитывающего обучения пользовалась популярностью и была востребована разными слоями населения, в первую очередь рабочими и сельскими жителям, говорит тот факт, что из всех источников финансирования церковно-приходских школ наибольший процент неказенных средств поступал от приходских общин, волостных и сельских обществ, частных лиц (меценатов) [5, с. 6].

В целом, распространение образования в народной среде посредством системы школ духовного ведомства, применявших на практике методы воспитывающего обучения при непосредственном участии в учебном процессе духовенства Православной Церкви, сыграло важную роль в развитии начального образования России.

В России в начале XX в. происходило формирование первых юношеских организаций, в частности – молодежного военно-патриотического движения на основе спортивных занятий, с опорой на традиционные духовно-нравственные ценности. Курировали это направление военное и морское ведомства. Кроме того, в развитии этого движения большое значение имела деятельность Русской Православной Церкви.

8 января 1908 г. Император Николай II высказал Высочайшее пожелание о введении в народных школах обучения военному строю и гимнастике. Инициатива в создании движения «потешных» полков принадлежит инспектору народных учи-

лиц Бахмутского уезда Екатеринославской губернии А.А. Луцкевичу. Весной 1909 г. при народном училище г. Бахмута им был организован «класс военного строя и гимнастики» из детей в возрасте от 8 до 14 лет [13, с. 584]. Подобные военно-патриотические инициативы находили поддержку у правых общественных сил. «1 октября 1911 г. на торжественном собрании Русского народного союза имени Михаила Архангела член руководства этой организации отставной генерал-майор К.И. Дружинин поддержал движение «потешных» и предложил проводить систематические беседы в школах о славных датах русской военной истории» [11].

Движение «потешных» быстро охватило всю Россию. Некоторые исследователи указывают, что к 1912 г. численность «потешных» доходила до 70 тысяч человек [3, с. 93]. В отличие от возникшего позднее скаутского движения организации «потешных» охватывали более широкие массы молодежи в возрасте от 8 до 20 лет. Особенно важно, что к нему были привлечены дети из социальных низов, из малообеспеченных семей и сироты.

Во исполнение Высочайшей воли Государя Императора Святейшим Синодом в 1909 г. было предложено епархиальным училищным советам «озаботиться введением... обучения в церковных школах военному строю и гимнастике». В Орловской губернии начало этому делу было положено в том же 1909 г. В школах духовного ведомства, как и в школах других ведомств, стали возникать «потешные» организации, а при войсковых частях – правильно организованные «потешные роты». В 1910–1911 учебном году в Орловской губернии обучение военному строю и гимнастике осуществлялось в 85 церковно-приходских школах. По уездам картина выглядела следующим образом: в Болховском – 5, Брянском – 12, Дмитровском – 5, Елецком – 6, Карачевском – 11, Кромском – 1, Ливенском – 6, Малоархангельском – 5, Мценском – 6, Орловском – 16, Севском – 1, Трубчевском – 11. Обучалось гимнастике и строю всего 3654 мальчика. Занятия проводили инструкторы из лиц, прошедших военную службу (60 человек), а также штатные учителя школ (21 человек). Обучение велось исключительно на скромные благотворительные средства, которые удавалось изыскивать заведующим церковно-приходскими школами (ими были лица из духовенства) и попечителям. За занятия с детьми плата с родителей не взималась. Учителя занимались в основном бесплатно [4, с. 238–241]. Первый смотр «потешных» в Орле состоялся 11 мая 1911 г. «Орловские епархиальные ведомости» отмечали, какое отрадное впечатление произвела на всех присутствующих строгая выдержка, дисциплина и стройность движений маленьких «потешных» колонн [7, с. 628–634]. Это была репетиция перед поездкой в Петербург для

участия 28 июля 1911 г. во всероссийском смотре «потешных полков» на Марсовом поле.

Несмотря на очевидную пользу такой организации деятельности подростков во внеучебное время, движение «потешных» широко критиковалось в либерально и радикально настроенных кругах, где твердили об опасности «военных формирований молодежи». Движение называли «милитаристским» и «солдафонским». Согласно «Положению о внешкольной подготовке русской молодежи к военной службе» 1911 г., патриотическое воспитание являлось основной задачей в занятиях с «потешными». Патриотизм, разумеется, трактовался в имперском духе, как «верность Богу, Царю и Отечеству». Видимо, с этим и связана «негативная реакция части русской интеллигенции, ставившей выше указанных символов служение абстрактным идеям – свободе, гуманизму, равноправию, т.е. буржуазным ценностям» [12, с. 15].

Тем не менее, этот опыт явился ценным. На его основе создавались молодежные организации и движения, как в царской, так и в советской России. Педагогами, в том числе православными, создавались методики и системы, в которых взрослый и подросток взаимодействовали в рамках единого образовательного процесса.

Одной из острых проблем, стоявших в российском обществе на рубеже XIX – XX вв. была алкоголизация населения. В трезвенническом движении, возникшем во второй половине XIX в. и широко развившемся к 1914 г., активную деятельность развернуло православное духовенство России. Поскольку страшному недугу пьянства были подвержены разные слои населения империи, в том числе молодежь, и даже дети, в своей борьбе за здоровый и трезвый образ жизни россияне Православная Церковь отводила большое место работе с молодыми поколениями.

В 1909 г. Святейшим Синодом был издан Указ о введении в духовных семинариях преподавания правил борьбы с алкоголизмом. В 1910 г. Святейший Синод Указом ввел преподавание науки трезвости во всех церковно-приходских школах. В 1912 г., чтобы способствовать привитию молодежи трезвеннических взглядов, Святейший Синод разрешил открытие в духовно-учебных заведениях кружков христианской трезвости молодежи.

Детские общества трезвости стали появляться повсеместно в Российской Империи, в том числе и в Орловской губернии. В качестве примера можно привести детское Общество трезвости при 2-м Ливенском высшем начальном училище. Устав этого общества был утвержден 20 февраля 1913 г. Управляющим Московского Учебного Округа. Организатором и руководителем детского Общества трезвости стал законоучитель школы. Согласно проекту, целью Общества являлось воспитание в учащихся стремления к полному воздержанию от

употребления спиртных напитков, табака, от безнравственных поступков в целом. Как средство, которое помогло бы осуществить задачи Общества, было признано эстетическое воспитание детей и гармоничное физическое развитие. Для этого учащиеся, в свободное от учебных занятий время, посещали музыкальные вечера, литературные постановки, концерты и выставки, драматические представления, занимались рисованием, пением. Для детей и с их активным участием устраивались собеседования, чтения со световыми картинками, проводились научные опыты. Для правильного и гармоничного физического развития и укрепления здоровья, дети под руководством преподавателя занимались на свежем воздухе гимнастикой (с элементами сокольских упражнений), лыжным спортом, катанием на коньках, на лодке, различного рода состязаниями. Это развивало в учащихся ловкость, сноровку, находчивость, силу воли и характера. Кроме того, часто устраивались ученические экскурсии и загородные пешие прогулки [9, с. 1181–1182].

В школах, училищах, гимназиях, где преподавало православное духовенство (а Закон Божий преподавался в учебных заведениях всех ведомств), звучала антиалкогольная проповедь.

Особое значение придавалось воспитанию твердого духовно-нравственного основания и трезвенных взглядов в семинаристах, как будущих пастырях, тесно связанных с народом: «На питомцев духовной школы сама жизнь налагает особые обязанности в деле вытрезвления народа, а потому еще на школьной скамье следует позаботиться не только о приобретении знаний о вреде потребления спиртных напитков и губительных последствий алкоголизма, но и закалить себя в решимости бороться с пьянством...» [14, с. 1434–1436]. Горячим сторонником антиалкогольного движения и воспитания в молодежи борцов за народную трезвость был преподаватель Орловской Духовной семинарии В.В. Чанцев. Кроме преподавания в семинарии, он выступал с лекциями по антиалкогольной тематике, часто публиковался на страницах Орловских епархиальных ведомостей. Чанцев также являлся организатором Братства трезвости в Орловской Духовной семинарии и автором Устава для этого Братства, членами которого состояли преподаватели и семинаристы разных классов. Учащиеся семинарии привлекались к проведению лекций для народа по антиалкогольной тематике, приобретаемая при этом не только знания, но и ценный для будущего пастыря ораторский опыт.

Члены церковных обществ трезвости не только давали обет не употреблять спиртное в течение определенного времени, но и обязывались воздерживаться от сквернословия, «участия в пении неприличных песен», продажи алкогольных напитков, курения табака, «игр в деньги» и плясок.

Нередко членство в обществе трезвости предполагало посещение больных, оказание помощи немощным и другие направления социальной деятельности [6, с. 41].

Распространение трезвеннического движения в России в предвоенные годы стало повсеместным. Антиалкогольная деятельность духовенства встречала поддержку государственной власти и сочувствие общественности. Важным правительственным шагом летом 1914 г. стало введение ограничительных мер на производство и продажу спиртных напитков, что позволило четко и организовано провести мобилизацию. В конце августа эта мера была продлена до окончания войны и получила поддержку у 84% населения России. Чтобы создать такое настроение в русском обществе, сформировать трезвеннические взгляды как норму жизни, необходимо было совершать долговременную планомерную работу с населением империи. В этом процессе, также объединившем медицинских специалистов, научную общественность, роль православного духовенства трудно переоценить.

В современной России антиалкогольная тема, к сожалению, не утратила своей актуальности. Большой, результативный опыт деятелей Русской Православной Церкви на этом поприще должен быть тщательно изучен и использован.

Деятельность православного духовенства России всегда была глубоко патриотичной. Это выразилось в неравнодушном и деятельном отношении к самым разным проблемам, возникавшим в русском обществе и государстве. Глубокое изучение этого опыта и применение в современных условиях, а также широкое сотрудничество с Русской Православной Церковью в процессе обучения, воспитания, в различных направлениях внеучебной деятельности молодежи, должно, на наш взгляд, дать положительные практические результаты для сохранения твердых нравственных ориентиров в подрастающем поколении.

Библиографический список

1. Ведомость Орловского Епархиального Училищного Совета о церковных школах за 1910 гражданский год // Орловские епархиальные ведомости. – 1911. – №26.
2. Дзюбан В.В. Духовно-нравственное и военно-патриотическое воспитание казачьей молодежи // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 2. – С. 60–64.
3. История, теория и практика скаутинга: Программы. Документы и материалы / сост. Ю.В. Кудряшов. – Архангельск: Изд-во МИИЦ, 1993. – 159 с.
4. Матюхина О.А. Из истории организации «потешных» полков при церковно-приходских школах Орловской губернии // Михаило-Архангельские чтения: материалы IX международной научно-практической конференции (18 ноября 2014 г., г. Рыбница). – Рыбница, 2014. – 577 с.
5. Матюхина О.А. К вопросу о воспитывающем обучении в церковно-приходских школах России в к. XIX – н. XX вв. (на примере Орловской губернии) // Наука и образование в современной конкурентной среде: материалы Международной научно-практической конференции. 15–16 февраля 2014 г. – Уфа: РИО ИЦИПТ, 2014. – 272 с.
6. Мордвинов И.П. Общество трезвости, жизни и работа в нем. – СПб., 1910.
7. Орловские епархиальные ведомости. – 1911. – № 21.
8. Орловские епархиальные ведомости. – 1911. – № 26.
9. Орловские епархиальные ведомости. – 1913. – № 41.
10. Программа развития воспитания в системе образования России на 1999–2001 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4532/15418> (дата обращения 02.10.2015).
11. Рылов В.Ю. Патриотические военно-спортивные организации в общественно-политической жизни России начала XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – Т. 7. – № 14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskie-i-voenno-sportivnye-organizatsii-v-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-rossii-nachala-xx-veka> (дата обращения 22.10.2014).
12. Сейку Е.Ю. Детские и юношеские организации в России в начале XX века (военно-патриотический и культурно-просветительский аспект): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009. – 23 с.
13. Степанов А.Д. Потешных движение // Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. – М., 2003. – 1008 с.
14. Уваров А. Призыв к борьбе с народным бедствием – пьянством // Орловские епархиальные ведомости. – 1913. – № 49. – С. 1431–1436.
15. Чупахина Н.Л. Взаимосвязь нравственного и эстетического воспитания в церковно-приходской школе России второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. – М., 1999. – 16 с.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ АРХИЕПИСКОПА АНТОНИЯ (ХРАПОВИЦКОГО) ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА ХХ ВЕКА

Статья посвящена исследованию особенностей восприятия архиепископа Антония (Храповицкого) представителями русской религиозной интеллигенции в начале ХХ в. в период резкой активизации церковных и политических дискуссий в русском обществе. Проанализированы ключевые церковные и общественно-политические факторы, на основе которых происходило формирование образа архиепископа Антония.

Революция 1905–1907 гг. способствовала широкому общественному обсуждению церковных проблем. Представители русской интеллигенции, в начале века обратившиеся к религии, относились к Церкви критически, ставя под сомнение монополию официальных церковных институтов на религиозную деятельность. Их отношение к Антонию (Храповицкому), бывшему представителем консервативного направления Русской Церкви, противником либеральных преобразований в политической и церковной сферах, демонстрирует столкновение двух взглядов на развитие Церкви и общества. Формирование отношения к Антонию (Храповицкому) происходило на стыке политических и церковных позиций. Основные вопросы, бывшие предметом полемики: роль Церкви в общественной жизни, отношение к власти, проблема церковно-государственных отношений, соотношение светской и духовной культуры. Антоний (Храповицкий) в работах представителей интеллигенции становился одним из символов политической реакции и олицетворением синодальной системы.

Ключевые слова: Антоний (Храповицкий), Русская Православная Церковь, интеллигенция, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.В. Карташев, Д.С. Мережковский, историография.

Антоний (Храповицкий) – один из самых известных деятелей Русской Православной Церкви первой половины ХХ века. Его имя всегда было предметом острой полемики и в дореволюционный период, и в эмиграции, где он стал организатором и первым главой Русской Зарубежной Церкви.

Рано вступив на путь церковно-административной деятельности, к началу века Антоний (Храповицкий) успел побывать ректором двух духовных академий, зарекомендовал себя как критик синодальной системы, главный идеолог возрождения патриаршества и яркий церковный публицист. Большая часть его епископского служения в России пришлось на период социально-политических потрясений. Важнейшим этапом стала революция 1905 г. Она серьезно повлияла на развитие общественной мысли. Резко активизировалось обсуждение церковных проблем. Положение Церкви, находившейся в подчинении государству, ставило церковные проблемы в тесную связь с проблемами политическими. Епископ Антоний активно включился в общественную полемику. Выражая свою позицию предельно остро, он вызывал ответную бурную реакцию. Несомненно, важно понимание особенностей восприятия Антония его современниками, представлявшими крупное направление русской религиозной мысли и русской культуры всего ХХ века. Образ, созданный в дореволюционное время, серьезно повлиял на последующее отношение к Антонию (Храповицкому) и в целом наложил серьезный отпечаток на историографические представления об этом крупном деятеле Русской Церкви.

Изменения в умонастроениях интеллектуального общества на рубеже веков получали название религиозно-философского возрождения. Интеллигенция, бывшая до того, по словам Н.О. Лосского, в плену «болезненного моноидеизма», когда находясь во власти материалистических идей, занималась проблемами «экономическими и общественными», борьбой с самодержавием [8, с. 197], стала испытывать потребность в приобщении к духовным, религиозным ценностям. Основываясь на идеях В.С. Соловьева, представители этого движения критиковали «историческое христианство», выступая за его обновление. Современность сталкивалась с традицией. Общим местом было стремление к пересмотру традиционного церковного вероисповедания, исходя из «представлений о религии современной культуры» [5, с. 5]. Так, Д.С. Мережковский – наиболее последовательный критик «исторического» христианства видел в нем воплощение одностороннего аскетизма – отказа от «правды о земле», «правды о плоти», несовместимого, по его мнению, с современной культурой [6, с. 714].

Представители этого направления ставили вопросы, на которые официальная Церковь ответить не могла. В итоге нарушалась монополия церковных институтов на духовное просвещение. В то же время, формируемое религиозными философами направление религиозной мысли, многими представителями официальной Церкви также воспринималось как навязывание своей, единственно верной позиции.

Важным моментом, влиявшим на характер общественной мысли, было появление новой культуры полемики, новых методов общественной

дискуссии: культура партийности, разделение по принципу «свой-чужой», действие в определенных заданных рамках, поляризация идей и дискуссий. «Литература разделилась на “программы действий”, – писал В.В. Розанов, – и требует от каждого нового писателя как бы подписи идейного “присяжного листа”» [13, с. 178].

Выход епископа Антония (Храповицкого) на арену общественно-политической борьбы произошел в самом начале революции. В феврале 1905 г. он произнес в Исаакиевском соборе «Слово о Страшном Суде и современных событиях». Современное состояние общества он назвал нравственной эпидемией, поразившей в первую очередь «просвещенные слои». Причину эпидемии Антоний видел в отказе от народного духа «смирному-дрия, терпения и любви, в котором русские познали Христа» и обращению к культуре «еретического Запада». «Исполненные исконной злобой, ненавистью ко всему русскому, руководители этого движения не останавливаются ни перед чем, чтобы такой же злобой исполнить сердца юношей-студентов и тех слоев простоллюдинов, которые могут быть доступны их влиянию». Епископ Антоний выражал надежду на сохранение народом преданности самодержавию, «как единственной дружественной ему высшей власти», в противном же случае, предрекал большие потрясения [10, т. 2, с. 604–608].

Очень быстро появились ответы на слова Антония. В работах Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, С.Н. Булгакова были представлены основные политические и церковные аспекты критики Антония (Храповицкого) в последующие годы. Статья Д.С. Мережковского «Страшный суд над русской интеллигенцией» содержит три основных посыла. Во-первых, в словах Антония Мережковский видел подстрекательство к расправе над интеллигенцией. Во-вторых, защищая интеллигенцию, Мережковский в суде над ней видел суд над Петром, над всем «петербургским периодом русской истории», над стремлением к свободе личности – «драгоценнейшему дару западноевропейской культуры». В-третьих, Антоний для Мережковского – охранитель, готовый «крестом и мечом» защищать существующий порядок [9, с. 73–78]. Оценки Мережковского – это оценки политических взглядов официальной Церкви в лице ее яркого представителя. Для широкой публики именно эта реакционная составляющая деятельности Антония становится с этого времени одной из главных в его образе. Антоний выступает с консервативных позиций, как защитник самодержавия, негативно смотрящий на либеральные тенденции в политической жизни.

В.В. Розанов в статье «Воздыханцы», высмеивая пророчества Антония, проблему монашества видел в уходе от общественных, социальных проблем, замыкании на собственных внутренних интересах. Призывы Антония к успокоению народа

Розанов расценивал как «воздыхания» о сохранении собственного благополучия [12, т. 2, с. 397–399]. Соответственно, нападки Антония на образованное общество для Розанова были нападками на стремление к социальной справедливости.

Более развернуто взгляды епископа Антония оценивал С.Н. Булгаков. Исходя из идей христианского социализма, он ставил для религиозно-философского движения следующую задачу: оно «должно быть насквозь пропитано общественностью, быть органически связано с общественно-историческими задачами времени, в этом залог его жизнеспособности» [4, т. 1, с. 237]. В словах же Антония Булгаков увидел противоположный взгляд, отрицающий земные задачи Церкви. По мнению Булгакова, это было проявлением «монашеско-византийского понимания христианства». Однако в виду невозможности полного отрыва от «земляности и телесности» общественно-политическая деятельность во взглядах архиерея все же проявилась, но в уродливой форме – в виде ярого консерватизма. Общественно-политическое мировоззрение Антония, по словам Булгакова, «построено на принципе обожествления власти и порядка во что бы то ни стало, хотя бы пулями и плетью...». Отказ от «активной общественной деятельности», забота лишь о «личном спасении» вынуждает представителей Церкви апеллировать к светской власти [4, т. 1, с. 238–242].

Итак, критика Антония содержала следующие аспекты. Социально-политический – отношение к власти, к изменениям в стране. Коренным вопросом здесь был вопрос отношения Церкви и государства. Церковь обвиняли в сращивании с государством, в сервиллизме. Выступление на стороне власти рассматривалось как участие в политике в негативном ее понимании – в качестве официального репрессивного инструмента. Официальные представители Церкви обвинялись в искажении христианства, в его «подделках» [4, т. 1, с. 238]. Булгаков очень жестко говорил о противниках «освободительного движения» как о современных Аннах и Каиафах [4, т. 1, с. 237]. Следующий – церковный аспект критики, состоял в рассмотрении взглядов Антония на роль Церкви в общественной жизни. По сути, критики Антония требовали от Церкви участия в политике, но в политике определенного направления. И, наконец, еще один уровень, который заключался в проблеме религиозного мировоззрения – сущности понимания христианства. Христианство Антония, как его трактовали критики – византийское, монашеское, не отвечавшее проблемам современной жизни, привязанное к национальной и политической структуре.

Позже А.В. Карташев в Новом энциклопедическом словаре характеризовал мировоззрение Антония как «славянофильское, обостренное принципиальным аскетизмом» [7, т. 3, с. 68]. Продолжая

мысли Булгакова, он видел в воззрениях Антония четкую границу между Церковью и миром: православие – это аскетизм, «мирское строительство» – дело светской власти – самодержавия [7, т. 3, с. 69]. Общественное служение, гуманизм вновь противопоставляются антониевскому пониманию церковности. Карташев делал акцент на антагонистичности для Антония светской и духовной культуры. «Все идеологи светской культуры», на взгляд Карташева – это враги Антония. Для него очень важно подчеркнуть приоритеты Антония, расставить четкие акценты, создать конкретный образ. Карташев, называя идейных врагов и друзей архиерея, давал ссылки на его труды, но при этом классифицировал эти категории целиком, не видя никаких нюансов в отношении к ним Антония. К врагам он, среди прочих, причислил В.С. Соловьева и Л.Н. Толстого, к друзьям – К.П. Победоносцева [7, т. 3, с. 69]. В этой характеристике видится явное упрощение взглядов Антония. Отношение его и к Соловьеву и к Толстому не было столь однозначным, чтобы твердо классифицировать их как врагов. Антисоловьевские выступления Антония, по его словам, имели целью даже не критику собственно Соловьева, но систему «ложных убеждений», сложившуюся вокруг его личности. Вред Соловьева Антоний видел в приближении современной «позорной литературной эпохи», появлении плеяды «профессиональных лжецов». В то же время Антоний ценил новые философские идеи Соловьева, которые, по его словам, не заметили и не оценили. Его выступление было реакцией на такое развитие общественной мысли, которое доказывало «целомудрие проституции, патриотизм изменников-японифилов, законность лжи и клеветы и т.п.» [10, т. 2, с. 266]. Подобной же реакцией было письмо К.П. Победоносцеву, на которое ссылался Карташев, записывая бывшего обер-прокурора в друзья Антонию. Последний, в ответ на «наглые выходки газет» критиковавших К.П. Победоносцева, благодарил его за «патриотическую и народную деятельность» [11, с. 629].

Давая свою классификацию, Карташев не мог не понимать нюансов отношения Антония к названным личностям, но выразился совершенно определенным образом. Подобное закрепление знаковых имен в качестве «друзей» и «врагов» отражало процесс абсолютизации образа Антония. Он враг популярных Соловьева и Толстого, друг одиозного Победоносцева. Критика Антонием Соловьева, чрезвычайно знаменитого в среде религиозной интеллигенции, вызывала резкий отпор. Понятно, что у Карташева в этой классификации выражено и его личное отношение. Для него «враги» Антония – важная часть его собственной культуры. Поэтому здесь видно эмоциональное, исходящее из идеологических приоритетов, отношение к предмету описания.

Критика Антония (Храповицкого) по вопросу о роли интеллигенции и дальнейшем пути России продолжилась в полемике, развернувшейся вокруг сборника «Вехи». Антоний с большим воодушевлением воспринял сборник и обменялся с его авторами рядом открытых писем. Большой интерес представляет письмо Н.А. Бердяева и ответ на него архиепископа Антония. Основной посыл письма Бердяева состоял в том, что Церковь со своей человеческой стороны утратила веру в «силу Божией правды» и верит лишь в силу земную, государственную, тем самым отталкивая от себя людей. Не называя имен, он говорил о вмешательстве Церкви в политику, о «Союзе русского народа» – делах «зла и насилия» [3, с. 373–378].

Архиепископ Антоний увидел в строках Бердяева обращенный к нему лично «запрос» и отметил, что созданный левой прессой вокруг его имени «определенный тип», к его личности отношения не имеет. В целом ответ Антония представлял отповедь интеллигенции, в массе своей настроенной антихристиански и антирусски. Говоря об участии Церкви в политике, Антоний отметил, что, нападая на духовенство в период революции, интеллигенция напротив, требовала от него участия в политическом движении в нужном ей русле [1, т. 3, с. 558]. Т.е. Антоний отметил партийный характер подобных высказываний, когда правыми считались выступления в провозглашенном определенной группой едином русле.

Причину разрыва интеллигенции с Церковью Антоний видел не в том, что духовенство участвовало в политической жизни государства, а в ненависти интеллигенции, – здесь Антоний приводит слова Достоевского, – к самой Руси, христианскому складу «ее жизни и народных понятий». Выступления же гражданские духовенства, в целом весьма безучастного к жизни общественной, Антоний считал весьма редкими [1, т. 3, с. 558].

Попытки диалога в период «Вех» Антония и интеллигенции остались лишь эпизодом. Противоречия на фоне общественно-политических и церковных споров оказались непреодолимыми. Через несколько лет после «Вех» Бердяев обрушился на всю официальную Церковь за разгром движения имяславцев, одну из главных ролей в котором играл архиепископ Антоний. Споры об имяславцах стали еще одной точкой в восприятии митрополита Антония как приверженца насилия в делах церковных и гражданских. Бердяев защищал не столько суть этого движения, сколько возможность самого общественного обсуждения, возможность развития религиозной мысли. Бердяев обвинял все «казенное» православие «выродившееся в государственный позитивизм и жизненный материализм». По его мнению, в этой истории проявилась борьба «духовной жизни» и «мертвого покоя», «религиозного опыта» и «мирского пози-

тивизма» [2]. Статья Бердяева, написанная в свойственной автору резкой, безапелляционной манере, была одной из самых жестких характеристик Антония (Храповицкого) дореволюционного периода. «Гаситель духа», «гасильник» – одна из характеристик, закрепившихся за Антонием в начале века. В этом был один из коренных факторов восприятия Антония и как религиозного мыслителя, и как церковного деятеля. Он позитивист, отрицающий мистику в религиозной жизни, при этом использует административную силу для подавления неугодных явлений.

В статье Бердяева был еще один важный момент, определяющий отношение к Антонию (Храповицкому). Вопрос восстановления патриаршества, бывший для Антония важнейшим, Бердяев называет второстепенным [2]. В этих построениях, думается, один из главных источников олицетворения Антония с Синодальной Церковью, слияние его с фигурой Победоносцева. Различия во взглядах Победоносцева и Антония для Бердяева не столь важны, как видимое им их единство. Подобный подход стал для многих определяющим и в дореволюционное время, и в эмиграции.

Таким образом, формирование оценок Антония (Храповицкого) происходило на основе совокупности политических, церковных и религиозных взглядов. Факторы, которые определяли характер оценок Антония (Храповицкого): с политической стороны – либеральные, антимонархические настроения, с церковной – либеральные настроения в Церкви, наконец, течение религиозной мысли критиковавшее «историческое» христианство, «византийско-монашеское» его понимание, и национально-славянофильское содержание.

Глубокие разногласия на развитие страны и Церкви выявились между Антонием и большой частью образованного общества. Эти разногласия не могли разрешить и возможные точки соприкосновения, такие, например, как критическое отношение к синодальной системе. Общественно-политические установки большинства авторов диктовали им определенный, направленный характер оценок митрополита Антония. Партийные принципы характерные для того времени распространялись и на церковную сферу. В либеральной публицистике он

стал олицетворением политической реакции и одним из символов синодальной системы.

Библиографический список

1. *Архиепископ Антоний (Храповицкий)*. Полное собрание сочинений в трех томах. – СПб.: Издание И.Л. Тузова, 1911. – Т. 3. – 715 с.
2. *Бердяев Н.А.* Гасители духа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.spasi.ru/bibl/berd5.htm> (дата обращения: 04.12.2015).
3. *Бердяев Н.А.* Открытое письмо архиепископу Антонию // Вехи: pro et contra. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1998. – С. 373–378.
4. *Булгаков С.Н.* Без плана // С.Н. Булгаков. Pro et contra. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2003. – Т. 1. – С. 225–249.
5. *Воронцова И.В.* Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. – 424 с.
6. *Зеньковский В.В.* История русской философии. – М.: Академический проспект, Раритет, 2001. – 880 с.
7. *Карташев А.* Антоний // Новый энциклопедический словарь. – СПб.: Типография акционерного общества «Брокгауз-Ефрон», 1911. – Т. 3. – С. 67–69.
8. *Лосский Н.О.* История русской философии. – М.: Высшая школа, 1991. – 560 с.
9. *Мережковский Д.С.* Большая Россия. – Л.: Издательство ЛГУ, 1991. – 267 с.
10. *Митрополит Антоний (Храповицкий)*. Собрание сочинений (в двух томах). – М.: Даръ, 2007. – Т. 2. – 1024 с.
11. *Митрополит Антоний (Храповицкий)* Избранные труды, письма, материалы. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. – 1056 с.
12. *Розанов В.В.* Около церковных стен. – СПб.: Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1906. – Т. 2. – 497 с.
13. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. О писательстве и писателях. – М.: Издательство «Республика», 1995. – 735 с.

КОСТРОМСКАЯ ПОЛИЦИЯ ОТ СОЗДАНИЯ ДО 1917 ГОДА (краткий очерк)

В статье на основе широкого круга источников и исследовательской литературы, рассмотрены проблемы становления и развития костромской полиции вплоть до 1917 г. Показано, что главная обязанность полиции состояла в исполнении законов и в наблюдении за их точным исполнением, а также за исполнением постановлений и особых распоряжений правительства, принятием мер для прекращения возникающих беспорядков. Помимо этой главной обязанности полиция занималась и массой повседневных, рутинных дел: от контроля за своевременной чисткой дорог и улиц от снега в зимнее время года до раскрытия убийств уголовного и бытового характера.

Ключевые слова: костромская полиция, полицмейстер, участковый пристав, полицейское городское управление, деятельность сотрудников полиции.

Развитие общественных отношений в населенных пунктах Российской империи в XVIII веке обусловило необходимость создания специальных органов, призванных поддерживать порядок и безопасность в общественных местах. В 1718 году в Санкт-Петербурге утверждается должность генерал-полицмейстера, в обязанность которого вменялась организация работы по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. Положительные результаты его деятельности способствовали учреждению четырьмя годами позже аналогичной должности в Москве. Спустя несколько лет должность полицмейстера была учреждена, и назначенные на нее чиновники приступили к выполнению служебных обязанностей в ряде крупных в то время городов Российской империи – Астрахани, Кронштадте, Шлиссельбурге, Ладоге [13, с. 23].

Первые представители полиции появились в Костроме в 1774 году. Должность их называлась «будочные». Рабочим местом им служило отдельное небольшое помещение на улице. Будочных набирали из числа грамотных горожан, правда, из-за низкой зарплаты, желающих поступить на службу было немного. Ее обеспечивали сами граждане: с каждого костромского двора регулярно взималось по 40 копеек для оплаты труда стражей порядка.

Постепенно во всех уездных городах Костромской губернии также учреждается полиция. Так, в Макарьево полиция была создана в 1798 г. В «Положении о полиции в уездном городе Макарьево» говорилось, что город делится на три квартала. В этих кварталах выбиралось по надзирателю из мещан, «достойных звания сего людей», которым платили жалование 50 рублей в год. Квартальным подчинялись трубочисты, которых ежегодно выбирали также из мещан. Кроме того, на квартальных возлагалось и содержание в надлежащем порядке противопожарной службы.

В каждом квартале устанавливалось по одной теплой будке, в которой постоянно находилось до трех человек «стражей» из обывателей с жалованием по 18 рублей в год. Конечно, по своей воле

нанять караульных с таким жалованием было практически невозможно. Поэтому из числа городских жителей выбирали в караульные одного человека с десяти дворов. Между ними устанавливалась соответствующая очередь.

Каждый макарьевский караульный должен был быть одет в шинель и картуз такого цвета, каков был соответствующий присланный из столицы образец. При каждой будке караульным вменялось иметь при себе трещотку. В «Положении о полиции в уездном городе Макарьево» также говорилось, что «...при будках быть рогаткам для закидывания в случае надобности улиц» [1, л. 48]. Что это означает? До Петра Великого рогатками назывались грубо сколоченные козлы из тонких и толстых бревен, которыми перегораживали улицы древних городов в ночное время. Рогатки выставлялись в населенных пунктах для предотвращения неожиданных атак неприятеля. Особенно эффективно рогатки действовали против его конницы, которая и являлась главной опасностью для русских городов в военное время. В петровские времена рогатка, или как ее стали официально называть шлагбаум, должна была служить препятствием для всяких «лихих людей», т.е. разбойников, бунтовщиков и т.п. Здесь также взимали сборы и проверяли документы – так называемые подорожные.

В 1775 г. была создана сельская полиция. В каждом уезде местные дворяне на своих собраниях выдвигали несколько кандидатур в нижний земский суд, исполнявший административно-полицейские и судебные функции [16, с. 19]. Непосредственной опорой и помощниками нижнего земского суда в деревнях и селах были сотские, пятидесятские и десятские, избравшиеся из крестьян. Сельская полиция появляется в конце XVIII в. и в Костромской губернии.

Важной вехой в становлении и развитии института полиции являлось издание в 1782 году «Устава благочиния, или полицейского», который преобразовывал старые полицейские учреждения в новые городские административно-полицейские органы – управы благочиния. Уставом вводились специаль-

ные служащие городской полиции, определялись ее задачи и компетенция [13, с. 24]. Состав управы благочиния был определен (в губернских городах – полицмейстер, в уездных – городничий). Также в состав управы входили два пристава (уголовных и гражданских дел) и два советника. Они назывались ратманы. Последние избирались горожанами на три года из наиболее авторитетных и уважаемых представителей городского купечества и ремесленников. В государственном архиве Костромской области (ГАКО) нами был найден документ за 1863 г. о представлении избранных ратманов в костромскую полицию. Это происходило следующим образом. Костромской уездный предводитель дворянства предъявлял в Присутствие костромской полиции отношение губернского правления о введении в управление полиции избранных костромским обществом двух ратманов: купца 3-й гильдии Александра Андреевича Трусова и «купеческого брата» Ивана Ивановича Баулина. После этого Костромское полицейское управление кооптировало избранных ратманов в свой состав [6, л. 32].

Управа благочиния подчинялась непосредственно губернскому правлению. Город делился на части (в конце XVIII в. Кострома была разделена на две части – Александровскую и Константиновскую), каждая из которых возглавлялась частным приставом. Части делились на кварталы во главе с квартальным надзирателем. Все они считались гражданскими чиновниками (но некоторые из них были отставными военными). В их распоряжении была полувоенная полицейская стража, пожарные команды и дворники (обычно организованные в артели с круговой порукой).

Согласно Уставу 1782 года костромских полицейских перевели на государственное обеспечение. Жалование выросло до ста рублей в год. Вместе с тем прибавилось и обязанностей: полицейские должны были не только охранять покой населения, но и следить за состоянием дорог в уездных городах, контролировать заболеваемость в губернии, и даже выполнять роль цензоров. К примеру, предварительно просматривать новые спектакли, которые привозили в Кострому гастролирующие артисты. К показу постановки допускались только после одобрения полиции. Нужно сказать, что

отношение костромской полиции к театральным постановкам не поменялось и сто лет спустя. И в конце XIX в. в обязанности полиции вменялось «...дозволять к представлению и устройству театральные пьесы», которые ставились Костромским городским театром. Полицейскими составлялись списки артистов, находившихся в Костроме и служащих на сцене городского театра. В списках указывалась настоящие фамилия, имя, отчество актера, его псевдоним на сцене, какие роли исполнял, и составлялась его краткая характеристика. А костромские режиссеры, в свою очередь, давали официальную подписку костромскому полицмейстеру, что актеры обязуются играть в соответствии с распоряжениями Главного управления по делам печати. Под контроль полиции брались не только профессиональные актеры, но и любители. Так, например, 21 января 1891 г. министерством внутренних дел Костромского губернатора было разрешено устроить попечительницам Мариинского детского приюта благотворительный спектакль в пользу детей этого приюта [2, л. 10, 22, 29].

Во второй половине 50-х – начале 60 годов XIX века был предпринят ряд мер по реформированию полиции. 25 марта 1859 года Александр II утвердил «Главные начала для устройства уездной полиции». Из обязанностей полиции были исключены следственные и хозяйственно-распорядительные функции, а в июле 1860 года учреждается институт судебных следователей, тем самым из ведения полиции выделяется проведение следствия. Уточняются полномочия полиции по производству дознания.

В 1861 году Александр II утверждает «Временный наказ полициям для действия в чрезвычайных ситуациях», в 1862 году – «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах», которые должны были изменить структуру и организацию деятельности полиции. В соответствии с «Временными правилами...», городская и земская полиция объединялись в уездную полицию. В столице и губернских городах сохранялась отдельная от уездной городская полиция. В городе начальником полиции оставался полицмейстер, возглавлявший городское полицейское управление.

Костромское Городское полицейское управление в 1879 г. состояло из полицмейстера, двух

Таблица 1

Штатная численность чиновников полиции в городе Костроме на 1805 и 1817 гг., чел.

Должность	1805 г.	1817 г.
Полицейстер	1	1
Частный пристав	2	2
Квартальный надзиратель	4	8
Секретарь	–	1
Брантмейстер	–	1
Писари	–	2
Итого	7	15

приставов, пяти их помощников и шести низших полицейских служащих. В их ведении находилось более 30 тыс. жителей, как сказано в документе, «проживавших на значительном пространстве во все стороны с причисленными слободами за реками Волгой и Костромой». Из Костромы выходило четыре почтовых и торговых тракта, находилось 53 трактирных и 135 «других заведений», торгующих винно-водочными изделиями. В городе насчитывалось 6 фабричных заведений, 31 завод с 4510 рабочими, которые требовали особого усиленного надзора [7, л. 9].

Основным элементом городской полиции оставался участок, руководимый участковым приставом. В ГАКО сохранился рапорт от 1 июля 1889 г. о вступлении в должность пристава 1-й части г. Костромы Волкова. Он вступал в должность по предписанию Костромского городского полицейского управления и утверждения этого предписания губернатором. [2, л. 16]

В подчинении участкового пристава был один офицер и один канцелярский служащий, участки делились на околотки, во главе которых стояли околоточные надзиратели. Те, в свою очередь, руководили городскими постовой службой и дворниками как низшими чинами полиции [18, с. 26]. Порядок замещения начальника уездной полиции (уездного исправника) по выбору от дворян был изменен. Исправники и их помощники назначались губернатором, который считался их непосредственным начальником. С 1874 года в ведение исправника перешел сбор податей, выкупных платежей и другие вопросы, относившиеся ранее к компетенции земских мировых посредников.

Уезды делились на станы, полицейские функции в которых выполняли становые приставы. Костромские уезды делились на станы на основании истребованных от уездных исправников отзывов. «Удовлетворительное и равномерное» деление на станы признавалось необходимым для улучшения полицейского дела и «...облегчения полиции при исполнении лежащих на ней обязанностей» [4, л. 10].

Деятельность урядников строилась на основе Инструкции полицейским урядникам, разработанной Департаментом полиции в 1878 году. Урядник, подчиненный становым приставам, стал низшим звеном профессиональной уездной полиции. В прямом подчинении урядника находились сотские и десятские. В случаях, когда происшествие на участке урядника содержало признаки политического преступления, урядник обязан был сообщить об этом судебному следователю и жандармскому офицеру.

Отрицательно сказывалась на деятельности полиции разобщенность действий на горизонтальном уровне: урядники производили розыски только в пределах своего участка, становые приставы – своего стана. Взаимодействие урядников между

собой и приставов разных станов практически отсутствовало. Отсутствие согласованности при проведении дознаний снижало эффективность полицейско-розыскной работы, особенно в таких делах, как конокрадство, серийные кражи и т.п.

Самым слабым звеном уездной полиции были сотские и десятские, которые не имели ни желания, ни способностей для выполнения обременительной полицейской повинности. Избирались они от сельских обществ на год в порядке очередности [14, с. 226]. Так, из документа под названием «Личный состав сотских, десятских, волосных старшин, старост и волостных писарей по Костромской губернии за 1879 г.» мы узнаем, что в губернии десятских по очереди было 7207 человек, по выбору – 3378 человек, по найму – 71 человек. Сотских – по выбору 616 человек, из них 145 грамотных, по найму – 183 (45 грамотных) [9, л. 1]. В 1903 г. институт «выборных от крестьян нижних чинов» был заменен постоянной полицейской стражей.

Теперь хотелось бы остановиться на практической деятельности костромской полиции в начале XX в. Канцелярия Костромского полицмейстера в этот период делилась на 3 стола (отделения): следственное, арестантское, солдатское (по исполнению воинской повинности). Даже по названиям столов можно судить о характере вопросов, с которыми приходилось сталкиваться костромской полиции. Сотрудники полиции солдатского стола составляли алфавитные списки запасных нижних чинов, проживающих в Костроме, и следили за их отлучками с места жительства, делая соответствующие отметки. Причем следили и за членами их семей. Так, в Государственном архиве Костромской области имеется документ, в котором сам костромской полицмейстер требует немедленно дознать и довести до его сведения «...выбыла из Костромы в Ярославль ко своему мужу жена запасного рядового Анна Иванова. Если не выбыла, то принудить ее выбыть в Ярославль» [12, л. 5].

Арестантский стол заведовал перемещением и содержанием арестантов, которых проводили через губернию или содержали в местах заключения. Составлялись ежемесячные ведомости арестантов по следующей форме (см. табл. 2).

Следственный стол занимался всеми остальными делами, касающимися полиции. Это были дела о выдаче купчих, о вводе во владение землею, о духовных завещаниях, об опекунстве, о передаче имений за долги, о взыскании денег по вексям и распискам, об оскорблении, о призыве на службу, о самовольной порубке леса, сведения о фабриках, заводах и промышленных заведениях, о справочных ценах на продовольствие, о земельных спорах, о незаконной торговле, о выдаче паспортов, о взыскании недоимок, о соляных оборотах, выдаче свидетельств о благонадежности, об умерших, о самоубийцах, о разрешении собраний, о кражах,

**Ведомость числа арестантов, содержавшихся при 2-й части
г. Костромы за январь месяц 1892 г. [5, л. 88]**

Вновь поступили в камеры заключения	Переведено в другие разряды	Вновь вышло из мест заключения	Всего осталось арестантов на 1 февраля	Общее число суток, проведенных арестантами в течение месяца	Высший Однодневный состав арестантов	Наибольший однодневный состав арестантов
мужчин			женщин			

о розыске (беглых, пропавших, воров, убийц, собак, лошадей), о надзоре за определенными лицами и иностранцами, о благоустройстве города и т.п. Приставы должны даже были отслеживать крестьян, которые занимались незаконным промыслом извоза без взятия на то знака из городской управы, и, не уплатив, соответственно, необходимого налога [16, с. 196].

А вот, например, как полиция следила за уборкой улиц в зимнее время в г. Костроме. Приставу 2-части костромской полицмейстер пишет такое предписание: «При проезде мною по Мещанской улице замечено, что на дороге образовались большие ухабы, неудобные для проезда, а сгребенный с тротуара снег не свозится в определенное место, как требуется обязательным постановлением Городской думы п. 1., а остается на той же улице. Предписываю привести улицу в надлежащий порядок». В следующем предписании говорится, что для «исправления улиц от ухабов, раскатов и заносов» теперь нельзя, как раньше использовать арестантов. Поэтому расчистка улиц должна осуществляться силами домовладельцев. Далее уже пристав 2-го участка вручает повестку под роспись всем домовладельцам, где им предлагается убрать весь снег с проезжей части, а тротуары посыпать песком. Сделать это необходимо в течение одной недели. Те, кто не выполнял это распоряжение, привлекались по статье 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [8, л. 2].

Анализируя состав дел фонда полицейского городского управления, можно сказать следующее: с начала XIX в. и до 1890-х гг. преобладали дела, затрагивающие разные стороны повседневной бытовой жизни человека и общества. В 1890-х гг. появляется много дел о надзоре за неблагонадежными лицами. С начала XX в. политические дела преобладают. Это была общероссийская тенденция. Костромская полиция осуществляла гласный и негласный надзор, проводила дознания и сбор сведений о поведении и нравственных качествах тех или иных лиц.

Вот что представлял собой лист негласного надзора, разработанный Костромским полицейским управлением:

1. Фамилия, Имя, Отчество.
2. Вероисповедание.
3. Звание и происхождение.

4. Время и место рождения.
5. Место проживания.
6. Занятие и образ жизни.
7. Ближайшие родственники.
8. Сведения обо всех передвижениях поднадзорного за пределы Костромы [7, л. 142].

В Российской империи неблагонадежным можно было стать не только по политическим, но и по этническим принципам. Так, в конце XIX – начале XX вв. неблагонадежными оказывались евреи. Это произошло потому, что государственный и общественный антисемитизм в России, выразившийся в установлении черты оседлости, в массовых еврейских погромах, в ущемлении политических и юридических прав еврейского народа, подтолкнул наиболее радикальных представителей этого народа в деструктивные, революционные, террористические организации. Если проследить национальный состав таких партий и организаций, как социалисты-революционеры, социал-демократы, анархисты и т.п., то можно увидеть большой процент членства в них именно евреев. Это спровоцировало, в свою очередь, власти всех уровней на подозрительное отношение к ним. В Костромском государственном архиве нами было найдено множество доказательств этого. Вот, например, «Наряд Костромского городского полицейского управления о евреях, проживающих в г. Костроме» за 1902 г. В этом наряде был представлен список евреев, исправленный по сравнению с аналогичным списком 1899 г. Далее костромской полицмейстер предписывал всем участковым и приставам сверить по этим спискам всех евреев на предмет наличия у них документов. Что из себя представляли эти документы? 1) Свидетельство о знании своего мастерства и занимается ли он им. 2) Свидетельство о нравственных качествах данного еврея от полиции, как с места его оседлости, так и с того города, откуда он прибыл в Кострому. В списках делались отметки об убывших, умерших и прибывших в город, причем последние должны были предоставить соответствующее «...разрешение, на основании чего они поселились на жительство». О всех вновь прибывших и убывших евреях необходимо было немедленно доносить костромскому полицмейстеру. Если евреи не занимались своим ремеслом, то их выселяли в черту оседлости [10, л. 16, 29, 37, 44].

Полицейская цензура также была важной составной частью работы костромской полиции. Министерство внутренних дел требовало от костромского полицмейстера на основании пункта 3 примечания к статье 175 Устава о цензуре и печати (издание 1890 г.) признать необходимым препятствовать книгообращению в публичных библиотеках и общественных читальнях второго тома сочинения К. Макса «Капитал: критика политической экономии». В борьбе с печатными изданиями полицейские цензоры доходили иногда, на наш взгляд до абсурда». Так, полицмейстер предписывал приставу 2-й части разрешить торговому дому «М.Н. Чумакова» приобрести скоропечатную машину, с тем условием, что работа на ней будет ограничиваться только «печатание этикеток исключительно для принадлежностей торговой фирмы, и ни чем более» [11, л. 6, 9].

В рамках работы костромской полиции хотелось бы коротко остановиться на проблемах уголовного сыска, который был создан только в 1908 г. В ведении Сысского отделения были розыск и задержание преступников по уголовным делам (кражи, убийства и т.п.), регистрация и фотографирование преступников, работа с агентурой (негласными агентами). Раскрытые дела передавались приставам и судебным следователям для дальнейшего следствия и рассмотрения на заседаниях окружного суда. Самыми распространенными преступлениями в городе в начале XX в. были различные виды краж. Количество преступлений неуклонно возрастало, что отражало общую динамику преступности в России. Костромская губерния в этом плане немногим отличалась от других губерний. Криминальная ситуация в Костроме, как и по всей стране, ухудшилась в связи с революционным движением.

Внутреннее положение в стране, а также рост революционного движения, заставляли правительство постоянно выискивать пути усиления органов, занимавшихся обеспечением внутренней опасности в стране. Для всеобщего охвата и контроля территорий император Николай II своим Указом от 28 июня 1903 года создает полицейскую стражу. Костромская губерния вошла в число тех, где стража была образована.

Стража состояла из урядников и стражников, которые могли быть как пешими, так и конными. В каждой Костромской волости предполагалось разместить одного урядника и отряд стражников, из расчета один стражник на две с половиной тысячи жителей. Все чины уездной полицейской стражи находились на действительной государственной службе, но правом на производство в классные чины и на пенсии из государственного казначейства они не пользовались. В стражники зачислялись только русские поданные, достигшие 25 лет, обладающие хорошим здоровьем, преимущественно из отставных или уволенных в запас нижних во-

инских чинов, умеющих писать, читать и обладавших «общим достаточным развитием».

Всего в Костромской губернии размещалось 133 конных стражника и 534 пеших.

Создание полицейской уездной стражи позволило улучшить контроль за территорией губернии. Становые приставы опирались на стражу как на вооруженную охрану. Жандармы, которые осуществляли по строевой части руководство полицейской стражей, старались использовать стражников для подавления различных бунтов и выступлений населения [17, с. 123–136].

После Февральской революции, в начале марта 1917 г., все полицейские и жандармские чины (начальники управлений, приставы, надзиратели, помощники надзирателей) были арестованы, но, спустя некоторое время, отпущены на свободу. В их личных делах появилась копия приказа Костромского губернского комиссара от 17 ноября 1917 г. об увольнении с 26 марта 1917 г. «за упразднение вследствие государственного переворота полиции».

Библиографический список

1. ГАКО. – Ф. 133. – Оп. 1. – Д. 561.
2. ГАКО. – Ф. 281. – Оп. 1. – Д. 52.
3. ГАКО. – Ф. 281. – Оп. 1. – Д. 89.
4. ГАКО. – Ф. 281. – Оп. 1. – Д. 79.
5. ГАКО. – Ф. 281. – Оп. 1. – Д. 932.
6. ГАКО. – Ф. 281. – Оп. 2. – Д. 54.
7. ГАКО. – Ф. 281. – Оп. 2. – Д. 935.
8. ГАКО. – Ф. 281. – Оп. 5 (б/с). – Д. 1.
9. ГАКО. – Ф. 281. – Оп. 1. – Д. 89.
10. ГАКО. – Ф. 281. – Оп. 2. – Д. 1122.
11. ГАКО. – Ф. 281. – Оп. 2. – Д. 982.
12. ГАКО. – Ф. 281. – Оп. 2. – Д. 988.
13. Дуганец А.С., Мухортов А.А. Организационно-правовые формы деятельности городской полиции России в конце 18 века // Административное право и процесс. – 2007. – № 5. – С. 23–25.
14. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983. – 344 с.
15. Красильников С.В. Сельская полиция и ее место в системе органов местного самоуправления во второй половине 18 века // История государства и права. – 2009. – № 2. – С. 18–22.
16. Новожилова Л.Н. На страже «благочиния, добронравия и порядка». Правоохранительные органы Костромы в конце XIX – начале XX вв. // Костромская старина. – 2002. – С. 193–200.
17. Рябинцев Р.В. Становление и развитие системы органов политического сыска в российской провинции в 1880–1914 гг.: на материалах Костромской губернии: дис. ... канд. ист. наук. – Кострома, 2004. – 234 с.
18. Седунов А.В. Реформирования исполнительной полиции России во второй половине XIX – начале XX в. // Миграционное право. – 2006. – № 3. – С. 25–29.

Белов Андрей Михайлович

доктор исторических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
istclass@ksu.edu.ru

Сулоев Иван Николаевич

Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
iwdoroga@mail.ru

СЕЛЬСКИЙ СХОД В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (на материалах Костромской и Ярославской губернии)

В период первой российской революции в стране появляются новые общественные институты: 6 августа 1905 г. учреждается Государственная дума, образуется множество общественно-политических организаций. Затронули перемены и патриархальную деревню, которая попадает в водоворот революционных событий. В отечественной историографии роль сельских сходов в период революционных потрясений 1905–1907 гг. комплексно не изучалась. В настоящей статье ставится задача рассмотрения трансформации сельских сходов в Верхнем Поволжье период первой российской революции. Исследование основано на различных группах источников: как неопубликованных, так и опубликованных. В начале XX века органом самоуправления в деревне являлся сельский сход, на котором избирали сельского старосту и других должностных лиц. Сельский сход был традиционным механизмом решения социально-экономических проблем в сельском обществе. В условиях революции 1905–1907 гг. сельский сход в Верхнем Поволжье вытягивается в общественно-политическую жизнь страны, принимая на себя функции взаимодействия крестьянского общества и власти. Поэтому в эту связку стремились включиться политические партии и организации, которые через сельский сход пытались воздействовать на власть. В свою очередь, правительство понимало это и старалось препятствовать созыву сходов.

Ключевые слова: сельский сход, митинги, крестьяне, революция, политические партии, Государственная дума.

В период первой российской революции в стране появляются новые общественные институты: 6 августа 1905 г. учреждается Государственная дума, образуются политические партии: кадеты, октябристы, Союз русского народа, а также общественные организации: Всероссийский Крестьянский союз, Крестьянский союз партии социалистов-революционеров и др. Затронули перемены и патриархальную деревню, которая попадает в водоворот революционных событий.

В начале XX века органом самоуправления в деревне был сельский сход, на котором проявилось свойственное русскому крестьянству коллективное решение назревших проблем [9]. В условиях революции это стало рассматриваться как стремление к народовластию. Крестьянский сход избирал сельского старосту и других должностных лиц. По мнению исследователей, «решение общественных дел миром – бытовая черта русского народа» [1, с. 51]. Именно сход был традиционным местом решения социально-экономических проблем в сельском обществе. Сход созывался весной перед началом полевых работ и поздней осенью для учета казенных и мирских повинностей [1, с. 51], проходил в съезжей избе или «въезжих» домах, которые снимало общество, либо, в случае их отсутствия, сельские жители собирались на деревенской площади. На сходе присутствовали крестьяне-домохозяева или, если они ушли на заработки в города, их жёны.

В отечественной историографии роль сельских сходов в период революционных потрясений 1905–1907 гг. комплексно не изучалась [1; 7], обращались к данной проблеме лишь в связи с изучением крестьянского движения.

В настоящей статье ставится задача рассмотрения трансформации сельских сходов в Верхнем Поволжье периода первой российской революции из организации крестьян для решения сельских проблем в первичную общественно-политическую ячейку жизни русской деревни.

Исследование основано на различных группах источников как неопубликованных [9; 12; 25; 22], так и опубликованных [23].

С началом революции изменяется общественно-политическая обстановка в стране. В промышленных районах начинаются стачки рабочих, а в городах – демонстрации и протесты учащейся молодёжи. Летом 1905 г. царь идёт навстречу общественным требованиям и учреждает Государственную думу. Согласно положению о Думе, «выборные от сельских жителей избираются волостными сходами из числа крестьян, принадлежащих к составу сельских обществ данной волости» [21, стб. 26656]. Следовательно, сельский сход рассматривался как звено в цепи выборов депутатов Государственной думы. Вскоре появляется «октябрьский манифест», после которого в стране легализуются политические партии и организации: кадеты, октябристы, Союз русского народа, а также революционные (РСДРП, ПСР), Всероссийский крестьянский союз и другие. При этом все политические объединения стремятся воздействовать на крестьян с целью обретения поддержки сельских избирателей. В конце 1905 г. начинается активная деятельность агитаторов политических партий в сельской местности.

Взросшая общественная активность отразилось на крестьянских сходах, которые начинают созываться во внеурочное время, т.е. в период по-

левых работ. Так, 18 сентября 1905 г. собрался сельский сход домохозяев деревень Слудки, Кулемиха, Копотики и Курилова Глушковской волости Ветлжуского уезда [17]. Сход сельских жителей д. Игнатова большого Юрьевоцкого уезда Костромской губернии созывался в разгар посевной – 15 мая 1906 г. [23, с. 182], а 30 июня 1906 г. созывался сход крестьян Балахоновского сельского общества Мелечкинской волости Юрьевоцкого уезда [23, с. 300]. В Ярославской губернии также меняется время проведения сельских сходов. Так, 5 ноября 1905 г. прошёл сход крестьян с. Косьмодемьянская Щетининской волости Пошехонского уезда, а 2 декабря 1905 г. – сход крестьян Ермаковской волости Пошехонского уезда [6, л. 74]. Причина новых явлений – вовлечение крестьян в общественно-политическую жизнь страны.

На сельских сходах появляются агитаторы политических партий. Так, сельские жители Никитинской волости Нерехтского уезда обратились к одному из членов конституционно-демократической партии с просьбой приехать к ним, чтобы «поговорить с мужичками о всех нуждах» [11]. Приглашали к себе агитаторов – кадетов и жители с. Писцово того же уезда [11]. Таким образом, сельские обыватели проявляют интерес к происходящим событиям и требуют разъяснений. Один из источников информации они видят в приезжих агитаторах. На сходе крестьян Тонкинской волости Варнавинского уезда 6 ноября 1905 г. присутствовали члены местной социал-демократической группы. Агитаторы перед собравшимися жителями говорили «зажигательные речи» и читали антиправительственные воззвания [3, л. 3]. Это привело к политической дифференциации крестьян. Одна часть крестьян, совместно с агитаторами, отправилась в квартиру агитатора социал-демократа Долгушева, находившуюся при земской аптеке для продолжения составления приговора. В то же время группа оставшихся крестьян, не желавших участвовать в написании «незаконного» приговора, выразила желание разнести это «осиное гнездо» [3, л. 3]. Таким образом, под воздействием агитации на сельском сходе, часть сельских жителей начинает поддерживать революционные идеи. При этом реакция крестьян иногда была и агрессивной. Особенно если революционные ораторы не учитывали традиционных представлений русской деревни. Так, в с. Ликурга Буйского уезда в конце 1905 г. на сходе-митинге оратор социалист-революционер резко высказался против царя. Но крестьяне по окончании речи заявили, что они «стоят за царя и слушать его больше не станут». После этого толпа монархистов набросилась на оратора и избил его. Через некоторое время был созван второй сход. Явился тот же оратор, который предложил собравшимся спеть «Царь небесный» и «Стои, Господи, люди, твоя», что было охотно исполнено.

После пения оратор произнёс ту же речь, на ту же тему, что и на предыдущем собрании, и на этот раз крестьяне слушали охотно и согласились ещё устроить митинг [15]. Таким образом, крестьянские сельские сходы проявляли большую устойчивость к проникновению революционных идей.

Ещё одним проявлением нового в общественно-политической жизни деревни конца 1905 – начала 1906 гг. стали факты не допущения представителей власти на сходы, крестьяне обсуждали события, происходившие в России. В Чухломском уезде Костромской губернии в феврале 1906 г., по сведениям газет, в деревне проявляется усиленный интерес к «политике». Сельские жители собирают сходы, на которых широко обсуждают как общегосударственные вопросы, так и вопросы, касающиеся непосредственно деревни, местная администрация при этом на сходы не допускается [15]. Всё это свидетельствует о новых явлениях, желании крестьян самостоятельно решать и обсуждать интересующие их проблемы и события. Вместе с тем доверие к старосте, как посреднику между крестьянством и земством, сохранилось. Он продолжал возглавлять сход. Так, на сходе крестьян с. Сельца и д. Борики Ростовского уезда Ярославской губернии 16 апреля 1906 г. присутствовал староста Дмитрий Савогин [23, с. 171].

Учреждение русского парламента и объявление «октябрьского манифеста» вызвало живой интерес в сельской среде. Крестьяне активно начинают обсуждать нововведения на сходах. Сход крестьян сёл Борского, Васильевского, Родники Юрьевоцкого уезда Костромской губернии собрался 9 октября 1905 г. для рассмотрения царского положения (Булыгинская – И.С.) о Государственной думе [23, с. 71]. Крестьяне с недоверием относятся к объявленным им манифестам. В Кинешемском уезде сельские жители в самом начале чтения «октябрьского манифеста» отнеслись к нему крайне скептически, и под конец и прямо заявили, «что этот манифест подложный, требуя от земского начальника показать им настоящий, где им обещана прирезка земли» [10]. Таким образом, революционная обстановка и повышенные ожидания крестьян порождают недоверие к власти.

Осенью 1905 г. фактически начинается избирательная кампания в Государственную думу. В ходе выборов сельский сход становится первичной ячейкой в многоступенчатых выборах от крестьянского сословия России. Сельские жители выбирают уполномоченных в уездные избирательные комиссии. Сход крестьян Тонкинской волости Варнавинского уезда Костромской губернии собрался 6 ноября 1905 г. для выборов уполномоченных в Государственную думу [3, л. 3]. На сходах сельские жители избирают своих выборщиков от волости. Так, крестьяне Кондауровской волости Костромской губернии, «наслышанные об от-

радных манифестах батюшки Царя, помазанника Божьего, от 6 августа и 17 октября, об участии в Государственной думе бедно-крестьянского населения, и о том, что можно говорить правду», созывать сходы и собрания для того, чтобы выбирать «из среды крестьян верных людей нашей родины». Поэтому 4 декабря 1905 года на сходе с «общего согласия, в присутствии всей волости выбрали ходатая, которого мы считали лучшим из нас» [12]. Следовательно, сельские сходы постепенно втягиваются в общероссийские общественно-политические процессы.

Под влиянием агитации крестьяне на сходах принимают решения о присоединении к политическим и общественным организациям. 4 декабря 1905 г. собрался сход жителей деревень Соколова, Давыдова, Семенова Новосёловского общества Шунгенской волости Костромского уезда Костромской губернии для вступления во Всероссийский Крестьянский союз (ВКС) [18]. Сельский сход жителей с. Косьмодемьянская Пошехонского уезда Ярославской губернии 5 ноября 1905 г. собрался для вступления в ВКС [23, с. 92]. Таким образом, сход способствует росту политического самосознания и присоединения крестьян к общественным организациям или политическим партиям. Вот как описывает создание партийной группы социалистов-революционеров один из современников: «Является из города “оратор”. Призывает крестьянина:

– Скажите пожалуйста, у вас есть здесь сознательные крестьяне?

– Да, стало быть, найдутся.

– Соберите их всех, я сегодня вечером поговорю с ними.

Собираются “сознательные” крестьяне. Агитатор начинает говорить. В заключении оканчивает: “Вы согласны с тем, чтобы земля отошла к вам в уравнительное землепользование? Согласны с тем, чтобы у нас была республика (подобный вопрос задаётся не везде и не всегда)». Крестьяне соглашаются. “Ну так вот, – говорит “оратор”, – есть так называемая партия, которая всего этого добьётся. Называется она партией с–р. Вам необходимо примкнуть к этой партии: тогда мы организованней скорее добьёмся всего”. Крестьяне, не отдавая себе отчёта ни в партии ни в республике, примыкают и начинают считать себя с–р» [8, с. 12]. Таким образом, сельские обыватели в условиях ослабления самодержавия надеются решить земельный вопрос с помощью политических и общественных организаций. Вместе с тем, партийный выбор не был устойчивым и зависел от симпатий лидеров крестьян в той или иной деревне. Так, во время предвыборной кампании весной 1906 г. политические партии используют сходы для разъяснения сельским избирателям предложений по решению аграрного вопроса. В Кулиго-Марьинской волости

Нерехтского уезда Костромской губернии, «местный крестьянин Н.А. Кузнецов, состоящий председателем местной группы кадетской группы, до открытия волостного схода обратился к избирателям с речью и стал читать брошюру о чиновниках и народном правлении» [25].

В тоже время особенностью крестьянского мира было стремление обязать своих избранников к выполнению главного народного чаяния – земли. Эти настроения трансформируются в своеобразную форму приговоров и наказов крестьянских сходов. Значительная часть сходов собирается в мае – июне 1906 г., в период сессии I Государственной думы, для составления и отправки приговоров и наказов в Государственную думу своим избранникам. С 4 мая по 1 июля 1906 г. крестьяне Костромской губернии составили и отправили 46 приговоров и наказов из них 31 – всей Думе в целом, 4 – кадету И.В. Замыслову, 3 – Трудовой группе, 2 – трудовику П.Д. Горохову, 1 – кадету председателю Государственной думы, 1 – РСДРП, 1 – Рабочей группе, 1 – П.Д. Горохову и П.А. Сафонову, 1 – кадету Н.А. Огородникову, 1 – П.А. Сафонову. Таким образом, круг адресатов был довольно широким. Тем не менее, в качестве главного адресата преобладала Государственная дума в целом. Так, 14 мая 1906 г. под председательством волостного старшины Ф.П. Голубева, собрался сход крестьян Кондауровской волости Юрьевецкого уезда для составления приговора в Государственную думу. На сходе присутствовало 136 крестьян из 189 домохозяев. Сход ходатайствовал перед Государственной думой о наделении сельских жителей бесплатной прирезкой в общинное пользование надельной земли [23, с. 182]. Не ранее 30 июня 1906 г. в присутствии сельского старосты Арсения Кондратьева Чернышева собрался сельский сход крестьян Балахонского сельского общества Юрьевецкого уезда. Сход постановил составить и направить приговор депутату Государственной думы от Юрьевецкого уезда трудовику П.Д. Горохову. В приговоре сельские жители просили прирезки земли и гражданских прав [23, с. 300]. Таким образом, в мае – июне 1906 г., несмотря на занятость крестьян сельскохозяйственными работами, количество сельских сходов значительно увеличивается. В Ярославской губернии сельские сходы также созываются. В мае – июне 1906 г. сельские жители составили и направили в Государственную думу 5 приговоров, из них 3 – Трудовой группе и по одному крестьянскому депутату А.М. Кострову и Думе в целом. В июне 1906 г. прошёл сельский сход крестьян Новинского общества Мологского уезда. В приговоре крестьяне выразили членам «Государственной думы искреннее пожелание в преуспевании их в деле народной пользы» [23, с. 300]. Таким образом, в Ярославской губернии, по сравнению с Костромской, количество созданных сходов меньше. Это

связано с тем, что в Ярославской губернии губернатор А.А. Римский-Корсаков всячески стремился ограничить избирательную активность [2, с. 70] и проводил аресты агитаторов других партий.

В ответ на присылаемые сельскими избирателями приговоры и наказания депутаты посещали уезды и отправляли в волостные правления отчёты о своей деятельности в парламенте, для оглашения их на сельских сходах. Так, член Государственной думы от Костромской губернии кадет И.В. Замыслов в июне 1906 г. посетил Костромскую губернию и провёл семь собраний, разъясняя сельским избирателям позицию партии кадетов в решении аграрного вопроса [24]. А после отъезда в Петербург 1 июля 1906 г. депутат прислал на имя уренского старшины краткий отчёт о работе Государственной думы и просил его прочитать крестьянам на волостных сходах для ознакомления» [16]. Однако старшина под давлением земского начальника этого не сделал. Таким образом, к концу деятельности I Думы власть пытается воспрепятствовать установлению прямой связи депутатов Государственной думы с сельскими сходами.

После разгона первого русского парламента бывшие депутаты Государственной думы собрались 10 июля 1906 г. в Выборге, где подписали «Народу от народных представителей». Выборгское воззвание распространялось активистами политических партий на территории Костромской и Ярославской губерний. Содержание манифеста объявлялось крестьянам на сходах. Так, сельский староста с. Сменцово Мышкинского уезда Ярославской губернии в начале августа 1906 г. созвал сельский сход, «на котором прочитал выборгский манифест». После этого староста пытался созвать волостной сход с целью объявления сельским жителям Выборгского возвания [27]. Следовательно, пропагандисты пытались использовать сельский сход для политической агитации и организации крестьянских волнений. С другой стороны после разгона Думы власть препятствовала проникновению агитаторов на сельские сходы.

В ходе выборов во вторую Государственную думу политические партии продолжают вести агитацию среди сельских избирателей через сельские сходы. Кадеты умело использовали сход в привлечении крестьянских голосов. Так, в начале 1907 г. в с. Диево-Городищенском Ярославского уезда одноимённой губернии члены волостной группы КДП старались попасть в выборные «десятидворные или агитировать за людей прогрессивных на сельских сходах или частных беседах» [4, л. 3]. Таким образом, избирательная кампания давала право на легальное выступление на сходе. В то же время радикальные призывы осознаются частью крестьян. Так, крестьянин д. Угл Рыбинского уезда Ярославской губернии в конце декабря 1906 г. на сходе «подстрекал своих односельчан к не плате-

жам податей» [5, л. 5]. Таким образом, в ходе выборов во вторую Думу политические партии при агитации стремились шире использовать возможности схода.

Вновь активизируются сельские сходы в ходе работы II Государственной думы в феврале – июне 1907 г. Крестьяне Костромской губернии направили в Думу девять приговоров, из них 2 – всем депутатам Думы, 2 – кадету П.Е. Юницкому, 2 – «представителю крестьян», 2 – председателю Думы, 1 – на имя пяти депутатов («Антонову, Галунову, Юницкому, Петерсену и Калинину»). Так, 5 марта 1907 г. состоялся сход крестьян селений Бурдова и Глебова Кологривского уезда в количестве 42 человек для «обсуждения вопросов, касающихся нужд и пользы крестьян» [23, с. 330]. В Ярославской губернии для составления приговора 23 февраля 1907 г. собрался сход крестьян д. Осмериц Иловенской волости Мологского уезда. Крестьяне единогласно просили отчуждения земли [26, л. 87]. Таким образом, в период деятельности второй Государственной думы крестьяне также продолжают созывать сходы для составления приговоров и наказов. Тем не менее, активность крестьян по сравнению с первой Государственной думой снижается.

Наряду с изменением характера деятельности сельского схода появляется и новое в содержании его деятельности. Агитаторы вместе с программными лозунгами приносят в сельскую среду радикальные призывы в решении крестьянских проблем. 9 октября 1905 г. крестьяне сёл Борского, Васильевского, Родники Юрьевоцкого уезда приняли резолюцию, в которой утверждали, что «лишь учредительное собрание может дать стране успокоение» [23, с. 71]. Резолюция, в отличие от приговора, категорична и отражает стремление агитаторов адаптировать формы борьбы пролетариата к сельским условиям. В декабре 1905 г. в связи с нарастанием рабочего движения в стране в сельскую местность проникают активисты политических партий, в деревнях проходят митинги. Так, 4 декабря 1905 г. в Высоковском волостном правлении Костромского уезда прошёл митинг, на котором присутствовали 200 крестьян и два священника. Митинг принял резолюцию, в которой потребовал выборы в Государственную думу на «основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права» [19]. 16 декабря 1905 г. в доме уездной земской управы состоялось собрание выборных от волостей в присутствии «посторонней публики». После «тщательного» обсуждения была вынесена социально-политическая резолюция [20]. Таким образом, наряду со сходами в деревнях проходят митинги, которые в конце 1905 г. становятся нормой сельской жизни. Другой формой трансформации сельского схода в условиях революции стали «народные сходки». Так, «народная сходка» состоялась в октябре 1905 г. в с. Бла-

говещение Маленковской волости Пошехонского уезда Ярославской губернии [23, с. 84]. Другой новой формой стали «народные собрания». 11 июня 1906 г. состоялось «народное собрание» жителей с. Минское Костромского уезда. «Собрание» потребовало «немедленной отставки министерства Горемыкина» и «замены его министерством Думского большинства» [14]. Следовательно, сельский сход под воздействием революционных потрясений постепенно трансформируется в другие виды организации жителей села – митинги и собрания.

Под влиянием революции стали заявлять свои права и женщины. 22 июня 1906 г. собрание женщин с. Уреня Варнавинского уезда направило в адрес депутата – кадета И.В. Замылова – приговор, в котором просило народного избранника выяснить вопрос о «равноправии женщин» [23, с. 79]. В конце июня 1906 г. крестьянки с. Зубарева и окрестных деревень Романо-Борисоглебского уезда Ярославской губернии направили депутатам Государственной думы заявление. В нём женщины выражают «глубочайшую благодарность тем членам <...> думы, которые самоотверженно отстаивают равноправие женщин» [23, с. 301]. Мы видим, что под воздействием революционных перемен первые шаги в деревне делает и борьба женщин за равноправие.

Таким образом, в условиях революции 1905–1907 гг. сельский сход в Верхнем Поволжье втягивается в общественно-политическую жизнь страны, принимая на себя функции взаимодействия крестьян, власти и общества. В эту связку стремились включиться политические партии и организации, которые через сельский сход пытались воздействовать на власть. Правительство понимало это и особенно с июля 1906 г. стремилось воспрепятствовать проникновению радикальных идей в деревню.

Библиографический список

1. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX в.). – М.; Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2004. – 304с.

2. *Белов А.М.* Партийное самоопределение интеллигенции провинции как отражение процессов политической модернизации России в 1905–1907 гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – № 3. – С. 69–72.

3. Государственный архив Костромской области. – Ф. 120. – Оп. 1. – Д. 516.

4. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 523. – Оп. 1. – Д. 415.

5. Государственный архив Ярославской области. – Ф. 906. – Оп. 1. – Д. 41.

6. Государственный архив Ярославской области. – Ф. 906. – Оп. 4. – Д. 548.

7. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. – М.: «Молодая гвардия», 1991. – 446 с.

8. Записки предателя П. Гребнёва. – Кострома: КНОИМК, 1918. – 32 с.

9. Костромич. – 1907. – 11 января.

10. Костромская жизнь. – 1906. – 11 января.

11. Костромская жизнь. – 1906. – 9 января.

12. Костромская речь. – 1906. – 28 марта.

13. Костромской голос. – 1906. – 10 февраля.

14. Костромской голос. – 1906. – 13 июня.

15. Костромской голос. – 1906. – 10 февраля.

16. Костромской край. – 1906. – 1 июля.

17. Костромской листок. – 1905. – 6 ноября.

18. Костромской листок. – 1905. – 4 декабря.

19. Костромской листок. – 1906. – 13 января.

20. Костромской листок. – 1905. – 18 декабря.

21. Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Государственная типография, 1908. – Собр. III. – Т. XXV. – Отделение 1-е.

22. Право. – 1906. – 8 апреля.

23. Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. Сборник статей / автор-сост. Л.Т. Сенчакова. – М: Эдиториал УРСС, 2000. – 416 с.

24. Речь (Государственная дума). – 1906. – 7(21) июня.

25. Речь. – 1906. – 9 марта (22 марта).

26. Центр документации Новейшей истории Ярославской области. – Ф. 394. – Оп. 5. – Д. 2.

27. Ярославские отголоски. – 1906. – 8 августа.

Макеева Екатерина Дмитриевна

кандидат исторических наук, доцент

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

makeeva.ed@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНОЙ ПРИРОДЫ В РОССИИ В 1917–1920-Х ГГ.

В условиях постоянного ухудшения экологической обстановки в мире все более острой и актуальной со временем становится проблема взаимоотношений общества и природы, поэтому большое значение приобретает изучение истоков этой проблемы, а также истории развития природоохранной политики, роли государственных и общественно-политических институтов в решении экологических проблем. Исследование исторического опыта организации работы государственных структур в сфере охраны природы позволяет извлечь определенные уроки и определить возможные пути дальнейшего совершенствования природоохранной практики современного российского государства. В статье описывается история становления системы социально-природного взаимодействия в России в 1917–1920-х гг., правовую базу которой составили первые декреты советской власти, а управленческую – государственные организации, занимавшиеся охраной природы в стране. Автор статьи рассматривает содержание природоохранной деятельности тех лет по ряду направлений: охрана леса, защита окружающей среды от промышленных загрязнений, борьба с браконьерством, экологическое просвещение, а также анализирует причины приостановки развития общегосударственной системы государственного управления охраной окружающей среды и ухудшения экологической ситуации к началу 1930-х гг. В статье представлены архивные документы, которые ранее не были опубликованы, что составляет научную новизну исследования.

Ключевые слова: охрана природы, природоохранная деятельность, общество и природа, природоохранное законодательство, государственное управление.

В советском периоде истории взаимодействия общества и природы большинство исследователей выделяет три этапа: первый этап охватывает 1917 г. – 1920-е гг., второй этап – 1930-е – 1950-е гг., третий этап – 1960-е – 1980-е гг. При этом одни авторы считают, что уже на первом этапе происходило формирование основ экологической политики советского государства [1, с. 12; 13, с. 31–32], а другие пишут о том, что и первый, и второй этапы характеризуются лишь становлением системы социально-природного взаимодействия [16, с. 102; 27, с. 49]. Вторая точка зрения, на наш взгляд, находится ближе к истине, так как реальная практика тех лет показывает, что деятельность государственных органов в данной сфере была направлена лишь на разработку механизмов природопользования и создание основ системы охраны природы.

Начало первого этапа истории взаимодействия общества и природы в Советской России было связано с революционными событиями и гражданской войной, которые не лучшим образом отразились на состоянии природной среды. Как отмечает Д. Вайнер, «угроза российской природе и ее охране исходила от анархической и бунтующей деревни, взбудораженной революцией» [3, с. 40]. На страницах журнала «Природа» в те годы описывалось немало случаев бессмысленного уничтожения парков, садов, лесов и усадеб в процессе расправы с их владельцами. Неоднократно поступали сведения о бесконтрольной рубке леса на местах и в Лесной департамент [17, л. 1–10]. Например, начальник нижегородского бывшего удельного округа в рапорте от 29 декабря 1917 г. отмечал «угрожающие размеры» и «стихийный характер» массовых порубок леса местным населением, действующим

«в сознании полной безнаказанности проступков», а также указывал на необходимость применения крайних мер, в связи с тем, что лесная стража, имеющая весьма небольшой состав, опасается за свою жизнь [22, л. 1].

Гражданская война нанесла серьезный ущерб и охотничьему хозяйству. Начальник научной разведочно-организационной экспедиции Ф.Ф. Шиллингер в докладной записке от 24 января 1920 г. отмечал, что в стране «почти повсеместно перестали соблюдаться самые элементарные правила охоты» [22, л. 26]. «Мы стоим перед грозящей опасностью лишиться многих из ценнейших промысловых и охотничьих животных, ввиду чего необходимо принять экстренные меры», – писал автор записки [22, л. 27].

В этих условиях Советская власть вынуждена была обратиться к решению проблем охраны природы на государственном уровне, и постепенно эта отрасль законодательной и управленческой деятельности приобрела немалое значение. В первые годы после революции было принято около 100 законодательных и подзаконных актов, в которых уделялось внимание охране и рациональному использованию природных ресурсов. Основным направлением природоохранной деятельности советского государства в исследуемый период времени являлась охрана леса. Организация пользования лесными ресурсами включала в себя два разных направления: лесное хозяйство, занимавшееся лесонасаждением и уходом за лесами, и лесную промышленность, осуществлявшую рубку спелого леса и промышленную переработку древесины. Лесное хозяйство являлось отраслью сельского хозяйства и находилось в ведении Наркомата земледелия (Наркомзема), а лесная промышленность

входила в компетенцию Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ).

В 1918 году был издан декрет «О лесах», установивший, что «заведование лесами осуществляется особыми техническими лесными органами местной Советской власти под контролем и руководством Центрального Управления Лесов Республики» [14, с. 28]. Для руководства, регулирования и управления всей лесной промышленностью, а также для заготовки древесного топлива при ВСНХ был учрежден Главный лесной комитет [19, с. 261–265]. Он должен был рассчитывать ежегодные потребности страны в лесу и направлять соответствующие запросы в Наркомзем, который, в свою очередь, был обязан предоставлять перечень лесов, поспевших для заготовки древесины. Однако вместо того, чтобы сотрудничать, два этих ведомства постоянно упрекали друг друга в провале работы. Наркомзем обвинял ВСНХ в том, что он постоянно завышает свои потребности, так как его работники неэффективно используют отведенные им лесные участки, и после них лес остается в таком состоянии, что не может самостоятельно возобновляться. В ответ ВСНХ жаловался на то, что Наркомзем препятствует выполнению промышленного плана и, таким образом, наносит вред делу революции [2, с. 62]. Результатом этого противостояния стали хаос и разорение лесного хозяйства. Как утверждал в 1920 г. один из делегатов конференции по лесам, неграмотность ВСНХ в вопросах ведения лесного хозяйства привела к «огромным потерям», когда же эти потери вскрылись, представители ВСНХ прибегли ко «всем возможным инсинуациям, ухищрениям, вплоть до политических наветов, обвиняя лесников в контрреволюционной деятельности» [19, л. 87].

Помимо межведомственного противостояния налаживанию лесного хозяйства препятствовала и нехватка ресурсов: в 1921 г. на его нужды было потрачено только 3% от суммы расходов на содержание лесов в 1914 г. [21, л. 25]. Повсюду не хватало лесников [20, л. 17]. Изъятие лесов, наведение порядка, ужесточение охраны леса, борьба с бандитизмом вплоть до середины 1920-х годов сопровождалась убийствами лесных работников. По данным журнала «Лесовод» в 1923 г. было убито 122 человека, в том числе 4 лесничих, 4 помощника лесничих, 38 объездчиков, 77 лесников, произошло 23 ограбления и поджога. В 1924 г. убито 258 человек, ранено 176, ограблено 261, всего пострадало 655 лесных работников [4, с. 27–28]. Фактически, лес было некому охранять, и поэтому различные организации, ведомства и частные лица занимались незаконными лесозаготовками, на которые жаловался Наркомзем, указывая, что рубка леса происходит «независимо от надзора и без общего плана ... создавая, в полном смысле слова, неразбериху» [24, л. 10]. По мнению лесничих,

восстановление леса после нанесенного им урона могло занять 30–40 лет [25, л. 20–21].

Пытаясь переломить создавшуюся ситуацию, Совнарком, вплоть до принятия первого пятилетнего плана в 1928 г., постоянно стремился расширить полномочия Наркомзема в сфере охраны леса. Уже в 1922 г. был составлен единый общенародный лесной фонд, который объединил до 3000 лесничеств, начались работы по лесоустройству и планомерные научные исследования [17, л. 5]. Подъему лесного хозяйства также способствовал принятый в 1924 г. декрет «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», который запрещал проводить самочинную рубку деревьев, истребление насаждений, нарушение садово-парковых пейзажей и т.д. [14, с. 57–59].

Советским правительством на данном этапе уделялось внимание и другим аспектам охраны природы. Например, в целях охраны водоемов от загрязнения в 1919 г. был создан Центральный комитет водоохранения отдела химической промышленности, который занимался исследованием водоемов, принимающих сточные воды предприятий, изысканием способов борьбы с загрязнениями, вызванными сточными водами, экспертизой и консультациями по вопросам, связанным с очисткой сточных вод [18, л. 53–54].

Не были забыты еще два важных аспекта природопользования – охота и рыбная ловля. В 1918 г. создается Главное управление по рыболовству и рыбной промышленности, в задачи которого входило принятие мер по охране водных пространств и рыбохозяйственных угодий [14, с. 46–48]. Были регламентированы сроки охоты, например, запрещалась любая охота в весеннее и летнее время, повсеместная охота на лосей и коз, а также собиране птичьих яиц [14, с. 45]. В 1920 г. появился декрет «Об охоте», определивший основные черты организации охотничьего хозяйства, а вскоре после этого в Наркомземе было образовано Центральное управление охотничьего хозяйства (Центрохота), особые мероприятия и запреты которого были направлены на прекращение хищнического промысла зверя и рыбы в районах Севера и Сибири [23, л. 93–93 об.].

В ходе гражданской войны в некоторых регионах России были почти полностью истреблены многие ценные промысловые виды животных, было необходимо принять срочные меры по сохранению и восстановлению их численности [22, л. 26–26 об.]. С этой целью в стране началось создание системы заповедников и заказников. Декретом «Об охране памятников природы, садов и парков» участки, представляющие особую научную ценность, объявлялись неприкосновенными, и за ними устанавливался строгий государственный контроль. Более значительные по площади территории были преобразованы в заповедники

и национальные парки. Нарушители режима неприкосновенности привлекались к уголовной ответственности [14, с. 56–57; 15, с. 57–59].

В результате развития природоохранного законодательства в стране назрела необходимость образования системы управления охраной природы на общегосударственном уровне и расширения функций местных органов власти, занимающихся контролем за выполнением декретов и постановлений об охране природы. В 1919 г. представителем Астраханского губисполкома Н.Н. Подъяпольским по заданию В.И. Ленина был подготовлен проект декрета об охране природной среды, в котором предусматривалось создание специального государственного природоохранного органа [3, с. 51–52].

Изначально функции охраны природы были возложены на Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), а точнее на его структурное подразделение – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука). Этот выбор был не случаен, во-первых, потому, что Наркомпрос не использовал природные ресурсы в производственных целях, что позволяло ему осуществлять государственный подход к их использованию. Только ведомство, не заинтересованное в эксплуатации участков земли, подлежащих охране, могло нормально организовать эту охрану [10, л. 7]. А во-вторых, именно Наркомпрос руководил всеми научными учреждениями и поэтому имел возможность способствовать внедрению научно обоснованного подхода к решению проблемы взаимодействия общества и природы.

Однако были попытки препятствовать передаче дела охраны природы в ведение Наркомпроса со стороны других ведомств, в частности, со стороны Наркомзема, который считал, что Главнаука может выполнять только научные функции в отношении природопользования, но никак не административно-хозяйственные, так как это создаст чересполосицу и параллелизм в деятельности Наркомпроса и производственных отделов Наркомзема и ВСНХ [7, л. 12; 8, л. 1 об.]. Главнауке пришлось заручиться поддержкой буквально всех научных учреждений, начиная от Академии наук и Русского Географического общества, заканчивая мелкими местными краеведческими и другими научными организациями, одновременно принимая участие в различных междуведомственных заседаниях в Госплане, Бюро Съездов, Экономической инспекции Рабкрин и т.д. В результате Главнауке удалось добиться полного признания за ней дела охраны природы [8, л. 1 об.], и летом 1920 года при Наркомпросе было образовано первое природоохранное ведомство в РСФСР – Государственный комитет по охране памятников природы. Функции комитета в основном ограничивались охраной памятников природы и экологическим воспитанием народа.

Помимо Госкомитета, в составе Главнауки был создан еще и специальный Отдел охраны природы, деятельность которого строилась по трем направлениям: а) научному; б) хозяйственно-экономическому и в) здравоохранительному и художественному [8, л. 2]. В рамках научного направления Отдел занимался исследованиями живой природы на территории заповедников, используя нетронутые искусственными условиями участки природы для изучения общих биологических вопросов изменчивости, борьбы за существования и т.д. В составе Отдела был создан Ученый комитет по охране природы, определявший направления научно-исследовательской работы. Хозяйственно-экономическая деятельность Отдела была связана с сохранением леса, а также ценных в промысловом отношении птиц и пушных зверей. Эта задача решалась путем расширения сети заповедников и заказников, где устанавливались ограничения эксплуатации природных ресурсов. И, наконец, Отдел принимал участие в создании условий для развития здравоохранения и создания эстетической обстановки, особенно в рабочих районах. В связи с этим, защита природной среды от уничтожения рассматривалась сотрудниками Отдела в качестве прямой обязанности по отношению к трудящемуся населению [8, л. 3].

Сначала Наркомпрос был не в состоянии сделать что-либо реальное для решения природоохранных задач, во-первых, вследствие отсутствия в период гражданской войны связи с главнейшими объектами природы, подлежащими охране, а во-вторых, ввиду того, что эти задачи, на первый взгляд мало актуальные, требовали очень серьезных материальных затрат [8, л. 1]. Однако отчет о деятельности Госкомитета по охране памятников природы за первые полтора года его существования свидетельствует о том, что была проделана немалая работа:

- детально разработана сеть заповедников РСФСР, охватывающая все главные памятники природы России, в нескольких заповедниках сотрудники Госкомитета побывали лично;

- подготовлены проекты положений главнейших государственных заповедников: Кубанского, Ильменского, Ново-Асканийского, Астраханского и др.;

- предложен проект закона о нарушителях правил, установленных для заповедников;

- осуществлялась постоянная пропаганда идеи охраны памятников природы путем чтения публичных лекций, докладов на съездах и изготовления специальных плакатов и других агитационных материалов [5, л. 1].

Не менее значительный объем работы за это же время проделал Отдел охраны природы Главнауки: были разработаны Положения о Госкомитете охраны природы, об административной охране заповедников и о местных природоохранительных

комиссиях; подготовлен проект основного декрета о мероприятиях по охране природы; проведена работа по организации и расширению территорий заповедников (в частности, Крымского) и памятников природы.

Особое внимание уделялось и пропаганде идей охраны природы среди населения, особенно школьников. С этой целью в структуре Отдела охраны природы в 1925 г. был создан Музей-лаборатория охраны природы. Одной из его задач была наглядная демонстрация значения и результатов природоохранной деятельности с помощью фотографий, карт, диаграмм, коллекций и выставок различных экспонатов [8, л. 1–4, 69–71, 114–119]. Помимо просветительской работы, Музей-лаборатория занимался еще и исследованиями, объединяя специалистов научных станций заповедников, обрабатывая материалы, привезенные из экспедиций и направляя общие усилия к достижению единой цели – изучению естественной природы на всем пространстве РСФСР. Для пропаганды идей охраны природы постоянно выискивались новые методики и средства: печатные, устные и опытно-практические. Природоохранное просвещение и разработку его методов осуществляли также Ученый Комитет по охране природы, Всероссийское общество охраны природы, Главполитпросвет и Главсоюзос [11, л. 16–16 об.].

Более широкому развитию деятельности Госкомитета и Отдела охраны природы при Главнауке препятствовала постоянная нехватка или даже отсутствие средств [5, л. 2; 6, л. 6]. С этой проблемой сотрудники комитета неоднократно обращались в Наркомпрос, однако финансирование его деятельности все равно было очень скудным и совершенно недостаточным. В связи с этим руководители Отдела по охране природы Ф.Ф. Шиллингер и В.И. Талиев в своей докладной записке «О нуждах охраны природы РСФСР», написанной в 1922 году, отмечали, что с созданием Госкомитета по охране памятников природы, а затем и особого Отдела охраны природы при Главнауке, дело охраны природы вступило в новую фазу своего развития, обещая богатые результаты. Но, «чтобы усилить охрану природы, нужны средства, которых не хватает. Если ограничиться писанием бумажных запретов, то никакой охраны природы не получится» [9, л. 27].

В 1924 году на конференции Госплана были отмечены значение и польза проделанной Наркомпросом работы в области охраны природы притом, что «средства на это выделялись совершенно ничтожные» [10, л. 7]. Заявка Отдела охраны природы на 1923/1924 гг. составляла 600 тыс. рублей, а в реальности было отпущено только 8 тыс. рублей [10, л. 8]. Несмотря на скудные материальные условия, в то трудное для страны время в природоохранном деле удавалось достичь ощутимых

результатов. Итоги деятельности Отдела охраны природы за второе полугодие 1924 г., показали, что «дело охраны природы в стране стало значительно прочнее, научные работы обещают много ценного. Привлечение широких масс трудящихся слоев к идее охраны природы в близком будущем примет большие размеры» [8, л. 119].

Полномочий Госкомитета по охране памятников природы и Отдела по охране природы Главнауки было явно недостаточно для осуществления полноценной природоохранной деятельности и регулирования природопользования. Однако, по мнению Д. Вайнера, несмотря на это, возложить ответственность за охрану природы на Главнауку было во многом удачным решением. Сам факт, что Комитет по охране природы и Отдел охраны природы находились в ведении одного комиссариата (Наркомпроса), предоставлял широкие возможности для обмена информацией и способствовал взаимодействию структур и сотрудников этих двух организаций [3, с. 91].

В 1922 г. Президиум ВЦИК Советов, «признавая исключительную важность надлежащей постановки охраны участков девственной природы, заповедников, парков и отдельных памятников природы на пространстве РСФСР», подготовил проект постановления о создании при ВЦИК Главного Управления по делам охраны природы и передаче ему всех прав и обязанностей по охране природы, возложенных на Наркомпрос [6, л. 69]. Однако это управление так и не было создано. Зато в 1925 г. был образован новый государственный орган с более широкими функциями при Главнауке – Междуведомственный государственный комитет по охране природы, в который вошли представители различных заинтересованных наркоматов (Просвещения, Внутренних дел, Рабоче-крестьянской инспекции, Финансов, Земледелия и др.), научных и общественных организаций. Комитет занимался согласованием и урегулированием деятельности отдельных ведомств в отношении природопользования, руководил всеми природоохранными мероприятиями, боролся с хищническим истреблением природных ресурсов и выявлял объекты природы, нуждающиеся в охране [12, с. 98].

Междуведомственный Комитет не имел ранга самостоятельного министерства, являясь по-прежнему подразделением Главнауки, что осложняло его деятельность. При таком статусе невозможно было возбуждать ходатайства непосредственно перед Совнаркомом РСФСР, необходимо было действовать только через вышестоящую организацию – Наркомпрос. Другие ведомства, особенно экономические комиссариаты, рассматривали Комитет как детище Наркомпроса и поэтому уклонялись от участия в его работе, отказываясь выполнять большинство его рекомендаций. Одновременно с Госкомитетом и с теми же функциями

при губернских исполкомах были созданы местные межведомственные комиссии по охране природы. Они были подчинены местным органам Наркомпроса, аналогично тому, как Госкомитет подчинялся Главнауке, и рассматривали вопросы как чисто местного характера, так и имеющие общенациональное значение [3, с. 94].

К концу 1920-х гг. в экономической и хозяйственной деятельности устанавливается приоритет ведомственных интересов. Это стало одной из причин приостановки развития общегосударственной системы управления охраной природы. На фоне строительства «сталинского социализма» иначе и быть не могло. В сентябре 1929 г. в Москве впервые состоялся Всероссийский съезд по охране природы, на котором собрались представители как общественного движения из Москвы, Ленинграда и других регионов страны, так и государственных структур, занимавшихся охраной природы: Наркомпроса РСФСР, Наркомзема РСФСР, Наркомторга СССР, ВСНХ РСФСР, Академии наук и др. В выступлениях делегатов съезда прозвучала мысль о том, что дело охраны природы, чтобы выжить в условиях социалистического строительства, должно претерпеть глубокие изменения, сосредоточившись на изучении факторов, повышающих производительную способность природы в интересах развития экономики [26, с. 23].

В духе времени в 1930 г. Межведомственный государственный комитет по охране природы был реорганизован в Межведомственный государственный комитет содействия развитию и охране природных богатств. На Комитет были возложены обязанности не только охраны, но и рационального использования природных богатств и их умножения. В связи с этим в его работе большое место стало занимать обсуждение производственных планов различных хозяйственных организаций и выдача по ним заключений правительству [12, с. 98]. В деятельности советского государства по охране природы окончательно победил утилитарный подход. Научный и этико-эстетический аспекты природоохранной деятельности неофициально стали считаться враждебными, так как они вступали в противоречие с тенденцией форсированного социалистического строительства 1930-х гг.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что на первом этапе истории взаимодействия советского общества и природной среды происходит становление системы государственного управления охраной природы. Была разработана и исходная правовая база, ставшая впоследствии отправной точкой стратегии и тактики природопользования. К концу 1920-х гг. в СССР усилилась тенденция к жесткой централизации, ограничению демократических начал и сужению полномочий местных органов власти. Превращение отраслей народного хозяйства в су-

пермополии советского типа оказало решающее влияние на утверждение ведомственных интересов в качестве определяющих в социально-экономическом развитии страны и природоохранной практике. Министерства и ведомства, ставшие владельцами природных ресурсов, определяли характер природопользования, разрабатывали систему природоохранных мер и сами обеспечивали контроль их реализации. Самостоятельной государственной структуры, которая бы осуществляла руководство охраной природы в стране, в 1920-х годах так и не было создано, что и определило характер экологической политики СССР на следующем историческом этапе – в 1930-е – 1940-е гг., когда природоохранная деятельность стала считаться чуть ли не «вредной» для страны, так как препятствовала реализации грандиозных планов социалистического строительства.

Библиографический список

1. Алимов А.А., Случевский В.В. Век XX: Экология и идеология. – Л.: Лениздат, 1988. – 111 с.
2. Брэйи С. Новый взгляд на уничтожение заповедников в СССР в 1950-е гг. // Историко-биологические исследования. – 2012. – Т. 4. – № 1. – С. 57–72.
3. Вайнер Д. Экология в Советской России. Архипелаг Свободы: заповедники и охрана природы. – М.: Прогресс, 1991. – 400 с.
4. Варжанский С. Общественное значение процесса над убийцами 19 человек в Кудомском лесничестве // Лесовод. – 1924. – № 6. – С. 27–28.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А-2307. – Оп. 39. – Д. 371.
6. ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 1. – Д. 791.
7. ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 1. – Д. 435.
8. ГАРФ. – Ф. А-2307. – Оп. 10. – Д. 368.
9. ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 1. – Д. 787.
10. ГАРФ. – Ф. А-2307. – Оп. 10. – Д. 369.
11. ГАРФ. – Ф. А-2307. – Оп. 10. – Д. 370.
12. Макаров В.Н. Охрана природы в СССР. – М.: Воениздат, 1949. – 100 с.
13. Малышев А.Ю. Политическое воздействие КПСС на решение экологических проблем: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1990.
14. Об охране окружающей среды: Сборник документов партии и правительства, 1917–1981 гг. / сост. А.М. Галеева, М.Л. Курок. – М.: Политиздат, 1981. – 384 с.
15. Об учреждении Главного лесного комитета. Постановление Совета Народных Комиссаров. 27 декабря 1918 г. // Декреты Советской власти. – М., 1968. – Т. IV. – С. 261–265.
16. Ольсевич Ю.Я., Гудков А.А. Критика экологической критики. – М.: Мысль, 1990. – 213 с.
17. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 342. – Оп. 1. – Д. 155.
18. РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 9. – Д. 1175.

19. РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 9. – Д. 201.
20. РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 9. – Д. 209.
21. РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 9. – Д. 2669.
22. РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 9. – Д. 2716.
23. РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 9. – Д. 286.
24. РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 9. – Д. 87.
25. РГАЭ. – Ф. 478. – Оп. 9. – Д. 200.

26. Труды 1-го Всероссийского съезда по охране природы. – М., 1930.

27. Тупиков А.В. Экологическая политика Советского государства в 70–80-е годы: на материалах государственных органов, партийных и общественных организаций областей Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1993.

УДК 94(470)“1920”

Ермушин Максим Валерьевич

кандидат исторических наук

Костромская государственная сельскохозяйственная академия
ermuschin@yandex.ru

Беляев Геннадий Витальевич

Костромская государственная сельскохозяйственная академия
BelyaevArmy2014@yandex.ru

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА ПО ОПЛАТЕ ТРУДА ИНОСТРАННЫХ ИНЖЕНЕРОВ В 20-е гг. XX ВЕКА

На протяжении длительного времени иностранные специалисты были востребованы на российском рынке труда. В 20-е гг., в период восстановления и развития промышленности в СССР, возникла острая потребность в квалифицированных кадрах, в том числе из-за рубежа.

В статье освещен первый опыт советской власти по привлечению к трудовой деятельности квалифицированных иностранных специалистов на промышленных предприятиях в годы НЭПа. Авторы определяют мотивы, побуждавшие инженерно-технических специалистов отправляться на работу в Советскую Россию: революционная романтика и мировой экономический кризис. Отслеживают динамику численности иностранных инженеров. Называют предпочтения иностранных работников: высокий уровень заработной платы, комфортные бытовые условия, отсутствие внеурочных работ, независимость от партийного руководства предприятия.

Все эти факторы, как следствие, часто служили поводом для возникновения производственных и бытовых конфликтов между иностранными и советскими инженерами.

Ключевые слова: инженерно-техническая кадры, специалист, оплата труда, условия труда.

В последнее десятилетие тема привлечения иностранных рабочих и специалистов в советскую промышленность в 20–30-е гг. привлекает все большее внимание исследователей [1; 2; 6; 7, с. 179–189; 9; 13, с. 60–70; 12].

В советской историографии роль иностранных инженеров в развитии советской промышленности в 20-е гг. рассматривалась мало. Обычно ей посвящалось несколько строк, где отмечались «повышенные», по мнению авторов, требования иностранных инженеров к заработной плате, условиям труда и быта. Акцентировалось внимание на грубости и высокомерии иностранных специалистов-консультантов, их неверии в силы советских рабочих [12; 16, с. 151–153].

В современной историографии изучение деятельности иностранцев на промышленных предприятиях СССР значительно расширилось. Глубокому анализу подверглись вопросы взаимоотношений иностранцев с советскими рабочими, с администрацией предприятий, органами государственной безопасности, а также условия жизни, восприятие иностранцев советской действительности и др.

Характерно, что историки предпочитают рассматривать данные вопросы на материалах первых двух пятилеток, поскольку только с конца 20-х гг. приглашение иностранной рабочей силы в СССР принимает массовый характер, тогда как в 20-е гг. на пред-

приятиях советской промышленности трудилось сравнительно небольшое количество иностранных инженеров. По данным ВСНХ, по состоянию на 1 октября 1927 г. в советской промышленности работало всего 197 иностранных инженеров. К июню 1928 г. число зарубежных специалистов увеличилось до 301 человека. В 1932–1933 гг. – около 20 тыс. [8; 10, с. 289]. Между тем первый опыт такого сотрудничества был приобретен в годы НЭПа, и на его основании выстраивались отношения с иностранной рабочей силой в 30-е гг.

В первые годы советской власти политика внешней миграции тесно увязывалась с концессионной политикой. С целью развития концессий СТО РСФСР 22 июня 1921 г. принял постановление «Об американской промышленной эмиграции» [16, с. 30–31]. В нем оговаривалось участие группы американских специалистов в восстановлении ряда промышленных предприятий на Урале и в Сибири. С 1921 по 1927 г. было заключено 172 концессионных договора, которые, в частности, регулировали экономическую деятельность иностранных производственных коллективов.

Инженеры и специалисты работали на советских предприятиях на основании договоров о технической помощи, которые заключались между администрацией предприятий и зарубежными компаниями.

Советской стороне поступало большое количество предложений. Председатель ВСНХ СССР Ф.Э. Дзержинский в служебной записке «Об использовании иностранных специалистов» в 1924 г. писал: «В связи с величайшей безработицей в Польше и Германии – возникает огромная к нам тяга рабочих и специалистов». При этом он отмечал, что «неупорядоченное приглашение к нам рабочих и приезд их сюда только дискредитирует нас» [14, л. 15]. Поэтому для регулирования внешней трудовой миграции была создана комиссия по промышленной и сельскохозяйственной эмиграции и миграции при Совете труда и обороне (СТО) СССР.

В 1925 г. Политбюро и Совнарком приняли решение о привлечении иностранных техников на советские заводы. В его основе лежало внедрение в производство новых технологий. Патенты стоили дорого, носители знаний – дешевле. В ноябре 1926 г. на заседание Политбюро обсуждалось предложение Э. Тельмана о возможной помощи немецких специалистов советской промышленности [15, л. 23]. В связи с этим для определения потребности промышленности в инженерах расформировали комиссию при СТО, ее функции рассредоточили по отдельным ведомствам: ВСНХ (бюро проммиграции), Наркоматом земледелия (НКЗем) и Наркоматом иностранных дел (НКВД).

По общим замечаниям исследователей, на предложения советских предприятий откликнулись те специалисты, которые в силу разных причин, в том числе недостаточной квалификации, не могли найти работу у себя в стране. Поэтому в феврале 1927 г., Совнарком издал постановление «О привлечении специалистов из-за границы», где указывалось, что допускается приглашение из-за рубежа лишь высококвалифицированных специалистов. В 1927 г. ВСНХ принял инструкцию, которая определяла конкретные категории «иноспециалистов», необходимых для советского народного хозяйства, и квалификационные требования к ним.

С первых дней своего пребывания в СССР иностранцы сталкивались с немалыми трудностями. Им приходилось работать в новой социокультурной среде, где были иные представления о тру-

довой этике. Их взаимоотношения с советской средой складывались из двух составляющих: контакты на работе и в быту. Часто они выливались в конфликты. Исследователи выделяют следующие типы производственных конфликтов:

- столкновения иностранных специалистов и советских рабочих по вопросам освоения оборудования;
 - столкновения иностранных и советских инженеров по техническим вопросам, по оплате труда, бытовым вопросам.
- Причинами производственных конфликтов становились:
- пренебрежительное отношение иностранцев к советским инженерам;
 - некомпетентность советских инженеров;
 - непривычные иностранцам темпы работ.

Так, например, приглашенный Ленинградским оптическим заводом инженер Фукс был чрезвычайно удивлен, что его никто не встречал на вокзале, хотя это обговаривалось в контракте. Самостоятельно добравшись до завода, он долго не мог добиться приема дирекции. Когда приступил к работе, то сразу же столкнулся с негативным отношением советских инженеров. На все его предложения по рационализации производства ему отвечали отказом, объясняя это местными условиями и др. В итоге Фукс уехал обратно [14, л. 22–27]. С делом Фукса пришлось разбираться председателю ВСНХ Ф.Э. Дзержинскому, поскольку первый составил подробный отчет о своей поездке в СССР для директора бюро Бинта, которое его и командировало в Россию. В итоге Ф.Э. Дзержинский сделал вывод, что «...наши инженеры выжили Фукса не желая колебать своего монопольного положения» [14, л. 20]. В этом выводе есть доля правды, поскольку одним из предложений Фукса была реорганизация бюро оптических вычислений: «...В бюро оптический вычислений работает 20 человек между тем, – замечает Фукс, – для выполнения всех необходимых фабрике вычислений вполне достаточно одного дельного специалиста» [14, л. 27]. В результате реализации данного предложения без работы осталось бы 19 специалистов.

Таблица 1

Название хозорганизации	Фамилия иностранца	Размер оклада в руб.	Размер перевода за границу
Сройконсультация	Ларсен	600	150 долл.
	Реберг	800	50%
	Де-Витт	800	50%
	Титце	950	50%
	Веземан	800	50%
Строймеханизация	Рейхардт	400	50%
	Катган	800	50%
Стромстрой	Гутовский	800	50%
	Циска	800	50%

Таблица 2

	По союзу металлистов		По союзу строителей	
	минимальная	максимальная	минимальная	максимальная
Инженеры	49 руб.	600 руб.	35 руб.	450 руб.
Техники	47 руб.	350 руб.	20 руб.	280 руб.
Практики	52 руб.	360 руб.	28 руб.	180 руб.

По сравнению с советскими инженерами иностранные специалисты находились в более привилегированном положении. Их заработная плата в несколько раз превосходила зарплату советских инженеров. Так в 1927 г. инженер Вильгельм Геллер, работавший в Центральном Бюро иностранной консультации строительного комитета ВСНХ, в месяц получал 1000 руб. В то время как заработная плата советского специалиста там же едва достигала 150–200 руб. В таблице 1 представлены данные о заработной плате иностранных специалистов в 1929 г. [3, л. 17].

Для характеристики величины оплаты труда советских инженерно-технических работников можно привести следующие данные (см. табл. 2) [4, л. 5].

Сравнивая данные двух таблиц, очевидно, что зарплата иностранцев значительно превосходила жалование советских инженеров. Иностранцы находились и в лучших бытовых условиях. Им предоставлялась двух или трех комнатная квартира. В то время как жилищная проблема для советских инженеров стояла остро [5, л. 97].

Советский инженер находился в полной зависимости от дирекции предприятия, ему не оплачивали сверхурочные работы, заставляли заниматься не свойственной инженерам работой и др. С иностранцами ситуация была иная. Их права и обязанности, в отличие от советских ИТР, были четко определены. Кроме того, пользуясь своим статусом, иностранцы могли открыто критиковать недостатки советской промышленности, что было не позволительно для советских граждан. Все это могло служить причинами конфликтов.

В 30-е гг., когда численность иностранных специалистов в советской промышленности значительно возросла, конфликты, проявившиеся еще в 20-е гг., приобрели массовый характер. На фоне ухудшения материального положения населения в период первых пятилеток условия жизни «иноспецов» являлись мощным раздражителем для советских рабочих и инженерно-технических кадров. Это способствовало развитию социальной напряженности в советском обществе.

Библиографический список

1. Белоусова О.А. Иностранцы рабочие и специалисты на Кузнецком металлургическом комбинате (1929–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2004. – 156 с.
2. Беньямин В. Московский дневник. – М.: Изд-во «Ad Marginem», 1997. – 224 с.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р. 5515. – Оп. 27. – Д. 556.

4. ГАРФ – Ф. Р. 5548. – Оп. 8. – Д. 64.

5. ГАРФ. – Ф. Р. 5548. – Оп. 6. – Д. 41.

6. Журавлев С. «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского электрозавода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. – М.: РОССПЭН, 2000. – 353 с.

7. Журавлев С.В., Тяжельникова В.С. Иностранная колония в Советской России в 1920–1930-е годы (Постановка проблемы и методы исследования) // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 179–189.

8. Иванова О. Трудовые мигранты в Советской России в 1920–1930-е годы. Миграционные потоки и советская иммиграционная политика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.le-online.org/old/images/stories/books/mosty_20_ivanova.pdf (дата обращения: 07.12.2012).

9. Ипатенко Е.В. Источники по истории иммиграционной политики Советской России (СССР) 1920-х годов: дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2005. – 179 с.

10. Львушин Ю.А. Борьба Коммунистической партии за укрепление интернациональных связей рабочего класса СССР (1924–1928 гг.). – М.: МГУ, 1975. – 304 с.

11. Парамонова И.В. Пути пройденные. – М.: Политиздат, 1966. – 324 с.

12. Письмо заключенного К.О. Никсдорф В.М. Молотову // Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. – М.: РОССПЭН, 2002. – 528 с.

13. «Почему против нас действуют так бесчестно и с помощью лжи?» (о судьбе иностранных специалистов в СССР) // Отечественные архивы. – 1992. – № 6. – С. 60–70.

14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 76. – Оп. 2. – Д. 172.

15. РГАСПИ – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 137.

16. Россия и США: экономические отношения 1917–1933. Сб. документов / отв. ред. Г.Н. Севастьянов, Е.А. Тюрина. – М.: Наука, 1997.

17. Тарле Г.Я. Друзья страны советов. Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920–1925 гг. – М.: Наука, 1968. – 371 с.

18. Халиулин Г.Г., Кирилова И.С. Неопубликованные воспоминания старых специалистов как источник по истории технической интеллигенции // Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917–1971). – Кемерово, 1972. – Вып. 4.

ПРАКТИКА ВНУТРИОБЛАСТНОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В РСФСР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940–1980-х гг.

В статье характеризуется элемент централизованного обеспечения аграрной сферы РСФСР – внутриобластное переселение, получившее широкое распространение в 50-е – 80-е гг. XX в. Следует отметить, что в условиях урбанизации и демографического перехода происходило сокращение численности сельских жителей, в т.ч. в старообжитых районах РСФСР. В связи с этим, осуществление политики переселения на прежних принципах стало невозможным. В сложившейся ситуации власть, не отказываясь от переселенческой практики в целом, своими инициативами расширила ее социальную базу за счет привлечения городских жителей в сельскую местность. В предлагаемой статье на основе архивных источников проанализированы наиболее важные нормативно-правовые документы, определившие суть и задачи внутриобластного переселения, выявлена специфика формирования его потоков и доля в общем объеме регулируемой аграрной миграции в указанный период. Кроме того, сделана попытка проследить зависимость адаптации семей новоселов от вида переселения. В заключении сделан вывод о повышении значимости внутриобластного переселения в послевоенной практике планового привлечения жителей страны в сельскую местность.

Ключевые слова: государство, государственная политика, переселение, внутриобластное переселение, льготы, миграция.

Неравномерное заселение России и слабое освоение некоторых ее территорий обусловили вмешательство государства в миграционные процессы с целью перераспределения миграционных потоков в направлении, отвечающем геополитическим и социально-экономическим интересам страны. Проблема организованного перераспределения населения (как принудительного, так и добровольного) поствоенного периода была и по сегодняшний день является сферой интересов представителей научного сообщества, нашедших свое отражение в ряде публикаций [1; 2; 8; 9; 10; 11; 15 и др.]. Несмотря на достаточно глубокую проработку миграционной проблемы, ряд аспектов требует своего уточнения.

Целью статьи является исследование феномена внутриобластного переселения в советской миграционной практике в отношении российской деревни во второй половине XX в., не ставшего предметом специального изучения в заявленных хронологических и территориальных рамках.

Переселенческая политика, организованный характер которой получил оформление во второй половине XIX в., предполагала перемещение из малоземельных областей в регионы с обширными неосвоенными территориями. Однако в 1930-е гг. были осуществлены нововведения. Они были связаны с форсированным индустриальным развитием страны и сохранявшимся на тот период времени аграрным перенаселением отдельных территорий, что обусловило принятие постановления СНК СССР от 14 сентября 1939 г. №1147.

В документе союзному Переселенческому управлению давалось указание «...в месячный срок разработать и представить на утверждение СНК СССР инструкции по внутриреспубликанскому, краевому и областному переселению, связанному с промышленным, гидротехническим, же-

лезнодорожным и другим строительством, а также связанному с переселением из малоземельных районов в многоземельные районы в пределах республик, краев и областей...» [13, ст. 444]. Это означало, что экономический фактор в перераспределении жителей деревни в рамках одной административной территориальной единицы должен был стать доминирующим. Практика внутриобластного переселения получила развитие уже в годы Великой Отечественной войны. Так, в 1942 г. в присоединенные к Саратовской области районы бывшей автономии немцев Поволжья прибыло более 2,22 тыс. семей [5, д. 611, л. 12]. В 1944–1945 гг. за счет внутренних резервов пополнились трудовыми ресурсами хозяйства новых районов Дагестанской (17,02 тыс. семей), Сталинградской области (0,86 тыс. семей) [5, д. 604, л. 122].

С 1946 г. главной задачей переселения стало увеличение жителей на присоединенных территориях Калининградской и Южно-Сахалинской (с января 1947 г. – Сахалинской) областей, а с 1947 г. – его возобновление в сельскую местность субъектов Дальнего Востока. На 1947 г. в целом по РСФСР был установлен план 22588 семей (включая предприятия неаграрной сферы), из которых 65,98% приходилось на внешние источники, 17,98% – на увольняемых в запас, 15,07% – на прибывших самостоятельно и лишь 0,97% на внутриобластное переселение. В колхозы и совхозы предполагалось отправить 17164 семьи, тем самым соотношение выглядит следующим образом: 55,35%, 23,65%, 19,83% и 1,17%, соответственно [4, д.19, л. 3].

Из приведенной градации видно, что на тот момент времени не было определено еще четкого признака для выделения конкретного вида безвозвратной миграции. Так, если межобластное и внутриобластное переселения различались между собой местами выхода будущих новоселов,

то сложнее обстояло дело с демобилизованными и принятыми на месте, но самостоятельно прибывшими из-за пределов областей-реципиентов.

Характерно, что в 1947 г. данные по уволенным в запас были включены в межобластное переселение, несмотря на то, что военные подразделения дислоцировались в местах их будущего вселения. Указанное противоречие легко объяснимо мобилизацией, разделившей семьи. Впоследствии к уволившемуся в запас главе семьи (или лицу, его заменявшему), оказавшемуся, например, на Дальнем Востоке, приезжали родственники за государственный счет.

Новшеством послевоенных лет стало широкое распространение приглашений жителей страны колхозами и совхозами для постоянной работы в них. Однако первоначально, согласно архивным источникам, это было стихийное движение. Впоследствии прибывших оформляли как плановых переселенцев, распространяя на них полагавшиеся льготы.

С 1949 г. в отчетах помимо межобластного и внутриобластного переселений содержались данные о увольняемых в запас военных, принятых на месте без выделения в особую группу.

И, наконец, с 1957 г. в документах о выполнении плана их переселения указывалось только межобластное и внутриобластное. Первое, как и ранее, включало в себя направление семей из областей РСФСР и союзных республик. Второе – всех тех,

кого приняли на месте. Тем самым в предложенной в 1957 г. классификации переселенцев главным признаком стало место их вербовки. Следовательно, при рассмотрении объемов внутриобластного переселения с 1949 г. до 1957 г., в их число были включены и уволенные в запас военные, и прибывшие по приглашению колхозов, и собственно означенные как перемещенные в пределах одной административно-территориальной единицы, а за период 1946–1948 гг. – только две последние группы. С учетом оговорок был сделан рисунок 1.

Согласно рисунку 1, доля внутриобластного переселения в 1946–1953 гг. в общем объеме принятых семей составила 19,68%. Своего апогея, как относительно, так и абсолютного, внутриобластное переселение достигло в годы освоения целинных и залежных земель. За 6 лет – с 1954 по 1959 гг. в хозяйства РСФСР прибыло больше семей, чем в среднем за десятилетие в дальнейшем, составив в общем объеме 55,28%.

Немаловажно, что в 1954 г. был принят ряд правительственных постановлений, в корне изменявших де-юре социальную основу аграрного переселения. Следуя довоенной традиции, и после 1945 г. отделам мест вербовки указывалось направлять в трудодефицитные хозяйства семьи, трудоспособные члены которых были знакомы с сельскохозяйственным производством. Однако на деле имелись факты направления граждан, по роду своей деятель-

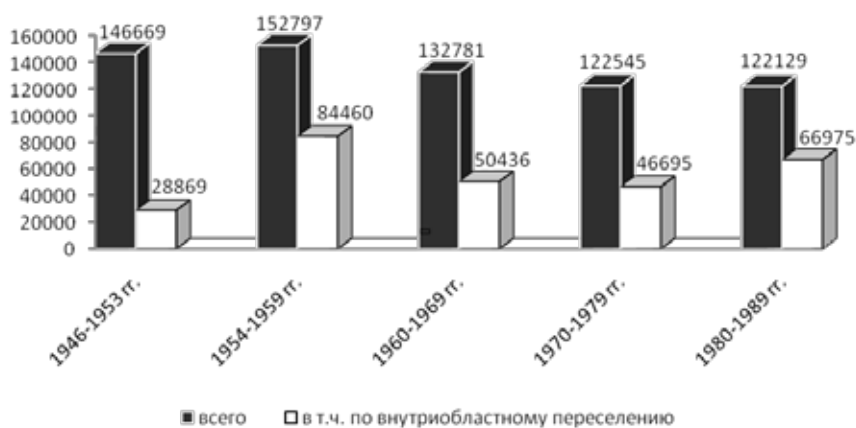

Рисунок 1. Число принятых семей в сельскохозяйственные предприятия РСФСР, 1946–1989 гг.

Рисунок 1 выполнен на основе источников: ГАРФ. – Ф. А-327. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 11, 35, 51; там же. – Д. 19. – Л. 60-61, 144, 180; там же. – Д. 31. – Л. 3, 8; там же. – Д. 32. – Л. 3, 98, 111, 204; там же. – Д. 72. – Л. 5-6, 59-69; там же. – Д. 88. – Л. 7-8, 27, 71; там же. – Д. 99. – Л. 9-10, 96; там же. – Д. 165. – Л. 127, 163; там же. – Д. 166. – Л. 66; там же. – Д. 170. – Л. 18-19; там же. – Оп. 2. – Д. 473. – Л. 53-55; там же. – Д. 629. – Л. 2, 24-25; там же. – Ф. А-518. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 41, 47, 50, 56; там же. – Д. 65. – Л. 84, 86; там же. – Д. 100. – Л. 113-114; там же. – Д. 133. – Л. 137-138; там же. – Д. 163. – Л. 163; там же. – Д. 195. – Л. 143-144; там же. – Д. 216. – Л. 124, 139; там же. – Д. 239. – Л. 120, 135; там же. – Д. 266. – Л. 109, 122; там же. – Д. 290. – Л. 93, 106; там же. – Д. 308. – Л. 141, 157; там же. – Ф. 10005. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 22, 37; там же. – Д. 82. – Л. 6, 41-42; там же. – Д. 118. – Л. 13, 17, 50; там же. – Д. 166. – Л. 8, 12, 39; там же. – Д. 218. – Л. 151, 156, 184; там же. – Д. 270. – Л. 146, 150, 180; там же. – Д. 325. – Л. 150, 154, 185; там же. – Д. 393. – Л. 143, 148, 176; там же. – Д. 454. – Л. 139, 157, 173; там же. – Д. 522. – Л. 144, 162, 179; там же. – Д. 581. – Л. 106, 125, 143; там же. – Д. 650. – Л. 115, 133, 135; там же. – Д. 719. – Л. 93, 109, 121; там же. – Д. 908. – Л. 111, 123, 141; там же. – Д. 984. – Л. 124, 129, 147; там же. – Д. 1050. – Л. 115, 121, 139; там же. – Д. 1120. – Л. 106, 112, 130; там же. – Д. 1183. – Л. 103, 109, 128; там же. – Д. 1247. – Л. 94, 100, 120; там же. – Д. 1310. – Л. 82, 86, 92; там же. – Д. 1363. – Л. 98, 117; там же. – Д. 1425. – Л. 7; Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 5675. – Оп. 1. – Д. 598. – Л. 25; там же. – Д. 674. – Л. 17-21, 83-84; там же. – Д. 765. – Л. 42-46 об.

ности мало связанных с аграрным сектором, что в немалой степени обуславливалось обозначившейся ограниченностью рабочих рук в деревне мест выхода. Поэтому в 1954 г., в связи с началом целинной эпопеи, власть была вынуждена внести изменения в нормативно-правовую базу, расширив тем самым социальную основу планового переселения.

Первое постановление, датированное 15 мая 1954 г., предусматривало «...содействие и помощь в переселении рабочим и служащим, а также колхозникам малоземельных районов, изъявившим желание переселиться со своими семьями в колхозы районов освоения целинных и залежных земель...». Эта категория плановых мигрантов получила право воспользоваться льготами, установленными в 1953 г. [6, д. 622, л. 223–224]. Тем самым была узаконена возможность переселения семей в хозяйства, трудоспособные члены которых не имели опыта работы в селе.

Второе, от 8 сентября 1954 г. (№ 1894), окончательно закрепило возможность направления в деревню многоземельных районов горожан. Отмечалось, что «...на семьи рабочих и служащих, переселяющиеся в 1954–1955 годах (начиная с 1 января 1954 г.) из городов, рабочих поселков и районных центров в пределах области... на работу и постоянное жительство в многоземельные колхозы, нуждающиеся в пополнении рабочей силы...» распространялись льготы, предусмотренные февральским постановлением 1953 г., за исключением оплаты проезда с имуществом и выдачи денежного пособия [6, д. 629, л. 304–306].

Уменьшение масштабов освоения целины и залежей к концу 1950-х гг. непосредственно отразилось и на роли централизованного перераспределения трудовых ресурсов в рамках административно-территориальной единицы в пользу аграрного сектора: до 37,98% в 1960-е гг. и до 38,10% в 1970-е гг.

Незначительный рост доли внутриобластного переселения – чуть более 0,1% – в 1970-е гг. связан с государственной программой развития сельского хозяйства Нечерноземья РСФСР, одним из проявлений которой стало привлечение туда жителей городской местности.

Следует иметь в виду, что на соотношение межобластное – внутриобластное переселение оказали влияние принятые в июле 1967 г. и мае 1972 г. постановления Совета Министров СССР, направленные на развитие Восточной Сибири и Дальнего Востока и предполагавшие возобновление привлечения жителей Украинской ССР и Белорусской ССР. Тем самым была повышена роль внешних источников: в 1968–1970 гг. планировалось направить 23900 семей, в т.ч. из Украины и Белоруссии 9300 семей, в 1971–1975 гг. – 38250 семей, из них за счет союзных республик – 14900 семей [6, д. 859, л. 359; 7, д. 1514, л. 111].

Наконец, в 1980-е гг. доля внутриобластного переселения едва не достигла (относительно) показателей 1954–1959 гг., составив 54,84%. Повышение роли внутренних резервов было вызвано сокращением привлекаемого населения из бывших регионов-доноров, также столкнувшихся с кадровым дефицитом. При этом, как и прежде, среди принимаемых на месте, были самостоятельно прибывшие из других областей: так, в 1970-е гг. ни них пришлось 19,91%, а в первой половине 1980–1984 гг. – 10,24% [3, д. 118, л. 12; 3, д. 166, л. 156; 3, д. 218, л. 150; 3, д. 270, л. 154; 3, д. 325, л. 148; 3, д. 393, л. 157; 3, д. 454, л. 162; 3, д. 522, л. 125; 3, д. 581, л. 133; 3, д. 650, л. 109; 3, д. 719, л. 123; 3, д. 908, л. 129; 3, д. 984, л. 121; 3, д. 1050, л. 112].

Различия между внутриобластным и межобластным переселениями не следует сводить лишь к особенностям мест вербовки. Так, прибывшим в плановом порядке из других регионов предоставлялись большие льготы: в 1952 г. новоселам Ростовской области выдавалось по 500 руб. на главу и 150 руб. каждому члену семьи, централизованно приехавшим в колхоз из-за ее пределов, тогда как переселяемым внутри области его не полагалось. Принципиально иной подход в выплате пособий осуществлен в 1973 г.: поставив его размер в зависимость от мест вербовки, были установлены понижающие коэффициенты. Максимальные выплаты производились организованно прибывшим из-за пределов субъектов вселения. Тем, кто переселялся в хозяйства из городской местности внутри административной единицы, размер пособия составлял 50% максимальной его величины, а приглашенным хозяйствами – 75%. В полном объеме выплаты производились демобилизованным вне зависимости от мест их вербовки [5, д. 507, л. 46; 6, д. 571, л. 380; 12, с. 238–239; 14, ст. 34]. Эти меры, увеличивавшие объемы безвозмездной государственной помощи, свидетельствовали о все возрастающей роли внутриобластного переселения в практике обеспечения аграрного сектора рабочими руками. Что касается условий кредитования (на покупку скота и строительства домов), то в этой сфере изначально был установлен паритет.

Напрашивается вопрос: какой из типов безвозвратной миграции более эффективен? Ответ предполагает определение критерия (или критериев) этой эффективности. Думается, что таковым является степень приживаемости новоселов. Такого рода статистика стала вестись с 1971 г., ограничиваясь только годом с момента вселения. Так, из принятых по внутриобластному переселению в 1971 г. 3728 семей, выбыло 87 (2,33%), тогда как по межобластному и межреспубликанскому эти данные оказались значительно выше: 692 из 5541 семьи (12,49%) и 456 из 3242 (14,07%), соответственно. Эта тенденция сохранилась и позднее: в 1985 г. соотношение выбывших выглядит следу-

ющим образом: 0,34%, 11,44% и 11,58% [3, д. 218, л. 187; 3, д. 1183, л. 131].

Таким образом, внутриобластное переселение, являясь одним из видов планового сельскохозяйственного переселения, получило широкое распространение в СССР во второй половине XX в. Во время целинной эпопеи, вознесенной Н.С. Хрущевым на уровень союзного значения, стало очевидным, что традиционная практика обеспечения людскими ресурсами государственных инициатив в новых демографических условиях не могла быть реализована.

В условиях снижения рождаемости и урбанизации власть была вынуждена изменить подход в решении проблемы кадрового обеспечения российской деревни, в т.ч. за счет расширения социальной основы переселения. Очевидно, что перераспределение жителей в рамках административно-территориальной единицы в пользу аграрной сферы должно минимизировать негативное влияние природно-климатического фактора, повысив приживаемость новоселов.

В итоге внутриобластное переселение, ставшее ответным шагом на изменение демографической ситуации в стране, явилось важной составляющей советской миграционной политики второй половины XX века.

Библиографический список

1. *Алексеев А.И., Данилова И.А., Зубаревич Н.В., Никулин Е.И.* Современные переселения город-село в Нечерноземной зоне РСФСР (опыт изучения на примере Вологодской области) // Вестник Московского университета. Серия «География». –

1979. – № 1. – С. 55–61.

2. *Вербицкая О.М.* Плановое сельскохозяйственное переселение в РСФСР в 1946–1958 гг. // Вопросы истории. – 1986. – № 12. – С. 14–26.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 10005. – Оп. 1.

4. ГАРФ. – Ф. А-327. – Оп. 1.

5. ГАРФ. – Ф. А-327. – Оп. 2.

6. ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 1.

7. ГАРФ. – Ф. Р-5446. – Оп. 106сч.

8. *Занданова Л.В.* Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX в.). – Иркутск, 1997. – 160 с.

9. *Костяшов Ю.В.* Повседневность послевоенной деревни: Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 263 с.

10. *Крушанова Л.А.* Миграционная политика СССР на Дальнем Востоке (середина 1940-х – 1970-е гг.). – Владивосток: ДВО РАН, 2014. – 264 с.

11. *Османов А.И.* Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-е – 70-е гг. XX века). – Махачкала: ДНЦ, 2000. – 333 с.

12. Собрание действующего законодательства СССР. Раздел 12. Законодательство о сельском хозяйстве. Книга. 4. Т. 32. – М.: Известия, 1974. – 368 с.

13. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР за 1939 г. – М., 1945. – № 52.

14. Собрание Постановлений Правительства РСФСР. – 1959. – №3.

15. *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 511 с.

«ТРУБА ТЕБЕ, АДЕНАУЭР!»: ИСТОРИЯ ДОСРОЧНОГО ПУСКА ТРУБОПРОКАТНОГО СТАНА «1020» В Г. ЧЕЛЯБИНСКЕ

В условиях экономических санкций, действующих с 2014 г., направленных против России, актуальным становится изучение советского опыта преодоления аналогичных внешнеполитических вызовов. В статье проведен анализ процесса импортозамещения магистральных труб большого диаметра, запрет на поставки которых был введен канцлером ФРГ К. Аденауэром в 1962 г. Благодаря консолидации усилий ученых и инженеров со всей страны, а также самоотверженному труду металлургов и строителей, в короткие сроки удалось начать собственное производство в г. Челябинске. Отдельно стоит подчеркнуть стратегическое планирование в советской командной экономике: к моменту расторжения внешнеторговых контрактов активно велось строительство трубопрокатного стана. В результате трубами были обеспечены важнейшие народнохозяйственные стройки семилетки – газопровод «Бухара-Урал» и нефтепровод «Дружба». С 1964 г. промышленные предприятия Урала переходят на природный газ, а в 1965 г. начался экспорт нефти в Польшу, Болгарию, Венгрию, Чехословакию и ГДР. Введенные санкции не нанесли значительного ущерба советской экономике, за счет внутренних ресурсов удалось преодолеть технологическое отставание и уменьшить зависимость от западных партнеров.

Ключевые слова: импортозамещение, экономические санкции, черная металлургия, советско-германские отношения, Челябинская область, Урал.

В условиях международных санкций против Российской Федерации, действующих с 2014 г., под угрозу поставлена модернизация экономики страны и государственная безопасность. Приоритетным направлением промышленного развития становится импортозамещение. При выработке системных мер по преодолению кризиса целесообразно обратиться к историческому опыту, ведь аналогичные внешнеполитические вызовы неоднократно решались в Советском Союзе. Один из успешных примеров советского импортозамещения рассмотрим подробно.

В конце 1950-х гг. перед СССР встала задача повышения доли газа и нефти в топливном балансе страны из разведанных ранее крупных месторождений Средней Азии, Поволжья и Урала. Прорабатывались также вопросы экспорта углеводородов в Европу. Семилетним планом развития народного хозяйства было предусмотрено строительство магистральных газо- и нефтепроводов для транспортировки энергоносителей. Именно в это время становится актуальным вопрос об импорте магистральных труб диаметром 1020 мм. из ФРГ, поскольку собственное производство находилось в стадии проектирования.

В декабре 1960 г., несмотря на Берлинский кризис, между СССР и ФРГ было заключено долгосрочное соглашение о товарном и платёжном обороте на период 1961–1963 гг., предусматривающее рост объёмов двустороннего экспорта-импорта. В рамках торгового соглашения 1960 г. советские внешнеторговые организации разместили в Германии в фирмах Mannesmann, Krupp, Phoenix-Rheinuhr заказы на поставку труб большого диаметра.

Тем не менее, правительство К. Аденауэра не смогло выдержать продолжительную позитивную линию по отношению к Советскому Союзу в эконо-

мической сфере. В качестве реакции на возведение Берлинской стены была отменена намеченная на 1962 г. Промышленная выставка Германии в Москве. А 18 декабря 1962 г., под давлением США, канцлер К. Аденауэр, ссылаясь на необходимость соблюдения условий координационного комитета по экспортному контролю (КОКОМ), потребовал от Рурских промышленников отказаться от уже заключённых с СССР контрактов на поставку 130 тыс. т. магистральных труб и соответствующего оборудования к ним. Данное решение было неожиданным для обеих сторон. Немецкие компании понесли огромные убытки: только концерн Mannesmann, поставлявший в страны восточного блока 30% экспортной продукции, потерял от 80 до 100 млн. марок. Данный запрет вызвал негодование бизнес-элиты и обсуждался в бундестаге [7, с. 194].

Советскому Союзу не оставалось ничего другого, кроме как форсировать собственное производство. Ещё в 1958 г. на Челябинском трубопрокатном заводе (далее – ЧТПЗ) в действующем трубоэлектросварочном цехе Московским государственным институтом по проектированию металлургических заводов (далее – Гипромез) было предложено установить дополнительное оборудование – вторую формовочную и третью электросварочную линии. Реализация проекта давала возможность увеличить производительность цеха при минимальных капитальных затратах и обеспечивала одновременное производство двух размеров труб в сортаменте 529, 720 и 820 мм. Данное решение было принято Челябинским советом народного хозяйства и одобрено ЦК КПСС и Советом Министров СССР (постановление ЦК КПСС от 24 апреля 1958 г. № 470) [1].

Предложенная реконструкция цеха была окончена в 1959 г. на два месяца ранее установленного государством срока. В результате производствен-

ные мощности увеличились почти в 2 раза без привлечения значительных капиталовложений. Досрочный ввод в значительной степени является заслугой директора ЧТПЗ Я.П. Осадчего и главного инженера Управления черной металлургии Челябинского совнархоза М.П. Сергеева, оперативно решавших вопросы материально-технического снабжения.

Учитывая проведенную работу, новое проектное задание Гипромеза предусматривало освоение на заводе производства труб диаметром 1020 мм [2]. В связи с отсутствием в СССР горячекатаного листа шириной более 3000 мм., необходимого для проката труб, пришлось разрабатывать новую, оригинальную технологию электросварки из двух полуцилиндров.

Проблемой формовки листа из легированной стали занимались ученые Украинского научно-исследовательского трубного института (далее – УНИТИ) под руководством П.Н. Калинушкина. Проекты по реконструкции действующей формовочной линии трубоэлектросварочного цеха и изготовлению принципиально нового оборудования выполнили сотрудники Гипромеза и Киевского института им. Е.О. Патона. Специалисты нашли решение, при котором для будущего стана «1020» не требовалось строить новое формовочное отделение. Предлагалось ограничиться доработкой действующего оборудования первой линии формовки. Прессы расширители изготовили на Коломенском заводе тяжелого машиностроения, выпуск специального стального листа освоили на Магнитогорском и Орско-Халиловском металлургических комбинатах [6]. Как мы видим, для строительства стана потребовалась консолидация усилий трудовых коллективов из разных регионов страны.

Уже в 1961 г. на ЧТПЗ были проведены первые практические опыты по получению заготовок-полуцилиндров и сварке их на действующем оборудовании, однако труба была не метрового диаметра, а 720 мм. Опыт проводился по инициативе сотрудников УНИТИ совместно с инженерами трубоэлектросварочного цеха. После испытаний был составлен список недостатков, неточностей, пожеланий, связанных с необходимостью совершенствования новой технологии. Два года ученые и инженеры «заочно» занимались усовершенствованиями ещё не внедренной линии «1020».

Много полезного было внесено в эти проекты и работниками трубопрокатного цеха. Руководители участка формовки вместе с рабочими ведущих профессий тщательно изучали новое оборудование. В ходе этих занятий рабочий И.Н. Парфентьев внес предложение по ускорению переналадок мощных гидравлических формовочных прессов. Бригадир участка формовки Г.А. Проскурин предложил изменить конструкцию первого нижнего штампа прессы окончательной формовки. По реше-

нию главного инженера ЧТПЗ Т.Я. Ольховича, из передовых рабочих заранее были скомплектованы производственные бригады, производившие монтаж, наладку и освоение новых агрегатов [8, с. 12].

После получения сообщения о прекращении поставок магистральных труб из ФРГ в феврале 1962 г., работа на ЧТПЗ получила всесоюзную значимость. Трудящиеся завода отреагировали на эту новость, написав письмо в городскую газету: «Что же можно сказать господам аденауэрам по этому поводу? Все-таки плохо ещё они знают нас, советских людей. Мы на такие пакости отвечаем просто: мобилизуем все свои силы, средства, сами сделаем все, что нам необходимо. Так поступали советские люди не раз, так поступят и сейчас». Письмо подписали мастер трубоэлектросварочного цеха П. Новиков, сварщики Г. Ковалев, А. Малюков, строители В. Казанцев, Н. Дворников, монтажник Е. Дмитриев и др. [9]. Можно лишь догадываться, насколько остро восприняли германский вызов люди, в памяти которых была свежа Великая Отечественная война.

Концентрация сил (в разгар работ на комплексе по двух- и трехсменному графику трудилось около 2300 человек) и постоянный контроль со стороны директора завода Я.П. Осадчего способствовали положительному решению вопросов снабжения и технического обеспечения стройки. На строительстве стана «1020» было вынуто 90 тыс. куб. м. грунта, изготовлено и уложено 50 тыс. куб. м. железобетона, смонтировано 5600 т. металлических конструкций, 160 км. трубопроводов и трубных разводок, установлено 4200 т. технологического оборудования. При этом производство труб меньших диаметров в реконструируемом цеху продолжалось [4].

В результате самоотверженного труда строительство и пуск стана «1020» было успешно закончено на три месяца раньше правительственного срока. 25 февраля 1963 г. была произведена первая советская газопроводная труба большого диаметра, на которой рабочий (предположительно А. Дунаев) мелом написал «послание» с идеологическим подтекстом: «Труба тебе, Аденауэр!!!». Этот момент был запечатлен на фотопленку и впоследствии растиражирован советскими и зарубежными газетами. Ходили слухи, что первоначальный вариант надписи был нецензурным, однако подлинных подтверждений этому найти не удалось. Уже спустя 2 месяца после пуска коллектив стана добился выхода газопроводных труб до 83%, часовая производительность составила около 65 т. по сравнению с 55 т. по плану [5].

Выдающееся достижение советской промышленности не осталось без внимания иностранной прессы. «The New York Times» и «New York Herald Tribune» сообщили о попытках США заставить английское правительство запретить поставки

магистральных труб. Лондонская «Daily Express» в реакционном материале высмеяла попытки США навязать своим союзникам такой запрет, подчеркивая, что «страну, которая запустила первый спутник, не поставишь на колени из-за нехватки стальных труб». Как бы подчеркивая этот вывод, московский корреспондент «The New York Times» сообщил о досрочном производстве стальных труб большого диаметра в Челябинске. Об этом же сообщила западногерманская печать. Варшавская «Trybuna Ludu» писала по этому поводу: «Удар, направленный против СССР, обратился, прежде всего, против заинтересованных предприятий на Западе» [10].

Трубоэлектросварочный цех, несмотря на введение запрета, обеспечил трубами большого диаметра важнейшие народнохозяйственные стройки страны, в том числе газопровод «Бухара–Урал» и нефтепровод «Дружба». Первые эшелоны продукции со стана «1020» были отправлены непосредственно на трассу газопровода «Бухара–Урал». Магистраль протяженностью более 4000 км. связала месторождения Средней Азии и испытывавшую недостаток энергоносителей промышленность Урала. Главная задача – перевод на природный газ предприятий Челябинской и Свердловской областей – была решена [3]. Этот мощный прорыв в развитии региона не только способствовал переходу промышленности на новый технологический уровень и последующему экономическому росту, но и коренным образом улучшил повседневную жизнь миллионов людей.

Помимо сильной в идеологическом плане надписи на первой трубе, появилась прекрасная возможность ещё раз «насолить» руководству ФРГ, которой не преминули воспользоваться: первая состыковка челябинских труб с газопроводом состоялась под Берлином. Так называется село под г. Троицком в Челябинской области [8, с. 42].

Как мы видим, попытка сорвать строительство сети трубопроводного транспорта не удалась. С 1965 г. по нефтепроводу «Дружба» начинаются поставки нефти в ГДР, Венгрию, Чехословакию, Польшу и Болгарию. В 1967 г. СССР заключил договор об экспорте газа в Австрию. 1968 г. ознаменовался началом поставок советского газа в эту нейтральную страну, а через нее транзитом – в Италию. Взаимодействие с Австрией стало предтечей будущего важного советско-германского соглашения «Газ–Трубы». Западногерманские концерны также поэтапно отыграли ограничительные правительственные запреты и постепенно возобновили контракты на поставку труб и сопутствующего оборудования в Советский Союз.

Введенные санкции не нанесли серьезного ущерба экономике Советского Союза, однако последствия для правящих элит ФРГ были куда значимее. Из-за проблем с восточной торговлей часть

западногерманского делового мира дистанцировалась от ХДС/ХСС. Это стало одной из причин ухода К. Аденауэра в отставку в 1963 г. Место канцлера занял бывший министр экономики Людвиг Эрхард. Осенью 1969 года в ФРГ по итогам выборов впервые было сформировано правительство без участия христианских демократов, которое возглавили федеральный канцлер Вилли Брандт и вице-канцлер и министр иностранных дел Вальтер Шеель. С этого момента они приступили к претворению в жизнь «новой восточной политики» [7, с. 199].

Отдельно стоит отметить стратегическое планирование в советской экономике. Несмотря на ликвидацию Министерства черной металлургии СССР в рамках проводимой реформы управления промышленностью и строительством 1957 г., у руководства страны имелись сведения об «узких местах» народного хозяйства. Благодаря тому, что работа по строительству стана к моменту введения санкций уже активно велась, негативные последствия удалось свести к минимуму. Реформу 1957 г. часто критикуют за утрату единой научно-технической политики, однако на данном конкретном примере мы видим кооперацию ведущих научных заведений страны ради решения важнейших государственных задач.

За счет собственных ресурсов Советскому Союзу удалось преодолеть технологическое отставание и уменьшить зависимость от западных партнеров. Импортозамещение в сфере труб большого диаметра было достигнуто благодаря стратегическому планированию в экономике, развитой отраслевой науке, отлаженной связи науки с производством, квалифицированным рабочим кадрам и постоянному контролю за ходом строительства со стороны государства. Восхищения заслуживает трудовой подвиг рабочих, монтажников, строителей, которые трудились в тяжелейших условиях действующего цеха в несколько смен.

Библиографический список

1. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. П-92. – Оп. 17. – Д. 105. – Л. 57.
2. ОГАЧО. – Ф. Р-1613. – Оп. 7. – Д. 183. – Л. 433.
3. ОГАЧО. – Ф. Р-1613. – Оп. 7. – Д. 208. – Л. 152.
4. Правда. – 1963. – 21 апр.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 252. – Оп. 4. – Д. 610. – Л. 45.
6. РГАЭ. – Ф. 4372. – Оп. 64. – Д. 521. – Л. 35.
7. Смирнов С.В. У истоков российско-германского энергетического взаимодействия (70-е годы XX века) // Вестник МГИМО университета. – 2011. – № 2. – С. 193–201.
8. Ткаченко Е.И. Труба тебе, Аденауэр. – Челябинск: Книжное издательство, 1963. – 44 с.
9. Челябинский рабочий. – 1963. – 20 янв.
10. Челябинский рабочий. – 1963. – 29 март.

ЭКСПЕДИЦИЯ ПОДВОДНЫХ РАБОТ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА СЛУЖБЕ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ СССР

Данная работа посвящена становлению и развитию подводной археологии в России. В статье дан обзор историографии исследуемого вопроса, возникновению методологии дисциплины, описан практический опыт первых подводно-археологических экспедиций. Временные рамки рассматриваемого вопроса ограничиваются первой половиной XX столетия, именно этот период отождествляется с практическим переходом от фиксации случайных подводно-археологических объектов до их планомерного поиска, проведения раскопок и реставрационных операций. Экспедиционная деятельность, организованная в первые годы Советской власти, с участием ученых и профессиональных моряков-водолазов, явила миру беспрецедентный пример комплексного решения вопросов, касающихся изучения мирового океана. Автор акцентирует внимание на назревшей сегодня необходимости взвешенного подхода к вопросу сохранения подводно-культурного наследия Отечества, о важности проведения раскопок высококвалифицированными специалистами, и ужесточением ответственности за незаконное вторжение на памятники подводной археологии.

Ключевые слова: методология подводной археологии, экспедиционная деятельность, историография изучения памятников подводно-культурного наследия.

Подводная археология как самостоятельная историческая дисциплина с научной точки зрения сформировалась сравнительно недавно – официальное рождение дисциплины традиционно относят к 1900 году, когда греческими исследователями впервые была проведена подводно-археологическая экспедиция близ острова Антикефера, имеющая своей целью подъем корабля и останков груза, относящихся к античной эпохе. В нашей стране первые подводно-археологические исследования были проведены в 1905 году, когда при реконструкции Феодосийского порта было исследовано свайное поле и обнаружено несколько античных амфор.

В России о необходимости создания организации, предназначенной для поиска, описания и последующей паспортизации объектов подводно-культурного наследия, проведения классических археологических изысканий на памятниках, скрытых под водой, ученые заговорили в XIX столетии. Этому способствовало два, на первый взгляд, независимых друг от друга факта: окончательное закрепление российской государственности в Крыму, где достоянием ученых стало шикарное античное наследие греческих полисов, с течением времени оказавшееся под водой; с другой – технический прогресс на тот момент достиг уровня, позволяющего выпускать водолазное снаряжение, дающее возможность находиться под водой достаточно длительный временной период.

Однако до практического применения озвученных идей дело дошло при Советской власти, и изначально имело далекие от археологии задачи. В феврале 1923 года, комиссия ОГПУ рассмотрела не совсем типичную для службы повестку дня: перед чекистами выступали морские инженеры В.С. Языков и Д.А. Карпович, предлагающие истощенной республике принять участие в самой настоящей аванюре. Докладчики сообщали, что

в ходе Крымской войны нападавшие потеряли близ Севастополя 27 единиц кораблей, на одном из которых – «Принц», по непроверенным данным, хранилось жалование союзнической армии. Поисками утраченного сокровища занялись практически сразу после подписания мирных соглашений: кроме попыток отечественных специалистов, свое счастье в поиске пытали разномастные экспедиции американцев, итальянцев, французов. Однако корабль не был обнаружен [4, с. 13].

В.С. Языков с 1908 года занимался вопросом «Принца», им были подготовлены подробные карты, сметы, но главное – талантливый русский изобретатель Е.Г. Даниленко предоставил в распоряжение изыскателей чертежи собственного водолазного снаряжения для спусков на глубину [7, с. 43]. Вряд ли это предложение заинтересовало помощников «железного Феликса», если бы не одно «но»: помимо «Принца» в бухте Севастополя было затоплено огромное количество кораблей уже в период недавней интервенции и Гражданской войны. Новой власти нужны были не только боевые суда, но и металл, из которых они изготовлены, артиллерийские орудия, навигационное оборудование. В результате, приказами ОГПУ №463 и 528 была создана Экспедиция Подводных Работ Особого Назначения (ЭПРОН), под руководством Льва Захарова-Мейера [14, с. 56].

Первый состав экспедиции насчитывал три десятка человек, буксирный катер, водолазное снаряжение Даниленко, изготовленное на московском заводе «Парострой» и баржу «Болиндер» с лебедкой. Численность предприятия к марту 1930-го года уже составляла 750 человек, а филиалы экспедиции находились на всех крупных акваториях страны. Перед войной водолазы ЭПРОНА по популярности уступали разве только летчикам, да и то – полярным. На экраны кинотеатров выходят героические новеллы «Сокровища погибшего

корабля», «Гибель Орла», повествующие об освоении советским человеком подводного мира; в цирках и парках ставился аттракцион «Люди морского дна», проводятся тематические вечера, публичные лекции, печатаются статьи в периодике [6, с. 29]. Описываемые годы минувшего столетия – короткий, но достаточно яркий период развития культурно-научного потенциала страны. От практической деятельности еще не были отгёрты представители царской школы, повсеместно открывающиеся учебные заведения различного ранга, они готовили, пусть и в недостаточном количестве, отличные кадры, наконец, маховик репрессий, не обошедший, к сожалению, и высшую гуманитарную школу, еще не был целиком запущен.

В 1932 году Экспедицию возглавил Фотий Иванович Крылов – человек, с чьим именем и ассоциируется ЭПРОН [14, с. 44]. Куратор Экспедиции Лев Захаров в середине тридцатых начал работать над книгой «Темно-голубой мир», редактором которой выступал Максим Горький. Труд представлял собой архив уникальных фотографий и документов о практическом применении эпроновцев. После ареста Захарова-Мейра завершённая рукопись оказалась невостребованной и погибла в октябрьскую панику в Москве 41-го года [7, с. 47].

В 1934 году, по рекомендации академика Алексея Крылова, в ЭПРОН на должность научного консультанта был приглашен представитель яркой армянской фамилии, профессор Рубен Абгарович Орбели (1880–1943). На тот момент никто не предполагал, что данное назначение приведет соискателя к званию родоначальника отечественной подводной археологии в историографии. Свой научный потенциал, направленный на формирование методического аппарата новой дисциплины и практического применения разработанных методик, профессор Орбели задействовал уже состоявшимся ученым, имеющим за плечами огромный научно-педагогический опыт.

Рубен Абгарович сумел сконцентрировать внимание общественности на главной проблеме отрасли: не поиск и подъем археологических артефактов из-под воды, а его дальнейшая консервация и сохранность, в условиях соприкосновения материалов с воздухом. Разработка методологических основ профессора носила классический научный подход: изучение историографии вопроса, проработка имеющейся источниковедческой базы, оценка компетенции деятелей дня сегодняшнего, и, наконец, перспективы развития исследуемого научного направления. Видимо, в силу политического пожелания, термин «подводная археология» исследователем не использовался, он заменил его на «гидроархеология», но с течением времени интернациональное название прижилось и в нашем Отечестве [8, с. 102]

Окунувшись в развитие совершенно нового научного направления, Рубен Абгарович сразу

же обозначил основную практическую проблему подводной археологии довоенного периода – возможность работать под водой только квалифицированным водолазам, имеющим высокий уровень физической и профессиональной подготовки, что по целому ряду объективных причин закрывало вход под воду ученым-историкам [11, с. 36]. Прецедентом для неутешительных выводов профессора Орбели, видимо, послужило невольное заблуждение руководителя Гераклеийской экспедиции, видного крымского музеоведа К.Э. Гриневича. Созданная ученым на фондах НИИ Археологии и Искусствознания организация для подводных изысканий имела своей задачей проведение работ по локализации древнего Херсонеса.

Для технического обеспечения из штата ЭПРОНа были выделены моторный баркас «Стенька Разин», инструктор подводных спусков, медработник и два водолаза [5, с. 21]. В отличие от нынешнего дня, в описываемую пору газетам верили, а тогда с полос периодики объявили об обнаружении античного Херсонеса, воспетого Страбоном – крепостные башни, каменные стены, вымощенные площади... Оператор Борис Цейтлин провел ряд подводных кино съемок, позволивших в дальнейшем смонтировать документальный фильм «Город и море», что, по сути, стало прорывом в кинематографе. Однако все это не имело под собой фактического подтверждения – реальные останки поселения до сих пор до конца не исследованы, и внешне выглядят куда более скромно. А подводная команда Гриневича, не имеющая специального образования, приняла за городские строения естественные коренные породы на илистом дне Карантинной бухты [10, с. 21]. К сожалению, арест профессора в 1932 году не позволили ученому в дальнейшем вернуться к подводно-археологической деятельности.

После накопления необходимого теоретического базиса, в 1937 году, Рубен Орбели приступил к экспедиционной деятельности, придавая ей повсеместную огласку, тем самым вовлекая в процесс сохранения подводно-культурного наследия широкие слои советской общественности. Примерно в это же время у него завязывается деловая переписка с известным ученым из Московского государственного университета, В.Д. Блаватским, которому со временем предстоит сменить Орбели на исследуемом поприще [9, с. 71]. Дебютная экспедиция под руководством Рубена Абгаровича получила прекрасный результат, подкрепленный великолепным фактическим материалом, сопровождаемый всесторонней поддержкой, дающий самые радужные перспективы на будущее.

Еще в момент подготовки к полевому сезону в распоряжении профессора оказалась информация об обнаруженной в Одесской области, близ села Саботиновка, деревянной лодки однодеревки, древний возраст которой не вызывал сомнений.

Челн оказался над поверхностью воды в результате обмеления Буга, однако желание извлечь его силами местных активистов привело к разлому судна на две составляющие. Орбели было известно, что близ Саботиновки находилась малоизученная стоянка Каменного века. Прибыв на место, экспедиция, состоявшая из одной водолазной станции (пять водолазов ЭПРОНа), приняла характер спасательной операции: оторванная часть челна хранилась у администрации колхоза, оставшаяся в воде лежала носовой частью в грунте, вверх килем, под углом в 45°, сильно заиленная. Отчистить артефакт от нанесенных донных отложений решено было методом промывания грунта, с синхронным подъемом его со дна талями, зафиксированными на двух рыбацких лодках, с помощью которых находка была отбуксирована на мелководье.

После успешного подъема судна и проведения обязательных мероприятий по согласованию его дальнейшей судьбы, было принято решение о проведении лабораторных исследований находки в Ленинграде. Габариты памятника были следующими: длина – 6,81 метра, глубина – 0,86 м., ширина 0,72–0,8 м. Кормовая часть была оборудована продольными разрезами под место для сидения, длиной 30 см, на расстоянии 79 см от края кормы, там же имелась поперечная скамья из однородного материала, шириной 8–10 см, на высоте 21 см. На носу был выполнен конусообразный выступ, диаметром 3 см, носящий, по всей видимости, эстетический характер [11, с. 161].

Челн изготовлен из цельного ствола дуба методом вырубки и выжигания породы, никаких металлических деталей и следов дополнительной обшивки обнаружено не было. Анализ древесины проводила лаборатория Ленинградской Лесотехнической академии под руководством профессора С.И. Ванина. Благодаря впервые примененному физико-химическому методу, выводы были следующими: возраст дерева перекрывает рамки выдержки мореного дуба, и по совокупности сопоставленных фактов относится к I тыс. до н.э. Сегодня Бугская находка экспонируется в Военно-Морском музее Петербурга [2, с. 49], и до настоящего времени является старейшим примером плавательных средств коренного населения лесостепной зоны современной России.

С окончанием «саботиновской» эпопеи внимание Рубена Орбели вновь сконцентрировалось на античных поселениях Черноморского побережья. В своих публичных размышлениях профессор, наряду с озвучиванием планируемого и уже достигнутого, все больше расширяет орбиту взаимодействия человека и водного пространства, задаваясь уже не столько вопросом его истории, сколько всей составляющей в плане социальной ответственности просвещенной современности: что сделали водолазы-историки для науки, что должны сделать.

Деятельность эпроновцев способствовала вводу в научный оборот еще одного, очень важного, на наш взгляд, момента, относящегося к самостоятельности подводной археологии, как к полноценной исторической дисциплине. Главная задача археологии – подтверждение или опровержение предположений или же устоявшихся исторических догматов путем предоставления фактического материала. Юридический термин «континуитет», обозначающий непрерывность государственного образования в отдельно взятом регионе, несмотря на неоднократно сменяющийся политический строй, не случайно прижился в исторической науке. Работая на сухопутных раскопках, археологи нередко становятся свидетелями резкой смены одной культуры другой на одном и том же памятнике, в силу того, что на смену любого расцвета обязательно придет кризис. И чем сильнее возвышалась культура, тем жестче ей приходилось разбиваться об этот же грунт, под натиском более сильных и решительных. В результате сухопутные археологи раскапывая, к примеру, строение, могут только проследить за изменением правил архитектуры и используемого материала. Подводная же археология работает с основой, с тем самобытным памятником, который непреднамеренно потерял влияние человека, оставшись для потомства в своем первозданном виде [2, с. 51].

5 августа 1937 года Фотий Крылов издал по ЭПРОНу приказ № 100 о необходимости проведения исследовательских работ близ городов Керчь, Феодосия, Херсонес и Ольвия. Для обеспечения подводных спусков в экспедицию откомандировывались курсанты Морского Водолазного техникума, общее руководство возлагалось на профессора Орбели. Херсонскую партию составили шесть курсантов во главе инструктора Бурцева, в Ольвии работали водолазы-инструкторы Токоревский и Титаренко. Во время разведочных спусков в Феодосии удалось обнаружить каменную кладку длиной порядка 50 метров, для определения датировки постройки на поверхность были подняты три строительных блока разного размера. По окончании полевого сезона Рубен Абгарович продолжил формирование теоретического базиса нового научного направления советской археологии.

По мнению ученого, для полноценного цикла недостаточно иметь подготовленные кадры подводных археологов, необходимо организовать Всесоюзный музей, где будут аккумулироваться находки с «мокрых» раскопок, а также необходимо инициировать создание в недрах Академии Наук специализированного Высшего Научно-Исследовательского заведения, способного выращивать из участников подводно-археологических экспедиций ученых с мировым именем [3, с. 81]. Отдельное внимание Орбели акцентировал на острой необходимости создания гидроархеологической карты,

на которую наносились бы все объекты, имеющие точное описание, или только предполагаемые для обследования. Каждый объект должен был быть снабжен кратким справочным материалом, повествующим об истории и характере памятника, его особенностях и перспективах. Данная картотека, являющаяся обязательным приложением к карте, способствовала бы составлению более четкой картины подводного наследия страны. С позиций дня сегодняшнего мы можем констатировать тот факт, что за минувшие десятилетия карта так и не была создана, а при сегодняшней доступности подводно-археологических комплексов, она скорее окажет науке медвежью услугу, нежели принесет фактическую помощь [1, с. 91]

Ни одна серьезная монография, вышедшая в свет в СССР или в странах Восточной Европы, посвященная деятельности человека под водой, не обошлась без доскональной проработки литературного наследия Рубена Абгаровича, подкрепленного практическим применением силами эпроновцев. Библиография теоретических работ Орбели не может похвастаться широкой линейкой, но основные учебники и не должны отличаться большим ассортиментом. Две самые важные работы ученого были изданы уже после его кончины: в 1945 году, в издательстве «Судоподъем» вышла монография «Гидроархеология. Подводные исторические изыскания близ древнегреческих городов на Черноморском побережье», как видно из названия, посвященная акваториям Северного Причерноморья [11, с. 35], через два года редакционная коллегия РечИздата подготовила посмертное издание профессора, оформленное не только как самостоятельный труд ученого, но и несущее в себе задачу увековечить память о создателе гидроархеологии.

Помимо работ, осуществляемых в Черноморском бассейне, в довоенный период стоит отметить подводно-археологические раскопки, проводимые на Каспии, под эгидой Азербайджанской Академии Наук. В 1939 году было инициировано создание комплексной археологической экспедиции под руководством местных исследователей Джафарзаде И.М. и Пахомова Е.А. Результатом проведенной экспедиции в Бакинской бухте оказалось обнаружение 636 фризовых плит, украшенных хорошо сохранившимися рельефными надписями, орнаментированными мотивами зооморфного характера. Комплекс получил название «Байыл герси» («Баиловский замок») или как его сейчас называют всё чаще – Баиловские камни. В результате проведенных анализов, а главное – расшифровки надписей, удалось установить имена зодчих и время постройки – вторая четверть XIII века. А вот отсутствие бытовых следов пребывания человека подтвердило мнение о постепенном затоплении архитектурного ансамбля [13, с. 56], чему дополнительным аргументом служит скифский некрополь, обнаружен-

ный на рубеже 1939–1940 годов при строительстве Артемовской дамбы в Апшеронском проливе на глубине полтора метра. Водолазам удалось поднять девять каменных гробниц, длиной 240 см каждая, с останками воинов. Как известно, скифская традиция не предполагает хранить усопших вне суши [12, с. 81].

Конечно, первые попытки проведения подводно-археологических изысканий не обошлись без допущенных просчетов, историография абсолютно умалчивает, каким образом гидроархеологи работали непосредственно на объекте: как организовывалась первичная стабилизация памятника, осуществлялась ли зарисовка и картографирование. Очевидным становится и отсутствие мероприятий, направленных на консервацию раскопа до следующего сезона, т. е. работы не являлись систематическими, а носили разведочный характер, с фактическим подтверждением.

Разразившаяся Великая Отечественная война надолго отодвинула проблемы подводной археологии, водолазы ЭПРОНа под штандартами уже других подразделений ВМФ внесли свою посильную лепту в Великую победу. После войны, с появлением акваланга, необходимость участия профессиональных водолазов в подводно-археологических экспедициях отпала, на их место пришли физически годные к погружениям студенты-историки. Но вплоть до наших дней любой серьезный труд по подводной археологии с первых же страниц пропитан искренней благодарностью к тем, по большей части неизвестным лицам, чья плодотворная деятельность позволила своевременно среагировать на потребности всей гуманитарной науки в образовании и становлении отечественной школы подводной археологии.

Библиографический список

1. *Агбунов М.В.* Новый этап в подводной археологии // Спортсмен-подводник. – 1984. – № 71. – С. 90–96
2. *Березин А.А.* Подводные исследования античного городища Патрей // Музей. – 2010. – № 1. – С. 48–54.
3. *Блаватский В.Д.* О подводной археологии // Советская археология. – 1958. – № 3. – С. 78–90.
4. *Боровиков П.А.* Водолазное дело России. – М.: Мысль, 2005. – 320 с.
5. *Гриневиц К.Э.* Исследования подводного города близ Херсонесского маяка. – М.: Государственная Академия Искусствознания. – 1931. – 116 с.
6. *Кареев В., Хаустов А.* Продолжатели дела ЭПРОНа // Морской Флот. – 2008. – № 6. – С. 27–31.
7. *Леонтьева Т.* Над старыми фотографиями // Родина. – 1996. – № 3.
8. *Мельник А.Н.* Р.А. Орбели – родоначальник комплексного источниковедения // Комплексные

методы в исторических исследованиях. – М.: Наука, 1987. – 80 с.

9. Мельник А.Н., Шатунова Н.В. Отечественная гидроархеология: история и прогресс // Методы естественных наук в археологии. – 1987. – № 1. – С. 71–78.

10. Огороков А.В. История отечественной подводной археологии. – М.: Кнорус, 2008. – 160 с.

11. Орбели Р.А. Подводная археологии // Наука и жизнь. – 1939. – № 8. – С. 36–40.

12. Разумов Г.А., Хасин М.Ф. Тонущие города. – М.: Стройиздат, 1991. – 290 с.

13. Чернов А.А. Тайны Каспийских глубин // Спортсмен-подводник. – 1976. – № 44. – С. 52–58.

14. Чикер Н.П. Служба особого назначения. – М.: ДОСААФ, 1975. – 90 с.

УДК 387

Микуленок Александра Андреевна

Кубанский государственный университет, г. Краснодар
klio-alex@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКИМИ ЭМИГРАНТАМИ В ПОЛЬШЕ В 1920–1930-е гг.

Статья посвящена такому аспекту жизни российских эмигрантов как получение высшего образования в межвоенный период. Автор основывает свое научное исследование на архивных документах, хранящихся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ), и эмигрантской периодике, выходившей в Польше 1917–1939 гг. Обращается внимание на отличительные черты положения студентов-эмигрантов в лимитрофных государствах. Помимо этого проводится анализ специфики получения высшего образования и проживания студентов непосредственно в самой Польше. Рассматриваются отличительные черты получения высшего образования в разных странах, делается вывод о том, что студенты-эмигранты в лимитрофных государствах имели специфические особенности, выделявшие их среди студентов-эмигрантов, проживавших в других странах. Связанно это было и с особенным положением эмигрантов, как в самих лимитрофных странах, так и с шовинистской политикой местных правительств в целом. Показаны трудности, с которыми сталкивались беженцы и отношение местных правительств к данному вопросу. Автор приходит к выводу о том, что местные правительства проводили двойную политику в отношении эмигрантского студенчества: с одной стороны, издавались законы, направленные на улучшение положения и облегчения получения высшего образования, с другой – проводилась политика ущемления прав национальных меньшинств, и касалась она всех аспектов их жизни.

Ключевые слова: Польша, российская эмиграция, высшее образование, студенты-эмигранты.

В современном мире, подверженном локальным конфликтам, проблема беженцев выходит на первый план. Оказание помощи людям, спасающимся бегством от военных действий на своей родине, является приоритетным согласно конвенции ООН по правам беженцев от 28 июля 1951 г. Помощь, оказываемая эмигрантам, заключается не только в предоставлении убежища на время военных конфликтов, но и во всестороннем содействии при налаживании всех аспектов жизни, в том числе, и получения высшего образования. Исследование истории российской эмиграции поможет отчетливее увидеть и понять повседневную жизнь беженцев, их проблемы и способы выхода из сложных ситуаций и избежать ошибок, недоразумений и осложнений, которые возникали в межвоенный период между беженцами и правительствами странреципиентов. В отечественной и зарубежной историографии проблема получения высшего образования студентами-эмигрантами рассматривалась либо в целом, либо приоритет при изучении отдавался самым крупным центрам эмигрантской науки – Чехословакии, Югославии и Франции [1; 2; 16; 17; 20; 21]. Проблема получения высшего образования российскими эмигрантами в других странах, в том числе и лимитрофных государствах в межвоенный период недостаточно изучена. Целью данной работы является показать

отличительные и общие черты студентов-эмигрантов в Польше от своих товарищей по несчастью, условия получения высшего образования, трудности, с которыми им приходилось сталкиваться, и отношение местных правительств к ним.

После революции в России за границей оказалось более 12000 российских студентов. Из них только около половины имели возможность продолжить свое образование, остальные вынуждены были жить на грани нищеты, берясь за любую тяжелую и малооплачиваемую работу. Особенно тяжелое положение студентов-эмигрантов было в Польше, Румынии, Турции, Тунисе и Словакии [14, л. 4].

Среди эмигрантов большинство хотели получить или продолжить прерванное революцией высшее образование, однако из-за отсутствия необходимых денежных средств это не всегда было возможно [12, л. 1]. Еще одним препятствием для получения образования являлось нежелание консульских отделов выдавать визы на период обучения. Ниже приведена таблица 1, отражающая численность абитуриентов и студентов в Европе в 1924 г. Из таблицы 1 видно, что положение абитуриентов было достаточно сложным, и шансы продолжить обучение составляли 50/50, а окончание государственной школы в любой европейской стране не давало гарантий беспрепятственного поступления в вуз [9, л. 18].

Соотношение численности абитуриентов и студентов в 1924 г. [9, л. 18]

Страна-реципиент	Общая численность	Зачисленные в вузы	Не поступившие в вузы
Австрия	300	120	180
Англия	175	175	—
Бельгия	130	105	25
Болгария	2200	100	2100
Венгрия	40	40	—
Германия	2500	1000	1500
Греция	400	15	385
Данциг	70	35	35
Италия	30	30	—
Латвия	160	30	130
Норвегия	15	5	10
Польша	1000	450	550
Румыния	50	—	50
Турция	—	—	—
Франция	1500	500	1000
Чехословакия	3200	3200	—
Эстония	250	150	100
Югославия	3450	2200	1250
Итого	15470	8155	7315

Для предоставления возможности получения высшего образования как можно более широкому кругу абитуриентов в 1921 г. American Y.M.C.A. (Young Men's Christian Association) были организованы Русские Курсы Заочного Преподавания (РКЗП), которые пользовались популярностью у эмигрантов из России. В 1926 г. на курсы записалось 6498 человек из 46 стран мира, в том числе 47 человек из Румынии, из Польши – 1336 чел., Эстонии – 496 чел., Латвии – 352 чел., Литвы – 405 чел., Финляндии – 153 чел. [19, с. 30].

Однако большинство российских эмигрантов предпочитали продолжить прерванное обучение в университете. В каждой странереципиенте были свои особенности поступления в вузы для беженцев. Например, студенты-эмигранты, проживавшие во Франции, не могли претендовать на получение визы для обучения в другом европейском государстве, так как имели возможность получить высшее образование там. Однако многие абитуриенты все же стремились попасть в Чехословакию, которая являлась своеобразным научным центром Русского зарубежья, где они могли рассчитывать на получение правительственной стипендии. С 19 апреля 1923 г. эту практику пришлось прекратить в связи с большим количеством желавших получать стипендию и ограничением в денежных средствах. При выдаче визы могло быть сделано исключение при условии, что проситель предоставит гарантии того, что будет самостоятельно оплачивать свои расходы на обучение, и не будет претендовать на материальную помощь в течение всего периода обучения [5, л. 29–30].

Для получения высшего образования абитуриенты отдавали предпочтение таким странам, как Чехословакия, Франция и Бельгия. Наличие советского диплома являлось скорее препятствием для поступления в вузы, чем преимуществом. При его наличии можно было поступать в любой вуз, но без права получения диплома и допуска к государственным экзаменам по окончании курса. Либо можно было сдать экзамены на аттестат зрелости при местной Русской Академической Группе, и после успешного прохождения испытаний экзаменуемый становился полноправным студентом любой высшей школы в Чехословакии, Франции или Бельгии [11, л. 13–14].

Помимо этого для поступления в вузы Чехословакии необходимо было разрешение на проживание в стране [11, л. 11, 19]. Стоимость обучения была различная, но выше чем для чехов, и варьировалась в зависимости от факультета и в среднем составляла около 800–1000 чешских крон в год, при годовом прожиточном минимуме в 600 чешских крон, что было эквивалентно 30 долларам САСШ (Северо-Американских Соединенных Штатов).

Для поступления в вуз необходимо было представить документы о среднем образовании, метрическое свидетельство и документы, дающие право на проживание в стране.

Русские студенты в лимитрофных государствах несколько отличались от своих товарищей по несчастью, проживавших в европейских странах. Они состояли из эмигрантов из России, интернированных из Белой Армии и русского национального меньшинства, проживавшего здесь еще до провозглашения независимости этих стран [8, л. 2].

Эстонская Республика обрела независимость в 1918 г., выйдя из состава Российской империи, и до 1920 г. вела войну за свою независимость с большевиками. В 1920 г. много беженцев оказалось в Эстонии без средств к существованию и с весьма ограниченными гражданскими правами. Часть из них находилась в концентрационных лагерях, на принудительных лесных работах или еще не оправилась от сыпного тифа, свирепствовавшего среди беженцев и на прифронтовой территории. Единственной возможностью получить высшее образование для русскоязычного населения было поступление в Дерптский Университет, который вновь открылся после перерыва на время военных действий, так как они обязаны были проживать в г. Дерпт. Однако для поступления необходимо было представить академические справки, которые у большинства отсутствовали. Оплачивали свое обучение такие студенты как иностранцы, в двойном размере, и не могли рассчитывать на льготы, предоставляемые подданным лимитрофных государств. Плата составляла 8000 эстонских марок или 20 долларов в год. Все попытки уравнивать стоимость обучения между эстонскими гражданами и эмигрантами не принесли никаких результатов. Но, несмотря ни на что, численность желавших получить высшее образование из года в год только увеличивалась. В 1920 г. в эстонских вузах обучалось 32 русскоязычных студента, а в 1924 г. – уже 162 чел. Наибольшей популярностью пользовались гуманитарные специальности, такие как филология, юриспруденция, ветеринария и т.д. Чтение лекций осуществлялось на немецком, эстонском или русском языках, в зависимости от выбора преподавателя, поэтому студентам приходилось подстраиваться под каждую дисциплину.

Русскоязычные студенты в обязательном порядке сдавали экзамен по эстонскому языку, помимо этого эмигрантам необходимо было получить разрешение от Министерства Народного Просвещения для поступления в высшие учебные заведения страны [8, л. 2; 7].

В Польше и Румынии большинство студентов из числа российских эмигрантов находились в концентрационных лагерях, где они проживали в неблагоприятных условиях, вследствие этого был широко распространен туберкулез [14; л. 4].

В 1923 г. численность российских студентов в Польше достигала 500 человек, а абитуриентов – 300. Русские студенты никаких привилегий при обучении и проживании в стране не имели и подчинялись всем законам и ограничениям, которые применялись к иностранцам и беженцам.

Они имели право селиться только с разрешения местных старост и полиции. Для этого необходимо было предоставить прошение о предоставлении места жительства в связи с работой, проживанием родственников, учебной и т.д. [6, л. 15–17]. Разре-

шение выдавалось на краткий срок, как правило, на 3 месяца, и, следовательно, требовалась постоянная его пролонгация. Студенты-эмигранты, как и другие беженцы, не могли свободно передвигаться внутри страны, для этого им необходимо было получать специальное разрешение.

В приграничных районах – «восточных краях» – российским эмигрантам вообще запрещалось проживать, дабы они не дестабилизировали и так не простую обстановку.

Все правила и нормы, существовавшие в Польше для иностранцев, относились и к эмигрантам, однако применялись и трактовались они в зависимости от позиции местных властей по отношению к той или иной национальности, и ущемлялись интересы только российских эмигрантов, следовательно, и студентов. Никакие иностранные дипломатические представительства не пожелали взять на себя заботу о студентах-беженцах с юридической стороны.

Абитуриенты, окончившие русскую школу в Польше, лишались права поступления в вузы [6, л. 16–17]. Связано это было с тем, что все русскоязычные школы становились частными, без права выдачи аттестата зрелости. Выпускник мог только получить свидетельство о прослушивании курса, а это, в свою очередь, сводило к минимуму возможность поступления в вузы [18, с. 108]. Другая причина заключалась в том, что все вступительные экзамены сдавались на польском языке, а это достаточно часто являлось непреодолимым препятствием для русскоязычных абитуриентов, не знавших всех филологических особенностей языка страны-реципиента.

Для поступления в польские вузы требовался стандартный пакет документов. Однако многие абитуриенты ввиду различных причин не всегда имели таковых на руках. Поэтому в 1921 г. Министерство Народного Просвещения совместно с Министерством Иностранных Дел уведомило ректоров высших учебных заведений в Польше, что студенты, не имевшие на руках документы о среднем или высшем образовании и желавшие их получить, могли подать соответствующее прошение в консульский отдел при польском посольстве в Москве или в Харькове [3, с. 3]. Прошение оплачивалось гербовым сбором, в противном случае, оно не принималось к рассмотрению. Ректоры должны были отправлять поданные им прошения на имя консульских отделов через экспедиции курьеров Министерства Иностранных Дел, находившиеся по адресу г. Варшава, ул. Медовая, д. 22. Для получения документов из России была установлена оплата в размере 110 польских марок за 1 документ. Лица, не обучавшиеся в вузах и желавшие получить документы об обучении из России, должны были обращаться непосредственно в сам консульский департамент МИДа в Варшаве. Он должен был оказывать содействие при получении из России и других документов: актов гражданского

состояния, судебных и ценных бумаг, нотариальных бумаг и актов и т. д.

В 1922 г. было издано распоряжение МВД, согласно которому беженцы, прибывшие в страну после октября 1920 г., и не имевшие необходимых документов для проживания на территории Польши, должны были покинуть ее не позднее 1 марта 1923 г. После обнародования этого распоряжения принудительная депортация грозила 543 студентам, поэтому было решено перевести их на обучение в Германию, Чехословакию или Францию [6, л. 13 об.].

Неоднократно внимание польского правительства обращалось на тяжелое положение беженцев-студентов, находящихся в лагерях интернированных. В Тухоле находились остатки бывших армий Пермикина и БулакБалаховича. Среди офицеров и солдат этих армий было более 250 человек бывших студентов русских высших учебных заведений и абитуриентов [4, л. 1–2]. Часть их них, около 150 человек, смогла поступить в вузы Варшавы [7, л. 3–4]. Остальные вынуждены были остаться в лагере, несмотря на многочисленные попытки поступления в вузы. Так, например, студенты, зачисленные в 1921 г., но отказавшиеся от обучения из-за болезни, на следующий год уже не были приняты, другие были отчислены из Варшавского университета, так как правление Союза Русских Студентов в Польше вовремя не внесло денег за обучение. В восстановлении им было отказано без объяснения причин. Другие не были зачислены из-за того, что они закончили духовную Семинарию или частные учебные заведения, пользовавшиеся правами государственных в России.

Таким образом, российские беженцы и интернированные по тем или иным причинам, не поступившие в вузы, должны были остаться в лагере. Помимо этого в 1922 г. Польское правительство распорядилось вернуться в лагерь интернированным, нашедшим работу за пределами лагеря. В связи с этим около 50 человек должно было вернуться обратно в лагерь. Студенты подчинялись всем правилам, существующим в лагерях [4, л. 1–2]. Они не отказывались ни от какой работы: соглашались плести соломенные корзины, работать в различных благотворительных организациях лагеря. Заработок их составлял от 4 до 15 тысяч польских марок, что было эквивалентно 8–39 чешским кронам [7, л. 3–4]. На эти деньги они могли лишь немного разнообразить свой рацион питания, на большее их не хватало. Все студенты-эмигранты проживали в сырых землянках, представляющих собой нары и узкий проход, которые не освещались ни днем, ни ночью. Весной ветхие крыши землянок протекали, сырость выступала из всех углов, внизу часто стояли лужи воды, а на спящих «с потолка» капала грязная жидкость. Из-за антисанитарных условий в лагерях свирепствовали инфекционные болезни и туберкулез. Выдаваемый продуктовый паек

систематически сокращался, и студенты вынуждены были продавать последнюю одежду, чтобы купить фунт хлеба и не умереть с голода. Никакие денежные переводы интернированным студентам не поступали. Ситуация менялась в лучшую сторону только за счет добровольных пожертвований извне. Выход на прогулку был запрещен. Любой контакт с внешним миром было максимально ограничен. Письма, отправляемые «из» и «в» лагерь, подвергались тщательной цензуре, и нередко не доходили до адресата, не пройдя ее [4, л. 1–2].

Некоторые не выдерживали тяжелых условий в лагерях, предпочитали вернуться в Советскую Россию.

Несколько иначе обстояли дела у тех, кто смог продолжить свое образование: им не удавалось совмещать работу и учебу в университете. Молодой человек, получавший от родителей 70–100 злотых в месяц мог вести достаточно скромный образ жизни в Варшаве, Перечисляемых денег хватало лишь на самое необходимое [15, Кадр 0361]. Например, у техников было много расходов на чертежные принадлежности, у юристов были дорогие учебники и научные пособия, что требовало значительных трат.

В среднем стоимость не очень хорошего обеда в Варшаве составляла от 65 до 90 грошей, в то время как в Вильно «приличный» комплексный обед стоил 55 грошей и в целом жизнь в Вильно была значительно дешевле, так что на эту же сумму можно было вести весьма достойный образ жизни.

Однако не все могли рассчитывать на материальную помощь от родственников. Такие студенты вынуждены были работать, им приходилось брать академический отпуск на год или несколько лет и откладывать свое обучение.

Студенты старались подрабатывать, давая частные уроки или берясь за любую физическую работу. Но в период кризиса и безработицы найти заработок становилось весьма проблематичным. Студент-техник все же мог найти себе подработку, но юристы, богословы или филологи были решены такой возможности.

По статистике русской гимназии в Бресте, 30% выпускников поступили в высшую техническую школу, 30% – на медицинский факультет, 20% – предпочли историко-филологический факультет, остальные распределились между юридическим, богословским и в меньшей степени – математическим и естественным факультетами. В Вильно большинство студентов обучалось на медицинском и юридическом факультетах, в Варшаве преобладали технические специальности.

Девушки предпочитали поступать на гуманитарные факультеты, наибольшей популярностью пользовались историко-филологический и медицинский. Инженерские специальности не были столь востребованы.

Для защиты интересов студентов-эмигрантов в Польше 31 марта 1921 г. был образовано Объединение Русских Эмигрантских Студенческих Организаций (ОРЭСО). Его цели и задачи заключались в оказании материальной, моральной и правовой помощи русским студентам [13, л. 1]. Союз занимался выдачей пособий, организацией лекций и курсов языков, содействовал поступлению абитуриентов в высшие учебные заведения, как в самой Польше, так и за ее пределами. Главным образом он основывался на платформе нетерпимости по отношению к большевизму. Вступать в союз могли студенты и абитуриенты обоего пола, признававшие свое российское гражданство. За исключением студентов русской национальности, не имевших польского гражданства, которые не могли состоять в действительном совете союза. Общая численность членов союза составляла 168 человек, из них в вузах обучалось около 84 человек, из которых только 53 человека уделяли должное внимание обучению [10, л. 11]. Члены союза, не вносившие членский взнос в течение 3-х месяцев и не подавшие прошение об отсрочке, автоматически исключались из состава союза [13, л. 2]. Правление ОРЭСО, а также СРС пытались ходатайствовать перед польским правительством об улучшении условий быта русских студентов или хотя бы об освобождении платы за обучение и оказании материальной поддержки, однако все они не были удовлетворены [6, л. 18]. Ф. Нансен был осведомлен о достаточно тяжелом положении студентов-эмигрантов и пытался решить данный вопрос, обращаясь к правительствам разных стран, однако все попытки были тщетны [14, л. 4].

Таким образом, положение российских студентов-эмигрантов в Польше было весьма сложным. Они оказались без денег, без прав, без защиты в чужой стране. Однако, не смотря на тяжелое материальное, правовое положение и моральное состояние, многие эмигранты пытались закончить прерванное высшее образование или получить его. Не всегда правительства стран-реципиентов способствовали этому, встречалось множество препятствий в виде невозможности оплачивать образование из-за высокой его стоимости или совмещения работы и учебы в университете. Помимо этого в лимитрофных государствах, в том числе и в Польше, велась активная шовинистская политика, направленная на ущемление прав русскоязычного населения, закрывались национальные школы, у абитуриентов не принимались документы, не соответствующие стандартам, которые предъявлялись правительствами к школьному образованию, вводились обязательные экзамены по государственному языку для эмигрантов, требовались специальные разрешения для поступления в вузы, проживания на той или иной территории, передвижения внутри страны. Однако нельзя выделить страны, где для беженцев были созданы са-

мые благоприятные или не благоприятные условия для получения высшего образования, потому что из года в год ситуация кардинально менялась и там, где правительство активно предоставляло стипендии и всячески поддерживало студентов. Но вопреки всем трудностям, с каждым годом количество желающих продолжить свое образование только увеличивалось.

Библиографический список

1. *Бирюкова К.В.* Социальная адаптация российских студентов-эмигрантов в Центральной и Восточной Европе в 1920–1930-е гг. – СПб.: Алетея, 2012. – 136 с.
2. *Бочарова З.С.* Организация образования в российском зарубежье: правовые основы и исторический опыт 20–30-х годов XX века // *Право и образование.* – 2005. – № 5. – С. 190–207.
3. Варшавские отклики. – 1921. – 17 декабря. – № 17.
4. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р–5831. – Оп. 1. – Д. 385.
5. ГАРФ. – Ф. Р–5837. – Оп. 1. – Д. 52.
6. ГАРФ. – Ф. Р–5837. – Оп. 1. – Д. 91.
7. ГАРФ. – Ф. Р–5837. – Оп. 1. – Д. 159.
8. ГАРФ. – Ф. Р–5837. – Оп. 1. – Д. 206.
9. ГАРФ. – Ф. Р–5837. – Оп. 1. – Д. 257.
10. ГАРФ. – Ф. Р–5837. – Оп. 1. – Д. 304.
11. ГАРФ. – Ф. Р–5837. – Оп. 1. – Д. 307.
12. ГАРФ. – Ф. Р–5837. – Оп. 1. – Д. 663.
13. ГАРФ. – Ф. Р–5846. – Оп. 1. – Д. 1.
14. ГАРФ. – Ф. Р–5846. – Оп. 1. – Д. 20.
15. ГАРФ. – Ф. Р–10243. – Оп. 1. – Катуска 27.
16. *Евсеева Е.Н.* Объединение русских студенческих организаций (1920–1934) // *Новый исторический вестник.* – 2001. – № 1. – С. 423–247.
17. *Ершов В.Ф.* Студенческий мир Зарубежной России (1920–1940-е гг.) // *Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века).* Всероссийская научная конференция. Сб. науч. ст. – М.: МГУ сервиса, 2004. – С. 198–222.
18. *Микуленок А.А.* Проблема русской национальной школы в Польше в 1920-е гг. // *Теория и практика общественного развития.* – № 15. – 2015. – С. 105–109. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/15/history/mikulenok.pdf (дата обращения: 31.10.2015).
19. Русская эмиграция в фотографиях, Франция, 1917–1947 = L'Emigration russe en photos, France, 1917–1947 / [Авт. – сост. Андрей Корляков]. – Париж: YMCA-Press, 1999. – 160 с.
20. Mchitarjan I. Prague as the centre of Russian educational emigration: Czechoslovakia's educational policy for Russian emigrants (1918–1938) // <http://dx.doi.org/10.1080/00309230802643503> (дата обращения: 10.09.2015);
21. Riha T. Russian Émigré Scholars in Prague after World War I // http://www.jstor.org/stable/304693?seq=1&cid=pdf-reference#references_tab_contents (дата обращения: 10.09.2015).

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДОВ В КНР (по материалам работ Фэй Сяотуна)

В статье рассматривается Национальный проект этнической классификации (*миньцзу шибе*), который осуществлялся в КНР в 1950-е годы. На первой сессии народных представителей (ВСНП) в 1954 году китайское правительство гарантировало, по крайней мере, по одному представительскому месту всем национальностям. В результате первой общегосударственной переписи населения, которая проводилась в 1953 г., было зафиксировано более 400 этнических наименований. Руководство КНР столкнулось с перспективой съезда, переполненного представителями малочисленных народов. Поэтому было принято решение реализовать Проект этнической классификации, сгруппировать некоторые народы, закрепить за ними название и таким образом сформировать список официально признанных в КНР наций (*миньцзу*). В основу этнической классификации было положено определение нации, данное И.В. Сталиным. Однако с самого начала стало понятно, что сталинское определение нации не соответствует китайской действительности и его следует модифицировать. Этнологи, лингвисты, историки сыграли огромную роль, как в Проекте, так и в формировании китайской коммунистической системы управления в целом. Одним из наиболее известных участников Проекта является Фэй Сяотун, в работах которого отражены основные принципы этнической классификации народов в КНР.

Ключевые слова: КНР, Национальный проект этнической классификации, малочисленные народы, сталинское определение нации, Фэй Сяотун.

Настоящая статья продолжает серию публикаций автора, посвященных истории классификации народов в КНР, в которых рассматривались проблемы понятийного аппарата в современной китайской этнологии (применение терминов *миньцзу*, *цзуюнь* и др.) [2, с. 162–171] и Национальный проект этнической классификации, осуществлявшийся в Китае в 50-х годах прошлого века [3, с. 108–124]. В связи с этим представляется необходимым в рамках отдельной статьи провести более детальный обзор источников по данной тематике.

На первом этапе становления Китайской Народной Республики в начале 1950-х годов центральному правительству потребовалась подробная информация о всех малочисленных народах (*шаошу миньцзу*), проживающих на территории Китая. Необходимо было их классифицировать по этническим признакам, создать автономные области с учетом всех национальных особенностей, а также уже на первой сессии народных представителей (ВСНП) в 1954 году предоставить народам равные права и представительство на всех уровнях власти.

Китайское правительство в сотрудничестве с учеными разработали Национальный проект этнической классификации (*миньцзу шибе*, далее Проект), для реализации которого были созданы группы из историков, этнографов, лингвистов, археологов и искусствоведов. Одну из таких групп, проводивших исследования национального вопроса в провинции Гуанси и этнографическую экспедицию в Юньнани, возглавил Фэй Сяотун (1910–2005 гг.) – выдающийся китайский антрополог, социолог и политический деятель, учителями которого были У. Вэньцзао, Сергей Михайлович Ши-

рокогоров, Бронислав Малиновский. В 1980 г. за выдающиеся исследования в области прикладной антропологии Фэй Сяотун был удостоен международной премии имени Малиновского. Этнонациональные исследования до конца жизни оставались в сфере его научных интересов. В 1980-е годы Фэй Сяотун открыл новый этап в осмыслении понятия единой китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) и предложил свою модель китайской нации как множественного единства (*доюань ити*), появление которой он отнес к 1987 г. Об этом подробно пишет в своей работе «Доктрина китайской нации» А.А. Москалев [5, с. 141–157]. По мысли Фэй Сяотуна нация *чжунхуа миньцзу* в качестве осознавшей себя этнической субстанции появилась в последние 100 лет, но в качестве не осознавшей себя субстанции она формировалась на протяжении нескольких тысячелетий. Выдвинув свою концепцию, Фэй Сяотун тем самым активизировал работу по изучению проблемы единой нации «подняв ее на академический уровень, и в этом высокая значимость его теории» [5, с. 147]. Фэй Сяотун является одним из первых, кто сравнил процесс формирования и рост ханьской нации с увеличивающимся «снежным комом» (*сюэцю*). «В ранний период истории, три тысячи лет назад, в среднем течении реки Хуанхэ появилось ядро из нескольких, этнокультурных сообществ со временем образовавших общность *хуася*. Оно было подобно катящемуся снежному кому, увеличивающемуся в размерах в результате поглощения окружающих его иноплемеников» [16, с. 1].

Трудно переоценить вклад, сделанный Фэй Сяотуном не только в китайскую, но и мировую науку. Тем не менее, на сегодняшний день из его многочисленных работ в полном виде на русском языке издана лишь книга «Китайская деревня глазами эт-

нографа» [9] в переводе М.В. Крюкова. Для данной статьи интерес представляют работы Фэй Сяотуна, посвященные этнической классификации, так как он непосредственно проводил полевые исследования среди малочисленных народов, участвовал в создании теоретических основ Проекта и разрабатывал критерии практического исследования.

Китай, став коммунистическим, принял марксистско-ленинскую идеологию, а Советский Союз стал рассматриваться как «старший брат», на которого следует ориентироваться. Так как до 1950-х годов в Китае на государственном уровне ни разу не проводилась этническая классификация, то для китайских ученых это представлялось несколько сложным из-за отсутствия прошлого опыта и каких-либо теоретических и практических наработок. Поэтому «присутствие советских специалистов было тем более важно, что они имели богатый опыт именно в тех областях деятельности, за которые китайцы как раз принимались или к которым собирались приступить» [1, с. 93].

В то время в СССР господствовало определение нации, данное Сталиным, окончательная формулировка которого появилась в работе «Национальный вопрос и ленинизм», написанной им в 1929 году. Нация по Сталину определяется как «...исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры» [7, т. 11, с. 333]. К тому же: «Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией» [6, т. 2, с. 297].

После того как в 1953 году было опубликовано собрание сочинений Сталина на китайском языке, данное им определение стало широко цитироваться во всем Китае, появился в некотором роде даже «сталинский стиль» начинать статьи с философских обобщений. В 50-е годы к термину «нация» в сталинском понимании был приравнен китайский термин *миньцзу*. После этого долгое время понятийно-терминологическая система в китайской этнографической науке оставалась гораздо проще советской. Если в русском языке существовал ряд терминов, обозначающих этнические общности (такие как народ, народность, национальность, нация, этнос и др.), то «вышеуказанные сходные термины в китайском языке традиционно передаются одним словом «миньцзу», независимо от их стадийного соответствия или социального содержания» [10, с. 16].

Несмотря на признание на государственном уровне теории Сталина как ориентира, четыре кри-

терия для идентификации наций ставились под сомнение с самого начала. Многие ученые на практике приходили к пониманию, что сталинское определение было слишком строгим, и, если применять его буквально, то только несколько групп могли бы претендовать на статус нации. Поэтому китайским марксистам пришлось трансформировать теорию Сталина для ее более гибкого применения.

По теории Сталина нация являлась историческим феноменом и формировалась только в период поднимающегося капитализма, то есть любые докапиталистические группы не могли получить статус полноценных наций – это означало бы, что в Китае до 1949 г. не было наций, так как капитализм здесь еще не укоренился. Иными словами, все этнические объединения были не *миньцзу* (нацией), а *буцзу* (народностью), на стадии между *було* (племенем) и *миньцзу*. «Заостряя внимание на таком положении вещей, в 1953 году во время обсуждения “основных итогов работы, проводимой партией среди малочисленных народов за несколько лет” Мао Цзэдун относительно значения нации дал четкие указания: “научный анализ возможен, но в политическом отношении не нужно разделять на нацию, народность и племя”. Мао Цзэдун еще специально выдвинул принцип “имена должны быть выбраны теми, кто их носит” или “уважение предпочтений народов”. Можно сказать, что это является в некотором роде аннулированием теории, прагматическим подходом, ориентированным на практику» [12, с. 4]. По причине политического равенства термин *миньцзу* стал правомерным использоваться для всех групп.

В 1980 году Фэй Сяотун писал: «Используемое нами слово “*миньцзу*” обладает широким значением; оно издавна применяется не только к национальным образованиям (*миньцзу цзитуань*) всевозможного уровня развития, но и к национальным образованиям различного исторического периода. Содержание этого слова в традиции каждого государства Европы отличается. В Европе понятие “нация” сформировалось в период капитализма (создание национальных государств в Западной Европе является особенностью ее современной истории). В многонациональных государствах Восточной Европы (также как и в Китае) национальные образования развиты неравномерно, поэтому, приняв западноевропейское понятие “нация”, им пришлось использовать другие термины для названий докапиталистических национальных образований, например, “род” (*шицзу*) для национальных образований первобытного общества, “племя” (*було*) периода рабовладельческого общества, “народность” (*буцзу*) для феодального периода и т.д. Из-за того, что история Китая и Европы различна, традиционное значение слова *миньцзу* также различно, нужно избегать западного перевода и ненужной путаницы. Используемое в Китае слово *миньцзу*

соответствует собственному традиционному использованию этого слова в Китае» [15, с. 162–163].

Фэй Сяотун, используя слова Сталина о том, что признаки нации (язык, территория и т. д.) в докапиталистический период находились в зачаточном состоянии и представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях, пришел к выводу, что признаки племени и народности являются зародышами особенностей современной нации. Однако он также отметил, что степень развития этих четырех зародышей нации в различные периоды неравномерна, и в настоящее время еще нет достаточных оснований утверждать закономерности их развития. Относительно этого вопроса он выделяет несколько пунктов, на которые следовало обращать особое внимание:

1. При проведении исследования было обнаружено, что в народности (*буцзу*) уже существует необходимая степень общности языка. Но это вовсе не означает, что люди одной народности понимают язык друг друга, так как расхождения в диалектах среди *буцзу* могут быть очень явными. Причиной этому может служить то, что люди, изначально говорившие на похожем языке, из-за недостаточно частых контактов и продолжительной изолированности развили местные особенности, либо то, что племена, изначально говорившие на разных языках, сформировали одну народность, при этом возник единый язык, но еще сохранились определенные различия.

2. Такой признак, как общая территория указывает на то, что на протяжении долгого периода времени народы в основном стабильно проживали на одной территории. Вообще говоря, территория, на которой общность людей стабильно проживала до формирования современных наций, существовала, хотя среди населения этой территории еще не было высокоразвитых экономических отношений, как и устойчивого, общепризнанного национального экономического и культурного центра. Однако именно из-за отсутствия экономического и культурного центра общности людей в докапиталистический период не было необходимости иметь район компактного проживания. Среди малочисленных народов Китая есть такие, которые когда-то по разным историческим причинам расселились, но до сих пор сохраняют определенную социальную связь и явную общую психологию, поэтому нельзя полагать, что рассеивание по территории является распадом общности людей.

3. Современные нации начали формироваться с появлением общей экономики. Однако это не говорит о том, что общности людей докапиталистической эпохи не имели экономических связей. Здесь имеется в виду, что экономические отношения того периода не были такими тесными, как у современных наций. Следует обращать внимание на экономи-

ческие связи различных национальных элементов, проживающих внутри одной территории в докапиталистический период, и учитывать их влияние на устойчивость сообщества. Например, хань, проживающие в районах малочисленных народов, управляли здесь сбором и распределением товаров и обладали большей частью земель, связывая на этой территории людей различных национальностей в одну единую экономическую структуру. Такая ситуация существовала довольно долгий период, но люди различных национальных элементов в языке и психологии все еще сохраняют свои особенности, не сформировав единого сообщества.

4. «Общность психологического склада» является наиболее трудным для понимания признаком. Его также можно назвать «национальным характером» (*«миньцзу сингэ»*). Он проникает во все сферы жизни и культуру людей. Хотя характер некоторых наций трудно определить, но все же при контакте с представителями различных наций невозможно не почувствовать, что они обладают отличительными, присущими только их нации, душевными качествами (*фэнгэ*) [14, с. 128–131].

Позже Фэй Сяотун напишет, что «психический склад, проявляющийся в общности культуры» является чрезвычайно важным фактором при этнической классификации, но и недостаточно ясным для китайских исследователей. Во время проведения полевых работ обнаружилось, что национальное сознание проявляется как бы независимо от «особенностей» нации, к которым относятся нравы и обычаи, формы социальной жизни и религиозные верования. Например, маньчжуры, которые по языку и образу жизни похожи на хань, считают себя маньчжурами, а малочисленный народ гэлао, живущий очень разбросанно, как правило, перенимает язык и образ жизни местных жителей, считает себя гэлао [15, с. 173–174]. И далее он отмечает, что сначала необходимо понять суть этого фактора (психического склада, проявляющегося в общности культуры), которая заключается в том, что люди одного народа чувствуют, что все они обладают особой психологией, которая объективно существует и в различное время, при различных обстоятельствах может усиливаться или ослабевать. Чтобы сплотиться, народ должен найти способ укрепить общую психологию, которая, в свою очередь, формируется в зависимости от нравов и обычаев народа, особенностей образа жизни, от сильных чувств его представителей. Психология воплощается в некий показатель, представляющий этот народ: зачастую используется излюбленный стиль, созданный в течение долгого периода совместного проживания, который приукрашивается, распространяется, превращается в национальную форму, заставляя людей с одного взгляда понять, что это есть некий так называемый национальный характер [15, с. 174–175].

Очевидно, что общности людей не только формируются в течение долгого периода времени, но и изменяются с течением времени, при этом либо приобретая, либо теряя свои отличительные особенности. В связи с этим Фэй Сяотун делает акцент на следующих особенностях, затрудняющих этническую классификацию в Китае:

1. Некоторые изначально разные сообщества, племена или народности, сформировав или еще формируя один народ, сохраняют свои первоначальные названия.

2. Изначально единый народ расселялся в различные регионы, долгое время его группы жили отдельно, не контактировали друг с другом, не имели экономических связей, иногда им даже давались различные наименования, но при этом они продолжали сохранять один язык, обычаи и исторические предания.

3. В процессе миграции отдельные народы соединялись с хань, подвергались их влиянию, изменяли язык, создавали с ними прочные экономические связи, сделав тем самым незаметными свои собственные национальные особенности. Тем не менее, подвергаясь дискриминации, в душе они чувствовали разобщенность с хань и продолжали считать себя отдельным народом.

4. Другие народы когда-то занимали господствующее положение и дисперсно проживали на территории Китая. Позже, подвергшись дискриминации, они утратили доминирующее положение. Изменив язык и другие национальные особенности, скрыв национальный состав, они, тем не менее, сохранили национальное сознание.

5. Какие-то группы различного национального состава расселялись в одном и том же или смежных районах. Полагая, что эти группы относятся к одному народу (разве что отличающиеся по языку и обычаям), народы, проживающие по соседству, использовали для них одно название.

6. Иногда по исторически сложившимся причинам те общности людей, которые изначально говорили на близкородственных языках и исторически обладали тесными связями, со временем не сформировали единый народ, а стали развивать свои собственные особенности. В результате чего стали выделяться отдельные народы.

7. Некоторые народы во времена национального угнетения не желали демонстрировать, что они чем-то отличаются от хань. Тем не менее, после образования КНР они стали требовать признания своего особого статуса отдельной нации. Однако другие народы таковыми не хотели их признавать.

8. Ханьцев, переселившихся на территорию проживания малочисленных народов, можно разделить на две группы: на тех, которые переселились раньше и тех, которые переселились позже. Ханьцы, переселившиеся раньше, долгое время проживали изолированно и подверглись влиянию

соседей. Они стали отличаться по языку, обычаям, привычкам и поэтому после «освобождения» потребовали статуса отдельной нации.

9. Некоторые ханьцы, переселившись в районы проживания малочисленных народов, продолжали сохранять свои особенности. Однако для окружающих их народов эти особенности не были столь очевидными, чтобы узнавать по ним ханьцев, поэтому они применяли к ним свое название [14, с. 125–126].

Исходя из такой ситуации, очень сложно найти единый оптимальный критерий для этнической классификации народов, проживающих на территории Китая, но при этом не следует использовать критерии современных наций для общностей людей докапиталистического периода и периода зарождающегося капитализма. «Вопрос состоит в том, что в соответствии с уже достигнутым этапом социально-экономического развития, с точки зрения развития языка, занимаемой территории, экономических связей и психологического фактора, конкретный человек осознает ли наличие сформированного ими сообщества и изменения, которые оно претерпевает с течением времени? На основании предварительных знаний в процессе развития общности людей становление каждого признака неравномерно и по причине сложных исторических условий иногда зачатки некоторых особенностей подавляются и не получают возможности развития. Поэтому любая одна или несколько характерных черт, выражающих явный общий характер, заслуживают внимания» [14, с. 132].

Во время работы над этнической классификацией, по словам Фэй Сяотуна, исследователи вовсе не пытались принимать решения за людей, являются ли они частью какой-либо нации, официально входящей в список, или считают себя отдельной нацией. Название нации нельзя навязать человеку или изменить. Задача исследователей заключалась в сборе и анализе материала, основываясь на котором они помогали людям все тщательно обдумать и принять решение. Считалось, что на тот момент многие народы еще не полностью избавились от разобщенности и изолированности, идущей из прошлого: у них не было возможности в полном объеме знать свою историю, как и возможности в полной мере контактировать друг с другом. Следовательно, им не доставало оснований для принятия решения о своей национальной принадлежности, в чем им и помогали этнологи [14, с. 132].

Выявить реальный этнический состав населения Китая оказалось сложной задачей по многим причинам: прежде всего, из-за длительного исторического периода, в течение которого народы расселялись, мигрировали, сливались, теряя этническую самобытность, а порой ее приобретая, из-за огромной территории и труднодоступности некоторых районов, а также многочисленности и раз-

нообразии самих народов. В такой ситуации, когда приходилось действовать в рамках официальной теории марксизма и сталинской теории нации, основную роль играли ученые, которые вынуждены были синтезировать коммунистическую идеологию с реальной ситуацией в КНР и брать на себя ответственность по идентификации народов. Поэтому участие в Проекте ученых такого уровня как Фэй Сяотун вселяло уверенность в успехе предприятия. В итоге в состав населения Китая стали входить ханьцы, составляющие подавляющее большинство населения (более 90%) и 55 малочисленных народов (или просто наций). То есть, из более чем четырехсот этнических наименований, которые появились во время общегосударственной переписи в 1953 г., в официальный список вошли только 55. Остальные по тем или иным причинам были признаны либо частью одной из этих наций, либо вошли в состав хань.

Несмотря на проделанную работу, нельзя сказать, что Проект этнической классификации является полностью успешным. Некоторые народы продолжают выражать недовольство, считая, что их этническая идентичность была ошибочно определена. Другие считают, что их несправедливо объединили с более большими группами и хотят признания своей отдельной идентичности. Третьи требуют признания их в качестве отдельной нации вопреки официальной классификации их как хань. По данным шестой переписи населения, в Китае до сих пор остаются 640101 человек неидентифицированных по национальному признаку (*вэй шибе миньцзу*). И самое главное: «Объединить различные этнические группы под одним названием это не так уж безобидно, как может показаться. Произвольная манипуляция с самоидентификацией этносов вызовет недовольство и приведет к конфликтам» [11, с. 239].

Таким образом, есть вероятность, что созданная правительством официальная классификация народов, проживающих на территории Китая, при определенных условиях может послужить источником угрозы для руководства страны. Однако правительство долгое время принимает политические, экономические и особенно идеологические шаги во избежание подобных рисков. На политическом уровне – это характерное для Китая принятие идеологических конструкций, выраженных в концепциях лидеров КПК, которые фактически определяли и продолжают определять вектор развития в различных сферах жизни современного Китая, в которых тема экономического процветания и сплочения всех народов является основным лейтмотивом. Из речи председателя КНР Си Цзинпина на 1-й сессии Всекитайского Собрания народных представителей 12-го созыва 17 марта 2013 года: «Все народы страны обязательно должны развивать великий национальный дух и дух эпохи, непрерывно ук-

плять приводные духовные механизмы общенациональной сплоченности, наращивать духовные движущие силы неустанного стремления вперед, с неиссякаемой жизненной энергией продвигаться к будущему» [8]. Тем самым, в отношении народов, Китай планомерно действует в рамках официально принятой марксистской идеологии, выраженной, в частности, в «Манифесте Коммунистической партии», где говорится, что со временем «национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают» [4, с. 44].

Библиографический список

1. Гулдин Г. Антропология под другим именем: эффект «старшего брата» // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 1. – С. 91–101.
2. Кочукова Е.А. Переосмысление и изменение терминов в понятийном аппарате современной китайской этнологии // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 2. – С. 162–171.
3. Кочукова Е.А. К вопросу об истории классификации народов в КНР // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 6. – С. 108–124.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М.: Политиздат, 1974. – 63 с.
5. Москалев А. История. Доктрина китайской нации // ПДВ. – 2002. – № 6. – С. 141–157.
6. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Собр. соч.: в 18 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. – Т. 2. – С. 290–367.
7. Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм: ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // Сталин И.В. Собр. соч.: в 18 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – Т. 11. – С. 333–355.
8. Си Цзинпин. Речь на 1-й сессии Всекитайского Собрания народных представителей (ВСНП) и Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПККСК). 17 марта 2013 г. // Теория Китая. Ресурс для понимания Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.theorychina.org/xsqy_2477/201310/t20131009_295030.shtml (дата обращения 19.12.2015).
9. Фэй Сяотун. Китайская деревня глазами этнографа. – М.: Наука, 1989. – 245 с.
10. Хэ Гоань. Теория этноса в этнографической науке КНР: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1991. – 180 с.
11. Kryukov M.V. Social reforms and problems of ethnicity // The dynamics of cultures and society among ethnic minorities in East Asia. – Osaka: The national museum of ethnology, 2004. – P. 229–241.
12. Ли Чжэньхун. Синь Чжунго чэнли 60 нянь лай дэ миньцзу дини яньцзю [60 лет исследования определения нации в новом Китае] // Миньцзу вэньти яньцзю. – 2009. – № 12. – С. 3–13.

13. *Фэй Сяотун*. Кайчжань шаошу миньцзу дицой дяоча яньцзю гунцзо [Осуществление научно-исследовательской работы в районах проживания малочисленных народов] // Фэй Сяотун минцзу яньцзю вэньцзи. – Бэйцзин: Миньцзу чубаньшэ, 1988. – С. 115–120.

14. *Фэй Сяотун, Линь Яохуа*. Чжунго миньцзусюэ данцянь дэ жэньу [Предстоящие задачи китайской этнологии] // Фэй Сяотун минцзу яньцзю вэньцзи. – Бэйцзин: Миньцзу чубаньшэ, 1988. – С. 121–157.

15. *Фэй Сяотун*. Гуаньюй вого миньцзу дэ шибе вэньти [Относительно вопроса идентификации наций в Китае] // Фэй Сяотун минцзу яньцзю вэньцзи. – Бэйцзин: Миньцзу чубаньшэ, 1988. – С. 158–187.

16. *Фэй Сяотун*. Чжунхуа миньцзу доюань ити гэцзюй [Структура китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) как множественного единства]. – Бэйцзин: Бэйцзин дасюэ сюэбао, 1989. – С. 1–19.

ГЕРОИЧЕСКАЯ БАТАЛИСТИКА ДЖОНА БАРБУРА (на материале шотландской поэзии XIII–XV веков)

В работе анализируется героическая баталистика в поэзии шотландца Джона Барбура (ок. 1315–1395), в частности его ключевая поэма «Брюс». Подробно разбирается структура и образность батальных эпизодов. Настоящая работа посвящена проблеме воплощения героических мотивов в эпоху зрелого Средневековья (XIV в.), в отличие от Средневековья раннего, и в поэзии военно-героической. Достаточно новой представляется мировоззренческая трактовка военно-героической темы. Устанавливается влияние античной риторической традиции на структуру поэмы, с одной стороны, и кельто-германской языческой традиции на образность поэмы, с другой стороны.

Ключевые слова: Джон Барбур, «Брюс», Шотландия, поэма, героическая баталистика, героический мотив, античная традиция, кельто-германская традиция, структура, образность.

О жизни и творчестве Джона Барбура, монаха, учёного, дипломата, и придворного поэта, сохранилось мало достоверных биографических данных, что характерно для многих литераторов шотландского Средневековья (если только они не были канонизированными святыми, как Св. Колумба [6], или членами королевских фамилий, как Яков I Стюарт [8, с. 65–7; 15], или представителями могущественных феодальных родов, как Вильям Дунбар [5; 9]).

Выдвинем в связи с таким ракурсом нашего исследования несколько предварительных гипотез. В языческую эпоху (особенно для культур «варварского» мира) наиболее наглядным проявлением героизма был героизм *воинский*. Наиболее яркой формой реализации такого типа героизма была *битва* – от единоборства двух героев до масштабных (иногда многолетних) военных кампаний: походов, осад городов и крепостей, пограничных войн и т.д.). Недаром западноевропейская средневековая литература и фольклор так широко использовали аналогичные военно-героические сюжеты античности (осада Трои, приключения Энея, походы Александра Македонского и др.). Неслучайно и то, что батальные эпизоды (в триумфальном или трагическом, пародийном или, наоборот, сакрализованном модусе) содержатся практически во всех ведущих жанрах Средневековья: житиях святых, церковных проповедях и гимнах, героических эпических песнях, лирике трубадуров, рыцарских романах, бестиариях и др. Однако концепт «героизма» и, отсюда, идеальные нормы военно-героического поведения, оставаясь центральными для средневековой картины мира, претерпевают серьёзную эволюцию от раннего Средневековья к позднему. Барбур находится посередине этого эволюционного процесса, о чем свидетельствует не только тематика, но и поэтика его главного творения – поэмы «Брюс».

Следовательно, необходимо выяснить, чем обязана героическая баталистика Барбура пред-

шествующей языческой традиции в двух её вариантах, а) классической римской и б) местной, кельто-германской; проверить, насколько реалистична и насколько условна структура (композиционная и хронотопная) батальных эпизодов поэмы; определить, как соотносится эта структура с образным строем указанных эпизодов, особенно с их эмоционально-оценочным модусом.

В ходе нашего исследования применялся метод реального комментирования, а также реконструктивный, структурно-мотивный и сопоставительный методы анализа.

Новизна работы обеспечена новым текстовым материалом, впервые вводимым в отечественный научный обиход, новыми переводами батальной поэзии Барбура, а также комплексным аналитическим подходом к ней. Материалом нашего анализа послужили батальные эпизоды поэмы «Брюс», в частности те, что рисуют Бэннокбёрнское сражение (1314): решающую битву народного ополчения шотландцев под предводительством Роберта де Брюса с армией английского короля Эдуарда I (вошедшего в историю под прозвищем «Молот Шотландцев» за свою агрессивную антишотландскую политику).

Историко-биографический контекст. Первый крупный поэт шотландского Средневековья, создатель национальной литературы Джон Барбур (John Barbour) родился ок. 1320 г. во время правления короля Роберта I Брюса, г. Абердин, Шотландия, и умер 13 марта 1395 г. (в возрасте ок. 75 лет). Происхождения был скорее всего нормандского (см. написание его родового имени Barbour). Достиг сана Архидиакона Абердинского (то есть первого помощника у наместника Римско-Католической Церкви в её главной шотландской резиденции XIV века – городе Абердине). После смерти Давида II в 1371 г., Барбур служил в королевском суде Роберта II; с 1372 – аудитор казначейства в Пёрте; в 1373 г. – чиновник аудита; служил в некоторых случаях в качестве члена королевско-

го Тайного совета, и продолжал оставаться одним из виднейших чиновников шотландской казны еще в 1384–1388 гг. Барбур был связан со двором королей Роберта II Брюса и Роберта III из новой династии – Стюартов. Уже в преклонном возрасте получил образование в Оксфордском и Парижском университетах [14, р. 70–71]. Кроме шотландского языка (скотса), он свободно владел латынью, старофранцузским, среднеанглийским. Барбур является автором поэмы «Брюс» (оконч. в 1375 г., изд. 1571 г.) – героической эпопеи из истории борьбы Шотландии за независимость с 1286 г. по 1328 г., также поэмы о Бруте (Brut), и стихотворения «Родословие Стюартов» (The Stewartis Orygenalle, или The Stewart's Genealogy), до нас не дошедшее.

Поэма «Брюс» (*The Brouce*). Написана нерегулярным ямбическим 4-сложником (Я4). Содержит более 13000 строк. Охватывает события 25 лет жизни Роберта I Брюса, основателя новой (после Канморов) шотландской королевской династии, Брюсов. Поэма не лишена неподдельного пафоса и темперамента (*fire and spirit*), её ритм звучит достаточно мужественно (*manly*) и мощно [Ibid., р. 71].

Традиционные истории английской литературы еще в конце XIX в. выделяли Барбура среди поэтов-современников Дж. Чосера, отмечали её фоностиллистические и риторические достоинства. Нельзя не отметить, однако, оттенка снисходительности в этих оценках. Барбур выступает не как самостоятельная (и важная) фигура шотландской литературы XIV в. Наоборот, «шотландскость» Барбура активно отрицается [Ibid., р. 71]. Он лишь один из современников и подражателей Чосера. Приводя фрагмент из поэмы (битва при Бэннокбёрне), составитель антологии, во-первых, лишает его национально-исторического контекста. Нигде даже не упомянуто, что именно эта битва (завершившаяся победой шотландцев над англичанами) обеспечила в дальнейшем признание государственной независимости Шотландии со стороны Англии.

Из поэмы «Брюс». Сражение при Бэннокбёрне:

«...Тогда тьмы людей услышали клич знаменосцев и крик шотландцев: / “– Бей их! Бей их! Бей! Они отступают!” / Громко кричали они во всю свою мочь / И насмерть разили изо всех своих сил. // И лучники-скотты / Стреляли столь скоро, столь метко, / Приводя англичан в трепет столь сильно, / Что погнала шотландская сторона английскую, пролегая себе путь между ними / И тесня их без удержу. // И стрелы <шотландские> падали, / Нанося врагу кровавые раны / И вражеских коней разя столь скоро. // Что некуда стало врагам отступать. / И ввалили они в столь великий ужас, / Что ряды смыкали всё медленней, медленней, / Ибо те, кто с ними бился, <то есть, шотландцы,> / Прилагали всё усердье, и силу, и волю, / И сердце, и доблесть – все, как один! // И всю свою ярь, и всю свою мощь, / И заставляли англов бежать без огляду...» [8, с. 71–72].

Во-вторых, тем меньше внимания уделено героическим мотивам в самой поэме. Они, по сути, и не анализируются. Между тем как раз они выразительно демонстрируют смешанный, симбиозный характер героического в понимании Барбура.

Кульминация битвы в поэме описана ещё по архаическому военно-героическому сценарию. Начинается она с боевого клича знаменосцев, которому отвечает единодушный крик-отклик всего войска. Далее (не описанный автором, но хорошо известный его слушателям) на врага бросается авангард шотландского войска – молодые воины, исполненные боевого духа. Их атаку поддерживают и одновременно прикрывают сзади цепи лучников. (О решающей роли огромного боевого лука пехотинцев-йоменов, лука, пробивавшего даже щиты и кольчуги, в победе англичан над французской рыцарской конницей напишет в своих комментариях переводчик «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера И. Кашкин.) Документально точна и шотландская тактика внезапного вторжения в ряды противника с целью разбить и расчленивать монолитное вражеское войско на мелкие группы, с которыми легче справиться. Наконец, не менее точно описан психологический механизм стремительной шотландской атаки: умение мгновенно вдохновить своих, мобилизовать «всю свою ярь, и всю свою мощь» – и парализовать волю противников, повергнуть их сперва в «трепет» (в оригинале – оцепенение, смертная тоска «*engrievand them*»), а затем в панический ужас и безоглядное бегство («*they dred <them> greatly <...> to put them fully to the flight*»).

Современный реконструктивный метод анализа текстов позволяет увидеть в приведенном эпизоде более глубокие поэтикальные пласты. Прежде всего, он подтверждает предположение шотландских ученых о том, что в основу поэмы Барбура положены еще свежие в памяти фамильные предания знатных шотландских родов [8, с. 65–66; 15]. Только этим могла быть обеспечена высокая фактологическая точность эпизода. Возможно, кроме жанра устных преданий, Барбур опирался и на такие письменные средневековые жанры, как родовые летописи или королевские хроники.

В то же время реконструктивный метод показывает, что под хроникально-документальным пластом текстов-прецедентов поэмы залегает ещё более глубокий жанровый пласт: героические эпические песни языческой эпохи, а они, в свою очередь, восходят к воинским ритуалам и военно-героическим мифам далекой архаики. Отсюда вытекают такие (уже более поздние, литературные) черты, как особый, экспрессивный синтаксис и микрокомпозиция: настойчивые анафорические повторы, (союз «и», *and*), параллелизм глагольных и эпитетных конструкций с семантикой предельности, максимальности, всеобщности. Все они

выполняют не только эстетическую функцию, но и одну из главных магических функций – внушения. Слушатели поэмы (подобно её персонажам) должны были также впасть то в оцепенение, то в возбуждение, то есть воспринимать поэму не как литературное произведение, а как сценарий магического ритуала. Это доказывается аналогичным восприятием народного героического эпоса даже современными слушателями-носителями древних, но актуальных для них этнокультурных традиций [10, с. 188–196].

Ту же магическую функцию поддерживают и лексика, и образность Барбура. Доминируют слова, не только зрительно и акустически наиболее выразительные по своей семантике: *cry hardily, assail hard, slew all, shot deliverly, engrievand greatumly, etc.* Все они подкреплены словами-интенсификаторами, со значением высшей степени, высшей силы и/или высшей эмоциональности.

Второй выбранный нами фрагмент поэмы: обращение самого Брюса к войску перед битвой, – маркирует ещё одну сильную позицию текста, инициальную. Композиционная и экспрессивно-синтаксическая логика его построения аналогична той, что наблюдалась в первом примере. Поэтому мы сосредоточим наше внимание на образности данного эпизода, причем на тех её особенностях, которые также характерны для средневековой шотландской героики. Первая из них – в отождествлении персонажей-людей с персонажами-зверями. Вторая особенность – инверсивное, зеркально-симметричное изображение антигероев-врагов. Третья особенность – мало совместимое (для сегодняшнего менталитета) сочетание концепта героизма с концептами насилия и выгоды: «<... *And when it cummis to the fight, / Ilk man set his hert and nicht / To stint our fais mekill pride. // On horse they sall arrayit ride, / And cum on you in weill great hy; / Meet them with spearis hardely / And wreik on them the mekill ill / That they and thairis has done us til, / And are in will yet for til do, / Gif they have nicht til cum thare-to. // And, certis, me think weill that we, / For-out abasyng, aucht til be / Worthy, of great vassalage; / For we have three great avantage...>*» («А как дойдет оно до битвы, – / Во весь свой дух должны рубить вы, / Во всё плечо – по их гордыне. / Они вот-вот прискачут ныне / И ринуться на вас: глядите ж, / Встречайте их копьём навьютяж – / И сколько причиняйте зла им, / Сколь мы от них претерпеваем / И сколь терпели бы и дале, / Когда бы спесь их не уняли. // Я верю: каждый будет мужем, / Достойным цели, ей же служим / Мы все, поднявши меч и знамя. / Три преимущества за нами.»)

Начнём с третьей особенности. В речи Брюса есть несколько словосочетаний, с трудом воспринимаемых в контексте героического (и патристического) дискурса. Самые парадоксальные из них – это сочетание «преимуществ», стоящих за

шотландцами, не только с «правом», «правым делом» (в оригинале – *right*) и не только со «славой». Оба эти концепта для военно-героического дискурса, от древности до наших дней, как раз вполне традиционны. Нетрадиционен следующий, третий концепт: «добыча» (притом «добыча крупная»). Победа в сражении, – заявляет барбуровский Брюс, – позволит «любому из вас, хотя б беднейшему» разбогатеть, поскольку враги «явились прямо в дом к нам». На языке Средневековья эта фраза означает два возможных (и реально практиковавшихся) способа военного обогащения: грабеж личных принадлежностей противника (прежде всего коней и доспехов, но также одежды, украшений и т.д.) – и взятие в плен для последующего выкупа.

Сегодня, для правового сознания, эти способы воспринимаются как преступное мародёрство и вымогательство. (См. также комическую «былицу» (*tale*) неизвестного автора «Хряк Весельчака Колькельби» [8, с. 81–83].) Для христианского сознания уже в средневековую эпоху они воспринимались как тяжкий грех. Но для барбуровского Брюса здесь нет ни греха, ни преступления. А нет их потому, что для воина-язычника взять себе доспехи (или другие знаковые вещи) врага – значит взять его магическую силу и удачу. Притом победителю эта добыча достаётся не по юридическому, а по сакральному праву, как и слава, как и сама победа.

Вторая и третья особенности затрагивают способы портретирования «антигероев»-врагов. Архаичское мифопоэтическое мышление не знает иных способов такого портретирования, кроме зеркальной инверсии. Так, позитивный портрет «своего» национального героя дан в другой героической поэме, другого автора, Слепца Гарри, «Уоллес» (*Blind Harry “Wallace”*).

Враги портретируются с точностью до наоборот. «Свои» герои-шотландцы горды; «у чужих» антигероев-англичан не гордость, а «спесь» и «гордыня». «Свои» герои претерпевают «зло» от врагов и лишь потому по справедливости отплачивают за него; «чужие» антигерои первыми причиняют зло и потому сами заслуживают себе возмездие. «Свои» герои побеждают в бою «волей Бога и булата», то есть за них стоят высшие, сверхчеловеческие силы и собственная воинская ловкость и удача. «Чужие» антигерои проигрывают бой по той же самой причине, но действующей в обратном направлении. «Свои» герои отождествляются у Гарри с «позитивными» растениями, птицами и зверями (пальма; соболев, сокол, лев), камнями (алмаз, хрусталь). «Чужие» антигерои отождествлены у Барбура с «волчьей стаей»; они не разговаривают, а «воют»; побежденного противника они не берут в плен, а добивают (то есть символически «пожирают») прямо на поле боя.

Общий вывод понятен. «Мы» – люди, «они» – нелюди. «Наш» мир – правильный и только пото-

му праведный; «их» мир – неправильный и как раз поэтому априорно неправедный. (Об универсальности оценок подобного мифологического двоимирья и у германцев, и у греков, и у славян, и у других народов см. [8].)

Однако, помимо такого, достаточно универсального вывода, анализ средневековых шотландских поэтических текстов, относящихся к военно-героическому дискурсу, помогает выявить и более глубинную их природу. Государственно-политический и национально-политический пафос этих произведений следует (как показал анализ) отнести к их хроноспецифике: к их обусловленности эпохой борьбы за национальную независимость и, отсюда, ростом общенационального («шотландского», а не регионального: положим, «абердинского», или «эдинбургского», или «глазгианского») самосознания. К этноспецифике же можно отнести консервативность того «магического символизма» и «магического реализма», который находится гораздо глубже любых актуальных государственно-политических (в том числе военно-политических) дискурсов. Зато именно он предопределил «звериную» (или шире, «природную») символику обеих поэм, берущую свои корни в древнем тотемизме и анимизме. Именно он побудил обоих поэтов, – уже в XIV–XV вв., то есть к концу шотландского Средневековья, – вновь и вновь воскрешать героическое мировосприятие и героическое поведение, каким оно было во времена язычества, по канону «боевой одержимости», «боевого буйства» или, наоборот, магического оцепенения. (Ср., по аналогии, древнескандинавских бойцов-«бьорсерков», то есть одержимых яростью «медвежьих рубашек», или древнерусского «буй-тура» Всеволода из «Слова о полку Игореве», или внезапное цепенеющего в бою пушкинского хана Гирея (Герая).)

Стоит также обратить внимание на то, что консервация этих мифопоэтических «матриц» сознания и поведения дольше проявлялась в странах и регионах так называемой «Европейской Рамки» (The European Frame): на границах античного, а затем христианского мира. К таким порубежным зонам следует причислить и Шотландию: зону, для чьей литературы героическое начало очень долго оставалось и традицией праотцев, и актуальностью их правнуков.

Выполненный анализ военно-героических мотивов в поэме Джона Барбура «Брюс» даёт основания для следующих выводов.

Героическая баталистика составляет ядро структурно-образного поля героического и в поэме Барбура, и во всей поэзии шотландского Средневековья, поскольку она же является ядерной и для предшествующей языческой картины мира. При всей разнице между рационально организованной античной риторической традицией (повлиявшей на структуру поэмы) и фольклорной кельто-герман-

ской традицией (повлиявшей на её, поэмы, образность), между обеими традициями и их рефлексам в тексте поэмы обнаружилась преемственность.

Барбур отражает в структуре (прежде всего, в композиции и в хронотопе) батальных эпизодов поэмы реалии военной организации шотландского ополчения времен Роберта Брюса. Однако ключевые образы и оценочный модус его повествования опирается на гораздо более древнюю концептуализацию героического. Перспективным было бы сопоставление баталистики Джона Барбура с соответствующими эпизодами в произведениях его предшественников и преемников.

Библиографический список

1. *Алексеев М.П.* История зарубежной литературы – Средние века и Возрождение: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов и пед. ин-тов / М.П. Алексеев, В.М. Жирмунский, С.С. Мокульский, А.А. Смирнов. – 3-е изд. – М.: Высш. школа, 1978. – С. 9–17.
2. *Брайант Артур.* Эпоха рыцарства в истории Англии / пер. с англ. Т.В. Ковалёва, М.Г. Муравьёва. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. – 576 с.
3. *Галушко К.Ю.* Кельтская Британия: племена, государства, династии с древности до конца XV века: учеб. пособие / под ред. Ю.И. Терещенко. – К.: Атика, 2005. – 324 с.
4. *Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей: в 3 т. – М.: Олма-Пресс, 2001. – Т. 1. – 576 с.
5. *Новикова М.А., Тулуп Э.Р.* Вильям Дунбар: лирическая драматургия и её мифоритуальные истоки // Південний архів. Філол. науки: зб. наук. праць / наук. ред. О.В. Мішуков та ін. – Херсон: Вид-во ХДУ, 2012. – Вип. LV. – С. 66–73.
6. *Новикова М.А., Тулуп Э.Р.* Героические мотивы Средневековья: люди Церкви // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во Таврич. нац. ун-та, 2011. – Вып. 211. – С. 145–149.
7. *Новикова М.А.* Учебно-методические материалы к базовому лекционному курсу «Зарубежная литература Средних веков и Возрождения» / для студентов I курсов факультета славянской филологии и журналистики и факультета иностранной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.crch@mail.ru> (дата обращения: 09.10.2015).
8. Шотландии кровавая луна: Антология шотландской поэзии (с XIII-го века до века XX-го) / сост., пер., комм. М.А. Новиковой. – Симферополь: СОНАТ; Крымский Архив, 2007. – 320 с.
9. *Тулуп Э.Р.* Вильям Дунбар и его поэзия: героические и антигероические мотивы // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Изд-во Таврич. нац. ун-та, 2012. – Вып. 229. – С. 186–190.

10. *Элиаде М.* Аспекты мифа / пер. с фр. В.П. Большакова. – 4-е изд. – М.: Академический Проект, 2010. – 251 с.

11. *Crowne J.V.* (1907). John Barbour. In *The Catholic Encyclopedia*. NY.: Robert Appleton Company // 2012. – Retrieved July 8, from New Advent. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newadvent.org/cathen/02288b.htm> (дата обращения: 23.09.2015).

12. Early Scottish poetry: Thomas the Rhymer; John Barbour; Andrew of Wyntoun; Henry the Minstrel. – W.: Hodge & co., 1891. – P. 220.

13. *Hall S. T.* The role of medieval Scottish poetry in creating Scottish identity : «textual nationalism» / Stefan Thomas Hall. – Lewiston, N.Y.; Lampeter: Edwin Mellen Press, 2006. – 239 p.

14. *Holden Alfred M.* A Biographical History of English Literature / Alfred M. Holden. – L., 1893. – 110 p.

15. *Scott Tom* (Ph.D.). Introduction / Tom Scott // *The Penguin book of Scottish Verse*. Introduced and edited by Tom Scott (abbr. PBSV) / Tom Scott (comm., ed.) // Harmondsworth, Middlesex, England: Penguin Books Ltd., 1976. – P. 60–61.

УДК 821.133. 1Ален-Фурнье

Дубинская Маргарита Викторовна
Петрозаводский государственный университет
geolea@bk.ru

ТРИ ШАГА АЛЕНА-ФУРЬНЕ К ДУХОВНОМУ РЕАЛИЗМУ В ТРЕХ ВАРИАНТАХ НАЗВАНИЯ РОМАНА «БОЛЬШОЙ МОЛЬН»

Данная статья является продолжением ряда работ, в которых изучается поэтика полифонического романа на материале творчества французских писателей-модернистов. Впервые рассматривается поэтика трёх вариантов названий романа Алена-Фурнье «Большой Мольн» в её связи с тремя этапами формирования особенной поэтики полифонического романа, постепенно отходящего от влияния романтизма. Эти этапы всё ближе подводят Алена-Фурнье к созданию уникального авторского метода, названного самим писателем духовным реализмом, или отображением духовной реальности.

В статье обосновывается предположение, что смена названий «Большого Мольна», а также их характер соответствуют этапам творческого роста писателя и этапам развития авторского художественного метода. Сама длительность работы (1906–1913) над произведением небольшого объёма может указывать на сложность процесса становления авторского метода.

В статье показывается внутренняя близость духовного реализма Алена-Фурнье авторскому методу Ф.М. Достоевского, под влиянием которого сформировался самостоятельный и оригинальный художественный метод Алена-Фурнье.

Ключевые слова: Ален-Фурнье, «Большой Мольн», реализм в высшем смысле, высший романтизм, духовный реализм, авторский художественный метод, религиозно-этическая мотивация, принцип увлекательности, принцип реалистичности, принцип загадочности.

З а время работы над романом Ален-Фурнье трижды менял название своего произведения: «Безымянный край» (“Le pays sans nom”), «День свадьбы» (“Le jour de nocces”), «Большой Мольн» (“Le Grand Meaulnes”). Мы обосновываем то предположение, что смена названий романа и сам их характер соответствуют ступеням творческого роста автора и этапам развития его художественного метода, названного самим Аленом-Фурнье «духовным реализмом», реализмом, отображающим духовную реальность. Как мы уже писали, поэтика Алена-Фурнье близка авторскому методу Ф.М. Достоевского, определяемому самим Достоевским как «реализм в высшем смысле» [2, с. 159–162]. «Духовный реализм» Алена-Фурнье, вместе с тем, характеризуется большой самобытностью и самостоятельностью. Об этапах его становления и пойдёт далее речь.

В письме другу, художнику Андре Лоту, Анри Фурнье следующим образом обосновывал своё понимание духовного реализма: «Есть реализм, которого я достигну и которого достигаю, и перед

которым я не отступлю, как бежал Альфред Мольн от своего счастья. Я признаю его существование, и он не пройдёт мимо меня незамеченным. Вы только верите в духовную реальность – в то время как я верю, что этот реализм, возможно, более реален, чем земная жизнь» [7, с. 21]. Письмо датируется 16 января 1910 года. В этом году Анри Фурнье берёт литературный псевдоним Ален-Фурнье. Ему ещё нет и двадцати четырех лет, и он только что вошел в круг писателей журнала «Новое французское обозрение» (NRF). Отметим тот факт, что Ален-Фурнье уже четыре года работает над романом «Большой Мольн». Обратим внимание на то, что главный герой будущего романа пока носит имя Альфред, а не Огюстен, а название «Большой Мольн» ещё не существует.

Замысел романа связан с биографическим фактом, имеющим для писателя судьбоносное значение. В 1905 году в Париже лицеист Анри Фурнье случайно повстречал девушку, прогуливающуюся по набережной Сены в обществе пожилой дамы. Женщины сели на прогулочный катер, и молодой

человек последовал за ними. После речной прогулки Анри, деликатно держась на расстоянии, проводил незнакомца до самого дома, не решаясь приблизиться для знакомства. После этой встречи Анри пришлось ежедневно дежурить возле дома юной незнакомки несколько недель. Наконец, ему удалось увидеть её на улице одну, идущей в церковь. Так состоялось знакомство и первый разговор писателя с Ивонной де Къевркур, принадлежавшей к старинному дворянскому роду. Их вторая встреча произошла только спустя восемь лет, в 1913 году. Нечаянная встреча, вспыхнувшее любовное чувство, знакомство и последовавшая затем разлука Алена-Фурнье с Ивонной де Къевркур послужили основой описания знакомства главного героя Огюстена Мольна с Ивонной де Гале. Главная героиня романа получила имя и высокий социальный статус возлюбленной писателя, а знакомство Алена-Фурнье с Ивонной де Къевркур стало тем толчком, который побудил его взяться за крупный литературный труд.

Но близкие писателя узнают о том, что идет работа над романом позже, в 1906 г. Ещё год спустя, в 1907 г., писатель узнал, что его возлюбленная вышла замуж. И только в 1913 г. он услышал от самой Ивонны, что та пожилая дама, с которой он увидел девушку в Париже, была её будущей свекровью, а причина посещения столицы заключалась в том, что невеста приехала знакомиться с родителями своего жениха. Поначалу Ален-Фурнье не дает роману никакого названия, либо не сообщает о рабочем названии своим близким. Первоначальные наброски романа не сохранились, но, по воспоминаниям сестры писателя, Изабель Фурнье-Ривьер, «первое название романа – “Le pays sans nom”, “Безымянный край”» [8, с. 64]. Изабель Ривьер вспоминает, что сюжет повествования в общих чертах был следующим: главный герой, заблудившись, попадает в незнакомые места и оказывается в замке, хозяева которого собираются праздновать свадьбу своей дочери. Но жених, которого в первом варианте звали Франсуа Мольн, так и не является на своё бракосочетание [8, с. 68]. О причине такого поведения своего героя Ален-Фурнье не упоминал. Возможно, первоначальный сюжет романа не был достаточно проработан. Но уже в первом варианте романа черты Ивонны де Къевркур угадывались в образе невесты.

Мы должны с благодарностью сослаться на постановку И.В. Карташовой вопроса о влиянии романтиков на Алена-Фурнье в нашем устном обсуждении темы его творчества. Наш взгляд на этот вопрос заключается в том, что, во-первых, такое влияние на окончательный вариант текста романа не могло быть сколько-нибудь существенным. Во-вторых, оно могло проявиться лишь на начальном этапе работы над романом, что подтверждается свидетельством сестры писателя о названии и пер-

воначальном сюжете романа. И, в-третьих, вопреки распространенному представлению о заметном влиянии Жерара де Нерваля на Алена-Фурнье [6, с. 137], мы предполагаем наличие влияния Проспера Мериме. В частности, схожий сюжет – главный герой приезжает в замок (поместье) совершенно незнакомой ему семье и случайно оказывается гостем на свадьбе – прослеживается у П. Мериме. При этом свадьба завершается трагически: кто-то из новобрачных погибает таинственным и страшным образом. В новелле Мериме «Венера Ильская» жениха душит ожившая статуя Венеры. Эти трагические события происходят во французских Пиренеях, среди каталонцев, с их своеобразными обычаями и суевериями. В новелле Мериме «Локис» место действия ещё более экзотическое: это затерянный среди литовских лесов замок, где также играют свадьбу, по окончании которой невеста погибает от зубов жениха-оборотня, а сам жених бесследно исчезает.

Примечательно также упоминание И. Ривьер о том, что в первом варианте романа было множество описаний дикой, таинственной природы Солони – малой родины Алена-Фурнье [8, с. 62]. Солонь, описанная Изабель, в начале XX века ещё вполне соответствовала романтическим представлениям о загадочном крае, нетронутом цивилизацией: «Чтобы полюбить этот край, нужно медленно проникать в его тайну, настойчиво искать чудеса, хранимые этой землёй под чёрными елями, на обочинах вьющихся тропинок, не ведущих никуда <...> Нужно слушать его безграничную тишину, которую временами прочерчивают лишь крики птиц <...> нужно проникнуться его мечтательной печалью» [8, с. 274]. В этом «безымянном краю» с его мечтательной печалью и заблудился герой первого варианта романа. Можно считать, что первое название «Безымянный край» и сюжет знакомства с обитателями неизвестного замка первого варианта возникли под влиянием французского романтизма.

Если говорить об окончательном варианте романа Алена-Фурнье, то следует отметить, что сохранилась первоначальная сюжетная линия, вполне возможно восходящая к творчеству Мериме, связанная с темой свадьбы. Но сюжетная линия несостоявшейся свадьбы в окончательном варианте преобразовалась в сюжет несостоявшейся помолвки, завершившейся трагическим поворотом в судьбе жениха. Причём роль жениха отводится не главному герою произведения. И в окончательном варианте на помолвку не является невеста, а не жених. Главный герой романа вместо роли жениха получает роль стороннего наблюдателя событий, происходящих в замке Саблоньер (он случайный гость). Жених в окончательном варианте романа – это сын хозяина замка Саблоньер Франц де Гале, который после расстроившейся помолвки пытается покончить с собой, а затем бесследно исчезает.

В своих воспоминаниях о сюжете первого варианта романа И. Ривьер не упоминает о мотивировке Аленом-Фурнье причины таинственного исчезновения жениха перед свадьбой. Отказ автора от объяснения мотива поступков героя, усиливающий таинственность происходящего в романе, можно объяснить желанием подчеркнуть романтическую загадочность событий, имевших место в затерянном замке без названия.

Но, видимо, Алена-Фурнье не устроило развитие сюжета по романтическим канонам. В 1909 г. появляется новое название «Le jour de nocces», «День свадьбы», которое отличалось конкретизацией темы повествования и сохранялось до 1913 г. [8, с. 64]. В письме Андре Лоту от 19.04.1913 г. Ален-Фурнье сообщал: «Я вижу, какой должна стать моя книга <...>. Пока что я остановился на названии “День свадьбы”» [7, с. 84]. Во втором варианте романа автор сосредоточивает внимание на разработке образа главного героя, который, как и в первом варианте, остаётся в роли жениха, не явившегося на свадьбу, но здесь появляется мотив его поступка. По этому поводу Ален-Фурнье в 1910 г. пишет сестре Изабель: «Герой моей книги – человек, детство которого было слишком прекрасным. Взрослея, он продолжает нести воспоминания о нём. <...>. Но он уже знает, что рая на земле не существует. Он отказывается от счастья. В этом мире он лишь гость, и в этом причина его жестокости. <...> В день, когда счастье являет ему своё земное лицо, Большой Мольн сбегает, совсем не из героизма, но от страха, потому что он знает, что истинная радость не принадлежит этому миру» [8, с. 338]. Главный герой второго варианта романа получает новое имя – Матьё Мольн, позже, в этом же варианте романа, переименованный в Альфреда Мольна с прозвищем Большой Мольн. Так в романе впервые появляется прозвище героя, которое позже станет окончательным названием книги.

Тем самым, существенным отличием второго варианта романа является то, что в его тексте возникает религиозно-этическая мотивация поведения героя. В записных книжках Алена-Фурнье сохранилась запись, относящаяся к дальнейшей судьбе героя: «Матьё Мольн миссионер» [8, с. 114]. Возможно, новый этап работы Алена-Фурнье над романом и его попытка направить главного героя на путь религиозного служения связаны с важным фактом в биографии самого писателя, который в 1909 году, находясь на военной службе, заинтересовался священным писанием. Он просит у полкового кюре Евангелие и посвящает его чтению всё свободное время. Свой интерес к Евангелию Ален-Фурнье объяснял следующим образом: «Уже некоторое время я одержим мыслью о том, что есть нечто, что я должен узнать до того, как умру. Я впервые ощущаю страх, почти ужас, от своего незнания» [8, с. 87]. Чтение Еван-

гелия глубоко потрясло его: «Иисус в Евангелии от святого Иоанна. Я страдал за Него всю ночь. Его самые прекрасные слова – в главе VIII. Здесь речь идёт о чём-то ином, нежели добро или зло. Но его поступки ещё прекраснее слов. Они исторгают у меня слёзы. О, как я искал упоминаний о них по всей Книге!» [8, с. 87]. О каких прекрасных словах и поступках Христа говорил писатель? В главе VIII Иоанн передаёт эпизод спасения Христом блудницы от позорной и мучительной смерти: «Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на неё камень» [Ин. 8, 7].

По свидетельству Изабель Ривьер о духовных исканиях Алена-Фурнье, «любовь Бога, которую он ощущал, будучи маленьким мальчиком, сделала его детство прекрасным» [8, с. 70], но во взрослом состоянии он начал страдать от чувства своей недостойности любви Бога, поскольку «считал себя недостойным служить Богу, недостойным даже приблизиться к нему» [8, с. 91]. Писатель был убежден, что только дети, по свойственной им чистоте, могут приблизиться к Богу в своём восприятии мира. Это представление Алена-Фурнье отразилось в образе Большого Мольна в третьем и последнем варианте романа, что существенно обогатило образ главного героя. Писатель допускал для себя возможность достижения детской чистоты только в момент смерти: «Только в час кровавой испарины душа может быть услышана и Христос ответит ей» [8, с. 92].

Духовные искания Алена-Фурнье должны были обрести свою художественную форму выражения, и они привели его в круг писателей журнала NRF, общение с которыми предопределило новый этап работы над романом. Таким образом, очередной качественный сдвиг в работе над романом мы связываем с тем, что в 1910 г., завершив службу в армии, Ален-Фурнье был введён Жаком Ривьером в круг писателей NRF, о чём сообщает Изабель: «Анри познакомился с той частью мира Литературы, куда Жак был уже давно вхож, где готовилось рождение *Нового Французского Обозрения*, у Жида, где можно было встретить Жака Купо и Шарля-Луи Филиппа [выделено автором. – М.Д.]» [8, с. 110]. Именно с 1910 года, как пишет об этом Изабель Ривьер, Ален-Фурнье «начал работать над романом всерьёз» [8, с. 113].

Теперь его главный герой получает имя Огюстен, скорее всего в честь отца писателя Огюста Фурнье, деревенского школьного учителя, десятилетия безупречного служения которого на ниве народного образования увенчались переводом на службу в один из парижских лицеев. А роман назван окончательно в 1913 г. по прозвищу главного героя Большого Мольна. Нужно отметить, что фамилия главного героя, как по своему значению, так и по своей архаичной орфографии, является

«говорящей» для франкоязычного читателя, но эти дополнительные оттенки смысла названия совершенно исчезают в русском переводе. Meaulnes – старофранцузское слово, означающее «мельник» и сохранившее в правописании не только архаичный трифтонг, но и конечную букву s – остаток ещё более древнего косвенного падежа. Для начала XX века это уже архаичный диалектизм, характерный для Солони – крестьянского региона, достаточно замкнутого и обособленного. Также очевидно, что фамилия Meaulnes избежала процесса упрощения орфографии, происходившего во Франции в послереволюционный период, когда крестьяне сознательно упрощали написание своих родовых имён, дабы избежать обвинений в излишней «родовитости». Предки героя, как мы можем предположить, проявили стойкость и остались верны своему происхождению и своему роду, не отказавшись от родных корней. Те же качества – верность, стойкость, упорство, гордость – мы видим в Огюстене Мольне.

«Безымянный край», «День свадьбы» и «Большой Мольн» – чем отличается последнее название от первых двух? Оно отличается тем, что является для читателя наименее раскрывающим содержание текста. С точки зрения теории открытого романа У. Эко, «автор не должен интерпретировать свое произведение <...> Заглавие... – уже ключ к интерпретации» [5, с. 428]. Однако произведение Алена-Фурнье не укладывается в рамки теории открытого романа, фундаментальным принципом которой является то, что «во всех книгах говорится о других книгах, <...> всякая история пересказывает историю уже рассказанную» [5, с. 437]. Как писал Ю.М. Лотман об особенностях поэтики «открытого» романа «Имя розы» У. Эко, ему свойственны «фантастические перекомбинации образов, стабильно интегрированных в рамках догматического сознания <...> свободное комбинирование деталей в новых, запрещенных для данной модели культуры сочетаниях» [3, с. 476]. Такое «перекомбинирование» не свойственно поэтике романа Алена-Фурнье, поскольку в этом процессе живой полифонизм «голосов-позиций» (Бахтин) заменяется механическим комбинированием. Вместе с тем поэтика названия романа Алена-Фурнье близка таким названиям произведений Ф.М. Достоевского, как «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы», «Неточка Незванова». Как видим, два из четырёх названий Достоевского возникают из прозвищ их главных героев, а два – из фамилий. Ален-Фурнье в названии своего романа объединил прозвище и фамилию своего главного героя.

Общение с писателями NRF привело Алена-Фурнье к знакомству с творчеством Достоевского, столь авторитетного и любимого в их кругу. Ещё в 1909 году, видимо по совету Жака Ривьера, Ален-Фурнье читает романы Достоевского «Идиот»

и «Подросток», а в 1910 – «Братья Карамазовы». В своих письмах Ж. Ривьеру, помимо перечисленных романов, Ален-Фурнье упоминает «Братьев Карамазовых», «Вечного мужа», «Записки неизвестного». Восприятие поэтики и философии Достоевского углубило, но и замедлило творческий процесс: автор романа «Большой Мольн» работал над своим произведением в общей сложности более семи лет, но объём книги не превысил трехсот страниц малого формата. Друзья писателя, в частности Жак Ривьер, Маргарита Лот и ее муж, художник Андре Лот, который собирался иллюстрировать книгу Алена-Фурнье, советовали ему «растянуть сюжет». Ален-Фурнье отвечал им: «Я вас уверяю, что с меня достаточно трехсот страниц для того, чтобы рассказать психологическую историю, странную и поэтичную; выделяющуюся из всей этой литературы, которой нечего рассказать, из всех этих романов, которые всего лишь наброски. <...> И я спрашиваю себя, что станет с <нашей> литературой через двадцать пять лет, если она не поставит перед собой задачу создать и развить такой тип повествования, который будет одновременно максимально увлекательным, предельно реалистичным и бесконечно таинственным» [7, с. 142].

В этом письме Ален-Фурнье, очевидно, ставит перед собой задачу создания нового типа повествования, называя его существенные признаки: максимальная увлекательность, предельная реалистичность и бесконечная таинственность. Описание нового типа повествования чрезвычайно важно, поскольку в нём просматриваются конкретные особенности той «духовной реальности», о которой Ален-Фурнье писал раньше. И далее, в своей художественной практике, Ален-Фурнье следует всё более ясно понимаемому им идеалу «духовного реализма», художественного метода, призванного отобразить духовную реальность. Вопреки совету друзей он не стремится к увеличению числа описаний событий, не «растягивает сюжет», но углубляется в решение задачи создания и развития нового типа романа – увлекательного, глубоко реалистичного и одновременно таинственного. Но загадочность эта и увлекательность реалистического, а не символического плана: «Здесь нет никакого символизма, – разъясняет Ален-Фурнье свою творческую позицию друзьям, комментируя один из эпизодов “Большого Мольна” (попытку суицида Франца де Гале), – никакой теории, никакого скрытого смысла. Есть всего лишь самая увлекательная в мире история – и когда я говорю “увлекательная”, я имею в виду реалистичная и трагическая. Я хотел бы, чтобы все было настолько же реально, насколько душераздирающе» [7, с. 139].

Самой увлекательной в мире историей становится история поиска юношей своей возлюбленной. Приводит ли исполнение творческо-

го принципа увлекательности, реалистичности и загадочности к устранению автора из процесса общения читателя с текстом произведения? Как полагал Р. Барт, писатель «может лишь вечно подражать тому, что написано прежде и само писалось не впервые; <...> если бы он захотел ВЫРАЗИТЬ СЕБЯ, ему все равно следовало бы знать, что внутренняя “сущность”, которую он намерен “передать”, есть не что иное, как уже готовый словарь, где слова объясняются лишь с помощью других слов, и так до бесконечности» [1, с. 388–389].

Сказанное Бартом верно лишь в определённом масштабе восприятия текста, весьма узком, поскольку, как прокомментировал в обсуждении этой темы со мной В.В. Иванов, прав Аристотель: всякий художник, прежде всего, подражает природе с её законами и принципами красоты жизни. С этим взглядом Иванова на идею Барта о литературе, возникающей из литературы, я согласна и по той причине, что и Ален-Фурнье справедливо настаивал на том, что существует искусство «истинного реализма», бессмертное, как сама жизнь: «Я смертен, но у меня есть искусство, которое бессмертно». Но я вам отвечу так, если вы действительно смертны, ваше искусство ничего не стоит. Если в вас нет истинного реализма, ваше искусство напрасно, как и вы. И если вы умрёте, ваше искусство умрёт вместе с вами» [7, с. 20–21]. Бессмертным искусством, очевидно, Ален-Фурнье считал то, что подпадало под его признаки духовного, или истинного, реализма.

Тем самым, если увлекательность чтения создаёт психологическое ощущение «исчезновения» автора, то это совсем не то же самое, что автор на самом деле исчез из текста. Как видим, Ален-Фурнье на третьем этапе работы над романом высказывает всё новые и новые мысли о признаках «духовного реализма» в его понимании. Это бессмертное искусство он называет «истинным реализмом», а его истинность определяется следующим: «Что меня интересует, так это высший романтизм, искренний, я бы сказал, почти пережитый» [7, с. 33]. В попытках объяснить своё понимание духовного реализма после определения «истинный» писатель приходит к уточняющим определениям «высший романтизм», «почти пережитый». Тем самым духовный реализм Алена-Фурнье объясняется через высший романтизм. На наш взгляд, это является указанием на обретение человеком духовного опыта – опыта переживания духовной реальности. А описание получения духовного опыта и есть духовный реализм в понимании Алена-Фурнье. Это, полагаем, именно так, поскольку дальше писатель приводит в качестве примера Евангелие: «Ощущение души как реальной вещи, чего-то, что можно потрогать, того, что может появиться за окном. Я уже говорил, что Евангелие временами даёт подобное ощущение. Естественность появления таинственного

в повседневной реальности» [7, с. 33]. Отметим, что именно постоянное чтение Достоевским Евангелия наряду с опытом чудовищной реальности каторжной жизни продвинули русского писателя вплотную к «реализму в высшем смысле», к встрече таинственного в его духовном облике в повседневной реальности.

Итак, если попытаться привести термин Алена-Фурнье «духовный реализм» к известным и хорошо изученным в литературоведении литературным направлениям и методам – романтизму и реализму, то «высший романтизм» означает реальность духовной жизни, о явлениях которых некоторые авторы пишут как об ощущении «присутствия бога», об ощущении «присутствия духа». Мы полагаем, что «духовный реализм» Алена-Фурнье не то же самое, что какая-нибудь новая форма романтизма. Духовный реализм есть шаг от романтизма и, одновременно, реализма – к литературе, описывающей реальность духа, к описанию духовного опыта. Создание такой литературы оказывается возможным только для тех авторов, кто, как Достоевский или Ален-Фурнье, имели собственный опыт переживания духовной реальности. Духовный реализм берёт от романтизма свойственную ему таинственность вечности духовного бытия, от реализма – свойство бесконечных метаморфоз материальной оболочки духа. Или, говоря словами Алена-Фурнье, духовный реализм описывает глубокую духовную тайну через «прикосновение» к ней, наблюдая (касаясь) её в самой обыкновенной повседневности жизни.

Духовная реальность, «более реальная, чем земная жизнь», в романе «Большой Мольн» конкретизируется и выступает как отображение духовной тайны необходимости возобновления в каждом личном жизненном пути вечного поиска мужчины своей единственной возлюбленной женщины. Она описывается как ускользающее чудо любви, обретение предмета которой тысячелетиями было главной и первой духовной задачей каждого молодого человека. Без решения этой задачи юноша не мог сделаться полноправным мужчиной в любом традиционном обществе. Эта духовная реальность веками впитывалась народной мудростью и проступала в народных волшебных сказках, столь любимых писателями-романтиками. Сказочный герой преодолевает все препятствия, возникающие на пути его поиска-странствия, и это преодоление духовно преображает героя-искателя. В духовном реализме Алена-Фурнье отображается то же явление: поиск возлюбленной преображает героя, хотя он и не освобождается окончательно от заблуждений, навязанных ему моралью современной жизни.

Н.В. Семёнова писала: «Известно заявление Набокова о том, что героиня “Дара” “не Зина, а русская литература”» [4, с. 131]. По аналогии с этим выражением можно сказать, что героем «Большого

Мольна» является не молодой человек, странствующий по Франции в поисках своей возлюбленной, а французский роман, странствующий по Европе и России в поисках своей новой формы, которую сам Ален-Фурнье назвал духовным реализмом.

Библиографический список

1. *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с франц., сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–392.

2. *Дубинская М.В.* «Духовный календарь» романа Алена-Фурнье «Большой Мольн» и поэтика художественного времени Ф.М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: основной выпуск. – 2014. – Т. 20. – № 3. – С. 159–162.

3. *Лотман Ю.М.* Выход из лабиринта // Эко У. Имя Розы: роман / пер. Е. Костюкович. – М.: Книжная палата, 1989. – С. 468–482.

4. *Семёнова Н.В.* Код заглавия в романе Тимура Кибирова «Лада, или Радость» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2014. – № 3. – С. 128–133.

5. *Эко У.* Заметки на полях «Имени Розы» // Эко У. Имя Розы: роман / пер. Е. Костюкович. – М.: Книжная палата, 1989. – С. 427–467.

6. *Lagarde André, Michard Laurent.* Alain-Fournier. Les grands auteurs français. XX siècle. Antologie et histoire littéraire. – P.: Bordas, 2004. – P. 137–140.

7. *Lhote André, Alain-Fournier, Rivière Jacques.* La peinture, le coeur et l'esprit. Correspondance inédite (1907–1924) // Texte établi et présenté par Alain Rivière, Jean-Georges Morgenthaler et Françoise Garcia. – Bordeaux: Willam Blake and co. Edition et Musée des Beaux-Arts de Bordeaux, 1986. – 234 p.

8. *Rivière Isabelle.* Vie et passion d'Alain-Fournier. – Monaco: Jaspard, Pollus et Companie, 1963. – 532 p.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АФРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НА ФРАНЦУЗСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Современные постколониальные литературы на европейских языках отличает фрагментарность и калейдоскопичность нарративных пространств, обусловленная личным опытом писателей, создающих свои произведения на стыке языков, ментальностей и воображаемых пространств. Столкновение двух культур – африканской и европейской – происходит в ничейных «буферных зонах», именуемых М. Оже «не-местом» (*non-lieu*). Зачастую в роли «не-места» в романах африканских писателей выступает метро. Яркий пример подобного рода содержится в одноименном романе Д. Ндонго-Бидиого, действие в котором начинается и заканчивается в мадридском метро. Аэропорт как нарративное пространство представляет собой разновидность «пространства потоков» (М. Кастельс), конституируемого исходя из его соотношения с другими местами. В романах африканских писателей аэропорт представляет собой точку пересечения людских и информационных потоков, обладающую особой смысловой и функциональной нагрузкой (романы «Эти печальные души» Л. Миано и «Тупик» Д. Бийаулы). Проведенный анализ позволяет выявить уникальность хромотопа романов африканских писателей на французском и испанском языках, а также подтверждает целесообразность проекции категорий постмодернизма на современный постколониальный дискурс.

Ключевые слова: африканская литература, французский язык, испанский язык, хромотоп, художественное пространство, «не-место», «пространство потоков»

Мир «поздней современности» ощущается не как жизнь, развивающаяся во времени, но как сеть, связывающая между собой разрозненные точки. В этой связи французский антрополог и социолог М. Оже ввел термин «не-место» (*non-lieu*) – нигде не укорененное место, связанное с мобильностью и путешествиями, не имеющее аутентичности и собственного смысла и истории, отношений и идентичности. Это взаимозаменяемое пространство обеспечивает анонимность человека. Примерами «не-мест» выступают общественный транспорт, гостиничные сети, супермаркеты. В этих пространствах человек не живет, он не присваивает их себе, но остается в них безымянным и одиноким [3].

Яркие примеры создания подобного художественного пространства содержатся в произведениях писателей-выходцев из стран Тропической Африки, которым не понаслышке знакомо состояние пограничности, переходности, культурной неукорененности со всеми лишениями, какими оно чревато, но и с открытостью новому, с плюралистичностью и многомерностью опыта, какие оно может дать [2].

Идея «не-места» обретает особое значение в африканском художественном тексте, особенно в произведениях, отличающихся полифонией нарративного пространства. Одно из таких «не-мест» представляет собой метро. В метро получает «боевое крещение» главный герой романа А. Мабанку «Триколор» [10], Массала-Массала, путешествующий от станции к станции и покупающий билеты по украденным чекам. Сцена оказывается словно соткана из симулякров. Вместо своего собственного имени, означающего «что было то и есть,

что есть то и будет», Массала-Массала действует под чужим именем – Марсель Бонавантюр. Выбор этого имени представляется неслучайным. Авантюристами (*aventuriers*) социолог Ж.-Д. Гандулу называет последователей субкультуры *sape*¹, нелегально эмигрирующих в Париж [8, р. 57]. На протагонисте чужая одежда, выданная ему криминальным авторитетом по кличке «Префект». Все действия он осуществляет не по своей воле, а по указанию все того же «Префекта», который непрерывно следит за ним. И, наконец, события разворачиваются под землей, в метро. Именно оно играет решающую роль в судьбе героя, превращая его в антипода, действующего в «не-месте».

В «не-месте» разворачиваются первая и последняя сцены романа гвинейского писателя Д. Ндонго-Бидиого «Метро» [14]. Роман начинается с описания чувств главного героя Ламбера Обамы Ондю, которые тот испытывает всякий раз, оказываясь под землей. Ему кажется, что он превращается в «странное существо, полуживотное, получеловека» [14, р. 13]. Обама Ондю уподобляет себя гигантской крысе (*gigantesco grombif*), которая в поисках своей норы рыскает в потемках по подземным туннелям большого города [14, р. 13]. Первая глава романа построена по принципу антитезы, находящей двойное выражение. Первое – противопоставление жизни и смерти. Лексические единицы, используемые для характеристики метро, содержат сему мрака, падения в пропасть и неотвратимой гибели: «неизбежный спуск вглубь земли» (*un descenso irremediable hacia las profundidades*), «недра земли» (*las entrañas de la tierra*), «влажные пропасти» (*húmedos abismos*), «вообразить себя заживо погребенным под развалинами» (*imaginarse sepultado*

en vida bajo los escombros), «мрачные подземные коридоры» (*tenebrosos corredores subterráneos*) [14, p. 13]. Метро одновременно пугает и завораживает протагониста – ведь это единственное доступное ему «чудо» мира белых, на которое он смотрит своими «черными, как смоль, глазами» (*ojos intensamente negros*) [14, p. 15].

В первых сценах романа Обама Ондо испытывает всепоглощающее желание противостоять натиску трудностей: «он решил, что его смерть никогда не будет безымянной» [14, p. 21]. Финальная сцена романа также происходит в метро, где главного героя убивает банда скинхедов. Последние минуты его жизни проходят в грохочущем в подземелье вагоне, «не-месте», константе всего его существования.

Узлы хронотопа романа Д. Ндонго-Бидиого выступают точками, через которые пролегают скитания протагониста, цепь «не-мест», ведущая к трагическому финалу. С самого детства Обама Ондо оказывается знакомо чувство отчужденности. Вместе с семьей он вынужден покинуть территорию религиозной миссии в связи с переводом его отца священнослужителя в деревенский приход. Обама Ондо оказывается оторван от привычного окружения, лишается комфорта и возможности получения достойного образования. Давление вековых традиций приводит к личной трагедии, и он сталкивается с необходимостью покинуть и деревню. Очувшись в большом городе, он и здесь не находит себе места, постоянно сталкиваясь с непривычным ему вероломством. В поисках лучшей доли он отправляется в Испанию, сначала в провинцию, потом в столицу, где и наступает трагическая развязка. Цепь мест «африканская деревня – африканский город – испанская деревня – испанский город» превращается для главного героя в совокупность «не-мест». Метафора «не-места» пронизывает роман и одновременно замыкает его в круг, вырваться из которого персонажу удастся только воссоединившись с предками, открывающими перед ним «дверь судьбы» и обещающими ему, что смерть его не будет безымянной [14, p. 458]. «Не-место» неизменно по своей сути, меняются лишь его декорации. Звеном, открывающим и замыкающим эту пространственную цепь, выступает метро – подлинное «не-место».

Еще один пример «отсутствия места» – самолет – превращается в романе «В поисках Африк» А. Лопеса в пространство противостояния. Автор описывает довольно часто встречающуюся в африканских романах сцену, когда персонаж впервые поднимается на борт самолета и отправляется учиться во Францию. Однако в данном произведении она обретает особое значение. Африканские студенты, лучшие из лучших, те, кому удалось получить стипендию для учебы во Франции, впервые оказываются на равных с европейцами. Атмосфера

сцены проникнута напряжением: главному герою удастся уловить обрывки фраз двух европейцев, сетующих на то, что «правительство метрополии ничего не понимает в колониях и туземцах» и предсказывающих «конец света, когда негры их выгонят» [9, p. 189–190].

Оказавшись в одном автобусе, а затем и в одной гостинице с европейцами, молодые африканцы испытывают смешанные эмоции:

Nous étions fiers, mais silencieux et un peu raides. ...nous aurions préféré être logés entre nous pour être à l'abri des regards des Baroupéens toujours à la recherche de la moindre faute dans nos gestes... Mais, en même temps, nous jubilions de les embêter... [9, p. 189–190].

Мы были горды, но молчаливы и немного скованны. ...мы бы предпочли поселиться отдельно, чтобы укрыться от взглядов европейцев, постоянно выискивающих малейшую оплошность во всем, что мы делали... Но в то же время мы радовались, досаждая им... [Здесь и далее перевод наш. – Н.Н.]

К концу полета расстановка сил меняется. Один из африканцев восторженно отзывается на французском языке о достижениях европейцев, в чем его тут же обвиняет попутчик, произносящий пламенную речь и упрекающий его в том, что тот не говорит на родном «патуа» [9, p. 192]. Он завершает ее картинным вызовом собеседникам, и в ответ встречает неприятие за использование пейоративного термина «патуа» вместо «язык». Оппозиция возникает уже не между «угнетателями» и «угнетенными», но между самими «угнетенными». В этом случае противостояние вызывает невольное стремление к мимикрии, неосознанное использование «чужого», доминантного дискурса в попытке заявить об освобождении от комплексов расового неравенства (*complexes de petits nègres*) [9].

Так в «не-месте» кристаллизуются различные формы оппозиций. Оно служит подобием лакмуса, проявляющего истинные, ничем не камуфлируемые чувства гораздо быстрее и нагляднее, чем в обычных ситуациях.

Сегодня само пространство все больше конституируется не в категориях «места», а в категориях «потоков», которое оно через себя пропускает, исходя из его отношения к другим местам, и его движения [11; 12; 1]. Социолог М. Кастельс использует для его описания термин «пространство потоков» (*space of flows*) [6; 7].

Особое нарративное пространство африканского романа – аэропорт – представляет собой «пространство потоков» встречающихся и встречаемых, а также информации, которой те обмениваются. При этом между этими двумя группами персонажей необязательно существует какая-либо связь. Встречающие подразделяются на несколько категорий. Это не только те, кто действительно ждет

путешественников. В аэропорт приходят просто для того, чтобы поглазеть на прибывающих, соприкоснуться с мифом благополучного Запада. В романе «Пепел калабо и термиты» Х.Ф. Сиале Джангани метафорично именуется их «туристами» (*turistas de aeropuerto*):

El aeropuerto hervía como si de un mercado se tratase. Las gentes gritaban. En su mayoría no eran viajeros ni acompañantes. Sencillamente «turistas de aeropuerto». Gentes que habían tomado cada vez que se producía un aterrizaje procedente de un país europeo. Sólomente deseaban saber quién llegaba y quién se iba [16, p. 212].

В аэропорту царил оживление, словно на рынке. Люди кричали. Большинство из них не было ни путешественниками, ни сопровождающими. Просто «аэропортовые туристы». Люди, у которых в привычку вошло заглядывать на аэродром всякий раз, когда приземлялся рейс из европейской страны. Они лишь хотели посмотреть, кто приезжал и уезжал.

Для некоторых аэропорт оказывается основным местом заработка. Таков главный герой романа «Самолет богачей, вор свиней» Х.Т. Авилы Лауреля [4]. Именно в очередной из дней, когда молодой человек и его брат пытаются получить с богатых пассажиров вознаграждение за поимку сбежавших от них свиней, с ними происходят невероятные события, лежащие в основе сюжета.

Красочное описание путешественников и встречающих отмечено в романе Л. Миано «Эти печальные души»:

*Il y avait seulement des frangines dodues à faux cheveux collés sur le crâne [...] leurs sacs remplis de victuailles achetées à prix discount... Elles avaient aussi des cadeaux pour la famille, de la camelote bien souvent. D'autres catégories arrivaient maintenant, des femmes recouvertes de grandes marques. Pour elles, le bon goût, c'était cela : la griffe. Sacs de chez H. Chaussures de chez D., dans lesquelles elles avaient les orteils pliés en six, autrement, leurs immenses pieds ne s'y seraient pas glissés. Il y avait de prétendus hommes d'affaires portant malette, journal plié sous l'aisselle, vêtus de costumes trop chauds pour les températures subsahariennes, suant abondamment, trimbarrant fièrement leur bedaine. Ils étaient **bien nourris** parce qu'ils en avaient les moyens, il ne fallait pas s'en cacher. Ceux qui attendaient se sentaient importants, eux aussi. Le simple fait de se trouver là signifiait qu'ils avaient de la famille au Nord, qu'un morceau d'Hexagone leur appartenait, qu'ils étaient **en haut de en haut**, de vrais **ndoss** [13, p. 209].*

Там были только тучные тетеньки с приклеенными к черепу шиньонами, чей багаж набит продуктами, купленными по бросовым ценам... Еще у них были подарки для семьи, как правило, барахло. Теперь подошли и другие категории путешествен-

ющих: женщины, обвешанные лейблами. Для них хороший вкус состоял исключительно в ярлыке. Сумки от Н. Туфли от Д., в которых их большие пальцы были сложены шестеро, иначе их огромные ступни не влезли бы в них. Были и так называемые бизнесмены с кейсом, сложенной газетой под мышкой, одетые в слишком плотные для африканской жары костюмы, в которых они обильно потели, гордо выпячивая пузо. Они **хорошо питались**, потому что у них были на то средства, и не стоило этого скрывать. Встречающие тоже ощущали свою важность. Один лишь тот факт, что они были там, означал, что у них есть родственники на Севере, что им принадлежит кусочек Шестиугольника, что они представляют собой элиту, состоявшихся в жизни людей.

Описание африканцев, прибывающих из Франции, насыщено лексическими единицами, характерными для сниженного стиля («толстые тетеньки» (*frangines dodues*), «барахло» (*camelote*), «пузо» (*bedaine*)) и отличающимися ярко выраженной пейоративной коннотацией («приклеенные к черепу шиньоны» (*faux cheveux collés sur le crâne*), «так называемые бизнесмены» (*prétendus hommes d'affaires*)). Не менее красноречиво писательница отзывается и о встречающих, которые чувствуют себя важными персонами в силу одного того факта, что у них есть родственники в Европе. Л. Миано использует лексемы, характерные для камерунской разновидности французского языка: калькированный фразеологизм «принадлежать к высшим слоям общества» (*être en haut de en haut*) и заимствование из пиджина на основе английского языка (*ndoss*), служащее для обозначения дельца, изворотливого человека.

Пренебрежительное отношение автора к африканцам, стремящимся поддерживать в сознании своих соотечественников симулякр сытой жизни во Франции, находит выражение в намеренном нарушении центральной языковой нормы. Африканцы, изображающие из себя удачливых «парижан», оказываются недостойны того, чтобы рассказ о них велся на «знаменитом французском Ги де Мопассана», владение которым в их сознании представляет собой символ успешности африканского эмигранта. Они удостоиваются намеренно грубых и вульгарных характеристик. Этноспецифические лексические единицы вводятся в нарратив посредством контекстуализации, излюбленного метода писательницы, практически не прибегающей к внутритекстовым комментариям. Так, в описании одной сцены сопологаются периферийные социо- и региолект, находящиеся в состоянии трансгрессии по отношению к нормативному французскому языку. Они маргинализируют персонажей, для описания которых используются, показывая тем самым несбыточность их вечногo стремления к слиянию с мифическим «центром».

В парижском аэропорту Руасси-Шарль-де-Голль начинается и действие романа Д. Бийаулы «Тупик», главный герой которого Жозеф отправляется в родной город Браззавиль, в котором не был пятнадцать лет. *Едва сойдя с трапа самолета, он становится объектом многочисленных насмешек ротозеев, приехавших в аэропорт для того, чтобы посмотреть на этого «парижанина», возвращение которого для них являлось целым событием. Одежда и внешний вид героя не соответствуют их представлениям о том, как должен быть одет африканец, побывавший в Париже. Жозеф осознает, что, отказываясь воплощать идеал успешного «парижанина», он «разбивает мечты, воплощая то, от чего стремятся убежать» [5, р. 30]. Так аэропорт оказывается точкой отсчета пути, ведущего протагониста в тупик.*

В подобном ключе, хотя и несколько иначе расставляя акценты, нарративное пространство аэропорта описывает и Д. Ндонго-Бидиого в романе «Сила грозы» [15]. Его встреча с родиной после многолетнего отсутствия начинается с попадания в «хаос» аэропорта, наводненного самой разношерстной публикой: зеваками, солдатами, полицейскими и юными активистами, поддерживающими диктатора Масиаса. Голоса встречающих звучат угрожающе, а душная и недружественная обстановка придает их фигурам оттенок нереальности [15, р. 19]. Уже в аэропорту главный герой понимает, что его образование и опыт, накопленный за годы проживания в Европе, окажутся непреодолимым препятствием на пути реинтеграции в африканскую культуру. Так аэропорт как «не-место» показывает, что протагонисту нет места в том пространстве, куда он так стремился вернуться. Его охватывает волнение и тревога:

...que va a pasar ahora que he dado el paso definitivo у ya no quiero ni puedo volverme atrás [15, р. 19].

...что же будет теперь, когда я сделал окончательный шаг и больше не хочу и не могу вернуться.

Как у Д. Бийаулы, так и у Д. Ндонго-Бидиого аэропорт выступает контрольно-пропускным пунктом для персонажей, возвращающихся на родину после длительного отсутствия, и пройти его они могут лишь формально – фактически они так и остаются чужими среди бывших своих. У Д. Бийаулы на первое место выходит преломление двух миров: африканского и западного. Прибывшего окружают родственники и друзья, стремящиеся утвердиться в своих мечтах о счастливой и сытой жизни в Европе и разочарованно взирающие на совершенно не соответствующего их ожиданиям «парижанина». В романе Д. Ндонго-Бидиого прослеживается лишь враждебность по отношению к вернувшемуся домой соотечественнику, создается атмосфера надвигающейся грозы, упоминаемой в названии. Симулякр беззаботной жизни в Европе никак не акцентируется. Данный факт во многом

объясняется тем, что внимание писателя сфокусировано на развенчании пороков определенной исторической эпохи, и именно этой цели служат приводимые в романе описания.

Таким образом, узлами хронотопа в произведениях современных африканских писателей на французском и испанском языках выступает сеть «не-мест», выражая тем самым детерриториализацию пишущего субъекта, существующего на стыке нескольких культур, языков и воображаемых пространств, которые он не всегда оказывается способен примирить в своем сознании. Для репрезентации художественного пространства писатели привлекают широкий спектр лингвостилистических средств на всех языковых уровнях, что обеспечивая создание самобытной нарративной ткани.

Примечание

¹ Субкультура *sape* (от фр. арготич. *sape* – шмотки, одежда) и Общество светских элегантных людей (Société des Ambianceurs et des Personnes Élégantes) появилась в 1970-х – 80-х гг. в городе Браззавиле (Республика Конго). В ее основе лежит культ дизайнерской одежды, умение одеваться, говорить, держать себя на публике. В число «саперов» входят многие знаковые фигуры африканской поп-культуры.

Библиографический список

1. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 5. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2638> (дата обращения: 24.11.2015).
2. Сухотина М. Продается местный колорит, или Комплекс вины в «Боге мелочей» Арундати Рой // Вопросы литературы. – 2010. – № 2. – С. 367–386. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/2/su23.html> (дата обращения 24.11.2015).
3. Augé M. Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité. – P.: Seuil, 1992. – 142 p.
4. Ávila Laurel J.T. Avión de ricos, ladrón de cerdos. – Madrid: El Cobre Ediciones, 2008. – 269 p.
5. Biyaoula D. L'Impasse. – P.: Présence Africaine, 1996. – 327 p.
6. Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. – Oxford: Blackwell, 1996. – Vol. 1. – 556 p.
7. Castells M. End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. – Oxford: Blackwell, 2010. – Vol. 3. – 488 p.
8. Cazenave O. Afrique Sur Seine: a new generation of African writers in Paris. – Oxford: Lexington Books, 2005. – 200 p.
9. Lopes H. Le Chercheur d'Afriques. – P.: Seuil, 1990. – 303 p.

10. *Mabanckou A.* Bleu Blanc Rouge. – P.: Présence africaine, 1998. – 222 p.
11. *Massey D.* For space. – L.: Sage, 2005. – 232 p.
12. *Massey D.* Places and their pasts // History Workshop Journal. – 1995. – No. 39. – P. 182–192.
13. *Miano L.* Ces âmes chagrines. – P.: Plon, 2011. – 280 p.

14. *Ndongo-Bidyogo D.* El Metro. – Madrid: El Cobre, 2007. – 458 p.
15. *Ndongo-Bidyogo D.* Los poderes de la tempestad. – Madrid: Proyectos y Producciones Editoriales Cyan, S.L., 1997. – 318 p.
16. *Siale Djangany J.F.* Cenizas de kalabó y termes. – Ávila: Editorial Malamba, 2000. – 235 p.

УДК 82-24 ; 821.161.1.09"18"

Басенко Анастасия Сергеевна
Ивановский государственный университет
anastasiabasenka@mail.ru

ЖАНР БЫЛИ В ДРАМАТУРГИИ Н.А. ПОЛЕВОГО

В статье рассматривается своеобразие былей Н.А. Полевого, драматургия которого, несмотря на немалый интерес, проявленный к ней литературно-театральной критикой первой половины XIX века, остаётся практически неисследованной. Стремясь решить проблему бедности национального репертуара и ориентируясь на зрителя, Полевой придаёт особую значимость репрезентации исторических событий на сцене, и, наряду с традиционными жанрами «драмы» и «драматического представления», автор часто называет свои сочинения «былью». Таковы исторические, русские и народные были «Дедушка русского флота» (1838), «Иголкин, купец новгородский» (1838), «Параша Сибирячка» (1840), «Костромские леса» (1841), «Русский моряк» (1844). Положив в основу сюжета событие из национального прошлого, Полевой художественно достраивает быль. Не задаваясь целью сценического летописания, автор стремится не столько оценить случившееся, сколько показать и раскрыть «дух народа», приблизить эпизод истории к современному зрителю, что осуществляется драматургом через «обывление» событий старины. Изображение драматургом бытового сознания героев, стремление воссоздать народную идею в повествовательно-бытовом регистре делают жанр «были» в исторической драматургии Полевого эпико-драматическим. Жанровая номинация были «Русский человек добро помнит» (1839) – быль драматическая, что выделяет её на фоне остальных пьес. В ней Полевой не обращается к реальному национальному историческому сюжету, а сам его создаёт и художественно воплощает, применяя «былевую» жанровую модель.

Ключевые слова: Н.А. Полевой, история русской драматургии, русский драматический театр, жанр были, герой, сюжет, репертуар, зритель.

Жанровый состав драматургии Н.А. Полевого (1796–1846), вступившего на литературно-театральное поприще в конце 30-х годов XIX века, разнороден. Перу широко известного в прошлом журналиста, издателя «Московского телеграфа» (1825–1834) принадлежат как лёгкие комедии и водевили, так и серьёзные исторические драмы, причём последние признавались многими современниками лучшими созданиями драматурга. Особый интерес представляют жанровые номинации пьес, написанных Полевым на сюжеты из национального прошлого: наряду, например, с *сибирской сказкой* «Комедия о войне Феодосьи Сидоровны с китайцами» (1842), *военным анекдотом* «Солдатское сердце, или Биваки в Саволаксе» (1840) и др., автор создаёт *драматические представления* в пяти действиях «Елена Глинская» (1842) и «Ермак Тимофеич, или Волга и Сибирь» (1845), *драматическую повесть* «Ломоносов, или Жизнь и поэзия» (1843) и др. Вместе с тем, большую часть пьес из этого ряда Полевой называет *былями* – историческими, народными, русскими. Таковы «Дедушка русского флота» (1838), «Иголкин, купец новгородский» (1838), «Параша Сибирячка» (1840), «Костромские леса» (1841), «Русский моряк» (1844) и «Русский человек добро помнит» (1839).

Историческая драматургия явилась для Полевого не только факультативным средством популяризации своей исторической концепции, отражённой в таких фундаментальных сочинениях, как «История русского народа» (1829–1833), «История Петра Великого» (1843), «История Наполеона» (1844–1846) и др., но прежде всего – эффективным способом решения проблемы бедности национального репертуара русской драматической сцены 30-х – 40-х годов XIX века. Синтезируя собственное видение историографии и историософии, художественно преломляя их, Полевой стремится ответить на сложившийся социокультурный театральный «заказ»: учитывая обозначившуюся тенденцию демократизации публики, драматург, ориентируясь на зрителя, придаёт репрезентации исторических событий на сцене исключительную важность.

Несмотря на всё сюжетное многообразие, обусловленное авторским заимствованием для отображения на сцене событий разных исторических эпох, давнопрошедших или вовсе не далёких от зрителя, быль в драматургии Полевого выступает как жанрово-типологическое единство.

В эпоху господства романтического направления в искусстве художественное переосмысление «народной прозы» (термин В.Я. Проппа¹) [9, с. 58] оказывается широко представленным как в зару-

бежной, так и в русской литературе. Не имеющая дефиниции как жанр собственно драматургический, быль, берущая своё начало в фольклоре, обладает важным отличительным качеством – *достоверностью*, пусть относительной фактически, но укоренившейся в национальном сознании *исторической правдой*. В толковом словаре В.И. Даля она определяется как «то, что было, случилось, рассказ не вымышленный, а правдивый <...> иногда вымысел, но сбыточный, несказочный» [2, т. 1, с. 148]. Указывая на различие сказки и были и подчёркивая склонность последней к объективной передаче реальности, Пропп отмечает, что «в действительность рассказываемого народ в этих случаях верит» [9, с. 58]. К слову сказать, жанр были в творчестве самого Даля занимал значительное место.

Установка на объективность и достоверность воссоздания событий прошлого проявилась в собственном Полевому стремлении выразить «дух народа», попытка постичь который была предпринята им в исторических трудах. Задолго до обращения к театру, во времена своей критической деятельности в журнале «Московский телеграф», он активно полемизирует с «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина, которая «нигде не представляет вам духа народного». Полевой утверждает, что «в целом объёме оной нет *одного общего начала* (курсив наш. – А.Б.), из которого истекали бы все события русской истории», отказывает сочинению в объективности и в итоге объявляет автора «писателем не нашего времени». Равным образом в отношении художественного творчества критик провозглашает главным литературным принципом «истину изображений»: «Романтику потребно глубокое познание человека в мире действительном и высокая философия и всемирность в мире фантазии. Потому-то романтизм так сильно дорожит народностью. <...> Само по себе разумеется, что из сего уже выводятся условия форм, в какие облакаются романтические творения, и, если сии формы удовлетворяют истине и полноте, мы ничего более от них не требуем. В романтизме предмет определяет форму» [8, с. 125–126].

По мнению Полевого, жанровые «условия форм» были удовлетворяют «истине и полноте» содержания, отражают то самое «одно общее начало» – народное сознание. Для автора становится многозначительным не столько реальный характер исторических событий, доля вымысла и истины в их переложении былью, сколько реальный исторический персонаж, через восприятие происходящих событий которого, через его ментальное внутреннее зрение выражается «дух народа». Ядро истинной идеи истории, согласно Полевому, являет собой правильный треугольник, сторонами которого являются конкретное историческое лицо, отдельный народ, всемирный исторический процесс.

«Человечество живёт в народах, – пишет он, – а народы в представителях,двигающих грубый материал и образующий из него отдельные нравственные миры» [8, с. 38]. Быль, содержащая в себе повествовательное осмысление исторического события, и есть выражение народного взгляда – истинного знания «отдельного нравственного мира».

Быль как малая эпическая форма, с одной стороны, сковывает Полевого-драматурга. Будучи сюжетно сфокусированной на единичной ситуации, она не способна придать историческому повествованию широкий сценический размах, что предполагает и небольшой для драматургического сочинения объём. С другой стороны, художественная достройка фабулы заимствованного из прошлого рассказа открывает перед былью драматической новые жанровые возможности.

Исходя из интересов театральной публики и качественной составляющей современного репертуара, Полевой берёт быль в качестве конструктивной основы предназначенного для сцены сочинения и стремится приблизить историческую перспективу, сократить эпическую дистанцию (термин М.М. Бахтина), что осуществляется им путём «обытовления» старины.

«Дедушка русского флота» – первый опыт небольших драм Полевого, «содержание коих взято из Русской истории и Русского быта», имеет основание историческое: Карстен Брандт, голландский корабельный мастер, «действительно существовал, строил ботик, знаменитаго “Дедушку Русскаго флота”, жил потом забытый в Москве, был отыскан Петром Великим после находки ботика, и умер другом Царя и корабельным мастером его, в 1693 году» [3, с. 5]. Драматург раздвигает границы были о Брандте, перенося действие в Немецкую слободу, выводит на сцену внуку героя, Корнелию, и её возлюбленного Питера Гродекера, оружейного подмастерья, напоминающего другое историческое лицо – Никиту Демидова. Бытовая любовная интрига, в которую вовлекается третье лицо – богатый голландский купец, Фома Гроомдум, создаёт драматическое напряжение и «держит» динамику действия, финал же вновь относит зрителя к историко-фактографической основе пьесы. Уже в «Дедушке...» прослеживаются основные особенности трансформации Полевым заимствованного рассказа в сюжет драматической были.

Новгородский купец Иголкин² уже семнадцать лет «томится далеко от родины», два года сидит в тюрьме в Стокгольмской крепости. «Услышав однажды, что два Шведские солдата, стоя на часах, ругают Царя, Иголкин не вытерпел, просил их замолчать, жаловался на них офицеру, и с насмешкою отвергнутый им, не захотел перенести позора и ругательств на помазанника Божия. Необыкновенно сильный, внезапно бросился он на солдат, выхватил ружьё у одного из них, заколол обоих ру-

гателей и предал себя в руки прибежавших на крик шведов без сопротивления» [7, т. 4, с. 122]. Русский купец, убеждённый, что исполняет свой долг, не мог поступить иначе, за что был помилован шведским королём и отправлен домой. «Седовласый Иголкин был представлен Царю в Петербурге. Со слезами обнял его Царь, наградил щедро, и всегда заезжая к нему в гости, когда ехал через Новгород, называл его *дедушкою*» [7, т. 4, с. 123].

Основание «Параши Сибирячки», по признанию Полевого, его любимой пьесы из всего написанного для сцены, «взято из истинного события, всем известного» в то время. Действие происходит в 1801 году, сначала в Сибири, потом в Москве. «*Прасковья Лупалова*, дочь сосланного в Сибирь чиновника <...> *пришла* в Петербург из Сибири». Юной девушкой, отважившейся на долгий и тяжёлый пеший путь через всю Россию, двигало желание оправдать отца, во что бы то ни стало найти в столице государя и просить его о помиловании родителя. Чудесным образом Параше удаётся осуществить свой замысел, и «кроткий Александр простил виновного отца за подвиг детской любви» [3, с. 6].

«Истинное событие в начале царствования царя Михаила Фёдоровича», положенное в основу были «Костромские леса», хорошо известно и сегодня. В первой половине XIX века нравственно-патриотический подвиг крестьянина Ивана Сусанина во имя спасения Царя и Отечества уже был представлен на сцене: это историческое событие стало сюжетом двух опер («Иван Сусанин», 1815, музыка К.А. Кавоса, либретто А.А. Шаховского, и знаменитая «Жизнь за Царя», 1836, музыка М.И. Глинки, либретто барона Е.Ф. Розена), однако Полевому казалось, что «сусанинский сюжет» «гораздо лучше мог быть предметом драмы» [3, с. 7]. Репрезентация истории Сусанина на сцене вынуждает драматурга расширить сюжетные рамки непригодной для сцены повествовательной были и, заимствуя у предшественников некоторые приёмы драматургической отделки, вплести в её информативно недостаточную, сухую документальную канву новые линии, новых персонажей – например, приезжего крестьянина Томилу Тарутина, простого мужичка, да с боярским сердцем, чья судьба оказывается удивительно похожей на сусанинскую, а в чём-то и предопределяет её.

Место действия исторической были «Русский моряк» – крепость Кинбурн, вблизи Очакова и Херсона. В день именин служащего здесь капитана-лейтенанта Сакена, по словам самого героя – в самый счастливый день его жизни, происходят поистине трагические события. Шумное праздничное застолье, где собрались друзья-сослуживцы Сакена, его жена Варвара Григорьевна и сын Серёжа, обрывается неожиданным обстоятельством: стремительно надвигающаяся «турецкая угроза»

заставляет капитана немедленно выйти в море и «побить турка», тем самым исполнить свой долг, отстоять честь русского флота, потерпевшего в недавнем прошлом ряд бесславных поражений. Сакен Полевого, как и его исторический прототип, Христиан Иванович Остен-Сакен, героически погибший в 1788 году, «умер смертью героя: он взорвал свой шлюп, вместе с турецким кораблём» [1, с. 293].

Таким образом, лишь историографическая основа былей оказывается недостаточной для представления на сцене. Специфика литературного рода драмы и условия театральной действительности потребовали от Полевого особого подхода к изображению событий. Сквозь документально-летописную канву драматург в каждой из пьес проводит *новые сюжетные линии*, вводит *новых персонажей*, в том числе *внесценических*, с целью развёртывания драматического действия. Оно углубляется Полевым с помощью *воссоздания картин быта и наращивания семейно-социального материала*: читатель и зритель видят действующих лиц былей сквозь призму родственных и сословных отношений, переведённых автором в бытовой регистр, что высветляет не только индивидуальное, но и коллективное сознание народа. Малоубедительность сценического действия, за что нередко критиковали драматурга, объясняется *особенностями риторического мышления* героев былей, которым их наделяет Полевой, сосредотачивая смысловую нагрузку реплик персонажей, подчас избыточно монологичных, на мысли, суждения, оценке. Предельную лаконичность исходного жанра, схематичность в обрисовке действующих лиц автор старается преодолеть с помощью *диалогизации* были – превращения эпического комментария событийного ряда истории в эпико-драматический. Решая проблему сценичности своих пьес, Полевой воспроизводит диалогизированное повествование на фоне повседневного жизненного уклада героев, культурно-бытовые подробности которого воссоздаются пространственными сценическими ремарками. *Рамочный текст* расширяет сюжетную канву рассказа, переносит действие в разные топоры, часто полностью меняя «географические декорации». Сценична и *речевая организация текста*: бытовые диалоги героев пронизаны яркостью образностью, большим количеством народных пословиц и поговорок, нередко употребляемых говорящими в комических ситуациях. Добавляют зрелищности драматическим былям Полевого и *массовые сцены* с участием стрельцов и солдат в «Дедушке русского флота», судей военного совета, офицеров, купцов в «Иголкине...», говорящих из народа в «Параше Сибирячке», польских и русских воинов, крестьян и крестьянок в «Костромских лесах», пехотных и кавалерийских офицеров, солдат разных полков, матросов в «Русском моряке».

Однотипность и повторяемость жанрообразующих элементов были в этих исторических пьесах автора, являющих собой способы художественного освоения исходного сюжета, позволяют говорить о том, что «история в лицах» и «быт народа в живых картинах» [6, с. 299], обработанные сценически, складываются у Полевого в особую жанровую модель. Её драматург будет использовать при написании были, отнести которую к драматургии исторической нельзя.

Пьесу «Русский человек добро помнит» отнести к исторической драматургии Полевого также нельзя. Жанровая номинация данной пьесы – *драматическая* быль – выделяет её на фоне других былей – *исторических, народных, русских*. В отличие от последних, в «Русском человеке...» автор не обращается к реальному национальному историческому сюжету, а сам его создаёт и художественно воплощает. В 1842 году Полевой вспоминал, что «уже несколько лет сия пьеса считается одною из любимых публикою небольших пьес. Основание её не выдуманно; по крайней мере, анекдот о Пудовикове рассказывали мне за истинное событие» [3, с. 9]. Перед зрителем эту историю делает истинной и правдивой использование драматургом жанровой модели были.

Если в большей части исторических былей Полевому важно показать отношения народа и государства, выражаемые им через архетипическое представление героев о царе-батюшке, и мысль о самодержавии и православии как фундаментальных основах «духа народа», то в «Русском человеке...» наиболее ярко звучит *купеческая тема*. «Я сам купец, – писал Полевой, – и горжусь, что принадлежу к сему почтенному званию, которое, уступая, может быть, другим в образовании, конечно, не уступит никому в *желании добра отечеству* и помнит, что из среды его вышел бессмертный мясник Нижегородский» [5, с. 362]. Полевой в виде были выстраивает рассказ о том, чего, скорее всего, не было в действительности: этот ход должен был уверить зрителя в достоверности событий «Русского человека...» и высказать «купеческую мысль», многозначную для автора.

Драматург уже выводил на сцену представителя купеческого сословия – новгородского купца Иголкина, героя одноимённой исторической были, в которой сюжетно сделан акцент на чувстве верности отечеству и преданности царю. Бывшему крестьянину, а ныне богатому купцу Пудовикову не чуждо мироощущение Иголкина, но всё же он изображается Полевым в другом ракурсе – *на фоне быта*, тем самым рисуется собирательный образ русского человека в жизни, в миру, в контексте культуры повседневности.

Пространственные ремарки определяют место действия были: события происходят в деревне отставного бригадира Ивана Ивановича Светловско-

го. Время действия Полевым намеренно не конкретизируется, что приближает вполне современный сюжет пьесы к зрителю. Попавший в неприятную ситуацию Светловский «болен жестоко сделался»: поручившись за какого-то друга, имя которого не называется (внесценический персонаж), бригадир заложил своё родовое имение, но был зло обманут. Как честный человек, он готов понести наказание – смириться с большим взысканием «казённой недоимки» и лишиться своего поместья: «Я, сударь, не для барышей шёл в это дело – я вверял залог другу...»; «Я ошибся – и заплачу за свою вину» (явл. 11). Но сделать это Светловскому не пришлось: в финале пьесы, в кульминационный момент описи имения, почти как *deus ex machina* (особенность многих пьес Полевого), появляется бывший крепостной Фомка, когда-то отпущенный бригадиром, а теперь Фома Фомич Пудовиков, петербургский купец и коммерции советник, богатый, почтенный подрядчик и миллионер. Узнав о бедственном положении Светловского, он из чувства благодарности и любви тут же вносит необходимую сумму за своего благодетеля и «кормильца». Заключительный монолог купца – ключ к пониманию идейного пафоса пьесы: «П у д о в и к о в. Ты был верный слуга Царю, ты был благодетель моему отцу и моей матери. За Богом молитва, а за Царём служба не пропадают, а другая пословица также правдива: *Русский человек добро помнит!* Да погуби того Господь, да будь тот хуже басурман нечистаго, кто добро старое позабудет!... (*к зрителям*) Ну а ладно ли я поступил, и чем наградить меня – пусть добрые люди разсудят. Скажут: *спасибо*, а мы и поблагодарим за доброе слово – наше-декасть, почтение – и напредки милости просим!» (явл. 23).

Содержательная недостаточность фабульного основания «Русского человека...», как и в других былях Полевого, восполняется *расширением сюжетных рамок, проведением дополнительных сюжетных линий, введением новых персонажей*. Хотя драматург являет центрального персонажа – купца Пудовикова – лишь в финале были, публика уже слышала о нём во втором явлении (*приём предварения*). Зрительское напряжение держит интрига, закручиваемая Полевым вокруг «дерзкого ябедника и негодяя» Гура Филатовича Окунькова, жаждущего породниться с «высокородным» бригадиром, женив своего сына на его дочери Софье. По амплу типичный плут, Окуньков становится кредитором Светловского и шантажирует его описью всего имущества, что, впрочем, не смогло принудить отца принести в жертву счастье любимой дочери, у которой жених уже имеется (внесценический персонаж). Так или иначе, всё разрешается в благополучной развязке, и вновь благодаря Пудовикову – герою, скрепляющему весь сюжет были. Диалоги действующих лиц содержат репли-

ки, высвечивающие мысль народную о служении отечеству, о самодержавии, о православной вере, о сословном обществе, о семье, о «русскости» – национальной самоидентичности и пр., в чём обнаруживается идейно-тематический параллелизм с историческими былями Полевого.

Характеризуя драматургию 1830-х – 1840-х годов, время активного «действия» Полевого-драматурга, В.Э. Вацура отмечал, что в этот период «недостаток оригинальных драм ощущается и театром, и театральной критикой, и отчасти этой потребностью объясняется обращение драматургов к национально-историческим сюжетам, открывавшим пути к созданию именно национального» [4, с. 353]. По признанию Полевого, в пьесе «Русский человек добро помнит» и других драматургических опытах ему хотелось испытать «сцену, сведённую на самые простые события и чувства ежедневные, в которых многие не находят предмета для художника» [10, с. 112]. Мучительный поиск формы, которая бы удовлетворяла подобному бытовому содержанию, заставляет Полевого обратиться к были – жанру, превращаемому автором в эпико-драматический, имеющему свои принципы идейно-художественной организации текста.

Примечания

¹ Под «народной прозой» В.Я. Пропп понимает «определённую и легко выделяемую область народного творчества, хотя ни в трудах по теории и истории фольклора, ни в учебных пособиях этот термин не употребляется. “Народная проза”, однако, ещё не жанр. Проза – одна из *областей* народного творчества». К народной прозе Пропп относит сказку, предание, легенду, сказ, *быль*.

² Фабула «Иголкина...» была позже прописана Полевым в четырёхтомной «Истории Петра Великого» (1843). Интересно, что в этом историческом сочинении, жанрово претендующем на академизм изложения материала, вставной рассказ о купце новгородском подаётся Полевым в драматизированной форме: в повествование автор включает слова, совпадающие с репликами персонажей (Иголкин, Карл XII), их действия в «Истории...» аналогичны ремаркам из былей. Полевой, таким образом, подвергает историческое событие вторичной драматизации.

Библиографический список

1. Библиотека для чтения. – 1844. – Т. 62.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
3. Драматические сочинения и переводы Николая Полевого: в 4 ч. Часть вторая. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1842. – 606 с.
4. История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. – Л.: Наука, 1982. – 532 с.
5. Московский телеграф. – 1829. – №19.
6. *Полевой Н.А.* Избранная историческая проза. – М.: Правда, 1990. – 752 с.
7. *Полевой Н.А.* История Петра Великого: в 4 т. – СПб.: Тип. К. Жернакова, 1843.
8. *Полевой Н., Полевой Кс.* Литературная критика: Статьи, рецензии 1825–1842. – Л.: Худ. литература, 1990. – 592 с.
9. *Пропп В.Я.* Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. – 1964. – №4. – С. 58–76.
10. Сын Отечества. – 1839. – VIII.

Иванов Василий Васильевич

доктор филологических наук, доцент
Петрозаводский государственный университет
geolea@bk.ruПОЭТИКА СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА «ПРОРОК»:
К СТРУКТУРНО-СИЛОВОЙ ТЕОРИИ ЖАНРОВ

Статья является продолжением большого ряда работ в области поэтики полифонического романа на материале творчества Ф.М. Достоевского, а позже – на материале творчества А.С. Пушкина. Впервые поэтика стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» анализируется в аспекте разрабатываемой автором структурно-силовой теории жанров. Эта теория позволяет разработать новый подход к традиционно принятому жанровому определению стихотворения «Пророк» «лирическая ода». В результате, текст «Пророка» обнаруживает существенные жанровые признаки эпического произведения: наличие сюжета, описание действия, а не переживаний и чувств, эпические способы изложения и обрисовки человека. Показывается тройственная полифоническая природа поэтики стихотворения «Пророк».

В научный оборот вводятся термины «структурно-силовая теория жанров» и «структурно-силовое ядро жанра». Их использование способствует обоснованию предположения о наличии причинно-следственной связи между структурно-силовым ядром малого эпического жанра и композицией жанра полифонического романа, а также жанра эпической поэмы.

Ключевые слова: принцип тройственной полифонии, эпическая ода, голос-позиция, «октава» действий персонажа, структурно-силовое ядро полифонического романа.

Стихотворение А.С. Пушкина «Пророк» Т.Г. Мальчукова, следуя примеру других авторов, относит к жанру лирической оды. Одновременно Мальчукова указывает на ряд существенных особенностей поэтики стихотворения «Пророк», свойственных исключительно эпическим жанрам. Например, она отмечает наличие сюжета и описаний нарастающего действия, а не чувств и переживаний, свойственных лирике: «В сюжете соблюдено единство действия, а само действие дано с непрерывным нарастанием от эпизода к эпизоду» [9, с. 84]. И далее: «Если в построении сюжета Пушкин отходит от современной бессюжетной лирики, то в области стиля поэт явно следует русской одической традиции» [9, с. 84]. Но, рассматривая одический стиль «Пророка», понимаемый как лирический, Мальчукова, тем не менее, указывает на важную композиционную роль анафорического союза «и», усиливающего нарастание действия: «Союз “и” играет в “Пророке” композиционную роль, оформляя и анафорически усиливая нарастание действия» [9, с. 84]. Однако еще в XIX веке А.Д. Михельсон писал о лирике как «роде стихотворений, предметом которых служат ощущения и страстное состояние духа поэта; форма их – песня, ода, гимн» [9]. А.Н. Чудинов вторил ему, определяя лирику как «род стихотворений, предметом которых служит выражение чувств поэта» [14]. Современное литературоведение повторяет, что в лирике «непосредственное переживание как бы отодвигает на второй план жизненные ситуации, поступки, действия <...> в ней отсутствует развернутый сюжет» [13, с. 175]. Тем самым, либо «Пророк» Пушкина не ода, либо это ода, которая относится к эпическому жанру.

Пушкин в «Пророке» не только не описывает чувства – там нет ни одного слова о переживаниях героя, от лица которого ведется повествование.

Ничего похожего на «страстное состояние духа поэта». Серафим вырывает человеку язык, разрубает грудь мечом, вкладывает в грудь пылающий уголь, но нет даже намека на передачу испытанных героем изумления, боли, ужаса или страха. Содержанием «Пророка» является духовное преображение телесной природы человека, а формой – бесстрастное свидетельство героя об этапах собственного преображения. Герой – эпически сдержанный регистратор этапов этого преображения, выражаемых целым рядом глаголов. Всё свидетельствует о том, что стихотворение Пушкина «Пророк» нельзя отнести не только к лирическому роду поэзии, оно не соответствует и признакам лиро-эпического жанра. Пушкин вовсе не первый поэт, создавший эпическую оду. Например, поэзия французского возрождения располагает образцами тяготения жанра оды к эпическому началу: «Тяготение к эпическому началу со всей очевидностью обозначилось в творчестве Ронсара довольно рано, ещё в пиндарических одах. Ярким примером может служить, скажем, знаменитая “Ода Мишелю Лопиталю”» [3, с. 4–5]. Ниже я вернусь к тексту «Оды Мишелю Лопиталю», поскольку, на мой взгляд, это произведение не только тяготеет к эпическому началу, но его поэтика вполне соответствует существенным признакам произведения эпического жанра.

Бесстрастная регистрация действий Серафима является следствием эпической объективности повествования рассказчика. Как писал Н. Буало, эпический поэт «лишь холодный повествователь безыскусной истории [перевод М.В. Дубинской. – В.И.]» [15, Р. 338]. Человек регистрирует действия Серафима, в результате которых у него возникают необычайные способности, свойственные лишь святым. Ясновидение, яснослышание, общение с ангелами, способность к пророчеству, – всё это описано в житиях святых и священных писаниях.

Лирика противоположна объективности и бесстрастию, поскольку передает субъективные чувства и переживания поэта. В «Пророке» же наблюдается максимальная объективность, следствие особого духовного состояния героя. Говоря о себе, он словно повествует о ком-то другом; употреблены три эпитета греховности языка, но нет указаний на переживаемое чувство в связи с удалением языка: «И вырвал грешный мой язык / И празднословный, и лукавый» [11, с. 340]. Точно так же эпически спокойно описывает протопоп Аввакум вырезание языков староверов: «Взяли <...> Епифания старца и язык вырезали весь же <...>. И сперва говорил гугниво. Посем молил пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языка, московский и здешней, на воздухе; он же, един взяв, положил в рот свой и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретется во рте» [5, с. 107]. В обоих описаниях лишения языка, в стихотворении Пушкина и в житии Аввакума, наблюдается одинаковый, эпический, стиль изложения. В стихотворении «Пророк» употребляются эпические способы изложения: «повествование, описание, диалог, монолог, речь персонажей», даётся эпическая «обрисовка человека в развитии его характера» [13, с. 475], а также действие развёртывается на фоне «эпической широты охвата событий во времени и пространстве» [13, с. 476]. Эпическая широта охвата событий в «Пророке» такова, что охватывает всё – от человека до Бога.

Основа сюжета пушкинского «Пророка» заимствована из книги ветхозаветного пророка Исайи, но Ветхий Завет, в котором «никто не стыдится страдать и кричать о своей боли» [1, с. 61], не становится от этого произведением лирического жанра. «Пророк» – это сакральное произведение, в котором чувство, имеющее духовную природу, обретает тем большую силу, чем менее оно выражено внешним образом. Другими словами, «Пророк» – это поэтическая реконструкция одного из сюжетов священного писания, имеющая на себе глубокую печать авторского развития темы духовного преображения человека. И такое преображение, как ярко и ясно показывает Пушкин, возможно только при условии приятия и перенесения большого страдания. Природа духовно преображающего страдания имеет характер отказа от всякого рода страстей, она находится «глубже» области чувств и диаметрально противоположна «страстному состоянию духа поэта», господствуя над страстью. Все страсти героя «Пророка» остались позади, иначе встреча с Серафимом оказалась бы невозможной.

Рассмотрение поэтики стихотворения «Пророк» с точки зрения моей структурно-силовой теории жанров позволяет выявить причину развития в нём действия как результат взаимодействия трёх сил, выражаемых диалогически через три голоса-позиции, что дает новые основания для отнесения

этого произведения к эпическому (полифоническому) жанру, во-первых. А, во-вторых, такой подход поможет уяснить как связь, так и отличие малого эпического жанра от жанра крупных эпических произведений, например романа или поэмы, при условии, что поэтика обоих связана с принципом тройственной полифонии.

Впервые взаимодействие трёх сил, выражаемых тремя голосами-позициями, вступающими в диалог (принцип тройственной полифонии), мною описано в рукописи «К “Пророку” А.С. Пушкина. Схема действия трех сил» (1998). Позже принцип тройственной полифонии, оказывающий влияние на композиционно-сюжетную основу жанра полифонического романа, был подробно изучен мною на материале творчества Ф.М. Достоевского [6, с. 134–205] и начал рассматриваться на материале стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» [6, с. 235–236]. В настоящее время принцип тройственной полифонии изучается и на материале зарубежной (французской) литературы в ряде работ М.В. Дубинской. В их числе блестящий анализ поэтики повести А. Жида «Пасторальная симфония» [4, с. 135–138].

Опыт работы М.М. Бахтина говорил о том, что полифоническим произведением является роман. Вопрос о полифонии малых эпических жанров им не был даже поставлен. Спрашивается, как согласуется с выводами Бахтина полифония, обнаруженная мною в стихотворении из тридцати строк? Разрешение возникшего противоречия я начал с проверки наличия тройственной полифонии в стихотворном романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин», что позволило прийти к выводу о полифонической природе этого произведения [6, с. 42–51].

В настоящее время возвращение к попытке проникновения в тайну поэтики стихотворения «Пророк» вызвано необходимостью осмысления возникшего в ходе моего исследования парадоксального допущения: малый эпический жанр, подобно жанру романа, обладает признаками тройственной полифонии: «Другими словами, для создания полифонического романа три голоса-позиции необходимы и достаточны. <...> Полифония малых эпических жанров заслуживает отдельного рассмотрения» [6, с. 43].

Упомянутый выше анафорический союз «и» связан не просто с развитием действия, он связан с тремя действиями, производимыми тремя персонажами, а через эти персонажи проявляют себя три силы, находящиеся по отношению друг к другу в диалогическом взаимодействии трёх голосов-позиций. Именно взаимодействие трёх сил создает композиционно-сюжетный ход «Пророка» от начала до конца. По закону взаимодействия трёх сил (воздействующей, противостоящей воздействию и снимающей возникшее противоречие) встречаются силы оппонента Бога, Человека и Бога. Это

один тип проявления принципа тройственной полифонии (взаимодействия трех голосов-позиций, нравственно ориентированных), очень подробно представленный в творчестве Достоевского. В случае исключения из триады силы оппонента Бога возникает другой тип тройственной полифонии, когда «встречаются» в диалоге голоса-позиции Человека, Ангела и Бога. Первый тип характеризуется противоречием двух сил, которое снимается воздействием силы Бога. Второй тип характеризуется не противоречием, а дополнением силы Человека силой Ангела и силой Бога. С точки зрения священной истории первый тип возникает позже второго, и появляется он после грехопадения человека. Вторым является вечным.

В евангельских диалогах представлен как первый тип тройственной полифонии, так и второй. Вот апостол Петр, голос которого в этот момент сблизился с голосом-позицией оппонента Бога, пытается отговорить Христа идти в Иерусалим, где Ему предстоит «много пострадать и быть убиту»: «И отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от меня, сатана! Ты Мне соблазн» [Мтф. 16, 22–23]. В первом типе триалога слушатель не воспринимает проповедь Учителя, во втором, как говорит Христос: «видящий Меня видит Пославшего Меня» [Ин. 12, 45]; «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» [Мтф. 18, 20]. О цели триалога сказано: «Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком» [Ин. 10, 10]. Именно процесс обретения духовной жизни, «жизни с избытком», описывает Пушкин в «Пророке». В евангельских диалогах очевиден духовный характер тех сил, которые через голоса-позиции либо противоборствуют, либо дополняют друг друга по поводу нарушения или исполнения нравственного закона бытия.

В начале «Пророка» противоречие первого типа тройственной полифонии показано как почти полностью преодоленное силой самого человека и силой Бога, присутствующей в душе Человека, поскольку он устремлен к Богу, «духовной жаждою томим». Сила Человека почти полностью потрачена на сопротивление силе оппонента Бога, поскольку Человек едва передвигается. Таков расклад трёх сил в самом начале стихотворения, в его первых двух стихах: «Духовной жаждою томим, / В пустыне мрачной я влачился» [11, с. 340]. С момента появления Серафима принцип тройственной полифонии осуществляется по второму типу: в диалог вступают голоса-позиции Человека, Серафима, Бога. Каждый персонаж и, через него, каждая сила принимают участие в развитии действия, которое характеризуется устремленностью Человека к небесам. Герой, повстречав Серафима, словно ступает на нижнюю ступень так называемой лест-

ницы Иакова, поднимаясь по этой незримой лестнице всё выше с каждым действием вестника Бога. Сила Человека достигла предела своих возможностей, поэтому Бог посылает к нему Серафима. Пушкин отображает здесь духовный принцип помощи Божией человеку только после того, как сам человек сделал всё возможное на пути к Богу.

С момента встречи Человека с Серафимом сила Человека согласуется с силой Серафима, как сказано, по принципу дополнения. Для окончательного избавления от остатков несовершенств Человек готов пройти тяжкие страдания, полностью доверившись вестнику Бога. Сила Человека не устраняется из полифонического диалога, она направлена на перенесение им страданий и регистрацию действий, производимых Серафимом. Добровольным согласием на перенесение преобразующих страданий Человек выражает свою нравственную позицию. Это и есть диалогический голос-позиция Человека. Описание преобразующих Человека действий силы Серафима является центральной, организующей и связующей все стихотворение частью. Поэтому анафорический союз «и» больше всего связан с действиями Серафима. Союз «и» является графически выраженным символом принципа дополнительности, по которому взаимодействуют силы Человека, Серафима и Бога. Сила и голос-позиция Бога заявлены фактом отправки Серафима к человеку: «кто видит Меня, видит Пославшего Меня».

Всего действий Серафима, преобразующих Человека, насчитывается восемь: «очей коснулся», «ушей коснулся», «к устам... приник», «вырвал... язык», «жало... вложил», «грудь рассек», «сердце... вынул», «угль... водвинул». Восемь глаголов уподобляются восьми нотам полной музыкальной октавы. Развитие действия каждого персонажа уподобляется музыкальной октаве. «Октава» действий Человека выражается в перенесении страданий, в описании «октавы» действий Серафима и в согласии с этими действиями. Например, когда Человек называет свой язык грешным и лукавым, то это означает его осуждение собственных нравственных несовершенств и отказ от них. Это и есть действие Человека, сила которого, повторю, необходима не только на регистрацию происходящих с ним изменений, но и на принятие страданий, связанных с процессом духовного преображения. Когда «октава» действий Серафима завершается, начинается «октава» действий силы Бога. Она представлена семью «нотами»: «И Бога глас ко мне воззвал», «восстань, пророк», «виждь», «внемли», «исполнись волею Моей», «обходя моря и земли», «глаголом жги». Связанная с ней «октава» действий Человека также содержит семь «нот», поскольку теперь она согласуется с «голосом» Бога.

«Октава» Бога в «Пророке» завершает картину преображения Человека в Пророка, завершает

само произведение, а новый духовный статус героя вызывает к жизни название стихотворения. Непосредственное присутствие силы Бога необходимо, поскольку только Бог, а не Серафим может вдохнуть душу в преображенное, но бездыханное тело Человека. Только Бог имеет власть призвать святого человека к служению Пророка, ибо разные бывают святые по их духовному призванию. Нужно подчеркнуть, что каждая из трёх сил, вступающих во взаимодействие по принципу тройственной полифонии, одинаково необходима для начала, развития и завершения произведения. Точно так же, как в жизни, каждая из трёх сил необходима для начала, развития и завершения духовного пути человека, описанного в произведении Пушкина. В смысле неустрашимости любой из них они равны и одинаково нужны для существования полифонического диалога.

Бог есть величайший демократ, и божественная демократия организована по принципу троичности (Святая Троица) и принципу свободного проявления воли любого человека – участника полифонической демократии бытия. Одна или две силы не могут заменить одну или две других, поскольку в этом случае развитие действия прекратится, а тройственный полифонический диалог будет прерван. По этой причине невозможно согласиться с утверждением, что в «Пророке» «главным лицом оказывается не Бог, открывающий истину своему избраннику, но прозревающий истину человек» [9, с. 93]. С точки зрения проявления свободы воли все «голоса» равны. Когда один из «голосов» подменяется «голосом» Оппонента, тогда нарушается равенство и возникает ложная демократия, в которой проявление свободы воли подменяется идеей вседозволенности Оппонента.

Почему в «октаве» Бога отсутствует восьмая «нота»? По той причине, что последняя нота предыдущей музыкальной октавы одновременно является первой нотой следующей октавы. Но в «Пророке» нет «октавы», следующей за «октавой» Бога, поскольку в ней не было необходимости – описание проявлений пророческого дара не входило в план творческой идеи. По принципу кольцевой композиции отсутствие последней ноты «октавы» Бога завершения действий в финале произведения соответствует присутствию последней ноты «октавы» действий оппонента Бога в начале стихотворения.

Взаимодействие трёх голосов-позиций протекает по «нотам» трёх «октав» действий персонажей, что предопределяет тройственную структуру произведения Пушкина. В полифоническом романе воспроизводится та же тройственная структура композиции, связанная с тремя голосами-позициями и тремя силами, вступающими во взаимодействие через посредство голосов-позиций в ситуации нравственного выбора. Идея необходимости нравственного выбора лежит в основе поэтики эпи-

ческих жанров: этика определяет эстетику. Можно сказать, что осознанная необходимость нравственного выбора и является актом проявления свободы воли. Однако обнаружение тройственной структуры в тексте полифонического романа усложняется привнесением в полифонический диалог множества голосов-позиций, близких одной из трёх в нравственном смысле позиций – голосу-позиции Оппонента. Самостоятельность каждого из «голосов» этого множества кажущаяся, как говорит Аристотель по поводу поэтики трагедии: «И хор можно считать одним из актеров [выделено авт. – В.И.]» [2, с. 100].

«Хор» голосов тех персонажей полифонического романа, позиции которых близки голосу-позиции оппонента Бога, весьма велик, что и усложняет поэтику такого романа. Достоевский уделяет огромное внимание нравственному содержанию диалогов героя: о Раскольнике он говорит, например, что «казуистика его выточилась, как бритва». Герой романа Достоевского, вступающий в диалог, как внутренний, так и внешний, с множеством голосов оппонента Бога, проходит настолько сложный путь нравственного выбора, что для подробного описания этого пути собственно и требуется жанр полифонического романа. В малом эпическом жанре вся подробная детализация преодоления героем ложной полифонии, всего того «хора» голосов, за которым скрывается единственная позиция – позиция Оппонента, оказывается за пределами произведения. В пушкинском «Пророке», например, она может угадываться в том остаточном влиянии, которое можно видеть в первых строках до встречи героем Серафима.

Выявляя сходство структурно-силовой основы произведения малого эпического жанра с композиционной основой жанра полифонического романа, необходимо выяснить, имеется ли в данном сходстве признак причинно-следственной связи. Мое предположение состоит в том, что малый эпический жанр является структурно-силовым ядром большого эпического жанра, названного Бахтиным полифоническим романом. В таком ядре, в свернутом виде, имеются все жанровые признаки будущего полифонического романа, поскольку композиционно-сюжетная схема крупного произведения, при всей ее сложности, будет опираться на структурно-силовое ядро с его тремя силами, проходящими через три голоса-позиции, вступающими в полифонический диалог в ситуации нравственного выбора. Необходимость нравственного выбора, с которой человек постоянно имеет дело в реальности, порождает структурно-силовое ядро, из которого может «прорасти» полифонический роман. Структурно-силовое ядро (жанровое ядро) романа не является романом так же, как семя дерева не является деревом, хотя имеет в себе все признаки будущего дерева в свернутом виде.

Предположение причинно-следственной связи между жанром полифонического романа и его структурно-силовым ядром (малым эпическим жанром) подтверждается наличием поэтического принципа смены масштаба изображаемого. Духовное преобразование Человека в «Пророке» сопровождается сменой масштаба всего того, что воспринимают органы чувств героя. Земной масштаб восприятия героя, который «влачился» (по земле), заменяется небесным: «И внял я неба содроганье / И горний ангелов полет» [11, с. 340]. Человек начинает видеть и слышать в другом масштабе времени и пространства, поскольку вступает в диалог с представителем не времени, а вечности. Художественное время «Пророка» таково, что обычное время останавливается. Душа героя «Пророка» не знает времени, её метафизическое бытие протекает в преобразующих её физическую природу мгновениях. Переживание мгновений и есть переживание отсутствия времени, переживание вечности. Нет времени – нет чувств, всегда имеющих возраст, кроме чувства любви, мгновенного и вечного. Нет чувств – нет их описаний. «Внял», то есть узнал о происходящем через посредство духовно преобразённых физических органов восприятия.

Смена масштаба происходит, когда Человек вступает в тройственный диалог второго типа (без участия Оппонента). Одновременно принцип смены масштаба изображаемого означает наличие той потенции структурно-силового ядра, которая может быть полностью развернута (реализована) в пределах жанра полифонического романа. Незначительный по объёму масштаб малого эпического произведения перейдёт в масштаб большого эпического произведения. Ясно, что масштабы различных романов различны, но масштаб романа никогда не равен масштабу его ядра. Нужно иметь в виду, что, как сказано, имеется всего два типа тройственного диалога (с участием голоса оппонента Бога и без участия голоса оппонента Бога). Оба типа могут присутствовать в одном произведении.

Возвращаясь к поэтике «Оды Мишелю Лопиталю» Ронсара, сразу отмечу связь композиции этого произведения с принципом диалогической троичности. Всего в оде двадцать четыре триады, что символизирует три полных «октавы» действия. Строфа, антистрофа и эпод каждой триады символизируют взаимодействие трёх сил, диалог трёх голосов-позиций, развивающих действие. Возьмём для примера одиннадцатую триаду, поскольку она содержит голос-позицию Каллиопа – музы эпической поэзии.

В строфе этой триады Каллиопа обращается к своему отцу, верховному богу Юпитеру, с просьбой отдать под покровительство Муз «божественных певцов»: «Пророков, магов и поэтов» [12, с. 139].

В антистрофе Каллиопа обосновывает свою просьбу тем, что при посредстве божественных певцов Музы вступят в борьбу за души людей: «Хо-

тим к ногам повергнуть Ад. <...> Желаем властью небывалой / Из тела душу восхищать / И, увлекая, возвращать / К её чистейшему началу» [12, с. 139]. Каллиопа говорит о необходимости появления на земле пророков, магов и поэтов, поскольку люди нуждаются в защите от влияния Ада. Речь о необходимости начала тройственного диалога, вступления голоса-позиции Бога в диалог, начатый Адом с Человеком. Каллиопа говорит о необходимости борьбы с Адом за душу Человека силами знания, искусства и религии с целью возвращения души к её чистейшему началу – к Богу.

В эподы этой триады Каллиопа просит Юпитера о том, чтобы влияние Муз распространилось на земных царей. Другими словами, чтобы царями были певцы, поэты и пророки, которые, благодаря своим необычным способностям, будут утверждать на земле закон Бога, а не Ада: «Иль правосудный свой закон / Счастливым подданным вручает» [12, с. 140]. В древности поэт был «преобразователем общества, повелителем стихий, жрецом, прорицателем» [8, с. 348]. В этой триаде заключено эпическое иносказание возникновения тройственной полифонии первого типа, включающего голос Оппонента, символом которого здесь является Ад.

Юпитер, отвечая музы эпической поэзии, благословляет всех Муз на нисхождение с небес на землю и передачу голоса-позиции Бога людям через посредство искусства пения, стихосложения и пророчества. Возможно, образ пылающего угля, вложенного Серафимом в грудь героя «Пророка», восходит к строкам Ронсара о Юпитере, вдыхающего в Муз своё «неистовство»: «Скончав, ланиты он раздул / И, наклонившись ближе к Сестрам, / Им в груди как бы ветром острым / Свое неистовство вдохнул» [12, с. 145].

Далее Ронсар обращается к Музам с просьбой о ниспослании ему поэтического дара, неразрывно связанного с даром духовным: «Отверзните мне очи духа» [12, с. 145], описывает появление на земле певцов и пророков, вдохновляемых Музами, и, наконец, изгнание Муз силой Невежества.

Тем самым, в триадах 11–18 имеется триалог второго типа. В начале голос Оппонента в нём назван Адом, в финале – Невежеством. Голосу-позиции Человека соответствует «голос» автора, свободно примыкающего к голосу-позиции Бога.

Всё сказанное склоняет к представлению о том, что тройственное структурно-силовое ядро малого эпического жанра лежит в основе композиционной системы крупного эпического жанра полифонического романа, как у Достоевского, или одической поэмы эпического жанра, как у Ронсара. Возможно, оно же лежит в основе жанра трагедии, что требует дальнейших исследований. Подлежит исследованию и такой малый эпический жанр, как рассказ. Например, в рассказе Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» очевидна полифония

трёх голосов-позиций: мальчика (голос-позиция человека), полицейского, богатых барынь и большого злого мальчика (голос-позиция Оппонента), ангела, уносящего душу мальчика на рождественскую ёлку Христа (голос-позиция Бога).

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Наука, 1977. – 320 с.
2. *Аристотель.* Об искусстве поэзии / пер. с древнегреч. В.Г. Аппельрота; ред. пер. и коммент. Ф.А. Петровского; статьи А.С. Ахманова и Ф.А. Петровского. – М.: Худож. лит., 1957. – 184 с.
3. *Виппер Ю.Б.* Поэзия Ронсара // Ронсар П. Избранная поэзия / пер. с фр.; вступ. статья Ю. Виппера; коммент. И. Карабутенко. – М.: Худож. лит., 1985. – С. 7–24.
4. *Дубинская М.В.* Полифонический принцип в симфонической структуре повести Андре Жида «Пасторальная симфония»: к теории жанра романа // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20. – №5. – С. 135–138.
5. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения / под. ред. Н.К. Гудзия. – М.: Гослитиздат, 1960. – 480 с.
6. *Иванов В.В.* Сакральный Достоевский: монография. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. – 520 с.
7. *Иванов В.В.* «Мой спутник странный»: к поэтике тройственной полифонии романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2015. – № 1. – С. 42–51.
8. *Карабутенко И.* Комментарии // Ронсар П. Избранная поэзия / пер. с фр.; вступ. статья Ю. Виппера; коммент. И. Карабутенко. – М.: Худож. лит., 1985. – С. 342–357.
9. *Мальчукова Т.Г.* Поэтика оды в стихотворении «Пророк» // Античные и христианские традиции в поэзии А.С. Пушкина. Кн. 2. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. – С. 76–98.
10. *Михельсон А.Д.* Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. – М.: Издание А.И. Манухина, 1865. – 718 с.
11. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. – Л.: Наука, 1949. – Т. 2: Стихотворения 1820–1826. – 466 с.
12. *Ронсар П.* Мишелю де Лопиталю, канцлеру госпожи Маргариты (триады 11–18) / пер. М. Гринберга // Ронсар П. Избранная поэзия / пер. с фр.; вступ. статья Ю. Виппера; коммент. И. Карабутенко. – М.: Худож. лит., 1985. – С. 138–149.
13. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
14. *Чудинов А.Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. – СПб.: Издание В.И. Губинского, 1894. – 992 с.
15. *Boileau // Art poétique.* – P.: Edition de la NRF, 1987. – 462 p.

КОМЕДИЯ А.Н. ОСТРОВСКОГО «БЕШЕНЫЕ ДЕНЬГИ» В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ 1880–1890-х ГОДОВ*

В статье рассматриваются и анализируются различные типы купцов, изображенных в консервативной русской беллетристике последней трети XIX века. Автор работы обращается к причинам художественной незавершённости главного героя комедии Островского «Бешеные деньги» (1870 г.), показывает, что Островский создаёт в образе Саввы Геннадьевича Василькова универсальный тип современного буржуа-предпринимателя, соединив в его характере самые противоречивые и, казалось бы, несовместимые черты. Изображая характер Василькова, Островский столкнулся с эстетической трудностью, неизменно возникающей при обращении к художественному освоению текущей, неустановившейся действительности, ещё не получившей завершённых форм. В творчестве русских писателей 1880-х – 1890-х годов (П.Д. Боборыкина, Б.М. Маркевича, В.Г. Авсеенко) черты собирательного типа рассыпались на множество характеров, лишённых того художественного универсализма, который был подвластен русскому национальному драматургу.

Ключевые слова: А.Н. Островский, становление русской буржуазности, художественный тип и характер, размытость и бесформенность образа русского буржуа.

Комедия А.Н. Островского «Бешеные деньги», опубликованная во втором номере «Отечественных записок» за 1870 год и поставленная тогда же на сценах петербургских и московских театров, не имела успеха. В.П. Буренин заявил, что в пьесе этой нет ничего, «кроме благодушного, небрежно “сделанного” переливания из пустого в порожнее». Новая комедия Островского «не ставит и не разрешает какой-либо живой современной вопрос» [16, с. 1].

Недоумение вызвал центральный герой произведения, провинциал Савва Геннадьевич Васильков, появившийся в столице среди фешенебельной дворянской публики, бешено прожигающей остатки своих богатств и обноски былых состояний. Рецензент журнала «Заря» увидел в нём «вместо живого человека» «какую-то загадочную личность, о которой трудно даже сказать, что она такое?» [5, с. 220].

Аналогично высказались не только столичные, но и провинциальные издания. Рецензенту «Новороссийских ведомостей» характер Василькова показался неправдоподобным в силу своей раздвоенности: герой, «с одной стороны, кажется деловым человеком, а с другой – наивен до глупости или глуп до наивности». «Мы бы понимали, если б он хотел жениться на Лидии по расчёту, – но он глупо влюбляется в неё, не зная её, глупо знакомится с нею, глупо женится, глупо расходится с женою и глупую комедию играет с нею, предлагая быть у него экономкою. <...> Как хотите, деловые люди, обладающие миллионами, так не поступают» [13, с. 2].

Рецензент «Одесского вестника» тоже увидел в главном герое пьесы «наименее выраженный характер, плохо удавшийся г. Островскому» [7, с. 11].

Наиболее радикально высказалась о Василькове газета «Новое время»: «Если характер Лидии как нельзя больше показывает нам, что г. Островский утратил решительно всякое чутьё, то, с дру-

гой стороны, личность Василькова окончательно убеждает нас в том, что без ясного руководящего типа, по одним довольно бледным проявлениям, создать что-либо цельное г. Островский едва ли уже в силах. <...> По первоначальному плану Васильков есть человек труда, дела, словом, – работник. Мало этого, Васильков человек умный, таким, по крайней мере, намеревался показать его автор. Но что же вышло? А вышло то, что, в конце концов, Васильков оказался положительным дураком. <...> Видно, что в лице Василькова автор хотел показать нам новую породу людей дела, но только эта порода, к несчастью, вышла у него не лучше той, которую он бичует» [12, с. 1].

Примечательно, что спустя пять лет тональность оценок начинает существенно изменяться. А.М. Скабичевский видит уже в образе Василькова «новый тип капиталиста-дельца, который, без сомнения, впоследствии сделается преобладающим типом тёмного царства». В отличие от «отживающей культуры российской распущенности», он не сорит деньгами, не пытается жить выше своих средств. Но идеальность его относительна: у него всё подчинено наживе, даже во имя страсти он «не выйдет из бюджета». «Любовь, брак и семью он обращает в выгодную спекуляцию, на жену смотрит, как на декорацию или мебель, способную украсить его салон и привлечь нужных людей» [17, с. 199–248]. Критик пробивается в своей статье к заключению, что «размытый силуэт» характера Василькова – не результат художественной слабости комедии, а следствие изображения ещё только зарождающегося в России нового общественного явления, не получившего завершённой формы и чёткого воплощения.

Проходит ещё восемь лет, и оценка характера Василькова становится гораздо более взвешенной и позитивной. М.Н. Ремезов в отклике на возоб-

* Публикация подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ. Проект №13-04-00113.

новлённую постановку «Бешеных денег» в московском Малом театре (1893 г.) называет комедию Островского «перлом многоцветным». В образе Василькова рецензент видит воплощение силы, «надвинувшейся вдруг извне на общество Чебоксаровых, Телятевых и Кучумовых, подчинившей себе Лидию Юрьевну, превращающей эту красавицу в послушное орудие и собирающейся с этим орудием в руках двинуться дальше к верхним ступеням общественной лестницы». Ремезов замечает, что и в Лидии «возникает чувство уважения к победителю, а от веры в человека и уважения к нему один только шаг до любви» [15, с. 263].

В чём же причина художественной незавершённости главного героя комедии Островского? Изображая характер Василькова, Островский столкнулся с эстетической трудностью, которую постоянно испытывал Достоевский, обращавшийся к художественному освоению текущей, неустановившейся действительности, ещё не получившей завершённых форм. В романе «Подросток» он писал: «Работа неблагоприятная и без красивых форм. Да и типы эти, во всяком случае, – ещё дело текущее, а потому и не могут быть художественно законченными. Возможны важные ошибки, возможны преувеличения, недосмотры. Во всяком случае, предстояло бы слишком много угадывать. Но что делать, однако ж, писателю, не желающему писать лишь в одном историческом роде и одержимому тоской по текущему? Угадывать и... ошибаться» [6, с. 455].

По характеристике В.И. Ленина, в России второй половины XIX века «в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» [9, с. 174]. Русская буржуазия, стремительно взлетев, столь же стремительно сошла у нас с исторической сцены, так и не успев обрести законченных форм. Именно потому и сам драматург оказался, по словам В.Я. Лакшина, «в некоторой растерянности от своего героя. Случай не столь уж редкий в литературе – можно вспомнить тургеневского Базарова, когда автор, наблюдая черты нового жизненного типа, угадав их, художественно запечатлев, ещё колеблется в своём отношении к герою. Наверное, фигура Василькова и вызывала столько споров, недоумений, противоположных трактовок, что трудно было ответить с порога – сочувствует ли ему автор вполне или всё же смотрит на него отстранённо, даже посмеивается над ним?» [14, с. 478–479].

И по мере того, как с развитием русской жизни тип нашего буржуа принимал всё более отчётливо выраженные формы, изменялась в позитивную сторону и оценка главного героя комедии Островского Саввы Геннадьевича Василькова. Но при этом взгляд на Островского как на «обличительного комика, трактовавшего всё ещё по-старому своих купцов» [2, с. 295], по-прежнему оставался неизменным в сознании критиков, зрителей и чита-

телей. На страницах романа «Китай-город» (1882), П.Д. Боборыкин вступает в полемику с Островским и снимает всякий налёт негативизма с лучших представителей купеческого сословия.

Если Островский в комедии «Бешеные деньги» говорит о непримиримом антагонизме между дворянами и купечеством, то Боборыкин в своём романе показывает возможность плодотворного их союза. Культурная девушка из дворян становится невестой молодого буржуа. Вот они посещают Третьяковскую галерею. И оказывается, что предприниматель Рубцов знает русскую живопись лучше дворянки Таши Долгушиной. Он «начал указывать ей на портреты работы старых русских мастеров. И фамилий она таких никогда не слышала. Постояли они потом перед этюдами Иванова. Рубцов много ей рассказывал про этого художника, про его жизнь в Италии, спросил: помнит ли она воспоминания о нём Тургенева? Тася вспомнила и очень этому обрадовалась. Также и про Брюллова говорил он ей, когда они стояли перед его вещами. “Всё он знает, – думала Тася, – даром что купеческий сын; а я круглая невежда – генеральская дочь!”» [3, с.416].

«Я не думала, что вы так широко смотрите на вещи», – говорит она Рубцову и слышит в ответ: «Не обижайте. Ежовый у меня облик. Таким уж воспитался. А внутри у меня другое. Не всё же господам понимать, что такое талант, любить искусство. Вот, смотрите, купеческая коллекция-то... А как составлена! С любовью-с... И писатели русские все собраны. Не одни тут деньги – и любви немало» [3, с.417].

Полемика с Островским продолжается также в романе Боборыкина «Василий Тёркин» (1892). Доминантой в психологии русского предпринимателя, выпущенного на сцену Островским, была деловая и не бескорыстная нотка. Ключевая сентенция Василькова не случайно звучит так: «Я на это денег не пожалею, но из бюджета не выйду. <...> Только бешеные деньги не знают бюджета» [14, с. 245, 248]. Герой Боборыкина не о бюджете думает, «не для “кубышки” работает, а для общенародного дела» [4, с. 375]. «Нет! Не о том мечтает Василий Тёркин, а как раз об охране родных богатств. Если бы судьбе угодно было, чтобы такие уголья, как лесная дача при усадьбе “Заводное”, попали в его руки, – он положил бы на неё всю душу, завёл бы рациональное хозяйство с правильными порубками. Может быть, и совсем бы не рубил десятки лет и сделал бы из этого дремучего бора “заказник”» [4, с. 150].

Василий Тёркин добивается осуществления своей мечты: «Сколько лет утекло с того дня, когда он, впервые, мальчуганом, попал с отцом в “Заводное” и любовался парком барской усадьбы, мечтал, как о сказочном благополучии, обладать такой усадьбой! Барского дома он и тогда не видал, как

следует, но воображал себе, что там, позади парка, роскошные палаты. До боли в висках любовался он усадьбой, и вот судьба привела его сюда же главным воротилой большой компании, скупающей леса у помещиков. Он – душа этого дела. Его идея – оградить от хищничества лесные богатства Волги, держаться строго рациональных приемов хозяйства, учредить “заказники”, заняться в других, уже обезлесенных местах системой правильного лесонасаждения» [4, с. 372–373].

Тёркин приобретает имение вместе с молоденькой хозяйкой его, Сашенькой Черносошной, спасая девушку от неминуемого нравственного падения и гибели: «“Дитятко! – повторил он мужичким звуком. – Дитя малое... неразумное!.. Не разорять я ваше гнездо пришёл, а заново уладить! <...> Вам стоит сказать одно словечко. Вы ведь знаете, я мужичьего рода... По-мужички и спрошу: люб вам, барышня, разночинец Василий Иванов Тёркин... а?” – “Люб!” – звонко откликнулась Саня и неудержимо засмеялась» [4, с. 455].

Боборыкин связывает будущее России не с дворянством, а с новым «культурным слоем» русских предпринимателей – патриотов родной земли. Дворянство изображается у него как вырождающееся сословие, бездумно проматывающее национальное достояние. «Эх, батюшка, все нынче проворовались!» [4, с. 354]. Владелец имения Иван Захарыч Черносошный «учился плохо, в полку был без году неделю, своей видной наружностью не умел воспользоваться, взять богатую и родовитую невесту, женился на дряни, по выборам служил два трёхлетия, и даже Станислава ему на шею не повесили <...> Весь прожился зря – ни себе, ни людям [4, с. 349].

Другой его сосед, богач Низовьев, «имеет до сорока тысяч десятин лесу, по Унже и Волге, в двух губерниях. Каждый год рубит он и сплавляет вниз, к Василию, где съезжаются лесоторговцы, – и всё, что получит, просадит в Париже, где у него роскошные палаты, жена есть и дети, да кроме того и метреску держит. Слух идёт, что какая-то – не то испанка, не то американка – и вытянула у него не одну сотню тысяч не франков, а рублей» [4, с.353].

Иначе изображает то же самое столкновение русского буржуа с дворянским сословием Б.М. Маркевич, одарённый писатель из консервативного лагеря. Друг М.Н. Каткова и крупный чиновник министерского уровня, Маркевич мечтает о возрождении русского дворянства, о важной культурно-исторической миссии, которая ему предстоит. Идея воскрешения дворянского сословия после разорительной для него эпохи Великих реформ набирала силу в семидесятые-восьмидесятые годы XIX века. Р.А. Фадеев, известный историк и публицист, выступил тогда с серией статей, объединённых затем в книгу «Русское общество в настоящем и будущем. (Чем нам быть?)». СПб., 1874». Фадеев

предлагал правительству возродить у нас «культурный слой» дворянской аристократии, как единственную общественную силу, способную служить надёжной опорой для государственной власти.

Боборыкин в романе «Василий Тёркин» устами дворянина Черносошного спорит с этими консервативными идеями: «Ему было себя ужасно жаль. Не он виноват, а проклятое время. Дворяне несут крест... Теперь надумали поднимать сословие... Поздно локти кусать. Нельзя уже остановить всеобщее разорение. Ничего другого и не остаётся, как хапать, производить растраты и подлоги. Только он, простофиля, соблюдал себя и дожил до того, что не может заплатить процентов и рискует потерять две прекрасные вотчины ни за понюшку табаку!» [4, с. 365].

В романе «Бездна» (1882) Маркевич, вслед за Островским и Боборыкиным, показывает брак родовитой дворянки Антонины Дмитриевны Буйносовой с местным купцом Провом Ефремовичем Сусальцевым. Объяснению Сусальцева с невестой Маркевич предпосылает эпиграф из комедии Островского «Свои люди – сочтёмся!»: «Да как же не любить-с, сами изволите рассудить: Алимпиада Самсоновна – барышня, каких в свете нет...» [10]. Между «влюблёнными» возникает в романе Маркевича такой диалог:

«Она полулежала в кресле с закинутыми за затылок руками и глядела на него в упор своими прекрасными *аквамариновыми* глазами. – Знаете что, Пров Ефрем... Нет, – перебила она себя, смеясь, – я никогда не привыкну к этому вашему имени!..

– Мудреное, действительно, – усмехнулся и он, но брови его слегка повело: – на латинском языке значит хороший человек... Такой я и есть, могу сказать по истине, – промолвил он уже совсем весело, – таким и здешний народ меня прозвал, – может, сами слышали: “строг, говорят, а справедлив”...

– А вы бываете и точно “строги?” – спросила она, прищурясь и пристально воззрясь в него опять.

– Случается... С вами никогда не случится! – воскликнул он неожиданно, с сияющим от внезапного прилива счастья лицом.

– Я и не позволю, – медленно и холодно возразила она на это.

Пров Ефремович Сусальцев в свою очередь теперь пристально устремил на неё свои большие карие глаза. “Посмотрел бы я, как бы ты не позволила, кабы мне вздумалось!” – словно сверкнуло на мгновение в этих глазах.

– Вы говорите свободно по-французски? – сочла нужным справиться Антонина.

– Говорю... А по-английски и совсем хорошо, – отвечал Пров Ефремович: – отец покойный три года выдержал меня *на конторе* у мистера Броули и К° в Лондоне... А для чего это вы меня спросили, говорю ли я по-французски? – молвил он через миг.

– Хотела знать...

Не совсем искренняя усмешка пробежала по его губам:

– Боитесь, что б я в обществе держать себя прилично не умел?.. Будьте покойны, прелесть моя: не посрамим земли Русской и Богом данной нам аристократки-женушки» [10].

Местные дворяне обсуждают это событие: «Батька его в Вятской губернии лыком торговал, с того богатеть начал, что на 500 вёрст кругом липовые леса ободрал, так что о них теперь и помину в тех местах не осталось. Одну он эту родовую доблесть и завещал сынку. Так этот, знаете, ходит теперь посередь тех ликов мраморных и писаных, да и думает, должно быть, про себя: “те, с коих вас тут сняли, господа были большие, воины знаменитые, кровью своей и делами Россию великою сделали, а вот я, вахлака-кулака сын, в хоромах ихних теперича хозяином состою, потому, значит, пришло наше царство мужицкое, и *мы* теперь на место их потомков сядем”.

– Ну, а супруга его теперешняя что?

– Про неё что говорить! Как рыба в родной стихии, в этой роскоши себя чувствует; большая барыня из неё так светом и светит, хотя по званию и *купецкая жена* она теперь... Покажет она Прову видов, да и отполирует его при этом, пожалуй. Он, полагаю даже так, не без этого расчёта и жениться на ней вздумал, между прочим, потому, говорю, малый по природе далеко не глупый и не без амбиции...

Борис Васильевич не то презрительно, не то печально шевельнул плечом:

– Вы это что же, по *Кит Китычам* Островскаго судите? Но типы Островского в настоящую пору уж пережитой исторический момент. Российский “прогресс” проник и до Китая-города, купеческие дочки зачитываются Дарвином, а маменьки их рассуждают о последнем романе Zola по прочтённому ими фельетону петербургской газеты, а не то даже и по оригиналу. Никто уж в этом мире по Домострою жизни своей не правит, а тем паче *передовики* вроде почтенного Прова Ефремовича, вкушившего власть от прелестей парижских бульваров» [10].

Но, тем не менее, в романе Маркевича не предпримчивый купец, а энергичная дворянка, любительница «бешеных денег», на свой вкус и лад «полирует» неловкого муженька. Именно Антонина Дмитриевна Буйносова-Сусальцева торжествует над «просвещённым» «лапотником», покоряя его своим умом, талантом, хитростью и изворотливостью. Сцене решительного её торжества Маркевич предпосылает эпиграф из комедии Островского «В чужом пиру похмелье», который в контексте романа приобретает иронический смысл:

«*Тит Титыч*. Чтоб я перенёс такую обиду над собой!.. Да что это за времена пришли! Нет, стой!.. Настасья, смеет меня кто обидеть?

Настасья Панкратьевна. Никто, багюшка, Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите.

Тит Титыч. Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу» [11].

В роли Тита Титыча у Маркевича выступает не купец, а столбовая дворянка. Пров Ефремович Сусальцев оказывается обиженной стороной, страдающей от всевластия своей обольстительной супруги.

В консервативной русской беллетристике встречались и такие типы купцов, которые рисовались только чёрными красками. Таков, например, Варвар Потапыч Ломов из романа В.Г. Авсеенко «Млечный путь»: «Он со своими приказчиками, как хищная стая, налетал на уезд, скупал за бесценных разорённые барские имения, рубил лес, разносил усадьбы <...> Половина уезда, от помещика до батрака-крестьянина, в несколько лет оказалась в сетях, раскинутых Ломовым. Система хозяйства у него была самая хищническая. Купив какое-нибудь имение, он тотчас уничтожал в нём всё, что имело характер барской затеи или было рассчитано на отдалённые, умеренные барыши. Заповедные леса и рощи беспощадно вырубались, <...> усадьбы обдирались догола, конские заводы распродавались, мосты и гати рушились за недостатком присмотра и ремонта, дорогие машины ржавели в сараях...» [1, с. 249–250].

Нельзя не отметить в заключение, что именно Островский создал в комедии «Бешеные деньги» универсальный тип современного буржуазного дельца, соединив в его характере самые противоречивые и, казалось бы, несовместимые черты. В Островском-драматурге и здесь сказался эпический художник. В творчестве русских писателей 1880-х – 1890-х годов эти черты собирательного типа, созданного Островским, рассыпались, воплотившись в множестве характеров, уже лишённых того художественного универсализма, который был доступен русскому национальному гению.

Библиографический список

1. *Авсеенко В.Г.* Млечный путь // Русский вестник. – 1876. – № 7.
2. *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1965. – 568 с.
3. *Боборыкин П.Д.* Китай-город. Роман в пяти книгах. – М.: Художественная литература, 1957. – 448 с.
4. *Боборыкин П.Д.* Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1993. – 614 с.
5. *Денисюк Н.* Критическая литература о произведениях А.Н. Островского. – Вып. 3. – М., 1906.
6. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 13. – Л.: Наука, 1975–456 с.
7. *Зелинский В.А.* Критические комментарии к сочинениям А.Н. Островского. – Т. 4. – М., 1904.

8. *Лакишин В.Я.* Островский (1868–1871) // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. – Т. 3. – М.: Искусство, 1974. – 560 с.
9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. – Т. 20. – М.: Политиздат, 1973. – 420 с.
10. *Маркевич Б.М.* Бездна. Часть первая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/markewich_b_m/text_1880_bezdna1_oldorfo.shtml (дата обращения: 04.11.15).
11. *Маркевич Б.М.* Бездна. Часть третья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/markewich_b_m/text_1880_bezdna3_oldorfo.shtml (дата обращения: 07.11.15).
12. Новое время. – 1870. – № 109. – 22 апреля. – С. 1.
13. Новороссийские ведомости. – 1870. – № 62. – 19 марта.
14. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – Т. 3. – М.: Искусство, 1974. – 560 с.
15. Русская мысль. – 1893. – № 12. – Современное искусство.
16. Санкт-Петербургские ведомости. – 1870. – № 61. – 3 марта.
17. *Скабичевский А.М.* Особенности русской комедии // Отечественные записки. – 1875. – № 2. – Современное обозрение.

УДК 821.161.1.09"19"

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
nkoptelova@yandex.ru

АНТИТЕЗА «МУЖЕСТВЕННОСТЬ – ЖЕНСТВЕННОСТЬ» В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО 1890–1910 ГОДОВ

В статье доказывается, что одной из значимых и устойчивых оппозиций, использованных Мережковским в литературной критике и публицистике 1890–1910 гг., стала антитеза «мужественность – женственность», наполненная индивидуально-авторским содержанием. В работе эта антитеза рассматривается и как универсалия культуры Серебряного века в целом, имеющая разветвленную генеалогию.

В статье показывается, что в литературной критике и публицистике 1890–1910 гг. Мережковского сакрализация «женственного» начала с течением времени усиливается, а категория «мужественности» уходит на периферию. Подчеркивается, что это вполне вписывается в литературный и философский контекст Серебряного века в целом, характеризующийся усиленным вниманием к «женственному» началу.

Прослеживается, как в статье «Пушкин» с помощью антитезы «мужественность – женственность» Мережковский раскрывает художественную полярность Тургенева и Пушкина.

Выявляется близость критических позиций и оценок Мережковского и Розанова, считавших выразителем «женственной» сути русского сознания в литературе именно Тургенева. Выясняется, что тургеневская проза оценивается Мережковским как источник новых софийных прозрений XX века, наследующих и развивающих духовную традицию В. Соловьёва («Л. Толстой и Достоевский», «Тургенев»).

Особое внимание в статье уделяется эссе Мережковского «Поэт вечной женственности», в котором подводится определённый итог развития линий «мужественности – женственности» в русской литературе XIX века. Характеризуется полемика Мережковского с Розановым («Соловьи над кровью») и Бердяевым («Поэт вечной женственности»), вызванная к жизни разным истолкованием этими авторами антитезы «мужественность – женственность».

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, И.С. Тургенев, антитеза, мужественность, женственность, русская литература, литературная критика, публицистика.

Одна из главных особенностей творческого мышления Д.С. Мережковского состояла в том, что мир, человек, культура и религия представлялись ему трагически раздвоенными, поляризованными. «Весь Мережковский – в антитезах христианства и язычества, духа и плоти, неба и земли, общественности и личности, Христа и Антихриста и т. д. и т. д.» [1, с. 333], – пронизательно отмечал Н.А. Бердяев. С Бердяевым был солидарен и В. Чудовский, который даже иронизировал над антитечностью мышления Мережковского. Он писал: «Известно, что глаз Мережковского всё видит вдвойне, искалеченный игрой “в антитезы”. Интересность явления начинается для Мережковского тогда, когда ему удалось его “раздвоить”; жизнью он почитает одну лишь двойственность» [15, с. 51].

Вполне закономерно, что развитие русской литературы мыслилось критиком-символистом как система разнообразных антитез. Одной из значимых и устойчивых оппозиций, использованных Мережковским и в литературной критике, и в публицистике 1890–1910 годов, стала антитеза «мужественность – женственность». К ней, например, Мережковский обращается в статье «Пушкин» (1896), чтобы раскрыть художественную полярность И.С. Тургенева и А.С. Пушкина. Тургенев, в его оценке, по сравнению с Пушкиным оказывается не только менее европейцем, менее язычником, но и утрачивает пушкинскую «мужественность» мировосприятия. В интерпретации Мережковского Тургенев предстаёт писателем, выражающим «женственное» начало русского духа,

в то время как Пушкин открывал «мужественную» сторону национального сознания. Из этой принципиальной противоположности следуют и другие различия между художниками.

Пушкин, по мнению автора статьи, в образе Петра I воспеваает и даже обоготворяет силу, героическую волю как проявление «мужественности». Тургенев же, наоборот, «достигает наивысшей степени доступного ему вдохновения, показывая преимущества слабости перед силою, малого перед великим, смиренного перед гордым...» [6, с. 152]. «Женственная» душа Тургенева, как подчёркивает критик, «не может простить силы» и «единственному сильному русскому человеку – нигилисту Базарову» [6, с. 152]. Свойства «женственности» и «мужественности» Мережковский находит даже в особенностях стиля художников: «В самом языке Тургенева, слишком мягком, женоподобном и гибком, уже нет пушкинского мужества, его силы и простоты» [6 с. 152]. По всей видимости, автор статьи отталкивается от критических суждений А. Григорьева, писавшего о «недостатке силы, энергии в манере» Тургенева как «результате женственно-мягкой впечатлительности» его творчества [3, с. 209].

Вообще, антитеза «мужественность – женственность» является универсалией культуры Серебряного века в целом: она активно использовалась разными авторами не только в художественной литературе, но и в критике, философии, публицистике. Её формирование связано с усвоением и переработкой многих источников: от софиологии В.С. Соловьёва до публицистики А.И. Герцена (о «женственности» славянского характера А.И. Герцен писал ещё в статье «О развитии революционных идей в России»).

По всей видимости, Мережковский одним из первых стал вводить мифологемы и символы, связанные с концепцией «мужественности – женственности», не только в свои художественные произведения [14, с. 42–54], но и в литературно-критические, публицистические работы. Вслед за ним символические критерии «мужественности – женственности» для оценки литературных явлений будут использовать И.Ф. Анненский («Бальмонт-лирик», «О современном лиризме») и В.В. Розанов («На границе поэзии и философии» (1900), «Концы и начала, “божественное”» и «“демоническое”...» (1902). «Сила национальности» (1908), «Л. Андреев и его “Тьма”» (1908), «Возле “русской идеи”...» (1911)). Причём последний в сакрализации «женственности» в чём-то пойдёт дальше Мережковского. При этом розановская концепция «женственности» во многом пересекается с софиологическими исканиями Мережковского и вполне вписывается в литературный и философский контекст Серебряного века в целом, характеризующийся усиленным вниманием к «женственному»

началу [10]. А выразителем «женственной» сути русского сознания в литературе Розанов, как и Мережковский, называет именно И.С. Тургенева [8, с. 324; 9, с. 329, 331].

Примечательно, что уклон Тургенева в сторону «женственности» как онтологической сущности Мережковский связывает и с преобладанием в его творчестве «национального содержания», и с тем, что писатель обладает особым даром «женской» интуиции, пронизательности в подходе к сложнейшим вопросам бытия: жизни, искусства, религии. Не случайно в фундаментальном исследовании «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902) Мережковский не раз будет апеллировать к тургеневским оценкам личности и творчества Л.Н. Толстого, поразившим критика своим «чрезмерным ясновидением» [5, с. 40]. Мережковскому, например, оказывается особенно близким скептическое мнение И.С. Тургенева о «христианстве» Л.Н. Толстого, в котором автор «Записок охотника» увидел «своего рода нигилизм», «религию без Бога» [5, с. 225–228].

В статье «Тургенев» (1909), впоследствии включённой в состав четвёртого издания книги «Вечные спутники», проза писателя-классика оценивается Мережковским как источник новых софийных прозрений XX века, наследующих и развивающих духовную традицию В.С. Соловьёва. Свообразным порывом Тургенева к мистическим высотам Вечной Женственности критик считает создание таких женских образов, как Лиза, Елена, Марианна, Несчастливая, Клара Милич и, особенно, Лукерья из рассказа «Живые мощи». По мнению Мережковского, эти тургеневские героини способны услышать мистический зов «небесных сил», а потому так или иначе «уходят», отказываются от устройства своей «земной» судьбы. Стремление обожествить, идеализировать женственное начало, как отмечает автор статьи, диктует Тургеневу и принципы изображения женских персонажей: «Тургеневские женщины среди человеческих лиц – иконы; среди живых людей – “живые мощи”» [5, с. 476]. Очевидно, что сакрализация «женственного» начала в 1900–1910 гг. в критике Мережковского усиливается, а категория «мужественности» уходит на периферию его творческих исканий.

Софиологический подход к осмыслению творчества И.С. Тургенева, заявленный в ранее упомянутых работах Д.С. Мережковского, станет главенствующим в эссе с показательным названием «Поэт вечной женственности» (впервые оно было опубликовано в газете «Русское слово» (1915), а затем вошло в книгу Мережковского «Невоенный дневник. 1914–1916 (Пг., 1917)). Для того чтобы воссоздать психологический портрет Тургенева, критик использует самые разные источники, прежде всего письма писателя, в которых раскрывается его «человеческая малость»: своеобразное

«уродство гения», воплощённое в «женскости» его характера: «Да, слабый, мягкий, жидкий, текучий, изменчивый, волнообразный, как стихия водная – стихия женская» [4, с. 337]. В этой работе Мережковский опирается на находки в области психологии творчества, сделанные им в раннем эссе о Флобере (1888), вошедшем в книгу «Вечные спутники» [5, с. 430–437]. Ещё в статье «Пушкин» он провёл пунктирную параллель между Тургеневым и Флобером, причисляя их к одному типу творческого сознания, отмеченного «болезнью гениальности», характеризующегося «антагонизмом» художественной и нравственной личности. Судьба Тургенева, как и Флобера, с точки зрения автора эссе, подтверждает верность поэтической формулировки Пушкина, схватывающей самую суть «нетворческого» поведения художника: «Или не знаем, что такова судьба поэта, что “меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он”?» [4, с. 337]. Мережковский так говорит о часто встречающейся противоположности «человека» и «художника»: «Гений – внутри себя – высший лад, строй, чудо гармонии, а извне – уродство, чудовищность, односторонность, однобокость...» [4, с. 337].

Но применительно к Тургеневу Мережковский стремится выявить и скрытое единство этих враждующих начал, некий их связующий момент, снимающий роковое противоречие. «Человек» и «художник» в Тургеневе, по утверждению автора эссе, соотносятся, как «куколка» и выросшая из неё «бабочка». Под «куколкой» в этой метафорической антитезе подразумевается так возмущавшая многих «женскость» характера писателя, а «бабочкой», воплощавшей ещё в традиции греческого мифа душу, Психею, оказывается способность художника видеть «женственную половину мира» «так, как никто» [4, с. 337].

В эссе «Поэт вечной женственности» Мережковский явно выступает в качестве продолжателя заветов В.С. Соловьёва. Так, размышляя о Тургеневе, он стремится выстроить своеобразный «мост» между «небом» и «землёю», к досаде В.С. Соловьёва, так и не удавшийся Платонову Эросу (статья «Жизненная драма Платона») [13, с. 276]. В образном высказывании Мережковского о связи «вершин духа» с «корнями плоти и крови» угадываются отзвуки стихотворения В. Соловьёва «Мы сошлись с тобой недаром...» (1892):

Свет из тьмы! Над чёрной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погружённый
Тёмный корень их... [13, с. 265–266].

«Женское» в личности писателя, «физиологически тайное» (здесь и далее курсив Д.С. Мережковского. – Н.К.), скрытое («Душа женщины – в теле мужчины»), делает вывод Мережковский, преломляется в уникальную способность Тургенева

выразить женскую душу, проникнуть в неё как бы изнутри. Здесь находит своеобразное воплощение стержневая для религиозно-философских воззрений критика-символиста идея «андрогина» как реализации искомой телесно-духовной цельности [12, с. 33–42]. Именно потенциальная «андрогинность» писателя, уверен Мережковский, позволила ему выйти к разгадыванию тайн женщины и женственности: «Естество женское, от века безгласное, едва ли не впервые нашло свой голос в Тургеневе. Может быть, не только в русской, но и во всемирной поэзии нечто небывалое, единственное – тургеневские женщины и девушки» [4, с. 338].

Само выражение «физиологически тайное» свидетельствует о том, что концепция эссе «Поэт вечной женственности» базируется не только на идеях В.С. Соловьёва, но, как ни парадоксально, впитывает и влияния «мистики» В. Розанова, активно исследовавшего колебания и смешения в области пола (например, в книге «Люди лунного света») [7, с. 153].

Как видно, в тексте критического исследования Д.С. Мережковского «Поэт вечной женственности» причудливо смешиваются понятия, почерпнутые из разных сфер научного познания (социологии, философии, психологии), элементы публицистики, мифологемы и яркие художественные образы-символы. Таким образом, мифотворческое начало, подчинившее себе как художественное творчество, так и жизненное поведение символистов, находит выражение и в критическом мышлении Мережковского. В частности, философскую мысль о творчестве, как механизме психологической компенсации, критик воплощает в форме ёмкого притчевого иносказания, высвечивающего семантическое ядро мифа о Тургеневе: «Гений, как евангельский купец, продаёт своё имение, чтобы купить одну жемчужину. Такая жемчужина Тургенева – вечная женственность» [4, с. 337].

В интерпретации Мережковского Тургенев, подобно Лермонтову и Гейне, оказывается избранником, способным услышать и передать «небесный звук влюблённости» [4, с. 340]. И этот мистический дар, по мнению критика, духовно роднит певца «торжествующей любви» с В.С. Соловьёвым.

От суждений о Тургеневе как «поэте вечной женственности» Мережковский переходит к историческим построениям, в которых «мужественное» и «женственное» выступают не только как антропологические, но и как онтологические сущности. Он стремится показать, как взаимодействуют вечные начала «мужественности» и «женственности» в мировой истории, метафорически обозначая их в эссе мифологемами «огня» и «воды». Мережковский замечает: «В человечестве – обществе, так же как в человеке – личности, борются два начала – мужское и женское. Их сочетание – благо, их разделение – зло. Мужское без

женского – сила без любви, война без мира, огонь без влаги...» [4, с. 341].

Мережковский выражает уверенность в том, что доминанта «женственности» или «мужественности» есть у каждого исторического периода: «Если душа средних веков созерцательная, страдательная, женственная, то душа современности – волевая, деятельная, мужественная: рационализм, победа “чистого разума” в науке, философии, религии, во всём культурном и общественном строительстве – победа мужского начала» [4, с. 341].

«Женственная» либо «мужественная» сущность, с точки зрения автора эссе, проступает и в характере целых народов: «Германо-романский Запад мужествен, славяно-русский Восток женствен» [4, с. 342]. Причём, выявляя «женственную» доминанту русского национального характера, Мережковский соглашается со многими русскими писателями и мыслителями [11, с. 121–214]. Очевидно, он вступает в философский диалог о «мужественности-женственности» русского сознания и культуры с некоторыми своими предшественниками и современниками.

Судя по всему, споры о степени «мужественности» или «женственности» национального менталитета обострила сама историческая ситуация – война России с Германией. Мережковский в своём отношении к войне «оказался по одну сторону баррикад» с Н.А. Бердяевым и по другую – с В.В. Розановым. Это признавал, например, и сам Бердяев, ссылаясь на публицистическую статью Мережковского «Соловьи над кровью» (1914) (как и эссе «Поэт вечной женственности», эта работа вошла в книгу «Невоенный дневник: 1914–1916» (Пг., 1917)), направленную против сторонников войны, в полемически хлесткой работе «О “Вечно бабьем” в русской душе» (1914). И Мережковский, и Бердяев – опровергают ура-патриотическую статью Розанова «Война 1914 года и русское возрождение», которая была воспринята ими как гимн «военищине» и «милитаризму» [4, с. 443]. Примечательно, что как Мережковского, так и Бердяева особенно поразили эмоциональные признания Розанова, рассказывавшего о сильнейшем впечатлении своей жизни, о встрече с полком военных. Оба автора процитировали следующий шокирующий их отрывок: «Произошло странное явление: преувеличенная мужественность (курсив В.В. Розанова. – Н.К.) того, что было передо мной, как бы изменило структуру моей организации и отбросило, опрокинуло эту организацию в женскую. <...> Этот колосс физиологии, колосс жизни вызвал во мне чисто женственное ощущение безвольности, покорности и ненасытного желания “побыть вблизи”... Определённо, это было начало влюбления девушки...» [4, с. 442; 2, с. 293].

Мережковский решительно разоблачает розановское понимание «женственности», представ-

ленное в статье «Война 1914 года и русское возрождение». Как символист-софиолог, он не принимает его профанной сути, видит в нём апологию «животности», «звериности» [4, с. 442]. В свою очередь, Н.А. Бердяев не сомневается в искренности Розанова и воспринимает откровения «нововременского» публициста как доказательства ущербности русского национального сознания в целом: «Женственность Розанова, так художественно переданная, есть также женственность души русского народа. <...> Великая беда русской души в том же, в чём беда и самого Розанова, – в женственной пассивности, переходящей в “бабье”, в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем» [2, с. 300].

По всей видимости, в подтексте эссе «Поэт вечной женственности» Мережковский возражает не только Розанову, но и Бердяеву, обнаружившему в «недрах русского характера» только «Вечно бабье» и не заметившему ни «явного мужества» («Мужество есть и у нас ...»), ни тайной «вечной женственности» [4, с. 342]. В этой работе Мережковский подводит определённый итог развития линий «мужественности – женственности» в русской литературе XIX века и определяет исключительно важное место Тургенева в этом процессе. Причём многие свои наблюдения и выводы, как уже отмечалось, критик облекает в мифопоэтическую форму: «От Петра и Пушкина (потому что Пушкин – певец Петра по преимуществу) к Толстому и Достоевскому <...> идёт линия нашего мужества, явная, дневная; а ночная, тайная линия женственности – от Лермонтова, певца Небесной Девы Матери (“Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...”), через Тютчева, певца земной Возлюбленной (“Ты, ты – моё земное Провидение”), и Некрасова, певца земной Матери, – к Тургеневу, уже не только русскому, но и всемирному поэту Вечной Женственности» [4, с. 342].

По мнению автора эссе, спасение современной России и состоит в отказе от военного насилия, то есть в повороте от «мужества» к «вечной женственности»: «В наши дни, дни мужества неправого и не вечного, дни вражды не человеческой и даже не зверской, а дьявольской, не пора ли нам вспомнить о вечной любви, о вечной женственности?» [4, с. 343]. Отсюда – вывод критика о жизнотворческом, пророческом смысле софиологических открытий Тургенева-художника, за которым будущее: «Да, мы ещё вернёмся к Тургеневу» [4, с. 343]. Эссе Мережковского «Поэт вечной женственности» обобщает многолетние наблюдения его автора над творчеством Тургенева в русле общесимволистских религиозно-мистических исканий, обозначенных ещё в трактате «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». В той или иной мере на опыт интерпретации творчества писателя-классика, предложенный критиком-софи-

ологом, будут опираться некоторые его современники: В. Розанов, П. Перцов, Г. Чулков, К. Бальмонт, И. Анненский, Б. Зайцев.

Библиографический список

1. *Бердяев Н.* Новое христианство (Д.С. Мережковский) // Д.С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Мережковского в оценке современников / сост., вступ. ст., библиогр. А.Н. Николокина. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 331–354.
2. *Бердяев Н.* Философия творчества, культуры, искусства: в 2 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1994. – 510 с.
3. *Григорьев А.* И.С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо». Статья четвёртая и последняя // Григорьев А. Сочинения: в 2 т. Т. 2: Статьи; Письма. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 171–211.
4. *Мережковский Д.С.* Было и будет. Дневник. 1910–1914.; Невоенный дневник. 1914–1916; сост., предисл. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак; коммент. И.Л. Анастасьевой, Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак. – М.: Аграф, 2001. – 512 с.
5. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995. – 622 с.
6. *Мережковский Д.* Пушкин // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX вв. – М.: Книга, 1990. – С. 92–160.
7. *Розанов В.В.* Люди лунного света: Метафизика христианства. – М.: Дружба народов, 1990. – 304 с.
8. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Около народной души (Статьи 1906–1908 гг.). – М.: Республика, 2003. – 447 с.
9. *Розанов В.* Сочинения. – М.: Советская Россия, 1990. – 592 с.
10. *Рябов О.В.* Женщина и женственность в философии Серебряного века. – Иваново: Изд-во Ивановск. гос. университета, 1997. – 160 с.
11. *Рябов О.В.* Русская философия женственности (XI–XX века). – Иваново: Юнона, 1999. – 359 с.
12. *Сарычев Я.В.* Идея андрогинизма в системе творчества Д. С. Мережковского // Проблемы эстетики и социологии: сб. науч. работ. – Липецк: ЛГПУ, 1996. – С. 33–42.
13. *Соловьёв В.С.* Смысл любви: избранные произведения. – М.: Современник, 1991. – 525 с.
14. *Чепкасов А.В.* Отражение символистской концепции женственности в романах Д.С. Мережковского 1890–1910 гг. // Женские образы в русской культуре: сб. науч. ст. – Кемерово, 2001. – С. 42–54.
15. *Чудовский В.* О Мережковском, Некрасове и о политике в искусстве // Аполлон. – 1913. – № 7. – С. 47–52.

О «ТАЙНОЙ ПРАРОДИНЕ» НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА («Стокгольм», «Швеция», «Заблудившийся трамвай»)¹

В статье рассматриваются «шведские» стихотворения Н. Гумилева – «Стокгольм», «Швеция», обнаруживается их связь с «Заблудившимся трамваем», отмечается тяготение Гумилева к скандинавской культуре, которая, по мнению поэта, исторически повлияла на Россию еще со времен Рюрика. Русская ментальность видится Гумилевым сквозь восприятие шведских истоков. Сближение двух стран становится важной чертой историософии поэта. В работе подчеркивается, что эта историческая линия важна для Гумилева еще и тем, что среди множества пространств и времен он ищет свой мир – мир поэта. Особое внимание автор статьи уделяет мотиву блуждания через пространство и время – одному из наиболее частотных у Гумилева. Анализируются тексты, в которых явлен данный мотив. Сюжет о «заблудившемся» герое у Гумилева обнаруживает в своем подтексте легенды об исчезновении, несет гибельные смыслы, чреватые трагическим финалом. Ряд стихотворений, в которых звучат возвратные смыслы, открывает нам сложные историософские взгляды Гумилева, переживающего мир как чередование и взаимоналожение темпоральных и пространственных пластов, а «скандинавское пространство» в лирике поэта видится частью сложного многоуровневого мира.

Ключевые слова: Н.С. Гумилев, акмеизм, историософия, реминисценции, возвратность, темпоральные и пространственные характеристики.

«Шведские» стихотворения Николая Гумилева – «Стокгольм», «Швеция», «В Северном море», «Ольга» – образуют своего рода микроцикл, в котором звучат размышления поэта о судьбе русской истории. Соединение хаотического и космического начала в русской ментальности Гумилев осмысляет через связь с «варягами», с «творческой волей, заложенной Рюриком в русское государство» [6, с. 49]. Но эта историческая линия важна для Гумилева еще и тем, что среди множества пространств и времен он ищет свой мир – мир поэта, словно потерянный когда-то и звучащий то в песнях скальдов, то в звонах «волшебной скрипки», то в лютне Гондлы, который своей игрой «укрошает» жестокие сердца «волков»-исландцев. Для Гумилева дорога мысль о том, что его душа затерялась в пространстве и как будто ищет свои истоки, свою тайную родину.

В стихотворении «Стокгольм», отмечает Ю. Верховский, «мы видим сначала как бы слияние души личной с этими душами городов и душевного с внешнереальным, но потом эти воплощения вскрываются, как только этапы странствований и блужданий самой души» [4, с. 122]. Образ Стокгольма рождается из сна, но сон здесь как будто приоткрывает завесу о происхождении лирического героя:

«О, Боже, – вскричал я в тревоге, – что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?» [5, т. 3, с. 188].

Швеция для Гумилева – и есть тайная прародина, поскольку именно оттуда пришли варяги, принесшие, по словам Н. Оцупа, «внешнюю организующую силу» [5, т. 3, с. 394] на Русь.

Пространство в стихотворении как бы плывет, оно не эпически сфокусировано и определено, а словно бы размыто, с одной стороны, границами

сна; с другой – свободным лирическим сюжетом. «Лирика близко соприкасается с онейрическим миром» [12, с. 49], и на поверхности текста Гумилева остается пространство, обладающее совершенно особенными свойствами: оно как бы разнородное – и город, и гора, с которой проповедует лирический герой, и окрестности (тихая вода, леса и поля), и в то же время все это пространство сна героя, он словно не знает, как найти из него выход, и куда должен вести этот выход, вероятно, в другое время. «Лирика, – указывает Ю.Н. Чумаков, – актуализирует сильнее ракурс пространства, а не времени... Лирика, и это ее черта, обладает точечным пространством и вот-вот готова взорваться временем» [12, с. 49].

И в стихотворении «Стокгольм» рождается мотив, который впоследствии будет реализован в одном из последних гениальных текстов Гумилева – «Заблудившемся трамвае», мотив «бездны времен»:

И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен [5, т. 3, с. 188].

На связь этих стихотворений обратил внимание Вяч.Вс. Иванов, а Ю.Л. Кроль уточнил, «что “бездна времен” указывает на глубь (или неизвестное множество) разных времен; что эти времена – “не наши”, т.е. иные, чем настоящее время; и что между ними существуют “слепые переходы” или “глухие коридоры”, позволяющие человеку переходить из одного времени в другое; это происходит в особом состоянии – во сне – или, как в “Заблудившемся трамвае”, с помощью “машины времени”» [7, с. 215].

Не случайно «Стокгольм» и «Заблудившийся трамвай» так тесно соединены: это тексты, в которых пространство как бы расподобляется «в без-

дне времен» или же «взрывается временем», если использовать термин Ю.Н. Чумакова. Е. Вагин называет «Заблудившийся трамвай» «поразительным сюрреалистическим синтезом прошлой культурной эпохи, убийственной современности и трагических предчувствий близкого будущего» [3, с. 596]. Э. Сампсон акцентировал внимание на сновидческий, «кошмарный» характер стихотворения, в котором он увидел черты сюрреализма [14, р. 290–293]. В. Бетаки также называет «Заблудившийся трамвай» «полностью сюрреалистическим произведением»: «В нем все детали выписаны подробно, с почти фотографической четкостью, но в их сочетании (безумном, страшном, заключенном в пространство между соседними образами) в самом факте этих сочетаний угадывается некий особый смысл, некая символика... Это, возможно, первое в мировом искусстве произведение, которое можно без натяжек назвать образцом сюрреализма как стили видения и выражения» [2, с. 12].

Миры этих двух стихотворений – «Стокгольма» и «Заблудившегося трамвая» – имеют такую пространственную глубину, которую только способен создать лирический сюжет.

«Слепые переходы пространств и времен» в «Стокгольме» напоминают «глухие коридоры» из «Маскарада» и враждебные коридоры из «Ужаса» – ранних стихотворений Гумилева. Надо сказать, что коридоры воплощают лабиринт – характерный мотив для Гумилева. Его лирический герой часто блуждает в пространстве лабиринта, при этом попадая в разные времена и как бы сколки миров («Венеция» и др.). В «Заблудившемся трамвае» представлены как раз эти сколки миров, это одномоментное смещение пространств и времен. Э. Русинко рассматривает стихотворение с точки зрения бергсонского представления о времени: «Having crossed the rivers, the persona finds himself in “the abyss of time”, where all sense of sequential chronology is lost» [13, р. 387–388] («Переехав через эти реки, лирическое “я”... оказывается в “бездне времен”, где утрачено всякое ощущение последовательной хронологии»). Л. Аллен отмечает, что «здесь на читателя воздействует тщательно продуманный эффект парамнезии (иллюзия уже пережитого и увиденного, обманчивая локализация во времени и пространстве)» [1, с. 128].

Совмещение и взаимоналожение различных пространств в стихотворении Гумилева неоднократно отмечалось исследователями, поэт практически контаминирует землю и воду, сливая воедино двойственные образы трамвая и корабля. Р.Д. Тименчик писал, что «сравнительная плавность движения нового транспортного средства окружила его ассоциациями с лодкой... равно как... с обитателями подводного мира...» [10, с. 138]. Л. Аллен называет «летающий среди белого дня фантомный трамвай... Летучим Голландцем земной суши» [1, с. 123]².

Один из любимых повторяющихся мотивов в лирике Гумилева – блуждание через пространство и время, поиск своего мира между «бесчисленных светил». Поэтому блуждающий герой – постоянный персонаж Гумилева:

Я вечернею порою над заснувшею рекою,
Полон дум необъяснимых, всеми кинутый, брожу.
Точно дух ночной блуждаю, встречи радостной не знаю,
Одиночества дрожу... [5, т. 1, с. 19].

Зачарованный викинг, я шел по земле,
Я в душе согласил жизнь потока и скал,
Я скрывался во мгле на моем корабле,
Ничего не просил, ничего не желал.

В ярком солнечном свете – надменный павлин,
В час ненастья – внезапно свирепый орел,
Я в тревоге пучин встретил остров ундин,
Я летучее счастье, блуждая, нашел... [5, т. 1, с. 113].

Следом за Синдбадом-Мореходом
В чуждых странах я собирал червонцы
И блуждал по незнакомым водам,
Где, дробясь, пылали блики солнца... [5, т. 1, с. 153].

Углубясь в неведомые горы,
Заблудился старый конквистадор,
В дымном небе плавали кондоры,
Нависали снежные громады [5, т. 1, с. 188].

В поэме Гумилева «Блудный сын» обыгрывается евангельский сюжет: герой «блуждал, то распутник, то нищий», «блуждал... без мысли и цели».

В стихотворении «На далекой звезде Венере...» возникает образ «блуждающих золотых дымов», сравниваемых со странниками – пилигримами:

И блуждают золотые дымы
В синих-синих вечерних куцах
Иль, как радостные пилигримы,
Навешают еще живущих [5, т. 4, с. 135].

Блуждание лирического героя Гумилева в лабиринтах «пространств и времен» приводит его к мечтаемой стране – «священной» Швеции, когда-то преобразившей свою «сестру» – Русь. «Ю.Л. Кроль видит в “Швеции” предвосхищение некоторых тем “Заблудившегося трамвая” (тревога поэта за судьбу России, восприятие русской государственности» [5, т. 3, с. 395]), «которая имела в представлении Гумилева варяжское (шведское) происхождение» [7, с. 213]).

«Ветер свежий» Швеции перекликается с «ветром знакомым и сладким» из «Заблудившегося трамвая» и с «ветром странным» из «Памяти»: это ветер «тайной прародины» поэта, он пронизывает его насквозь и заставляет чувствовать мир особенно, сквозь призму различных пространств.

Стихотворения Гумилева с сюжетом о «заблудившемся» герое обнаруживают в подтексте легенды об исчезновении, несут в себе гибельные смыслы, чреватые трагическим финалом, а самым напряженным моментом таких текстов становится момент возвращения/невозвращения. У акмеистов

вообще сильны возвратные смыслы. В.Н. Топоров рассматривает возвратность как проявление связи тела и мира в представлениях акмеистов, а значит, она имеет пространственный ракурс [11, с. 432]. Между тем возвратность является и темпоральной, и пространственной характеристикой. Как считает О. Ронен, «переворачивание и смешение пластов времени служит сюжетом завершительных текстов Гумилева и Ахматовой – “Заблудившийся трамвай” и “Поэма без героя”» [9, с. 185]. Размышляя о возвратности и новизне у акмеистов, исследователь подчеркивает, что их противопоставление «снимается в понятии “предчувствия”, антиципации: поэзия “воспринимается как то, что должно быть, а не как то, что уже было”» [9, с. 185].

Поиск себя в «скандинавском пространстве» показывает, что для Гумилева Швеция и Россия становятся странами, близкими друг другу исторически и духовно, что это не два противоположных мира, а его части, два полюса, без которых невозможно гармоничное осмысление бытия. И ряд стихотворений поэта, в которых звучат возвратные смыслы, открывает нам сложные историософские взгляды Гумилева, переживающего мир как чередование и взаимоналожение темпоральных и пространственных пластов.

Примечания

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Историческая память в художественном и документальном тексте (общероссийский и региональный аспекты)» (Программа фундаментальных исследований СО РАН «Интеграция и развитие»).

² «Летучий Голландец» в «Заблудившемся трамвае» и других стихотворениях Гумилева подробно рассмотрен в моих статьях о кораблях-призраках в лирике поэта [8, с. 32–111].

Библиографический список

1. Аллен Л. «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева: Комментарий к строфам // Аллен Л. Этюды о русской литературе. – Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1989. – С. 113–143.

2. Бетаки В. Избранник свободы: К 100-летию со дня рождения Н.С. Гумилева // Русская мысль. – 1986. – 11 апреля. – С. 12.

3. Вагин Е. Поэтическая судьба и миропереживание Н. Гумилева // Н.С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 593–604.

4. Верховский Ю.Н. Путь поэта // Современная литература. – Л., 1925. – С. 93–143.

5. Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.: Воскресенье, 1998–2007.

6. Зобнин Ю.В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилева) // Н.С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 8–52.

7. Крель Ю.Л. Об одном необычном трамвайном маршруте («Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева) // Русская литература. – 1990. – № 1. – С. 208–218.

8. Куликова Е.Ю. Пространство и его динамический аспект в лирике акмеистов. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2011. – 530 с.

9. Ронен О. Чужелюбие. Третья книга из города Эн. Сборник эссе. – СПб.: ЗАО «Журнал “Звезда”», 2010. – 400 с.

10. Тименчик Р.Д. К символике трамвая в русской поэзии // Ученые записки Тартуского государственного университета: Труды по знаковым системам. XXI. Символ в системе культуры. – Тарту, 1987. – Вып. 830. – С. 135–143.

11. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.

12. Чумаков Ю.Н. В сторону лирического сюжета. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 88 с.

13. Rusinko E. Lost in space and time; Gumilev's “Zabludivšijsja Tramvaj” // SEEJ. – 1982. – V. 26. – № 4. – P. 383–402.

14. Sampson E.D. In the Middle of the Journey of Life: Gumilev's «Pillar of Fire» // Russian Literature Triquarterly. – 1971. – № 1. – P. 283–295.

Дзуцева Наталья Васильевна
 доктор филологических наук, профессор
 Ивановский государственный университет
 starova@bk.ru

Нгуен Тхи Тхьонг
 Ивановский государственный университет
 tuyetdautien22724@gmail.com

РОЛЬ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «НАТАЛИ»

Рассматривается особенность стилистической манеры И.А. Бунина в выборе имени собственного для героинь ряда рассказов, входящих в цикл «Тёмные аллеи». Рассказ «Натали» заставляет вспомнить мысль о П. Флоренского о том, что имя выражает особый духовный тип личности, определяет его бытие. Прослеживается художественная интуиция И.А. Бунина в выборе имени собственного для героини рассказа, что выводит читателя к мысли о своеобразии художественной философии писателя. На примере героини рассказа рассматривается связь имени и судьбы, прослеживается, как имя собственное влияет на жизнь героини рассказа, что и определило его сюжет. Главная мысль статьи подкреплена использованием теории антропонимического пространства, которая разработана в трудах ученого-лингвиста А.Б. Пеньковского. Предполагается, что писатель не случайно дал своей героине имя Натали и озаглавил рассказ именно этим именем. Утверждается глубокое понимание сакральной природы имени собственного, которое определяет сущность личности и ее судьбу, что и выражает художественная концепция бунинского рассказа. Показывается, что офранцузженное имя «Натали», взамен данного при крещении имени «Наталья», определяет сложные жизненные пути героини, исподволь настраивая читателя на трагический финал. На основании мысли А.Б. Пеньковского об антропонимической семантике имени сделан вывод о том, что произвольно измененное имя имеет роковые последствия и накладывает свою власть на его носителя. Предполагается, что изменение христианско-православного имени – это отказ от небесного покровителя, в связи с чем жизнь человека идёт по трудному пути.

Ключевые слова: И.А. Бунин, «Тёмные аллеи», философия имени, имя собственное, антропонимическая семантика, мастерство писателя, судьба человека, переименование, личность, художественная интуиция, трагический финал, жизненный путь.

Имена собственные играют важную роль в жизни человека. Они не просто называют людей, различают их, но порой предопределяют их характер и влияют на жизненный путь. Говоря об имени собственном, невозможно не упомянуть о богословском и религиозно-философском подходе к феномену имени, который сформировался в начале XX века как имяславие и затронул практически все философские и эстетические системы этого времени. Яркими примерами служат работы о философии имени П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева.

Особенно важно понимание о. П. Флоренским сакральной сущности имени. В своей работе «Имена» он уделяет внимание и имени собственному. Свойство синтетичности имени заключается в том, что имя представляет собой максимально смысловое и «умное» явление вещи, достигающее наиболее полного воплощения в именах собственных и личных именах. Имя является своего рода «смысловым центром», представляющимся людям некоей загадочной сущностью. Размышляя об имени, они задаются многими вопросами, имеющими отношение к сущности человека, указанием на нечто большее, чем сам индивид, – на семью, род, традиции. Имена собственные, по мнению Флоренского, формируют их носителей, выражают тип личности, поэтому в них содержатся предсказания судьбы и биографии. Флоренский обосновывает эту теорию имени, для которой он придумал спе-

циальную область знаний – оноματοлогию, с точки зрения, в первую очередь, филологической, приводя данные из области художественной литературы и народной словесности. Обращение Флоренского к художественному творчеству для подтверждения своей теории не случайно: «В литературном творчестве имена суть категории познания личности, потому что в творческом воображении имеют силу личностных форм <...>. Все пространство произведения служит проявлением духовной сущности и, следовательно, именуя ее, может быть толкуемо, как ее имя» [6, с. 26–28].

Нельзя не заметить, что И.А. Бунин в цикле ряда рассказов «Тёмные аллеи», несмотря на совершенно другие мировоззренческие установки, оказался в чем-то по-своему близок мыслям, высказанным о. П. Флоренским. Конечно, писатель был далек от идей, связанных с имяславием, и было бы нелепо напрямую сблизить его художественное творчество с религиозно-философскими воззрениями философа. Речь должна идти не о прямом влиянии оноματοлогического учения о собственном имени, а о том, что художественная мысль Бунина в ряде рассказов из цикла «Тёмные аллеи» заметно формирует определенную зависимость типа личности и судьбы героини от ее имени. Писательская интуиция Бунина в ходе повествования создаёт то качество художественного текста, которое А.Б. Пеньковский называет «антропонимическим пространством» и в котором выбор имени влияет

на художественные категории, входящие в произведение: портретную характеристику, пейзажный фон, сюжетные коллизии. Таким образом, антропонимическая семантика, по мысли А.Б. Пеньковского, имеет прямое отношение к общей авторской концепции произведения. Своеобразие художественной философии Бунина заключаются в том, что имя собственное в ряде рассказов цикла «Темные аллеи» несёт в себе некую предопределенность, накладывая свою власть на характер героини и ее судьбу. В рассказах «Натали», «Руся», «Муза», «Антигона», «Таня» раскрывается существенная особенность бунинского стиля, связанная с антропонимической семантикой, которая выражается во внутренней, глубоко укоренённой в авторском сознании связи имени героини с её характером и судьбой, с ее портретом и пейзажным фоном. Постоянство этого мотива заставляет говорить о своеобразной художественной философии имени, воплощенной в «Темных аллеях».

Рассмотрим мастерство И.А. Бунина на примере рассказа «Натали», который входит в цикл «Темные аллеи». Он посвящен теме любви, о чем немало сказано исследователями творчества Бунина. В рассказе присутствуют две главных героини – Соня и Натали, которые имеют своеобразную, неповторимую красоту. Но не случайно рассказ назван именем второй: именно она становится главной героиней, вызвавшей глубокую и трагическую любовь персонажа. По нашему убеждению, имя и внешний облик заглавной героини, осененный пейзажным фоном, во многом определяют художественную мысль автора. Известный польский славист Ежи Фарино считает, что «в художественном произведении выбор имени для персонажей – это один из элементов моделирующей системы» [7, с. 131]. В рассказе «Натали», как и в других рассказах цикла «Темные аллеи», этот элемент несет в себе связь с портретом героини, создавая который Бунин проявляет главное мастерство портретиста: «увидеть, воплотить в портрете душу человеческую во всей её сложности, разгадать человека, сказать о нем еще не сказанное» [1, с. 298]. Имя и портрет заглавной героини даны в художественном единстве, и в их переключках мерцает, а потом и грозно заявляет о себе подтекстовая семантика, которая, по мнению А.Б. Пеньковского, является частью антропонимического пространства произведения. Он пишет: «Персонажные имена образуют поверхностный, но самый представительный слой художественного текста и составляют целостное единство со всеми признаками структурно-системной организации, которая оказывается моделью художественного мира, задает координаты места и времени, несет информацию и об авторе, и о тексте: о его жанре, о сюжете, о героях, об их отношениях и об их судьбах» [4, с. 584]. А.Б. Пеньковский предлагает идти путем комплексного фи-

лологического анализа той части художественной системы, к которой принадлежат имя и связанные с ним компоненты произведения, в которую они входят как равноправные и зависимые друг от друга элементы.

Действительно, имя заглавной героини рассказа *Natali* – отличается специфической утонченной аурой, несущей в себе следы изысканного, куртуазного общения, принятого в высших кругах дворянского общества. Как известно, это французский вариант традиционного русского имени Наталия (Наталя), которое в словаре личных имён Н.А. Петровского трактуется так: «Наталий, -я, м. Стар, редк. лат. *Natalis* – родной, а женская форма – Наталия. Имя Наталия имеет такие ласкательные формы, как: Натальюшка, Наташа, Наталя, Натуня, Натуся...» [3, с. 204].

Конечно, это только внешний, справочный вариант имени, явно недостаточный, чтобы проникнуть в его антропонимическую семантику. Имя *Наталя* возникло на заре христианства, в первые века нашей эры (от Рождества Христова) и происходит от латинского *Natalis Domini*, что означает: *Рождество Господне*, Рождество – рождение Христа. Суть имени также тесно переплеталась с значениями латинского слова *natalis* – *родной, родимый и родина, род, происхождение*. Заметим, что семантика имени *Наталя*, восходящая к латинскому названию праздника Рождества, придает ему особый свет свершившегося чуда, ставшего причиной появления одного из центральных праздников христианского календаря. Неслучайно и героиня бунинского рассказа по имени Натали отмечена необычной земной красотой, в роковые трагические моменты имеющей коннотации святости. Таким образом, имя уже само по себе содержит установку на специфическую портретность облика его носительницы: оно выражает женский образ необычайной красоты, в то же время отмеченный тревожной духовностью.

Однако заметим, что Бунин называет свою любимую героиню не русским именем, а принятым в высшем свете именем *Natali*, так как все герои рассказа принадлежат дворянской культуре, где офранцузенная форма русского имени была привычной. На наш взгляд, в этой замене заключена тайная коллизия рассказа, повествующего о высокой любви и ее трагическом конце. О том, как данное автором имя персонажа предопределяет его судьбу, пишет Р. Тименчик, утверждая, что «сюжетные судьбы персонажей часто предопределены выбранным для него именем» [5, с. 27]. Избрав это имя, Бунин как бы исподволь настраивает читателя на трагическую ноту: в тексте присутствует ощущение какой-то беды, связанной с тем, что офранцузенное имя несет объекту наречения роковую предопределенность. Таким образом, можно сказать, что Натали становится заложницей своего

имени, перечеркнувшего ее настоящее имя, данное при крещении.

Наиболее убедительно об этом говорится в книге А.Б. Пеньковского «Нина. Культурный миф золотого века русской литературы», когда автор анализирует трансформацию традиционно-русского женского имени в драме М.Ю. Лермонтова «Маскарад». Он раскрывает смысл двойного имени героини драмы: Нина и Настасья. Имя Настасья использовано в тексте лишь однажды, а с именем Нина героиня вошла в сознание и память читателей. Почему же? Вот как об этом пишет А.Б. Пеньковский: «Поскольку имя Настасья, которое в XVIII веке входило в общерусский женский именник, но было особенно широко распространено среди крестьянок, в XIX веке должно было восприниматься как сниженное и провинциальное» [4, с. 36]. А имя Нина тогда было модным, романтическим, светским, входило в русскую поэзию с полунарицательным значением «возлюбленная», «милая», «дева». А.Б. Пеньковский подчёркивает, что «это имя – метка чужого мира, яркая и нарядная маска, чуждая той, что соблазнилась её надеть и заплатила за это ценою жизни» [4, с. 62]. Нина – это роковое имя, которое обречено на трагедию: «Переименование Настасьи Павловны в Нину, что одно уже – в связи с отказом от крестного имени и, следовательно, от небесного покровительства и защиты – таило в себе определённую угрозу и роковое отождествление имени и объекта наречения» [4, с. 65]. Так имя, считает автор, определяет счастливую или горькую судьбу героини.

Здесь уместно вспомнить, что Наталья Николаевна Пушкина тоже носила имя Натали, которое отмечено не только идеальной женской красотой, но и роковым знаком трагедии: в раскладе пушкинской судьбы оставшееся без святой защиты имя, переозвученное в «*Nathalie*», отмечено трагической метой рока. Не исключено, что имя Натали Пушкиной, ставшее частью пушкинского мифа, активно живущего в национальном читательском сознании,

повлияло на выбор Буниным имени для главной героини одноименного рассказа. В рассказе судьба Натали трагична: она испытывает принесший ей боль разрыв отношений с героем, после чего она выходит замуж, но её муж умер, и в конце рассказа она обретает мимолетное счастье с любимым, но вскоре сама умирает. Исследователи справедливо утверждают, что Бунин закончил рассказ так, потому что истинная красота, настоящая любовь не могут быть, по мысли Бунина, долгими, они мгновенны, как молния. «Позднему Бунину близость любви и смерти, их сопряженность представлялась частным проявлением общей катастрофичности бытия, непрочности самого существования» [2, с. 263], – пишет О. Михайлов. Но мы открываем ещё один аспект бунинской мысли: имя, несущее роковую мету, офранцузенное и тем самым как бы лишённое небесного покровителя, накладывает свою власть на характер судьбы героини. В этом сказалась чуткая художественная интуиция Бунина, говорящая о своеобразии его художественной философии.

Библиографический список

1. Андроникова М.И. Об искусстве портрета. – М.: Искусство, 1975. – 326 с.
2. Михайлов О.Н. И.А. Бунин: Жизнь и творчество. – Тула: Приокское книжное издательство, 1987. – 317 с.
3. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. – М.: Русские словари, 2000. – 480 с.
4. Пеньковский А.Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы. – М.: Индрик, 2003. – 640 с.
5. Тименчик Р.Д. Имя литературного персонажа: О языке художественного произведения // Русская речь. – 1992. – № 5. – С. 25–27.
6. Флоренский П.А. Малое собрание сочинений. Имена. – Кострома: Купина, 1993. – Вып. 1. – 316 с.
7. Фариню Е. Введение в литературоведение. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 639 с.

Сафронов Александр Викторович

кандидат филологических наук, доцент
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
a.safronov@rsu.edu.ruСВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ «РАКОВОГО КОРПУСА»
(образ Максима Чалого в повести А.И. Солженицына)*

«Раковый корпус» является одним из важнейших произведений А.И. Солженицына рязанского периода. Автор ставит в нём вечные проблемы смысла жизни («чем люди живы?»), любви и смерти, нравственности существующего строя, вскрывает источники материальной и духовной скудости послесталинского общества, выявляет, возможно ли излечение и какую цену оно добывается. Тему победы жизни и любви над смертью Солженицын, отталкиваясь от философских взглядов Л. Толстого, рассматривает «по-достоевски», давая высказаться самым разным героям, не занимая при этом позицию нравственного ригориста. Солженицын, как и в других художественных произведениях рязанского периода, посвящённых проблеме нравственности существующего строя, не прибегает к прямым нравоучениям, действительность рисуется им в двух планах: реалистическом и символическом, при этом символы противостоят реальности. Одним из символических противовесов житейской скудости, аскетизму и беспросветности советской системы является и образ Максима Чалого. Он несёт в себе традиции плутовского романа, выступает как противовес советскому социуму, ибо не живёт «идейностью и общим благом», и в то же время его сближение с Русановым – свидетельство бездуховности, расчётливости и цинизма.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, «Раковый корпус», Максим Чалый, рязанский период творчества, «пороговая ситуация», традиции плутовского романа, любовь как преодоление смерти, советский социум, символика.

Герои «Ракового корпуса» – обитатели мужского отделения, поражённые недугом, ожидающие смерти, – в экзистенциальной ситуации решают сложные бытийные вопросы, главный из которых – «чем люди живы?» Способность выжить в борьбе за жизнь, способность остаться свободным человеком А.И. Солженицын напрямую ставит в зависимости от способности любить как любовью «небесной», духовной, так и любовью плотской, «земной». Убедительны наблюдения А. Урманова о том, что «в размышлениях о любви солженицынских героев речь идёт о преодолении смерти. Кроме того, это и порыв духа к первоначальному идеалу, к сохранившемуся в прапамяти человека ощущению утраченного блаженства» [12, с. 382].

Тему победы жизни и любви над смертью Солженицын, отталкиваясь, в первую очередь, от философских взглядов Л. Толстого, рассматривает, тем не менее, «по-достоевски», давая высказаться самым разным героям, не занимая при этом позицию нравственного ригориста.

«У него охват Толстого и дух Достоевского. Так он объединяет эти две системы взглядов, которые считались диаметрально противоположными в девятнадцатом столетии и среди критиков в настоящее время. Это и есть настоящий Солженицын», – говорил Генрих Бёлль. В судьбах героев «Ракового корпуса» отчётливо присутствует толстовская идея о неотвратимости духовного возмездия и воздаяния в судьбе каждой личности, «диалектика души», «драматические переходы» (Н.Г. Чернышевский) чувств, мыслей, состояний, которые свойственны толстовским персонажам.

В. Краснов, анализируя полифонизм Солженицына, отмечает, что в своих романах он «соединяет выразительный и описательный принципы, динамику и статику, дионисийское и аполоновское, драматическое и эпическое, искусство Толстого и искусство Достоевского... Полифонический метод состоит в том, сказал Солженицын, “чтобы каждый герой становился главным, когда действие переходит к нему”. (Поскольку в “Раковом корпусе” пациенты прикованы к постели и вынуждены “бездействовать”, это высказывание можно перефразировать: “когда данный герой попадает в фокус романа”.) При этом каждого героя надо показать не снаружи внутрь, как это делает Лев Толстой, а изнутри наружу, как у Достоевского» [4, с. 139–140].

Горячие дискуссии в одной из палат тринадцатого, ракового корпуса о том, чем люди живы, заставляют пересмотреть отношение к любви Ефрема Поддуева: «Живы чем? – Даже и вслух это не выговаривалось. Неприлично вроде. – Мол, любовью...» [10, с. 100]. Строитель Поддубов много ездил по стране, имел в жизни деньги, женщин, почти в каждом городе, где он бывал, у него оставалась семья. «Я – баб много разорил. С детьми бросал... Плакали...» [10, с. 137]. Ефрем с горечью признаёт и то, что люди живы любовью, и то, что для «чудесного исцеления» от смертельной болезни, нужна чистая совесть. «И привыкал к смерти, как к смерти соседа» [10, с. 188].

«Ценный работник, заслуженный человек» Русанов, сторонник действия, инициативы, видящий истинную жизнь в тайных бумагах, в глубинах портфелей, совершенно непредставим в качестве «человека влюблённого». Он имеет все, что, казалось

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Правительства Рязанской области. Проект РГНФ 15-14-62001 а (р) «Рязанский край в контексте русской литературы: региональный аспект исследования».

бы, нужно для счастья с точки зрения советского человека: квартиру, машину, хорошую работу, жену, детей, но его мертвая, окаменелая, несвободная душа не способна на простую, земную, человеческую любовь. «Лю-бо-вью?! Не-ет, это не наша мораль!.. Люди живут идейностью и общественным благом», – утверждает он [10, с. 100], и продолжает верить в это, покидая больницу сражённый недугом. Собираательно-обобщающий образ Русанова – типичен, он представляет собой один из тех многочисленных элементов исправно работающей репрессивно-тоталитарной машины, «винтик» партийно-бюрократического аппарата.

Как нечто второстепенное мелькает в воспоминаниях талантливого учёного Вадима Зацырко некая Галя («Ждала его Галка в экспедиции и мечтала выйти за него замуж, но и на это он уже права не имел, и ей он уже достанется мало. Он уже никому не достанется» [10, с. 232]. Чистая духовность, оторванная от всего телесного, материального, в такой же степени несвободна, бесплодна, импотентна, как и «марксистско-ленинский» материализм Русанова. Вадим уходит со страниц повести, с одной стороны, в сторону выздоровления (удалось достать дефицитное лекарство), но, с другой стороны, автор теряет к нему интерес, как и врачи, «формально» ошупывающие его печень.

Как отмечает А. Аркатова, «для многих мужских персонажей А. Солженицына взаимоотношение с женщиной становится важной вехой их внутреннего становления, переосмысления ценностей. В повести “Раковый корпус” одной из таких героинь изображена Вера Гангарт. Как персонаж Вера представлена и через видение главного героя – Олега Костоглотова, и через личное пространство, наедине с собой. И Костоглов, и Вера являются жертвами истории и нуждаются в моральном исцелении. Вера играет важную роль не только в возвращении Олегу мужской энергии, но и в его духовном воскрешении. Она вновь вселяет в него ощущение важности жизни, обесцененной в ГУЛАГе. Костоглов, в свою очередь, освобождает Веру от тяжести воспоминаний, позволяет перейти на иной уровень постижения себя как женщины. Жизненное соединение героев оказалось невозможным. Однако светлая динамика отношений наполняет их жизнь смыслом и надеждой» [1, с. 89.]

Смысл и надежду обретает Дёмка, не собирающийся поддаваться своей болезни, своему горю, своему страху. Этот юный герой впитывает в себя все происходящие в палате споры и рассуждения о смысле жизни, он обретает новый, необычный взгляд на религию, встречает первую горькую любовь к столь же юной, но уже многое испытавшей Асе, своей раскрепощённостью, тягой к свободе типологически близкой к набоковской Лолите, тогда как её имя отсылает читателя к образу тургеневской девушки.

Ни одна из любовных историй в повести не завершена, даже не имеет продолжения, а то и завершается смертью. Убогий советский быт, мрачные интерьеры ракового корпуса, физическое и нравственное бессилие героев, натуралистические подробности течения болезни и её лечения, попытки заменить любовь наукой или карьерой, обиженные жёны, случайные связи, привычка к жертвенности, нетребовательность в отношениях, горькое одиночество женщин, измученное общество, символом которого становится зоопарк, – всё это, на наш взгляд, коррелируется с мыслью Ж. Нивы о том, что в рязанский период творчества Солженицын создаёт «цикл разысканий о скудости советского человека, скудости моральной, психологической и социальной» [5, с. 66].

Благополучен и даже счастлив в этом мире только Максим Чалый, предстающий перед читателем в главе «Зачем жить плохо?» Это человек, «исправляющий ошибки снабжения» [10, с. 474], он нужен всем и не подчиняется никому, он минимально зависит от господствующей идеологии и от продиктованной этой идеологией морали. Даже поединок со смертью он выигрывает: ему «желудок отхватили, а он только улыбается» [10, с. 411].

Имена героев «Ракового корпуса» имеют символические значения: Зоя, Вера-Вега, Авиета-Алла, Костоглов. И в данном случае перед нами – тщательно выбранный характером, позволяющий предположить ряд взаимоисключающих и взаимодополняющих черт персонажа. Фамилия «Чалый» происходит от обозначения лошадиной масти: «серый с примесью другого цвета», но в то же время это и «заклочённый, имеющий несколько судимостей» [8, с. 277]. Имя «Максим» могло быть подсказано Солженицыну жизнерадостными, активными героями советских кинофильмов 30-х – 50-х годов, таких, к примеру, как трилогия о Максиме и «Максим Перепелица». В то же время оно – «большой» в переводе с латыни – отсылает к античным временам, подчёркивая древнее происхождение этого человеческого типа.

Чалый не имеет конкретного прототипа, возможно, как и большинство других персонажей, был списан с натуры. Однако не вызывает сомнений, что у него имеются литературные предшественники: герои плутовских романов, мошенники, проходимцы, объекты изображения сатирической журналистики советских времён. Чичиков, Остап Бендер, Кола Брюньон, Гаргантюа – как и они, Чалый в значительной мере свободен от тоталитарной системы: не привязан к определенному месту жительства, независим экономически – «деньги платить перестают – я оттуда ухожу» [10, с. 289], он не подвергнут идеологической обработке – вряд ли его «негоции» и махинации оставляют время для посещения профсоюзных собраний и политических мероприятий. Герой не обделён женской лаской –

в послевоенной действительности хватало и вдов, и одиноких девиц.

Он символично появляется в палате 5 марта, в годовщину смерти Сталина, в тот момент, когда Русанов мрачен из-за того, что в день кончины вождя газеты не напечатали его портрета, что означает некий важный поворот в политике, в один день с Шулубиным, человеком, предававшим свои высокие идеалы, потерявшим всякую надежду.

Чалый врывается в палату как поток освежающего ветра, расшевеливая больных: «невысокий, очень живой человек... жизнелюбивая уверенная улыбка... у него был нос велик – мягкий, большой нос, подрумяненный» [10, с. 276–277]. Заметим, что большой нос, по народным поверьям, примета значительного мужского достоинства, «подрумяненность» намекает на любовь к спиртному; «...а волосы у него были привольные, между льном и овсяной соломой... в улыбке его толстых губ было что-то приятное, плотоядное [10, с. 286], немудрое лицо Чалого выражало убежденность и дружелюбие. Появившись в палате, «...быстрыми глазами высмотрел он свою койку и вбивчиво протопал к ней... И стал разгружаться, а разгружать ему оказалось нечего: в руках ничего, в одном кармане бритва, а в другом пачка, но не папирос – а игральных, почти ещё новых карт» [10, с. 276]. Наличие колоды демонстрирует полную готовность Чалого к неприятному повороту судьбы: ловкий картёжник в «зоне» не пропадёт.

Чалый почти ни с кем из однопалатников не общается, исключая партнёров по картам, он преподносится читателю глазами Русанова, который с завистью отмечает, что тот «приказом воли так держался, показывал тот пример, которого не было в палате, но который только и должен быть в наше время у нашего человека» [10, с. 276].

Речь Чалого наполнена прибаутками, шутками, игривыми намёками:

«...а тут вошла Нэлла с ведром и тряпкой для неурочного мытья полов.

– О-о-о! – оценил сразу Чалый. – Какая девка посадочная! Слушай, где ты раньше была? Мы б с тобой на качелях покатались.

Нэлла выпятила толстые губы, это она так улыбалась:

– А чо ж, и счас не поздно. Да ты хворый, куда те?

– Живот на живот – всё заживёт, – рапортовал Чалый. – Или ты меня робеешь?

– Да сколько там в тебе мужика! – примерялась Нэлла.

– Для тебя – насквозь, не бось! – резал Чалый. – Ну скорей, скорей, становись пол мыть, охота фасад посмотреть!» [10, с. 278].

Бывший зэк Костоглотов легко распознаёт в хирурге Льве Леонидовиче человека, побывавшего «там, где вечно пляшут и поют», по употреблённым им словам «расколосся» и «заначка» [10,

с. 348], – в речи Чалого жаргон отсутствует. Зато в разговоре с картёжниками у него проскальзывает властная, «руководящая» интонация. С Русановым же (который, заметим, мечтает о введении публичных казней для спекулянтов для оздоровления советского общества – [10, с. 106]) «агент» говорит с лёгким подбострастием, в то же время умело манипулируя собеседником:

«– Я, Паша, – техником работаю. Хотя техника не кончал. Агентом ещё работаю. Я так работаю, чтобы всегда с карманом. Где деньги платить перестают – я оттуда ухожу. Понял?

Что-то замечал Павел Николаевич, что не так получается, не в ту сторону, кривовато даже. Но такой был хороший, весёлый, свой человек – первый за месяц. Не было духа его обидеть» [10, с. 289].

В роли инициатора диалогов обитателей тринадцатого корпуса о смысле жизни, любви и свободе выступает, как правило, Костоглотов. Он же поддерживает ход и накал споров и способствует рождению в них истины, но Чалый – герой, с которым он не обменивается ни одной репликой. Единственный собеседник «агента» – Русанов. Их диалоги, в которых выявляется готовность правильного советского человека, партаппаратчика, пересмотреть свое отношение к жизни (жить надо хорошо, хотя «это осуждается»), помочь хорошему человеку за мзду – можно, спекуляция – не такой уж страшный грех) в определенном смысле пародируют беседы Пьера Безухова с Платоном Каратаевым. Правда, если у Толстого смерть Каратаева – отправная точка для Пьера в постижении жизни, то у Солженицына, наоборот, «человек из народа» остается жив и здоров, а «советский аристократ» отправляется по дороге к смерти.

Чалый оказывается весьма убедителен в роли демона-искусителя:

«– Надо жить хорошо, Паша!

С этим не мог не согласиться Павел Николаевич, это верно: один раз на свете живем, зачем жить плохо? Только вот...

– Понимаешь, Максим, это осуждается... – мягко напоминал он...

– Так ведь, Паша, – так же душевно отвечал и Максим, держа его за плечо. – Так ведь это – как посмотреть. Где как.

В глазу порошина – и мулит,

Кой-где пол-аршина – и ... ! – хохотал Чалый и пристукивал Русанова по колену, и Русанов тоже не мог удержаться и трясся:

– Ну, ты ж этих стихов знаешь!.. Ну, ты ж – поэт, Максим! [10, с. 289].

Непринуждённо, в стиле героев «Декамерона», выпутывается Чалый из фарсовой ситуации с двумя «жёнами», почти одновременно пришедшими навещать «мужа»: «...легко и открыто смеялся первый сам: “Ну, что ты будешь с бабами делать? Если им это удовольствие доставляет? И почему

их не утешить, кому это вредит?..» И расхохотался, увлекая за собой слушателей и отмахиваясь рукой от избыточного смеха» [10, с.285–286].

В финале Чалый «отлично бодро выглядел, даже уже не жёлтый. Лишь и было в нём от больного, что – пижама больничная да тапочки...

Знакомясь с Капитолиной Матвеевной, Чалый изящно как-то состыкнул пятками, а голову отклонил набок – отчасти почтительно, отчасти игриво» [10, с. 311].

И вот уже друзья по палате обмениваются телефончиками: одному нужна новая резина для «Москвича», другому – пристроить на тёплое место «одного хорошего человечка» [10, с. 220].

«– Всё, порядок! Будем звонить! – прощался Максим...

– Будем дружить! – подбадривал их Максим на прощанье...

– Будем жить! – кричал Максим, держа руку как “рот фронт”» [10, с. 311–312].

Солженицын прозорливо заметил и обрисовал здесь зарождение так называемой «советской мафии»: возможно, подобным образом начиналась тесная «дружба» партноменклатуры и теневых дельцов, подпольных коммерсантов и цеховиков, пользовавшихся покровительством «руководящих органов». Символичен в этом плане «рот-фронтский» жест спекулянта и мошенника: подобно Чичикову, Чалый готов, словно хамелеон, принять любое обличье, любую веру, любую идеологию, чтобы слиться с окружающей средой, не выпасть из системы, сохранить свою личную свободу. Но в то же время есть одна важная биографическая деталь: Чалый фронтовик, дважды был ранен [10, с. 287], а Солженицын, как и Толстой, «питает особое расположение к военным подвигам: русский человек – настоящий воин, потому что он полностью забывает себя перед лицом смерти» [5, с. 158]. И это – ещё одно свидетельство двойственности, амбивалентности, текучести образа «счастливого человека».

Солженицын, как и в других художественных произведениях рязанского периода, посвящённых проблеме нравственности существующего строя, не прибегает к прямым нравоучениям, действительность рисуется им в двух планах: реалистическом и символическом, при этом символы противостоят реальности. Одним из символических противовесов житейской скудости, аскетизму и беспросветности советской системы является и Максим Чалый, обрисованный автором подобно архетипическому герою плутовского романа, но в то же время напоминающий и фольклорного солдата, способного сварить кашу из топора, и хозяй-

ственного, самодостаточного, независимого Ивана Денисовича Шухова. Если автобиографический герой повести Костоглов – бунтарь (по мнению Р. Темпеста, «...быть может, самый мятежный герой русской литературы... Он не желает находиться в подчинении, будь то у советской власти, блатных в тюрьме или даже лечащих его врачей» [11]), то Чалый умело вписывается в советский социум, оставаясь внутренне свободным в рамках существующего строя.

Библиографический список

1. *Аркатова А.Е.* Чудо духовности Веры Гангарт (о поэтике одного женского персонажа в повести А.С олженицына «Раковый корпус») // Вестник РГУ. – 2013. – № 3. – С. 89–96.
2. *Гаркавенко О.В.* Христианские мотивы в творчестве А.И. Солженицына: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2007. – 18 с.
3. *Дурнов Л.* «Раковый корпус», прочитанный врачом. – М., 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www/vmpr.ru/index/php?option=com_content&view=article&id=113&Itemid=474 (дата обращения: 10.12.2015).
4. *Краснов В.Г.* Солженицын и Достоевский: искусство полифонического романа. – М., 2012. – 202 с.
5. *Нива Ж.* Солженицын. – М.: Худож. лит., 1992. – 191 с.
6. *Сараскина Л.И.* Александр Солженицын. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 922 с.
7. *Сафронов А.В.* «Путь» как жанр и «путь» как судьба (Александр Солженицын и герои «лагерной» прозы) // Наследие А.И. Солженицына в современном культурном пространстве России и зарубежья (к 95-летию со дня рождения писателя): сб. материалов Международной науч.-практ. Конференции (16–17 дек. 2013 г.) / РГУ имени С.А. Есенина. – Рязань: Изд-во «Концепция», 2014. – С. 201–208.
8. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авт.-сост. Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. – М.: Края Москвы, 1992. – 526 с., ил.
9. Слово пробивает себе дорогу: сб. ст. и док. об А.И. Солженицыне, 1962–1974 / сост. В. Глоцер, Е. Чуковская. – М.: Русский путь, 1998. – 387 с.
10. *Солженицын А.И.* Раковый корпус. – М.: Астрель, 2011. – 508 с.
11. *Темпест Р.* Американский Солженицын // Первое сентября. – Литература. – 2008. – 16/30 ноября. – № 22.
12. *Урманов А.В.* Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998–2003). – М.: Русский путь, 2005. – С. 371–384.

Соколова Вера Александровна

Литературный институт имени А.М. Горького (г. Москва)

Российский Православный Университет (г. Москва)

sokolova-vera@yandex.ru

ПОЗДНЯЯ ПОЭЗИЯ ИРИНЫ КНОРРИНГ

(на примере титульного стихотворения «Темнота. Не светят фонари...»)

Статья посвящена поздней поэзии Ирины Кнорринг (1906–1943 гг.), являющейся представителем младшего поколения первой волны русской эмиграции. Для данного периода ее творчества характерен выход из круга личных тем. Подобное явление, несвойственное для ее поэзии в целом и наблюдающееся в основном в позднем периоде творчества, связано с возвращением гражданских мотивов, проявившихся до этого лишь в самом в раннем периоде творчества Кнорринг.

В статье подробно рассматриваются основные образы Кнорринг, используемые автором в поэтическом тексте, и дается их характеристика.

Материалом для исследования послужило стихотворение «Темнота. Не светят фонари...» (1942), относящееся к последним годам жизни автора и представляющее собой характерный пример выхода из круга личных тем. Его анализ показывает такие свойственные творчеству Ирины Кнорринг черты, как интимность и камерность лирики, а также дневниковая манера письма, роднящие ее поэзию с творчеством поэтов «парижской ноты». Важным моментом является возвращение гражданской тематики на фоне вхождения в жизнь Кнорринг Второй мировой войны и усиления многолетней тяжелой болезни.

Таким образом, исследование стихотворения показывает усиливающееся с годами в творчестве Кнорринг внимание к темам войны и смерти, а также свойственное ее поколению в целом ощущение экзистенциального одиночества человека – с одной стороны. С другой же – отмечается в данном произведении проявление гуманистических ценностей. Подобное исследование расширяет взгляд на творчество Кнорринг, демонстрируя неточность мнения о ней исключительно как о поэте личных тем.

Ключевые слова: русская эмиграция, Ирина Кнорринг, «парижская нота», война, смерть, поздний период творчества.

Представитель младшего поколения первой волны русской эмиграции, Ирина Николаевна Кнорринг (1906–1943) оставила свой след в литературе русского зарубежья. Ее творчество ценили и эмигрантские мэтры, такие как Г. Струве, Г. Иванов, Г. Адамович, и А. Ахматова, познакомившаяся с ее стихами в 50-е годы через родственников уже покойной Кнорринг, вернувшихся в СССР. Так, Г. Адамович в рецензии на ее первый сборник отмечал: «У Ирины Кнорринг бесспорно есть поэтическое дарование, видна у нее и хорошая литературная выучка. <...> Самое приятное в стихах Кнорринг – их простота» [1, с. 3]. Г. Иванов писал о стихах Кнорринг, уже подводя итоги ее жизни и творчества: «Кнорринг была не очень сильным, но настоящим поэтом. Ее скромная гордость и требовательная строгость к себе, мало кем оцененные, будут, я думаю, все же со временем вознаграждены. У скромной книжки Кнорринг есть шансы пережить многие более “блестящие” книги ее современников. И возможно, что, когда иные из них будут давно “заслуженно” забыты, – бледноватая прелесть стихов покойной Кнорринг будет все так же дышать тихой, не яркой, но неподдельно-благоуханной поэзией» [3, с. 585–586]. Созвучен этим мнениям и голос А. Ахматовой: «По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно и скучно на Западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой

и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие и честные стихи» [2, с. 247].

Критики выделяют в творчестве Кнорринг такие черты, как дневниковую манеру письма, роднящую ее поэзию с «парижской нотой», естественность, камерность. Главные ее темы: любовь, материнство (это особо подчеркивал Г. Струве в «Русской литературе в изгнании» [8, с. 238]), а также боль об утраченной родине и тяжесть эмигрантского существования.

Именно эти черты и определяют поэзию Кнорринг, создавая уникальную интонацию. Так, Галина Кузнецова подметила, что, по сути, стихи Кнорринг – «это дневник» [4, с. 506]. Действительно, как поэт, Ирина Кнорринг находится в кругу личных тем, а окружающее пропускает через личное восприятие. Ее сын, Игорь Софиев, писал о повседневной эмигрантской жизни, которая превратилась для Кнорринг в «родину»: «Мать знала только Россию своего детства, вернее, она себя в ней ощущала лишь ребенком, психологически еще полностью не сложившимся. И наверное, она была совершенно искренней, когда писала, что для нее родина – это быт эмигранткины. Конечно, в этом слове горькая ирония, горькая насмешка над самой эмиграцией, а может быть, и над самой собой» [7, с. 94].

В словаре Кнорринг образы, связанные с быденной жизнью, подчас приобретают новое значение (будильник – тяжесть жизни; велосипед – временная свобода, отрешение от рутины). О самой себе с долей грусти и разочарования она пишет:

«И вижу я, как жизнь играет, / И несравненно хороша / Моя несложная, пустая, / Обыкновенная душа» [5, с. 58] («Двум Юриям», 1929). Однако именно в этой простоте она и находит красоту. Во многом здесь сказались ее наследование акмеизму, с его вещественным восприятием мира и чуждостью метафизики. Взгляд Кнорринг субъективен и сознательно сосредоточен на простой повседневной жизни. Однако в ее творчестве есть периоды обращения и к социальным темам – это ранний этап творчества, пришедшийся на Гражданскую войну, а также поздний период: время Второй мировой войны и преддверие смерти Кнорринг.

Весьма отчетливо тема войны проявится в стихотворении «Темнота. Не светят фонари...». Это одно из последних ее произведений, написанное в 1942 году. Оно является заключительным в наиболее полном, на данный момент, сборнике Кнорринг «После всего» 1993 года издания. Без сомнения, это одно из лучших произведений Кнорринг, неслучайно оно постоянно включается в различные антологии:

Темнота. Не светят фонари.
Бьют часы железным боем где-то.
Час, еще далекий от зари,
Самый страшный час перед рассветом.

В этот час от боли и тоски
Так мучительно всегда не спится.
Час, когда покорно старики
Умирают в городской больнице.

Час, когда, устав от смутных дел,
Город спит, как зверь настороженный,
А в тюрьме выводят на расстрел
Самых лучших и непримиренных [5, с. 120].

Здесь мы встречаем одни из основных образов поэзии Кнорринг: темноту, боль, тоску. С первых строк они заявлены как ведущие, а не просто создающие атмосферу, с их помощью передается основная идея произведения. «Темнота» – первое слово, с которого начинается стихотворение. Оно выделено как односоставное предложение. Ощущение темноты ещё более усиливается уточнением: «Не светят фонари». Последовательное расположение в одной строке коротких предложений дает ощущение полного отсутствия света и значительно усиливает эффект эмоционального воздействия. Подобное сгущение красок служит для передачи состояния не только окружающего, но и внутреннего мира героини. Ощущение безысходности и неизбежности предельно сжато показано именно в первой строке. В последующем тексте оно будет раскрываться, усиливаясь по мере приближения к заключительным строкам.

Мир, описываемый в произведении Кнорринг, покрыт мраком. Где-то раздаётся бой часов. Чувство неопределенности подчеркивается словом «где-то». Пространство размывается, утрачивает ясные границы. Без сомнения, образ часов как

механизма связан с ощущением напряженности, тягостным предчувствием, с которым так же логически связан образ колокольни, здесь не названный, но подразумеваемый. В ряде предыдущих стихотворений автора (например, «Где-то пробили часы...» [5, с.112], 1940) упоминаются именно колокольные часы, которые вместе с самой колокольней являются символами времени, вечности, неизбежности.

Бой часов характеризуется эпитетом «железный», который толкуется как твердый, жесткий, даже жестокий. Этот эпитет усиливает характеристику образа часов, подчеркивает его использование в качестве напоминания о сроках и неумолимости времени. Все это находится в рамках образной системы Кнорринг и ее мироощущения в целом. Так подразумеваемая колокольня возникает в русле размышлений о смерти, об определенном сроке человеческой жизни. Это естественно, если вспомнить, что рассматриваемое стихотворение – одно из последних в творчестве Кнорринг, которая много лет тяжело болела диабетом. С годами тягостные размышления о собственной кончине в ее поэзии только усиливались.

В следующих строках разбираемого стихотворения слово «час» возникает уже как образ времени: «Час, еще далекий от зари / Самый страшный час перед рассветом». Каждая из форм данного слова в поэзии Кнорринг соответствует своему образу: «час» используется для обозначения временного отрезка, «часы» – это механизм. Однако соединение двух этих образов в последовательных строках создает дополнительный смысл, рождающийся при сцеплении их в единый – механистично-временной – образ, чем особо подчеркивается неизбежность и неотвратимость трагического момента.

Рассмотренные строки наполнены ощущением тягостного ожидания. В них изображаются непроглядный мрак и тоска, владеющие не только героиней, но и всем окружающим миром. Характеристика «самый страшный час» говорит уже не о личном, но об общечеловеческом переживании. Мучительное преодоление мрака, времени «далекого до зари», которое необходимо пережить, заключено в этих словах.

«В этот час от боли и тоски / Так мучительно всегда не спится», – продолжает Кнорринг, демонстрируя соединение боли душевной и телесной, хотя столь прочная связь образов, «боли и тоски», указывает на первостепенность именно душевной боли (здесь слово «боль» должно усиливать состояние тоски). Также мы видим пример расширения чувства: Кнорринг говорит в первую очередь о себе и своих переживаниях, характерных для ее «дневниковой» манеры письма, но одновременно проявляет сопереживание другим людям, передавая их ощущения и эмоции. Это приметы ее поздней лирики, связанные во многом с осмыслением

войны (например, стихотворение «Уверенный, твердый, железный...» [5, с. 118–119], 1942) и способствовавшие ее выходу из круга личных тем. Еще яснее это видно в следующих строках: «Час, когда покорно старики / Умирают в городской больнице». Образ смерти у Кнорринг вещественен и прозаичен, на нем нет и налета мистики, но в своей обыденности (если не привычке, выработанной за долгое время пребывания в больнице) он еще более ужасает. Кнорринг давно свыклась с неизлечимой болезнью. Говоря о стариках и больнице, она косвенно говорит и о себе, описывает и свое будущее. В других стихотворениях, посвященных теме смерти, эти размышления даются прямым текстом, и образ больницы занимает в них особое место («Памяти Жэрмен» [6, с. 47], 1933; «Дотянуть бы еще хоть три месяца...» [6, с. 50], 1940). Характерно и то, что старики у Кнорринг умирают «покорно», во многом – это самохарактеристика. Слово, обычно означающее смирение, в ее собственном словаре имеет негативную коннотацию, поскольку связано с ее ощущением покорности перед смертью, с принятием своей обреченности, то есть – со своеобразным поражением в борьбе. (К слову, именно у Кнорринг в таком понимании покорности нет ничего богоборческого, как может показаться, при всей сложности ее отношений с Богом. Ситуация здесь скорее обратная. Ведь чтобы жить – нужны силы и цели. Чаше всего ее тяготит «проигранность», то есть нереализованность собственной жизни. Претензии выдвигаются к себе, а это – не мятёж.)

Интересен и образ города как живого зверя, чутко дремлющего в этот «страшный» час – «Час, когда, устав от смутных дел, / Город спит, как зверь настороженный». Здесь свойственный ее поэзии образ Парижа приобретает новые черты. Для Кнорринг весьма характерно проецировать на город свои переживания, но теперь мы находим в его описании и характеристике звериное начало. Впрочем, и оно является отражением состояния людей в данный момент, ведь «смутные дела» – общая характеристика военного времени.

Кнорринг рассматривает разные лики смерти: и личную, и чужую, а описание своей тоски и боли дает в соотнесении с общей трагедией. В целом же стихотворение воспекает героев Сопротивления, только раскрывается это лишь в последних строках: «А в тюрьме выводят на расстрел / Самых лучших и непримиренных».

Мы видим упоминания тюрьмы и расстрела в предутренний час, от них веет тем же спокойствием, что и от упоминания смерти стариков в больнице. Подобное превращение ужасного в естественное действует крайне сильно. Стоит отметить, что последняя строка совершенно не соотносится с тем, как был упомянут образ стариков. Те уходили «покорно», на расстрел же выводят «самых лучших и непримиренных». Здесь хочется обратить внимание не только на то, что в последней строке звучит оценка их подвига, но и на то, что слово «непримиренные» дается в противовес многим «покорным», смирившимся, в том числе и самой себе.

В целом мы видим, что в поздней поэзии Ирины Кнорринг главенствует тяжелое сумрачное предощущение смерти. Ощущение безнадежности, свойственное всей поэзии «парижской ноты», у Кнорринг с годами только усиливается, демонстрируя экзистенциальное одиночество человека в окружающем его мире. Однако именно в стихах позднего периода, посвященных военной теме, она выходит за рамки тем личного круга, характеризующих ее поэзию в целом, и обращается к социальной и общественной тематике, в которой хотя бы иногда происходит преодоление разобщенности перед общей бедой. Гуманистическое восприятие, пробивающееся сквозь ее строки, соединено с болью и тоской о человеческой жизни.

Библиографический список

1. *Адамович Г.* Литературные заметки // Последние новости. – 1931. – 30 апреля.
2. *Ахматова А.А.* Сочинения: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1990. – Т. 2. Проза. Переводы. – Изд. 2-е, испр. и доп. – 494 с.
3. *Иванов Г.В.* Собр. соч.: в 3 т. – М.: Согласие, 1993. – Т. 3: Мемуары. Литературная критика. – 720 с.
4. *Кнорринг И.Н.* Повесть из собственной жизни: [дневник]: в 2 т. – М.: Аграф, 2009. – Т. 1. – 608 с.
5. *Кнорринг И.* После всего: Стихи 1920–1942 гг. – Алма-Ата: Вариант, 1993. – 126 с.
6. *Кнорринг И.* После всего: Третья книга стихов (посмертная). – Париж, 1949. – 62 с.
7. *Софиев И.* Монпарнасские сны // Простор. – 1997. – № 2. – С. 93–99.
8. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. – Париж – М.: YMCA-Press; Русский Путь, 1996. – 448 с.

Хриптулова Татьяна Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
Тверской государственной университет
khriptulovatat@rambler.ru

«ЛИЧНОЕ ДЕЛО КАНДИДАТА, НЕ ПОЛУЧИВШЕГО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР В 1987 ГОДУ». АРХИВ Н.И. ТРЯПКИНА В РГАЛИ

Статья посвящена изучению архивных источников РГАЛИ, связанных с жизнью и творчеством Н.И. Тряпкина. Среди материалов – письма, рукописи стихотворений, рецензии и отзывы на поэтические сборники поэта. Приводится фондовый указатель архивных документов Тряпкина.

Судьба Н.И. Тряпкина наложила свою печать и на судьбу его архива: поэт не собирал архив и не дорожил им. Если бы не практическая потребность (издания или переиздания стихов), он бы, возможно, и вовсе ничего не хранил. И хранить было негде: бездомность и безытность были вечными спутниками поэта. Тем не менее, какие-то рукописи не выбрасывались, и архив собирался сам собой. В настоящее время изучение творчества Тряпкина является сложной проблемой с точки зрения текстологии, публикации произведений, которую невозможно решить без привлечения рукописного наследия поэта. На основании изучения сохранившихся источников сведений и источников текстов можно почти полностью восстановить творческий путь Тряпкина. Хранящиеся документы, посвященные разным периодам жизни Н.И. Тряпкина, часто являются единственным источником, который позволяет воспроизвести атмосферу, в которой работал поэт.

Ключевые слова: Н.И. Тряпкин, архив, поэзия, рукопись, письмо, рецензия, отзыв.

Архив Н.И. Тряпкина принадлежит к числу неисследованных и неизданных ранее. Получить полное представление о нём невозможно: большая часть рукописей потеряна (поэт не совсем бережно относился к своим записям). В Старицком районе, где Тряпкин родился и жил до 12 лет, архив подвергся катаклизмам во время Великой Отечественной войны, Лотошинский архив (в пос. Лотошино Московской области семья будущего поэта приехала в 1930 г.) сгорел в 1942 году.

Немногие сохранившиеся рукописи по большей части рассредоточены по частным архивам. Ряд этих материалов хранится у дочери поэта, Павленко Ольги Николаевны, часть – у поэта, литературного критика, главного редактора журнала «Наш современник» С.Ю. Куняева, у которого Тряпкин останавливался, когда приезжал в Москву. В частности, фото рукописи стихотворения Тряпкина «Подражание Экклезиасту» было опубликовано в сборнике «Горящий Водолей» (2003), составителем которого стал сын С.Ю. Куняева. По мнению членов комиссии по творческому наследию Тряпкина у вдовы критика, литературоведа В.В. Кожина сохранилась переписка Н. Тряпкина с В. Кожинным. Таким образом, вопрос комплексного изучения архивного наследия поэта до настоящего времени не решен. Разобшение архивных материалов не позволяет создать ни исчерпывающей библиографии работ Тряпкина, ни подготовить академическое собрание его сочинений.

Материалы, о которых пойдет речь, хранятся в РГАЛИ. Личный фонд поэта насчитывает 33 единицы хранения (см. Приложение). Классифицировать их можно следующим образом:

1. Биография.
2. Стихотворения («День творения», «Человек снует по магазинам», «Как эта стая молодых сквор-

цов...»), «Сколько вьюг прошумело...»), «Хорошо, ребята, быть поэтом...»), «Чу! Колосья ржаные!», «Что это за праздник, за веселье?», «Старт», «Весенние прибаски», «Стихи о Федоре Парфенове», «Сказка»).

3. Поэтические сборники с правкой автора и/или редакторской правкой («Златоуст», «Белый сад», «Гнездо моих отцов», «Жнива», «Скрип моей колыбели», «Огненные ясли»).

4. Ранние редакции стихотворений поэта («Моей москвичке», цикл стихотворений «Гитлер читает Гейне»).

5. Переписка редакции журнала «Москва» с читателями о сборниках стихотворений Тряпкина.

6. Письма Н.И. Тряпкина к М.В. Исаковскому, В.Н. Еременко, Н.В. Лесючевскому, а также письма поэта в комиссию по работе с молодыми авторами, отчеты о творческой поездке в колхозы Московской и Калининской областей, связанной со сбором материала для книги стихов «Первая борозда».

7. Личное дело кандидата, не получившего Государственной премии СССР в 1987 г.

8. Рецензии на поэтические сборники:

а) Р. Наппельбаум «Ласкаю детские поверья земли моей», В. Мильков, В. Цыбин (рецензии на сборник «Жнива»);

б) А. Жигулин (рецензия на сборник «Царская дорога»);

в) В. Тельпугов, А. Жаров, С. Смирнов, Е. Долматовский (рецензии на сборник «Белый сад»);

г) А. Лейтес, С. Смирнов, М.Светлов (рецензии на сборник «Распевы» и поэму «О чем поет ветер»);

д) С. Львов (рецензия на сборник стихов молодых поэтов «Молодая Москва»);

9. Статьи, отзывы, посвященные творчеству поэта (Н. Кассин, А. Турков).

10. Песни, написанные на стихи Тряпкина.

В 1989 году в сборнике «Стихотворения» была опубликована автобиография Тряпкина («О себе»). Поэт пишет о том, что в 1939 году он закончил в Лотошине среднюю школу и стал студентом Московского историко-архивного института. В порядке самодеятельности кропал всякие стишки, писать которые начал еще в пятом классе. Подражал он в этих стишках всем, кто попадался под горячую руку, и прежде всего ходовым тогдашним стихотворцам: Жарову, Безыменскому, Исаковскому [11, с. 4]. Сохранилось письмо, в котором Тряпкин просит Исаковского о встрече:

Михаил Васильевич!

Я очень хотел бы увидеть Вас. Сообщите Вашей прислуге, когда это будет можно. По телефону звонить не могу: заикаюсь. Придется зайти.

Николай Тряпкин [9].

В письме, написанном карандашом, не поставлена дата.

Известно, что Тряпкин приезжает в Москву в 1945 году, встречается с поэтом П.Г. Антокольским и показывает ему свои стихи. Вероятно, Тряпкин также хотел показать свои стихи и Исаковскому. Впоследствии в автобиографии Тряпкина напишет, что он всегда чувствовал поддержку со стороны П.Г. Антокольского и Ф.И. Парфенова (редактора журнала «Октябрь»): «Неизвестно, как бы могла повернуться вся нетвердая судьба моя, если бы не эти два человека» [11, с. 4], не упоминая при этом имени Исаковского. По всей видимости, у автора «Катюши» стихи Тряпкина не получили высокой оценки. Следует отметить и тот факт, что в архиве М.В. Исаковского упоминаний о Н.И. Тряпкине нет.

Что касается Ф. Парфенова, то Тряпкин доверял ему и обращался к нему за помощью. Вот какое письмо поэт написал в 1959 году:

Дорогой Федор Иванович!

Положение моей семьи очень тяжелое. Жена до сих пор на работу не восстановлена, Московский областной суд пересматривать ее дело категорически отказался. И всё потому, что несколько жуликов из района и мособлоно решили во что бы то ни стало «поставить на своем» и не попустились на фальшивые показания. Очень прошу Вас помочь нам распутать эту ложь. Я-то ведь отлично знаю, что человека прогнали с места только потому, что захотели устроить «своего», «ближнего», а заодно и с нами свести какие-то счета, отнять у семьи кусок хлеба. Я уверен, что ради сей благой цели (о самозащите тоже, конечно, подумали) эти люди не попустились не только на клевету, но и на взятку, — денег-то казенных ведь не жалко.

Попросите, пожалуйста, замредактора газеты «Литература и жизнь» тов. Осетрова, чтобы он выслал к нам дельного журналиста, а также хорошо бы из обкома партии затребовать сюда серьезную комиссию. В настоящее время мы на-

ходимся почти без средств к существованию. У нас — ребенок, родители жены и моя мать.

С большим приветом

Николай Тряпкин. 23-XI-59.

P.S. О вашем решении прошу сообщить [10].

О каких судебных тяжбах идет речь — установить пока не удалось. Ясно одно: финансовая история семьи Тряпкина складывалась весьма непросто. Как отмечает В. Бараков в своем исследовании «“Почвенное” направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция» (1998) «открыто сказать правду о российской жизни из-за цензурных рогаток он (Тряпкин — Х.Т.) не имел возможности, говорить языком символов, как Рубцов или Кузнецов, не смог или не захотел, лгать не позволила совесть, поэтому Тряпкин стал писать стихи “в стол”. Это вынужденное молчание, во время которого он жил старым багажом, не публикуя новых стихов, наступило в середине и продолжалось во второй половине 70-х (сборники «Вечерний звон» (1975), «Заповедь» (1976), «Стихотворения» (1977), «Скрип моей колыбели» (1978), «Избранное» (1980) и первой половине 80-х годов («Стихотворения» (1983), «Избранное» (1984), «Огненные ясли» (1985). Все эти книги повторяли друг друга, — поэт зарабатывал на жизнь переизданием ранее написанного (в 50-е, 60-е годы)» [1, с. 166–167].

Необходимо заметить, что к личности поэта и к тому, что Тряпкин переиздавал написанные им ранее стихотворения, некоторые издательства относились неодобрительно:

Директору изд-ва «Советский писатель»

Н. В. Лесючевскому

Уважаемый Николай Васильевич!

В вашем издательстве распространен слух, что якобы в этом году в изд-ве «Современник» вышла книга моих стихов. Никогда я в «Современнике» не издавался и когда буду издаваться — не знаю. Самая последняя моя книга вышла в 1971 году в изд-ве «Московский рабочий» и называется «Гуси-лебеди». Это, конечно, весьма приятно, если о твоих успехах кто-то сочиняет всякие легенды. Но если из-за этих легенд издательство отказывается издавать твою очередную книгу, то лучше, по-моему, до конца прожить в полной безвестности. Ибо такая слава грозит тем, что прославляемый автор может помереть с голоду.

С уважением

Н. Тряпкин

9.-X- 73 [6].

Дело в том, что в 1971 году в издательство «Советский писатель» Тряпкин подает заявку на издание книги своих новых стихотворений «Жнива», а в начале 1973 года поэт передает издательству рукопись. В течение длительного времени шла работа по составлению книги, существовали разногласия по поводу включения тех или иных по-

этических текстов в сборник. И только в декабре 1973 года было принято решение о включении книги Тряпкина в план издания за счет резервных средств издательства.

Отношение читателей к творчеству Тряпкина также было неоднозначным. Вот какое письмо было получено редакцией журнала «Москва» в 1966 году:

Дорогая Редакция!

Сейчас трудно найти человека, безразличного к поэзии. Любовью – и только к ней! – горит мое сердце. Именно поэтому я вынужден побеспокоить Вас своей заметкой, которую, надеюсь, Вы встретите доброжелательно.

В ней нет выводов и сообщений?.. Да. Но я сделал это умышленно: читатель любит сам разжевывать поданную ему пищу.

Она длинна?.. Пожалуй... Но у нас есть выход: сократите её.

Ей не хватает соли и перца?.. – Добавьте.

Нужно подстричь её, облагородить, навить кудряшки?.. – Пожалуйста!.. Я совершенно не возражаю против этого. Но напечатать её, видимо, нужно: нельзя поощрять пустозвонства в поэзии. Это певчие птички могут распевать свои песни с закрытыми глазами. Поэт должен видеть! Поэт должен знать, о чем он поёт и к чему клонит. Поэт обязан слагать свои стихи, раскрыв сердце навстречу жизни...

Не лириканье – а лирика! Вот что нужно читателю!

*С уважением, И.А. Решетов
Ленинград, В-26, 24-я линия,
Д. 19, кв. 15*

«18» января 1966 г. [8].

Критика со стороны читателей, существовавшая в оценках творчества Тряпкина, явилась следствием крайней неоднородности поэзии его, прошедшего сложный и трудный путь идейно-эстетических исканий, путь полный противоречий, разочарований и надежд. Не последнюю роль сыграли здесь поверхностность, а иногда и заведомая предвзятость анализа творчества поэта, одностороннее, часто бездоказательное объяснение как отдельных стихотворений, так и поэтического творчества в целом.

Ответ на письмо был дан старшим редактором отдела критики В. Софроновым от 3 марта 1966 года:

Уважаемый тов. Решетов!

Может быть, остановивший ваше внимание сборник Н. Тряпкина и заслуживает критики, и даже строгой, однако все творчество этого поэта не позволяет говорить о его неудачах в столь разном тоне, которым ведете разговор Вы и который вообще не свойственен духу нашего журнала. Именно поэтому мы и не сможем воспользоваться вашим фельетоном.

С уважением

Ст. редактор отдела критики (В. Софронов) [8].

В редакции журнала «Москва» поэзию Тряпкина ценили, потому что национальна и вместе с тем включает в себя и общечеловеческие черты. В ней видели полное и искреннее выражение чувств человека, любящего свою Родину – и в ее природе, и в основных свойствах русского характера. Недостатков в поэзии Тряпкина было не так уж мало. Строго говоря, он не был взыскательным мастером стиха. Писал, порою поддаваясь минутным, скоропроходящим настроениям – и потому иногда небрежно. Но в лучших своих достижениях он, несомненно, в своей лирике поднимался до классической высоты.

К председателю правления издательства «Советский писатель» В.Н. Еременко сохранились письма и заявления, написанные Тряпкиным. Одно из них посвящено изданию сборника «Царская дорога»:

*Председателю Правления издательства
«Советский писатель»*

тов. Еременко В.Н.

от поэта Николая Тряпкина

Заявление

Прошу Вас заключить со мною договор на книгу новых моих стихотворений, которая называется «Царская дорога». Книга целиком посвящена нашему времени, сложностям нашего современного бытия.

Рукопись в редакцию предоставлена. Рецензия на нее имеется.

Прошу выделить мне объем в размере пяти авторских листов.

С уважением

Николай Тряпкин

21 июня 1982 года [7].

В сентябре 1982 года работа по составлению договора на издание сборника была начата.

В другом письме от 7 февраля 1983 года поэт благодарит Еременко за принятое им положительное решение, связанное с публикацией «Царской дороги»:

Председателю правления изд-ва

«Советский писатель»

тов. Еременко В.Н.

Уважаемый Владимир Николаевич!

Я очень благодарен Вам за то, что Вы вспомнили обо мне и включили книгу моих стихотворений в план издания будущего года. В связи с этим я хочу попросить Вас о такой услуге: предоставьте редактирование моей книги сотруднику вашего издательства Эдуарду Балашову (подчеркнуто Тряпкиным – Х.Т.). Человек он молодой, энергичный, а самое главное – обладает безошибочным вкусом к поэтическим произведениям. Ко всем его замечаниям я буду относиться с полнейшим доверием, и это благотворно отразится на книге.

Прошу, Владимир Николаевич, – не откажите мне в этой просьбе.

С уважением

Н. Тряпкин [7].

Рецензия на сборник «Царская дорога» была написана А. Жигулиным. Известно, что в этот сборник Тряпкин включил «Стихи о Федоре Парфенове»:

Сколько всяких чудес! Сколько длинных прямых коридоров!
Сколько лестниц кругом! И таких непонятных дверей!
– Где работает здесь, где находится Федор Панферов? –
Это я закричал. И давай – все храбрей и сильней <...>

Он глядел на меня – примоложенный, складный, красивый,
И в глазах у него западал васильковый покой.
Угощал меня чаем. Прикармливал хлебом и сливой,
Говорил, что, мол, видишь? Покончили все ж и с войной.

И цвела в моем сердце такая печаль и отрада!
И все было вот тут: и лазурь, и вода, и земля.
И хотелось запеть: «Ничего мне на свете не надо»,
И не сам ли Святитель кропилом махал на меня?

И сойду я в тот мир, где ни снов, ни поэтов, ни хоров,
И зачну там шуметь, и кому-то звонить, и стучать:
– Где работает здесь, где находится Федор Панферов?
Это я вас прошу. А вы будьте любезны сказать <...>

[11, с. 256].

Как отмечает А. Жигулин, «Глубоко трогают воспоминания о Федоре Парфенове – писателе, благословившем когда-то поэта на крестный литературный путь» [7].

Фонды, связанные с биографией Тряпкина [3; 4], а также фонд, в котором хранятся документы, подтверждающие невозможность получения поэтом Государственной премии СССР в 1987 г. [5], закрыты. Из справки, полученной от сотрудников архива, выяснено, что в указанных документах имеются расхождения, а именно: согласно записи в карточке персонального учета члена союза писателей СССР 1982 г., Тряпкин работал в должности счетовода в колхозах в Московской и Архангельской областях в 1941–1943 и 1945 гг., а сотрудником районных газет – в 1941 и 1947–1948 гг. (Ф. 631, Оп. 40, Ед. хр. 937, Л. 7). Согласно личному листку по учету кадров, заполненному поэтом в 1955 г., Тряпкин работал в «Лотошинской районной газете Московской области» (так в тексте – *Х.Т.*) с 1949 по 1950 г. (Ф. 632, Оп. 5, Ед. хр. 364, Л. 2.). Уточнение биографических сведений поможет более подробно рассмотреть вопрос о жизни Тряпкина в эвакуации, о его литературном творчестве в годы Великой Отечественной войны и в послевоенном времени.

В 2005 году выходит книга В. Бондаренко «Последние поэты империи», в которой исследователь пишет о жизни и творчестве Тряпкина. Обращает на себя внимание тот факт, о котором пишет Бондаренко: на один из последних съездов советских писателей Тряпкина не пригласили, «не тот оказался уровень значимости у талантливейшего национального поэта» [2, с. 34]. В знак протеста поэт Юрий Кузнецов, попавший в список приглашенных на съезд, считавший Тряпкина последним рус-

ским поэтом, отказался от участия в съезде в пользу Тряпкина. В результате на съезд не попали ни тот, ни другой...

Тряпкин всегда был отверженным поэтом, потому что не раз критиковал существующий политический строй, не вступал в партию, предпочитал лирическое, эстетическое сопротивление любому официальному режиму. Его «вольная» поэзия не укладывалась в канонические православные и патристические уставы. И в сталинские, и в брежневские годы надо было обладать и смелостью, и дерзостью, и мужеством, чтобы написать такие стихотворения, как «Все становится горстью простого дерьма или пыли...» (1961), «Первая песня о районном кляузнике» (1962), «Как людей убивают?» (1965), «А на земле мазурики...» (1966), «И снова пьют, бьют и падают в ухабе...» (1971), «Закрывая Библию» (1972), «Автограф» (1981), «Дураку недаром лестно...» (1981), «Гласом царя Давида...» (1982), «Как научились воровать!» (1982), «Поэзия и ложь» (1982). Все это и послужило поводом для того, чтобы не присуждать поэту Государственную премию СССР в 1987 году.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фондовый указатель архивных материалов, связанных с жизнью и творчеством

Н.И. Тряпкина

1. Авторское дело Тряпкина Н.И. «Златоуст». Стихи // РГАЛИ. – Ф. 613. – Оп. 10. – Д. 1711. – Л. 1–44.
2. Тряпкин Н.И. «Златоуст». Избранные стихи // РГАЛИ. – Ф. 613. – Оп. 10. – Д. 3169. – Л. 1–235.
3. Тряпкин Н.И. «День творения», «Человек снует по магазинам». Стихотворения // РГАЛИ. – Ф. 619. – Оп. 4. – Д. 586. – Л. 1–2.
4. Тряпкин Н.И. «Как эта стая молодых скворцов», «Сколько вьюг прошумело...», «Хорошо, ребята, быть поэтом...». Стихи // РГАЛИ. – Ф. 622. – Оп. 4. – Д. 119. – Л. 1–3.
5. Тряпкин Н.И. «Чу! Колосья ржаные!», «Что это за праздник, за веселье?». Стихи // РГАЛИ. – Ф. 622. – Оп. 4. – Д. 455. – Л. 1–6.
6. Тряпкин Н.И. Заявление в комиссию по работе с молодыми авторами о предоставлении творческой командировки в колхозы Московской и Калининской областей для работы над сборником стихов // РГАЛИ. – Ф. 631. – Оп. 15. – Д. 1168. СП СССР. – Л. 7.
7. Тряпкин Н.И. Отчет о творческой командировке в колхозы Московской и Калининской областей для работы над сборником стихов «Первая борозда» // РГАЛИ. – Ф. 631. – Оп. 15. – Д. 1059. – Л. 177.
8. Тряпкин Николай Иванович, 1918 г. р., поэт // РГАЛИ. – Ф. 631. – Оп. 40. – Д. 937. – Л. 1, 3, 7, 32, 60.
9. Личное дело: Тряпкин Николай Иванович, 1918 // РГАЛИ. – Ф. 632. – Оп. 5. – Д. 364. – Л. 2 об.

10. Тряпкин Н.И. Кассин Николай. «О стихах Николая Тряпкина» Статья. Кон. 1940 – нач. 1950-х гг. – Ф. 634. – Оп. 3. – Ед. хр. 255. – Л. 132–133.
11. Тряпкин Н.И. Редакция «Литературной газеты». «Моей москвичке». Стихотворение кон. 1940 – нач. 1950-х гг. // РГАЛИ. – Ф. 634. – Оп. 3. – Д. 285. – Л. 132–133.
12. Тряпкин Н.И. Турков А.М. Отзыв о сборнике стихов Н. Тряпкина «Первая борозда». Машинопись с правкой // РГАЛИ. – Ф. 634. – Оп. 3. – Д. 285. 1953. – Л. 171–174.
13. Письмо Н.И. Тряпкина Ф.И. Парфенову // РГАЛИ. – Ф. 1128. – Оп. 2 – Д. 404. – Л. 1.
14. Тряпкин Н.И. «Белый сад». Стихи. Рецензенты: Тельпугов В.П., Жаров А.А., Смирнов С.В., Долматовский Е.А. // РГАЛИ. – Ф. 1234. – О. 17. – Д. 975. – Л. 1–28.
15. Тряпкин Н.И. «Распевы», «О чем поет ветер». Стихи и поэма. Рецензенты: Лейтес А.М., Смирнов С.В., Светлов М.А. // РГАЛИ. – Ф. 1234. – Оп. 19. – Д. 2073. – Л. 1–21.
16. Тряпкин Н.И. «Гнездо моих отцов». Стихи // РГАЛИ. – Ф. 1234. – Оп. 20. – Д. 1741. – Л. 1–16.
17. Тряпкин Н.И. «Жнива». Стихи // РГАЛИ. – Ф. 1234. – Оп. 21. – Д. 1344. – Л. 1–15.
18. Тряпкин Н.И. «Скрип моей колыбели». Стихи [переиздание] // РГАЛИ. – Ф. 1234. – Оп. 22. – Д. 1346. – Л. 1–27.
19. Тряпкин Н.И. «Огненные ясли», «Царская дорога». Стихи // РГАЛИ. – Ф. 1234. – Оп. 23. – Д. 1524. – Л. 1–9.
20. Тряпкин Н.И. Письмо Исаковскому М.В. // РГАЛИ. – Ф. 1373. – Оп. 7. – Д. 54. – Л. 1.
21. Редакция газеты «Литература и жизнь». Тряпкин Н.И. «Старт», «Весенние прибаски». Стихотворения 1959. Авторская машинопись // РГАЛИ. – Ф. 1572. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 153–173.
22. Тряпкин Н.И. Отзыв о сборнике стихов «Распевы». Тряпкина. Рукопись // РГАЛИ. – Ф. 1572. – Оп. 1. – Д. 97. – Л. 33–35.
23. Тряпкин Н.И. Цикл стихотворений «Гитлер читает Гейне» // РГАЛИ. – Ф. 1702. – Оп. 2. – Д. 728. – Л. 1–9.
24. Тряпкин Н.И. Львов Сергей Львович. «Стихи о Москве» Рецензия на сборник стихов молодых поэтов «Молодая Москва» и др. Вырезка из газеты 1947 г. // РГАЛИ. – Ф. 2289. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 8, 18, 29.
25. Фотография Тряпкина Николая Ивановича // РГАЛИ. – Ф. 2855. – Оп. 1. – Д. 868. – Л. 1.
26. Тряпкин Н.И. Личное дело кандидата, не получившего Государственной премии СССР 1987 г. и документы к нему. Книга «Стихотворения» // РГАЛИ. – Ф. 2916. – Оп. 4. – Д. 501. – Л. 4, 30 об.
27. Тряпкин Н.И. Редакция журнала «Москва». «Все исправим в должном виде...», «У всех мальчишек ножкики...». Стихотворения с письмом в редакцию // РГАЛИ. – Ф. 2931. – Оп. 1. – Д. 867. – Л. 34–38.
28. Тряпкин Н.И. Редакция журнала «Москва». Переписка редакции журнала с читателем о сборнике стихов Н.И. Тряпкина // РГАЛИ. – Ф. 2931. – Оп. 2. – Д. 9. – Л. 97–98.
29. Тряпкин Н.И. Редакция журнала «Москва». Переписка редакции журнала с читателем о сборнике стихов Н.И. Тряпкина // РГАЛИ. – Ф. 2931. – Оп. 2. – Д. 12. – Л. 1–88.
30. Тряпкин Н.И. «Стихи о Федоре Парфенове», «Сказка» // РГАЛИ. – Ф. 2931. – Оп. 3. – Д. 604. – Л. 1–1 а.
31. Галахов О. «Гулянье». Цикл из 5 песен для меццо-сопрано и голоса в народной манере с фортепиано. Стихи Н.Тряпкина. Приложены тексты песен // РГАЛИ. – Ф. 3192. – Оп. 15. – Д. 204. – Л. 31–33.
32. Тряпкин Н.И. «Жнива». «Ласкаю детские поверья земли моей...». – М.: Сов. писатель, 1974. Рецензия Машинопись. 1974. // РГАЛИ. – Ф. 3113. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 1–4.
33. Министерство культуры РФ. Тряпкин Н.И. «Сколько милая любила...». Песня. Рукопись // РГАЛИ. – Ф. 3192. – Оп. 15. – Д. 309. – Л. 22–25.

Библиографический список

1. Барakov В.Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: Типология и эволюция»: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1998. – 470 с.
2. Бондаренко В.Г. Отверженный поэт // Бондаренко В.Г. Последние поэты империи. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 667 с.
3. Тряпкин Н.И., 1918 г.р., поэт // РГАЛИ. – Ф. 631. – Оп. 40. – Д. 937. – Л. 1, 3, 7, 32, 60.
4. Тряпкин Н.И. Личное дело // РГАЛИ. – Ф. 632. – Оп. 5. – Д. 364. – Л. 2 об.
5. Личное дело кандидата, не получившего Государственной премии СССР 1987 г. и документы к нему. Тряпкин Н.И. Книга «Стихотворения» // РГАЛИ. – Ф. 2916. – Оп. 4. – Д. 501. – Л. 4, 30 об.
6. Тряпкин Н.И. «Жнива». Стихи. // РГАЛИ. – Ф. 1234. – Оп. 21. – Д. 1344. – Л. 1–15.
7. Тряпкин Н.И. «Огненные ясли», «Царская дорога». Стихи. // РГАЛИ. – Ф. 1234. – Оп. 23. – Д. 1524. – Л. 1–9.
8. Тряпкин Н.И. Переписка редакции журнала с читателем о сборнике стихов Н.И. Тряпкина. Редакция журнала «Москва» // РГАЛИ. – Ф. 2931. – Оп. 2. – Д. 9. – Л. 97–98.
9. Тряпкин Н.И. Письмо Исаковскому М.В. // РГАЛИ. – Ф. 1373. – Оп. 7. – Д. 54. – Л. 1.
10. Тряпкин Н.И. Письмо Парфенову Ф.И. // РГАЛИ. – Ф. 1128. – Оп. 2. – Д. 404. – Л. 1.
11. Тряпкин Н.И. Стихотворения. – М.: Худ. лит-ра, 1989. – 431 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭТИКИ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА А.В. ШИРЯЕВЦА «ПОМИНАЛЬНИК»

В статье рассматриваются особенности поэтики цикла стихотворений А.В. Ширяевца «Поминальник». Раскрывается сущность творческого замысла поэта: собрать несколько стихотворений в одно «сверхжанровое единство».

В работе доказывается, что «Поминальник» является циклическим образованием, собранным автором из стихотворений разных периодов, но, несмотря на это, обнаруживающих идейно-тематическую, мотивную общность. В статье указывается, что художественная целостность поддерживается и структурой цикла: единое название, эпиграф, предисловие. В исследовании выявляются исторические и автобиографические истоки лирического сюжета цикла «Поминальник», обеспечивающие смысловое единство произведения.

В статье характеризуются факторы и принципы циклообразования, использованные поэтом: повторяющиеся и варьирующиеся мотивы, определяющие художественную систему «Поминальника» (лейтмотив «кухона», образы русской природы), а также специфические лексические и синтаксические средства. Особое внимание автор статьи обращает на антитезу как на основной художественный приём, на основе которого построено лирическое повествование (противопоставление деревенского и городского мира, настоящего и прошлого).

В работе подчёркивается, что автopsихологическая природа лирических переживаний в цикле сочетается с масштабными художественными обобщениями: поэту удаётся передать трагедию крестьянской России начала XX века. В статье делается вывод о том, что цикл А.В. Ширяевца «Поминальник» органически вписывается в контекст духовных и художественных исканий новокрестьянской поэзии в целом.

Ключевые слова: А.В. Ширяевец, «Поминальник», цикл, циклизация, факторы циклизации.

В плеяде новокрестьянских поэтов А.В. Ширяевец занимает одно из значительных мест. Однако его лирика реже обращает на себя внимание учёных-литературоведов, нежели поэзия таких авторов-новокрестьян, как, например, С.А. Есенин или Н.А. Клюев. Тем не менее в последнее десятилетие растёт количество научных работ, посвящённых исследованию творческого наследия А.В. Ширяевца. Это обусловлено, в частности, тем, что сейчас активно публикуются его произведения, ранее недоступные широкому читателю. Так, в 2007 году вышла в свет книга А.В. Ширяевца «Песни волжского соловья», в которой, по словам автора «Предисловия» С.И. Субботина, «был существенно расширен (по сравнению с предшествующими изданиями) корпус произведений поэта» [6, с. 5]. В предложенной статье мы попытаемся рассмотреть особенности поэтики лирического цикла А.В. Ширяевца «Поминальник», который в упомянутой книге, как указывают её составители, «наконец-то печатается целиком» [6, с. 5].

Стремление объединять отдельные произведения в некое художественное целое – типичная черта русского литературного процесса рубежа веков. Поэтому лирические циклы в поэзии А.В. Ширяевца, как и в творчестве других новокрестьянских поэтов, занимают значительное место. В сборниках стихотворений поэта, изданных ранее 2007 года, цикл «Поминальник» был представлен фрагментарно, и произведения печатались под общим заглавием «Из цикла “Поминальник”» [7]. Композиция данного лирического единства – сложная, многоуровневая: некоторые произведения представляют собой своего рода маленькие подциклы, имеющие общее название. Данное отличие от традиционно-

го варианта группировки отдельных произведений в циклическое единство даёт возможность исследователям называть «Поминальник» книгой-циклом, то есть более широкой циклической формой. (Так, например, его определяет С.И. Субботин [6, с. 5].)

А.В. Ширяевец, задумывая данное произведение, подобрал к нему эпиграф: «Жизнь пережить – не поле перейти». Поэт также написал предисловие, в котором, как он сам оговорился: «<...> автор этих строк разбивает свою жизнь на периоды» [6, с. 93]. Эпиграф и предисловие цикла дают возможность судить об автобиографической основе лирического повествования. Заглавие произведения, занимающее сильную позицию текста, предваряет сюжетную канву произведения. Сама лексема «поминальник», наряду с основным своим значением, содержит в себе отрицательную коннотацию, ассоциацию с поминовением усопшего, уходом из жизни. Таким образом, эмотивное наполнение заглавия цикла в какой-то степени задаёт тон повествованию. Лексема, выведенная в заглавие цикла, образована от глагола «помянуть», что значит «помнить, упомянуть в разговоре...» [3, с. 514]. Как отмечено в словаре С.И. Ожегова, «у верующих: помолиться о здоровье живого (о здравии) или об упокоении умершего (за упокой)» [3, с. 514]. Многоплановость, неоднозначность заглавия находит своё отражение и в содержании цикла. Произведение наполнено воспоминаниями лирического героя, связанными с конкретными людьми, как ушедшими в мир иной, так и живущими. В цикле соединяется ностальгия по прошлому, которого уже не вернуть, и взгляд на настоящее. Таким образом, обозначается художественная параллель: «живое» – «мёртвое», заложенная уже в заглавии цикла. Та же идея прослеживается в способе напи-

сания предисловия. В итоге своеобразная «встреча» настоящего и прошедшего, жизни и смерти, рождает противопоставление, на основе которого построено лирическое повествование.

Циклический характер «Поминальника» подерживается композицией произведения. Сюжет цикла имеет автобиографическую природу. «Поминальник», с большой долей уверенности, можно назвать циклом-воспоминанием. Достаточно вычленимая сюжетная линия произведения прерывается рассказами об односельчанах, друзьях, любимых девушках. Возникают образы отца, деда, матери, соседских старух, гармонично входящие в общую сюжетную ткань произведения.

Лирический цикл начинается со стихотворений о школе, как о некоем символе начала жизненного пути (там герой обретает друзей, первый раз влюбляется). Затем в произведении говорится об учёбе в городском училище, поступлении на работу, путешествиях, пребывании в Петербурге и в Азии – обо всех тех жизненных этапах, которые описаны автором в предисловии к «Поминальнику». На протяжении всего циклического единства лирический герой обращается к своему настоящему, которое не кажется ему столь безмятежным и радостным, как прошлое. Таким образом, сквозным мотивом цикла становится мотив сожаления об ушедших годах. В словах лирического героя, обращённых к воспоминаниям, звучит неподдельная радость, оттого что память возвращает его к дорогому и любимому, но в то же время в них есть и грусть о том, чего уже не вернуть:

Наклейка есть на ней такая:
«Китайский чай...» Давно он выпит весь,
Обёртка мыла чуть благоухает,
Но детство дышит, на страницах – здесь!..
(«Первая записная книжка») [4, с. 102].

О памятных годах юности лирическому герою напоминают тонкие запахи (обёртка мыла), предметы из прошлого (свидетельство об окончании школы, пожелтевшая фотография бабушки). Однако зачастую в роли субъекта, порождающего воспоминания, в цикле выступает природа. С.А. Есенин в одном из своих писем другу назвал А.В. Ширяевца «Баюном Жигулей и Волги» [1, с. 93]. И до сих пор эта характеристика заслуженно сопровождает имя поэта в газетных статьях, научных работах, подчёркивая тем самым его безграничную любовь к русской природе. Повторяющиеся пейзажные образы, несомненно, выполняют в лирическом единстве одну из главных художественных функций. Созерцание природы родного края, запечатлевшейся в сознании лирического субъекта, рождает те воспоминания, которые не хочется потерять:

Священный дуб махнёт, как невзначай,
Берёзка с лаской закивает снова...
– Эх, Бинарадка старая, прощай!
Смотри, не угашай костров былого!..
(«Старая Бинарадка», 1894–1897) [6, с. 103].

Всплывающие в памяти картины природы помогают лирическому герою, согревают его душу в холодной повседневной жизни:

Мы к лесу жались – подружился с ним!
И до сих пор одна берёзка светит
Корой чудесно-белой в сумрак дней...
(«Старая Бинарадка») [Там же].

Более того, лирический субъект сравнивает человека с природой: «<...> Люблю в глаза зелёные смотреть – / Лесное в них, певуче-водяное...» («Столовки», 1915) [6, с. 114]. Он даже отождествляет с природой самого себя: «<...> – В леса! К реке! И неть, и неть, и неть! / Сгореть смолистою сосною!..» («Столовки», 1915) [6, с. 114].

Поэтизация русской природы является устойчивой характеристикой как поэзии А.В. Ширяевца, так и творчества новокрестьян в целом. Повторяющиеся и варьирующиеся природные образы в лирических единствах этих авторов выступают в качестве одной из основных художественных скреп. Среди циклообразующих приёмов произведения, помимо повторов и вариаций, также можно назвать антитезу. Так, в исследуемом цикле отчётливо прослеживается противопоставление прошлого и настоящего, рождающее мотив сожаления об ушедших годах. Цикл создаётся А.В. Ширяевцем в 1922 году. В то время страна перенесла множество потрясений, которые не могли не повлиять на мировоззрение поэта. В своей автобиографии он также пишет о личной трагедии, произошедшей в 1922 году: А.В. Ширяевец потерял мать, «которой очень многим обязан» [6, с. 94]. Стихотворения, наполненные созерцанием деревенского детства, отличаются от тех, которые посвящены описанию городской жизни. В них встречаются сходные с есенинскими «кабацкие» мотивы, спокойная интонация меняется на надрывную:

В местах сих зланных не был я ни разу...
Бунтует плоть... «Казёнки» я хватил
И вот воркую с проституткой Азой,
Похабной харе отдал первый пыл.

Воняло потом, скверным «деколоном»,
О пиве сиплый голос повторял...
(«Публичный дом») [6, с. 108].

Следует обратить внимание на то, как трансформировалась словесная ткань стихотворений. Говоря о городе, лирический герой в изобилии использует сниженную лексику («харя», «воняло», «бабёнка», «выпивка» и пр.), отрицательно-оценочные эпитеты («похабная», «сиплый», «дико» и пр.). Уже сами заглавия этих стихотворений, собранные главным образом в подцикле «Петербург», предваряют их эмотивное наполнение: «Публичный дом», «Попойка», «Столовки» и т. д. Здесь выражено глубокое неприятие лирическим героем городской жизни и своего окружения:

– Ах, лучше быть бы мне в глубоком трансе
И лучше бы не видеть вас!
(«Братья-писатели», 1915) [6, с. 113].

В данном подцикле А.В. Ширяевец также обращается к теме миссии поэта, о которой рассуждает и в других стихотворениях «Поминальника». Лирический герой говорит о том, что поэт должен «<...> *петь, и петь и петь!*» [4, с. 114], что он навеки обречён творить, поскольку как бы находится в плену у своего поэтического дара. Т.К. Савченко проводит параллель между творчеством Есенина и Ширяевца и подчеркивает, что «автор обращается к теме назначения поэта, прибегая к неожиданному сопоставлению <...> своей поэзии с творчеством крепостных мастеров» [5, с. 92]:

А я – торгую песенным товаром,
А я у песен тоже крепостной!

(«Дед и я») [6, с. 117].

Таким образом, лирический герой «Поминальника» противопоставляет себя столичным поэтам, ранее представлявшим ему «пророками», избранными людьми. И теперь уже в реальном времени, созерцая образ жизни и условия их творчества, лирический субъект осуждает обманувших его ожидания авторов:

Алкал услышать вещи я речи,
Чуть не пророков чаю я узреть,
Ну и пророки! Ой, до них – далече!
Не золото чеканить им, а медь...

Так и гудело: «выпивка», «авансы»,
«Заказы» на стихи, роман, рассказ...

(«Братья-писатели», 1915) [4, с. 113].

Лирический герой советует «братьям по перу» черпать вдохновение не в кабаках, а в жизни русской глубинки. Он скорее назовет поэтом своего дядю-охотника, чем тех людей, которых повстречал в Петербурге:

«Люблю с ружьём я по лесу бродить,
И в поле радостно, с весенним цветом...
Всё некогда...» Эх, дядя, стало быть,
И ты немного был в душе поэтом!

(«Дядя») [6, с. 116]

Сам он говорит о себе, что никогда не откажется от своей любви ко всему исконному, русскому, живому. Этой идеей пронизан не только рассматриваемый нами цикл, но и всё творчество А.В. Ширяевца в целом. Он заявляет: «<...> *Дышу всем тем, чем Русь издревле дышит...*» («Портрет мой», 1922) [6, с. 117].

В стихотворении «Азия» звучит мотив отчуждения лирического героя от Востока, очарование которого поэт воспевал ранее: «<...>– *На кой мне чёрт халаты Туркестана! – / Люблю, пою я Волжскую весну!*» («Азия») [6, с. 108]. Исследованию восточной тематики в произведениях А.В. Ширяевца посвящен один из разделов работы Т.К. Савченко. В нём содержится весьма интересное наблюдение: «<...> только однажды он (Ширяевец. – А.А.) обратится к нему (Туркестану. – А.А.) на “ты”, во 2-м лице... Подобное обращение – характернейшее свойство лирики поэта, о Волге, Жигулях, России Ширяевец никогда не напишет

в 3-м лице» [5, с. 109]. Тема неискоренимой любви к родному краю, к деревне особенно отчётливо звучит в последнем стихотворении цикла, являющемся неким гимном малой родине и землякам. Лирический герой даёт своеобразную клятву быть верным родной земле.

Исчезновение староукладной деревни, традиций русского крестьянства тревожит душу лирического героя. В 1917 году А.В. Ширяевец пишет В.Ф. Ходасевичу: «Отлично знаю, что такого народа, о каком поют Клюев, Клычков, Есенин и я, скоро не будет, но не потому ли он и так дорог нам, что его скоро не будет?.. <...> Ведь не так и легко расстаться с тем, чем мы жили несколько веков...» [4, с. 64]. Мотив сожаления о «Руси уходящей» является одним из лейтмотивов «Поминальника» и играет в нём циклообразующую роль. Следует отметить, что появление антитезы «Русь деревенская – Русь советская» является устойчивой характеристикой позднего творчества поэтов-новокрестьян, которых А.В. Ширяевец упомянул в своём письме В.Ф. Ходасевичу.

Примечательно, что уходящая деревенская Русь ассоциируется у лирического героя «Поминальника» с состарившейся матерью, считающей свои последние дни:

Всё глубже, шире расплески морщин,
Страшнее зов последнего удела...
В глазах всё больше грусти...

(«Мать») [6, с. 99].

Образы стареющих и уходящих из жизни родственников, соседей, друзей, которых упоминает лирический герой, символизируют смерть прежней деревни. Воспоминания о людях, умерших или до неузнаваемости изменившихся со временем, перерастают в сожаление о прожитых годах, о «Руси уходящей». Данная метафора поддерживается и тем, что лирический герой также говорит о новых явлениях жизни, привнесённых в деревенский быт преобразованиями в стране. Нововведения (электричество, граммофон и пр.) не делают существование деревни лучше, а, наоборот, убивают её, отрывают исконное от собственных корней. Индустриализация не приносит радости стареющей матери, посягая на духовные корни деревни, а значит, и самой России:

Теперь горит «лектричество», увы –
Кровь древнюю оно не обогреет...
Всё ниже склоны милой головы,
Всё чаще волосы седеют и редеют...

(«Мать») [6, с. 99].

Технические открытия эпохи связываются в сознании лирического героя с «новыми людьми» («<...> *Всё те же чары у родной реки... / Лишь рядом граммофон горланит быстро, / И новые орали пареньки...*» («На родине», 1915) [6, с. 109]). Поэт не случайно делает иронический акцент на эпитете «новые»: лирический субъект как бы вписывает себя в ряды людей старого деревенского склада,

обречённого на искоренение, и обособляет себя от «новых пареньков». Собственные мысли о человеке прошлого, которому автор отдаёт своё предпочтение, выраженные в уже упомянутом нами письме В.Ф. Ходасевичу, А.В. Ширяевец вкладывает в уста своего лирического героя. Именно поэтому стихотворения, содержащие образы конкретных деревенских жителей, наполнены трагическим ощущением угасания прежнего крестьянского уклада жизни.

Как видно, цикл «Поминальник» оказывается своеобразным художественным откликом на события, происходящие в жизни России начала XX века. Однако, несмотря на то что «Поминальник» имеет ярко выраженную автобиографическую основу, его содержание масштабней и выходит за рамки судьбы отдельной личности. Стоит согласиться с А.И. Михайловым, который отметил, что в цикле «Поминальник» «<...> Ширяевец попытался запечатлеть мир прошлого, народную судьбу» [2, с. 725]. Мир прошлого, как мир деревенский, уходящий, и мир настоящего, городской, вступающий в свои права, – основное противопоставление, прослеживающееся в циклическом единстве. Однако следует подчеркнуть, что лирический герой хоть и предчувствует кончину староукладной Руси, но всё же не верит в полное искоренение и забвение прошлого. В цикле неоднократно происходит своеобразная встреча «живого» и «мёртвого», отражающаяся в «переплетении» воспоминаний лирического героя о прошлом и его созерцания настоящей жизни. Главным символом соприкосновения двух временных пластов становится образ сельского кладбища. Находясь там, лирический герой чувствует свою тесную связь с событиями прожитых лет. Именно на деревенском погосте он понимает, что всё ушедшее является живым. Лирический герой чувствует присутствие родных людей, умерших, но оказавшихся его вечными спутниками на этом свете. В стихотворении «Весть» звучит мотив «вечной жизни», духовной связи с предками:

– Не этот ли? ...Но вот свинцовой гирей
Вдруг ноги наливаются... – Здесь... Здесь!..
– Нет, не один я, не один я в мире! –
Отец из гроба Саньке подал весть!..

(«Весть», 1915) [6, с. 112].

Жизнь крестьянства раскрыта в цикле через описание народного труда. А.В. Ширяевец в «Поминальнике» обращается к образу бурлаков. Е.Г. Койнова пишет о том, что на родине поэта (в селе Ширяево) часто останавливались бурлаки. Исследователь называет бурлаков «символом воплощения русского народного характера» [6, с. 8]. Лирический герой восторгается дружелюбием и добрым отношением бурлаков-волгарей к жителям села. В то же время он подчёркивает, что бурлаки измождены от тяжёлой работы:

Ведь каждый друг мне был, и друг какой!
То сказку скажет, то поёт мне что-то,

(Был малышом: не смыслил ни аза!)
Начнут грузить – кипит в руках работа!
Но отчего у всех грустны глаза?

(«Бурлаки») [6, с. 100].

Интонации, присущие стихотворению «Бурлаки», говорят о неподдельном восхищении лирического героя простыми деревенскими тружениками. Он называет их друзьями, тем самым обнаруживая «глубинное родство с ними» [6, с. 8]. Труд бурлаков в цикле противопоставляется труду городских рабочих («Бумаго-красильная фабрика»). В этом стихотворении уже нет того пронзительного лиризма, который присущ повествованию о волжских бурлаках:

Есть нечего! И вот ярмо труда
Рабочего несу я ошалело...

«Десятка» в месяц «жалованья» мне,
Машинный лязг, обида за обидой...
Заняли руки, тягота в спине...

(«Бумаго-красильная фабрика») [4, с. 105].

В трудовых буднях чернорабочего городского фабричного производства нет места проявлению простых человеческих чувств, как нет места душевной песне бурлаков среди машинного лязга и обид.

Любовь к людям «прежним», ко всему исконному находит своё художественное воплощение и в словесной ткани «Поминальника». Значимым циклообразующим фактором является употребление диалектной лексики, представленной в основном группой фонетических диалектизмов («аблакаты», «лектричество», «деколон», «бекет», «спинжак» и пр.). Также автор подчёркивает особенность произношения имён собственных («Ляксандр Василич», «Василь Иваныч») и тем самым стремится достоверно передать говор своих односельчан, создать картину, максимально приближенную к реальности. Примечательно, что взросление лирического героя символично отмечено трансформацией сокращённого имени «Санька» в полную форму «Александр» (так же его возлюбленная «Дунька» становится «Авдотьей»):

Она теперь – Авдотья. Жизнь – улитки...
Я – Александр... Не вспыхнет Тамерлан!..

(«Царапина») [6, с. 101].

В конечном итоге лирический герой отдаёт своё предпочтение именам сокращённым. Они являются неким символом объединения сельчан, живущих как одна большая семья, передают атмосферу дружелюбия, доверия, духовной близости:

Не на стружке – куда уж там! – В вагоне,
Хоть с лошадьми, но лишь туда, туда,
Где Дуньки, Фроськи, Спирьки и Афони,
Где под гармонь запляшет и Беда!..

(«Землякам») [6, с. 118].

Цикл «Поминальник» отличается особенностями авторского синтаксиса, который также выступает в произведении как интегрирующее начало. Так, поэт передаёт паузы в речи лирических героев,

регулярно используя постановку тире, многоточия. Многоточия, как правило, являются показателями обрывистости фраз, что сигнализирует о недосказанности, о том, что воспоминания невозможно выстроить в логическое повествование. Действительно, один памятный момент в сознании лирического героя вклинивается в рассказ о другом, на воспоминания наслаиваются неожиданные ассоциации, приходящие в момент речи, и пр. Недосказанность в речи как повествователя, так и лирических героев также постоянно поддерживается большим количеством назывных и неполных предложений.

Таким образом, в цикле «Поминальник» художественно переосмыслены факты биографии А.В. Ширяевца. Но в то же время это произведение стало своеобразным гимном малой родине, авторским манифестом, провозглашающим верность по-эта родной земле, деревенскому прошлому.

«Поминальник» по праву может называться циклом. Это доказывают композиционные особенности произведения и другие факторы, обеспечивающие смысловую интеграцию отдельных стихотворений в лирическое целое.

Структура произведения, отличная от композиции традиционного циклического образования, мотивирована масштабами авторского замысла: вспомнить и постичь смысл собственной жизни.

Примечательно, что наряду с повторами и вариациями, выполняющими интегрирующую роль, приёмом циклизации в «Поминальнике» оказывается и антитеза. Она выступает в произведении в качестве основной художественной скрепы, позволяющей создать смысловые переключки, взаимосвязь и взаимопроникновение отдельных стихотворений лирического единства. Всё повествование пронизано противопоставлением настоящего и прошлого. Анализ данных противопоставлений представил возможным приблизиться к авторской идее объединения нескольких стихотворений в единое целое.

Цикличность композиции (лирическое повествование отражает основные этапы жизни, описанные автором в предисловии) также подчёркивается структурообразующими факторами. Качественно новый смысл, не выводимый из значений отдельных произведений, рождается за счёт общности мотивов (центральным является мотив сожаления об ушедшем прошлом), тональности произведений. Большую роль в создании лирического единства сыграли специфические повторяющиеся лексические средства (обилие диалектизмов, стремление передать особенности говора односельчан) и постоянно используемые синтаксические особенности (авторская пунктуация, обилие назывных и неполных предложений, обрывистость фраз).

Библиографический список

1. *Есенин С.А.* Полн. собр. соч.: в 7 т. / сост., подг. текстов и ком. С.И. Субботина, А.Н. Захарова, С.П. Кошечкина и др. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – Т. 6. – 816 с.
2. *Михайлов А.И.* Ширяевец // Русская литература XX века. Прозаики. Поэты. Драматурги: биобиблиографический словарь: в 3 т. / под ред. Н.Н. Скатова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Т. 3. – С. 723–726.
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1975. – 846 с.
4. Русское зарубежье о Сергее Есенине / сост., вступ. ст., коммент., указ. имён Н. Шубниковой-Гусевой. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – 544 с.
5. *Савченко Т.К.* Есенин и русская литература XX века: влияния и взаимовлияния, литературно-творческие связи. – М.: Русский Мирь, 2014. – 560 с.
6. *Ширяевец А.* Песни волжского соловья. – Тольятти: Фонд «Духовное наследие», 2007. – 276 с.
7. *Ширяевец А.* Песня о Волге. Стихи и поэмы. – Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1980. – 168 с.

КИЕВСКИЙ ЗОДЧИЙ КУЗЬМИЩЕ КИЯНИН – АВТОР «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»?

В статье обосновывается одна из гипотез об авторе «Слова о полку Игореве», основанная на серии предположений, ранее высказанных и ныне обосновываемых автором данной статьи. Это предположение том, что «Слова о полку Игореве» было написано переводчиком трех повестей, входивших в Мусин-Пушкинский сборник, в составе которого «Слова» было обнаружено, обоснование сходств языка указанных произведений и отличий его от языка других повестей и летописных статей второй половины XII века, и основанное на сходстве лексики этих памятников с языком «Повести об убиении Андрея Боголюбского» построение, согласно которому переводчиком «Сказания об Индийском царстве», «Повести об Акире Премудром» и «Девгениева деяния» и автором «Слова о полку Игореве» может быть киевский зодчий или золотых дел мастер Кузьмище Киянин, предполагаемый с наибольшей вероятностью автор «Повести об убиении Андрея Боголюбского». Автор статьи отмечает общие для этих произведений тематические и эстетические элементы, которые могли быть свойственны архитектору, хорошо знакомому с искусством и историей Киева.

Ключевые слова: древнерусская литература, перевод, переводные повести Киевской Руси, «Слова о полку Игореве», Мусин-Пушкинский сборник, «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», картина мира, летописи, миниатюры, эстетика.

Проблема автора «Слова о полку Игореве» – одна из сложнейших проблем в истории изучения древнерусской литературы. Не случайно одна только библиография к статье Л.А. Дмитриева «Автор “Слова о полку Игореве”» в библиографическом справочнике [11, с. 16–32; 12, с. 24–36] занимает почти две страницы. В серии книг Б.А. Рыбакова, рассматривающих проблемы «Слова», одна из работ посвящена обоснованию точки зрения автора, согласно которой создателем «Слова» был киевский тысяцкий Петр Бориславич [22]. В рецензиях на этот труд было отмечено, что книга поражает обилием высказываемых гипотез [9, с. 226] и, несмотря на все усилия, предпринимаемые в отношении данной проблемы, точку в дискуссиях ставить рано [3, с. 220]. В наши дни появляются новые исследования по этой проблеме, часть их основана на традиционной датировке создания «Слова» если не конкретно в 1185 году, то в конце XII века [6; 7], авторы некоторых работ начинают относить создание «Слова» к XV веку [1]; сходной позиции придерживается и А.М. Ломов, атрибутирующий «Слова о полку Игореве» и «Задонщину» одному и тому же автору – Софонию Рязанцу [16; 17; 25]. Последняя гипотеза, как ни странно, оказывается в наибольшей степени связанной с лингвистическими обоснованиями авторства древнерусского текста. Обзор датировок создания «Слова» у разных исследователей был дан Л.А. Дмитриевым в одной из его работ [10, с. 33–35], к которому можно добавить лишь то, что Н.А. Мещерский и автор данной работы придерживаются самой ранней датировки «Слова», согласно которой оно было написано в конце лета или начале осени 1185 года [19, с. 179], поскольку мы не имеем оснований для та-

кого пересчета летописных дат похода Игоря на половцев и иных событий, связанных со «Словом» и отраженных в нем, который не соответствовал бы общепринятой хронологии. Мнения, высказанные в ряде новых книг [27], учтены Л.А. Дмитриевым в его работах по более ранним публикациям.

В подавляющем большинстве все претендующие на научность гипотезы и все высказываемые без серьезных аргументов предположения об авторстве «Слова», от наиболее надежно обоснованных до самых легкомысленных, основанных на произвольной связи того или иного имени, мелькнувшего в летописи, со «Словом о полку Игореве», основываются на тексте памятника и прежде всего на его событийной составляющей. Разумеется, сопоставление сведений о подробностях похода Игоря и Всеволода на половцев, перипетии сражений, обстоятельства бегства Игоря и Овлура из плена, соотносительная топография – взаимное местоположение героев «Слова» на момент тех или иных событий, даты жизни персонажей «Слова» с принципом *terminus ante quem* – дают некоторые основания для реконструкции авторского портрета создателя «Слова» и датировки памятника.

Альтернативой данному подходу являются предположения, основывающиеся на языке «Слова» в сравнении его с другими известными нам памятниками древнерусской литературы второй половины XII – начала XIII века (если принимать самые расширенные датировки написания «Слова»), примером чего являются работы О.В. Творогова [28] и В.Ю. Франчук [32–34]. Однако, как это ни странно, лингвистическая проблематика в вопросе индивидуального авторства «Слова», как показывают работы Л.А. Дмитриева, почти не затрагивалась, хотя занимала значительное место

при обсуждении проблемы подлинности «Слова» и его роли для изучения истории русского литературного языка старшего периода.

Настоящая работа основывается на результатах проработки нескольких по существу не связанных друг с другом гипотез о том, кто мог быть автором «Слова» и переводчиком «Повести об Акире», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве», могли ли все эти переводные повести принадлежать одному лицу и как именно они оказались сравнимы с «Повестью об убиении Андрея Боголюбского», атрибутируемой Кузьмищу Киянину. Появление ряда таких гипотез могло бы быть ожидаемым явлением для истории древнерусской литературы по крайней мере с конца XIX века до начала XXI века – это касается единого авторства переводов повестей из Мусин-Пушкинского сборника и единства автора «Слова» и переводов повестей, среди которых «Слово» было обнаружено в конце XVIII века; а с атрибуцией «Слова» Кузьмищу Киянину, перспективу которой обсуждал Б.А. Рыбаков [22], получился казус: мы даем в итоге положительный ответ на тот вопрос – могло ли «Слово» быть написанным Кузьмищем – на который Б.А. Рыбаков дал отрицательный ответ по причинам чисто внешнего характера: ему не понравился политический кругозор Кузьмища. Тем не менее в обзорных статьях по проблематике авторства «Слова» нет и намек на что-либо подобное.

Сущность этой гипотезы состоит в том, что автором «Слова о полку Игореве» является тот самый книжник, которому принадлежат переводы на русский язык «Повести об Акире», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве», – тех самых повестей, тексты которых находились в Мусин-Пушкинском сборнике, в котором было найдено «Слово». В дальнейшем сходство лексики этих произведений с «Повестью об убиении Андрея Боголюбского», вскрывшееся при попытке определить степень контраста языка произведений Мусин-Пушкинского сборника и других повестей XII века, позволило – опять-таки в виде предположения – продолжить рассуждения Б.А. Рыбакова о том, мог ли Кузьмище Киянин, которого этот ученый считает создателем «Повести об убиении...», написать «Слово о полку Игореве» и найти принципиально иной ответ на этот вопрос, поддерживаемый на уровне языка, стиля и эстетики памятников.

Гипотеза первая: «Слово о полку Игореве» написано переводчиком повестей Мусин-Пушкинского сборника.

Автор данной работы высказал в осторожной форме предположение о том, что «Слово» и другие повести Мусин-Пушкинского сборника являются делом одних и тех же рук, еще во второй половине 1980-х годов [4, с. 80–81], заметив, что словосочетания *лютый зверь* или *зверь лютъ* встречаются в «Слове» и во всех трех названных выше перево-

дных произведениях. Исследовательский аппарат, включающий основные положения о датировке создания «Слова» и его авторстве, был выработан еще в 1980-е годы при обсуждении соответствующих проблем [35], и представлен в одной из недавних работ [19, с. 179–180]. Предполагается, что «Слово» было создано в конце лета или осенью 1185 года (после нападения половцев на Переяславль, но до смерти Владимира Глебовича Переяславского, получившего тяжкие ранения при обороне города в феврале 1187 г.). Автор «Слова», по нашему мнению, не был участником похода, возможно, он жил в Киеве и был каким-то образом связан с Переяславлем, о чем говорят его симпатии к князю Владимиру Глебовичу Переяславскому и к Всеволоду, который женат на «красной Глебовне», возможно, сестре Владимира. Высокий профессионализм литературного творчества, отмеченный Л.А. Дмитриевым для автора «Слова», побуждает искать создателя этого выдающегося литературного произведения в среде книжников. При этом не обязательно автор «Слова» должен быть связан с цехом летописцев, что предполагали Б.А. Рыбаков и другие авторы, он мог быть и переводчиком.

Данное предположение по-своему имеет довольно длительную традицию в изучении «Слова о полку Игореве» как литературного произведения: литература, посвященная параллелям в образной системе «Слова» и по крайней мере двух рассматриваемых нами произведений – «Повести об Акире» и «Девгениева деяния» – по существу необозрима (например, отмечены следы влияния «Девгениева деяния» на «Слово» [20, с. 47]), и в «Словаре-справочнике “Слова о полку Игореве”» регулярно указываются параллели к «Слову» из этих памятников. Влияние этих произведений на поэтику, топику и язык «Слова» отмечалось многократно, но эти вопросы никак не связывались с проблемой авторства «Слова», которая изначально имела иную область поисков.

Изучение поставленной проблемы накладывает обязательство подтвердить или взять под сомнение то предположение, что переводы трех названных выше памятников принадлежат одному и тому же переводчику. Этот вопрос весьма сложен и мы пока не можем обратиться к оригиналам повестей (тем более что для «Повести об Акире» он не установлен, а в отношении «Сказания об Индийском царстве» этот вопрос остался дискуссионным). Считается, что «Повесть об Акире» была переведена с сирийского или с армянского языков [23, с. 124]. Любопытно, что этот дискуссионный вопрос о языке, с которого была переведена «Повесть об Акире», у некоторых авторов не обсуждался вовсе даже в специальных работах [20, с. 61]. То, что перевод «Девгениева деяния» был сделан с греческого языка, сомнений не вызывает [30, с. 98–99]. Вопрос о языке оригинала

«Сказания об Индийском царстве» в справочных работах последних лет не ставился [24, с. 299], но, как указал А.С. Орлов, «Сказание об Индийском царстве» могло быть переведено с латинского языка [20, с. 27]. Можно, конечно, задаваться вопросом: мог ли один переводчик перевести «Повесть об Акире» с армянского или сирийского языка, «Девгениево деяние» – с греческого, а «Сказание об Индийском царстве» – с латинского? Впрочем, как писал Владимир Мономах задолго до создания «Слова», «отец мой (князь Всеволод Ярославич, 1030–1093. – А.Б.), дома седа, изумяше 5 языкъ».

Этот вопрос – мог ли знать три языка древнерусский книжник – не играет для нас существенной роли: мы ставим вопрос иначе: могли ли переводы трех рассматриваемых нами повестей принадлежать одному автору – на основании сходств языка древнерусских переводов этих повестей. Такая задача сравнения лексического состава разных текстов делается вполне решаемой и не требует особых усилий, тем более что и проблема знания трех разных языков для предполагаемого автора переводов Мусин-Пушкинского сборника и «Слова», как читатели смогут увидеть далее, оказывается решаемой положительно.

В изучении языка памятников древнерусской литературы и книжности уже обращалось внимание на особую роль полных словоуказателей к текстам для изучения их языка и конкретно – лексики [29]. Нами с аналогичной целью осуществляется сравнение алфавитных словарей «Слова» и трех повестей, находившихся в одном с ним сборнике. В настоящее время есть возможности сверить словники интересующих нас текстов при помощи компьютерных программ, анализирующих частотность лексики текстов, и тем самым избежать той «выборности» примеров, которая характерна для картотек и словарей.

Для нашей темы весьма существенно, что списки «Повести об Акире» и «Девгениева деяния» и сами по себе являются довольно редкими: «Девгениево деяние» известно в четырех списках, «Повесть об Акире» в древнейшей редакции – в пяти списках, тем не менее две из трех этих повестей («Повесть об Акире» и «Сказание об Индийском царстве») встречаются в конвое «Задонщины» (в сборнике со списком У [13]). Этот факт однозначно свидетельствует о следующем: автор «Задонщины» имел перед собой не рукопись «Слова», а сборник того же самого состава, что и Мусин-Пушкинский сборник.

Данный вопрос является принципиальным в ряде отношений: прежде всего это археография и история текста «Слова» в рукописной традиции, о которой мы таким образом можем судить по судьбе текстов произведений – ближайших «соседей» «Слова» и о составе сборников, предшествующих дошедшим до нас или известным нам рукописным

сборникам. Интересно, что и этот факт – совместная встречаемость интересующих нас повестей в одних и тех же сборниках – не привлек к себе внимания: отмечен лишь один подобный случай [31, с. 290]. В то время как наличие этих произведений в составе сборника со «Словом» и в конвое «Задонщины» значительно важнее совместной представленности переводных повестей в разного рода дискуссиях и выстраивании оригинальных концепций и гипотез.

Рассуждения тех, кто оспаривает подлинность «Слова» или сомневается в ней (из которых значимой фигурой является только А.А. Зимин), согласно которым сходства в составе «Слова» и трех указанных повестей объясняются тем, что составитель «Слова» XVIII века пользовался указанными текстами для написания «Слова», лишены смысла. Среди замечаний палеографов нет свидетельств того, что листы со «Словом» как-то отличались от оформления всего остального Мусин-Пушкинского сборника или второй его части, за вычетом Хронографа, датируемого началом XVII века, налицо присутствие двух из трех интересующих нас повестей в конвое «Задонщины», неизвестной издателям «Слова» на 1800 год (иначе их можно было бы заподозрить в намеренном конструировании конвоя к «Слову»). Наконец, абсурдность и научная бездоказательность самой идеи о «поддельности» Слова, трещащая по всем швам и по существу рухнувшая после выхода книги А.А. Зиминой [14] – здесь против А.А. Зиминой выступает все, начиная с нереальной для него вторичности Краткой редакции «Задонщины», ныне окончательно доказанной и фундаментально обоснованной [26], и кончая тем, что Иоиль Быковский вообще не имеет отношения к Мусин-Пушкинскому сборнику со «Словом» [2]. Кстати, стоит обратить внимание на то, что «Слово о полку Игореве» уникально среди древнерусских воинских повестей и летописных повестей отсутствием мотивов смерти, столь типичных для русской воинской ментальности и присутствующих иным воинским повестям.

Гипотеза вторая: переводы «Повести об Акире», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве» принадлежат одному и тому же переводчику.

Поставленная проблема заставляет выявлять не только сходства в лексике «Слова» и трех переводных повестей, но и лексические отличия данного корпуса текстов, по нашему мнению, предположительно написанных одним автором, от других текстов, близких по времени к созданию «Слова» и времени перевода трех повестей, которые датируются по косвенным признакам и по характеру языка второй половиной XII – началом XIII века. Как думается, для решения этой задачи было бы необходимо сопоставить лексику «Слова» и трех повестей Мусин-Пушкинского сборника с другими

произведениями, близкими по времени создания и по жанру с интересующими нас текстами.

Исследованию данного вопроса сопутствуют две другие проблемы – выявление общего лексического фонда произведений, близких по жанру, т. е. такой лексики, обнаружение которой в нескольких близких по хронологии и жанру текстах не будет иметь доказательной силы, и проблемы лексических отличий текстов, которые не имеют филологической связи друг с другом и с огромной вероятностью принадлежат разным авторам. С целью решения этих задач нами для сопоставления были выбраны три текста второй половины или последней трети XII века – «Слово о князьях», «Сказание о князьях Владимирских», и «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» как произведения, соответствующие хотя бы в общих чертах «Слову» по тематике и жанру. Сравнение лексики этих текстов позволяет увидеть ожидаемо общие элементы, обусловленные жанром и темой, и дифференцирующие элементы, которые можно относить к специфическим элементам языка их авторов. В частности, здесь ожидаемо появятся отдельные слова и целые тематические группы, по тем или иным причинам отсутствующие в «Слове» или интересующей нас группе памятников. Яркий пример: в «Девгениевом деянии» есть слово *гусли*, а в «Повести об Акире» – слово *гудец*, то самое слово, которым автор «Задонщины» назвал Бояна, но ни того, ни другого нет в «Слове» даже при метафоризованном описании игры на гусях: таков авторский замысел оригинального текста.

Лексический материал, показывающий взаимные сходства отдельных памятников, входивших в состав Мусин-Пушкинского сборника и близких к ним по времени, классифицируется следующим образом:

1) Совпадения лексики «Слова» и трех или двух повестей их Мусин-Пушкинского сборника при отсутствии их в других текстах. Таковы слова *Вьдати*, *гнѣздо*, *гора*, *дѣвица*, *мыслити*, *повѣдати*, *птици*, *рѣка*, *слѣдь*, *сребрени*, *старь*, *творити*, *трава*, *чрълени*, *ѣздити*.

2) Нераритетные совпадения лексики «Слова» и «Повести об Акире». Это следующие слова: *бѣда*, *велми*, *веселие*, *вино*, *вода*, *вѣлк*, *вступати*, *вѣжа*, *година*, *голова*, *дань*, *день*, *жесток*, *забыти*, *здравь*, *знаемь*, *искусити*, *летети*, *лжа*, *метати*, *минути*, *мыслити*, *обѣдь*, *одѣти*, *орель*, *печаль*, *плавати*, *побѣгоша*, *ползти*, *помянути*, *полетети*, *порох* (с реинтерпретацией в «Слове...»), где в сочетании *пороси поля прикрывають* присутствует не *порохъ*, а *порось* (**Порось**, ж. Мелкие капли росы на траве, растениях [СРНГ 30, с. 80]), *послушати*, *потечи*, *похоть*, *привести*, *проливати*, *ратаи*, *ратный*, *ржати*, *рогъ*, *рядити*, *свѣдати*, *стрѣла*, *утро*, *хула*, *черный*, *чюжь*.

3) Нераритетные совпадения лексики «Слова» и «Девгениева деяния». К ним относятся следующие

слова: *бѣжати*, *битися*, *величие*, *вергнути*, *враны*, *вскочити*, *задни*, *зверин*, *знаменье*, *издалече*, *красный*, *крыло*, *летати*, *лисицы*, *милый*, *молния*, *обычай*, *поехати*, *пожрети*, *плакати*, *покрыти*, *похитити* *приклонити*, *пудити*, *песнь*, *рыкати*, *сѣдло*, *сѣдлати*, *сидети*, *скочити*, *сабля*, *сапогъ*, *сватъ*, *соколъ*, *сонъ*, *струна*, *темно*, *тъма*, *успети*, *хитръ*, *хотети*, *христиане*, *худь*, *часто*, *человечский*.

4) Нераритетные совпадения лексики «Слова» и «Сказания об Индийском царстве»: таких слов не так много вследствие небольшого объема самого «Сказания...»: *воскочити*, *гора*, *дубъ*, *дети*, *емлють*, *искати*, *каменный*, *море*, *погаснути*, *столп*, *створити*, *устье*.

5) Лексические раритеты «Слова» и «Повести об Акире»: *беберь*, *вверже*, *въсплакати*, *въстанати*, *глядати*, *изронити*, *подкнутися*, *рядить*. Здесь присутствуют и редкие слова (*бебер* ~ *бебрянь*), и редкие префиксальные или суффиксальные образования.

6) Лексические раритеты «Слова» и «Девгениева деяния»: *въскормити*, *златоконный*, *къмети*, *кожухъ*, *паволока*, *похытити*, *сабля*, *стрѣжати*.

Тут вместе с редкими лексемами и производными словами присутствуют и ранние фиксации слов, ставших распространенными значительно позже, например *сабля*.

7) Лексические раритеты «Слова» и «Сказания об Индийском царстве»: *емлють*, *король*, *погаснути*, *свивати*.

При немногочисленности этой группы слов она все-таки весьма показательна: слово *король* встречается в одинаковом написании, обращает на себя внимание и употребление производных глаголов в одинаковом оформлении и в одних и тех же видовых значениях.

8) Совпадения в лексике всех сравниваемых памятников «Слова», трех переводных произведений и трех оригинальных повестей, созданных примерно в одно время со «Словом», не имеющие доказательности. В данную группу входят слова *братъ*, *братия*, *великий*, *видети*, *власть*, *вои*, *врѣмя*, *глаголати*, *гласъ*, *господиень*, *единъ*, *животь*, *земля*, *златъ*, *злато*, *князь*, *многъ*, *нѣбо*, *нести*, *нощъ*, *отець*, *очи*, *речи*, *святой*, *слава*, *слово*, *солнце*, *сынъ*, *человѣкъ*, *честь*.

Как кажется, эти лексические единицы, несмотря на разнородность включающих их тематических и лексико-семантических групп, составляют топический реквизит и средства оформления хронотопа древнерусской светской «княжеской» повести периода XII – начала XIII веков.

Репрезентативные совпадения лексики «Слова» и произведений, не входивших в Мусин-Пушкинский сборник, буквально единичны. Так, в «Сказании о князьях Владимирских» встречаются слова *вергнути*, *жребии*, *заити*, *наполнитися*, *хорю-*

говь, в «Слове о князьях» – *жребии* и *наполнитися*. Такие совпадения, как мы полагаем, не могли бы быть сочтены показательными для любых текстов.

Подведем некоторые итоги. Произведения, входившие в Мусин-Пушкинский сборник, то есть «Слова о полку Игореве» и три переводные повести, имеют ряд общих черт не только среди редких слов и, возможно, индивидуальных авторских новообразований (к ним вполне можно отнести слово *златоконный*), сходство которых замечено давно и отмечено в «Словаре-справочнике “Слова...”», но и в фоновом лексическом массиве, характеризующем описание природы – мир природы, а также мир артефактов. Наряду с лексикой, общей для воинских повестей второй половины XII века, в них имеется довольно много специфических лексем, как мы полагаем, характеризующих ментальный лексикон и художественную картину мира их автора и переводчика. Морфологические и синтаксические черты языка этих четырех произведений в целом не противоречат тому сходству, которое мы наблюдаем на материале лексики, а сходство на уровне производных слов оттеняет близость языковых черт всех этих памятников весьма выразительно.

В свете наблюдаемых соответствий лексики, которым не противоречат факты грамматики, гипотеза о том, что «Слова» может принадлежать переводчику «Повести об Акире», «Девгениева деяния» и «Сказания об Индийском царстве», выглядит вполне убедительной. Одновременно появляется уверенность в том, что «Слова» не может принадлежать авторам других оригинальных княжеских повестей второй половины XII века – сходства языка этих текстов, которым могла бы быть придана доказательная сила, по существу отсутствуют, то есть различия между лексикой «Слова» и словарным составом этих повестей оказываются слишком значительными, чтобы сблизить эти произведения не только на уровне авторства, но даже на уровне какого-либо влияния.

Гипотеза третья: сходство лексики и языка произведений Мусин-Пушкинского сборника и языка «Повести об убиении Андрея Боголюбского» означает, что автор «Повести об убиении...» Кузьмище Киянин является переводчиком повестей Мусин-Пушкинского сборника и автором «Слова о полку Игореве».

На фоне указанных здесь различий непонятными и интригующими выглядят лексические соответствия «Слова» и такого памятника, как «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» по Ипатьевской летописи. Общими для этих произведений оказываются такие слова, как *вскладати*, *вѣтрило*, *глядати*, *дружина* (не попавшее в группу 8, объединяющую нерепрезентативную лексику), *златоверхий*, *мужество*, *оксамить*, *наволока*, *плакатися*, *пригвоздити*, *поткнутися*, *сабля*, *узороцье*.

С одной стороны, наличие таких сходств, среди которых есть и необычные производные (*златоверхий*, *ветрило*, *пригвоздити*), как представляется, закономерно при общности языковой основы древнерусских памятников XII века и постепенном расширении круга текстов, привлекаемых к исследованию проблемы. Кстати, упоминание *сабли* в «Девгениевом деянии» и *стрелы* в «Повести об Акире» заметно контрастирует с оригинальными повестями XII века, однако *сабля* присутствует в «Повести об убиении Андрея Боголюбского», что противоречит указаниям А.А. Зимина [14, с. 121]. Редкость этих слов в летописях до XIII века понятна – ни стрелы, ни сабля не являются княжеским оружием, в то время как предметом описания в текстах выступают чаще всего князья.

С другой стороны, эти неожиданные сходства побуждают обратиться к истории «Повести об убиении...» и проблеме ее авторства, а также вслед за многими другими исследователями «Слова» попытаться связать авторство «Слова» с конкретными персонами.

Б.А. Рыбаков в своем исследовании сочинений летописцев – претендентов на авторство «Слова» – внимательно рассматривает «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» и атрибутирует эту повесть Кузьмищу Киянину [21, с. 78, 104], обсуждая и иные мнения, известные в литературе [21, с. 100]. По определению Б.А. Рыбакова, Кузьмище Киянин был «хитрецом», т. е. специалистом по внутренней декоративной отделке зданий [21, с. 109], знал и любил архитектуру, и соответствующие пассажи в летописных статьях служат указанием на его стиль в изложении событий на письме. Заметим, что в изложении Б.А. Рыбакова не слишком справедливо то, что якобы Кузьмище концентрировался на декоративной отделке и не знал архитектуры, оказался равнодушен к фресковой росписи храма [21, с. 95, 98]. Кузьмище был приглашен во Владимир из Киева или Чернигова [21, с. 110]. Ранее этого у северского князя Святослава Всеволодича служил некто с прозвищем Киянин [21, с. 125], и прозвище выдает в нем киевлянина. В последний раз в летописях манера Кузьмища Киянина усматривается в 1184 г. [21, с. 122].

Интересно наблюдение Б.А. Рыбакова относительно связи присутствия повествования Кузьмища с наличием миниатюр в летописи, которые иногда точнее передают содержание, чем рассказ [21, с. 126, 127, 128]. Как писал Б.А. Рыбаков о Кузьмище, «Возможно, что иллюстрирование летописи велось под его наблюдением. Там, где кончается текст Кузьмища, прекращается и иллюстрирование событий. Когда же вновь возобновляется текст Кузьмища, то вновь появляются миниатюры» [21, с. 126]. Странно, что Б.А. Рыбаков не решился атрибутировать Кузьмищу протографы этих миниатюр: ведь архитектор, декоратор или дизайнер должен

был уметь рисовать. Собственно говоря, возможно, что и участие Кузьмища в повествовательном летописании связано как раз с изобразительными компонентами летописания, иначе трудно понять совмещение занятий золотых дел мастера с изложением событий в летописных статьях.

Б.А. Рыбаков отводит кандидатуру Кузьмища Киянина на авторство «Слова» так: «Как летописец одного из Ольговичей, как автор, любящий щеголять цитатами из церковной литературы, Кузьмище Киянин не сближается с автором великой поэмы. Кроме того, по своему образу мыслей Кузьма (мастер золотого узорочья?), нигде не поднимался на высоту такого судьи князей, каким был автор "Слова"» [21, с. 500].

Здесь у нас возникает ряд вопросов. Каково было настоящее имя архитектора – Кузьмище, то есть Кузьма, или же Косма? Был ли он уроженцем Киева, за что в других землях именовался Киянином, или прибыл в Киев из Константинополя? В любом случае более чем вероятно то, что Кузьмище – будем называть его так – учился архитектуре и искусству отделки зданий в Византии. В последнем случае (даже если он не был византийцем, а только изучал в Византии науки и ремесла), он должен был знать в совершенстве греческий язык и мог знать еще несколько языков, распространенных в Византии, то есть латинский и армянский.

Гипотеза четвертая: Кузьмище Киянин как автор «Слова о полку Игореве» по материалам текста «Слова» и по проявлениям профессиональных знаний киевского зодчего.

Итак, некто Киянин упоминается при княжеском столе северского князя Святослава Всеволодича в 1160-е годы, в 1174 году он оказывается во Владимире в дни убийства Андрея Боголюбского, а последнее гипотетическое участие Кузьмища Киянина, наиболее вероятного автора «Повести об убийстве Андрея Боголюбского», относится к 1184 году – году, непосредственно предшествующему времени похода Игоря Святославича на половцев. Нет ничего противоречивого в том, что Кузьмище Киянин в 1184 году, отойдя от строительных дел и будучи отлученным от летописания (если его участие в летописании в плане составления летописных статей вообще не преувеличено), знаток языков и письменности, вполне мог найти себе занятие в переводе литературных произведений с тех языков, которыми он владел. Одновременно с этим он в 1185 году в связи с неудачным походом Игоря Святославича (напомним о том, что он мог ранее бывать в Северском княжестве) вспомнил прошлое – написание «Повести об убийстве Андрея Боголюбского» – и составил между переводами небольшое произведение о драматических событиях похода Новгород-Северского князя на половцев.

В интересующей нас части Мусин-Пушкинского сборника произведения имеют следующий

порядок: «Сказание об Индии богатой», т. е. «Сказание об Индийском царстве», «Синагрип цесарь Адоров и Наливской страны», т. е. «Повесть об Акире Премудром», «Слово о полку Игореве» и «Девгениево деяние» [31, с. 288]. Если порядок текстов отражает хронологию работы над ними, то к моменту написания «Слова» у его предполагаемого автора были готовы переводы двух названных выше повестей и, вероятно, имелся оригинал «Девгениева деяния», который был им прочитан. После составления «Слова» автор должен был взяться за перевод «Девгениева деяния» и завершил его.

В тексте «Слова» при внимательном рассмотрении обнаруживается множество деталей, которые становятся понятными, только если исходить из того, что его автор – зодчий, человек, связанный, с одной стороны, со строительством, с другой – с искусством. Вероятно, не случайно в текст «Слова» оказались включены слова, по которым читатели могли бы узнать стиль автора – «Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовѣрѣмъ», «высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ...».

Б.А. Рыбаков писал о литературной манере Кузьмища: «Бросая последний взгляд на центральную часть дворцового комплекса, где должен был завершиться трагический акт, автор задерживает внимание читателя на таких, в сущности, второстепенных деталях, как позолоченные флюгера и какие-то птицы на крышах» [21, с. 98]. В «Слове» мы видим почти то же самое – по существу с одним и тем же предметом. Любопытно, что слова *камень* и форма *каменіе*, представленные в «Слове» лишь сочетанием «каменные горы», широко употребительны в переводных текстах Мусин-Пушкинского сборника и в «Повести об убийстве...». Не выглядит случайным и то, что автор «Слова» так внимателен к городским храмам – Софии Киевской, Софии Полоцкой, Церкви Богородицы Пирогошей, которые служат для него ориентирами. Парадоксальность сообщения «Слова» о погребении Изяслава Ярославича «Съ тоя же Каялы Святопѣлкъ полелѣя отца своего... ко Святѣй Софїи къ Киеву» [19, с. 227–228] находит свое разрешение: Кузьмище мог знать о месте упокоения этого князя не как летописец или человек, знакомый с какой-то группой летописей, а как архитектор, знающий, где именно и в каком именно храме погребен тот или иной князь.

Известная фраза из рассказа о Всеславе Полоцком «Тѣй клюками поднѣрѣся о кони» находит новое нетривиальное понимание исходя из данных «Словаря русских народных говоров», где слово *конь* имеет значения «1. Стык двускатной крыши, верхняя слега или балка на нем; конек. || Крыша избы. || Верхняя слега на крыше под коньком. || Выступающие с двух краев крыши концы стропил, иногда имеющих вид конской головы» [СРНГ 14, с. 275]. Диалектные параллели для слова *клюка*

таковы: *Клюка и клюха* «...5. Брус с загибом, на который настилается крыша. 6. Железный крюк, на который вешается жолоб для стока воды под крышей. 7. Деревянный шест с загнутым в виде крюка концом для поддерживания водосточного жолоба у крыши» [СРНГ 13, с. 319–320]. Показательны «строительные» значения лексем *клюка* и *конь*, неожиданно выявляющиеся в диалектных данных и вписывающие это слово в неожиданно открывающейся ряд строительных терминов в «Слове...», входящих в состав скрытых метафор. Таким образом, *клюками подѣлѣръся о кони* (теперь похоже, что именно *о кони*, а не *о кони*, как иногда читали с толкованием «приобрел коней»), выглядит какой-то идиомой, содержащей строительные метафоры, связанные с названиями дома, или скорее княжеского терема. Может быть, автор намекает, что Всеслав стал князем киевским незаконно, в образной форме – проник в княжеский терем через крышу, как бы мы сейчас выразились, по водосточной трубе? Кстати, слово *конь* как зооним в «Слове» не употребляется вообще: в его тексте фигурируют только княжеские кони – *комони*.

По-новому в свете нашего предположения об авторе «Слова» выглядит известный пассаж «Слова»: *«помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и наволоки, и драгыя оксамиты, ортьмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочы половецкыми»* – здесь противопоставлены два вида «узороच्या»: ткани, очевидно, византийского или восточного производства, и предметы одежды половцев, отношение к которым оказывается подчеркнуто разным.

Все знают, что в «Слове» представлено большое количество названий народов – соседей Киевской Руси, с которыми русичи поддерживали отношения, с кем когда-то воевали, о ком вообще что-либо знали. Нет в этом перечне одного народа – «ясов», *осетин*, хотя есть даже *касоги* – осетинское название *кабардинцев*. Не в том ли дело, что один из участников убийства Андрея Боголюбского был «ясин»? («*Ты ныне в оксамите стоиши, а князь нагъ лежитъ*»), нет в «Слове» и волжских болгар, названных в «Повести об убиении...» «погаными».

Становится понятным и внимание литератора – писателя и переводчика – к такому произведению, как «Сказание об Индийском царстве», где описывается богатое убранство царского двора, значительное место в нем отведено и описанию драгоценных камней. Само собой разумеется, что текст, в котором речь идет о палатах, отделанных золотом, серебром и драгоценными камнями, мог привлечь внимание такого человека, как Кузьмище, так как предметы, о которых идет речь в этом произведении, входят в сферу его профессиональных интересов. Это же пристрастие Кузьмища отмечено и Б.А. Рыбаковым [21, с. 199–100]. Теперь

можно даже понять, почему именно перевод «Сказания об Индийском царстве» открывает список литературных работ автора, отождествляемого нами с зодчим Кузьмищем Киянином.

В ряде работ, посвященных проблеме авторства «Слова», отмечалась такая странная, по мнению ряда пишущих, особенность языка автора, как определенный баланс между книжными и разговорными формами, и это давало основания предполагать, что «Слово» написано иностранцем. Это, в частности, отмечал К.С. Аксаков [15], при этом данная ремарка не свидетельствует о скепсисе К.С. Аксакова в вопросе о подлинности «Слова». На мнение К.С. Аксакова обратил внимание и Н.К. Гудзий [8]. Мы могли бы не вспоминать об этом, однако однородность языка рассматриваемых нами произведений заставляет обратить внимание на то, что, на первый взгляд, количество неполногласных и полногласных форм, причем форм для одних и тех же слов, встречается в этих произведениях примерно в одной и той же пропорции. Любопытно, что и распределение претеритальных форм глагола (имперфект, аорист, перфект) для форм несовершенного и совершенного вида выглядит весьма сходным. В свете этого наблюдения, которое в свое время сделал С.П. Обнорский для языка «Слова» [18], должны быть продолжены на материале всех рассмотренных в настоящей работе памятников.

Предположение о том, что автором «Слова о полку Игореве» мог быть зодчий Кузьмище Киянин, вполне согласуется с многими представлениями об авторе «Слова», извлекаемыми из его текста. Попробуем суммировать их:

1) это человек, связанный к книжностью, но не принадлежащий к церковной среде и хорошо знающий светскую литературу разных жанров, в том числе переводную, а также фольклор, в том числе восточный эпос;

2) это человек, знакомый с летописями, но не имеющий отношения к содержательному и словесному оформлению летописных повестей 1185 года, рассказывающих о неудачном походе Игоря на половцев;

3) почти невероятно, чтобы автор «Слова» был участником похода, даже какая-либо эксклюзивная специальная информация о быте дружинников и военных знаниях в «Слове» отсутствует; все, что мы там встречаем, не выходит за пределы риторики воинской повести;

4) описание природы в «Слове» подчинено художественному канону, который предполагает представление её в составе модели мира, близкой по составу к полноте, тому самому канону, который дожил в изобразительном искусстве до Высокого Возрождения [5];

5) предметом внимания автора являются архитектурные объекты – храмы, а также фортифика-

цинные сооружения – забрала городских стен, детали конструкции княжеских теремов и элементы их декоративной отделки.

То, что автором «Слова» оказывается человек высокопрестижной профессии, учившийся в Византии и связанный с искусством, многое объясняет и в вопросе о связях текста произведения с произведениями, образами, мотивами различных европейских и восточных литературных произведений второй половины XII века, универсальной и общей для ряда видов искусства и для своего времени эстетикой, точечными проявлениями влияния фольклора – как восточнославянского, так и, даже преимущественно, восточного; наконец, особым вниманием автора к образцам архитектуры и их декоративному убранству. Однако главным основанием для отождествления автора «Слова» с переводчиком трех повестей из Мусин-Пушкинского сборника и одновременно автором «Повести об убиении Андрея Боголюбского» остается значительное сходство языка этих произведений, в первую очередь лексики, и единообразного пропорционального соотношения полногласных и неполногласных форм с приоритетом последних, и в том числе – совпадения редких слов, почти не встречающихся в других памятниках XII – начала XIII веков.

Сказанное здесь, разумеется, еще одна гипотеза, связанная с персонификацией авторства «Слова о полку Игореве», не имеющая других оснований, кроме схождения лексики «Слова» и одной из повестей второй половины XII века. Первоначально автор видел задачу своей работы только в обосновании своей гипотезы о единстве личности автора «Слова» и переводчика трех повестей, ставших известными на Руси в последней трети XII или начале XIII века. Языковой материал текстов Мусин-Пушкинского сборника неожиданно позволил связать с ними «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» и далее выявить дополнительные черты схождения сравниваемых текстов и получить информацию об их предполагаемом авторе – Кузьмище Киянине. Впрочем, мы полагаем, что, подобно другим исследователям «Слова», нам также дозволено иметь право на предположения о личности автора «Слова о полку Игореве».

Библиографический список

1. Бобров А.Г. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // *Acta Slavica Iaponica*. – Саппоро, 2005. – Т. 22. – С. 238–298.
2. Бобров А.Г. Происхождение и судьба Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // *Труды Отдела Древнерусской литературы*. – СПб., 2014. – Т. 62. – С. 528–553.
3. Буганов В.И. [рецензия на:] Б.А. Рыбаков. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку

Игореве». М., 1991 // *Отечественная история*. – 1994. – № 6. – С. 215–220.

4. Бурькин А.А. Из лексикологических комментариев к тексту «Слова о полку Игореве» // *Всесоюзная конференция «Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры»*: тезисы докладов. – Л.: ЛГУ, 1988. – С. 80–81.

5. Бурькин А.А. Лексика, связанная с природой, в «Слове о полку Игореве» и проблемы средневекового художественного канона // *Материалы XXXII Международной филологической конференции*. 11–15 марта 2003 г. – Вып. 11: *Материалы секции истории русского языка*. – Ч. 1. – СПб., 2003. – С. 3–8.

6. Войтович Л. Кілька зауваг до нової дискусії навколо «Слова о полку Игоревім» // *Фортеця: збірник заповідника «Густань» на пошану Михайла Рожка*. – Львів, 2009. – С. 40–56.

7. Войтович Л.В. К дискуссии о подлинности «Слова о полку Игореве» и его авторах // *Rossica Antiqua*. – 2011. – № 1. – С. 42–59.

8. Гудзий Н.К. «Слово о полку Игореве» и древнерусская литературная традиция // *Литературный критик*. – 1938. – № 5. – С. 59–83. Перепечатано в кн.: Гудзий Н.К. *Литература Киевской Руси и украинско-русское литературное единение*. – Киев, 1989. – С. 153–180.

9. Данилевский И.Н. [рецензия на:] Б.А. Рыбаков. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М.: Молодая гвардия, 1991 // *Отечественная история*. – 1994. – № 6. – С. 220–227.

10. Дмитриев Л.А. Автор «Слова о полку Игореве» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 40. – Л., 1985. – С. 32–42.

11. Дмитриев Л.А. Автор «Слова о полку Игореве» // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. – Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). – Л., 1987. – С. 16–32.

12. Дмитриев Л.А. Автор «Слова» // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*: в 5 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 1. А–В. – 1995. – С. 24–36.

13. Дмитриева Р.П. Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». – М.; Л., 1966. – С. 199–263.

14. Зимин А.А. Слово о полку Игореве. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 516 с.

15. Лихачев Д.С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // «Слово о полку Игореве» – памятник XII века: сб. статей. – М.; Л., 1962. – С. 5–78.

16. Ломов А.М. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Диалогия Софония старца? // *Вестник Воронежского государственного университета*. Сер. 1, *Гуманитарные науки*. – 2000. – № 2. – С. 38–60.

17. Ломов А.М. «Слово о полку Игореве» и вокруг него. – Воронеж, 2010. – 244 с.
18. Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1946. – 199 с.
19. Олядыкова Л.Б. «Слово о полку Игореве». Современные проблемы филологического изучения / Л.Б. Олядыкова, А.А. Бурькин. – Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2012. – 265 с.
20. Орлов А.С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства. – М.: Изд-во АН СССР, 1934. – 190 с.
21. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». – М.: Наука, 1972. – 523 с.
22. Рыбаков Б.А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». – М.: Молодая гвардия, 1991. – 286 с.
23. Салмина М.А. Повесть об Акире Премудром // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 4. П-Слово. – С. 124.
24. Салмина М.А. Сказание об Индийском царстве // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 4. П-Слово. – С. 299.
25. Смирнов В.Б. Новая гипотеза об авторстве «Слова о полку Игореве». Рецензия на книгу: Ломов А.М. «Слово о полку Игореве» и вокруг него. Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж ун-та, 2010. 244 с. // Вестник ВолГУ. Сер. 8. – 2011. – Вып. 10. – С. 143–150.
26. Соколова Л.В. Первоначально ли краткая редакция Задонщины? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 62. – СПб., 2014. – С. 673–724.
27. Сумаруков Г.В. Полоцкая княжна Мария Васильковна – автор «Слова о полку Игореве». Исследования тайнописи / Г.В. Сумаруков, Н.С. Серегина. – Полоцк: А.И. Судник, 2008. – 53 с.
28. Творогов О.В. Мова «Слова о полку Игореве» (підсумки и завдання вивчення) // Мовознавство – 1975. – № 6. – С. 6–31.
29. Творогов О.В. Лексический состав «Повести временных лет». Словоуказатели и частотный словарь. – Киев: Наукова думка, 1984. – 218 с.
30. Творогов О.В. Девгениево деяние // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 2. Г-И. – С. 98–99.
31. Творогов О.В. Мусин-Пушкинский сборник // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 3. К-О. – С. 287–291.
32. Франчук В.Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве?» (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи) // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1976. – Т. 31. – С. 77–92.
33. Франчук В.Ю. Досліджуємо мову «Слова о полку Ігоревім» // Мова. Людина. Суспільство. – Київ, 1977. – С. 253–261.
34. Франчук В.Ю. К вопросу об авторе // Вопросы литературы. – 1985. – № 9. – С. 157–163.
35. Meschersky N. Sulla datazione e la paternita dello «Slovo...» // N. Meschersky, A. Burykin // Annali di Ca' Foscari. Rivista della facolta di lingue e letterature straniere dell'Universita di Venezia. XXVI, 1–2. – 1987. – P. 161–175.

ПРОДУКТИВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СУФФИКСАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОТВЛЕЧЕННЫМ И СОБИРАТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЯМИ В ДЕЛОВЫХ ГРАМОТАХ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА XII–XIV ВЕКОВ

В статье рассматривается вопрос продуктивного суффиксального словообразования существительных с отвлеченным и собирательным значениями в деловых грамотах Великого Новгорода XII–XIV веков. Отвлеченное и собирательное значения в некоторых производных совмещаются, поэтому отдельные существительные имеют отвлеченно-собирательную семантику. Некоторые существительные с отвлеченно-собирательным значением, подвергшись влиянию со стороны слов с конкретно-предметной семантикой, могут приобретать грамматические и лексические признаки конкретно-предметных слов. Это наблюдается лишь у слов, построенных по единой формально-структурной словообразовательной модели, главным признаком которой является общность словообразовательного средства, а словообразовательные значения могут не совпадать. Словообразование сближает разные лексико-семантические разряды существительных, поэтому иногда довольно трудно установить четкую границу между отвлеченным и конкретным значением, между собирательным и отвлеченным, между собирательным и конкретным. Отвлеченное и собирательное значения, объединенные на основе принципа противопоставления конкретно-предметного и личного значения, занимают в грамотах устойчивое положение в силу специфики и коммуникативной направленности делового языка. Отвлеченное и собирательное значения зачастую смешиваются в производном, еще более сближаясь друг с другом и отдаляясь тем самым от конкретного. Развитие отвлеченного и собирательного значений могло идти как по пути безаффиксного словопроизводства, так и по пути суффиксального (иногда префиксально-суффиксального) способа словообразования, производные безаффиксные лексемы постепенно изживая себя, уступая место аффиксальным образованиям. Среди слов с отвлеченным и собирательным значениями есть как весьма древние, возникшие, очевидно, еще в общеславянский (или праславянский) период (их мало), так и собственно древнерусские производные, активно пополнявшие словарный состав после проникновения нижних моделей и тенденций словопроизводства.

Ключевые слова: существительные, продуктивное суффиксальное словообразование, официально-деловые грамоты Великого Новгорода XII–XIV веков, отвлеченное и собирательное значения, словообразовательный тип.

Отвлеченное и собирательное значение – противопоставленная лексико-грамматическая категория по отношению к конкретно-предметному и личному значениям. Противопоставление выражается, во-первых, в отвлеченном характере значения, во-вторых, в более широком семантическом поле слов с отвлеченным и собирательным значением, чем у слов с конкретно-предметной семантикой, в-третьих, в различиях, обусловленных тем, что существительные с конкретно-предметным значением называются предметами, а слова с отвлеченным и собирательным значением – несчитаемые качества, свойства, признаки, действия и состояния либо несчитаемое совокупное целое.

Слова с отвлеченным значением могут переходить из разряда отвлеченных в разряд собирательных. Порой между отвлеченным и собирательным значением границы настолько зыбки и неопределенны, что можно говорить об обобщенном отвлеченно-собирательном значении.

Однако некоторые существительные с отвлеченно-собирательным значением, подвергшись влиянию со стороны слов с конкретно-предметной семантикой, могут приобретать грамматические и лексические признаки конкретно-предметных слов. Это наблюдается лишь у слов, построенных по единой формально-структурной словообразова-

тельной модели, главным признаком которой является общность словообразовательного средства, а словообразовательные значения могут не совпадать. Словообразование сближает разные лексико-семантические разряды существительных, поэтому иногда довольно трудно установить четкую границу между отвлеченным и конкретным значением, между собирательным и отвлеченным, между собирательным и конкретным. Но таких примеров в новгородских деловых грамотах XII–XIV вв. [3] незначительное количество, слова в основном обладают строго определенной, достоверно установленной словообразовательной семантикой.

Существительные с суффиксом **-ниј(-ньј)/-єниј(-єньј)**:

благословение – «Благословение от владѣйки... къ князю» (Гр. № 2);

велѣние – «А паозеричанамъ и верезанамъ без ѣгоменова велѣння в Видогоциу реку не въѣзжати запаса добывати» (Гр. № 109);

володенье – «А что отцѣна моя и дѣдина на Ловоти... по володенью мнѣ з братомъ своимъ з Григорьемъ наполю...» (Гр. № 110);

воображение – «...да воображеніе животворящаго креста на другои сторонѣ» (Гр. № 283);

докончание – «И такоже послы заморьскыи... хрестъ целовалѣ по сомѣ доконьцанию...» (Гр. № 46);

имѣние – «Се язъзъ Антони, хужим во мнисехъ, изыдохъ на мѣсто сее, не прияхъ и имѣния ото князя ни от епискупа...» (Гр. № 103);

княженъе – «А Новгороду княженъе мое честно държати» (Гр. № 11);

повѣленъе – «А поозеричанамъ і веряжанамъ без игумена повѣленъя в Видогоци рѣкѣ не въѣзжати запаса добывати» (Гр. № 107);

покланяние – «Благословение от владыки, покланяние от посадника Михаила... къ князю Ярославу» (Гр. № 2);

постояние – «А коли, княже, поедешь въ Новгородъ, тѣгда товѣ даръ емати по постояннямъ...» (Гр. № 7);

прощение – «А чинится вои в пирѣ, а возмѣтъ прощеніе...» (Гр. № 88);

рѣкописанъе – «Се язъзъ... списахъ рѣкописанъе при своемъ животѣ» (Гр. № 110);

ѹспение – «...за три дни передъ ѹспеніемъ Святѣя Богородица» (Гр. № 38);

ѹтверждение – «ѹ сеи дѹховнои на ѹтверженіе приложи е Иване Фомино образъ Пречистои Богородицы...» (Гр. № 283).

Как видно, из производных существительных с суффиксом -ниј(-ениј) в особую группу выделяются слова церковно-религиозной сферы употребления: **воображеніе** («животворящаго креста»), **ѹспение** («святѣя богородица»), книжное сложение (composito) с церковнославянской фонетической огласовкой корня «благословение» примыкает к этой группе слов.

С другой стороны, оставшиеся производные можно квалифицировать как слова официально-деловой сферы, затрагивающей самые разные стороны жизни Древнего Новгорода: имущественные отношения (**володенье**, **имение**, **княженъе**), процессуально-судебные (**прощение**, **повѣление**, **велѣнье**, **постояние**, **докончание**, **ѹтверждение**), относящиеся непосредственно к письменности и составлению бумаг (**рѣкописание**, **покланяние**). Однако порой нет четкой границы между первой и второй группами, поскольку деловой язык настолько ассимилировал некоторые семантические и фонетические церковнославянизмы, что «высокое» происхождение и функционирование последних нивелируется, сглаживается на общем компромиссно усредненном фоне делового материала, церковнославянизмы в деловом языке перестают быть, по сути, самими собой и употребляются только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть связь описываемых действий с божественным началом, номинируя давно сложившиеся во времени и освоенные носителями языка понятия. К примеру, «благословение» из книжно-письменного превратилось в обычную форму вежливости, используемую в зачине многих грамот, «покланяние», «целование» (крестное) применялось как клятва и как знак верности данному слову при соверше-

нии различных дипломатических и имущественных актов.

Производные с суффиксом -ниј(-ениј) (за исключением «постояние, воображение») относятся к отвлеченным и обозначают действие или состояние, названное мотивирующим глаголом, т. е. все они являются отглагольными. Каких-либо преобладающих категориально-грамматических особенностей мотивирующих глаголов назвать нельзя, разве что большинство глаголов относится к числу переходных (11 из 15). Видовая же отнесенность производящих глаголов расценивается как равная (7 несовершенного вида, 8 совершенного вида), к тому же пара «повелѣние – велѣние» свидетельствует, что грамматическая категория вида не является препятствием для словопроизводства существительных с суффиксом -ниј(-ениј).

Фонетико-графический вариант суффикса -ньј(-еньј), возникший после падения редуцированных в результате утраты слабого напряженного [ŷ], отмечается всего у четырех слов: «володенье, княженъе, повѣленъе, велѣнье», причем данные производные следует рассматривать как принадлежность имущественно-правовой сферы деловых отношений.

Особое положение среди анализируемых существительных занимают слова «постояние», «воображение». Дело в том, что «постояние» имеет форму множественного числа: «тѣгда товѣ даръ емати по постояннямъ», а «воображение» явно определено: «да воображеніе животворящаго креста на другон сторонѣ». Исходя из контекста «постояние» – это либо традиционно установленная форма осуществления какого-либо действия, традиция, правило, обычай (в данном случае принятие дара), либо собирательное, обозначающее место постоянного пребывания каких-либо лиц. В случае наличия собирательного значения также можно говорить о преобладании в слове конкретно-предметной семантики, но первичное значение все же восходит к отвлеченному действию, позднее в результате метонимического переноса ставшему обозначением места. Приблизительно такую же трансформацию претерпело существительное «воображение», превратившись из отглагольного производного со значением отвлеченного действия в конкретно-предметное наименование отличительного знака, символа, печати (**вообразити** – придать образ). Если «постояние» употреблено в значении «постоянная традиция, установленные ранее правила», то оно имеет считающиеся разновидностями первичного отвлеченного состояния, конкретизируемого в целях упорядочения, регламентации. Иными словами, ни «воображение», ни «постояние» на словообразовательном уровне не выходят за рамки общей схемы словопроизводства, а все лексические и грамматические отклонения этих слов восходят к развитию и расширению семантики производных.

- Существительные с суффиксом -иј(-ьј):
- вещество** – «...а Новгородъ свое вещество отложиаъ» (Гр. № 18);
- братья** – «...повеле Новгородъ взяти товаръ свои братья» (Гр. № 46);
- верховье** – «...да Пялмоу рекою до верховья Пялемского...» (Гр. № 284);
- заморье** – «Се приѣха... из заморья...» (Гр. № 46);
- насилье** – «Оже кто робу повержетъ насильемъ, а не соромить, то за обиду гривна...» (Гр. № 28);
- нелюбие** – «...все нелюбие отложити и от мала и от велика, не мцати ти ни судомъ, ничим же» (Гр. № 3);
- обилье** – «...а што в тѣхъ селѣхъ обилье...» (Гр. № 12);
- орудье** – «А се которое орудье завяжется въ обидѣ...» (Гр. № 46);
- полюдие** – «А язъ далъ рѣкою своею и осеннее полюдие даровное...» (Гр. № 81);
- плавье** (плавья) – «...да отъ Унои порога Шалон рикон вверхъ до плавьевъ...» (Гр. № 285);
- поморье** – «...и се сторонѣ поморья к посаднику...» (Гр. № 46);
- пришествие** – «...да судитъ ему богъ в день пришествия своего и тѣ святцыи Георгии» (Гр. № 81);
- розмирье** – «А коли будетъ Новгороду розмирье с Нѣмчи...» (Гр. № 15);
- розратье** – «...что ся учинило промежи князя и Новгорода розратье» (Гр. № 11).

На лексико-семантическом уровне производные существительные с суффиксом -иј(-ьј) делятся на отвлеченные и собирательные.

Собственно отвлеченными, обозначающими отвлеченные действия и состояния, являются, пожалуй, только **«насилье, нелюбие, розмирье, розратье, орудье, вещество, пришествие»**. Собственно собирательными, называющими совокупное количество предметов или лиц как единое целое, являются слова **«шурья»** и **«братья»**. Остальные производные занимают неустойчивое, промежуточное положение между отвлеченными и собирательными значениями, осложненные дополнительным оттенком конкретным. Так, к собирательно-конкретным вполне можно отнести **«обилье, заморье, поморье, полюдье, плавье, верховье»**.

Словообразовательные модели, в которых принимает участие суффикс -иј(-ьј) для образования имен, называющих отвлеченные, собирательные и собирательно-конкретные понятия, весьма разнообразны.

Собирательное значение передается в моделях, в которых мотивирующими выступают исключительно существительные: **братъ – братья**, аналогично, возможно, **шѣра – шурья**, хотя производящего слова **«шѣра»** в древнерусских памятниках

не зафиксировано (ср. старославянское **«шѣръ»**, сербскохорватское **«шѣра»**). Примечательно, что оба производных обозначают близкородственные связи людей. Словообразование характеризуется тем, что происходит на I-й ступени.

Отвлеченное значение представлено в моделях, в которых мотивирующими выступают и существительные, и прилагательные. В большинстве случаев словообразование происходит либо на II-й или даже на III-й ступенях, либо осложнено приставкой. Единственным словом, произведенным без участия префикса на I-й ступени, следует считать **«орудье»** от **«орѣда»** (работа, ср. орудовать). По сравнению с мотивирующим, производное **«орудье»** означает конфликтное столкновение, спор, выяснение отношений, судебное дело, т. е. имеет судебно-правовую сферу употребления и сниженный эмоционально-психологический оттенок лексического значения: **«А се которое орудье завяжется въ обидѣ промежи Великого Новгорода с свѣскымъ колоромъ...»**.

Несомненно, отглагольными производными являются слова **«насилье»** от **«насилити»** и **«пришествие»** от **«прити»**. Оба обозначают отвлеченное действие, названное мотивирующим глаголом, и различаются лишь сферой употребления, т. е. на функционально-семантическом уровне: **«нелюбие»** более свойственно живому народно-разговорному и деловому языкам, а **«пришествие»** – церковнославянскому. Употребление церковнославянизма неизбежно в деловом письме для указания на причастность описываемых действий к высшей силе, без благословения и одобрения церкви ни одно крупное актово-правовое событие не могло совершиться. Заимствованное из старославянского языка слово **«пришествие»**, по сути, содержит на морфемном уровне два суффикса: **-ств** и **-иј**, которые пережили процесс переразложения и стали единой словообразовательной морфемой, указывающей на отвлеченное действие или состояние. Близость или, вернее, полная тождественность словообразовательных значений суффиксов **-иј(-ьј)** и **-(ьств)иј** в словах **«насилье, пришествие»** позволяет рассматривать их как варианты одного суффикса. Формальное наличие элемента **-ьств** в слове **«пришествие»** свидетельствует о разнице на лексико-функциональном уровне, поэтому два суффикса, **-иј(-ьј)** и **-ьствиј**, можно квалифицировать как функционально-семантические словообразовательные синонимы, т. е. суффиксы, выражающие, по сути, одно значение в разных функциональных типах языка.

Приставочно-суффиксальным способом образованы существительные **«вещество»** и **«нелюбие»**, в качестве мотивирующих для них выступают также существительные, т. е. они являются, безусловно, отыменными. Примечательно синонимическое значение приставок **вез-**(вез-

и не-, указывающих на отрицание или отсутствие того, что названо мотивирующим словом.

Двойную словообразовательную мотивацию допускает производное «розратъе», которое можно объяснить через существительное «ратъ» (битва, вражда) или через незафиксированный глагол «розратиги» (возможное значение «враждовать, конфликтовать, вести судебную тяжбу и т. д.»). При отыменном способе словопроизводство осложняется прибавлением приставки роз-, вносящей в слово значение «размежевания, разделения, разъединения». Так или иначе здесь снова имеем дело либо со смешанным (префиксально-суффиксальным способом), либо словообразование представлено на II-й ступени, т. е. производное «розратъе» по своим деривационным качествам не выходит из традиционных правил образования слов с отвлеченной семантикой в новгородских деловых документах XII–XIV вв. Такова же семантико-словообразовательная характеристика существительного «розмирье».

Собирательно-конкретные слова в большинстве случаев мотивированы существительными и могут быть осложнены прибавлением префикса. К префиксально-суффиксальным отыменным производным, без сомнения, относятся «заморье, поморье, полюдие». Наличие конкретного оттенка в словах обусловлено тем, что в качестве мотивирующих выступают существительные с конкретным значением, но широта семантики производящих придает производным обобщенно-собирательную составляющую, вследствие чего они обозначают конкретное, мыслимое как собирательное.

Еще большей конкретикой и указанием на определенную реалию местности обладает производное «верховье», которое также является отыменным, поскольку мотивировано существительным «врхъ». Особенность данного производного в том, что между производящей основой и словообразовательным формантом появляется протетический элемент -ов-, свойственный косвенным падежам склонения на -й.

Слово «обилье» – дериват от существительного или субстантивированного прилагательного «обильъ» (обильный) и помимо собирательно-конкретного содержит еще вещественное значение.

Единственным отглагольным существительным, по всей видимости, является «плавье» («плавья»), которое мотивировано глаголом «плавати». В этом случае «плавье» обозначает «широкие, удобные места, где можно купаться или ходить на лодках». Собирательное значение слова подчеркнуто в тексте употреблением в форме множественного числа: «вврхъ до плавьевъ, да отъ плавьевъ тон же Шалон рикон вврхъ».

Как видно, суффикс -иј(-ьј) часто употребляется все-таки в виде -ьј, который возник после падения редуцированных в результате утраты слабого

напряженного [и]. Сохранение [и] в составе слова объясняется либо функционально-семантически особенностями (слово «пришествие» – церковнославянское и по происхождению, и по сфере употребления), либо тем, что производное выявлено в очень ранних памятниках, написанных до завершения процесса падения редуцированных (слово «полюдие» в грамоте 1130 г.).

Существительные с суффиксом -ьств(-еств):

дүшегүвство – «не судити опрочѣ татъвы и дүшегүвства...» (Гр. № 86);

игүменство – «и се порүчаю мѣсто се на игүменство» (Гр. № 103);

намѣстничество – «...или кого пожалюю намѣстничествомъ» (Гр. № 88);

насилство – «...или инъ станеть насилствомъ творить на местѣ семъ, да бѹдетъ проклятъ» (Гр. № 103);

одиначество (единодушие) – «...на томъ целовати крестъ... в одиначество всемү Новгороду» (Гр. № 16);

отечество – «и намѣстницы судятъ емү по его отечеству» (Гр. № 88);

посольство – «Такоже брат нашъ Сидоръ былъ въ Стоколѣ посольствомъ с тыми погыблыми людьми...» (Гр. № 44).

Существительные с суффиксом -ьств(-еств) обозначают в основном отвлеченные понятия, названные мотивирующим словом. В качестве мотивирующих баз выступают имена существительные (посълъ – посольство, игүмень – игүменство, намѣстникъ – намѣстничество, отьць – отечество). Сложно-суффиксальное производное «дүшегүвство» также в качестве одной из производящих основ имеет глагольную: дүша, гүвити – дүшегүвство. При отыменном характере словообразования существительные с суффиксом -ьств(-еств) обозначают отвлеченные понятия, названные по отношению к мотивирующему слову, а при отглагольном – отвлеченные действия, названные по мотивирующему глаголу.

Как известно, суффикс -ьств (-еств) является принадлежностью книжно-письменного языка и часто расценивается как церковнославянская морфема. Книжный характер производных с суффиксом -ьств (-еств) подчеркивается и в деловых грамотах. Это достигается семантикой производящих слов (игүмень – игүменство; дүша, гүвити – сложение, построенное по книжным образцам, – дүшегүвство). Иногда существительное с суффиксом -ьств(-еств) выступает как наиболее выразительное, коннотативное средство по сравнению со своими однокоренными. Ср.: «А которон братъ нашъ да от мѣста сего начнетъ хотѣти игүменства или мздю или насильемъ, да бѹдетъ проклятъ; или ото князя начнетъ по насилью дѣяти кому или по мздѣ, да бѹдетъ проклятъ; или епискупъ по мздѣ начнетъ кого ставити,

или инъ станетъ насильствомъ творити на местѣ семъ, да вѣдетъ проклятъ» (Духовная Антония Римлянина). Как видно, существительное «наси́льство» носит более обобщенно-отвлеченный характер по сравнению со словом «наси́лье» и замыкает фразовое единство как самый сильный словесно-логический элемент в ряду встроенных однотипных семантико-синтаксических конструкций. Тем не менее официально-деловое письмо сумело приспособить для своих целей словообразовательную модель, использовавшую суффикс **-ьств(-еств)**. Это выражается в том, что суффикс **-ьств(-еств)** стал использоваться для номинации государственно-правовых понятий, а следы книжного происхождения сыграли дополнительную роль в значении и функционировании слов с суффиксом **-ьств(-еств)**: генетические признаки книжного происхождения позволили суффиксу участвовать в производстве таких слов, которые мыслились носителями языка как нечто высокое и важное, относящееся, как правило, к сфере государства, власти и права: **посо́льство**, **намѣстничество**, **отечество**, **одиначество**, **дүшегүвство** (ср. убие-ние), **наси́льство** (ср. **наси́лье**).

Еще одной примечательной особенностью существительных с суффиксом **-ьств(-еств)** является то, что они в большинстве случаев производные не на I-й ступени словообразования: **сьлати – посълати – посъль – посо́льство**; **мѣсто – намѣстникъ – намѣстничество**; **сила – силити – насилити – наси́льство**; **одинъ – одинакъи – одиначество**. Исключением из этого правила являются «**игүмень – игүменьство**» и «**отъць – отечество**», первое из которых – греческое заимствование, мало подвергшееся ассимиляции в древнерусской словообразовательной системе, а второе – этимологически производное, так как содержит этимологический суффикс **-ыц**.

Слова «**игүменьство**, **посо́льство**, **намѣстничество**» объединяются тем, что совмещают в своих значениях отвлеченную и собирательную семантику, их вполне можно квалифицировать как отвлеченно-собирательные.

Очевидно, первоначально обозначая отвлеченное состояние, названное по мотивирующему существительному, они развили в себе дополнительный оттенок собирательного множества в силу того, что слова, их мотивирующие, способны подвергаться счету в языковом сознании носителей, чего не произошло со словом «**отечество**», кото-

рое может служить доказательством выдвинутого положения, ведь отец – один для любого человека.

Таким образом, отвлеченное и собирательное значения, объединенные на основе принципа противопоставления конкретно-предметного и личного значения, занимают в грамотах устойчивое положение в силу специфики и коммуникативной направленности делового языка. Отвлеченное и собирательное значения зачастую смешиваются в производном, еще более сближаясь друг с другом и отдаляясь тем самым от конкретного. Развитие отвлеченного и собирательного значений могло идти как по пути безаффиксного словопроизводства, так и по пути суффиксального (иногда префиксально-суффиксального) способа словообразования, непродуцированные безаффиксные лексемы постепенно изживают себя, уступая место аффиксальным образованиям. Среди слов с отвлеченным и собирательным значениями есть как весьма древние, возникшие, очевидно, еще в общеславянский (или праславянский) период (их мало), так и собственно древнерусские производные, активно пополнявшие словарный состав после проникновения книжных моделей и тенденций словопроизводства.

Библиографический список

1. *Блохин А.В.* Словообразование существительных со значением лица в разных типах древненовгородских грамот XI–XIV веков // Вестник МГОГИ. Сер.: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация: науч. журнал. – № 2 (2011). – Орехово-Зуево: МГОГИ, 2012. – С. 25–28.
2. *Блохин А.В.* Общее и частное в словообразовании имен существительных с конкретно-предметным значением в новгородских памятниках письменности XI–XIV веков // Вестник МГОГИ. Сер.: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация: науч. журнал. – № 2 (2014). – Орехово-Зуево: МГОГИ, 2014. – С. 10–17.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – 408 с.
4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 585 с.
5. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.
6. *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та. – 1987. – 207 с.

**ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ХРАНИЛИЩЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО БОГАТСТВА ЯЗЫКА
(на материале хрестоматий костромских говоров)**

В настоящее время лексику русских говоров целесообразно изучать в конкретных условиях её функционирования, используя обширные контексты, где она в совокупности с фонетическими и грамматическими средствами может наиболее адекватным образом продемонстрировать свои структурно-семантические и ареальные качества. Это изучение должно способствовать более точному выявлению её состава и основных имманентных черт в культурном пространстве национального языка на фоне литературного языка и других, внелитературных, образований и даст материал для сравнения с говорами ближайших и более удалённых территорий с целью определения их общих и отличительных черт, выявления позитивных и негативных изоглосс, изучения локальных черт литературной формы русского языка. Важным и ещё недостаточно используемым источником изучения словарного богатства говоров являются хрестоматии. Тексты, отражающие костромские говоры, включены в учебные вузовские пособия по курсу «Русская диалектология», собрание костромских диалектных текстов содержится и в источниках, созданных на костромской земле в период конца XX – начала XXI вв. Это учебные пособия, словари, книги разножанрового характера, специализированные собрания текстов, отражающие особенности костромских говоров на всей территории их распространения в пределах административных границ Костромской области.

Ключевые слова: костромские говоры, говоры Костромской области, хрестоматия, лексическое богатство костромских говоров, собрание текстов.

Понятие «костромские говоры» мы употребляем по отношению к говорам современной Костромской области, выделенной из состава Ярославской в 1944 году и продлённой к востоку за счёт присоединения новых территорий, прежде относившихся в основном к Вологодской области. По сравнению с тем временем, когда существовала Костромская губерния, это административное членение не во всём соответствует реальным историческим границам прошлого. По крайней мере, так полагают археологи и предпочитают говорить с точки зрения научного краеведения о костромском крае, имея в виду оставшуюся часть Костромской губернии в составе современной Костромской области [1, с. 3].

Говоры на территории Костромской области, сложившиеся в результате славянского освоения новых земель потоком новгородцев, выходцев из «Верхней Руси» (сер. XI – нач. XII вв.), и последующим более мощным потоком из Ростово-Суздальских земель, Владимирской, «Низовой Руси» (вторая половина XII – первая треть XIII вв.) [1, с. 150], имеют ряд различий на всех ярусах своей системы, в том числе и в лексике, хотя и обладают определённой совокупностью общих черт и входят, по классификации Московской диалектологической комиссии (МДК) 1915 г., в одну группу говоров северновеликорусского наречия, Вологодско-Вятскую, являются говорами первичного заселения и окончательно сформировались уже к XIV в.

В настоящее время лексику русских говоров, особенно протяжённых территорий, целесообразно изучать в конкретных условиях её функционирования, используя обширные контексты, где она в совокупности с фонетическими и грамматическими средствами может наиболее адекватным образом продемонстрировать свои структурно-се-

мантические и ареальные качества. Это изучение должно способствовать более точному выявлению её состава и основных имманентных черт в культурном пространстве национального языка на фоне литературного языка и других, внелитературных, образований и даст материал для сравнения с говорами ближайших и более удалённых территорий с целью определения их общих и отличительных черт, выявления позитивных и негативных изоглосс, и, наконец, с целью изучения локальных черт литературной формы русского языка, пришедших в стандартную, «надтерриториальную» форму национального языка из севернорусских говоров.

Для определения статуса костромских говоров в этом плане данные задачи являются особенно актуальными. Большая часть костромского края находилась в тесных экономических и политических связях с Москвой, поэтому грамматика и основной лексический фонд литературного языка и костромских говоров (как и большинства севернорусских говоров) имеют относительно немного различий. Расхождения в лексике имеются там, где требуются особые номинации для обозначения узкоместных, специфических реалий крестьянской жизни. Более значительные расхождения наблюдаются в присоединённых в 1944 году восточных районах Костромской области.

Лексика костромских говоров к настоящему времени в той или иной мере представлена в различных рукописных и печатных источниках, начиная с трудов Общества любителей российской словесности, Опыта областного великорусского словаря и Дополнения к нему, Словаря В.И. Даля и до наиболее полно отражающих её Ярославского областного словаря под ред. Г.Г. Мельниченко и академического Словаря русских народных говоров. Готовящийся в Институте лингвистических

исследований РАН Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ) должен показать значительную часть словарного запаса костромских говоров и уже частично представил его в своей картотеке и подготовленных к печати картах, но полное отображение лексического состава костромских говоров в атласе – дело неблизкого будущего. Есть и относительно недавние лексикографические произведения, посвященные костромским говорам и созданные на костромской земле. Это краткий костромской областной словарь «Живое костромское слово» [13], для создания которого использованы Программа ЛАРНГ (8-й раздел) [15] и словник диалектной лексики, извлечённой из произведений Н.А. Некрасова и А.Н. Островского и апробированной на материале костромских говоров. Это также Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова как часть книги «Живое поунженское слово» Н.С. Ганцовской, где содержится диалектная лексика, нарицательная и проприальная (последняя в виде второй части словаря выполнена О.А. Образцовой), в избытке представленная в произведениях кологривского писателя Е.В. Честнякова. В ней имеется небольшой словарь, созданный Е.Г. Веселовой на материале кологривских говоров, верифицирующий данные Словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. В данной книге имеется также хрестоматия поунженских говоров и Краткий словарь к её текстам [5]. Е.Г. Веселова является автором Краткого словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова в подготовленных Т.П. Сухаревой «Материалах из рукописных книг Е.В. Честнякова» [16, с. 165–167]. Кологривская диалектная лексика отражена и в Кратком словаре диалектных слов, составленном П.В. Романцом по материалам этнодиалектных текстов-воспоминаний кологривского краеведа А.В. Хробостова, книгу которого можно рассматривать как своеобразную хрестоматию поунженских текстов [19, с. 365–377]. Автору этих строк принадлежит создание двух небольших авторских словарей, выборки из вставок-иллюстраций народной шунгенской речи в произведениях Н.Н. Виноградова, члена МДК и КНОИМК (Костромского научного общества по изучению местного края). Словари включены в книгу Н.С. Ганцовской «Костромское народное слово» [4, с. 60–69, 137–146] В ней же содержится хрестоматия диалектных текстов разных районов Костромской области и Краткий словарь к ним [4, с. 100–105]. Н.С. Ганцовской подготовлен к печати «Словарь говоров Костромского Заволжья: между речью Костромы и Унжи» объёмом в 47 п. л. Лексика говоров Костромской области представлена в издающемся в Екатеринбурге Словаре говоров Русского Севера [17]. Лексике костромских говоров, помимо указанных выше, посвящено немало количество статей и исследований, содержится

она в произведениях деятелей местной культуры и писателей, связанных с костромским краем, но в полной мере словарное богатство костромских говоров ещё не выявлено и не описано.

Как представляется, важным и ещё недостаточным используемым источником изучения словарного богатства говоров являются хрестоматии. Тексты, отражающие костромские говоры, включены в учебные вузовские пособия по курсу «Русская диалектология». Так, например, в «Хрестоматии по русской диалектологии» Г.Г. Мельниченко в разделе «Говоры центральных областей (исконная территория) северного наречия русских говоров Европейской части России» говоры Костромской области представлены, с подачи Н.С. Ганцовской, четырьмя текстами, отражающими говоры начала 80-х гг. прошлого века, Костромского (д. Кузьмищи), Нерехтского (с. Михеевское), Солигаличского (д. Разгоняй), Чухломского (д. Клевертово) районов и одним текстом Мантуровского района (д. Угоры), записанным А.В. Громовым [14, с. 33–36]. Выше упоминалось собрание диалектных текстов в источниках, созданных на костромской земле. К ним надо добавить первый опыт такого рода, готовящийся к переизданию – учебное пособие Н.С. Ганцовской «Особенности говоров Костромской области», содержащий, кроме 75 текстов, краткий словарь к ним, диалектологический очерк говоров на территории Костромской области, образцы словарного состава костромских говоров в виде перечня лексики нескольких тематических групп и пробные словарные статьи Словаря говоров междуречья Костромы и Унжи [3].

Тексты в книге-хрестоматии Н.С. Ганцовской «Меткое костромское слово» [6] отражают основные речевые особенности региона, в том числе лексику всех основных сфер существования носителей диалектов 24 районов Костромской области – природа, дом, человек, трудовая деятельность человека, особенности его материальной культуры, одежда, пища, напитки и их приготовление, обряды и верования, развлечения и т. д. В основном это полевые записи студентов и преподавателей КГУ (ранее КГПИ) им. Н.А. Некрасова, местных знатоков народного слова и автора этих строк, сделанные в конце XX – нач. XXI вв., а также тексты краеведов более раннего периода, конца XIX – нач. XX вв. Ценность материалов последних заключается в возможности более полно и системно представить лексический фонд говоров в период их активного функционирования. Как известно, говоры, эта «живая старина», сохраняются на территориях давнего заселения неопределённо долго и хранят в себе глубокую древность, позволяя определить этногенез края. Поэтому мы посчитали необходимым в состав нашей хрестоматии с разножанровыми (народные рассказы, диалоги, былички, бывальщины, стихи и др.) текстами,

предназначенной как для лингвистов, так и для массового читателя, включить плоды личных наблюдений известных деятелей культуры над живой речью диалектоносителей, неизвестные или малоизвестные сейчас широкой публике. Это «Песни беседные», содержащие лексику галичских говоров, собранные и положенные на ноты в 1872–1874 гг. учителем пения Ф.Н. Лаговским, меткие изречения зарецких жителей (за рекой Костромой вблизи губернского города) из произведений Н.Н. Виноградова [2] и меткие изречения поунженских крестьян из произведений Е.В. Честнякова, относящиеся к началу и середине XX в. [5]; выдержки из словарей исследователя поунженских говоров А.В. Громова: «Жгонский язык» [9], «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» [8], «Краткого словаря народного говора Мантуровского района Костромской области» [10], сборника частушек Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области «Переплетение» [11].

Диалектная лексика, приведённая в виде алфавитного списка в Кратком словаре к текстам хрестоматии, свидетельствует о тематическом богатстве и разнообразии способов отражения действительности предметной лексикой костромских говоров, своеобразии непредметной лексики и высокой степени сохранности в ней древнерусской архаики, даёт представление об её ареальных связях, происхождении, способах образования и др. Приведём для примера часть этого списка на начальные буквы алфавита: *ба'бка* (льна), *ба'ский*, *ба'сенький*, *ба'ять*, *бараба'нка*, *берсе'нь*, *бесту'жий*, *бизо'й*, *бо'бочка*, *болона'*, *бу'де*, *бура'к*, *валову'шка*, *ве'нки*, *ве'ночки*, *взакому'рь*, *взду'мать*, *ви'ца*, *вишкарю'*, *водё'нка*, *волмени'ца*, *волоку'ша*, *вы'воротень*, *вязаница'*, *го'лбец*, *голосова'ть*, *грё'бный*, *гребти'ться*, *гро'хот*, *гру'дки*, *гу'бы*, *дерю'жка*, *додо'ка*, *доро'дный*, *дровени'к*, *ду'дора*, *дубе'ц*, *духа'ня*, *е'дкий*, *есхи'тный*, *жи'тница*, *за'воротень*, *зобня'*, *зы'бка*, *изми'сьё* (изместье), *има'ть*, *ка'дца*, *калу'жина*, *кама'нка*... Тематически это лексика обработки льна, пастушеского ремесла, наименования ягод, грибов, посуды и разного рода ёмкостей, обуви, пищи, предметов домашнего интерьера и утвари, хозяйственных построек и их частей, различных природных реалий и др.; представлена тут и непредметная лексика – адъективы, глаголы, наречия, служебные слова. За пределами приведённого списка слов в текстах книги содержится также лексика, связанная с сенокосением, скотоводством, лесным делом, рыболовством, транспортными средствами, именующая человека по разным признакам: *подва'л* (сена), *стожа'р*, *крова'тка*; *ондре'ц*; *тели'ца*, *ялову'ха*; *ку'кольник*, *кужеле'к*, *новина'*; *недо'тка*, *ондре'ц*; *оде'ржаный*, *па'чесный*, *ра'менный*; *осы'рок*, *жи'тница*, *пове'ть*, *поне'бье*, *сельни'к*,

о'чеп, *ка'дца*, *корча'га*, *копте'рка*. *косты'ль*, *пола'вошник*, *поло'вочка*, *то'пник*, *роскуте'рник*, *рушни'к*, *столе'шник*, *су'тки*, *у'печь*; *ле'фта*, *о'гнище*, *хорёчек*, *шохра'*, *яуши'нник* (елшинник); *гу'бы*, *цели'к*, *я'годки-княжени'чинки*; *колобо'к*, *кру'пник*, *морко'вник*, *налиу'шка*, *пироже'нчик*, *поне'бье*, *рассучи'ть* (тесто), *сги'бень*, *стрепе'нька*, *твори'ть* (тесто), *тра'ники*, *холоде'нка*, *ишиу'ля*; *духа'ня*, *ягоди'ночка*, *славё'на*. *нечуны'й*, *охобо'тье*, *у'рево*, *па'дере*, *молоди'ца*, *додо'ка*, *ко'ка*, *розже'ня*, *стоя'льник*, *плясея' и др.*; *оболочка*, *порини*, *оборки* (лаптей), *обжимка*, *ошемётки* и др.

Материалы хрестоматии показали, что лексика на всей территории области, в том числе и в пределах Костромского акающего острова, является севернорусской, относится к восточной, вологодско-вятской группе говоров (по классификации МДК). Большая часть её функционирует на территории всей области, но ряд лексем характеризует западные и восточные говоры Костромской области по признаку центральные говоры / периферийные. К последним относятся следующие слова: *гу'бы* 'грибы', *оболо'чка* 'верхняя одежда', *ондре'ц* 'двухосная тележка', *осы'рок* 'крестьянская усадьба', *поне'бье* 'чердак над домом' (особенной плотности достигает концентрация этой лексемы в районе села Георгиевского (Межевской район), слева и справа от него вплоть до р. Ветлуги – по данным Лингвистических карт Г.Г. Мельниченко [13]), *сыч* 'зритель на свадьбе', *тели'ца* 'молодая корова', *хорёчек* 'кочка на болоте', *цели'к* 'серый гриб', *шоргу'н* 'бубенчик', *шохра'* 'лес на болоте', *яуши'нник* (елшинник) 'ольховый лес' и др. Непредметная лексика: *ба'ский*, *ба'сенький*, *ба'ять*, *бу'де*, *вза'комурь*, *нали'*, *на'льно*, *не'ражрый*, *оло'ндысь*, *оно'вдысь*, *отке'ль*, *отсе'ля*, *отто'ле*, *отуп'ороветь*, *оче'сливый*, *разоболока'ться*, *ра'менный*, *ра'ньче* и др. – также более употребительна в восточных районах Костромской области. В ней надо отметить семантические диалектизмы, далёкие по значению от литературных слов: *е'дкий* 'съедобный', *есхи'тный* 'хозяйственный', *то'ко* 'сейчас' и др.

В условиях тематически единых и достаточно обширных контекстов лексика в совокупности с фонетическими и грамматическими данными даёт представление и об этнодиалектных зонах данного ареала, что позволяет более уверенно говорить о глоттогенезе, этногенезе и демогенезисе говоров края. Так, например, можно отметить особый, промежуточный статус поунженских говоров на границе центральных и периферийных говоров, или, иными словами, говоров бывшей «Низовой, Владимирской Руси» и говоров более древнего новгородского потока славянского заселения, «Верхней Руси». Говоры поунженских районов Костромской области – Кологривского, Мантуровского, Макарьевского – в основной своей части, и за

исключением говоров всего Межевского района, расположены на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества. По ареалам лексических зон, выделенных Г.Г. Мельниченко на территории Владимиро-Суздальского княжества [13], они находятся в 6 лексической зоне, однако на самой её окраине, на границе с 7 диалектной зоной, которая простирается уже за пределами княжества вплоть до реки Вятки. Яркие черты периферийных говоров (мягкий звук «ц», цоканье, «у») неслоговое на месте конечного согласного «л» и перед согласными, европейское «л» и др., в том числе и специфическая лексика этих говоров) наиболее типичны для межевских говоров и также имеют место в говорах Кологривского, Мантуровского и северной части Макарьевского района. О своеобразии поунженских говоров и месте их в диалектном членении русского языка см. в исследовании А.В. Громова [7, с. 75–84] и других его работах.

В разделе «По Унже-реке» книги «Меткое костромское слово» представлены полевые записи речи кологривцев 1976, 1986, 2001, 2005, 2007 гг. деревень Даравка (по реке Понге, акающий говор), Денюгино, Хапово, Спирино; Макарьевского района – деревень Юрово (1996), Шемятино (1996), Никулино (1996); Мантуровского – д. Знаменка (1985); жителей Межевского района – д. Морозово (1977), Льгово (1986), Котлово (1978), Большое Шалдово (1977), отрывки из произведений Е.В. Честнякова и книг А.В. Громова, а также имеется запись кологривского говора А.В. Громым во время полевой практики со студентами КГПИ им. Н.А. Некрасова. Отметим ареальные особенности ряда слов из этого раздела, используя контексты книги.

Ахтымне'ченьки! Пойдёмте скорей в лес... Вопить будем... Скорее. (Е.В. Честняков. Сказка «Чудесная дудочка»: [6, с. 99]). *Ахтымне'ченьки* (увы). У Е.В. Честнякова встречается и форма *ахтымне'ченьки* [5, с. 14]. Слово не зафиксировано в СРНГ, но имеется в вологодских говорах и описано Л.Г. Яцкевич в форме *ахтымнеченьки*. *Вопи'ть* (громко звать).

Убро'дно се'дни (снегу намело, не пройти). Эта запись и толкование её принадлежит кологривскому краеведу З.И. Осиповой [6, с. 97]. *Се'дни*. Только в такой форме слово встречается по всей территории региона. Имеет ареальные связи с лексикой многих севернорусских говоров, преимущественно вологодско-вятской группы, но и с арх., петерб., твер. гов., петерб., казан. и многими сибирскими [СРНГ, вып. 37, с. 116]. *Убро'дно*. По данным СРНГ, слово характерно для сев.-р. говоров Предуралья и сибирских, но есть одна помета, относящаяся к ю.-р. говорам: орл. (тут, видимо, проявление демогенеза, позднего лексического наслоения, а не глоттогенеза), имеет несколько близких значений, но во втором, обнаруженном и в кологривских

говорах, оно отмечено только в Ср. Приуртышье в 2003 г.: 'о большом количестве неутоптанного снега, по которому трудно передвигаться'. *Убро'дно ныне в лесу-то – розвальни едва не завязил*» [18, вып. 47, с. 145].

Охарактеризуем диалектную лексику в более крупном фрагменте текста в записи А.В. Громова (1986 г.): воспоминания Марии Дмитриевны Беляевой 1903 г. р. из д. Денюгино Кологривского района о Е.В. Честнякове. *«Над им перво смиялись, штё вот издит в колясоцьке, картины, глинянки показывает, вроде хвастает, штё вот я какой. Робятишок соберёт, и большие сходяця. Штё скажет, всё сбудёця. Молодым предсказывав будушное. Всево, желанной, не расскажешь о Ефиме Восильвице. Ни одново празьника без ево не обходилося. Чем боле празьник, тем боле поёт, особенно в Михайлов день. Привезёт всем на тележке маски. Фсю жьсь нашу он показывав. И на свадьбах, и на поминках – везде бывав Ефим... Уш больно он цйи с молоком и пироги-капусники любив».*

Сев.-р. лексика этого текста – *перво, штё, робятишок, глинянки, желанной, боле, больно* – представлена в выразительном окружении севернорусских фонетических и грамматических явлений, характерных для периферийных говоров. Здесь наблюдается полное оканье, еканье, заударное ёканье, «и» на месте ять: *смиялись, издит*, твёрдое долгое «иши» на месте орфографического «иц»: *будушное, «в»* на месте «л» на конце слова: *предсказывав, бывав, любив*, упрощение групп согласных: *жьсь*, мягкое цоканье: *цйи, сбудёця*. Из грамматических явлений надо отметить смешение прямой речи с косвенной: *штё вот я какой*, сохранение гласного после согласного в постфиксе *-ся*: *не обходилося*, отсутствие «н» в местоимении после предлога: *без ево*, окончание *-ой* в форме прилагательных м. р. им. п.: *желанной*, наличие приставки *рос-*: *расскажешь*.

Мы полагаем, что личные имена географически значимы, и они во многом определяют специфические черты диалекты. Об этом выразительно свидетельствуют записи кологривских говоров О.А. Образцовой, бывшей студентки КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005 и 2007 гг. (информант В.Ф. Лещова 1922 г. р. из д. Хапово), показавшей типичные календарные имена кологривцев, подобные которым она нашла в изобилии в произведениях Е.В. Честнякова (О.А. Образцова – автор Словаря личных имён в произведениях А.В. Честнякова в книге «Живое поунженское слово» [5, с. 90–111]). *«Гоняли туды, в Малую Ужугу. Там у них Окулина была. Дедушко Авраам и бабушка Окулина... Кто какие, имена дают-то. Интересные были имена, очень. Такие: звали Марфю, Олёны, Домны, Праксавья. Очень много Домнов было... Так у нас батюшко Остафий дал сыну Никодим. Он аккурат в этот день родился. Бабок помню: Марфа да Олё-*

на. Братко Миня, братко Боря... И батько Павел, и доцьку Паня назвал» [6, с. 115].

Представленные примеры из книги «Меткое костромское слово» – один из шагов в освоении богатства лексики костромских говоров, изучение которого на материале различных источников, в том числе и хрестоматий, интенсивно продолжается и в настоящее время.

Библиографический список

1. Археология Костромского края / С.И. Алексеев [и др.]; под ред. А.Е. Леонтьева; ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию историко-культурного наследия Костромской области. – Кострома, 1997. – С. 276.
2. *Виноградов Н.* О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Ч. 1. Фонетика. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1904. – 100 с.; *Виноградов Н.* Народная свадьба в Костромском уезде // Труды КНОИМК. Отд. оттиск. – Кострома, 1917.
3. *Ганцовская Н.С.* Особенности говоров Костромской области: учеб. пособие. – Кострома: КГПИ, 1992. – 96 с.
4. *Ганцовская Н.С.* Костромское народное слово. Очерки, исследования, эссе, народные рассказы / ред. Т.Г. Гончарова. – Кострома: Ред.-издат. сектор Костромской областной думы, 2003. – 216 с.
5. *Ганцовская Н.С.* Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честякова. – Кострома: Костромиздат, 2007. – 225 с.
6. *Ганцовская Н.С.* Меткое костромское слово. – М.: Книговек, 2015. – 176 с.
7. *Громов А.В.* Некоторые особенности говоров Мантуровского и Макарьевого районов Костромской области // Вопросы русского языка. Выпуск V. Грамматика, стилистика, диалектология, методика. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1969.
8. *Громов А.В.* Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. – 118 с.
9. *Громов А.В.* Жгонский язык: Словарь лексики пимокатов Макарьевого, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2000. – 126 с.
10. *Громов А.В.* Краткий словарь народного говора Мантуровского района Костромской области. – Мантурово: Мантур. тип., 2005. – 96 с.
11. *Громов А.В.* Переплетение. Сборник частушек Мантуровского и Макарьевого районов Костромской области. – Мантурово: Изд. дом «Авангард», 2008. – 138 с.
12. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: ГОУВПО им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.
13. *Мельниченко Г.Г.* Лингвистические карты. Приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XI – нач. XII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование)». – Ярославль, 1974. – 94 с.
14. *Мельниченко Г.Г.* Хрестоматия по русской диалектологии: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус. яз и лит.». – М.: Просвещение, 1984. – 192 с.
15. Программа ЛАРНГ – Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994.
16. Русь, уходящая в небо... Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева. – Кострома: Костромаиздат, 2011. – 168 с.
17. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 2001.
18. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л., СПб.: Наука, 1965.
19. *Хробостов А.В.* Лебединая песня моего сердца. – Кострома: Фабрика сувениров, 2015. – 416 с.

Васильева Юлия Александровна
кандидат филологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
gis_00@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА (на примере тюркских эргонимов Астрахани)

В статье на материале эргонимов тюркоязычного происхождения исследуются этнокультурные компоненты семиотического пространства города Астрахани. Исследование семиотики имён собственных представлено как одно из направлений описания этнокультурного компонента городского семиотического пространства. В эргонимике города Астрахани автором выделен тюркский пласт, связанный с историческими этапами освоения Астраханского края. Полиэтнический состав населения города и постоянные контакты русского и тюркоязычного населения способствовали вхождению тюркских языковых единиц в русскую речь. На примере астраханских эргонимов прослеживается взаимодействие различных языков. Автор делает вывод, что присутствие отдельных языковых единиц тюркского происхождения в современных названиях коммерческих предприятий города придаёт ему восточный колорит, что обусловлено позиционированием Астрахани как мультикультурного региона.

Ключевые слова: эргоним, Астрахань, ассоциация, семантика, этнокультура, семиотика, тюрко-славянские языковые контакты.

Каждый город уникален, неповторим и отражает в своём нынешнем облике события далёкой истории. Современные российские города ищут свою идентичность, и целей этих поисков множество: улучшение и расширение инфраструктуры, участие в государственных программах и проектах развития, привлечение внутренних и внешних инвесторов, удовлетворение социокультурных потребностей горожан и т. п.

Александр Согомонов определил «парадокс современного российского урбанизма»: «На первый взгляд они (города. — Ю.В.) кажутся чрезвычайно похожими друг на друга (тяжёлое советское наследие ускоренной урбанизации), но при этом их урбанистическое качество существенно разнится от одного случая к другому» [3]. Кроме того, подчёркивается особая актуальность поиска городской идентичности в России, и этому есть логичное объяснение: «в большинстве других стран <...> исторический облик городов был сформирован давно и с годами лишь укреплялся (а не размывался, как в Советском Союзе в 1920–1950-х годах). <...> города желают обрести неповторимые лица, пусть даже порой такое лицо оказывается лишь лицедейской, но обязательно оригинальной, маской» [3].

Изучение семиотической сферы городов началось в XIX веке. Западные учёные Ролан Барт, Кевин Линч, Клод Леви-Стросс, Чарльз Дженкс исследовали семиотику города и символику архитектуры. Им принадлежит авторство понятий «семиотика пространства» (Р. Барт), «семантика пространства архитектуры» (Ч. Дженкс), «образ города» (К. Линч). Городское пространство представлялось им как текст, пространство коммуникации. Среди отечественных исследователей знаковой природы городского пространства, несомненно, выделяются имена Николая Павловича Анциферова, Юрия Михайловича Лютмана, Влади-

мира Николаевича Топорова, Бориса Андреевича Успенского и других.

Язык города включает в себя пространство номинаций, охватывающее обширный пласт различных наименований: названий улиц, площадей, торговых, культурных, спортивных учреждений и др. На формирование имиджа города влияет множество географических, социально-экономических, политических и культурных факторов, среди которых огромное значение имеет семиотический потенциал, заключённый в эргонимах коммерческих предприятий. Под **коммерческими предприятиями** мы понимаем учреждения, ориентированные на получение коммерческого эффекта (фирмы, кафе, рестораны, отели, банки и т. п.). **Эргонимы** – «названия деловых объединений людей, например союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [2, с. 151].

Кроме того, необходимо ввести в исследование понятие **нейминг** (англ. *to name* ‘называть, давать имя, нарекать’). В отличие от **номинации** (лат. *nominatio* ‘наименование’), которая заключается в именовании как процессе соотнесения языковых единиц с обозначаемыми объектами, **нейминг** подразумевает несколько иной процесс – создание оригинального, запоминающегося названия для компании, предприятия, торговой марки или товара. Сегодня активизация новых приёмов нейминга обусловлена маркетинговыми потребностями, а именно потребностями позиционирования.

Эргонимы коммерческих предприятий являются значимым элементом взаимосвязи между заведением и клиентом / посетителем. Оказывая воздействие на целевую аудиторию, эргоним побуждает клиента посещать определённые заведения, отдавать им предпочтение в ряду подобных.

Каждый город образует оригинальное символическое поле с определённой, свойственной только ему семантикой. Интерпретация этнокультурных

элементов семиотического пространства города является одним из наиболее характеризующих показателей языкового сознания этносов, проживающих в нём, поскольку именно знаковая система именования выступает источником этнолингвистической и исторической информации. Одним из направлений исследования и описания этнокультурного компонента является исследование семиотики имён собственных. Более того, имена собственные – наиболее репрезентативные объекты комплексного изучения взаимодействия языка и культуры. В центре нашего внимания – тюркские эргонимы города Астрахани.

В эргонимике города Астрахани отчётливо выделяется тюркский пласт, связанный с историческими этапами освоения Астраханского края. Полиэтнический состав населения города и постоянные контакты русского и тюркоязычного населения, несомненно, способствовали вхождению тюркских языковых единиц в русскую речь. На примере астраханских эргонимов можно проследить это взаимодействие различных языков. Отдельные языковые единицы тюркского происхождения присутствуют в современных названиях коммерческих предприятий города и придают ему восточный колорит, что обусловлено позиционированием Астрахани как мультикультурного региона, в котором на протяжении веков мирно соседствуют более двадцати народностей и этнических групп.

Ресторан восточной кухни «Диван-сарай». Один из наиболее колоритных эргонимов города Астрахани. Тюркское слово «диван» обозначало «мудрость, книгу, источник мудрости, сборник стихов, письменность, мудрый совет». Нельзя обойти вниманием Диван лугат ат-турк (араб. *تالغ ناويد* – собрание [сборник, словарь] тюркских наречий [языков]) – первый энциклопедический словарь тюркского языка. В данном случае слово имеет значение «сборник, собрание».

Слово имело и другое семантическое содержание – «совет сановников при султанах», позже – «комната для собраний, совещаний, в которой собирався государственный совет с широкими восточными «седалищами», сами «седалища». Ближайшие соседи турок, болгары, румыны и хорваты, стали употреблять «диван» в значении «комната для приёма гостей».

Этимология второй части этого составного эргонима не менее интересна. Слово «сарай» (тюрк. *saraj*), обозначающее сооружение, восходит к персидскому *sarāi* – «дворец».

Здесь мы наблюдаем интереснейшее языковое явление. Заимствованные слова, функционируя в любом языке, проходят сложный путь, сопровождающийся фонетическими, графическими, грамматическими и лексическими процессами освоения. Часто первоначальное значение заимствованного слова в языке-реципиенте полностью

или частично нивелируется. Эргоним «Диван-сарай» – яркий тому пример. В современных языках-первоисточниках слово «сарай» функционирует в первоначальном значении применительно к административным и культурным учреждениям. В русском языке исходное тюркское (персидское) значение этого существительного приобрело совершенно иное значение (постройка, нежилое помещение для хозяйственных нужд), но ещё сохраняется в таких тюркских словах, как *Бахчисарай*, *Караван-сарай*, *Сарай-Бату*. То же произошло с лексемой «диван». В русском языке слово имеет несколько искажённый по отношению к первоисточнику смысл, но в целом семантика 'места для сидения' сохраняется.

Примечательно, что в современном русском языке слово «сарай» имеет и переносное значение – 'неуютное, неопрятное помещение' (*Гостиница, в которую их поселили, оказалась настоящим сараем*). В этом контексте адекватное языковое восприятие эргонима «Диван-сарай» подразумевает наличие фоновых знаний по истории, краеведению, иначе у потенциальных посетителей этого ресторана могут возникнуть ложные представления о заведении, не соответствующие характеру предлагаемой услуги. В русском языковом сознании слово «сарай» имеет отрицательные коннотации, и вряд ли будет ассоциироваться с парадным зданием, дворцом, резиденцией влиятельных особ.

Однако астраханцам это слово хорошо знакомо. В 2011 г. в Астраханской области создан экскурсионный комплекс «**Сарай-Бату – столица Золотой Орды**». Годом раньше этот комплекс представлял собой декорации, имитирующие древний город и возведённые для съёмок исторической драмы «Святитель Алексей» (второе имя картины – «Орда»).

Семантическое ономообразование в эргонимии города Астрахани происходит очень динамично. В составе эргонимов часто используются не только ресурсы общей лексики, но и собственные имена. Два ярких примера результатов этого процесса – отантропонимические эргонимы «**Аль-Фараби**» (ресторан восточной кухни) и «**Аль-Маидат**» (трапезная). В обоих названиях присутствует определённый артикль *Аль*, указывающий на принадлежность слова к арабскому языку.

Аль-Фараби – употребительное сокращение имени известного восточного философа, учёного, математика X века. Однако обращение к прецедентным именам, присутствующим в сознании носителей русского языка, не всегда соотносится с реально существовавшими людьми (как в эргониме «Аль-Фараби»). Название трапезной «Аль-Маидат» тоже происходит от имени собственного (Маида, или Маидат, – женское персидское имя), однако не несёт особой культурно-символической нагрузки.

Название ресторана «Чайхана Шоли» интересно уже тем, что содержит неоднозначную отсылку к классификации предприятий общественного питания. С одной стороны, это ресторан, но в то же время лексема *чайхана* (от перс. چایخانه – «Чайный дом», помещение; тадж. *чайхона*, узб. *Чоухона*, тат. *чайханэ*) указывает на несколько иной формат заведения. Чайханой называют чайную в восточных странах (в Иране, Средней Азии, Азербайджане). «Ресторан» (слово имеет латинское происхождение: лат. *restaurare* – ‘восстановить, крепить’) – более понятная европейцу категория заведений общепита, нежели «чайхана». Слово «restaurant» в американском английском означает не только ресторан в привычном смысле, но и любое предприятие общепита.

Словом «шоли» именуют традиционную мужскую одежду у афганцев: длинное хлопчатобумажное покрывало, заменяющее верхнюю одежду [1].

Название чайханы «АКВАР» вызывает однозначные ассоциации с арабскими словами, что в переводе означает «великий Господь», «Аллах великий» и носит религиозный подтекст. В то же время графическое оформление эргонима («ВАР») указывает на то, что перед нами заведение общественного питания.

Кафе «Азбар». Словом *азбар* именовался передний двор в крестьянской усадьбе татар-мишарей, включавший в себя жилой дом и надворные постройки.

Название кафе «Гёк-Гель» восходит к топониму: такое название имеет озеро в Азербайджане. С азербайджанского языка *Гёк-Гель* переводится как «голубое озеро», что подтверждается его чистотой и прозрачностью. Этот и другие эргонимы составляют группу, основанную на географических и этнографических ассоциациях.

Очень часто в основе названий лежит религиозно-символическая лексика. Так, ряд астраханских эргонимов содержит традиционную для мусульманского мира лексему «халяль» (кафе быстрого питания «Halal Food», кафе «Баркат Халяль», продуктовый магазин «Халяль» и др.). Слово имеет арабское происхождение (араб. *حلال* – свободное) – всё то, что разрешено и допустимо в исламе (противоположно хараму). Чаще всего этот термин относится к дозволенной мусульманам пище, поэтому присутствие в названии кафе или магазина лексемы «халяль» служит для клиента-мусульманина своеобразным сигналом о том, что в заведении не нарушаются исламские пищевые запреты. В целом *халяль* применим к любой сфере человеческой жизни: к продуктам питания, одежде, украшениям, косметике, отдыху, развлечениям, отношениям между людьми и т. п.

Интересно и графическое оформление лексемы «халяль» в названии кафе быстрого питания «Halal Food». Использование латиницы в сочетании со

словом «food» прочитывается как попытка придать названию заведения современное звучание (англ. *fast food* – быстрое питание).

Религиозный подтекст содержат в своей лексико-семантической структуре и другие эргонимы – кафе «Райян» и «Восточный Райян». Райян (Раян) – имя собственное (араб. *ناريان* – орошенный, напоенный), ар-Райян – в исламе название двери в рай, через которую войдут люди, которые вели праведный образ жизни.

Многочисленны и эргонимы, образованные от названий кулинарных блюд. Название восточного блюда арабского происхождения «шаурма́, шавёрма (также шавáрма, шуáрма, шаорма, араб. *شاورما*, *امرواش*, ивр. *שמרואר*, от тур. *çevirme*), в некоторых странах называемое дёнер-кеба́б, дёнер, кебаб (тур. *döner kebab*), легло в основу ряда астраханских эргонимов и имеет в городском эргонимиконе массу структурно-словообразовательных особенностей. Можно выделить сеть закусочных «Шаурмитга», кафе «Шаверма», «Шаурма House», «Шаурмания», «Шаурмитос», «Шаурминка», «Шаурма Донар», «Шаурмист», «Donar kebab» и др.

Арабское приветствие «Ас-саламу алейкум» («Мир вам», «Мир с вами») также используется в названиях ряда астраханских кафе и продовольственных магазинов: «Ассалам», «Салам» (всего нами отмечено шесть подобных эргонимов). Эта арабская формула этикета укоренилась в исламе и повсеместно используется мусульманами разных национальностей.

Итак, предметом нашего исследования стали этнокультурные компоненты семиотического пространства города, а именно влияние тюркских языков на эргонимический портрет Астрахани. Эргонимика города вследствие его полиэтничности подвержена влиянию различных языков, и пласт эргонимов тюркского происхождения, несомненно, составляет значительное число названий коммерческих предприятий. Современный рынок в последние десятилетия характеризовался переизбытком названий англоязычного происхождения и американизмами. Возможно, именно отмеченная «перенасыщенность» побудила номинаторов давать коммерческим предприятиям оригинальные названия, вызывающих интерес у потенциальных клиентов. Нейминг вышел на новый уровень, и эргонимы Астрахани всё чаще отражают специфический колорит – колорит Каспийской столицы с богатой историей.

В то же время в астраханских эргонимах всё ещё наблюдается определённое смешение языков, которое в том числе затрагивает и графическое оформление эргонимов: «Шаурма House», «Halal Food», «АКВАР», «Donar kebab» и др. На наш взгляд, это следствие «глобализации» языка, стремление номинаторов создать единое языковое пространство, в котором культурологическое содержание номинаций, их региональные языковые

особенности и национальный колорит будут адекватно восприняты всеми реципиентами – жителями Астрахани, носителями иностранных языков, гостями города.

В заключение отметим, что размышления о значениях эргонимов, их лингвокультурологической природе имеет большое значение для формирования языковой личности, так как ориентировано на изучение языка в связи с мышлением человека и освещает массу сведений из истории и культуры полиэтничного региона.

УДК 811.161.1'37

Библиографический список

1. Андреева Р.П. Энциклопедия моды. – СПб.: Литера, 1997. – 416 с.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – 170 с.
3. Согомонов А. Современный город: стратегия идентичности // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/so21.html> (дата обращения 14.01.2015).

Дундукова Ангелина Михайловна
Петрозаводский государственный университет
gelya@onego.ru

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ И СИНТАГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СЛОВ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ (на материале лексики природного мира)

В статье демонстрируются некоторые особенности функционирования слов в фольклорном тексте в сравнении с их узвальным употреблением. Анализ проводится на примере субстантивов, служащих для номинации такого животного, как лошадь, в текстах «Онежских былин» А.Ф. Гильфердинга. Репрезентаций таких лексем в былинном именнике немного, однако количество их употреблений составляет почти половину от общего числа употреблений зоонимов и фитонимов в анализируемом сборнике. Возможно, подобное явление связано с тем, что конь (лошадь) играет особенно важную роль в мифологических системах мира, и у славян в том числе. В исследуемых текстах были отмечены такие оппозиции, как «конь» – «кобыла», «конь» – «жеребец» и пр. Концепт «конь», представленный в «Онежских былинах», является не только самым частотным, но и одним из самых неоднородных. Вокруг ядерной лексемы, вобравшей в себя большую часть значений, группируются, вступая в различные отношения как с центром, так и друг с другом, остальные слова. При этом возникающие у исследуемых лексем в том или ином контексте дополнительные оттенки значений нередко нарушают привычные логические связи, закреплённые в парадигматике и синтагматике лексических единиц русского языка.

Ключевые слова: язык фольклора, лексема, субстантив, «Онежские былины» А.Ф. Гильфердинга, конь, лошадь, жеребец, кобыла, жеребёнок.

Язык русского фольклора – одна из самых изученных и изучаемых областей в современной лингвистике, однако народнопоэтическая культура так богата и многогранна, что до сих пор «хранит в себе много загадочного» [8, с. 7], позволяя исследователю каждый раз находить в ее сокровищнице что-то новое.

Сборник «Онежские былины» в записи А.Ф. Гильфердинга¹ по праву считается сегодня наиболее полным изданием фольклорных эпических песен, а значит, именно вошедшие в него тексты могут предоставить нам наиболее точные и подробные данные об особенностях словесно-художественной традиции этого жанра. Язык былин очень информативен, он дает нам возможность сейчас, в XXI веке, увидеть мир Древней Руси, достаточно объективно судить об «этносоциальных традициях, пространственно-географических, историко-культурных представлениях создателей и носителей эпосов, а также территорий бытования самих эпических текстов» [8, с. 3]. Содержание тематического указателя к «Онежским былинам» А.Ф. Гильфердинга, составленного Н.В. Васильевым [1], позволяет судить о разнообразии инфор-

мации, которую могут предоставить нам былинные тексты. Это и богатейший список имен собственных, и данные о религиозной жизни человека (верования христианские и языческие, обряды), об особенностях семейного быта (обозначение родства, отношение членов семьи друг к другу, отношения полов, не покрываемые понятием брака), и информация об общественном быте (сословия и их отношения между собой), и житейская хроника (жилище, домашняя обстановка, занятия и промыслы, ремесла, торговля), и сведения об искусстве (музыка, пение, пляска, игры), военном быте наших предков, а также природе (одушевленной и неодушевленной), которая их окружала [1, с. II].

Последняя из перечисленных тематических групп, а точнее названия животных и растений, встречающиеся в фольклорных эпических текстах, разнообразна и интересна, но почти не изучена. А между тем она довольно многочисленна: в сборнике А.Ф. Гильфердинга нами обнаружены 254 лексемы (4238 словоупотреблений), причем почти половина из них (2000) приходится на субстантивы, служащие для номинации такого животного, как лошадь (см.: [2]²): «лошадь» (20),

«лошадушка» (6), «лошадка» (5), «лошадёнка» (1), «конь» (1668), «конёк» (2), «коник» (1), «конишек» (1), «конишечко» (5), «конюшко» (7), «комонь» (6)³, «кобыла» (40), кобылка» (21), «кобылица» (7), «кобылушка» (5), «кобылочка» (1), «жеребец» (33), «жеребчик» (29), «живобец» (2)⁴, «жеребёночек» (2), «жеребятушко» (1), «воронок» (1), «воронко/е» (2/1), «бурко/е» (27/1), «бурушко» (104), «кляча» (1). Такая диспропорция вполне объяснима: подавляющее большинство текстов в сборнике А.Ф. Гильфердинга в жанровом отношении являются былинами, а представить себе богатыря, то есть, согласно словарю В.И. Даля, «человека рослого, дородного, дюжего и видного; необычайного силача; смелого и удачливого, храброго и счастливого воина, витязя» [3, с. 102] без коня очень трудно.

Конь (лошадь) играет важную роль в мифологических системах мира, и у славян в том числе. Способность этих животных быстро двигаться, их красота и мощь послужили основой того, что конь (как и птица) стал олицетворением стихийных сил природы – солнца, месяца, звёзд, ветра, грозových туч, движущихся по небу облаков, молнии и т. д. Отражение этих древних представлений можно обнаружить и в эпических фольклорных текстах. Например, для того, чтобы богатырский волшебный конь приобрёл особенную выносливость, силу и быстроту, необходимо несколько дней пасти его утром на лугу: лошадь должна поваляться в росе – живительной влаге небесного происхождения; кони в былинах с легкостью преодолевают препятствия в виде рек, озер и гор, способны выдыхать пламя и издавать такие звуки, от которых содрогается земля или которые слышны очень далеко (конский топот или ржание); у волшебных коней есть крылья; лошади в былинах часто бурого или черного («бурушко», «воронок»), как грозовая туча, цвета, кони обладают удивительной силой и мудростью, помогают своему владельцу в тяжёлых битвах и решении трудных вопросов и пр.

Если вспомнить лексические значения субстантивов, обозначающих понятие «лошадь», логично предположить, что они могут быть семантически противопоставлены по следующим признакам: пол («жеребец» / «живобец» – «кобыла» / «кобылица»), возраст («лошадь» / «конь» – «жеребчик», «жеребёночек», «жеребятушко»), масть («бурушко» / «бурко/е» – «воронок» / «воронко/е») и пр. Однако в исследуемых текстах были отмечены другие оппозиции, например «конь» – «кобыла», «конь» – «жеребец». Первое противопоставление характерно для былинного сюжета «Вольга и Микула», например: *А й Микулина кобыла да ступком идет А й Вольгины кони во весь дух бежат* (Вольга и Микула, 1, 514, 65–66). Второе встречается в сюжете «Иван Гостиный сын»: *Иванушков конь увидал и заржал на тех триста жеребцев. Ко-*

логривой жеребец ископытился, сивогривой жеребец обнаручился (Иван Гостиный сын, 2, 388, 91–94). Противопоставление животных по масти встречается в исторической песне «Грозный царь Иван Васильевич», но на уровне атрибутов, а не субстантивов: [у Грозного] *коней подпрягают вороненых* (Грозный царь Иван Васильевич, 1, 240, 186), а [у Никиты Романовича] *Коней подпрягают все же рыжих* (Грозный царь Иван Васильевич, 1, 240, 194). Названные оппозиции возникают только в контексте: тут основное, самое общее значение лексемы уточняется, конкретизируется, иногда даже приобретает яркую положительную или отрицательную окраску, часто это связано с соотношением того или другого слова и определенного героя эпической песни. Так, в первом случае явное противопоставление богатыря-витязя Вольги и богатыря-пахаря Микулы выливается в оппозицию «конь» – «кобыла», где «самка, матка» [3, с. 172], животное, используемое для земледельческих работ, оказывается сильнее и выносливее богатырского коня. Противопоставление лексем «конь» и «жеребец» (см. второй пример) вызвано оппозицией Иван Гостиный сын – князь и остальные богатыри. Вороные кони Ивана Васильевича символизируют скорбь, которую испытывает Грозный по казненному сыну, рыжие же у Никиты Романовича – символ того, что герой знает о том, что царевич жив. Если же противопоставления героев нет, нет и противопоставления животных: кони у людей Чурилы и *однорыжие*, и *однобурые*, и *однокарие* (Молодость Чурилы, 3, 232–234, 197, 230 и 234).

Лексемы «конь» и «лошадь» в текстах «Онежских былин» действительно выступают как синонимы, включаясь в один ряд, примером тому может служить одно из формульных обращений богатыря к своему коню: *Уж ты конь мой конь, лошадь добрая!* (Василий Игнатьевич и Батьга, 2, 684, 117). То на коне, то на лошади в разных вариантах одного сюжета ездят Илья Муромец, Святогор, Добрыня, Василий Игнатьевич, Хотен Блудович, Чурила, Иван Грозный, Никита Романович. Оба слова активно включаются в былинную поэтическую фразеологию, примером которой «могут служить так называемые типические места, *loki communes*» [5, с. 71], такие как описание процесса седлания коня или езды на нём. Совпадают у этих лексем и постоянные эпитеты: «добрый / добрая», «богатырский / богатырская». И то, и другое слово употребляются в значении «способ быстрого передвижения»: *С коня на конь, с лошади на лошадь [скачут гонцы]* (Дюк, 1, 198, 30). Но есть между этими лексемами и некоторые отличия. Богатырские кони бывают говорящими, они не только носят на себе героя, но и помогают ему, дают добрые советы, сообщают важные сведения. Такие кони есть у Ильи Муромца, Святогора, Добрыни, Дюка,

Дуная, Ивана Гостиного сына, поляницы Настасьи и некоторых других богатырей. Ни одного примера антропоморфизации лошади нам не встретилось. Конями (как и жеребцами, жеребчиками и кобылицами) хвастаются на пирах, коня можно проиграть или выиграть, эта лексема (как и «комонь», «жеребец», «жеребчик» и «кобылица») в фольклорной эпической песне может приобретать дополнительный оттенок значения «материальная ценность, награда, признак благосостояния, богатства». Слово «лошадь» такого значения в анализируемых текстах не имеет. В словообразовательных вариантах лексемы «конь» используются исключительно уменьшительно-ласкательные суффиксы: «конёк», «коник», «коничек», «конюшко» и т. д. Лексема же «лошадь» встречается и в имеющем яркую отрицательную окраску варианте «лошаденка»: она принадлежит Идолищу и характеризуется как «обжорищо»: *А й у поганого да Идолища, а й лошаде́нка была да обжорищо, и обжралась пшеном да белояровым* (Дюк, 3, 148, 255–257). В вариантах сюжета «Вольга и Микула» субстантив «лошадь» может выступать также как синоним слова «кобыла» и в этом случае противопоставляться слову «конь». Отличается у лексем «конь» и «лошадь» также количество и набор непостоянных, авторских эпитетов. У первой он весьма многочислен и разнообразен: конь может быть «батушков», «дедушков», «космат», «хорош», «молод», он бывает «ученым», «снарядным», «златогривым», «сивогривым», «крылатым», «татарским», «русским», «рыцарским» и т. д. Слово «лошадь» часто употребляется безо всякого определения, примеров же авторских эпитетов немного: «пегенькая», «берёжа»⁵ и некоторые др. Интересно, что современное словоупотребление также противопоставляет субстантивы *лошадь* и *конь* с точки зрения их сочетаемости с эпитетами. Например, «Семантический словарь» под редакцией Н.Ю. Шведовой сопровождает лексему «лошадь» определениями, носящими функциональный характер («рабочая», «ломовая», «верховая», «скаковая», «цирковая»), тогда как определения для слова «конь» – качественные, приближающиеся к эпитетам («ретиный», «рысистый»), а также характеризующие животное по масти, цвету («буланый», «вороной», «гнедой» и пр.) [9, с. 70].

Лексемы «жеребец», «живобец», «жеребчик», «жеребёночек», «жеребятшко» обычно взаимозаменяемы, чаще всего это богатырские кони или показатель богатства, благосостояния их хозяина. Отличительной особенностью употребления этих слов являются многочисленные авторские определения, указывающие либо на породу, масть и другие внешние признаки («бухарский», «латынский», «темнокарий», «вороной» «сивогривый» и пр.), либо на возраст коня («молодой», «неученый», «неезженный», «неседланный», «некладеный»).

Лексемы «бурко/е» и «бурушко» выступают лишь как синонимы выражения «богатырский конь», который часто бывает говорящим, владеют им Илья Муромец, Добрыня Никитич, Дюк, Михайло Потык, Михаил Дородович, Иван Годинич и Никита Романович. Масть «бурушки» может быть различной: он и сивый (серый, седой, темный с примесью пепельного), и бурый, и каурый (светло-бурый, рыжеватый), сопоставления по этому признаку у лексем с корнями *бур-* и *ворон-* в текстах сборника не наблюдается, однако субстантивы «воронок», «воронко/е» вступают в отношения противоположения со словами «конь» и «жеребец»: «маленький полоненный воронок», несмотря на свой неказистый внешний вид, оказывается самым сильным – перепрыгивает через Пучай-реку (Иван Гостиный сын, 2, 396, 109–110), одерживает победу над конями из княжеской конюшни и вырывается на свободу (Иван Годинич, 3, 564, 98–101).

Концепт «конь», представленный в «Онежских былинах» А.Ф. Гильфердинга несколькими лексемами, является не только самым частотным, но и одним из самых неоднородных. Вокруг ядерной лексемы («конь»), вобравшей в себя большую часть значений, группируются, вступая в самые разные отношения как с центром, так и друг с другом, остальные слова. При этом возникающие у исследуемых лексем в том или ином контексте дополнительные оттенки значений нередко нарушают привычные логические связи, закреплённые в парадигматике и синтагматике лексических единиц русского языка.

Примечания

¹ Всего, по совокупным данным современных словарей (идеографических, синонимических или словарей смешанного типа), в русском языке более 30 названий «парнокопытных животных семейства лошадиных» (при этом не учитывается количество субстантивов-derivатов с субъективной оценкой): общих номинаций названий по полу, возрасту и функции, которые объединяются вокруг двух бесспорных доминант семантического поля и синонимического ряда – *лошадь* и *конь* (См.: [9, с. 69]).

² Этим изданием сборника мы будем в дальнейшем пользоваться и на него ссылаться: после цитаты, выделенной курсивом, в круглых скобках указываются соответственно название текста, номер тома, страницы и строки; особенности орфографии и пунктуации источника сохраняются; в случае необходимости для облегчения понимания смысла цитаты в квадратных скобках приводятся необходимые пояснения.

³ Комонь – то же, что и «конь» [См.: 7, с. 236], лексема «относится к числу архаизмов и диалектизмов в широком смысле» [См.: 4, с. 65] и употребляется в текстах, записанных всего от двух

сказителей – Петра Лукича Калинина из Повенца и Петра Прохорова из Толвуя.

⁴ Лексема «живобец» употребляется только в текстах, записанных от Василия Аксёнова (Кижичи) и, по всей видимости (слово не значится в известных нам словарях), имеет то же значение, что и слово «жеребец»: *Тут скоро конюхи пригнали триста жеребцов и трёх жеребцов, кологрива* (т. е. «с густой, косматой, пышной гривой; с гривой, распадающейся по обе стороны шеи» – см.: [7, с. 151]) *жеребца и сивогрива живобеца* (Иван Гостинный сын, 2, 338, 88–89).

⁵ «Берёжая» – «жеребая (о кобыле)» [6, с. 247].

Библиографический список

1. Васильев Н.В. Указатель к «Онежским былинам» Гильфердинга. – СПб.: [Изд. Имп. Академии Наук]: Тип. Имп. Академии Наук, 1909. – [4], IV, [2], 117, [1] с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Академии Наук. Т. 61, вып. 2).
2. Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные летом 1871 года: в 3 т. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. – М.: Русский язык, 2000. – 800 с.
4. Колесов В.В. Комонь // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. Т. 3. К–О / РАН, ИРЛИ; отв. ред. О.В. Творогов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – 387 с.
5. Оссоветский И. А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 66–77.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 2. – Л.: Наука, 1966. – 317 с.
7. Словарь русских народных говоров. Вып. 14. – Л.: Наука, 1978. – 376 с.
8. Гарланов З.К. Герои и эпическая география былин и «Калевалы». – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. – 241 с.
9. Химик В.В. Лошадь или конь? (Опыт сравнительного лексикографического анализа) // Филологический класс. – 2014. – № 2 (36). – С. 68–72.

Павлова Алла Эдуардовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова
Alla0826@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ В РАССКАЗЕ «ЛЮБОВЬ» Ю. ОЛЕШИ

Данная работа продолжает ряд исследований, посвященных изучению лингвистической природы парадоксальности. В статье рассматриваются фразеологизмы как средства выражения парадоксальности в рамках приема остранения в рассказе Ю. Олеси «Любовь». Использование фразеологических единиц как одного из ярких средств создания приема остранения в рассказе обусловило актуальность исследования, поскольку доминантными средствами чаще становятся лексические единицы. Фразеологизмы в тексте выполняют ключевую роль в выражении концептуального значения произведения, представляя тему – метаморфозы любви. Особенность использования фразеологических единиц (далее ФЕ) в рассказе «Любовь» заключается в том, что фразеологизмы тесно связаны с сюжетным и персонажным уровнями произведения. Смысловое преобразование ФЕ в контексте сопряжено с контекстуальным преобразованием их внутренней формы, которая создает экспрессивность, своеобразие отражения картины мира, способствует возникновению игровых, часто парадоксальных ситуаций. Одним из интересных приемов создания комического в рассказе является контекстуальная энантосемия, которая реализуется благодаря смысловому обыгрыванию ключевых фразеологизмов, семантика которых представляет собой особый эстетический феномен: их значение и форма в своем единстве являются основными конституентами образно-композиционной структуры и идейно-эстетического содержания произведения.

Ключевые слова: ключевые фразеологизмы, средство выражения парадоксальности, остранение, структурно-семантические преобразования фразеологических единиц.

Проблема авторского своеобразия обозначила актуальность исследований, посвященных изучению особенностей функционирования языковых средств в текстах различной жанровой и стилистической отнесенности. Как отмечает С.И. Шашкова, проблема «авторской индивидуальности во многом связана с отклонением от общезыковой нормы, что приводит к появлению в тексте странных, неожиданных с точки зрения здравого смысла и формальной логики речевых построений, мотивированных эстетическими задачами» [9, с. 3]. Неожиданность, странность мыслей, образов, логики повествования в работах по лингвистике и литературоведению трактуется как парадоксальность. Отметим, что парадоксальность не обладает статусом лингвистического термина, однако делаются попытки определения лингвистической природы этого понятия, которое связывают с оппозиционными отношениями лексических единиц, с использованием эффекта обманутого ожидания, с субъективной модальностью «странности».

Данная работа продолжает ряд исследований, посвященных изучению лингвистической природы парадоксальности (см. работы Г.Я. Семен, С.И. Шашковой и др.). Целью данной статьи является исследование фразеологических единиц как средства выражения парадоксальности в рассказе Ю. Олеси «Любовь».

Парадоксальность является неотъемлемой чертой идиостиля Ю. Олеси, на это указывали многие исследователи творчества писателя (П.В. Маркина, И.Г. Панченко, М.О. Чудакова и др.). Парадоксальность, проявившаяся в творчестве писателя, безусловно, отразила особенность его мировоззрения.

В статье «Свобода раскрепощенного выражения», посвященной мастерству устной словесности писателя, И.Г. Панченко пишет: «Парадоксальность мышления Олеси заключается в том, что писатель смело ломает социальную иерархию, очень быстро обозначившуюся в послеоктябрьские годы. Он с удивительной свободой опрокидывает все табели о рангах, мгновенно “превращает” слугу в адмирала, а адмирала – в слугу» [5, с. 1]. Собственно лингвистические параметры текстовой модальности, формирующие поэтическую семантику текста, соотносятся с амбивалентным, парадоксальным мировосприятием Ю. Олеси как причина и следствие.

Парадоксальность часто выражается такими приемами, как парадокс, оксюморон, афоризм, остранение. В творчестве Ю. Олеси часто используется прием остранения. Следует отметить, что диапазон использования термина «остранение» в современной научной и публицистической литературе весьма широк: применительно к словесному искусству данный термин употребляют и узко, обозначая им конкретный прием, и более широко – как принцип определенного типа литературы. В настоящей работе под остранением понимается прием художественного изображения, направленный на преодоление автоматизма восприятия [1, с. 397].

В произведениях Ю.К. Олеси эффект остранения достигается, в первую очередь, путем нового – «странного» – взгляда на знакомые вещи и явления. Одним из ярких средств создания приема остранения являются фразеологические единицы, что обусловило актуальность исследования, поскольку доминантными средствами чаще становятся лексические единицы.

В рассказе «Любовь» с главным героем Шуваловым происходят метаморфозы, вызванные состоянием влюбленности: *«Вы подумайте, я совершенно здоровый человек, я материалист... и вдруг на моих глазах начинает происходить преступная антинаучная деформация веществ, материи...»* (Шувалов).

Фразеологизмы в тексте рассказа выполняют ключевую роль в выражении концептуального значения произведения, представляя тему любви – изменения ощущений человека под воздействием силы этого чувства. Такими являются следующие фразеологизмы: *лететь на крыльях любви, смотреть сквозь розовые очки, не чувствовать под собой ног, потерянный рай*.

Особенность использования данных ФЕ в рассказе «Любовь» заключается в том, что фразеологизмы тесно связаны с сюжетным и персонажным уровнями произведения. Смысловое преобразование ФЕ в контексте сопряжено с контекстуальным преобразованием их внутренней формы, которая создает экспрессивность, своеобразие отражения картины мира, способствует возникновению игровых, часто парадоксальных ситуаций.

Так, в начале рассказа главный герой Шувалов замечает, что рядом с любимой мир вокруг него меняется: *«Леля подошла. Мир стремительно изменился. Я, кажется, в очках»*. Здесь автором используется ФЕ *смотреть сквозь розовые очки* в трансформированном виде, где отдельный компонент выражает элементы фразеологического значения. В результате структурно-семантического преобразования данный фразеологизм приобретает новое значение: «все видеть в новом свете; мыслить образами» (ср.: *Я начинаю мыслить образами. Для меня перестают существовать законы*), что кажется неестественным для «молодого марксиста», в чем и проявляется парадокс ситуации. Следует отметить, что персонажами-антагонистами Шувалова в рассказе являются молодой дальтоник (ср.: *«Я ем синие груши»*) и Исаак Ньютон, воспринимающие окружающую действительность научно, с материалистической точки зрения. При создании образов персонажей важной деталью их характеристики становится колоративная лексика, а именно частотное употребление слов *черный* и *синий*. Например, описание Ньютона: *«...со степенью ксендза и в одеянии вроде сутаны, в черной шляпе, в крепкий синих очках»* или *«он видел сквозь очки свой синий фотографический мир»*, *«Божья коровка была для него ослепительно синей»*; описание молодого человека, дальтоника: *«Вместо Лели пришел неизвестный гражданин в черной шляпе»*. Возникающая антитеза, основанная на имплицитном столкновении ФЕ *видеть мир сквозь синие очки* – *видеть мир сквозь розовые очки* (ср.: ФЕ *видеть в розовом свете*) усиливает противостояние разных способов восприятия

мира – строго научного, материалистического и образного, идеалистического, ирреального.

Обыгрывание значений ключевых ФЕ *лететь на крыльях любви* и *от счастья не чувствовать под собой ступенек* позволило автору показать «отрыв» главного героя от реалий окружающего мира и одновременно с тем от старых представлений о нем. Например, *«Они расстались, и, от счастья не чувствуя под собой ступенек, Шувалов спустился вниз, вышел во двор... Да, он не чувствовал ступенек. Далее не почувствовал крыльца, камня; тогда он обнаружил, что сие не мираж, а реальность, что ноги его висят в воздухе, что он летит. «Летит на крыльях любви», – сказали в окне под боком»*. Данная фразеологическая конфигурация базируется на ключевых ФЕ *от счастья не чувствовать под собой ступенек* (ср.: ФЕ *не чувствовать под собой ног* «быстро идти, бежать» [7, с. 375]) и *лететь на крыльях любви* (ср.: ФЕ *летать на крыльях* «быть в приподнятом, восторженном настроении» [7, с. 348]), которые в рамках приема двойной актуализации с одновременным расширением компонентного состава представляют отрыв героя от прежней жизни.

Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что главный герой, несмотря на счастье, любовь, начинает испытывать дискомфорт от своего нового состояния: *«Леля исчезла. Он решил забыть все. Потерянный мир должен быть возвращен»*. В контексте произведения преобразованная ФЕ *потерянный мир* ассоциативно связывается с ФЕ *потерянный рай*, так как в диалоге между главным героем и дальтоником лексема *рай* неоднократно употребляется (ср.: *«Я живу в раю»*, – сказал молодой марксист расквашенным носом. *«Вы марксист?»* – прозвучало рядом... *«Да, я марксист»*, – сказал Шувалов. *«Вам нельзя жить в раю»*... *«Что же мне делать? Земля превратилась в рай»*). Как отмечает А.М. Мелерович, преобразование внутренней формы ФЕ может быть как имплицитным, так и эксплицитным. Имплицитным оно является в тех случаях, когда изменение семантики фразеологического контекста не проявляется в структурно-семантических трансформациях [3, с. 92]. Здесь возникает контекстуальная энантиосемия: с одной стороны, данная ФЕ обозначает утраченное счастье, т. е. знакомый, выстроенный по законам материи мир Шувалова (ср.: *Прежде всего я знал, что это божья коровка, – и ничего другого о ней, кроме того, что она божья коровка, я не знал. Ну, скажем, я мог бы прийти к заключению, что имя у нее несколько антирелигиозное. Но с тех пор, как мы встретились, что-то сделалось с моими глазами. Я вижу синие груши и вижу, что мухомор похож на божью коровку»* или *«Дайте мне вашу радужную оболочку и возьмите мою любовь»*). С другой стороны, данная ФЕ именуется потерянным миром рай, который обретает главный

герой, полюбив. Именно поэтому в конце рассказа проявляется образ рая, где Леся становится Евой (см.: «Кланяйтесь Еве!»), а парк – райскими кущами. Следовательно, ключевые ФЕ рассказа *лететь на крыльях любви, смотреть сквозь розовые очки, не чувствовать под собой ног* образуют лексико-фразеологическое поле со значением «обретенное счастье». ФЕ *потерянный мир (рай)*, употребляясь эксплицитно и имплицитно в контексте несколько раз, вступает в различные семантические отношения со своим лексическим окружением и другими фразеологизмами рассказа на парадигматическом уровне, образует два лексико-фразеологических поля, в основе которых находятся антонимичные значения данной ФЕ. Таким образом, одним из интересных приемов создания комического является контекстуальная энантиосемия, которая реализуется благодаря смысловому обыгрыванию ключевого фразеологизма.

Анализ особенностей функционирования ключевых образных единиц в рассказе Ю. Олеси «Любовь» показывает, что в тексте произведения наиболее значима семантика ключевых ФЕ, представляющих собой особый эстетический феномен: их семантика и форма в своем единстве являются основными конститuentами образно-композиционной структуры и идейно-эстетического содержания произведения, в котором доминантные фразеологизмы становятся ярким средством выражения парадоксальности.

Библиографический список

1. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М., 2003. – 840 с.
2. Маркина П.В. Миропозитика художественного творчества Ю.К. Олеси: автореф. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2006. – 16 с.
3. Мелерович А.М. Смысловая структура фразеологических единиц в современном русском языке. – Кострома: КГПИ им. Н.А. Некрасова, 1980. – 267 с.
4. Мелерович А.М., Мокшенин В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.
5. Панченко И.Г. Свобода раскрепощенного выражения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/bereg/2009/24/pa23.html> (дата обращения: 11.01.2016).
6. Семен Г.Я. Лингвистическая природа и функционирование приема парадокса (на материале английского языка): автореф. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1986. – 16 с.
7. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997. – 396 с.
8. Чудакова М.О. Мастерство Юрия Олеси. – М.: Наука, 1972. – 101 с.
9. Шашкова С.И. Речевые средства выражения парадоксальности в произведениях И. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 1998. – 17 с.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕЛОГИЗИРОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЕДИНСТВЕННОСТИ И МНОЖЕСТВЕННОСТИ

Статья посвящена фразеологии как особой области языка, которая в значительной степени определяет его национально-специфический колорит, а также проблемам ее изучения. Лексическая фразеология привлекает внимание и пользователей русского языка, и иностранных учащихся, которые стараются понять фразеологизмы, усвоить их и использовать в своей русской речи, и исследователей. Ей посвящено значительное количество работ разных научных жанров. Далее отмечается, что не менее интересны синтаксические фразеологические единицы. Цель статьи заключается в том, чтобы привлечь внимание к явлению фразеологичности в синтаксисе. Для более детального рассмотрения выделяется один тип синтаксических фразеологизмов – предложения фразеологизированной структуры (ФС). Рассматривается суть этих предложений, которая заключается в том, что они содержат признаки фразеологических единиц и в то же время обладают основными признаками предложения. Характеризуются специфика семантики ФС и их коммуникативная функция. Значительная часть статьи посвящена рассмотрению предложений ФС, выражающих значения «единственность» и «множественность». Анализ показывает, что ФС фиксируют дополнительные оттенки этих значений, представляют их более дифференцированно и глубоко.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, синтаксис, единственность, множественность, коммуникативный процесс.

В русском языке, так же как и в любом другом, много лексических фразеологизмов. Ср.: *сматывать удочки; глаза разбегаются; раз-два и обчелся; душа нараспашку; душа ушла в пятки; лезть на рожон; сломя голову; тише воды, ниже травы; с грехом пополам; играть на нервах; бить баклуши; стреляный воробей; с ним каши не сварить* и т. д.

Лексические фразеологизмы привлекают внимание и исследователей русского языка, и носителей языка, которые их знают и с удовольствием используют в своей речи, и иностранных учащихся, которые стараются их понять, запомнить и тоже включать в свою русскую речь. Лингвисты их изучают, пишут о них книги и статьи, составляют прекрасные словари. Как отмечают специалисты, о фразеологизмах написаны тысячи работ [2].

Интерес к лексическим фразеологизмам понятен и не случаен. Фразеологизмы связаны со спецификой национального восприятия, познания и осмысления окружающего нас мира, быта, культуры. Каждый фразеологизм отражает своеобразие русского языка и характера русских, их представление о жизни, ее ценностях и т. д. Фразеология относится к тем областям языка, которые наиболее интенсивно участвуют в создании его национально-специфического колорита.

Не менее интересны и специфичны, хотя и гораздо меньше исследованы, синтаксические фразеологизмы. Цель статьи – привлечь внимание к одному типу синтаксических фразеологизмов – к предложениям фразеологизированной структуры, или фразеологизированным предложениям (ФС). Имеются в виду предложения типа: *Всем праздникам праздник; Город как город; Не спорить же с соседкой; Как не залюбоваться; Фильм*

не такой интересный, чтобы смотреть его дважды; Хоть уезжай из города; Нет бы мне позволить ей; Мне не до разговоров; Уж на что в мае, и то здесь холодно и др.

Суть таких предложений заключается в том, что они характеризуются фразеологичностью и в то же время обладают основными признаками предложения. Их образуют компоненты двух видов – постоянные и переменные, или свободные. Постоянные компоненты определяют конфигурацию, модель ФС и являются выразителями их значения. Переменные компоненты – это слова знаменательных частей речи, они лексически свободны. Сочетание компонентов двух видов определяет грамматическую сущность ФС: они частично воспроизводятся (являясь фразеологизированным построением), а частично строятся (это свидетельствует об их синтаксической природе). По одной модели можно построить неограниченное количество высказываний, ср., например, реализации модели **хоть + импер.**: *Хоть уезжай из города!; Хоть не общайся с ней!; Хоть садись на диету; Хоть не открывай окно; Хоть покупай ей пианино* и т. д. См. более полное представление фразеологизированных предложений [1; 3; 4].

Напомним для сравнения, что лексические фразеологизмы – это готовые лексические единицы, они воспроизводятся без изменения.

ФС имеют особое предназначение в языке. Они являются коммуникативными единицами и выполняют в общении контактную (фатическую) функцию. Они выражают отношение говорящего к содержанию сообщения, т. е. разные значения субъективной модальности. Это позволяет говорящему как главному участнику общения дать свою интерпретацию происходящего (оценить сообще-

ние, выразить согласие, принятие или отрицание, представить происходящее как необходимое или невозможное, акцентировать определенный компонент и т. д.), внося тем самым в процесс общения свой смысловой и содержательный компонент, что способствует более полноценной его реализации. В этом отношении ФС обладают большими возможностями. Класс ФС велик, включает большое количество структур, выражающих разные субъективно-модальные значения во всем их богатстве и разнообразии. В качестве примера рассмотрим небольшую группу ФС – фразеологизированные предложения, выражающие значения единственности и множественности.

I. **Значение единственности** выражают предложения двух ФС. Это значение может приобретать оттенки ограниченности, или исключительности. Первая ФС включает две части, соединяемые составным постоянным компонентом *...только и.., что...* Позицию переменного (свободного) компонента занимает существительное или глагол. Модель структуры имеет вид: *... только и + сущ. (глагол) .., что...* Например: *У нее только и радость (радостей), что работа; Он только и интересуется, что самолетами.*

Предложение обычно начинается с детерминанта с субъектным (форма *у кого*) или с обстоятельственно-субъектным значением (форма *где*), если свободным компонентом первой части является существительное (в форме им. п. ед. и мн. ч. или в форме род. п., обычно мн. ч.): *У студентов только и разговор (разговоры, разговоры), что об экзаменах; В городе только и развлечение (развлечений), что кинотеатр.* Вторая часть включает существительное, инфинитив или конструкцию, которые структурно и семантически связаны с существительным первой части, ср: *У нее только и разговор, что о ее сыне; У нее только и обязанность в доме, что покупки (сделать покупки).*

Предложение открывается существительным или личным местоимением со значением субъекта, если свободным компонентом является глагол. Например: *Она только и думала, что о своем сыне; Он только и увидел, что какой-то темный предмет на воде; Она за это время только и прочитала, что два рассказа.*

Значение ФС – указание на абсолютное преобладание. В первой части называется действие, состояние, которое получает реализацию только через единственный объект, аспект, называемый во второй части. Смысл предложений, построенных по этой модели, может быть передан предложениями, включающими лексические показатели единственности: *только, всего один (одна); один (одна); всего только; единственный.* Например: *В этом городе только и развлечений, что кино – ‘В этом городе кино – единственное развлечение’; Он только и интересуется, что самолетами – ‘Он интересу-*

ется только самолетами; У него единственный интерес – самолеты’.

Значением единственности передает также ФС, которая имеет модель: **кому + бы + только + инф.** Например: *Ей бы только развлекаться; Пете бы только поспать; Вам бы только ссориться.*

Структура используется по отношению к человеку или живому существу и указывает на ограничение круга его занятий тем, что названо инфинитивом. Инфинитив называет занятие субъекта, которое он предпочитает (*развлекаться, веселиться, отдыхать, спать, играть в футбол, сидеть перед телевизором* и т. п.) или которое типично, характерно для него, к которому он имеет склонность в силу его характера, особенностей личности, темперамента (*спорить, ссориться, капризничать, обижаться*). Обычно это несерьезное, нежелательное занятие или которое расценивается говорящим как таковое. Основное значение высказывания обычно сопровождается эмоциональным компонентом осуждения. Смысл высказываний этой ФС можно передать так: ‘Единственное занятие, которое его (ее, их) привлекает, это...’. ‘Она (Он) больше всего любит...’, ‘Он склонен к...’, ‘Для него характерно...’.

Иногда конкретное высказывание этой ФС называет действие, положительно характеризующее субъект. Однако и при таком лексическом выражении переменного компонента ФС может использоваться, в зависимости от коммуникативной цели говорящего, не только для положительной, но и для негативной характеристики лица. В таком случае основная роль в выражении эмоционального компонента принадлежит контексту. Ср.: *Она очень любит книги. Ей бы только читать! Для нее это лучший отдых – Она очень любит книги. Ей бы только читать! А математикой не занимается, да и на улице мало бывает.*

Исключительная склонность к определенному действию, занятию является внешним проявлением характера человека (или живого существа), отражением его внутреннего мира, так что во всех случаях за этой структурой просматривается характеристика названного субъекта, хотя вербально она не выражена. Так, высказыванием *Лене только бы развлекаться* говорящий хочет подчеркнуть, что Лена легкомысленна, любит весело проводить время, очевидно, в ущерб другим, более серьезным занятиям, а предложение *Им бы только спорить* характеризует определенных людей как упрямых, несговорчивых.

Рассмотренную структуру следует отличать от внешне схожей структуры **кому + бы + инф.**, которая выражает желание говорящего или его пожелание, совет. Ср.: *Мне бы поспать!; Поехать бы сейчас домой!; Тебе бы отдохнуть! Ей бы больше заниматься, ведь скоро экзамены.*

II. **Значение множественности** выражают пять ФС. Первая строится по модели, включаю-

щей местоименное или наречное слово (*чего, когда, с кем, о чем, чем, каких* и т. д.), частицу *только* и отрицательную частицу *не*, которая имеет здесь усилительное значение: *кто (что, где, какой)...* + *только* + *не* + глаг. Например: *Кто только не звонил мне!*; *Где только не побывал писатель!*; *Какие только цветы не растут здесь!*; *Чего только не было на его письменном столе!*; *О чем они только не говорили!* Вопросительное слово сохраняет лексическое значение, поэтому общее значение множественности реализуется как указание на множественность, разнообразие лиц, объектов, действий, качеств, обстоятельств и т. д.

Фразеологический характер данной ФС обусловлен тем, что вопросительное слово теряет грамматическое значение вопросительности и в сочетании с частицей *не* передает значение утверждения с акцентированным оттенком 'много', 'все', 'езде' 'всякие' и т. п. Так, предложение *Кто только не звонил мне* означает 'Мне многие звонили', предложение *Чего там только не было!* означает 'Там было все'.

Для ФС характерен контекст, который включает перечисление конкретных объектов из множества. Например: *Куда я только не заходил: в букинистический магазин, и в «Книжный мир», и в библиотеку – книги нигде нет; Фанты наскучили нам. И мы играли на фортепьяно, пели, и танцевали. Да чего мы только не делали в течение этого вечера. Нирмацкого одели медведем... Граф Малевский показывал нам разные карточные фокусы* (И. Тургенев). Высказывания этой структуры могут использоваться для обобщения после перечисления объектов множественности: *Мама была прачкой, посудомойкой, работала на железной дороге. Да кем она только не была* (из интервью). Типично также включение таких высказываний в повествовательный контекст без конкретизирующего перечисления: *Игра в фанты продолжалась. Зинаида посадила меня возле себя. Чего только не придумывала она! Смех не умолкал ни на минуту* (И. Тургенев).

Вторая ФС со значением множественности строится по модели *...что ни + сущ., то...* Составной постоянный компонент *что ни...*, *то* оформляет две части структуры. Она, как правило, открывается компонентом с субъектным значением (форма *у кого*) или с обстоятельственно-субъектным (форма *где, когда*). Ср.: *У Сонечки что ни день, то новые игрушки; В тексте что ни страница, то ошибки; В классе что ни учение, то особый характер; В январе что ни неделя, то экзамен.*

В первой части называется объект (в широком понимании), а во второй части – характеризующая его черта, особенность, признак. Форма единственного числа существительного первой части значима: она называет не один конкретный объект, а ряд схожих, однотипных, т. е. «манифестирует» собой совокупность объектов. Совокупность пред-

ставляется при этом как раздельное множество, в котором каждый конкретный объект, с одной стороны, является частью множества, целого, а с другой стороны – представляет собой отдельную, самостоятельную единицу. Семантическая функция второй части структуры заключается в том, чтобы охарактеризовать объекты раздельного множества, т. е. содержащаяся в ней характеризующая информация относится ко всей совокупности объектов и к каждому объекту в отдельности. Поэтому в содержании высказываний этой ФС содержатся смысловые компоненты «*все*» и «*каждый*».

Цель всей структуры – передать мысль о распространенности на определенную совокупность объектов какого-либо признака, получающего при этом особое проявление в каждом объекте. В высказывании *В городе что ни дом, то своя неповторимая архитектура* оценивается определенная совокупность домов по общему признаку – «архитектурный облик», при этом подчеркивается, что каждый дом данной группы имеет свои архитектурные особенности. Другими словами, все дома объединяет то, что они архитектурно интересны, но каждый дом характеризуется при этом своей архитектурной индивидуальностью, а весь ряд объектов (домов) отличается разнообразием. Идея множественности представляется через разнообразие проявлений общего характеризующего признака.

При индивидуальной характеристике объекты одной совокупности, одного ряда могут быть представлены как обладающие теми же свойствами, что и другие единицы ряда. В этом случае подчеркивается повторяемость характеризующего признака у всех представителей ряда. Высказывания *Что ни невеста, то красавица; Что ни книга, то талантливая; Что ни ученик, то отличник* означают, что все представители ряда (*невесты, книги, ученики*) обладают названным признаком, и индивидуальные проявления признака не акцентируются. В семантике таких высказываний акцентируется компонент «*все*».

Таким образом, можно говорить о двух семантических разновидностях анализируемой ФС: она либо указывает на индивидуальность, разнообразие проявлений общего признака в отдельных объектах множества (*Что ни дом, то своя неповторимая архитектура*), либо акцентирует повторяемость одного и того же признака во всех объектах (*Что ни день, то дождь*).

Третья ФС подгруппы строится по модели (3) *мало ли + кто (что, почему, какой, сколько)...* + *...: Мало ли кто приезжал сюда; Мало ли почему она опоздала; Мало ли какая будет погода; Мало ли где люди проводят свободное время!*

По построению ФС похожа на вопросительное предложение свободной структуры с союзной частицей *ли*, однако она не выражает вопроса, ис-

пользуется для утверждения, а частица *ли* используется для усиления этого значения.

В анализируемой структуре наречие *мало* утрачивает свое непосредственное лексическое значение – ‘немного, меньше, чем нужно; недостаточно’. В условиях фразеологического использования оно получает противоположное значение, указывает на большое количество, разнообразие того, что обобщенно представлено вопросительным местоименным словом, следующим за сочетанием *мало ли*. Эти местоименные слова сохраняют свое лексическое значение и употребляются в относительном значении для указания на аспект ситуации: объект (*что*), лицо (*кто*) признак (*какой*), причину (*почему*) и т. д. Они вносят в значение ФС компонент потенциальности и альтернативности.

ФС выражает значение утверждения потенциальной множественности, разнообразия вариантов исхода (реализации) ситуации. Другими словами, произнося высказывание этой структуры, говорящий утверждает, что ситуация допускает, имеет множество, разнообразие воплощений и пока неизвестно, какой вариант является (или окажется) реальным. Так, высказывание *Мало ли почему Нина опоздала* означает: ‘Возможны самые разные причины опоздания Нины и неизвестно, какая из них является реальной; Множество причин не могли не позволить Нине прийти вовремя’, а высказывание *Мало ли кто мог приходить сюда* имеет смысл: ‘Сюда могли приходить самые разные люди’, ‘Возможно, здесь побывало много разных людей’. Таким образом, содержание подобных фразеологизированных высказываний содержит смысловые компоненты ‘*может быть*’, ‘*возможно*’, ‘*можно предположить*’ и т. п., а также слова со значением большого количества и разнообразия: *много, множество, всякий, самые разные, любой*.

О фразеологическом характере анализируемой структуры свидетельствует также грамматически не мотивированное соединение сочетания *мало ли* с вопросительным наречием или местоимением

Данная структура активно используется в монологической и в диалогической речи, а специфика ее семантики позволяет говорящему реализовать различные интенции. Особенно часто используется в ситуации сообщения, аргументации и возражения. Ср.: *Александров всегда нуждался в свободном пятачке. Мало ли что можно на него купить: два пирожка с вареньем, кусок халвы, стакан малинового кваса, десять слив, целое яблоко, словом, без конца* (А. Куприн. Юнкера); *Даже когда она передала ему эти слухи, он только улыбнулся и проговорил: – Вздор, мамынька... Мало ли про нас что болтают с зависти! Всех не переслушаешь, мамынька* (Д.Н. Мамин-Сибиряк); *Они удачно забросились, река никуда не делась. А мало ли что могло произойти за 12 лет с таким хрупким созданием, как текшая по земле вода?* (А. Варламов).

В языке закрепились конструкции *Мало ли что*, которая представляет собой неполный вариант анализируемой структуры, стала своеобразным клишированным устойчивым выражением со значением ‘*всякое может быть, всякое может случиться*’: *Вдруг послышалось мне, словно кто-то ходит наверху. Чудно, думаю. Вообще-то у нас тихо тут, да только мало ли что? А вдруг жулик? И я решил: схожу и проведаю, что и как* (А. Кристи).

Следующая, четвертая, ФС со значением множественности открывается одним из глаголов, обозначающих наличие: *существовать, есть, бывать, встречаться, наблюдаться* и др., после которого следуют два одинаковых существительных в форме именительного падежа, соединенных союзом *и*, например: *Бывают встречи и встречи; Есть друзья и друзья; Существуют проблемы и проблемы*. ФС строится по модели: *существуют (есть, бывают ...)* + *сущ.* + *и* + *сущ.* Она указывает на различие, непохожесть конкретных объектов данной группы, класса. Так, высказывание *Есть друзья и друзья* означает: ‘Друзья разные, один друг не похож на другого, у каждого друга свои, неповторимые черты и особенности’.

Существительное обычно используется в форме множественного числа (это обусловлено тем, что оно обозначает класс, совокупность объектов), за исключением существительных, которые не имеют формы множественного числа (*Есть помощь и помощь*). Глагол является сказуемым, а сочетание двух существительных – подлежащим.

Выбор глагола со значением наличия обусловлен семантикой существительного, обозначающего характеризуемый объект, и характером сферы его бытия. Глагол *существовать* указывает на существование объектов в реальной действительности или в определенной, значительной по объему сфере бытия: *Существуют традиции и традиции (проблемы и проблемы, обычаи и обычаи, законы и законы, правила и правила)*. Глаголы *есть, иметься* обозначают наличие в более конкретной, но тоже значительной сфере бытия: *Есть друзья и друзья (книги и книги, дети и дети, посетители и посетители, теории и теории)*. *Бывают* указывает на периодичность проявления объекта во времени: *Бывают трудности и трудности (встречи и встречи, проблемы и проблемы, радости и радости; зрители и зрители)*. Глагол *встречаться* указывает на распространенность объекта в пространстве, в том числе в образном, метафорическом его представлении: *Встречаются сосны и сосны (клиенты и клиенты, читатели и читатели, ошибки и ошибки)*.

Одно и то же существительное может сочетаться с разными глаголами в зависимости от характера представления ситуации или ее интерпретации. Ср.: *Есть радости и радости* (имеются в виду вообще радости, которые могут испытывать люди) – *Бывают радости и радости* (имеются

в виду конкретные радостные ситуации, возникающие у человека в разное время); *Есть читатели и читатели* (утверждается наличие разных типов читателей) – *Встречаются читатели и читатели* (работник библиотеки в процессе работы общается с разными читателями).

То, что в основе структуры лежат глаголы, передающие общее значения наличия, существования (и имеющие при этом каждый свое значение), придает обобщенность и некоторую отвлеченность заключенному в ней значению. Структура выражает общую идею разнообразия, многообразия объектов, явлений реального мира и человеческого общества.

Возможны модальные реализации данной ФС: *Могут быть встречи и встречи; Должны быть друзья и друзья.*

Пятая ФС образуется по модели **сущ. + сущ. д. п. + рознь**, которая начинается с переменного компонента, представленного повторяющимся существительным в именительном падеже и следующего за ним того же существительного в форме дательного падежа, а завершается постоянным компонентом, представленным существительным *рознь*: *Цветы цветам рознь!*; *Двойка двойке рознь!*; *Традиции традициям рознь!*

Эта ФС очень яркая и экспрессивная благодаря своей краткости и выразительности слова *рознь*, а также за счет расположения компонентов: слово *рознь*, формирующее значение структуры, завершает высказывание и является его интонационным центром. Оно указывает на различие называемых объектов, т.е. сохраняет свое лексическое значение.

Примеры: [Глумова:] *А вы вот родных и знать-то не хотите...* [Мамаев:] *Родня родне рознь* (А. Островский); [Вадим:] *Но труд труду рознь, и к профессору Аверину Петру Ивановичу я все-таки испытываю больше уважения, чем к нашей домработнице Клаве* (В. Розов); *С мукой, с хлебом тогда было хорошо, не бедствовали. Но хлеб хлебу – рознь. Наша мамочка хороший хлеб пекла, пышный, подъемистый. И караваи большие. А у соседки маленькие каравайчики* (Б. Екимов). *Грешки*

грешкам рознь (Н. Гоголь); *Ребята уже знали, что глина глине рознь. Есть глины тощие, есть жирные* (А. Гайдар).

Две последние ФС очень близки по значению. Обе указывают на несхожесть, различие отдельных объектов одного класса, на наличие у них индивидуальных черт. Структуры имеют и внешнее сходство – обе строятся на основе повторения одного и того же существительного. Ср.: *Бывают встречи и встречи – Встреча встрече рознь; Есть проблемы и проблемы – Проблема проблеме рознь.*

Семантическое различие двух ФС заключается в следующем. Четвертая структура (*Бывают встречи и встречи*) выражает общую идею множественности и разнообразия объектов одного класса ('все объекты разные, все не похожи один на другой'). Структура со словом *рознь* (*Встреча встрече рознь*), в отличие от предыдущей, акцентирует внимание не столько на общей идее множественности и разнообразия (хотя она, естественно, тоже отражена), сколько на конкретном объекте класса, на его отличии от других, входящих в тот же класс, на его специфичности, «непохожести». Данный конкретный объект характеризуется на фоне других как обладающий своей индивидуальностью.

Таким образом, ФС представляют универсальное понятие 'единственность' и 'множественность' дифференцированно за счет того, что выделяют в нем дополнительные компоненты, обогащающие, осложняющего исходное общее значение.

Библиографический список

1. Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: учебное пособие. – М., 1996. – 96 с.
2. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка) / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж, 1989. – 190 с.
3. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1980. – С. 96, 218–219, 383–386.
4. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: Наука, 1960. – М.: Азбуковник, 2003. – 378 с.

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОНЦЕПТА «КОРЫСТЬ, РАСЧЁТ» В ПЬЕСАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО

В статье рассматриваются особенности выражения концептуального содержания пьес русского драматурга А.Н. Островского посредством фразеологических единиц. Классификация фразеологизмов с точки зрения репрезентируемых ими когнитивных признаков послужила описанию «фразеологической» модели концепта «Корысть, расчёт», одного из ключевых концептов, репрезентируемых посредством фразеологии в пьесах А.Н. Островского. Тенденция фразеологизмов к одновременной актуализации сем 'корысть', 'расчёт' во многом обуславливает двойственность смысловой структуры концепта, определяя особенности его полевой организации. Фразеологические единицы в пьесах не включают лексических компонентов корысть или расчёт и являются косвенными номинациями, характеризующими различные признаки рассматриваемого концепта. Концептуализация корысти, расчёта осуществляется посредством комплекса ярких антропоцентричных образов, связанных с миром материальных вещей и ценностей; соматические образы осмысливаются символически в связи с выполняемой ими функцией (акцентируется хватательная функция рук) либо выступают олицетворением жадности, стремления к поглощению, присвоению. Анализ образного компонента, занимающего доминирующее место в макроструктуре концепта, позволил описать фрагмент художественной картины мира А.Н. Островского.

Ключевые слова: концепт, когнитивный признак, категориальная структура концепта, полевая структура концепта, макроструктура концепта, фразеологизм, фразеологическая модель, художественная картина мира.

В ходе исследования семантики фразеологических единиц (ФЕ), выступающих в качестве речевых характеристик различных персонажей в пьесах А.Н. Островского, было отмечено, что некоторые ФЕ одновременно актуализируют семы 'корысть', 'расчёт'. Это послужило основанием для выявления полного ряда фразеологизмов с этими семами с целью установления роли данных ФЕ в формировании концептуального содержания пьес. На базе выявленного ряда ФЕ было построено номинативное поле концепта, названного нами «Корысть, расчёт». Лексемы, использованные в качестве имени концепта, не были зафиксированы при исследовании языка пьес А.Н. Островского, но, с нашей точки зрения, наиболее точно называют концепт, отражая двойственность его смысловой структуры [5, с. 108].

Лексема *корысть*, согласно словарю С.И. Ожегова, имеет следующие значения: 1. 'выгода (польза, преимущество)', 'материальная польза': *Какая ему в этом корысть?* 2. 'то же, что корыстолюбие' (книжн. 'стремление к личной выгоде, наживе, жадность'). Для лексемы *расчёт* приводится бóльший ряд значений: 1. от *рассчитать*: а) 'произвести исчисление чего-либо, учесть данные или возможности совершения чего-либо': *рассчитать стоимость чего-либо; рассчитать предстоящие расходы; рассчитать конструкцию* (вычислить данные при проектировании); *рассчитать прыжок*; б) 'предусмотреть, задумать, заранее определить': *рассчитал, что всё обойдётся благополучно*; 2. 'намерение, предположение': *поездка не входит в мои расчёты*; 3. 'выгода, польза': *нет никакого расчёта ехать*; 4. 'экономия' (в 1-м значении – 'бережливость при расходовании чего-либо'), 'бережливость': *во всём соблюдать расчёт* [7].

Приведенные толкования позволяют выделить следующие ряды сем, способствующих выражению как положительной, так и отрицательной оценки и служащих формированию полевой структуры концепта, определению его смыслового ядра: 1. 'выгода', '(материальная) польза', 'преимущество'; 2. 'стремление', 'личная выгода', 'жадность', 'нажива'; 3. 'рассчитать', 'учесть данные или возможности совершения чего-либо'; 4. 'предусмотреть', 'задумать', 'заранее', 'определить'; 5. 'намерение', 'предположение'; 6. 'бережливость', 'бережливость при расходовании чего-либо' [5, с. 109].

Контекстуально-семантический анализ показал, что ФЕ в пьесах А.Н. Островского в различной степени актуализируют семы смыслового ядра концепта «Корысть, расчёт». В ходе исследования было выявлено всего 56 ФЕ, для каждой из них был определен тот ряд сем смыслового ядра, который ФЕ актуализирует наиболее ярко – в наиболее высокой степени. На основе анализа всего ряда ФЕ было установлено 9 классифицирующих когнитивных признаков, в комплексе отражающих категориальную структуру концепта. Представим их иерархию в соотношении с семами смыслового ядра, актуализируемыми ФЕ:

Семы 1-го ряда: 'выгода', '(материальная) польза', 'преимущество' (*корысть* в 1-м значении): 1-й признак «оценка степени пользы чего-либо/какой-либо деятельности для кого-либо»: [Большов:] ...а если полтины не возьмут, так за семь гривен *обеими руками ухватятся*. *Всё-таки барыш* [8, с. 101].

Семы 2-го ряда: 'стремление', 'личная выгода', 'жадность', 'нажива' (*корысть* во 2-м значении – 'корыстолюбие'): 2-й признак «оценка качеств, способностей человека, представляющих/прино-

сящих пользу, выгоду»: [Подхалюзин:] ...да ведь и я, Самсон Силыч, **не лыком шит**, сами изволите видеть, имею капиталец [8, с. 109]; 3-й признак «оценка противоречивости поведения человека: стремление к личной выгоде превосходит претензии на следование христианским ценностям»: [Большов:] *За этим ничего нет?* [Подхалюзин:] *За масло постное-с, об великом посту брали бочонка с три-с.* [Большов:] *Вот сухоядцы-то, постники! И богу-то угодить на чужой счёт норовят* [8, с. 104].

Семы 3-го ряда ‘рассчитать’, ‘учесть данные, возможности совершения чего-либо’: 4-й признак «оценка чьего-либо материального положения»: [Аграфена Кондратьевна:] ...за дочерью-то у нас **не горы, мол, золотые** [8, с. 95]; 5-й признак «выбор способа действия/достижения цели: единоличное ведение дел или сотрудничество»: [Подхалюзин:] *А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с* [8, с. 118].

Семы 4-го ряда: ‘предусмотреть’, ‘задумать’, ‘заранее определить’: 6-й признак «оценка степени ответственности за ситуацию, целесообразности участия в ситуации, (не)представляющей интерес, (не)обещающей выгоду»: [Большов:] ...останется ль, нет ли кредиторам-то старых сапогов пары три. [Рисположенский:] ...Что ж, Самсон Силыч, **всё это в наших руках** [8, с. 100]; 7-й признак «оценка необходимости предусмотрительного поведения»: [Подхалюзин:] ...в **добрый час молвить, в худой промолчать, от слова не станется; а ведь враг-то силен – горами шатает** [7, с. 121].

Семы 5-го ряда: ‘намерение’, ‘предположение’: 8-й признак «предположение о благополучном исходе дела/ситуации»: [Большов:] ...так вот тебе, Лазарь, дом и лавки пойдут вместо приданого, да из наличного отсчитаем. [Подхалюзин:] Помилуй-те, тятенька, я и так вами много доволен. [Большов:] ...Что тут миловать-то! Своё добро, сам нажил... Да что тут разговаривать-то. **На милость суда нет. Бери всё, только нас со старухой корми да кредиторам заплати копеек по десяти.** [Подхалюзин:] *Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди – сочтёмся!* [8, с. 137].

Семы 6-го ряда: ‘бережливость’, ‘бережливость при расходовании чего-либо’: 9-й признак «оценка выгоды, преимущества чьего-либо положения»: [Гордей Карпыч:] *За ней ведь денег много, так тебе голому-то на голодные зубы хорошо* [8, с. 376].

На основе вышеприведенной классификации могут быть выделены когнитивные признаки, составляющие ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии концепта «Корысть, расчёт», репрезентируемого посредством ФЕ в пьесах А.Н. Островского. Классификаторами при определении **полевой структуры концепта** послужили обозначенные

нами ряды сем (с 1-го по 6-й). Таким образом, за **ядро концепта** (26,9%) были приняты когнитивные признаки «оценка чьего-либо материального положения» и «выбор способа действия/достижения цели: единоличное ведение дел или сотрудничество». ФЕ, репрезентирующие данные признаки, в сравнении с другими ФЕ, объективирующими концепт «Корысть, расчёт», в большей степени актуализируют семы 3-го ряда – ‘рассчитать’, ‘учесть данные, возможности совершения чего-либо’ (например: **не горы золотые; свою статью гони**). **Ближнюю периферию** составляют когнитивные признаки «оценка качеств, способностей человека, представляющих пользу, выгоду» и «оценка противоречивости поведения человека: претензии на следование христианским ценностям превосходит стремление к личной выгоде» – 23%. ФЕ, репрезентирующие их, отличаются большей степенью актуализации сем 2-го ряда – ‘стремление’, ‘личная выгода’, ‘жадность’, ‘нажива’ (корысть во 2-м значении – ‘корыстолюбие’ [7]; например: **губа-то не дура; И богу-то угодить на чужой счёт норовят**). **Дальнюю периферию** концепта представляют когнитивные признаки «оценка степени ответственности за ситуацию, целесообразности участия в ситуации, (не)представляющей интерес, (не)обещающей выгоду» и «оценка необходимости предусмотрительного поведения» – 19,2%. Согласно результатам исследования, ФЕ, репрезентирующие эти признаки, в большей степени актуализируют семы 4-го ряда – ‘предусмотреть’, ‘задумать’, ‘заранее определить’ (например: **не по нашей части; в добрый час молвить, в худой промолчать**). Наконец, в **крайнюю периферию** вошли признаки «оценка степени пользы чего-либо/какой-либо деятельности для кого-либо» (семы 1-го ряда – ‘выгода’, ‘польза’, ‘преимущество’, ‘материальная польза’: **обеими руками ухватятся**), «предположение о благополучном исходе дела/ситуации» (семы 5-го ряда – ‘намерение’, ‘предположение’: **свои люди – сочтёмся**) и «оценка выгоды, преимущества чьего-либо положения» (семы 6-го ряда – ‘бережливость’, ‘бережливость при расходовании чего-либо’: **на руку**) – соответственно 11,5%; 11,5% и 7,7% [5, с. 114].

В процессе моделирования концепта нами были выделены следующие компоненты **макроструктуры**: образный компонент (65%: 17 из 26 ФЕ) и интерпретационное поле (35%, из которых 19,2% – паремии). Как свидетельствует статистический подсчет употребления фразеологических оборотов персонажами пьес А.Н. Островского, образный компонент в макроструктуре концепта доминирует, будучи представлен многообразием когнитивных образов (или когнитивных метафор) [5, с. 114].

Когнитивные признаки, отнесенные нами к интерпретационному полю, составляют 35%. В рамках интерпретационного поля нами выделены оце-

ночная, утилитарная и паремиологическая зоны [5, с. 114].

Необходимо отметить, что наибольшее количество ФЕ, репрезентирующих рассматриваемый концепт, передает общую (отрицательную или положительную) оценку. В соотношении доля ФЕ отрицательной оценки преобладает над долей ФЕ положительной оценки (положительную оценку выражают две ФЕ: *как за каменной стеной-с; у него своих девать некуда*). Часто отрицательная оценка тесно сопряжена с нравственной: *богу угождать на чужой счёт норовят; одной рукой крестится, а другой в чужую пазуху лезет* [5, с. 114].

Контекстуально-семантический анализ ФЕ в пьесах А.Н. Островского показывает, что **утилитарная зона** концепта «Корысть, расчёт» ярко, отчётливо и широко представлена посредством фразеологии. ФЕ выражают прагматическое отношение различных персонажей к жизни и деятельности. Оно проявляется в следующих общественно-бытовых аспектах:

– материальные средства и материальное имущество: *за семь гривен обеими руками ухватятся; не горы золотые; на какого мне жиды трепрашельчатое-то; взять с него нечего; девать некуда;*

– торговля: *торгуем, торгуем, братец, а пользы ни на грош; не по нашей части нам крестьян не покупать;*

– человеческие качества, способности, проявляемые в его поведении: *не лыком шит... имею капиталец; за хорошим человеком как за каменной стеной; губа не дура; свою политику ведёт;*

– взаимоотношения с окружающими и близкими людьми: *свою статью гони; [Большов:] А вы вот возьмите задаточку сто серебра, да и по рукам-с* [8, с. 118]; *[Рисположенский:]... Что ж, Самсон Силыч, всё это в наших руках; таким пивкам, как ты, это и на руку* [8, с. 99].

В **паремиологическую зону** (19%) входят ФЕ, репрезентирующие 2 классифицирующих когнитивных признака, которые, в свою очередь, интегрируют частные когнитивные признаки. Признак «оценка необходимости предусмотрительного поведения» (семы 4-го ряда – ‘предусмотреть’, ‘определить’) интегрирует частные признаки: а) «проявление осторожности при определении того, когда или что стоит придавать огласке»: *... в добрый час молвить, в худой промолчать*; б) «оценка необходимости расплачиваться за непредусмотрительность»: *Люби кататься, люби и саночки возить*. Признак «предположение о благополучном исходе дела/ситуации» (семы 5-го ряда – ‘намерение’, ‘предположение’) интегрирует частные признаки: а) «предположение о пользе/выгодности совершения благодеяния – передачи собственности»: *На милость суда нет*; б) «оценка родственной связи как условия, определяющего возможность совер-

шения действия, предполагающего возврат»: *Свои люди – сочтёмся*; в) «оценка возможности извлечения пользы из неприятной ситуации»: *Всё переделается – мука будет* [5, с. 115–116].

Концептуализация корысти, расчёта в пьесах А.Н. Островского, подобно концептуализации самодурства, осуществляется посредством комплекса разнообразных образов. Характерным отличием этого комплекса образов является их тесная связь с материальным миром, материальными ценностями. Соматические образы предстают здесь в иной функции. Внимание акцентируется на хватательной функции рук. Руки имеют большую вместительность: в них средоточивается захваченное (имплицитный смысл частотной ФЕ: *всё в наших руках*); выгода представляется стремлением поместить что-либо на поверхность руки (*кому на руку*). Другие части тела, приспособленные для захвата – зубы, губа – наделяются разумом и физическим состоянием – чувством голода, ассоциирующимся с жадностью, стремлением к поглощению (*на голодные зубы; у кого губа не дура*; ср. также образное осмысление ФЕ: *хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю*). Приобретение излишеств связывается с образом типичного жадины, корыстолюбца – жиды (см. контекстуальное употребление ФЕ: *на какого мне жиды*). Другая функция рук – жестовая, осмысливается как в связи с типичными, принятыми в культуре ритуалами, так и в качестве фона для раскрытия девиаций социального поведения. Под жестом рукопожатия подразумевается заключение сделки (*по рукам*). Руки воплощают двойственность поступков: наряду с выполнением функции жеста, символизирующего следование религиозно-нравственным нормам (молитвенный жест креста), они становятся инструментом захвата чужой ценности, превращая сам жест в способ симуляции, внушения доверия (*одной рукой крестится, другой в чужую пазуху лезет*). За одеждой, ближе к телу (за пазухой) прячется то, что ценно [5, с. 118–119].

Недостаток одежды, наличие единственного предмета одежды – рубашки – ассоциируется с утратой собственности или добровольным отказом от неё на благо другого человека (*в одной рубашке остаться*). Вещь, созданная с использованием простого природного материала, отличает человека без денежных средств (*не лыком шит*) [5, с. 119].

Богатство, ассоциируемое с горами золота, служит мерой престижа невесты (*за дочерью не горы золотые*). Старинная медная монета в две копейки или полкопейки – грош – представляется мерой полезности какого-либо дела (*пользы ни на грош*). Надёжность человека или будущего мужа, подразумевающая также его материальное состояние, сравнивается с каменной стеной как прочным устойчивым сооружением: *[Подхалюзин:] ...при-*

строить бы до поры до времени Алимпию Самсонову за хорошего человека, так уж тогда будет она, по крайности, как за каменной стеной [8, с. 121]. В то же время утрата средств, капитала концептуализируется в виде картинки: разорившийся человек воспринимается как ничтожное, не имеющее и доли ценности существо и ассоциируется с прахом, вышедшим через трубу после того, как древесина прогорела (*в трубу вылетел*) [5, с. 119].

Двойственность корысти проявляется в целенаправленной деятельности двух сторон, каждая из которых обособляется и в то же время находится в зависимости от второй, и потому осмысливается как часть единой системы, подобной государственной, со свойственной ей ступенчатой (само)регуляцией (*свою политику ведёт; свою статью гони*) [5, с. 119].

Вербализуя концепт «Корысть, расчёт» в пьесах А.Н. Островского, фразеологизмы имплицитно передают дополнительные элементы концептуального смысла, обуславливая двойственный характер концептуализации. Двуплановость семантики ФЕ проявляется в характеристике дополнительных, нетипичных, окказиональных признаков, часто актуализируемых за счёт буквального осмысления образа, лежащего в основе ФЕ, нередко выступающих в своеобразном сочетании в пьесах. Классификация репрезентируемых посредством фразеологии признаков концепта «Корысть, расчёт», описание его категориальной, полевой структуры и макроструктуры выявляют ассоциируемые с корыстью и расчётом ситуации, качества, состояния, свойства, представляющие для персонажей пьес А.Н. Островского наибольшую актуальность, а также позволяют установить характерные черты признаков концепта. Таким образом, для рассматриваемого концепта характерна высокая частотность косвенных репрезентант, выражающих идейно-тематические доминанты [6, с. 120] в пьесах, многоплановость, окказиональность и детальность концептуальных образов, составляющих образный компонент макроструктуры концепта.

В комплексе образов-признаков концепта, характеризующихся антропоцентричностью, переплетаются, кроме того, различные ипостаси человеческого существования: мир материальных вещей и ценностей, сферы человеческой деятельности, межличностные взаимоотношения; соматические образы обретают символический смысл (образ руки, ассоциируемый с выполняемой ею функцией захвата).

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – 204 с.
2. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314, [6] с.
3. Красса С.И. Идиомы как лингвоконцепты // Фразеология и когнитивистика: материалы I Междунар. науч. конф. (Белгород, 4–6 мая 2008 г.): в 2 т. Т. 1. Идиоматика и познание. – Белгород: Белгород. гос. ун-т, 2008. – С. 83–87.
4. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. – 2000. – № 4. – С. 39–45.
5. Наградова Л.С. Концептообразующая функция фразеологических единиц в пьесах А.Н. Островского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2011. – 26 с.
6. Наградова Л.С. Концептообразующая функция фразеологических единиц в пьесах А.Н. Островского: дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2011. – 194 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
8. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1973. – 576 с.
9. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 14–17.

ПОЛЬСКОЕ ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ ДЕЙСТВИЯ:
СЛОВАРЬ И КОРПУСНЫЕ ДАННЫЕ*

Рассматриваются проблемные вопросы отглагольной деривации существительных в польском языке, исследуются прагматические и семантические факторы, ограничивающие их образование. Несмотря на широкую распространенность отглагольных имен действия в польском языке, обнаружены такие же системные ограничения, как в русском и украинском языках. Установлено влияние аспектуальной семантики глагола на его продуктивность по отношению к девербативам. По результатам анализа словарей, польский глагол может не иметь соотносительного имени действия в следующих случаях: неупотребительность самого глагола, активность параллельных однокоренных или синонимических форм, производный характер самого глагола (его мотивированность существительным или прилагательным), морфологические факторы, семантика глагольной основы (образованию имен действия в некоторых случаях препятствует реляционное значение и оттенки модальной семантики), определенная аспектуальная семантика (имена действия не образуются от ряда глаголов со значением неэволютивной начинательности, протяженно-одноактных, чрезмерно-длительных и делимитативных глаголов). Исследование данных национально-корпуса польского языка убеждает в том, что существуют довольно обширные группы отглагольных имен, которые являются скорее потенциальными, чем реальными языковыми единицами. Эти группы объединяет наличие признака количественно-временного предела действия.

Ключевые слова: польское отглагольное имя действия, девербатив, аспектуальная семантика, количественно-временной предел действия.

Отглагольные имена действия в польском языке являются очень распространенной языковой формой и сохраняют многие глагольные свойства и грамматические значения, в частности вид, залог, возвратность, основное управление, способность иметь обстоятельства [4]. В академическом словаре польского языка под редакцией В. Дорошевского [9] отглагольные имена действия дефинируются в отдельных словарных статьях и получают определение *forma rzeczownikowa czasownika* 'именная форма глагола' (здесь и в дальнейшем цитаты из работ на польском языке приводятся в моем переводе. – Е.П.), например:

(1) *Dobycie* – *forma rzeczownikowa czasownika* *dobywać* 'именная форма глагола добывать'.

Другой подход используют авторы Универсального словаря польского языка под редакцией С. Дубиша [10]: большинство отглагольных имен на *-nie*, *-cie* просто включается в состав статей о глаголах, например:

(2) *rozmyślenie* *książk.* «*zastanawiać się nad czymś, rozważać, roztrząsać coś w myśli; medytować*» <...> *rzecz.* *rozmyślenie* 'размышлять книжн. «думать о чем-то, рассуждать о чем-то мысленно, медитировать» <...> сущ. размышление'

И первый, и второй подходы свидетельствуют о системном характере, парадигматическом статусе польских имен действия. В академической Грамматике современного польского языка [4] имена действия, мотивированные глаголами, классифицируются, прежде всего, на два типа: категориальный (*substantivum verbale*) и некатегориальный (*substantivum deverbale*). К первому относятся

отглагольные имена действия с суффиксами *-(e)ni(e)*, *-(e)cie*, поскольку они системно образуются от глагольных основ (типа *wynalezienie* 'нахождение'). Остальные типы отглагольных имен действия (*lot* 'полет', *orka* 'пахота' и т. д.) являются нерегулярными, семантически и формально некатегориальными, поскольку удостовериться в их существовании мы можем только с помощью словаря. В польской лингвистике традиционно считается, что имена действия первого типа образуются, за редкими исключениями, от всех глаголов [4; 8].

Ранее, в процессе исследования свойств имен действия в близкородственных русском и украинском языках, мы обнаружили регулярные семантические ограничения на их образование, которые связаны с наличием в семантической структуре производящего глагола признака количественно-временного предела, как в словах *потанцевать*, *напрыгаться*, *перестрелять* и т. д. [1]. Это подтолкнуло к мысли, что общепринятый в полонистике взгляд на переход *глагол* → *имя* как на абсолютно регулярный и «бесконфликтный» процесс также требует уточнений. Поэтому мы предприняли сплошной анализ польских глаголов в отношении их способности к номинализации. В процессе исследования у нас возникли трудности следующего характера. Если в русском языке, по результатам нашей сплошной выборки, около 5500 имен действия, в украинском – около 8 тысяч, то в польском языке – по словарным данным – имя действия образует почти каждый глагол. В словаре С. Дубиша [10], по нашим подсчетам, даже без учета суффиксальных видовых и залоговых пар, насчитывается около 12500 имен действия, а если учесть

* Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-3135.2014.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

формы с видовыми суффиксами и возвратным *się*, то объем сплошной выборки будет приближаться к 25–30 тысячам лексем. Соответственно, полноохватный анализ всех представленных в словарях польских девербативов – задача трудноосуществимая и, более того, в силу их более высокой однородности и «грамматичности», – едва ли необходимая. Поэтому мы поступили таким образом: сначала по словарю С. Дубиша был проведен сплошной анализ польских глаголов на предмет отсутствия «именной формы». Оказалось, что таких глаголов всего около полутора сотен. Мы внимательно изучили эти «неноминализуемые» глаголы, пытались понять причины отсутствия имен, и объединили их в группы. Затем проверили другие имена действия, образованные от глаголов такого же типа, на употребительность этих именных форм по данным корпусов польского языка [5; 6; 7] с тем, чтобы понять, является ли определенный семантический признак настоящей причиной запрета на номинализацию глагола, или же отсутствие конкретного имени действия является случайным фактом языка. Основные результаты этого исследования представлены ниже.

Во-первых, была обнаружена группа бесприставочных глаголов несовершенного вида типа *wiedzieć* ‘знать’, *pięknieć* ‘хорошеть’, у которых нет соотносительных имен действия. Эта группа насчитывает около 50 единиц. В ее составе отчетливо выделяются, прежде всего, производные (отыменные и отадективные) глаголы со значением приобретения свойства или признака типа *pięknieć* ‘хорошеть’, *dnieć* ‘светать’, *dobrzeć* ‘здороветь, хорошеть’, *anieleć* ‘становиться подобным ангелу’, *dżdżyć* ‘дождить’ и т. п. Причины отсутствия отглагольных имен, на наш взгляд, здесь скорее прагматического или морфонологического характера. Во-первых, фактором может быть наличие однокоренного абстрактного существительного на *-ość*, образованного непосредственно от прилагательного: *hardość* ‘гордость, высокомерие’, *piękność* ‘красота’, *brawurowość* ‘рискованность’, *bezradność* ‘беспомощность’, *krnąbrność* ‘упрямство’, *anielskość* ‘совершенство’ (букв. «ангельскость») и некоторые другие. Такое направление деривации представляется более естественным, поскольку имя называет не процесс, а свойство, признак. Соответствующая ниша может быть «занята» синонимичным или однокоренным девербативом. Например, отсутствие соотносительного имени действия у глагола *chmurnieć* ‘темнеть’ компенсируется двумя девербативами с идентичным значением: бесприставочным *chmurzenie się* и приставочным *zachmurzenie się* (от *zachmurzać się* ‘покрываться тучами’). По всей видимости, играет роль и употребительность самого глагола: нет необходимости в имени от довольно редкого глагола *dnieć* книжн. ‘светать’, поскольку есть широко упо-

требительное *świtanie* ‘рассвет’. Нет соотносительного имени у книжного глагола *dżdżyć* ‘дождить’, поскольку есть стилистически нейтральный *mżyć* (*mżenie*) и разговорное *siąpić* (*siąpienie*). Правда, мы не всегда можем ответить на вопрос, почему имена образовались именно от других глаголов, но не от данного (а не, допустим, наоборот). Еще одно возможное объяснение – безличный характер глагола (эту мысль находим также у Я. Пузыниной [8, с. 30]), как в случае с упомянутыми выше *dnieć*, *dżdżyć*, *rozwidniać się*. Возможно, именно эта причина мешает образованию имени действия от глагола *szczęścić* ‘одаривать счастьем, благословлять, осчастливливать (о Боге или судьбе)’, не имеющего точного аналога в русском (в украинском языке есть близкий по значению глагол *щастити*). Но фактор безличности не является решающим, ведь от некоторых безличных глаголов имена действия почему-то образуются (см. упомянутое выше *świtanie* ‘рассвет’ от *świtać*). Также могут усугублять ситуацию причины морфонологического характера. Еще вероятнее – все эти факторы действуют одновременно.

В отдельную группу выделяются непроемкие бесприставочные глаголы. Так, отсутствуют категориальные имена действия на *-(e)ni(e)*, *-ci(e)* у некоторых древних глаголов, называющих непродельные состояния и процессы: *pachnieć* ‘пахнуть’, *wiedzieć* ‘знать’, но при этом есть формы *zapach*, *wiedza* (и еще несколько синонимов) соответственно. Глагол *boleć* ‘болеть’ также не имеет производного существительного на *-ni(e)*, но есть целая группа синонимов и однокоренных девербативов: *choroba*, *bolesność*, *obolałość*, *boleści*, *ból* и т. п.

Другой возможной причиной может быть малоупотребительность или сочетаемость самого глагола, как в случае с глаголом *czniać* ‘не уважать’: поиск употреблений в доступных нам корпусах не дал результатов не только в отношении потенциального имени, но и самого глагола (есть общеупотребительный синонимичный глагол *lekceważyć* и имя *lekceważenie*). Та же причина может быть и в случае с глаголами *przykrzyć się* ‘становиться обременительным, трудновыносимым’ и *mierzić* (*mierznać*) ‘возбуждать в ком-то отвращение’ (у последнего глагола всего 2 употребления в корпусе [5]). Глагол *jąć* ‘начать’ (книжн.) – не образует имени действия, по всей видимости, по причине его ограниченной функциональности и сочетаемости: он употребляется только в форме СВ прошедшего времени в сочетании с инфинитивом (*Wiatr jął ucichać* ‘ветер начал утихать’). Заметим, что глагол *dąć* ‘веять, дуть’ тоже книжный, похожий по форме, тем не менее, свободно образует девербатив *decie*.

Номинализации глагола может препятствовать наличие модальных и реляционных компонентов в его семантике: *móc* ‘мочь’, *musieć* ‘быть должным’, *woleć* ‘желать’, *chcieć* ‘хотеть’,

śmieć ‘сметь’, *mieć* ‘иметь’, *braknąć* ‘не хватать’, *starzyć* – *starzać* ‘хватить – хватать’, *umieć* ‘уметь’ и производных от них *dotyczyć* ‘касаться’, *zdarzyć* – *zdarzać* ‘настать – наставать’, *potrzebować* ‘нуждаться’, *wystarczyć* – *wystarczać* ‘хватить – хватать’, *zabraknąć* ‘не хватить’. Так, полисемичный посессивный глагол *mieć* ‘иметь’ обладает сложной структурой значения и, кроме посессивности, обозначает отношение между субъектами или субъектом и объектом, или между субъектом и его отвлеченным свойством. О семантике подобного глагола в русском языке, от которого, кстати, также невозможно образовать имя действия, пишет, в частности, О.Н. Селиверстова: ‘иметь’ выражает, в первую очередь, наличие отношения между субъектом и объектом. Это отношение различного свойства в зависимости от семантики актантов [3, с. 136–137]. Показательно, что синонимичный глагол с более узким лексическим значением образует имя действия: *posiadać* → *posiadanie*.

Около 100 глаголов, которые по данным словарей С. Дубиша и В. Дорошевского не имеют соотносительных имен действия, являются префиксальными и принадлежат к определенным способам глагольного действия. Это обстоятельство побудило нас рассмотреть их отдельно, поскольку мы полагаем, что отсутствие соотносительных имен действия у определенных групп префиксальных глаголов может быть обусловлено причинами аспектуально-семантического характера.

Отсутствуют имена действия у тридцати глаголов с префиксом *za-*. Из них приблизительно 2/3 – это так называемые квантово-ограничительные (в классификации Е.В. Петрухиной), или протяженно-одноактные (в классификации М.А. Шелякина): *zadudnić* ‘прогудеть’, *zahukać* ‘проухать (о птицах)’, *zafurkotać* ‘прошуршать’, *zafurczeć* ‘зафурчать’, *zabzykać* ‘прожужжать’ и т. д. Следует уточнить, что в польском языке, в отличие от русского и украинского, глаголы с префиксом *za-* со значением слухового и зрительного восприятия (типа *zadudnić* ‘прогудеть’), называющие многоактные повторяющиеся действия (типа *zadrzeć* ‘задрожать’), а также некоторые другие, чаще указывают не на начальную фазу действия (как, например, русский глагол *загромыхать*), а на его кратковременность (аналогом могут служить глаголы типа *прогромыхать*, *погромыхать*). Ср., например, словарное толкование польского глагола *zagrać* ‘заиграть’: ‘исполнить какое-либо произведение на музыкальном инструменте; о музыкальных инструментах: издать звуки, прозвучать; о музыке: наполнить звуками, разлиться’ [9], и русского глагола *заиграть*: «1. Играть, привести в негодность. 2. Начать играть» [2, с. 522]. Как видим, в толковании польского глагола нет указания на начало действия, а в русской словарной статье присутствует эксплицитный элемент «начать». На наш взгляд,

в семантике этих глаголов присутствует представление об ограниченной длительности, хотя и очень непродолжительной, иногда мгновенной. Поскольку это глаголы непредельные, то акцентируется внимание именно на временном интервале, крайне малом количестве времени осуществления действия (а не на результате, как, например, у одноактных глаголов типа *моргнуть*). Акцент на времени и обуславливает то, что эти глаголы неохотно номинализируются. Симптоматично, что упомянутые русские протяженно-одноактные глаголы (*прогудеть*, *прогреметь* и т. д.) вообще не способны образовывать имена действия.

Еще одна довольно компактная и однородная группа «неноминализируемых» глаголов – начинательные (в их словарном толковании есть элемент *zacząć* ‘начать’), обозначающие точку перехода в новое состояние, преимущественно физическое (9 единиц): *zachorzeć* ‘захворать’, *zaboleć* ‘заболеть’, *zapachnieć* ‘запахнуть’ (но есть *zapach*), *zapragnąć* ‘захотеть’, *zadrzemać* ‘задремать’, *zafajczyć* ‘закурить’ (при этом есть *fajczenie!*), *zachlipać* ‘захлюпать (носом)’, *zadyszeć się* ‘задышать с трудом, громко, с одышкой’. Также с этим префиксом обнаружен один глагол чрезмерно-длительного способа действия – *zahulać* ‘загулять’.

Не образуют имен действия 16 глаголов с префиксом *po-*. Больше всего среди них оказалось делимитативных: *postać II* ‘постоять’, *pochorować* ‘поболеть, побыть больным некоторое время»; *poboleć I* ‘поболеть (почувствовать легкую боль в течение некоторого времени)’ (разг.); *poboleć II* ‘попереживать какое-то время о чем-то, пожалеть кого-то’ (книжн.); *pobuć* ‘побыть»; *poszumieć* ‘пошуметь’. Также в группе глаголов с *po-* обнаружился дистрибутивный глагол *poszczekać* ‘погавкать’, в глаголе *polecieć* ‘полететь’ с результативностью совмещаются оттенки начинательной семантики, остальные распределились по уже выделенным ранее группам: глаголы с модальным значением *potrafić* ‘суметь’, *popłacać* ‘оплачиваться’, архаичная лексема *postać III* ‘появиться’, употребляемая только в составе фразеологизма «*Coś komuś ani w głowie nie postoi*» ‘даже в голову не придет’; глагол *potrzebować* ‘нуждаться в чем-либо’, у которого есть некатегориальный девербатив *potrzeba*.

Довольно многочисленной (16 глаголов) оказалась группа глаголов кумулятивного способа действия с префиксом *na-* (показатель – наличие в словарной статье лексических указателей на множественность объектов (слов *wiele* ‘много’, *dużo* ‘много’ и под.), например: *najechać* ‘прибыть, съехаться с многих сторон, в большом количестве, во множестве’, *nahłasować* ‘наделать много шума’, *III nastawić* ‘наставить (много чего-либо)’ и т. п. Мы обнаружили также пару финально-комплетивных глаголов без имен действия *dojść* – *dojmować* ‘донять – донимать’ и один глагол

с явной семантикой временного предела *II dobiegać* 'добежать' (как в предложении «*Chłopiec dobiegał w starych butach do wakacji*» – 'Мальчик добежал до каникул в старых кроссовках'). Примечательно, что у других значений этого же глагола есть вполне «законные» девербативы *dobiegnięcie* – *dobieganie* 'добегание'.

Не имеют соотносительных имен действия два глагола на *у-* с сативным аспектуальным значением (*wychłostać* 'исхлестать', *wycierpieć* 'выстрадать'). К ним по семантике примыкают глаголы *zbiesić* 'взбесить, разозлить' и, отчасти, *ogorzyć* 'сильно обгореть', *oszaleć* 'ошалеть', *obsobaczyć* – *obsobaczać* 'обругать, оговорить кого-то'.

Итак, среди префиксальных глаголов, от которых не образуются имена действия, вполне очевидно выделяется несколько семантических групп: квантово-ограничительные, делимитативные, фазовые начинательные, кумулятивные, сативные, чрезмерно-продолжительные. Кроме того, оказалось, что здесь действуют те же семантические и прагматические причины, что и у беспрефиксных глаголов: модальная семантика, безличный характер самого глагола, его архаичность.

После изучения словарных данных мы решили проверить другие имена действия, образованные от глаголов тех же способов действия, на их употребительность по корпусам польского языка, поскольку у нас возникло подозрение, что эти единицы могут оказаться лишь «конструктами», существующими только в словарях. В целом результаты оказались следующими: около половины имен действия из каждой группы в корпусах отсутствует. Остальные употребляются, но с их значениями происходят различные метаморфозы. Покажем это на примере одной группы имен действия, образованных от глаголов с семантикой чрезмерного проявления длительности или интенсивности действия. Из 43 таких имен действия 24 лексемы (8 единичных и 8 парных по виду) не имеют ни одного вхождения в корпусах польского языка: *zapasienie* – *zapasanie* 'закармливание', *zanudzenie się* букв. «заскучание», *zanieśnienie się* букв. «захождение (криком)», *zamordowanie się* – *zamordowywanie się* букв. «замучивание», *zamartwienie się* – *zamartwianie się* букв. «изведение (себя), замучивание», *zameczenie się* – *zameczanie się* букв. «заморение, загон» и т. д. При этом выборочная проверка на употребительность самих глаголов дала хорошие результаты, например, *zamartwiać się* – более 100 вхождений в [7]. 19 имен действия были обнаружены в корпусах с разным количеством вхождений и разной семантикой. В половине случаев это оказалось устаревшее слово, употребленное в единственном контексте, как в примере (3):

(3) *Sześćset rubli rocznie i dwanaście godzin dziennie zajęcia. Nie, nigdy bym nie pozwolił na takie zapracowywanie się kuchni mojego kochanego*

sąsiada, hrabiego Henryka! – *mówił prędko Szaja* (W.S. Reymont, *Dziela wybrane*, 1898) – 'Шестьсот рублей в год и 12 часов ежедневных уроков. Нет, никогда бы я не позволил такой тяжелой работы (буквально «заработания». – Е.П.) моему милому соседу, графу Генриху, быстро сказал Шайя'.

В других случаях контекстуальная семантика довольно сильно отличается от значения, предлагаемого в словаре. Например, глагол *zagrać się* 'заиграться' определяется в словарной статье так: «забыться во время игры, быть захваченным игрой (на инструменте, в карты, в мяч и т. д.)», там же приводится именная форма *zagranie się* [10]. Однако обращение к корпусным данным (всего 2 вхождения в [7]) указывает на другое значение, не представленное в словаре С. Дубиша, см. пример ниже:

(4) *Słyszałem opinie o wielkim zawodzie, jaki ich spotkał, że w sierpniu, w finale turnieju rozgrywanego z okazji święta ich klubu, nie mieli okazji zagrania się z nami. Chcieli nam wskazać miejsce w szeregach* (Dziennik Polski 2003-10-16) – 'Я слышал (...) что у них не было возможности сыграть (букв. «возможности заиграния». – Е.П.) с нами'.

Подведем итоги. Отглагольное имя действия в польском языке занимает промежуточное положение между глаголом и существительным, реализуя как глагольные, так и именные свойства. Подавляющее большинство глаголов по данным академических словарей имеют соотносительные имена действия. Сплошной анализ словарных данных показывает, что приблизительно лишь один польский глагол из ста не образует имени действия. Причины этих словарных словообразовательных лагун, по результатам нашего анализа, следующие: неупотребительность самого глагола, активность параллельных однокоренных или синонимических форм, производный характер самого глагола (его мотивированность существительным или прилагательным), морфонологические факторы, семантика глагольной основы (образованию имен действия в некоторых случаях препятствует реляционное значение и оттенки модальной семантики). Однако больше всего ограничений накладывает аспектуальная семантика способа глагольного действия: имена действия не образуются от ряда глаголов со значением неэволютивной начинательности, протяженно-одноактных, чрезмерно-длительных и делимитативных глаголов. Все они содержат признак количественно-временного предела действия. Более того, исследование данных национального корпуса польского языка убеждает в том, что довольно обширные группы отглагольных имен, образованных от глаголов, содержащих этот признак, являются скорее потенциальными, чем реальными языковыми единицами. Аспектуальное значение количественно-временного предела плохо транспонируется в имя существительное: соответствующие единицы либо отсутствуют в корпусах, либо

полностью теряют интересующее нас значение при номинализации. Полученные результаты также дают основания для внесения соответствующих уточнений в словарные статьи о ряде польских глаголов.

Библиографический список

1. Пчелинцева Е.Э. Аспектуальная характеристика отглагольных имен действия в русском, украинском и польском языках // *Verbal Aspect: grammatical meaning and context*. – Die Welt der Slaven. Sammelbände Bd 56. – Verlag Otto Sagner: München – Berlin – Washington / D.C., 2015. – С. 389–402.
2. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. 1. – 702 с.
3. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ слов. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
4. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia / R. Grzegorzczakowa, R. Laskowski, H. Wróbel. – Warszawa: PWN, 1998. – 640 s.
5. Korpus Języka Polskiego Wydawnictwa Naukowego PWN [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://korpus.pwn.pl/> (дата обращения: 15.10.2013).
6. Korpus Instytutu Podstaw Informatyki PAN [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://korpus.pl/poliqarp/poliqarp.php> (дата обращения: 30.09.2013).
7. Narodowy Korpus Języka Polskiego. 2008–2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nkjp.uni.lodz.pl/#> (дата обращения: 14.10.2015).
8. Puzyrniina J. Nazwy czynności we współczesnym języku polskim (słowotwórstwo, semantyka, składnia). – Warszawa: PWN, 1969. – 205 s.
9. Słownik języka polskiego // pod red. W. Doroszewskiego. – Warszawa: PWN SA, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doroszewski.pwn.pl/> (дата обращения: 03.10.2015).
10. Uniwersalny słownik języka polskiego: w 4 t. // pod red. S. Dubisza. – Warszawa: PWN SA, wersja elektroniczna, 2004.

Сидоров Евгений Владимирович

*доктор филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
sidisprima@rambler.ru*

Смерчинская Анастасия Александровна

*Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
ms.smerchinskaya@inbox.ru*

СУБЪЕКТИВНЫЕ МОТИВЫ В ОРГАНИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ДИСКУРСА И ЗНАКОВАЯ КООРДИНАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ КОММУНИКАНТОВ

Статья посвящена исследованию феномена имплицитных теорий речевого общения и его влияния на организацию семантики диалогического дискурса. Также раскрываются существенные аспекты в процессах осуществления знаковой координации деятельности участников диалога. В статье феномен имплицитной теории речевого общения рассматривается как психическая структура, связанная с познанием мира общения, что естественным образом вписывается в идеологию когнитивистского подхода. Его реализация направлена на объяснение и раскрытие причин речевого поведения через описание структур психической организации, а именно совокупности единиц и механизмов познания. Данные структуры определенным образом функционируют на уровне неосознаваемых, интуитивных установок: ожиданий, верований, предубеждений, убеждений, идей, которые оказывают значительное влияние как на представления и суждения говорящего о собеседнике, так и на формирование коммуникативного поведения участников диалога. На основании анализа речевых высказываний коммуникантов – элементов имплицитной теории речевого общения – устанавливается, что применение имплицитных теорий речевого общения при помощи знакового управления поведением участников речевого общения позволяет составить более полное представление о функциональной значимости актуализации когнитивной схемы в организации диалога.

Ключевые слова: диалогический дискурс, когнитивная семантика, речевое поведение, интерпретация, имплицитные теории речевого общения, речевое взаимодействие, знаковая координация

В настоящее время в рамках психолингвистики исследователи все большее внимание уделяют вопросам изучения взаимодействия субъектов, осуществляемого с использованием вербальных средств. Нередко говорящему не удается выразить в доступной форме не только то, о чем он по разным причинам предпочитает не говорить прямо, но и то, что не представляется возможным выразить точно и полно эксплицитно.

Намеренно скрытый смысл сообщения способствует тому, что воспринимаемая реципиентом информация подвергается дополнительной ментальной обработке, то есть интерпретации услышанного, что ведет к пониманию того, что именно говорящий хотел донести в имплицитной форме. Кроме этого, интерпретируя имплицитное содержание высказывания, реципиент подвергается речевому воздействию говорящего, в ходе которого в сознании создается целостная совокупность психических образов, формирующаяся в ходе речевого взаимодействия участников диалогического дискурса. Особое место в целостной семантике диалогического дискурса занимают понятия, представления, образы, связанные с имплицитными теориями речевого общения (англ. *implicit* – невыраженный), свойственными человеку.

Исследование феномена имплицитных теорий речевого общения и его влияния на организацию семантики диалогического дискурса, реализуемого в определенной коммуникативной ситуации, тесно связано со знаковой координацией деятельности участников диалога [10, с. 132].

Понятие имплицитной теории речевого общения близко понятию имплицитной теории лично-

сти. В определенном смысле слова автором теории можно назвать любого мыслящего человека, так как человеку свойственно стремление к созданию своей системы представлений о реальности, к конструированию своей имплицитной теории. Впервые понятие имплицитной теории личности было предложено Дж. Брунером и Р. Тагиури в 1954 г. и все еще используется для обозначения бессознательной иерархической системы представлений о психической организации личностей людей [13, с. 634–635]. Подобным образом, имплицитные теории речевого общения представляют собой предположения «наивного субъекта» о психической организации сущностей субъектов, определяющих их речевое поведение [1, с. 11].

Таким образом, имплицитные теории речевого общения – это психическая структура, связанная с познанием мира общения, для исследования которой необходимо рассмотреть: 1) речевую деятельность как способ ее реализации; 2) речевое поведение коммуникантов, которое определяется на основе целостного образа единиц и структур познания; 3) связную интерпретацию разнообразных отдельных представлений, отличающуюся изоморфизмом (принципиальным подобием при разном наполнении); 4) ее как основу для реорганизации психических структур с целью достижения тенденции к преобладанию таких структур, которые благоприятствовали бы созданию психического комфорта коммуникантов.

Однако следует также отметить, что исследование имплицитных теорий речевого общения естественным образом вписывается в идеологию когнитивистского подхода к изучению вопросов,

связанных с понятиями «мышление» и «речь». Мышление является такой когнитивной деятельностью человека, которая воспринимается другими через внешнее речевое выражение. Речь есть одна из форм психической деятельности человека, которая способствует осуществлению процесса мышления. Механизм взаимодействия этих явлений заключается в порождении, восприятии и понимании речи в процессе формирования когниций и ментальной переработки получаемой информации в ходе общения.

Когнитивные процессы, которые обеспечивают познание внешней картины мира и общение собеседников, осуществляются в ходе речевой деятельности, в которой речь является неотъемлемой частью диалогического общения. По мнению А.Р. Лурии, речь как высший уровень психической деятельности человека всегда входит в процесс восприятия предмета. Человек не просто воспринимает предметы, выделяя и объединяя существенные признаки, «он всегда обозначает воспринимаемые предметы словом, называет их и тем самым глубже познает их свойства и относит их к определенным категориям» [9, с. 124]. Нельзя не согласиться с мнением Н.И. Жинкина, что общепринятые понятия как критерии взаимного понимания формируются и усваиваются в процессе восприятия речи [6, с. 39]. С одной стороны, при помощи речи мысль материально замещается высказыванием, адресованным собеседнику. В этом случае говорящий кодирует сообщение реципиенту, трансформируя мысленный код (код–внутренней речи, то есть языковое оформление мысли без ее высказывания) в речевой код (код внешней речи, то есть самый процесс речевой деятельности, включающей различные механизмы кодирования и декодирования информации). С другой стороны, на этапе восприятия речи происходит когнитивный процесс в виде декодирования высказывания в субъективное представление, а именно слушающий (реципиент) анализирует и конвертирует воспринимаемое сообщение в мысль. В психологии такой психолингвистический механизм речевой деятельности называют процессом понимания.

Следовательно, реализация когнитивистского подхода направлена на объяснение и раскрытие причин, мотивов речевого поведения через описание структур психической организации, а именно совокупности единиц и структур познания. Л.С. Выготский, по-видимому, был первым, кто применил этот способ при исследовании речи и мышления. «Под единицей мы подразумеваем, – писал он, – такой продукт анализа, который... обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и которые являются далее неразложимыми живыми частями этого единства» [4, с. 15]. Единицей реализации речевой деятельности является речевое высказывание. Речевая деятельность явля-

ется содержанием речевого общения, а речевое поведение – формой проявления речевого общения. Вслед за И.А. Зимней мы полагаем, что речевое поведение есть форма социального бытия человека, в нем проявляется вся совокупность речевых действий и речевой деятельности людей. Речевое поведение следует рассматривать как специфическую и неотъемлемую часть поведения в целом как сложной системы поступков, действий, движений [7, с. 56]. Атрибут «имплицитный», вне всякого сомнения, указывает на то, что они (структуры психической организации) могут функционировать на уровне неосознаваемых, интуитивных установок (ожиданий, верований, предубеждений, убеждений, идей), поскольку человек может не иметь никаких доказательств своей правоты и даже не рассуждает о речевом поведении в осознаваемой форме. Тем не менее они оказывают влияние на наши суждения о других людях и определенным образом формируют наше поведение. Например:

– *Вы не обижайтесь на меня... Я Вам честно хочу сказать... Я же редко с такими, как Вы, общаюсь.*

– *С какими «такими»?*

– *Ну, с людьми из другого мира. Из «ящика» или из кино. У Вас же там жизнь, а у меня что?» [12, с. 34]*

Рассмотрение приведенного отрывка позволяет предположить, что образ определенного варианта поведения в осмыслении людей может соотноситься с идеей противопоставления различных человеческих судеб, в данном случае заурядной жизни простого таксиста и «яркой жизни» телеведущего. В ходе общения становится ясно, что таксист – носитель имплицитной теории – несколько смущен откровенностью своих суждений об их неравенстве, несправедливости, сознавая, что ему не стоило сравнивать свое социальное положение с социальным положением собеседника и обсуждать это с ним. Семантическое содержание данного суждения может быть представлено следующим образом: «Сказанное одним из коммуникантов (таксистом), по его мнению, расценивается слушателем как поведение неприемлемое, которое является следствием излишней откровенности предшествующих высказываний». Если допустить реальность имплицитных теорий речевого общения, то говорящий организует определенную семантическую структуру высказывания, исходя из некоторого знания относительно деятельности и личности партнера, что представляет собой определенную стереотипную ментальную структуру. Поэтому он знает, что партнер поймет его речь, ту мысль, которую он хочет до него донести; он знает, что партнер способен адекватно принять такие семантические комплексы, как люди «из другого мира», «из ящика», «из кино»; он рассчитывает на то, что партнер согласится с предлагаемой семантической

структурой. В соответствии со своей имплицитной теорией речевого общения, говорящий намеренно побуждает реципиента к определенному внутреннему действию понимания и разделения точки зрения, а также к действию внешнему – реализации определенной линии поведения реципиентом.

Таким образом, в процессе создания целостного впечатления индивида о действительности «говорящий всегда вынужден прогнозировать возможную интерпретацию текста» [11, с. 253]. Интерпретация речевого высказывания является частью интерпретации взаимодействия участников коммуникации в целом. В процессе общения и у говорящего, и у реципиента есть свои мотивы, цели и намерения. В результате мыслимые образы в их связной интерпретации становятся регуляторами речевого поведения. Поэтому в нашем исследовании мы рассматриваем речевое поведение в контексте целостных организованных систем образов, концептов и других ментальных образований. На составление целостного образа деятельности реципиента как адресата и его личности, проявляющейся в деятельности, влияют следующие факторы: преследуемые при восприятии текста цели, социальный статус, ценностные ориентиры, возраст, знание языка, когнитивная база, способность восприятия речи, половая принадлежность, психическое состояние, стереотипы восприятия, коммуникативный и жизненный опыт и другие [4, с. 56–68], разумеется, в той степени, в какой эти и другие свойства реципиента могут быть известными или предполагаемыми говорящим. Добавим, что среди перечисленных факторов именно имплицитные теории речевого общения как предполагаемая целостная психическая структура образов в когнитивном опыте реципиента имеют немаловажное значение, поскольку на них, главным образом, полагается говорящий при знаковом управлении коммуникативной деятельностью реципиента через высказывание.

Необходимо учитывать еще и тот факт, что не только фигура говорящего, но и фигура реципиента коммуникативного акта в их органической связи исследуются в качестве очевидного общего фактора организации коммуникативного процесса. Всякий акт высказывания является обращенным к кому-либо, он «постулирует наличие собеседника» [2, с. 313]. Как говорящий, так и реципиент перед тем, как вступить в коммуникативное взаимодействие, должны определить предстоящую коммуникативную ситуацию и самоопределиться в ней, то есть уяснить свою роль, социальную позицию, цели, ожидания партнера по коммуникации, его психологическое состояние, возможные установки в общении [3, с. 82]. Коммуниканты неизбежно «входят в сущностную характеристику речевого произведения, они составляют органическое единство, не могут быть расчленимы... Совокупность условий,

определяющих формирование того или иного речевого произведения субъектом, и соответствующее восприятие его адресатом, включающее условие адекватности речевого воздействия на коммуниканта, составляют неразрывную целостность и сущность самой языковой коммуникации» [8, с. 139]. Понимание – «это не просто пассивное конструирование репрезентации языкового объекта, а часть интерактивного процесса, в котором слушатель активно интерпретирует действия говорящего» [5, с. 161]. Следует отметить, что отсутствие целостности структур психической организации способствует формированию внутренних конфликтов, оказывающих деструктивное влияние на человека, так как эффект незавершенного действия оставляет след в виде напряжения в психике. Стремление психической деятельности к завершенности направлено на ее определение или формирование, то есть субъект в ходе речевого общения благодаря вербальному восприятию стремится к разрешению внутренних конфликтов.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что имплицитные теории речевого общения выступают как психические структуры, созданные на основе целостного образа единиц и структур познания (языкового сознания) коммуниканта для достижения психического комфорта и предотвращения внутренних конфликтов, которые проявляются в виде психического напряжения. Эти психические структуры содержат и систематизируют знания о стереотипных коммуникативных ситуациях, событиях, процессах, условиях, правилах и представляют собой связную интерпретацию разнообразных отдельных мыслимых образов (впечатлений), определяющих речевое поведение. Имплицитные теории речевого общения и их влияние на организацию семантики диалогического дискурса раскрывают существенные аспекты в процессах осуществления знаковой координации деятельности коммуникантов через знаковое управление действиями партнера.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 303 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Изд-во «Прогресс», 1974. – 448 с.
3. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. – М.: Ком Книга, 2005. – 320 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 363 с.
5. Дейк Т.А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.
6. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26–38.

7. Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. – М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.

8. Коливанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

9. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – 320 с.

10. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.

11. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого обще-

ния, лингвистике и риторике // Зарубежная лингвистика. II. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1999. – С. 254–264.

12. Минаев С.С. Духless 21 века. Селфи: роман. – М.: АСТ, 2015. – 416 с.

13. Bruner J.S. The perception of people / J.S. Bruner, R. Tagiuri // Handbook of Social Psychology. – Cambridge; Mass., 1954. – P. 634–654.

14. Givon T. Syntax and Semantics. – N. Y.: Academic Press, 1979. – Vol. 12. Discourse and Syntax. – P. 81–112.

УДК 821.161.1.09"20"

Шаджанова Елена Игоревна
Ивановский государственный университет
elena_ivanova87@bk.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИКИ КОНЦЕПТА СМЕРТЬ В РАМКАХ КОГНИТИВНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ВИКТОРА ЦОЯ

Виктора Цоя воспринимают как героя поколения. Несмотря на простоту и ясность его текстов, Цой оказал достаточно заметное влияние на рок-культуру и культуру своего времени в целом. Ключ к пониманию феномена В. Цоя обнаруживается при изучении когнитивного и прагматического уровней его языковой личности. В структуре лексики рок-поэта выделяется ряд основополагающих концептов, составляющих основу когнитивного уровня языковой личности рок-поэта, среди которых концепт СМЕРТЬ является одним из наиболее значимых элементов. Эта значимость обусловлена прежде всего семантической нагрузкой. Концепт СМЕРТЬ прямо или опосредованно встречается в большинстве текстов В. Цоя. Даже говоря о жизни, он думает о смерти. Это проявляется не только в ранних, но и в поздних текстах. В статье прослеживается эволюция семантики концепта СМЕРТЬ от альбома к альбому путем последовательного рассмотрения вариантов употребления репрезентантов данного концепта в текстах песен, а также анализа изменений в его значении. Изменяющаяся семантика концепта СМЕРТЬ позволяет проследить эволюционные процессы, происходящие в ходе формирования языковой личности Виктора Цоя. В ходе становления языковой личности рок-поэта семантика рассматриваемого концепта претерпевала значительные изменения, связанные с трансформациями в мировоззрении и мироощущении рок-поэта. Отталкиваясь от понимания смерти как отсутствия жизни, движения, надежды, он приходит к интерпретации смерти как чего-то метафизического и неизбежно закономерного.

Ключевые слова: языковая личность, концепт, концептуальная система, рок-поэт, семантика, когнитивный уровень языковой личности.

На современном этапе развития лингвистической науки всё более актуален антропоцентрический подход при изучении языка. Он подразумевает смещение центра исследовательского внимания в сторону изучения языка конкретной личности, являющейся носителем и творцом этого языка. Такое смещение неизбежно приводит к осмыслению языка сквозь призму человеческого сознания. Это объясняет тот факт, что в контексте антропоцентрической парадигмы одним из ведущих направлений является изучение языковой личности, так как не представляется возможным «познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю – к человеку, к конкретной языковой личности» [1, с. 8].

Когнитивный и прагматический аспекты языковой личности концентрируют в себе компоненты, которые определяют качественные особенности «картины мира» поэта, оценку и направленность его творческой деятельности. Отметим, что под компонентами, составляющими качественные особенности «картины мира» поэта, мы вслед за Ю.Н. Карауловым будем понимать комплекс наи-

более часто повторяющихся в рамках языковой системы концептов. Концепт понимается нами как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [2, с. 40]. Одним из таких компонентов является концепт СМЕРТЬ, прямо или опосредованно встречающийся в большинстве текстов В. Цоя. Даже говоря о жизни, он думает о смерти. Подобная закономерность не может быть оставлена без внимания.

В ранних текстах концепт СМЕРТЬ не выражается лексемой *смерть*, в поздних наблюдается обратная тенденция. Эволюцию семантики данного концепта можно отчетливо проследить, рассмотрев последовательно варианты употребления репрезентирующих лексем в текстах песен и проанализировав изменения в значении концепта.

Обратимся к первому альбому В. Цоя – «45». Здесь концепт СМЕРТЬ появляется в песне «Дерево»: «Я знаю, моё дерево *не проживёт* и недели. // Я знаю, моё дерево в этом городе *обречено*» [3, с. 9]. Репрезентирующими лексемами являются глагол с отрицательной частицей *не проживёт* и краткое причастие *обречено*. В первом случае се-

мантика концепта СМЕРТЬ раскрывается через отрицание антонимичного ему концепта ЖИЗНЬ, то есть СМЕРТЬ мыслится как отсутствие жизни. Во втором случае лексема *обречено* служит своеобразным связующим звеном с концептом СУДЬБА. Обреченность = неизбежность, СМЕРТЬ закономерна и неминуема. В рассмотренном тексте концепт СМЕРТЬ имеет два значения – отсутствие жизни и обреченность.

В песне «На кухне» концепт СМЕРТЬ вступает во взаимодействие с концептом СОН: «Сна нет, есть *сон лет*» [3, с. 99]. Репрезентант концепта – словосочетание *сон лет*. СОН в обывательском сознании воспринимается как то, что приносит покой и отдых. В данном контексте эта семантика нивелируется, на первое место выходит индивидуально-авторская трактовка, где СМЕРТЬ есть СОН – сон эпохи, сон времени. Герою не нужен отдых, он не хочет стоять на месте, хочет сам решать, как ему жить. Здесь через концепт СМЕРТЬ выражена оппозиция, противостояние эпохи застоя и героя, неспособного в ней существовать. Таким образом, к уже выделенным значениям добавляется еще одно: СМЕРТЬ – нечто безвременное, в то же время лишенное какого-либо движения, статичное.

Значение концепта СМЕРТЬ в первом альбоме Цоя соотносятся с концептами СУДЬБА, ЖИЗНЬ, СОН и ВРЕМЯ.

В альбоме «Начальник Камчатки» частотность употреблений репрезентантов концепта СМЕРТЬ возрастает. Альбом открывает песня «Последний герой», где концепт СМЕРТЬ имеет семантику – *отсутствие желания жить*: «Ты не можешь здесь спать. // Ты не хочешь здесь жить» [3, с. 12]. Посредством концепта СМЕРТЬ поэт передает стремление вырваться из замкнутого пространства, в котором каждое действие повторяется, за счет чего создается ощущение цикличности.

В песне «Гость» концепт СМЕРТЬ раскрывается с другой стороны: «Удивите меня, расскажите мне новость, // *Убейте* меня, рассмешите меня» [3, с. 94]. В качестве репрезентанта концепта СМЕРТЬ выступает глагол в повелительном наклонении *убейте*. Поэт ставит в один ряд семантически не связанных глаголов: *удивите, расскажите, убейте, рассмешите*. Статика мучительна для героя, ему необходимо хотя бы внешнее движение или же его иллюзия, которые способны породить внутренний импульс.

В песне «Троллейбус» в качестве репрезентирующей лексемы выступает глагол движения: «И мы *тонем*, хотя каждый знает, где брод» [3, с. 102]. Глагол несовершенного вида *тонем* подчёркивает процессуальность действия. В данном случае, вероятно, речь идет об отсутствии активной жизненной позиции или же о неготовности открыто её выразить.

В песне «Генерал» концепт СМЕРТЬ вводится также с помощью глагола движения: «Все находят

время, чтобы *уйти*. // Никто не *уйдет навсегда*» [3, с. 92]. Здесь семантика концепта СМЕРТЬ приобретает новую сему ‘память’. Она реализуется через концепт ПУТЬ и репрезентируется глаголом *уйти*, который ассоциативно связан с фразеологизмом *уйти в последний путь*, означающим ‘умереть’. В то же время абсолютная смерть невозможна, так как остаётся память.

В альбоме «Ночь» концепт СМЕРТЬ встречается в двух текстах. В песне «Игра» в качестве репрезентанта выступает лексема *убить*. В значении ‘лишить жизни’. Однако в данном контексте концепт СМЕРТЬ имеет метафорическое значение: «Ты можешь лечь и уснуть, и убить эту ночь» [3, с. 215]. *Убить ночь* – значит разрушить органичное для героя пространство.

В песне «Мы хотим танцевать» концепт СМЕРТЬ соотносится с частным концептом ВЫЗОВ: «И мы будем делать всё, что мы захотим, // Пока вы не угробили весь этот мир» [3, с. 198]. Репрезентирующая лексема – *угробить*. Это сленговое слово, эмоционально-стилистическую окраску которого можно охарактеризовать как грубую. В вызове, брошенном обществу, есть подростковое позерство. Это бесплотная угроза, рождённая формирующимся романтическим сознанием, где противостояние МЫ – ОНИ актуально и составляет основу мироощущения.

В альбоме «Это не любовь» в одноименной песне через концепт СМЕРТЬ В. Цой показывает эмоции, которые испытывает влюблённый человек: «Мне *нельзя больше ждать*: // Я могу умереть» [3, с. 107]. Семантика концепта СМЕРТЬ сливается со значением частного концепта ОЖИДАНИЕ. Чувство любви рождает невозможность, неспособность и нежелание жить без объекта чувств.

Иначе раскрывается концепт СМЕРТЬ в песне «Город»: «И за красивыми узорами окна мертва чистота окна» [3, с. 111]. Концепт СМЕРТЬ генетически связан с концептом ЗИМА. ЗИМА – смерть природы, завершение природного цикла. СМЕРТЬ – завершение цикла жизни человека. Краткое прилагательное *мертва* репрезентирует концепт СМЕРТЬ. Чистота соотносится с пустотой. Концепт СМЕРТЬ также связан с завершением цикла: «Вот ушел ещё год. // Сколько останется нам?» [3, с. 111]. В. Цой подходит к осмыслению смерти.

Иначе раскрывается значение концепта СМЕРТЬ в более поздних альбомах, зрелых текстах, анализ которых позволяет сделать вывод о том, как изменилось восприятие и ощущение смерти В. Цоем.

На наш взгляд, песня «Мама, мы все тяжело больны» (альбом «Группа крови») является переходной от понимания СМЕРТИ, свойственного раннему периоду творчества, к более зрелому восприятию: «Через день будет поздно, через час бу-

дет поздно, // *Через миг будет уже не встать*» [3, с. 336]. Нетерпение, переданное в ритме музыки и характере синтаксических конструкций, граничит с болью, которую причиняет «удар выше кисти, терзающий плоть». На пересечении этих двух понятий (нетерпение и боль) существует концепт СМЕРТЬ. В этой песне предчувствие смерти – очень эмоциональное состояние.

С альбома «Группа крови» начинается новый этап становления концептуальной системы языковой личности В. Цоя, новый уровень ее развития. Концепт СМЕРТЬ на этом этапе приобретает более целостное значение.

Так, в песне «Группа крови» концепт СМЕРТЬ взаимодействует с семантическими дистанцированными друг от друга концептами ВОЙНА и НАДЕЖДА, тем самым расширяя своё значение: «*Пожелай мне удачи в бою, // Пожелай мне // Не остаться в этой траве...*» [3, с. 219]. *Остаться в этой траве* означает ‘погибнуть в бою’. Такой синонимический ряд возможен в силу образности поэтической речи. У ГЕРОЯ есть НАДЕЖДА на ЖИЗНЬ, которая парадоксальным образом выражается в предначертанной судьбой героической гибели, в смерти, которая больше чем жизнь. После смерти наступает жизнь вневременная, герой выходит на другой уровень существования.

В песне «Война» концепт НАДЕЖДА выходит из сложившейся парадигмы: «*Покажи мне людей, уверенных в завтрашнем дне. // Нарисуй мне портреты погибших на этом пути...*» [3, с. 220]. Уверенность в себе не исключает СМЕРТИ. Концепт СМЕРТЬ репрезентируется лексемой *погибших*. Можно говорить о том, что герой осознаёт, понимает и принимает смерть как нечто неизбежное. Кроме того, в данном контексте концепт СМЕРТЬ приобретает новую коннотацию – ‘безнадёжный’. Все, кто уверен в завтрашнем дне, погибли. Будущее всегда ассоциируется с изменениями, надеждой, верой в лучшее. Цой лишает героя надежды. Таким образом, здесь концепт СМЕРТЬ имеет значение ‘отсутствие надежды’.

Иначе реализуется концепт СМЕРТЬ в песне «Легенда»: «*И горел погребальным костром закат, // И волками смотрели звезды из облаков, // Как, раскинув руки, лежали ушедшие в ночь. // И как спали вповалку живые, не видя снов. // А жизнь – только слово. // Есть лишь любовь и есть смерть. // Эй, а кто будет петь, если все будут спать? // Смерть стоит того, чтобы жить, // А любовь стоит того, чтобы ждать*» [3, с. 365]. Столь обширная цитата необходима нам для того, чтобы наглядно продемонстрировать значимость концепта СМЕРТЬ для понимания языковой личности В. Цоя. Он отводит анализируемому концепту одну из доминирующих позиций в собственной мировоззренческой парадигме; опираясь на это, можно сделать вывод о ценности и смыслообра-

зующей роли концепта СМЕРТЬ в структуре когнитивного уровня языковой личности рок-поэта. В рассматриваемом тексте присутствуют сразу несколько репрезентантов данного концепта, каждый из которых вносит новый оттенок смысла в его трактовку. Позволим себе напомнить, что НОЧЬ – пространство, где герой чувствует себя максимально органично, то есть концепт НОЧЬ имеет преимущественно положительную семантику. В песне «Легенда» концепт СМЕРТЬ взаимодействует с концептом НОЧЬ (*ушедшие в ночь*), за счет чего каждый из них приобретает дополнительную семантику. Можно говорить о некоем слиянии этих двух концептов. Негативная семантика полностью отсутствует. Смысл жизни В. Цоя видит в смерти. Думается, крайне сложно ответить на вопрос, какой из концептов – ЖИЗНЬ или СМЕРТЬ – более значим для поэта. Можно привести аргументы в пользу каждого из них. Несмотря на внешнюю противопоставленность ЖИЗНЬ ≠ СМЕРТЬ, внутреннее противоречие отсутствует. Здесь мы видим приятие, внутреннюю гармонизацию того, что в обывательском сознании жёстко противопоставлено. Такая же ситуация и с концептами ЛЮБОВЬ и ОЖИДАНИЕ: если в раннем творчестве ОЖИДАНИЕ = СМЕРТЬ, то теперь ему отводится совершенно иная позиция: «*любовь стоит того, чтобы ждать*» [3, с. 365], ТО ЕСТЬ ОЖИДАНИЕ не бесцельно.

Для самого поэта восприятие смерти послужило толчком для формирования биографического мифа Виктора Цоя-героя. ЖИЗНЬ – это поле боя, а СМЕРТЬ – результат борьбы, её финальный аккорд.

Наметившаяся тенденция получает своё развитие в песне «Звезда по имени Солнце» в одноименном альбоме: «*И мы знаем, что так было всегда: // Что судьбою больше любим // Кто живёт по законам другим // И кому умирать молодым*» [3, с. 340]. Концепт СМЕРТЬ репрезентируется глаголом *умирать*. Здесь речь идёт об обречённости ГЕРОЯ. Всегда должен быть тот, кто пойдёт за ЗВЕЗДОЙ по пути, ведущему к СМЕРТИ.

В песне «Сказка» получает развитие семантика незавершённости, оборванности: «*А потом придёт она, // Собирайся, скажет, пошли. // Отдай земле тело. // Ну а тело не допело чуть-чуть, // Ну а телу не додали любви. // Странное дело*» [3, с. 344–345]. ГЕРОЙ воспринимает СМЕРТЬ как нечто метафизическое и неизбежное. Он принимает свою судьбу с горечью, несмотря на то, что говорит о несправедливости СМЕРТИ ПО ОТНОШЕНИЮ к нему. В этом приятии заключен глубокий трагизм судьбы ГЕРОЯ.

В песне «Пачка сигарет» через концепт СМЕРТЬ раскрывается отношение поэта к творчеству: «*А без музыки и на миру смерть не красна. // А без музыки не хочется пропадать*» [3, с. 347].

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ героя неотделимы от творчества. Осознавая неизбежность смерти, герой находит смысл жизни в музыке. СМЕРТЬ сама по себе обретает особую семантику в пространстве рок-текстов В. Цоя.

Исходя из вышесказанного, отметим, что в альбоме «Звезда по имени Солнце» семантика концепта СМЕРТЬ практически окончательно сформирована. Поэт гораздо больше думает о смерти и о её смысле, чем о жизни. Частотность словоупотреблений репрезентантов концепта СМЕРТЬ возрастает, а его семантика углубляется и приобретает сугубо индивидуальное значение.

В «Чёрном альбоме» концепт СМЕРТЬ актуализирует своё значение и развивает полученные ранее коннотации.

В четырёх песнях альбома рассматриваемый концепт определяет смысл текстов и имеет доминирующую позицию по отношению к другим концептам, служащим только для раскрытия его семантики.

Интересным представляется тот факт, что в альбом вошли песни, написанные еще в начале 1980-х годов. Среди них «Нам с тобой», которая впервые звучит уже в 1981 году, но в альбом была включена только в 1990 году. Не будем погружаться в мистику, утверждая, что предчувствие смерти было у Цоя всегда. Отметим лишь следующее. В рассматриваемом тексте присутствует прямая аллюзия с кладбищем: «Нам с тобой голубых небес навес. // Нам с тобой встанет лес глухой стеной». Герой как бы предрекает свою судьбу: «Нам с тобой и беда станет – не беда. // Ну, решай! // Эх, была не была, прости и прощай. // План такой нам с тобой» [3, с. 356–357]. Образность языка Цоя исключает присутствие прямых репрезентантов концепта СМЕРТЬ, их использование теряет смысл, так как песня и без того пропитана ее ощущением, а концепт проявляется в каждой его строчке. Семантика концепта выходит на понятийный уровень. Цой воспринимает смерть как нечто неизбежно закономерное. Императив *решай* говорит о возможности выбора, но не для героя, для него смерть – единственно возможный путь.

Песня «Кукушка» развивает выделенные особенности реализации концепта СМЕРТЬ: «Песен ещё не написанных, сколько, // Скажи, кукушка, // Пропой? // В городе мне жить или на высылках? //

Камнем лежать или гореть звездой?» [3, с. 361]. Кукушка – птица, к которой издавна обращались люди, чтобы узнать о времени своей смерти. Цой обращается к мифологическому сознанию, существенным фактором здесь является то, что он измеряет свою жизнь ненаписанными песнями. В этой связи возникает интереснее противопоставление концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ, где первый соответствует творчеству, а последний – его полному отсутствию. Через взаимодействие с концептом ТВОРЧЕСТВО открывается дополнительная коннотация в значении концепта СМЕРТЬ: СМЕРТЬ – это бездействие, а ТВОРЧЕСТВО – единственное значимое движение в жизни ГЕРОЯ, именно в нем проявляется его непрекращающаяся борьба.

Принципиально отличная семантика концепта СМЕРТЬ обнаруживается в песне «Муравейник»: «А помрёт, так помрёт» [3, с. 358]. Значение ЖИЗНИ и СМЕРТИ стираются. Глагол *помрёт*, выступающий в качестве репрезентанта концепта СМЕРТЬ, имеет сниженную эмоционально-стилистическую окраску. Личность стирается в воссозданном автором пространстве. Жизнь циклична, здесь теряется всякая индивидуальность. Автор не скрывает иронии. Жизнь в муравейнике соотносится с реальной жизнью конца 1990-х годов. Такая характеристика времени позволяет сделать недвусмысленный вывод об авторском восприятии эпохи, в которую он живет.

Подводя итоги, подчеркнём, что изменяющаяся семантика концепта СМЕРТЬ позволяет проследить эволюционные процессы, происходящие в ходе формирования языковой личности Виктора Цоя, связанные с трансформациями в мировоззрении и мироощущении рок-поэта. Отгалкиваясь от понимания смерти как отсутствия жизни, движения, надежды, он приходит к её интерпретации как чего-то метафизического и неизбежно закономерного.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 991 с.
3. Цой В.Р. Звезда по имени Солнце: стихи, песни, воспоминания. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 416 с.

Сиверская Людмила Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
LSiverskaya@yandex.ru.

Конардов Сергей Борисович

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
SKonardov@yandex.ru.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЙ, ДОПУСКАЕМЫХ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ПРИЕМЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В статье рассматривается вопрос о нарушениях, допускаемых сотрудниками правоохранительных органов при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении. Анализируется состояние законности в этой сфере, приводятся статистические данные надзорной деятельности органов прокуратуры по проверке исполнения требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в отдельных субъектах РФ за 2014 и 2015 годы. Обращается внимание на различные научные подходы к классификации уголовно-процессуальных нарушений, обосновывается необходимость в обновлении классификации в связи с рядом объективных обстоятельств. К их числу авторы относят стабильный рост статистических показателей нарушений законности, расширение масштабов их распространенности, постоянное видоизменение, обновление и совершенствование их форм, видов, методов, способов. Кроме того, авторы полагают, что потребность в более четкой классификации видов нарушений, допускаемых при приеме и регистрации, обусловлена также кардинальными изменениями в уголовно-процессуальной деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении, принятием новых федеральных законов, обновлением ведомственных и межведомственных нормативных правовых актов, продолжающимся реформированием правоохранительных органов и внедрением современных информационно-коммуникационных технологий приема и регистрации сообщений, оперативного на них реагирования и усовершенствованием технических средств контроля.

В статье предлагается авторская классификация нарушений, допускаемых сотрудниками правоохранительных органов при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении, обосновывается ее большое прикладное значение.

Ключевые слова: уголовный процесс, стадия возбуждения уголовного дела, сообщение о преступлении, нарушение процессуального порядка его принятия, состояние законности при приеме сообщения о преступлении.

Процессуальный порядок рассмотрения сообщения о преступлении предусмотрен ч. 1 ст. 144 УПК, в соответствии с которой дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Однако практика показывает, что правовой императив не всегда соблюдается должностными лицами. Это оказывает негативное влияние на осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок и обеспечение конституционных прав граждан. Состояние законности при приеме регистрации сообщений о преступлениях на протяжении длительного времени характеризуется стабильным ростом количественных показателей и многообразием видов, форм нарушений и способов их совершения. Практика прокурорского надзора показывает, что объем нарушений продолжает оставаться значительным [11, с. 19], они носят массовый характер и имеют статус традиционных, а проблема учетно-регистрационной дисциплины длительное время не находит своего разрешения. Так, в 2014 году прокуратурой Владимирской области было выявлено более 29 тысяч нарушений требований федерального закона

при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, внесено более 200 представлений, к дисциплинарной ответственности привлечено 600 должностных лиц, по фактам укрытия от учета преступлений возбуждено 12 уголовных дел в отношении сотрудников полиции [15]. За аналогичный период органами прокуратуры в Тульской области выявлено 34727 нарушений [16], в Омской области – 3773 преступления, внесено 760 представлений, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечены 1379 сотрудников [9], в Приморском крае – 152885 нарушений закона, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, отменено более 118 тыс. незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, внесено 1392 представления об устранении нарушений закона, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечены 1375 должностных лица [10].

За 6 месяцев 2015 года прокурорами Тюменской области в указанной сфере выявлено 5003 нарушения, признано незаконными и отменено 3912 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, дополнительно поставлено на учет 770 пре-

ступлений, по которым органами внутренних дел не усмотрены признаки совершенных преступлений. Для устранения выявленных прокурорами нарушений руководству органов внутренних дел внесено 128 представлений об устранении допущенных нарушений закона, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечено 492 должностных лица [12]. По итогам 11 месяцев 2015 г. прокурорами Тверской области на досудебной стадии уголовного судопроизводства выявлено 70832 нарушения, отменено 1618 необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, внесено 619 представлений, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечено 720 должностных лиц. Основными формами нарушений являются искажение размера причиненного ущерба, применение уговоров и иных способов склонения заявителей к некриминальным версиям произошедшего, незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, при этом ведомственный контроль со стороны руководителей органов внутренних дел не обеспечивает режима законности [14].

Ученые-процессуалисты, изучающие вопросы состояния учетно-регистрационной дисциплины, по-разному определяют нарушения, которые допускаются на этапе приема сообщения о преступлении. Е.М. Головашук относит к таковым отказ в приеме сообщения о преступлении (составлении протокола о принятии устного сообщения о преступлении, рапорта об обнаружении признаков преступления) и отказ в регистрации [4, с. 52]. С.Г. Ольков выделяет фальсификацию заявлений и сообщений о совершенном преступлении и сокрытие преступлений от учета [8, с. 127, 131]. С ним соглашается О.А. Галустьян [3, с. 104]. По мнению М.А. Багмета, укрытие зачастую осуществляется путем прямой не регистрации заявления о преступлении [1]. К.Л. Литвиненко добавляет регистрацию принятой информации не в полном объеме и умышленное занижение общественной опасности деяния [7, с. 13].

Полагаем, что в настоящее время имеется потребность в более четкой классификации видов нарушений, допускаемых при приеме и регистрации. Несмотря на то, что типичные нарушения известны науке и практике, их не становится меньше. Растут не только масштабы их распространенности, но и, что особенно важно, постоянно видоизменяются, обновляются и совершенствуются их формы, виды, методы, способы. Негативные последствия нарушений установленного порядка реагирования на поступающие сообщения о преступлениях существенны и ощутимы.

Кроме того, в настоящее время произошли кардинальные изменения в уголовно-процессуальной деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении, приняты новые федеральные законы,

обновлены ведомственные и межведомственные нормативные правовые акты. Продолжается реформирование правоохранительных органов, изменяются их структура и полномочия, проводятся организационно-штатные перестановки, переаттестация и ротация кадров. Осуществляются мероприятия по модернизации условий работы должностных лиц за счет внедрения современных информационно-коммуникационных технологий приема и регистрации сообщений, оперативно на них реагирования, внедряются технические средства контроля.

Анализ материалов служебных проверок и дисциплинарных производств, документов по деятельности постоянно действующих комиссий по соблюдению учетно-регистрационной дисциплины в органах внутренних дел по Костромской области, актов прокурорского реагирования и надзорных производств прокуратуры Костромской области показал, что основными нарушениями, которые допускаются должностными лицами при приеме сообщения о преступлении, являются следующие.

Прямой отказ в приеме сообщения, который выражается в непринятии заявления у гражданина. Как правило, он имеет латентный характер, так как большая часть лиц, получивших отказ, не обращается с жалобами на неправомерные действия. Несмотря на это, в 2013 году прокурорами установлено 4 тысячи прямых отказов в приеме заявлений о преступлениях и случаев отсутствия их регистрации при наличии бесспорных оснований для проверки и возбуждения дел [5].

Следует заметить, что в течение полувека прямой отказ в приеме сообщения занимал лидирующие позиции в структуре нарушений, допускаемых на этапе приема. На это, в частности, указывает Е.М. Головашук. В настоящее время, по оценкам практиков, в общей структуре нарушений учетно-регистрационной дисциплины данный вид встречается достаточно редко вследствие внедрения технических средств контроля и записи сообщений, постоянного ужесточения дисциплинарной практики, усиления роли прокурорского надзора и совершенствования форм и методов ведомственного контроля.

Завуалированный отказ в приеме сообщения – специфическая форма непринятия сообщения, при которой должностные лица, используя различные аргументы, способы и методы «технологии обмана», убеждают заявителя отказаться от его подачи. Практика показывает, что наиболее распространенными аргументами, которые используют должностные лица для уговоров заявителей, являются длительность срока рассмотрения сообщения, необходимость неоднократных вызовов в полицию, прокуратуру, суд, отсутствие следственной и судебной перспективы, загруженность в работе, малозначительность ущерба, надуманные мотивы

(например: преступление совершено не на территории обслуживания, у заявителя нет документов на похищенные вещи, перекалывание вины на заявителя, сомнение в достоверности информации и предложение заявителю пройти проверку на детекторе лжи и т.п.).

Фальсификация, т.е. сознательное изменение смыслового содержания полученной информации о совершенном преступлении. Искажение сведений осуществляется самим должностным лицом или заявителем, но под влиянием сотрудника либо при его непосредственном участии. Корректировке подвергаются как информация, содержащаяся в сообщении о преступлении, так и любой реквизит процессуально оформленного документа. Цель – получение гарантированной перспективы для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела, поэтому выбор объекта корректировки достаточно широк. О том, что прокурорами в 2013 году в органах, осуществляющих предварительное расследование, выявлены факты склонения заявителей к изменению показаний на некриминальные версии и фальсификация материалов, говорит и Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.Я. Чайка [6].

Анализ отказных материалов, уголовных и номенклатурных дел, находящихся в УМВД России по городу Костроме и отделах полиции в районах Костромской области, позволил определить следующие ее виды:

1. фальсификация даты написания сообщения о преступлении (отсутствие таковой или проставление даты более поздним числом с целью искусственного увеличения сроков рассмотрения сообщения о преступлении);
2. занижение стоимости похищенного;
3. внесение дополнительных сведений, не сделанных заявителем;
4. незаконная квалификация деяния как правонарушение, как преступления, но меньшей тяжести, отсутствие состава преступления при наличии объективных признаков уголовно-наказуемого деяния;
5. умышленное разделение тяжкого преступления на два преступления небольшой тяжести;
6. неполнота отражения информации в КУСП;
7. списание в специальное номенклатурное дело сообщений о преступлениях, содержащих признаки преступления без принятия по ним процессуального решения в порядке ст. ст. 144–145 УПК РФ;
8. подделка процессуальных документов. Отмечается разнообразие ее видов, способов и форм:
 - а) полная подделка сообщения о преступлении, процессуального документа; подмена заявления; подделка объяснения заявителя, изменившего свою первоначальную позицию;
 - б) частичная подделка документа: изменение первоначального текста сообщения в учетных документах; искажение информации в сообщении

о преступлении; внесение в документы заведомо ложных сведений; изменение содержания первоначального объяснения заявителя; дописка в процессуальном документе (заявлении, объяснении) должностным лицом своей рукой измененным подчерком о нежелании заявителя проводить проверку либо привлечь к ответственности.

Способы фальсификации сообщения о преступлении постоянно пополняются за счет появления новых, «изобретаемых» в различных регионах страны: подмена предметов преступления; изменение и уничтожение записей сотрудниками дежурной части в официальных документах и с цифровых регистраторов речевых сообщений.

Нарушения процедуры регистрации сообщения о преступлении: укрытие сообщения от регистрации; несвоевременная регистрация в КУСП сообщения, поступившего по почте; передача сообщения непосредственному исполнителю без регистрации; регистрация в режиме «постфактум» и фальсификация его даты; нарушение порядка выдачи талонов – уведомлений о принятом заявлении.

Предложенная классификация имеет большое прикладное значение. Она может быть использована для изучения причин и условий совершения нарушений при приеме и регистрации сообщений о преступлении, выработке комплекса организационно-методических, практических и контрольных мероприятий по их профилактике.

Разработанная на ее основе методика выявления, фиксации, проверки фактов нарушений, будет востребована при проведении инспекторских и контрольных проверок оперативно-служебной деятельности, штабных учений и тренировок по оперативному реагированию на поступившую информацию о совершенном или готовящемся преступлении, обучении личного состава подразделений, которые проводят служебные расследования по фактам нарушений законности, обеспечивают их учет, анализ и обобщение, при формировании унифицированных критериев юридической оценки конкретного нарушения закона и единообразного подхода в дисциплинарной практике.

Кроме того, современная классификация нарушений станет отправной точкой для совершенствования форм и методов ведомственного контроля и прокурорского надзора за соблюдением законности при приеме и регистрации сообщений о преступлениях и выработке адекватных мер реагирования.

Последнее особенно актуально, так как с 1 января 2012 года органы прокуратуры наделены функцией ведения государственного единого статистического учета заявлений и сообщений о преступлениях, состояния преступности, раскрываемости преступлений, состояния следственной работы и прокурорского надзора. Необходимость в этом возникла в связи с тем, что существующая система отчетности не отражала реальную карти-

ну состояния преступности. На протяжении длительного времени подобный учет в рамках своих полномочий вели различные ведомства, на которые возложены функции по расследованию и раскрытию преступлений. С целью искусственного создания благоприятной статистической картины, формирования высоких показателей оперативно-служебной деятельности, в этих ведомствах допускались факты нарушения учета и отчетности. Укрытие преступлений, фальсификация данных, манипуляция со статистическими показателями стали обычной практикой, приобрели массовый характер и распространились повсеместно. Так, в результате проверки, проведенной прокуратурой Ставропольского края в правоохранительных органах, за 9 месяцев 2015 года выявлено 13,4 тыс. нарушений закона, допущенных при учете преступлений и при формировании государственных статистических отчетов о результатах следственной работы, дознания. По инициативе прокуроров, скорректированы данные по 4 тыс. преступлений, в том числе 579 преступлениям, совершенным в общественных местах, 441 – в состоянии опьянения, 409 преступлениям экономической направленности и 340 повторным преступлениям. В адрес руководителей правоохранительных органов края внесено 834 акта прокурорского реагирования, по которым 441 работник привлечен к дисциплинарной ответственности [2]. В 2014 году прокуратура Дагестана выявила 2,5 тысячи нарушений, допущенных при учете преступлений и формировании форм федерального статистического наблюдения [13]. Подобные нарушения негативно отражаются на состоянии борьбы с преступностью, соблюдении конституционных прав граждан, подрывают авторитет общества, государства, его правоохранительной системы, снижают уровень доверия граждан.

Представляется, что выбор органов прокуратуры для выполнения этой функции определяется ее целями, задачами и предназначением. Они осуществляют надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие; координируют деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Они наделены для этого процессуальными полномочиями по выявлению фактов нарушения законности и применению мер прокурорского реагирования. Кроме того, не имеют ведомственной заинтересованности в формировании статистических показателей преступности по причине их отсутствия в рейтинге оценки деятельности прокуратуры. Все это способствует получению объективной информации о состоянии, уровне, динамике, структуре преступности, обеспечению достоверности и прозрачности статистических показателей.

Библиографический список

1. *Багмет М.А.* Проблемы рассмотрения сообщений и заявлений граждан о готовящихся и совершенных преступлениях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.edu.ru/doc/document.asp1250722> (дата обращения: 14.03.2010).
2. В прокуратуре Ставропольского края обобщены результаты надзора за исполнением законодательства в сфере учета преступлений за 9 месяцев 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stavropol.bezformata.ru/> (дата обращения: 12.10.2014)
3. *Галустьян О.А.* Обеспечение прав граждан в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. – М.: ЮИ МВД России, 2000. – 236с.
4. *Головащук Е.М.* Процессуальное противодействие укрытию преступлений органами внутренних дел: дис ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2003. – 237с.
5. Доклад Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 29 апреля 2014 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/smi/interview> (дата обращения: 08.06.2014).
6. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки «Российской газете» // Российская газета. – 2014 – 10 янв. – № 6275 .
7. *Литвиненко К.Л.* Обеспечение права граждан на доступ к правосудию в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. дис ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 31 с.
8. *Ольков С.Г.* Уголовно-процессуальные правонарушения. – Тюмень, 1996. – 263 с.
9. Омская полиция укрывала от учета каждое восьмое преступление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://omsk-news.net/society/2015/04/24/76265> (дата обращения: 08.01.2016).
10. О результатах проверки соблюдения законодательства при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://procrf.ru/news/290929-o-rezultatah-proverki-soblyudeniya.html> (дата обращения: 09.01.2016).
11. *Петров А.* Надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела // Законность. – 2013. – № 7. – С. 16–21.
12. Прокуратурой Тюменской области выявлены нарушения при приеме, регистрации и разрешении сообщений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://proctmo.ru/press-center/news/118915985917/> (дата обращения: 04.01.2016).
13. Прокуратура Дагестана выявила за 2014 год 25 тысяч нарушений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chernovik.net/content/lenta-novostey/prokuratura-dagestana-vyyavila-za>

tekushchiy-2014-god-bolee-25-tysyach (дата обращения: 08.01.2016).

14. Прокуратурой области на постоянной основе осуществляется надзор за соблюдением правоохранительными органами законности при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.tver.ru/news/7642>(дата обращения: 04.01.2016).

15. Состояние законности при приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях на особом контроле прокуратуры области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vladprok.ru/> (дата обращения: 03.01.2016).

16. Состоялось координационное совещание руководителей правоохранительных органов области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prokuror-tula.ru/news/central-unit/16236/> (дата обращения: 08.01.2016).

УДК 347.963

Тетерина Ольга Анатольевна

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
teterina_o_a_65@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА

В статье рассматриваются отдельные полномочия, которыми прокуратура наделена для реализации своих функций. На основе анализа действующего законодательства отмечается, что изменения, вносимые в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» не носят системного, продуманного характера. Содержание части 5 статьи 35, частей 1 и 2 статьи 36, статей 37–39 закона в течение продолжительного времени не приведено в соответствие с законодательством, определяющим полномочия прокурора, участвующего в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве. Отдельными федеральными законами прокурору предоставлены дополнительные полномочия по осуществлению надзора за исполнением законов на отдельном направлении (подотрасли), которые целесообразно включить в части 1 и 2 статьи 22 Закона о прокуратуре. Анализируя содержание проекта № 872311-6 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном производстве)», внесенного на рассмотрение Государственной Думы, автор отмечает как обоснованность отдельных положений законопроекта, касающихся возвращения прокурору его надзорных полномочий (новая редакция пунктов 2, 4 и 6 части 2 статьи 37 УПК РФ), так и дискуссионность других.

Ключевые слова: прокуратура, полномочия прокурора, надзор за исполнением законов, участие в судопроизводстве.

Вопрос о функциях современной российской прокуратуры и полномочиях, которыми она наделяется для реализации этих функций, обсуждается на протяжении многих лет, а реформирование законодательства является поводом для очередной научной дискуссии.

Полномочия прокуроров определяются Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) и другими федеральными законами, международными договорами Российской Федерации.

Следует заметить, что надзорные полномочия прокуроров, предусмотренные разделом III Закона о прокуратуре, с момента принятия закона не претерпели существенных изменений, за исключением отнесения к объектам «общего» надзора Следственного комитета Российской Федерации (вне процессуальной деятельности); субъектов осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания; предоставления прокурору права направлять должностным лицам, а также руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам письменных предостережений о недопустимости нарушения закона; приведения отдельных положений

в соответствии с полномочиями прокурора в уголовном и административном судопроизводстве.

К сожалению, изменения, вносимые в Закон о прокуратуре, не носят продуманного, системного характера, о чем свидетельствует содержание раздела IV закона «Участие прокурора в рассмотрении дел судами».

В соответствии с ч. 4 ст. 35, полномочия прокурора, участвующего в судебном рассмотрении дел, определяются процессуальным законодательством Российской Федерации.

Действующими редакциями ч. 5 указанной статьи, а также ст. 39 Генеральному прокурору Российской Федерации до сих пор предоставляется право принимать участие в заседаниях Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, упраздненного более года назад, и обращаться в Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации с представлениями о даче судам разъяснений по вопросам судебной практики.

Ещё в большей степени не соответствует требованиям современного процессуального законодательства название статьи 36 «Опротестование судебных решений» и её содержание, за исключением части 3, в которой речь идет о протесте на решение судьи по делу об административном правонарушении.

Средством прокурорского реагирования на незаконное и необоснованное судебное решение по

уголовным, гражданским и административным делам является апелляционное, кассационное и надзорное представление прокурора, а по делам, рассматриваемым арбитражными судами – апелляционная, кассационная жалоба, надзорное представление прокурора. Поскольку действующими Уголовно-процессуальным, Гражданским процессуальным, Арбитражным процессуальным кодексами, а также Кодексом административного судопроизводства четко определен порядок оспаривания прокурором неправосудных судебных решений, от регламентация этих полномочий прокурора в законодательстве о прокуратуре можно отказаться.

С учётом изложенного предлагается внести следующие изменения в Закон о прокуратуре:

1. Исключить из ч. 5 ст. 35 слова «Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», а из ст. 39 слова «Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации».

2. Признать утратившими силу ч.ч. 1 и 2 ст. 36, ст.ст. 37, 38 закона.

Отдельные полномочия прокурора закреплены в других федеральных законах. В частности, ст.ст. 7 и 8 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» наделяют прокурора правом вынесения предупреждения общественному или религиозному объединению либо иной организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, а учредителю и (или) редакции (главному редактору) средства массовой информации – о недопустимости распространения экстремистских материалов через средство массовой информации и осуществления им экстремистской деятельности.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», органы прокуратуры рассматривают проекты ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, обобщают поступившие от органов государственного контроля (надзора), органов муниципального контроля ежегодные планы проведения плановых проверок и направляют их в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, которая формирует ежегодный сводный план проведения плановых проверок.

Часть 1 ст. 77 Налогового кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ предусматривает право прокурора давать санкцию налоговому или таможенному органу на арест имущества налогоплательщика-организации.

В каждом из перечисленных случаев речь идет о предоставлении прокурору дополнительных полномочий по осуществлению надзора за исполнением законов на отдельном направлении (подотрас-

ли). Представляется целесообразным включение норм указанных и других федеральных законов, регламентирующих надзорные полномочия прокурора, в ч.ч. 1 и 2 ст. 22 Закона о прокуратуре.

Согласившись с мнением И.В. Ткачева о том, что действующий Закон о прокуратуре безнадежно устарел и современные правовые реалии требуют нового подхода к определению полномочий надзорного ведомства [3, с. 21], отметим, что подход к реформированию законодательства о прокуратуре должен быть научно обоснованным, учитывать существующую правоприменительную практику и исторические традиции.

Говоря о полномочиях прокурора, особо хотелось бы остановиться на сфере уголовного судопроизводства, поскольку именно в ней права и законные интересы граждан наиболее уязвимы.

Прокурор в уголовном процессе выполняет две функции – надзора за исполнением законов в досудебном производстве и уголовного преследования в основном в судебных стадиях процесса. Полномочия, которыми он наделяется для осуществления этих функций, различны.

Принятие Федерального закона от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» существенно сузило полномочия прокурора по надзору за предварительным следствием, что неизбежно вызвало критику как со стороны теоретиков, так и со стороны практиков. По справедливому замечанию Б.Т. Безлепкина, сосредоточение прокурорского надзора на дознании в теоретическом отношении – одно из самых вольных и труднообъяснимых законодательных решений [1, с. 62].

В 2010 году прокурору были возвращены полномочия по отмене незаконных и необоснованных постановлений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела и о приостановлении предварительного следствия, и хотя изменение законодательства получило позитивную оценку, оно является полумерой на пути восстановления прежнего процессуального положения прокурора.

31 августа 2015 года депутатами Государственной Думы Г.А. Зюгановым, Ю.П. Синельниковым и другими внесен на рассмотрение Государственной Думы РФ проект № 872311-6 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном производстве)», который предполагает перераспределение полномочий между прокурором и руководителем следственного органа.

Обоснованность отдельных положений законопроекта не вызывает сомнений. Это касается возвращения прокурору его надзорных полномочий: права возбуждать уголовные дела по выявленным

им фактам нарушений уголовного законодательства, давать следователю обязательные для исполнения письменные указания, отменять незаконные и необоснованные постановления следователя (новая редакция п.п. 2, 4 и 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). На необходимость подобного законодательного решения ранее неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [4, с. 6 ; 5, с. 12].

Вместе с тем, многие положения законопроекта представляются непродуманными. Это касается, например, согласования следователем с прокурором решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием; наделения прокурора правом принимать дело к своему производству и производить расследование в полном объеме, участвовать в производстве предварительного расследования, лично производить отдельные следственные и процессуальные действия; утверждения прокурором постановлений следователей, дознавателей, согласованных ими соответственно с руководителем следственного органа либо начальником подразделения дознания, на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; поручения органу дознания производства следственных действий, дачи ему указаний о проведении оперативно-розыскных мероприятий и некоторых других.

Ни в пояснительной записке к законопроекту, ни в статье Ю.П. Синельщикова, одного из его разработчиков [2, с. 8–9], не содержится убедительных аргументов в пользу необходимости предоставления прокурору указанных прав. По мнению авторов, внутриведомственный контроль за следствием оказался малоэффективным; за последние три года число выявленных прокурорами нарушений законов в деятельности следователей увеличилось почти в два раза, а число следователей привлеченных к дисциплинарной ответственности по инициативе прокуроров – на 50%; уголовные дела и материалы после отмены прокурорами незаконных постановлений следователей об отказе в возбуждении и о прекращении уголовных дел, а также о приостановлении расследования длительное время лежат без движения, к производству не принимаются. Представляется, что для решения указанных проблем расширения надзорных полномочий не требуется, у прокурора их достаточно для реагирования не только на нарушения закона, допущенные следователями, но и на бездействие руководителей следственных органов.

Еще одним доводом авторов законопроекта в пользу необходимости расширения полномочий прокурора по надзору за следствием является значительное число необоснованно заявленных

следователями ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, негативная роль в решении этих вопросов руководителями следственных подразделений. Думается, что нецелесообразно усложнять процедуру избрания этой меры пресечения за счет изменения содержания п. 5 ч. 2 ст. 37 и п. 5 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ, поскольку это с неизбежностью неоправданно затруднит судопроизводство. Достаточно, что постановления следователя о возбуждении ходатайства перед судом об избрании меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, будут согласовываться с прокурором в том порядке, который предусмотрен для дознавателя.

Сожалеея, что не все прокуроры одобряют законопроект, Ю.П. Синельщикова полагает, что при правильной организации работы прокуратур районного уровня, введение этих полномочий позволит сократить время, затрачиваемое на надзор за расследованием каждого конкретного дела, ибо нарушения будут выявляться на ранних стадиях расследования, а это сократит следственную волокиту, и, соответственно, уменьшится поток прокурорских требований, запросов, представлений и писем.

В условиях сокращения штатной численности органов прокуратуры Российской Федерации, на основании Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 682 «О внесении изменений в некоторые указы Президента Российской Федерации», вполне обоснованными представляются опасения руководителей районных прокуратур, о том, что они «не потянут» эту работу. Кроме того, прокуратура не в силах добиться существенных изменений в исполнении требований закона во всех сферах общественных отношений и далеко не все зависит от прокуратуры. Ведомственный процессуальный контроль, наряду с прокурорским надзором, должен стать эффективным средством обеспечения правильного возбуждения и расследования уголовных дел, поэтому при изменении законодательства должен быть обеспечен разумный баланс между надзорными полномочиями прокуратуры и контрольными полномочиями руководителей следственных подразделений.

Библиографический список

1. *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – М.: КноРус, 2010. – 688 с.
2. *Синельщикова Ю.П.* Перспективы развития законодательства о прокуратуре в сфере досудебного уголовного процесса // *Законность.* – 2015. – № 10. – С. 6–9.
3. *Ткачев И.В.* Прокуратура как государственный орган с особым статусом // *Законность.* – 2014. – № 9. – С. 19–21.

4. Якимович Ю. К. Назначение прокуратуры и процессуальные функции прокурора // Законность. – 2015. – № 8. – С. 3–7.

5. Ястребов В.Б. Процессуальный статус про-

курора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (нормативное правовое регулирование и перспективы развития) // Российский следователь. – 2012. – № 6. – С. 11–13.

УДК 343.9

Тутов Роман Николаевич

заместитель министра МВД ЛНР, начальник полиции общественной безопасности
Министерство внутренних дел Луганской Народной Республики, г. Луганск
naukalavd@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОЗЫСКА БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ ГРАЖДАН ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПОЛИЦИИ ЛНР

Автором статьи проводится анализ основных проблем системы розыска полицией Луганской Народной Республики в современный период. К ним относятся, например, несвоевременная реакция правоохранительных органов на ситуацию, связанную с безвестным исчезновением граждан, детализация перечня признаков, указывающих на повышенный риск для без вести пропавших граждан, громоздкий порядок истребования информации о безвестно отсутствующих лицах на предприятиях, в учреждениях, организациях, бюрократизация уголовного процесса и многие другие.

Формулируются некоторые предложения по усовершенствованию розыскной работы полиции в новых условиях. Среди них особого внимания заслуживают такие, как разработка механизма инициирования признания лица безвестно отсутствующим или умершим в гражданско-правовом порядке, усовершенствование исполнительной дисциплины в органах следствия, прокуратуры, суда, организаций путем принятия ведомственных и межведомственных нормативных актов, синхронизация прекращения розыска вместе с прекращением уголовного дела и другие.

Ключевые слова: признание лица безвестно отсутствующим, признание лица умершим, розыск, розыск без вести пропавших, розыскная работа полиции.

Розыск без вести пропавших граждан относится к числу важных функций полиции Луганской Народной Республики. Ситуация стала особенно острой в связи с ведением боевых действий на территории Республики, когда большое количество граждан погибло или было вынуждено покинуть свои жилища, но их судьба при этом осталась неизвестна. В то же время связи по обмену значимой для розыска информацией с правоохранительными органами Украины, на территории которой часто находятся пропавшие граждане, затруднены, что существенно осложняет работу по сравнению с периодом до вооруженного конфликта. Кроме того, в настоящее время активно происходит формирование законодательства Луганской Народной Республики (ЛНР) и многие механизмы его практического воплощения не отлажены.

В связи с высокой актуальностью обозначенной темы, в данной работе мы излагаем некоторые данные об основных проблемах системы розыска полицией ЛНР в современный период и формулируем некоторые предложения по усовершенствованию розыскной работы полиции в новых условиях.

Принятие нового Уголовно-процессуального кодекса ЛНР от 21.08.2015 г. является важной вехой в решении многих проблем, связанных с недоработками законодательства. В последние годы на территории Луганщины система розыска граждан органами внутренних дел была существенно осложнена в связи со вступлением в действие Уголовного процессуального кодекса Украины от 20.11.2012 г., который изменил правовые основания и организационную форму большинства меро-

приятий, направленных на выполнение функций по установлению местонахождения и судьбы пропавших граждан и действовал на нашей территории до недавнего времени. В УПК Украины 2012 г. был установлен перечень негласных следственных (розыскных) действий и порядок их проведения. Эти инновации привели к существенной потере оперативности реакции правоохранительных органов на ситуацию, связанную с безвестным исчезновением граждан. Причина заключалась в громоздкости процедуры. В частности, в рамках уголовного производства большинство решений о проведении негласных следственных (розыскных) действий должен был принимать следователь, который был обязан согласовать их с прокурором и получить от следственного судьи определение о разрешении на проведение негласных следственных действий. Перечисленные участники процесса (следователь, прокурор, следственный судья) часто физически находились на значительном удалении, не всегда на рабочем месте или не всегда могли немедленно уделить время поднятому вопросу. В связи с этими обстоятельствами, по мнению многих компетентных работников, подразделения и работники полиции, которые выполняли розыскную функцию, стали избегать проявлять инициативу в проведении негласных следственных (розыскных) действий и ориентироваться преимущественно на гласные мероприятия. Новый УПК ЛНР 2015 г. не содержит этих норм и во многих деталях возвращает прежнюю, более отработанную и эффективную систему уголовного процесса, что также решает и многие проблемы связанной с ней системы розыска.

В настоящее время, на основании поступления заявления о безвестном исчезновении лица, при наличии признаков, указывающих на возможное совершение преступления, возбуждается уголовное дело по ст. 113 УК ЛНР (умышленное убийство). Это позволяет работникам полиции выполнять мероприятия, направленные на установление судьбы и местонахождения пропавшего гражданина, в соответствии с требованиями УПК ЛНР, хотя во многих случаях имеет место подмена понятия «безвестное исчезновение лица» понятием «умышленное убийство». В реальности подавляющее большинство (свыше 95%) без вести пропавших лиц не являются жертвами убийств или других преступлений.

Возможно, для решения проблемы ресурсоемкости розыска пропавших граждан следует обратиться к опыту тех зарубежных стран, в которых практикуется использование многоуровневой классификации пропавших (выделение степеней риска) [3]. Под «риском» в данном случае подразумевается опасность, которую представляет безвестное отсутствие лица для него самого или для общества. Различные степени риска требуют различных сроков вмешательства, количества подключаемых ресурсов и методик работы. В выделении степеней риска имеется следующий смысл: ресурсы (рабочее время, персонал, технические средства и др.) правоохранительных органов всегда очень ограничены – на группах с низким риском (каких большинство) эти ресурсы экономятся, на группах с высоким риском ресурсы используются усиленно. Обоснование отнесения пропавшего к той или иной степени риска осуществляется на основании типовых перечней признаков, выявляемых в ходе сбора первоначальной информации о безвестном исчезновении и личности пропавшего (категорий пропавших). Если информация об этих признаках меняется в ходе розыска, то пропавший может быть переведен в другую степень риска.

В правоохранительной системе ЛНР существуют категории лиц, судьба и местонахождение которых неизвестны, однако они не относятся к категории без вести пропавших и установление их местонахождения осуществляется в особом порядке. Существование таких категорий граждан (ушедшие психически больные, утратившие связь с родственниками и т.д.) всегда являлось предметом споров среди практиков розыска в связи с соблазном подмены более сложных категорий на более простые по ресурсоемкости. Следует отметить, что проблема подмены категорий характерна и для полиции других стран [4], однако она не решается их упразднением или объединением. Более того, научно-исследовательские учреждения [5] обосновывают необходимость детализации перечней признаков, указывающих на повышенный риск для без вести пропавших граждан.

Такой перечень, например, содержится в п. 10 Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц, утвержденным совместным Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации от 16.01.2015 № 38/14/5, который предусматривает 20 признаков возможного совершения преступления в отношении без вести пропавшего лица.

Громоздким является порядок истребования информации в предприятиях, учреждениях, организациях. Ответы на запросы, связанные с розыском без вести пропавших на практике иногда не поступают продолжительное время или не поступают вообще.

Сложившуюся ситуацию можно улучшить путем усовершенствования исполнительской дисциплины в органах следствия, прокуратуры, суда, организаций (в частности, операторов мобильной связи), к которым присылаются запросы, путем принятия ведомственных и межведомственных нормативных актов.

Бюрократия (в понимании чрезмерных расходов времени и других ресурсов на оборот документов) в системе розыска не только снижает оперативность реагирования полиции, она существенным образом снижает производительность работы в целом. Бюрократизация уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности на законодательном уровне зачастую является следствием попытки защитить права граждан от вмешательства государства на «западный» манер за счет ограничений для правоохранительных органов. С другой стороны, такие ограничения для правоохранительных органов означают ухудшение качества их работы и отражаются на состоянии защищенности прав граждан от преступников. Поэтому необходим баланс между двумя крайностями: защита прав граждан от вмешательства государства не должна слишком препятствовать защите прав граждан от преступников.

Следующей проблемой юридического плана является несогласованность сроков по ведомственным нормативным актам и УПК. Уголовное дело, возбужденное по факту умышленного убийства (ст. 113 УК ЛНР) в связи с безвестным исчезновением лица с признаками возможного совершения преступления прекращается по срокам давности через 15 лет. Не разысканные без вести пропавшие лица, даже когда прекращено уголовное дело, продолжают разыскиваться в рамках производства по розыскным делам [1, п. 19]. Проблема в том, что с прекращением уголовного дела по срокам давности пропавшее лицо теряет статус потерпевшего, а преступники больше не могут быть привлечены

к ответственности и проведение любых активных мероприятий с юридической точки зрения теряет смысл. В то же время, согласно ст. ст. 42, 45 Гражданского кодекса РФ, в случае признания судом пропавшего лица безвестно отсутствующим (через 1 год отсутствия) или объявления умершим (через 5 лет отсутствия в большинстве случаев), розыск такого лица прекращается.

На наш взгляд, оптимальным решением проблемы несогласованности сроков по ведомственным нормативным актам и УПК является синхронизация прекращения розыска вместе с прекращением уголовного дела, так же, как прекращение розыска вытекает из признания пропавшего лица безвестно отсутствующим или объявления умершим. Возможно, было бы целесообразно разработать механизм инициирования со стороны органов государственной власти признания лица безвестно отсутствующим или умершим в гражданско-правовом порядке хотя бы для отдельных категорий пропавших без вести граждан. Это значительно смягчило бы проблему сроков и споров, возникающих в связи с розыском.

Серьезной проблемой также является обмен информацией между правоохранительными органами ЛНР и Украины в части установления местонахождения и судьбы без вести пропавших граждан. Для решения этой проблемы привлекаются ресурсы международных правозащитных организаций, прежде всего, Международного Комитета Красного Креста, так как значительная часть разыскиваемых граждан пропали в ходе вооруженного конфликта [2, с. 198].

Вместе со специфическими проблемами розыска, которые рассмотрены выше, не меньшее влияние на качество розыскной работы имеют проблемы, общие для полиции ЛНР – недостатки кадровой работы, финансирования и материально-технического обеспечения, организации службы и др.

Библиографический список

1. Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц: Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации от 16.01.2015 № 38/14/5 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/03/30/bezvestidok.html> (дата обращения: 23.09.2015)
2. *Фесечко Л.И.* Проблемы поиска лиц, пропавших в ходе вооруженного конфликта // Альманах международного права. – 2009. – № 1. – С. 195–202.
3. *Ahlberg H.* et al. Missing Persons Investigations Guidelines and Curriculum. – San Francisco, 2007. – 67 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.police.govt.nz/missing-persons> (дата обращения: 21.09.2015)
4. The Missing Persons Bureau of the National Policing Improvement Agency. Guidance on the Management, Recording and Investigation of Missing Persons, 2nd Ed. – Bedfordshire, 2010. – 97 p.
5. *James M., Anderson J., Putt J.* Missing persons in Australia. – Canberra, 2008. – 6 p.

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЙМОВЫХ ОПЕРАЦИЙ
ПО ДРЕВНЕИНДИЙСКИМ ДХАРМАШАСТРАМ

Дхармашастры – древнеиндийские трактаты, отражающие представления священнослужителей-брахманов относительно нормативного регулирования различных сторон жизни индийцев, в том числе обязательственных отношений между должником и кредитором по договору займа. Характерной чертой трактатов подобного рода является освещение всех вопросов с позиций нравственности, разумности и справедливости. Не является исключением и регулирование долговых обязательств. Дхармашастры предписывают сторонам обязательственных правоотношений в своём стремлении к экономической выгоде не забывать о требованиях морали и нравственности, что, в частности, проявляется в запрете устанавливать определенные виды процентов, ущемляющих интересы должника. В этой связи в статье рассматриваются не изученные ранее в историко-правовой науке проценты по договору займа: «каика», «калика», «карита» и «чакравриддхи», применение которых на практике осуждалось составителями дхармашастр в силу их кабального характера по отношению к должнику. Приводятся существующие в научной литературе точки зрения на проблему трактовки содержания указанных видов процентов. В качестве основных источников исследования послужили дхармашастры Ману и Нарады, в ряде случаев при необходимости привлекались тексты дхармасутры Гаутамы, а также Артхашастры Каутильи.

Ключевые слова: Древняя Индия, дхармашастры, Нарада, Ману, долговые обязательства, каика, калика, карита, чакравриддхи.

Источниками информации об истории нормативного, в том числе правового регулирования общественных отношений в Древней Индии выступают дхармасутры, артхашастры, древнеиндийская эпиграфика. Но, пожалуй, одни из наиболее ценных сведений нормативного характера содержатся в дхармашастрах – трактатах, охватывающих вопросы религиозного, этического и правового регулирования поведения древних индийцев.

Раскрывая различные аспекты правового регулирования, дхармашастры значительное внимание уделяют упорядочению отношений между должником и кредитором по договору займа, охватывая, в частности, вопросы о предмете и форме договора, его видах, правах, обязанностях и ответственности сторон, способы обеспечения возврата долга, а также порядок погашения долга в случае несостоятельности либо смерти должника.

Указанные аспекты освещаются большинством древнеиндийских дхармашастр довольно исчерпывающе, единообразно и не вызывают проблем в их уяснении. В то же время, вопрос о видах применявшихся процентов и их характеристике представляется далеко не однозначным.

Согласно шлоке А100 главы 1 дхармашастры Нарады (далее – ДН, 1. А100), по общему правилу, в случаях, когда займ не был обеспечен залогом, по договору взималось 2%, 3%, 4% либо 5% ежемесячно в зависимости от варны должника [2, с. 77]. В ситуации же, когда должник предоставлял кредитору обеспечение возврата долга, процент по договору был значительно ниже и составлял «80-ю часть со ста» (1,25%) в месяц независимо от варны должника. Вместе с тем, допускалось взимать и 2% ежемесячно, но особо оговаривалось, что в этом случае «кредитор не будет считаться

грешником ради выгоды, если он помнит об образе жизни добродетельных» (ДН, 1. А 99, А101) [2, с. 77]. Тем самым, в дхармашастре подчеркивается важность при стремлении к экономической выгоде в гражданско-правовых отношениях помнить о принципах морали и нравственности, что проявляется и в других положениях дхармашастры. Так, в шлоке 153 главы VIII дхармашастры Ману (далее – ДМ, VIII. 153) осуждается применение в гражданско-правовой практике процентов «каика» (kaika), «калика» (kalavrdhi), «карита» (karita) и «чакравриддхи» (chakravrdhi) (ДН, 1.87) [2, с. 77, 78; 3], носящих ярко выраженный кабальный характер по отношению к должнику. Указанные виды процентов упоминаются также в ряде дхармасутр, об одном из них (проценте «карита») сообщается в Артхашастре Каутильи. Однако содержание одних и тех же видов процентов существенно различается в интерпретации различных переводчиков и комментаторов.

Единственный из перечисленных видов процентов, трактовка которого не вызывает споров среди ученых, является процент «чакравриддхи». Вероятно, он являлся не чем иным, как существующим в правовой практике современных государств «сложным процентом», при котором проценты прибыли в конце каждого периода прибавлялись к основной сумме долга, и полученная величина в дальнейшем становилась исходной для начисления новых процентов (ДМ, VIII.153; ДН, 1. 89) [2, с. 78; 3].

Относительно единообразно подходят учёные и к определению сущности процента «карита» или «установленного» процента.

Так, один из средневековых комментаторов дхармасутры Гаутамы указывает: «Если кредитор и заемщик, с учётом страны, времени, объекта, и статуса заемщика, договорились между собой об

определенном размере процента (например, 10% в месяц), то такой процент называется установленным» [4, с. 239]. Известные российские историки А.А. Вигасин и А.М. Самозванцев со ссылкой на средневекового комментатора Ассахаю отмечает, что это был процент, установленный «по согласованию между должником и кредитором, более высокий, чем диктовалось обычными нормами; обещанный должником в период чрезвычайных обстоятельств» [2, с. 167]. Ещё более детальную трактовку находим в тексте Артхашастры Каутильи: «Законный месячный процент – 1¼ паны со ста... С устанавливающего и побуждающего к установлению процента выше этого – первый штраф сахаса... А когда царь не в состоянии обеспечить порядок в государстве, можно придерживаться соглашения между кредитором и должником» [1, с. 72]. Подобное положение встречаем и в дхармашастре Брихаспати: «Но больший процент, на который согласился должник в период бедствий, следует всегда выплачивать; он называется карита. В других случаях никоим образом не следует выплачивать процент карита» [1, с. 109].

Таким образом, системный анализ вышеприведенных переводов позволяет сделать вывод о том, что установление процента «карита» предполагало наличие договорённости между сторонами по поводу размера данного процента, причём на условиях, ущемляющих интересы должника. Использование указанного процента в условиях обычного гражданского оборота осуждалось составителями текста дхармашастр [1, с. 109; 3], а в Артхашастре Каутильи предусматривалось наказание за применение такого процента [1, с. 72]. Исключением являлись лишь случаи чрезвычайных ситуаций (беспорядков в стране), когда в силу объективных причин общественные отношения не могли быть урегулированы государством, и процент разрешалось устанавливать по соглашению между должником и кредитором (как правило, выше предусмотренного дхармашастрами 1,25%).

Существенно различаются между собой варианты толкования следующего вида процентов – «калика» (kalavrddhi). Так, А.А. Вигасин и А.М. Самозванцев полагают, что это процент, который «ежемесячно увеличивает капитал» (ДН, 1. 88) [2, с. 77]. Однако такая трактовка соответствует, скорее, характеристике «сложного» процента, который, согласно классификации дхармашастр, выступал в качестве самостоятельного вида. Немецкий учёный Ю. Йолли определяет «калику», как процент, который начисляется по истечении месяца (от «kala», что означает «время истекло») [5, с. 27]. Известный исследователь древнеиндийских источников Г. Бюлер называет указанный процент «периодическим» [4, с. 239]. В комментарии к дхармашастре Ману указывается: «Периодический процент (kalavrddhi) есть месячный процент» [3].

Совершенно иной смысл вкладывают средневековые комментаторы дхармасутры Гаутамы в понятие процента «калика»: «Если процент установлен на условиях, при которых ссуда должна быть возвращена в определенный срок и что в случае неуплаты, процент будет увеличен в три или четыре раза, такой процент называется периодическим» [4, с. 239].

Вместе с тем, в санскритско-английском словаре слову «kala» соответствует значение «период времени» [6]. Соответственно, если учитывать, что использование указанного процента было нежелательно с точки зрения дхармашастр, то логичнее становится трактовка комментаторов дхармасутры Гаутамы. В противном случае, если предположить, что «калика» являлся ежемесячным процентом (как считает Ю. Йолли), то в этом случае аспект ущемления прав должника отсутствовал и процент приобретал характер обычно рекомендуемого дхармашастрами. Если же брать за основу перевод, предложенный А.А. Вигасиным, то процент «калика» становится сложным процентом, который существовал в качестве отдельного вида «чакравриддхи».

Таким образом, на наш взгляд, для уяснения сути данного процента значение имеет период времени, а точнее его истечение, в результате чего, в случае невозврата долга, проценты увеличиваются в 3 или 4 раза.

И, наконец, наибольшие споры вызывает процент «каика». Проблема его понимания заключается в многозначности слова «кауа», от которого происходит само название процента, в связи с чем допустима многовариантность перевода.

Одним из значений слова «кауа» в контексте долговых обязательств является «предмет займа, основная сумма долга, капитал». Вероятно, руководствуясь именно данным значением, А.А. Вигасин делает вывод о том, что «каика» – это «регулярно взимаемый процент без изменения основного капитала» (ДН, 1. 88) [2, с. 77]. В комментарии к данной шлоке учёный поясняет, что речь идёт о проценте, который обычно устанавливается дхармашастрами в качестве законного процента, то есть 1,25%. Однако подобный перевод противоречит тому факту, что Ману осуждает применение на практике данного процента, а, следовательно, им не может быть процент, допускаемый дхармашастрами.

Ю. Йолли видит смысл процента «каика» в том, что он взимался ежедневно и составлял 0,5 или 1 пана в день [5, с. 27].

Однако слово «кауа» имело и второе значение – «телесный, физический», что позволило ряду средневековых комментаторов сделать вывод о том, что рассматриваемый «телесный» процент уплачивался физическим трудом или с использованием животных и рабов [3].

Есть и ещё один вариант трактовки данного процента как процента «в натуральной форме», который мог иметь место при использовании залога кредитором (в качестве такого процента могли выступать, например, молоко домашнего животного, отданного в залог, либо работа заложенного тяглового скота) [2, с. 167]. Однако использование залога кредитором допускалось дхармаштрами, тогда как, повторим, рассматриваемые нами проценты с точки зрения дхармашастр осуждались.

Для более глубокого анализа сущности процента «каика» обратимся к ещё одному источнику, содержащему перечень процентов по договору займа – дхармасутре Гаутамы. В ней перечисляются так называемые «особые» виды процентов, а именно: сложный, периодический, установленный, телесный, ежедневный проценты и проценты от использования залога [4, с. 239]. Если мы соотнесем перечисленные виды процентов с теми, которые были проанализированы нами ранее, получается, что сложному проценту соответствует процент «чакравриддхи», периодическому – «калика», а установленному – «карита».

Оставшиеся телесный, ежедневный проценты и процент от использования залога, которые в дхармасутре Гаутамы рассматриваются в качестве трёх самостоятельных видов процентов, разными комментаторами, как показал проведенный выше анализ, вмещаются в содержание процента «каика».

Какой смысл в действительности вкладывали составители дхармашастр в тот или иной вид процента, на сегодняшний день с абсолютной точно-

стью сказать невозможно, однако сам факт выделения указанной группы процентов и их обособления как недопустимых на практике в силу кабального характера, ярко характеризует отраженное в дхармаштрах учение брахманизма с точки зрения его стремления обеспечить оптимальное соотношение между интересами участников гражданского оборота и требованиями нравственности, разумности и справедливости.

Библиографический список

1. Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра»: проблемы социальной структуры и права. – М.: Наука, 1984. – 256 с.
2. Дхармашастра Нарады / пер. с санскрита и комментарий А.А. Вигасина и А.М. Самозванцева; вступ. ст. А.А. Вигасина – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 256 с.
3. Законы Ману / пер. С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. – М.: Наука, 1992 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/asiatica/indica/samhita/manu/rus.html> (дата обращения 30.11.2015).
4. Gautama. Transl. by G. Buhler // The Sacred Books of the East. – 1879. – Vol. 2. – 312 p.
5. Naradiya Dharmasastra of the Institutes of Narada. Transl. by J. Jolly. – 1876. – 349 p.
6. Sanskrit Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spokensanskrit.de/index.php?script=HK&beginning=0+&input=+adrsta&trans=Translate&direction=AU> (дата обращения: 01.12.2015).

КРИТИКА ДОГМАТИЧЕСКОГО ФОРМАЛИЗМА
И ПРАВОВОЕ УЧЕНИЕ ФРАНСУА ЖЕНИ

В статье исследуются некоторые особенности «научной программы» французского правоведа конца XIX – первой половины XX вв. Франсуа Жени (1861–1959), состоящие в критическом восприятии идеи о законе как абсолютном и единственном источнике позитивного права, в котором имплицитно заложены ответы на любые вопросы юридической практики. Автором статьи анализируется антиформалистская естественно-социологическая «риторика» Франсуа Жени, которая заключалась в критике происходивших во Франции XIX века процессов «фетишизации» легальных кодифицированных текстов, а также тех логических злоупотреблений, которые допускал классический юридический метод, положенный в основу доктрины правовой интерпретации французской школы экзегезы (L'École de l'exégèse). Также рассматриваются теоретические воззрения Франсуа Жени относительно иерархии и перечня источников позитивного права. Автором статьи отмечается, что несмотря на широкое научное признание и поддержку, правовое учение Франсуа Жени в практическом отношении не привело к перестроению классического формата обращения с законом в рамках осуществления французскими судами своей деятельности, что было обусловлено прочностью и длительностью периода доминанции догматических основ в контексте континентальной (в том числе и французской) правовой традиции.

Ключевые слова: закон, догма, правообразование, естественно-социологическая теория права, свободное право, источники права, юридическая интерпретация, судебное правотворчество.

Одним из практических следствий французской революции 1789 года стало провозглашение полного подчинения судебной власти требованиям создаваемых французским законодателем нормативных актов (строгое следование букве закона). Это начинание, расположившееся в русле классической доктрины разделения властей, было призвано исключить всякую возможность суда по реализации свободы собственного усмотрения при разрешении юридических споров и отклонения от установленного в легальном тексте смысла правовых норм.

Создание в начале XIX века обширных кодификаций французского права, и, в первую очередь, гражданского кодекса Наполеона 1804 г., послужило мощным импульсом, приведшим к распространению и господству во французском правопорядке идей юридического позитивизма с национальной спецификой. Во французской юридической доктрине «балом правила так называемая школа экзегезы, требовавшая признания правотворческой монополии за законодателем, сведения любого правового анализа к поиску применимой нормы Кодекса, исключения каких-либо прямых отсылок к справедливости и иным политико-правовым критериям и сведения научной работы к комментированию Кодекса» [3].

Схематично процесс правовой интерпретации, характерный для французской судебной практики XIX века, можно представить следующим образом. Когда действующий закон был по существу ясен, прибегали к грамматической интерпретации правового текста; когда его формулировка была невразумительна, на помощь охотно призывали логику для того, чтобы выявить истинное желание законодателя, скрытое под покровом спорных юридических формулировок. В первом случае, закон интерпре-

тировался согласно его «букве», во втором – в соответствии с презюмируемым «духом» (l'esprit) закона, вложенным в текстуальную формулу правотворческим субъектом. Когда же закон был «немым», в процесс юридической интерпретации де-факто неизбежно вторгались аргумент «a contrario» (от противного), аналогия, практические потребности, требования справедливости (впрочем, понимаемой субъективно). Как пишет французский юрист Л. Жюллио де ла Морандьер, французские суды этого времени восполняли пробелы в законе, опираясь на его букву, «логически анализируя нормы закона и синтезируя их, применяя метод индукции и дедукции, не страшась по своему разумению учитывать требования справедливости, нужды и потребности народа...» [6, с. 126].

Центральным постулатом всей экзегетической школы (L'École de l'exégèse), объединявшим в целом сходные позиции её сторонников (А. Дюрантона, Ш. Демоломба, Ш. Тулье, Ф. Лорана и др.), была мысль о фактически беспробельном характере установленного закона, в имплицитной форме содержащего в себе ответы на любые вопросы юридической практики. Таким образом, все имеющиеся средства интерпретации экзегетами традиционно рассматривались сквозь призму самого закона. Формально закон был отправным и конечным пунктом, руководившим и связывавшим интеллектуальные усилия интерпретатора, искавшего необходимое правовое решение конкретного юридического спора. Фактически же отмеченная формулировка скрывала под собой нечто большее, чем простое формально-дедуктивное выведение правовых правил из имеющихся законоположений, позволяя в нарушение ст. 5 Французского гражданского кодекса 1804 г. («Судьям запрещается выносить решения по подлежащим их рассмо-

трению делам в виде общего распоряжения» [9, с. 18]), предлагать в судебном акте собственное усмотрение судьи под вывеской истинной воли законодателя [7, с. 150].

На исходе XIX столетия многие европейские юристы, находящиеся во власти обширных социальных эволюций, решили сменить экзегетический метод (формально ориентированный на выведение всякого юридического решения из имеющихся законоположений) социологическим или, по крайней мере, хотя бы частично использовать его в целях исследования гражданского права, которое к тому моменту оказывается неспособным констатировать важные изменения, привнесенные промышленной революцией. Колоссальную роль в этом процессе во Франции сыграли работы основоположника французского движения свободного права – Франсуа Жени, главным образом, его фундаментальное исследование «Метод интерпретации и источники в позитивном частном праве», изданное в 1899 году.

Ожесточенно противясь идее восприятия закона в качестве единственного источника права, Ф. Жени констатировал его неспособность охватить всю имеющуюся сложность социального мира, реальность и вариативность существующих жизненных форм. Законотворческое проектирование оказывается важным, но фактически несостоятельным в плане заключения и сведения на себя всего положительного права [7, с. 150]. Связывая все развитие права с развитием закона, классическая интерпретация предполагала, что законодатель, в момент, когда он «творит» право, может все предусмотреть, чтобы закон, следовательно, рассмотрел все настоящие и будущие социальные нужды. Но эта презумпция, считал Ф. Жени, есть не что иное, как простая фикция: на самом же деле законодатель думает только о нескольких потребностях настойчиво проявленных в то время, когда он создает норму, его желание ограничено обстоятельствами принятия закона. И уж тем более сомнительными представлялись Ф. Жени попытки экзегетов к определению мыслей, которыми руководствовался «прошлый» законодатель, когда принимал соответствующие времени и месту нормативные акты. Такой подход, считал Ф. Жени, ведет лишь к уничтожению динамичности права. Более того, он позволяет именовать истинной волей законодателя собственное усмотрение судей, не представляя каких-либо действенных средств ограничения возможного судебного произвола.

В свою очередь, французский правовед признает, что инструментарий традиционной логики является собой несомненно восхитительное средство интерпретации, которым, однако, классический метод существенно злоупотребил, неоправданно очерчивая с его помощью юридическую жизнь узкими рамками установленных законоположений

или, как пишет современный французский ученый Летиция Герлэн, замыкая все проявления «юридической мысли в железный ошейник текста закона» [12, р. 143], тем самым в угоду «легалистской тирании» способствуя изолированию правовой нормы от окружающей её социальной среды.

Дедукция, признает Ф. Жени, действительно помогает судье быстро прийти к определенному решению, но данный способ необходимо использовать наряду с иными средствами восполнения правовых пробелов и тем более не приписывать ему некий абсолютизированный и априорный характер. Беспочвенное исключение из сферы правового анализа содержательных элементов живого права, этических, психологических, экономических, политических и социальных мотивов, приводит юристов к «ложной объективизации производных и рукотворных обобщений, стиранию понимания истинной изменчивой природы правовых концепций». Последние, в свою очередь, являются всего лишь необходимыми средствами, а потому не должны восприниматься «в качестве целей и тем самым ставить формальную логику выше соображений сущностной рациональности» [2, с. 9].

Безусловно, Ф. Жени был прав, когда утверждал, что реальная жизнь развивается и вне закона, зачастую она существенно трансформирует общественные институты, а потому между жизнью и законом должен существовать взаимный и постоянный «обмен». Право должно быть социальной наукой. Её пытливый «взор» должен простираться и «по ту сторону» закона, а не замыкаться на кропотливом анализе особенностей легального текста. Не случайно видный французский профессор Жан-Луи Бержелль, фактически повторяя предостережения Ф. Жени, писал, что чрезмерная переоценка формального способа обнаружения юридических решений неминуемо приведет право к «постепенной самоизоляции от реальных фактов, вплоть до их полного неприятия. Но как только право начинает удаляться от конкретных реалий действительности, которыми должно управлять, оно перестает быть правом» [1, с. 455].

Однако каким образом, осуществляя интерпретацию, можно выстроить связь между законом и реалиями самой социальной жизни? Известно, что в системе, предложенной исторической школой права, подобный обмен должен был прививаться тексту закона: желание законодателя должно было интерпретироваться в соответствии с потребностями социальной среды, как если бы правотворческий орган законодательствовал во время интерпретации закона. В системе Франсуа Жени реалии среды должны были не только служить средствами интерпретации, но они должны оставаться тем, чем они действительно являются: источниками ясности закона, неким внешним ориентиром, расположенным вне его, подразумеваемое

мая воля законодателя не должна быть смешиваемой с самой средой [14, р. 51]. Ф. Жени без тени сомнений вновь и вновь утверждал: законодатель, когда он законодательствовал, принимал во внимание главным образом потребности текущего социально-исторического момента. То, что возникло позже, как правило, не могло быть им предусмотрено. Следовательно, мы не можем приписать законодателю факты, чуждые его желанию, ибо тем самым открываем дорогу произволу [11].

Начинания Ф. Жени были по достоинству оценены многими последующими исследователями его творчества. Как утверждает известный ученый Жерар Тимси, вся заслуга Жени состоит в том, что он сумел понять и прояснить роль данности в конструировании и формировании нормативного порядка. Он интуитивно полагал, что закон не мог быть сведен к тому, к чему его традиционно низводили – к словам (*paroles*). Слова вкупе с их формальным выражением в виде письменных символов, формул, документов, также не исчерпывают закона. Закон есть одновременно средоточие и слова (*paroles*), и его письменного выражения (*écriture*), и существующих пробельных зон (*silence*), не охваченных «текстуальным покрытием». Впечатленный своим «открытием», Ф. Жени верил, что существенной задачей являлось то, чтобы объективно определить основания природных данностей, которые играют чрезвычайно значимую роль среди механизмов, порождающих нормативный порядок. Осуществив это, – думал он, – судьи-интерпретаторы сумели бы приступить к действительно научному определению смысла норм, подвергаемых толкованию, и осуществлять правотворчество в пробельной зоне закона [13, р. 157].

Франсуа Жени прекрасно понимал, что простое низложение «законнического монизма» без предложения взамен необходимой и адекватной теории иерархизированных источников формального права открывало широкий простор вседозволенности, безудержному произволу, неприкрытой и нестесняемой анархии в деятельности юристов. В силу собственных идеологических убеждений подобный сценарий был не только чужд устремлениям Жени, но в корне противоречил основополагающим идеалам, в соответствии с которыми, как он полагал, должно было происходить устройство государственно-правовой жизни Франции.

В правовой концепции дижонского профессора, отраженной в «Метод интерпретации...», среди формальных источников права (и источников правотолкования) на первое место был помещен писанный закон. Ф. Жени подтверждает, что он есть акт публичной власти, которая определяет его содержание, «навязывает» его обществу и обеспечивает его реализацию возможностью применения мер государственного принуждения. А потому неприемлемым видится ему отказ сторонников шко-

лы естественного права признать обязательным элементом правовой нормы наличие организованной санкции, обеспечивающей общеобязательный характер правовых предписаний. Ф. Жени утверждает, что «подвергая сомнению правомерность включения элемента принуждения в правовые предписания, мы извращаем идею человеческой справедливости, топим её в океане “осознанных необходимостей”, где она утрачивает свою индивидуальность: одновременно мы лишаем её свойственной для неё четкости и силы» [1, с. 82].

Мысль законодателя, считал Жени, в значительной степени управляется логикой. Так как эта мысль рассматривает только существующие настоятельные потребности, когда законодатель осуществляет правотворчество, строгая формулировка закона остается часто несоответствующей многократным и переменным положениям социальной жизни. В этом случае интерпретатор пытается дополнять содержание закона при помощи элементов, которые превосходят легальную формулировку, «черпая информацию» в экономической сфере, в данных истории, в принципах морали и философии.

Второй источник права согласно Жени – это обычай (*coutume*). Он представляет собой привычную модель поведения, сложившуюся в течение длительного времени в социальной группе и в своем содержании всегда выражающую определенное юридическое чувство. Представленное понятие отражает два основных элемента, конституирующих обычай как источник формального права: материальный элемент (*usage*) и психологический элемент («то, что римляне и глоссаторы называли *opinio necessitatis*») [4, с. 77; 14, р. 51–52].

Обычай как правовой источник отличается от конвенциональных «обычаев» (*usages*), которые при длительном их существовании и использовании могут стать обычаем (*coutume*), если они отвечают реальным юридическим потребностям. Психологический элемент обычая, поясняет Ф. Жени, связан непосредственно с обычаем в материальном смысле и заключается в общем убеждении членов группы заинтересованных лиц, что они действуют на основе правила, хотя формально и не выраженного, но предписанного им в качестве нормы объективного права [4, с. 77]. Отмечая характерное для своего времени сужение сферы применения обычая, Ф. Жени допускал дополнение им закона и утверждал, что если обычай не противоречит писаному закону, данный источник права должен быть всячески поддержан.

Что касается признания в качестве источников права доктрины и судебной практики, то в этом вопросе позиция Ф. Жени крайне непоследовательна. С одной стороны, правовед неоднократно подчеркивал, что оба этих источника имеют лишь моральный авторитет для всякого интерпретатора

положений официального закона, что когда они «стареют», то становятся традицией. С другой стороны, ученый называл судебную практику фактором, подготавливающим установление обычая, приводящим его в движение, признавая, что она является важнейшим инструментом правотворчества. «Достаточно простого “преобразования идей” (разделение властей, вопрос момента фиксации судебного решения в качестве источника, технико-юридические вопросы), чтобы открыто признать её формальным источником права», – констатировал Ф. Жени [4, с. 79–80].

За неимением формальных источников права и, соответственно, интерпретации, в дело вступает личная активность интерпретатора (судьи), его сознание, скрываемое под именем свободного научного исследования (*libre recherche scientifique*). В данном случае интерпретатор обращается к природе вещей (*nature des choses*) и к логике.

Объявляя предлагаемую версию свободного судебного правоотношения «свободным решением на базе научного исследования», Жени писал, что оно является свободным, потому как никакая внешняя власть не заставляет его (судью) решать так, как он делает; оно именуется научным потому, что находит прочные основы исключительно в объективных элементах, которые юридическая наука должна показать ему. Судья, следовательно, прибегает к свободному судебному «правоотношению» каждый раз, когда решение юридического противоречия находится за пределами определенной резолюции формального метода [8, с. 111].

Поскольку целью данной статьи не является исследование вопросов осуществления «свободного научного поиска», как его обосновывал в своей теории Жени, мы ограничимся лишь небольшим общим замечанием по этому поводу. Ф. Жени выразил идею о том, что независимая от каких-либо объективных критериев выработка правовых правил в ходе деятельности суда «неизбежно и фатально приводит в конечном итоге к ненадежности и неустойчивости позитивных решений, устанавливая в качестве точки отсчета своего рода юридическую анархию, сметая все ограничения на уровне суждений, уничтожая всякую безопасность на уровне конкретных дел» [1, с. 458]. Очевидно, что справедливость подобного утверждения носит вневременной характер, и сегодня оно все так же может быть адресовано различным субъектам правотворчества.

Резюмируя оценки воззрений Ф. Жени в современной юридической литературе, следует согласиться с мнением видного французского ученого Жана Карбонье, который отмечал, что Жени не допускал никакого источника фактически равного закону. Никто не утверждал более ясно, чем он, примат писаного закона (*loi écrite*) аналогично тому, как это делали экзегеты, считая его выраже-

нием воли законодателя [10, р. 538–539]. Карбонье оправданно обращает внимание на то обстоятельство, что после выхода в свет «Метода интерпретации...» образовалась некая «пелена» непонимания либо противоречивого истолкования идей Жени, что, на наш взгляд, вполне закономерно, учитывая двойственность некоторых позиций учения правоведа. В частности, в заметке, опубликованной в 1903 году в *Recueil Sirey* профессором университета г. Лилль Эташем Пильоном, известная теоретическая формула Ф. Жени, требовавшая «двигаться посредством гражданского кодекса (*Code civile*), но дальше кодекса», была расценена как угроза соблюдению и уважению закона, всякого официального закона, служащего незаменимым фактором общественного порядка. Не смущаясь вынести дискуссию в политическую плоскость, Пильон разоблачал в устремлениях новой научной школы скрытую попытку лишить власти законодателя, в то время как законодательные реформы, по мнению автора данных критических замечаний, только и могли осуществить действительно долгосрочные экономические и социальные улучшения, ожидаемые в демократическом обществе.

В этой, оставшейся фактически незамеченной в свое время статье, Пильон несколько раз с различных позиций сравнивает Жени с немецким правоведом Фридрихом Карлом фон Савиньи, который ещё в 1814 году попросту отверг идею кодификации, потому как считал её носительницей (в контекстуальных рамках той эпохи) реформ, к которым он относился отрицательно (к примеру, уничтожение феодализма)¹. При этом сама идеологическая константа мистико-метафизического народного духа исторической школы не в последнюю очередь была необходима истористам «для обоснования национальной идентичности и автономности германского права от поглощающего влияния космополитичного юснатурализма, направляемого безосновательной универсализацией субъективных идеалов юристов-философов и шагающего по Европе в форме национально обезличенного кодекса Наполеона» [5, с. 418].

В противоположность этому, считает Карбонье, Ф. Жени прямо не отвергая закона, блокировал его от чрезмерно легкого обращения при толковании его предписывающих правил, остановил закон в возможностях необоснованного расширения его смысла, потому что не имел, в глубине души, полного доверия по отношению к парламенту-законодателю своего времени [10, р. 539], но всячески подчеркивал приоритет законодателя как такового (в сфере правоконструирования – *В.П.*).

Правовое учение Франсуа Жени явилось значимой вехой в развитии европейского движения свободного права, подлинную ценность которой современным исследователям только предстоит оценить во всей её окончательной полноте. Не-

смотря на широкое научное признание и поддержку со стороны многих современников, «правовым замыслам» Франсуа Жени не удалось полностью реализоваться и поставить под сомнение интеллектуальное доминирование догматической юриспруденции, традиционно преобладающей в рамках континентальной (в том числе и французской) правовой традиции. В этой связи примечательно, что оригинальные идеи Ф. Жени по вопросам юридической методологии и пределов судебного правотворчества нашли более широкий отклик в рамках англо-саксонской группы правовых систем, нежели на национальном правовом поле французского государства.

Примечания

¹ Правда, в 40-е гг. XIX века эта навязчивая «неприязнь» к соответствующей систематизационной деятельности не помешала Савиньи возглавить на определенное время кодификационный процесс в Германии, что вызвало неодобрительные отклики в научном сообществе и главным образом со стороны идейного оппонента «истористов» – Рудольфа Иеринга.

Библиографический список

1. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко / пер. с фр. – М.: Изд. дом NOTA BENE, 2000. – 576 с.
2. *Каранетов А.Г.* Политика и догматика гражданского права: исторический очерк // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2010. – № 5. – С. 6–56.
3. *Каранетов А.Г.* Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М.: Статут, 2011. – 308 с.
4. *Луковская Д.И.* Социологическое направление во французской теории права / отв. ред. В.А. Туманов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. – 128 с.
5. *Михайлов А.М.* Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 632 с.
6. *Морандьер Л.Ж. де ла.* Гражданское право Франции. Т. 1. / пер. и вступ. ст. Е.А. Флейшиц. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 743 с.
7. *Пужаев В.В.* Особенности реконструкции теории источников права в рамках «свободного научного поиска» Франсуа Жени // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 149–151.
8. *Пужаев В.В.* К вопросу о судебном правотворчестве в контексте естественно-социологического учения Франсуа Жени // Вопросы эволюции правовой мысли человечества: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: АЭТЕРНА, 2015. – С. 110–113.
9. Французский гражданский кодекс 1804 года с позднейшими изменениями до 1939 года / пер. И.С. Перетерского. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 472 с.
10. *Carbonnier J.* Postface // Quaderni fiorentini per la storia del pensiero giuridico moderno. François Géný e la scienza giuridica del Novecento. – Milano, 1991. – P. 537–540.
11. *Gény F.* Méthode d'interprétation et source en droit privé positif. – Paris, 1899. – 606 p.
12. *Guerlain L.* Droit et société au XIX siècle. Les leplaysiens et les sources du droit (1881-1914): Thèse. – Bordeaux: Université Montesquieu-Bordeaux IV, 2011. – 656 p.
13. *Timsit G.* Géný, le juge et le silence // Quaderni fiorentini per la storia del pensiero giuridico moderno. François Géný e la scienza giuridica del Novecento. – Milano, 1991. – P. 149–159.
14. *Vasilescu P.* L'oeuvre de François Géný et ses résultats // Recueil d'études sur les sources du droit en l'honneur de François Géný. – Paris: Recueil Sirey, 1934. – P. 48–59.

СОВРЕМЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная статья освещает правовые основы политико-правовых отношений личности и государства в Российской Федерации, в ней рассматриваются такие понятия как свобода и справедливость, особое внимание уделяется правам и обязанностям граждан в цепочке «личность – государство». Автор отмечает, что для обеспечения и эффективной деятельности личности и государства в пределах политико-правовых связей определяющим является сочетание правовых, духовных и гуманистических усилий. Подчеркивается изменение содержания политико-правовых связей личности и государства в пользу все большего расширения деятельности личности в сфере гражданско-общества по мере его развития.

В связи с укреплением российской государственности и повышением значения правового регулирования возникает, как отмечено в статье, необходимость в комплексном исследовании политико-правовых связей личности и государства, детальном изучении их правовых и нравственных основ, правовой формализации прав и обязанностей личности как важнейшего условия их политической реализации, а также вопросов правового обеспечения и гарантий государственной защиты прав и свобод личности в Российской Федерации, направленном на расширение представления о политико-правовых взаимосвязях личности и российского федеративного государства на основе учета тенденций развития их политико-правовых связей.

Ключевые слова: личность, государство, свобода, справедливость, гражданин, гражданство, права, обязанности.

Общепризнанным является, что правовые отношения – это отношения, урегулированные правом и охраняемые государством, субъекты которых обладают субъективными правами и юридическими обязанностями, для возникновения которых необходимы юридические факты [4, с. 38].

Политическими же отношениями считаются отношения, связанные с процессом подготовки, принятия и практической реализации обязательных для всего общества решений. Многие ученые считают, что «политика как область – это совокупность, внутри которой борются личности или группы, имеющие собственную политику, т.е. свои цели, свои интересы, а то и свое мировоззрение». Как бы там ни было, политические отношения – это «совокупность», личности же, «которые борются», – это субъекты политических отношений [12, с. 13].

Итак, главный элемент правовых отношений – это субъективные права и юридические обязанности субъектов правовых отношений. Главным элементом политических отношений являются нормативно закрепленные субъективные политические права и политические обязанности субъектов конкретных политических отношений. Когда речь идет о политико-правовых отношениях, то имеют в виду политические отношения, непосредственно связанные с правовыми, а в некоторой степени – значение политического фактора в реализации правовых отношений. В смысловую нагрузку политико-правовых отношений вкладывается более широкое содержание – политические отношения, имеющие правовые основы и воздействующие на широкий спектр не только правовых отношений.

Понятие «политико-правовые основы» теснейшим образом связано с правовыми отношениями, но имеет полностью самостоятельное значение. Точное понятие «политико-правовые основы» означает политическое и правовое обеспечение чего-либо (политического процесса, взаимосвязи политических субъектов, конкретного политического института, процесса и т.д.). Логико-системный анализ позволяет сделать вывод, что центральным для содержания рассмотренных понятий являются «политика» и «правовые отношения» [11, с. 22].

Закрепляя то или иное правовое (гражданское) состояние личности, государство юридически определяет её положение как субъекта права. Человек не становится субъектом права сам по себе, он признаётся таковым законами государства. Это означает на деле, что государство юридически признаёт за ним определённые социальные свободы, которые служат необходимым условием его участия в правовых связях и отношениях.

В.А. Затонский полагает, что для нормального функционирования связки «гражданское общество – государство» необходимы субъекты, отличающиеся такими качествами, как способность и реальная возможность делать политический выбор, основанный на чувстве собственного достоинства граждан; мужество, готовность встать на защиту ценностей свободного общества; гражданская ответственность; понимание своих естественных неотчуждаемых прав, реальная возможность их осуществления [6, с. 12]. Таким образом, на смену отношениям «человек – государство» приходит новая связь «личность – гражданское общество – государство»; происходит повышение уровня правосознания и правовой активности гражданина [10, с. 7].

Гарантируется свобода деятельности общественных объединений. Именно в общественной деятельности проявляется политическая ценность личности, которая охраняется государством посредством юридических норм. Государство заинтересовано в росте политической активности личности, но не на основе обыденного сознания, а на основе юридических, правовых норм, источником которых является правовая идеология.

И, следовательно, общество выходит на новый этап своего развития, выдвигая на первый план независимую активную личность и ее права, обнаруживая тесную взаимосвязь теории государства и политико-правовой практики как составных частей реального общественного развития.

Личность, как член общественного объединения, обладает всеми правами и несет все обязанности, предусмотренные его уставом. Она может состоять членом нескольких общественных объединений.

Вполне обоснованно полагать, что взаимоотношения населения с государством на уровне правосознания проявляются на уровне обыденного сознания и реализуются силой общественного мнения, а взаимодействия на уровне юридических актов – силой государственного принуждения. Широкая общественность в основной массе чаще всего входит во взаимоотношения с государством в соответствии и в порядке, установленном юридическими актами, но, так или иначе, во взаимосвязи с государством находятся все. Прежде всего, потому, что государство является гарантом механизма правового регулирования, генеральным субъектом в правоприменительной деятельности.

Формами привлечения граждан к решению государственных дел является их участие в отправлении правосудия (часть 5 статьи 32 Конституции Российской Федерации). Это право осуществляется гражданами, привлекаемыми в качестве присяжных, народных и арбитражных заседателей. Однако эта форма находится в стадии становления, и, как отмечает М.И. Абдулаев, «...Конституция Российской Федерации устанавливает, что в случаях, предусмотренных федеральным законом, судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей...», а финансирование производится из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом» [1, с. 79]. Интересно суждение А.В. Смирнова о том, что глобальная паутина Интернета позволит «выкатить» на всеобщее обозрение любой из процессов в режиме реального времени, она же позволит любому члену общества выступить судьей; жюри присяжных – весь народ [7, с. 3].

Как отмечается в литературе, право на судебную защиту носит особый характер [5, с. 302]. Это наиболее действенный способ защиты нарушенных или оспариваемых прав, в том числе от по-

сягательств со стороны самого государства и муниципальных образований [8, с. 24]. Такая роль судов как независимых органов власти обусловлена принципом разделения властей в качестве общей политической гарантии прав в демократическом правовом государстве.

Построение принципов гражданского общества и формирования устойчивых политико-правовых связей общества и государства невозможно без соблюдения принципа справедливости.

Реализация принципа справедливости призвана обеспечить равенство участников процесса перед законом и правоприменительным органом, индивидуализацию правовых санкций с учетом характера совершенного деяния и личностных свойств правонарушителя, правильное сочетание реализуемых в правоприменении норм закона и нравственности. Принцип справедливости предполагает определенную степень свободы личности. Права и свободы человека – наиболее выразительный критерий состояния отношений личности и государства. Поэтому основное внимание необходимо обращать на правовое закрепление свободы личности и гражданина. Научная классификация этих частей позволяет выделить следующие виды свободы личности: 1) свобода беспрепятственного передвижения; 2) свобода частной жизни; 3) свобода семейной жизни; 4) свобода располагать своим достоянием [13, с. 36].

Роль нравственности во взаимосвязях личности и государства хорошо прослеживается через рассмотрение сущности норм морали и их связей с нормами права. Моральные нормы определяют правила поведения границами добра и зла, то есть в основе моральной нормы лежит противопоставление представления о добре и зле, а также о честном и бесчестном, более того – верховенство добра над злом, честного над бесчестным. Моральные нормы реализуются посредством общественного осуждения поведения, причиняющего людям зло, а также средствами духовного давления. К последним относится чувство долга, понятия чести и достоинства, моральные обязанности. Для личности нередко честь дороже жизни.

Например, исторически, на основе предписаний моральных норм, сложилась обязанность у народов гор, степей и пустынь предоставлять ночлег и пищу путнику. Другим примером может служить единое понимание у всех народов долга заботиться о старших, уважать человеческое достоинство в другом и сохранять его в самом себе. За нарушение моральных норм ответственность наступает не от имени государства, она не имеет материальной основы. Она наступает от имени общества и поддерживается общественным одобрением или осуждением в форме похвалы или презрения (например, не вступать в брачные отношения с близкими родственниками и др.).

В Российской Федерации органичное сочетание свободы и ответственности граждан является необходимой предпосылкой нормального функционирования государственных и общественных институтов; соблюдения законности и правопорядка; повышения общей и политической культуры; эффективной борьбы с преступностью, бюрократизмом. Провозглашая права и свободы личности, демократическое государство гарантирует их осуществление не только правовыми, но и экономическими, политическими, идеологическими, культурными средствами.

Государство обеспечивает безопасность через органы законодательной, исполнительной и судебной властей. Они же являются ведущими субъектами политико-правовых отношений, что подтверждает анализ этих отношений. В систему органов, защищающих права и свободы человека, входят судебные и административные органы, парламентские и президентские структуры, институт Уполномоченного по правам человека и др. Государство обеспечивает защиту личности, её прав и свобод на территории Российской Федерации, а за её пределами оно гарантирует личности защиту и покровительство.

Принимая на себя обязательства по обеспечению свободы личности, государство имеет право требовать от граждан правомерного поведения, которое соответствовало бы эталонам, зафиксированным в юридических нормах. Без организованности и дисциплины, без согласования поведения граждан с юридическими предписаниями, выражающими государственную волю, невозможно решить важнейшие исторические политические задачи. Поэтому общество через систему органов государства формулирует свои требования к гражданам в системе обязанностей, устанавливает меры юридической ответственности за их невыполнение. Государство как носитель политической власти располагает специальными механизмами обеспечения прав и свобод граждан и выполнения ими своих обязанностей [9, с. 4]. Более пристальное исследование политико-правовых основ связей личности и государства объясняется, несомненно, тем, что право является основой и содержанием отношений государства и личности. Однако немалое место в этих отношениях занимает нравственность, нравственные нормы. Это при всем том, что в современной российской политико-правовой действительности отдельные политики и государство в практике своих взаимоотношений нередко выходят за пределы правового пространства.

Рассматривая сущность отношений личности в обществе, необходимо изучить ее через развитие и осуществление прав и обязанностей. Общеизвестно, что нет прав без обязанностей, как нет обязанностей без прав, – это аксиома юриспруденции.

Принцип взаимной ответственности государства и личности, выраженный в правовом статусе, наиболее убедительно раскрывает особенность по-

ложения личности в демократическом обществе, реальность и гарантированность ее прав [3, с. 21]. Демократическое государство берет на себя ответственность за правильное, научно обоснованное закрепление в законодательстве того объема свободы личности, который соответствует достигнутому этапу общественного развития, позволяющему создать соответствующую систему гарантий, призванную реализовать права и свободы граждан, предусматривающую в этих целях государственный механизм по восстановлению нарушенного права и применению санкций к лицам, виновным в нарушении своих обязанностей. Если бы свободе личности не соответствовали обязанности государства, его социальная ответственность, то эти права и свободы носили бы лишь декларативный характер. Взаимная ответственность государства и общества, а также личности и государства, общества и личности – это важнейший гуманистический и демократический принцип построения демократического правового государства. Такой же точки зрения придерживается большинство авторов [2, с. 19].

Из вышесказанного можно заключить, что положение человека в демократическом государстве отличается от его положения в недемократическом, тоталитарном государстве высокой степенью организованности общества, его активной политической позицией, умением отстаивать свои жизненно важные интересы, гармонично взаимодействуя с государством. Доминирующее влияние личности во взаимосвязях с государством определяется тем, что личность является ведущим элементом гражданского общества и политической системы. В то же время взаимоотношения, связи личности и государства осуществляются в пределах их правовых основ.

Библиографический список

1. *Абдулаев М.И.* Теория государства и права. – СПб.: Питер, 2003. – 397 с.
2. *Азми Д.М.* Теория структурного строения системы права: традиции и новации // Гражданин и право. – М.: Новая правовая культура. – 2011. – № 7. – С. 15–21.
3. *Басик В.П.* Эволюция правового статуса личности и его отражение в российской правовой науке // Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 21–35.
4. *Гущина Н.А.* Стимулирующая политика государства и права // Право и политика. Научный юридический журнал. – 2011. – № 2. – С. 38–39.
5. *Жуйков В.М.* Судебная защита прав граждан и юридических лиц. – М.: Городец, 1997. – 320 с.
6. *Затонский В.А.* Гражданское общество и государство: противостояние или партнерство? // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 16. – С. 12.
7. *Колоколов Н.А.* Уголовная юстиция: связь времен // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 4. – С. 2–3.

8. *Медведев С.М.* Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления в механизме обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан // *Адвокат.* – 2009. – № 8. – С. 24.

9. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы укрепления государственно-правовых основ. Авторский коллектив Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Руковод. В.Г. Вишняков // *Журнал российского права.* – 2005. – № 2. – С. 3–32.

10. *Парасюк Е.А.* Категория «гражданское общество» в современной юридической науке // *Российская юстиция.* – 2009. – № 7. – С. 7–9.

11. *Пресняков М.В.* Конституционная интерпретация принципа справедливости // *Гражданин и право.* – 2011. – № 12. – С. 8–22.

12. *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Введение в политологию. – М.: Аспект-пресс, 2011. – 477 с.

13. *Скурко Е.В.* О гарантиях прав человека в мультикультурном контексте современной России // *Гражданин и право.* – 2011. – № 9. – С. 34–41.

УДК 342.5

Злобина Екатерина Александровна

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
e_zlobina80@mail.ru*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В настоящей статье рассматривается один из наиболее актуальных и наиболее разрабатываемых в правовой сфере вопросов – вопрос оценки эффективности функционирования системы органов государственной власти, связанный непосредственно с проблемой повышения государственной эффективности в целом. Актуальность указанной проблемы обусловлена повышенным интересом со стороны руководства государства к вопросу эффективности деятельности системы власти и отсутствием единых общепризнанных подходов к ее решению, поскольку большинство современных методик оценки применяют значительное число критериев, стремясь тем самым максимально включить всю совокупность факторов, влияющих на эффективность системы власти. В настоящей статье представлены критерии оценки эффективности системы государственной власти, позволяющие исследовать не только производительность деятельности органов государственной власти, но и качество производимых работ, сложность и своевременность выполнения возложенных задач, а также показатели полученного результата (эффекта) и показатели непосредственного процесса деятельности системы органов государственной власти во всех сферах общественной жизни. Предлагаемые критерии оценки представляют собой систему, следовательно, только комплексное использование критериев, представленных в настоящей статье, позволит получить объективные данные о работе системы власти и ее органов.

Ключевые слова: эффективность, оценка эффективности и ее критерии, эффективность системы органов государственной власти.

Вопросы стабильного развития государства и общества посредством функционирования эффективной системы государственной власти в Российской Федерации стали в настоящее время одними из наиболее актуальных и разрабатываемых в отечественной правовой науке. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена отсутствием единых общепризнанных подходов к ее решению: большинство современных методик применяют значительное число критериев, стремясь, тем самым, максимально включить в оценку всю совокупность факторов, влияющих на эффективность государственной власти. Кроме того, актуальность названной проблемы обусловлена кумулятивным эффектом следующих факторов: развитием неинституционального подхода к вопросу государственной власти; возникновением новых теорий в науке государственного управления; необходимостью устойчивого развития государства при изменении политического и экономического курса; потребностью эффективного государства как способа реализации власти.

Проблема повышения эффективности функционирования системы органов государственной власти непосредственно связана с проблемой разработки новых и адекватных методик оценки, учитывающих современные реалии и сформировавшийся международный опыт в данной сфере. Формирование новых методик следует проводить с учетом двойственной природы государства, во-первых, оно является регулятором и поставщиком общественных благ и обеспечивает нормативно-правовое регулирование общественной жизни, во-вторых, состояние самого государства определяется его способностью к самоорганизации, возможностью разрабатывать и достигать цели, взаимодействовать с обществом. Следовательно, оценка системы органов государственной власти с точки зрения первой позиции сосредотачивается на конечном результате деятельности государства; во втором случае – интерес перенесен непосредственно на процесс деятельности. При этом вопросом, вызывающим трудности при разработке комплексной системы показателей, при ориенти-

рованности на конечный результат, является определение вклада конкретного органа государственной власти в полученный результат; при оценке содержательной стороны – проблема заключается в разработке показателей, учитывающих механизм и уровень координации, структурного взаимодействия и самоорганизации органов государственной власти в достижении результатов, соответствующих целям их деятельности, а также учитывающих экономичное и разумное использование ресурсов, рациональное использование властных полномочий в строгом соответствии действующему законодательству. Таким образом, методика оценки должна разрабатываться на теоретической основе определения критериев и на эмпирической основе практического их содержания и применения, учитывающей как содержательную сторону, так и полученный, конечный результат, что позволит получить наиболее объективные данные.

Анализ научных трактовок по исследуемой проблематике позволяет выделить следующие виды оценок: *общая* – отражает результаты деятельности всей системы власти посредством таких критериев, как уровень промышленно-инновационного развития и производительности труда, уровень прироста национального богатства, уровень благополучия и благосостояния жизни населения, упорядоченность, безопасность и надежность общественных отношений; *специальная* – демонстрирует уровень организации и деятельности органов государственной власти определенного уровня (федерального, регионального) посредством таких критериев как целесообразность и целенаправленность организации и функционирования государственной системы, временные затраты на решение управленческих вопросов, стиль функционирования государственного аппарата и сложность его организации, издержки на содержание государственного аппарата; *конкретная* – характеризует деятельность каждого органа государственной власти в отдельности и оперирует следующими критериями: степень соответствия содержания деятельности органа государственной власти параметрам, законность решений и действия, реальность управляющих воздействий [1, с. 226].

При разработке конституционно-правовой методики оценки эффективности системы органов государственной власти следует учитывать природу и миссию самой государственной власти, основная задача которой – сохранение целостности общества и обеспечение баланса общественных интересов, организация, регулирование и управление наиболее важными сферами общественной и государственной жизни, то есть организация эффективной системы управления общественными делами, достижение целей, установленных в Конституции РФ [2, с. 114]. Методологические особенности разработки сопряжены с необходимостью

учета следующих системных проблем: формирование целей и методов государственной власти и управления с учетом национальных и этнических интересов и особенностей; степень оптимизации и дебиюрократизации процесса государственного управления; качество кадров; отсроченность по времени конечного эффекта [3, с. 157]. Таким образом, критерии оценки эффективности должны учитывать качество работы государственной власти и создавать позитивный стимул для повышения эффективности, а также создавать возможность для корректировки в системе управления для достижения заданных целей. При этом конституционно-правовые критерии оценки должны учитывать экономические, экологические и социальные (количественные и качественные) показатели, привязанные к принципу системности власти; приоритеты социально-экономического развития государства на средне-, долго- и длинно-срочную перспективу; недопущение искажения предмета и объекта оценки; учет сложности распределения компетенции между уровнями публичной власти; применение статистической отчетности. А также названные критерии должны соответствовать следующим требованиям: сопоставимость и воспроизводимость; надежность, полезность, удобность, конкретность, четкость и однозначность, простота в понимании и использовании; проверяемость и статистическая надежность; экономическая целесообразность; действенность, чувствительность и гибкость в отношении инноваций, быстрота обновления. Вместе с тем, указанные критерии не должны совпадать с критериями оценки социально-экономического развития государства, поскольку эффективность власти не должна сводиться только к экономической, то есть необходимо учитывать все сферы общественной жизни. Оценка эффективности власти должна проводиться по социально-экономическим и политическим показателям, где внимание сосредоточено не только на производительности, но и на качестве работ, сложности и своевременности выполнения возложенных задач. Логичным представляется применение при оценке технико-экономических критериев, а именно: степени бюрократической рациональности, адекватности системной структуры органов государственной власти целям развития, уровня реакции на меняющиеся обстоятельства современной жизни.

Системный анализ научных работ по вопросу эффективности государственной власти позволяет, по нашему мнению, предложить два вида критериев оценки – внутренние и внешние. Внутренние критерии оценивают саму систему органов государственной власти, то есть ее качественное состояние, внешние критерии – деятельность системы, то есть темпы, масштабы, уровень и степень ее воздействия на сферы общественной жизни.

Как указывалось выше, основной задачей государственной власти является сохранение и развитие общества. Сохранением можно назвать обеспечение обороноспособности страны, сохранение территориальной целостности, защиту жизни граждан и их имущества, прав и свобод, обеспечение правопорядка и единого правового пространства. Развитие, в свою очередь, подразумевает повышение уровня и качества жизни граждан. Таким образом, основными, системообразующими являются *внешние критерии*:

1. Социально-экономические критерии включают такие субкритерии, как развитие человеческого потенциала (повышение качества и продолжительности жизни, повышение материального благополучия и благосостояния граждан, физическая безопасность граждан, сохранение, развитие и повышение качества системы образования и здравоохранения, социальное обеспечение, вопросы занятости и безработицы, трудовая дисциплина, взаимоотношения работников и работодателей, оплата труда, сертификация и стандартизация, качество системы общественного транспорта и состояния дорожной сети, уровень доверия населения); энергетической и экологической безопасности (дефицит энергии и пресной воды, опустынивание и истощение лесов, утрата биологического разнообразия, защита окружающей среды, благоприятная экологическая среда обитания, безаварийная работа транспорта и коммунальной инфраструктуры, эффективное предупреждение техногенных катастроф); экономической результативности (адаптация экономической политики к экономическим изменениям, рост ВВП и ВНП, уровень интеграции в мировое экономическое сообщество, уровень инфляции, инвестиционная привлекательность государства, уровень внешнего заимствования, модернизация производства, бюджетно-налоговая и кредитно-денежная политика и дисциплина, финансирование научных исследований, концентрация научных исследований, доля высокотехнологичных производств в общем объеме производства, снижение административного давления на экономику, уровень обеспечения правовой защиты права собственности, административные барьеры в развитии бизнеса, развитие свободного рынка и конкуренции, эффективность инфраструктуры распределения товаров и услуг, уровень производительности труда, ресурсная эффективность).

2. Политическое развитие общества и государства (уровень соответствия действующей системы права конституционным нормам и принципам, распределение властных полномочий и уровень общественной поддержки (легитимность), устойчивость политической системы, воспроизводство и эволюция политических институтов, степень, результативность и действенность участия граждан в управлении делами, законность

принимаемых решений и реализуемых мероприятий, соотношение принимаемых управленческих решений и стратегических задач государства, выявление, определение и установление необходимых значимых взаимосвязей в системе власти, величина и качество управленческого аппарата, качество оппозиции, степень и качество нормативно-правового регулирования экономических процессов в системе государственной публичной власти.

3. Духовно-идеологическое развитие и воспитание (формирование государственной идеологии с учетом системы общественных ценностей, сохранение и защита национальных и историко-культурных традиций и самобытности общества, защита общественного сознания от воздействия шаблонов западной «массовой культуры»; предотвращение деструктивного влияния элементов псевдорелигиозных верований, псевдофилософий и псевдокультурных организаций на общественное сознание; формирование адекватного отношения общества к месту и роли науки, образования и воспитания в процессе формирования личности).

Внутренние критерии оценки эффективности включают:

1. Технологические субкритерии (уровень профессионализма и компетентности, качество кадрового состава и государственной службы, дебиюкратализация аппарата государственной власти, организационная и структурно-функциональная оптимальность органов государственной власти, оперативность и своевременность выполнения управленческих решений, соответствие нормативно-правовых актов органов государственной власти, их решений и действий с задачами и целями общественного развития, информационная открытость, гласность и полнота информации о деятельности, уровень коррумпированности; обеспечение престижа государственной службы, способность к реформированию и внедрению инноваций, релевантность образования и опыт государственных служащих прохождение конкурсных процедур отбора, наличие квалификационных требований к должности и их выполнение).

2. Инструментальные субкритерии (уровень оптимизация и консолидация системы органов государственной власти по использованию властных ресурсов для реализации совместных функций и достижения стратегических целей государства, качество, рациональность и оптимальность управленческой деятельности, связанная с квалификацией и расстановкой кадрового состава, уровень трудовой и исполнительской дисциплины; простота и эффективность внутренних административных процессов; качество и количество связей, устанавливаемых между органом государственной власти и внешней средой; общественное мнение и рейтинговые оценки о деятельности органа государственной власти).

Теоретико-методологический анализ приведенных критериев эффективности системы органов государственной власти позволяет сделать вывод об их взаимосвязи и взаимозависимости, только их комплексное использование позволит получить объективные данные о предмете исследования. Принимая во внимание вышеуказанные показатели эффективности, следует отметить их синергетический эффект. Оценка эффективности системы органов государственной власти, проводимая на основе поименованных показателей, зависит от новых свойств, получаемых в результате синергии взаимодействия указанных показателей.

Библиографический список

1. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления. – М.: Издательство Омега-Л, 2004. – 301 с.
2. *Барциц И.Н.* Развитие потенциала государственного управления в России: правовые условия и критерии эффективности // Социология власти, РАГС. – 2009. – № 5. – С. 27–28.
3. *Вишняков В.Г.* Об укреплении правовых основ системы государственного управления экономикой // Законодательство и экономика. – 2014. – № 4. – С. 7–17.
4. *Дементьева О.А.* Законодательное обеспечение прозрачности деятельности публичной власти // Журнал российского права. – 2015. – №3. – С. 108–119.
5. *Елисеев В.С.* Государственный сектор экономики + гражданское законодательство = источник коррупции // Безопасность бизнеса. – 2014. – № 4. – С. 31–35.
6. *Комков Г.Н.* Конституционное право России. – М.: Издательство Юристъ, 2005. – 399 с.
7. *Линдблом Ч.Э.* Политика и рынки: полит.-экон. системы мира / Чарльз Э. Линдблом; пер. с англ. А. Петренко. – М.: Ин-т комплекс. стратег. исслед., 2005. – 446 с.
8. *Мусин М.* Бизнес в стиле распил. Куда уходят богатства Родины. Хищения, легализация, однодневки, обналичка. – М., 2012. – 288 с.
9. *Чепунов О.И.* Об эффективности судебной власти // Современное право. – 2009. – № 5(1). – С. 79–83.

КОЛЛИЗИОННОЕ ПРАВО КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ИНСТИТУТ
СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

В российской правовой науке понятие коллизионное право является устоявшимся. Однако до настоящего момента не существует однозначного ответа на вопрос, какое место в системе права оно занимает. Отдельные ученые рассматривают его как отрасль права, метод правового регулирования, инструмент исключительно международного права для урегулирования правоотношений, подпадающих под юрисдикцию нескольких стран и т.д. В настоящей статье предлагается рассматривать коллизионное право как межотраслевой институт.

Для того чтобы определить коллизионное право как межотраслевой институт, проводится разграничительный анализ отдельных элементов системы права (норм права, институтов права, подотраслей права и отраслей права) по кругу регулируемых отношений.

Также рассматриваются аргументы о невозможности отнесения коллизионного права к отраслям права (в связи с отсутствием специального метода правового регулирования) и несправедливости отнесения коллизионного права исключительно к научному «полю» международного частного права (в связи с тем, что коллизии в праве встречаются в любой отрасли современного права). В завершение предлагается вниманию классификация межотраслевых институтов на функциональные и пограничные и обоснование отнесения коллизионного права именно к функциональным.

Ключевые слова: система права, межотраслевые институты, коллизионное право, отрасль права, метод правового регулирования.

Термин «коллизионное право» является устоявшимся в юридической науке, поскольку он закреплен в Конституции РФ. Однако в науке не сложилось до сих пор единого мнения, какое место коллизионное право занимает как элемент в системе российского права. Если под коллизионным правом понимать отрасль, то возникает вопрос, каков ее предмет, группу каких отношений она регулирует? Если под коллизионным правом понимать специальный метод правового регулирования, то возникает еще один вопрос: по отношению к какой отрасли права оно является специальным методом?

Для того чтобы определить локус коллизионного права в системе права, необходимо соотнести его с элементами системы и проанализировать, признакам какого из них оно соответствует в большей степени.

В российском праве под системой права понимают «объективно обусловленное системой общественных отношений внутреннее строение права, выражающееся в объединении и расположении нормативного материала в определенной последовательности» [4, с. 15]. Противоположное мнение высказывает Д.Е. Петров, рассматривая систему права не как внутреннее строение права, а как «взаимосвязь составляющих <...> юридических норм, объединенных в целях регулирования различных сфер общественных отношений различными методами правового регулирования в нормативные образования, которые подвержены дифференциации и интеграции в процессе исторического развития» [11, с. 12]. Таким образом, вопрос о структуре системы права – это вопрос о составляющих ее элементах. В науке не существует однозначного устоявшегося мнения по поводу таких элементов. Так, например, Л.И. Заморская среди структур-

ных элементов выделяет отрасли, подотрасли, институты и нормы права [16, с. 49]. М.И. Абдулаев к элементам права относит совокупность правосознания, правоотношений и юридических норм, которые в дальнейшем объединяются в институты и отрасли [1, с. 204]. Н.А. Пьянов помимо правовых норм, институтов и отраслей также к элементам системы права относит принципы права и правовые общности [13].

В настоящей статье за основу берется классическая схема деления права на отрасли, подотрасли, институты и нормы (см. рис. 1). Данная точка зрения поддерживается многими учеными и исследователями, например, В.Т. Батычко, В.В. Лазарев, А.Ф. Лебедев и др.

Основное отличие указанных элементов выражается в содержательном объеме, регулируемых отношений. И чтобы определить «нишу» коллизионного права в этой системе, нам необходимо определить, какой круг правоотношений оно охватывает.

Так, нормой права регулируется отношение в соответствии с каждым фактическим случаем (например, день открытия наследства). Институт права представляет собой группу правовых норм, регулирующих общественные отношения конкретного вида (например, институт наследования). Подотраслью права регулируются группы близких отношений конкретного вида (например, наследственное право). И, наконец, отраслью права регулируется качественно специфический вид общественных отношений (например, гражданское право).

Концепция коллизионного права была впервые разработана профессором Ю.А. Тихомировым. Под коллизионным правом он понимает комплексную суперотрасль права [15, с. 35].

В связи с данным утверждением необходимо выяснить, соответствует ли коллизионное право

Рисунок 1. Структура системы права

признакам комплексности и суперотрасли или оно содержит в себе другие черты?

Начиная с анализа термина «суперотрасль», необходимо отметить, что в системе права такой элемент, как правило, не выделяется [9, с. 194]. Суперотрасль – это, скорее, название отрасли права, которая содержит нормы всех отраслей национального и международного права. Поэтому рассматривая вопрос о принадлежности коллизионного права к суперотраслям, нам необходимо выяснить, содержит ли коллизионное право признаки отраслей права.

Как известно, все отрасли права мы можем выделить на основании двух специфических признаков: а) предмета и б) метода правового регулирования.

Предметом правового регулирования является совокупность однородных общественных отношений, свойственных для какой-то определенной отрасли права. Так, например, предметом трудового права является совокупность правоотношений, складывающихся по поводу регулирования трудовых отношений (заключения и расторжения договора, права и обязанности сторон трудового договора и т.д.). Предметом семейного права является регулирование правоотношений по поводу заключения и расторжения брака, взаимных обязанностей родителей и детей и т.д. При этом каждая отрасль права основана на конкретном, специфическом только для нее виде правоотношений. В коллизионном же праве мы не можем выделить какой-то круг правоотношений. Коллизии встречаются в любой отрасли права, в том числе трудовом праве [2], гражданском и налоговом праве [14], жилищном праве [7] и др. Коллизионным правом регулируются правоотношения любой отрасли в случае возникающих коллизий между нормами права. Таким образом, коллизионное право представляет собой, скорее, не совокупность правоотношений, а совокупность коллизионных норм права, посредством которых разрешаются правовые конфликты и противоречия.

Под методом правового регулирования понимают совокупность способов, а также «особые при-

емы регулирующего воздействия на общественные отношения» [8, с. 207]. Говоря о способах коллизионного регулирования, мы имеем в виду способы преодоления и устранения коллизий в праве, такие как толкование права, гармонизация права, принятие модельных законов, усовершенствование законодательства и пр. Рассматривая указанную совокупность используемых средств, приемов и способов, применяемых для ликвидации конфликтов в праве, мы обнаруживаем, что каждый из них соответствует разным целям и выполняет различные задачи. На наш взгляд, данные средства являются всего лишь эффективным инструментом преодоления коллизий в праве, заимствованы из других отраслей и не составляют единого метода правового регулирования.

Таким образом, коллизионное право не отвечает главным критериям деления права на отрасли, поскольку не имеет собственного, эксклюзивного метода правового регулирования.

Наряду с предметом и методом правового регулирования для выделения отраслей права используются и такие критерии, как высокая значимость регулируемых общественных отношений, наличие системы источников права и кодифицированного нормативного правового акта, наличие собственных принципов права, функции права, оригинальность субъектов права, особенности юридической ответственности. При этом отмечается, что данные критерии могут применяться и по отношению к институтам права или подотраслям права [5, с. 11].

Несмотря на то, что коллизии являются достаточно распространенным явлением любой отрасли права, большинство исследований проводятся в рамках международного частного права. В теории международного частного права коллизионное право представляет собой правовой институт. Так, Г.К. Дмитриевой выделяются коллизионные вопросы дееспособности иностранцев, права собственности, наследственных, трудовых, семейных отношений, внешнеэкономических сделок и т.д. [6].

В силу того, что коллизии в праве встречаются во всех отраслях права, коллизионное право, на наш взгляд, обладает признаками межотраслевых правовых явлений. Ю.К. Осипов под межотраслевыми институтами понимал группу «относящихся к нескольким различным отраслям права норм, которые регулируют общественные отношения, обладающие некоторыми общими признаками» [10, с. 81]. Профессор Ю.Г. Арзамасов подобный симбиоз правоотношений различных отраслей называет многоотраслевым [3, с. 130]. С.В. Поленина межотраслевые правовые институты классифицировала на межотраслевые функциональные и межотраслевые «пограничные» институты. При этом межотраслевые функциональные институты она определяла как комплексные институты, возникающие «на стыке ... неоднородных отраслей права», а межотраслевые «пограничные» институты – это правовые институты, образующиеся «на стыке смежных отраслей права» и характеризующиеся «наличием между нормами смежных однородных отраслей права, образующих данный институт, подвижной предметно-регулятивной связи» [12, с. 75].

На наш взгляд, коллизионное право следует относить именно к межотраслевым функциональным институтам, поскольку:

1. Круг регулируемых отношений направлен на упорядочения правоотношений, возникающих в результате выбора между конфликтующими нормами права. В различных отраслях права выработан специальный механизм разрешения подобных противоречий. Так, в международном частном праве правовые коллизии разрешаются с помощью коллизионных привязок (формул прикрепления). В конституционном праве, например, разрешение конфликтов норм происходит в соответствии с федеральным коллизионным правом (п. «п», ст. 71 Конституции РФ). Таким образом, коллизионным правом регулируется однородный круг отношений, который образует институт права.

2. Наличие коллизий во всех отраслях права позволяет нам сделать заключение о межотраслевом характере указанного института.

3. В силу того, что коллизии встречаются не только в смежных отраслях, но и в неоднородных, коллизионное право является межотраслевым функциональным институтом.

На основании изложенных рассуждений мы предлагаем рассматривать коллизионное право как межотраслевой функциональный институт, регулирующий правоотношения, возникающие в результате необходимости выбора подходящей нормы посредством коллизионных норм права. Однако стоит учитывать, что «появление правового института, <...> в котором новизна, специфика предмета регулирования обусловили зарождение зачатков новых свойств в части метода, принципов и механизма правового регулирования», может

являться промежуточной (переходной) формой, наличие которой «могло бы свидетельствовать о возможности возникновения новой отрасли права» [12, с. 71–72].

Библиографический список

1. *Абдулаев М.И.* Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Финансовый контроль, 2004. – 410 с.
2. *Аленина И.В.* Коллизии в трудовом праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2000. – 206 с.
3. *Арзамасов Ю.Г.* Обзор материалов круглого стола «Проблемы правового регулирования образовательного процесса в современной России» // *Право*. – 2010. – № 2. – С. 126–135.
4. *Бошно С.В.* Система права и система законодательства // *Право и современные государства*. – 2013. – № 5. – С. 15–35.
5. *Головина А.А.* Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 35 с.
6. *Дмитриева Г.К.* Международное частное право: учеб. / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекашева, Г.К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. Г.К. Дмитриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2008. – 688 с.
7. *Кожухарь Д.В.* Конкуренция правовых норм, регулирующих правоотношения по поводу жилища: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 217 с.
8. *Лебедев А.Ф.* Общая теория права: учеб. пособие. – Минск: Изд-во Гревцова, 2013. – 304 с.
9. *Марченко М.Н., Прокофьев С.Г.* Коллизионное право: комплексный анализ и концепция // *Журнал российского права*. – 2000. – № 10. – С. 192–194.
10. *Осипов Ю.К.* Подведомственность юридических дел: Учебное пособие. – Свердловск, 1973. – 124 с.
11. *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2015. – 61 с.
12. *Поленина С.В.* Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права // *Правоведение*. – 1975. – № 3. – С. 71–79.
13. *Пьянов Н.А.* Консультации по теории государства и права: Тема «Система права» // *Сибирский юридический вестник*. – 2003. – № 3. – С. 3–11.
14. *Синица И.В.* Коллизии в российском праве: на примере норм гражданского и налогового права: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 169 с.
15. *Тихомиров Ю.А.* Коллизионное право: Учебное и научно-практическое пособие. – М.: Юринформцентр, 2000. – 394 с.
16. *Заморська Л.І.* Загальнонаукова концепція категорії «система права» // *Держава і право*. – 2010. – Вип. 47. – С. 46–50.

КАТЕГОРИИ ИНФОРМАЦИИ И ДАННЫХ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНЫЕ ФОРМАТЫ ЗНАНИЯ ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА РАССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются разные форматы знаний как ментальных объединений объектов, формируемых на основе проявления общности концептуальных свойств, применительно к методологии расследования транснациональных преступлений. Поскольку транснациональные преступления часто имеют комплексный характер и объединяют несколько составов преступлений в соответствии с УК РФ, категории информации и данных являются содержательным фоном, на котором проявляются не только типичные признаки состава преступлений, но и эмерджентные (возникающие) свойства разных категорий транснациональных преступлений. В статье рассмотрена проблема соотношения составов транснациональных преступлений, закрепленных в международном праве, с составами преступлений по УК РФ, поскольку при расследовании транснациональных преступлений выявление такого соотношения имеет практическое значение. Подобное сопоставление способствует также прогнозированию проявления эмерджентных свойств систем. В криминалистической систематике эмерджентные свойства должны рассматриваться в качестве имманентных свойств криминальной деятельности и процесса расследования транснациональных преступлений, поскольку каждое конкретное их проявление характеризуется собственными, часто уникальными признаками. Знания, информация и данные не только составляют основу криминалистической систематики, но и формируют основные принципы моделирования процесса расследования преступлений.

Ключевые слова: данные, информация, знания, методология криминалистики, криминальная деятельность, систематика, моделирование.

Поскольку о современном обществе часто говорят как об «информационном», возникает вопрос о толковании и соотношении таких категорий, как «знание», «информация» и связанных с ними понятий в применении к категориям криминалистики. Несмотря на, казалось бы, ясный смысл, указанные категории достаточно сложны и используются неоднозначно, что находит отражение в том, как они употребляются и формулируются. В науковедении принято различать данные, информацию и знание, «которые представлены в следующей логической последовательности: исходные данные → информация (контекст, в котором использованы данные) → знание (выводы, сделанные на основе данных и информации). Таким образом, основное отличие знания от информации состоит в степени организованности и осмысленности первичных данных» [5, с. 11]. Знания имеют сложную структуру, так как основаны на научно-теоретических построениях и данных, полученных эмпирическим путем, а переход от данных к знаниям – это следствие развития и усложнения информационных структур [10, с. 44–46]. Данные рассматривают в качестве совокупности неструктурированных разрозненных фактов о предметах, явлениях и процессах, они становятся информацией благодаря их классификации, структурированию, а также целевому использованию. Точно так же, как информация возникает из разрозненных данных, знания формируются с помощью различной информации посредством ее оценки, сравнения, установления связей между ее фрагментами, определения сферы применения [9, с. 24]. Формирующаяся при этом системность информации составляет знание [4, с. 86].

Как и в любой науке, знания в криминалистике подразделяются на фундаментальные, составляющие содержание общих и частных криминалистических теорий, и прикладные, которые выступают в форме рекомендаций практике, методик расследования преступлений и т.д. Оба типа знаний постоянно пополняются новыми данными (например, о способах совершения преступлений). Недостаточная разработанность фундаментальных аспектов криминалистического знания «приводит к субъективизму работ прикладного направления, уменьшению их практической пользы» [15, с. 264–265].

Знание любой отрасли деятельности человека представляет собой систему – совокупность элементов. Криминалистике также свойственна системность. Под криминалистической систематикой понимают триединство: 1) общей систематизации криминалистических научных знаний в системе науки; 2) совокупности частных систем, объединяющих определенную группу явлений, процессов и т.д. (например, системы рекомендаций, связанных с расследованием конкретных видов преступлений, планированием расследования и т.п.); 3) криминалистических классификаций категорий и понятий, объектов и их свойств, с которыми имеет дело криминалистика [1, с. 60].

Элементы системы расследования преступления достаточно хорошо изучены в криминалистике, но, поскольку преступность постоянно изменяется, а обстоятельства совершения преступления могут быть самыми разнообразными, мы не можем выявить все эмерджентные свойства криминалистической систематики, в том числе и в сфере расследования преступлений, поскольку преступ-

ность как общественное явление очень динамична. Каждый новый элемент системы (например, новые способы совершения преступлений) увеличивает количество связей в ней. Любая система, в том числе и система криминалистического знания, устойчива в силу существования связей между ее частями. Вместе с тем, новые эмерджентные свойства могут привести систему в неравновесное состояние. В теории синергетики новые эмерджентные свойства характеризуют явление бифуркации (особенность поведения сложных открытых систем, момент выбора нового канала развития явления), т.е. системный подход, в том числе и в юридических науках, неизбежно приводит к синергетике [3, с. 191]. Обоснование транснациональных преступлений как особой их разновидности в свое время стало точкой бифуркации для наук уголовного цикла, а также криминалистики, а сами транснациональные преступления стали аттракторами (областью притяжения), которые способствовали и продолжают способствовать организации теоретико-правового, законодательного и правоприменительного пространства.

Вблизи точки бифуркации возникают некоторые отклонения от состояния равновесия (флуктуации), вследствие чего изменяется область притяжения аттрактора. Именно флуктуациями – обстоятельствами совершения конкретного преступления – обусловлен тип аттрактора (вида преступления) в ходе расследования преступлений и в правоприменительной деятельности, когда происходит уголовно-правовая оценка конкретного общественно опасного деяния (его квалификация). Флуктуациями в обществе вызвано и появление в уголовном законодательстве новых составов преступлений, что, в свою очередь, является эмерджентным свойством системы криминалистического знания, так как приводит к явлению бифуркации. Таким образом, можно сказать, что криминалистическое знание – система динамическая, так как характер системы подвержен изменениям, в том числе, в силу внешних или внутренних воздействий.

Поскольку данная работа посвящена проблеме расследования преступлений, необходимо рассмотреть особенности криминалистического знания, относящегося к ней. К категории «криминалистические знания» в сфере расследования преступлений можно отнести ту информацию, которая помогает следователю понять, что произошло в данном месте, какова была роль данного объекта в событии, какие последствия события остались на нем и т.п. [14, с. 39]. В.Я. Колдин под криминалистическим знанием понимает результат криминалистического исследования источников, обеспечивающий получение доказательственной информации и служащий основанием для принятия криминалистических решений [6, с. 65]. Криминалистические знания представляют собой совокупность научно

разработанных специальных приемов, методов и средств, направленных на решение конкретных юридических задач. На основе криминалистического знания следователь решает уголовно-процессуальные, уголовно-правовые задачи. Процесс получения нового криминалистического знания на основе исследования взаимосвязей между элементом и отображающей его информационной системой является разновидностью информационного моделирования.

Криминалистической информацией можно считать информацию любой природы. Ее можно подразделить на доказательственную и ориентирующую информацию: 1) доказательственная информация – любые фактические данные, полученные в установленной законом форме и используемые для выявления событий преступления и связанных с ним обстоятельств, существенных в правовом отношении [7, с. 40]; 2) к ориентирующей информации относят данные, с помощью которых следователь и иные участники процесса доказывания способны ориентироваться в событиях и фактах, связанных с расследуемым преступлением, но не являющихся элементом предмета доказывания [2, с. 122]. Учитывая данную классификацию, необходимо отметить, что оперативно-розыскная информация, хотя и является самостоятельным ее видом, используемым в расследовании, может быть криминалистической, так как, по справедливому замечанию Р.А. Усманова, субъект расследования получает ориентирующую криминалистическую информацию из результатов проведенных оперативно-розыскных мероприятий, предварительного исследования следов преступления, криминалистических учетов [12, с. 58].

Криминалистическое знание классифицируют на следующих основаниях: 1) обстоятельства, являющиеся элементами познающей системы (криминалистические (следственные) ситуации, субъекты, цели, задачи, предметы, структура и механизм деятельности органов дознания, результаты этой деятельности); 2) обстоятельства познаваемых событий (как криминального, так и некриминального характера, имеющие значение для установления истины и принятия криминалистических решений). Прикладная функция криминалистического знания проявляется в разработке рекомендаций – приемов и способов расследования преступлений. В качестве системы научного познания выступает методология, позволяющая достигать поставленные цели в соответствии с избранным предметом исследования.

Криминалистическая информация, главным образом доказательственная, определяет характер сложившейся в ходе расследования следственной ситуации. Субъектом получения доказательственной информации в ходе процесса расследования является преимущественно следователь (дознава-

тель), который фиксирует ее в протоколах следственных действий. Однако анализ специальной литературы показывает, что доказательственная информация может быть получена также прокурором, судом как в ходе следственных и судебных действий, так и без их производства [11, с. 84]. Только доказательственная информация может быть использована субъектом расследования для доказывания вины лица, совершившего преступление. В связи с этим она должна отвечать таким требованиям, как относимость, достоверность, допустимость. Доказываться может как наличие, так и отсутствие обстоятельств предмета доказывания. С доказательственной информацией связана необходимость установления обстоятельств, которые в предмет доказывания не входят, но имеют значение для установления промежуточных фактов.

Ориентирующая информация, как и доказательственная, влияет на характер и смену следственной ситуации, однако она не ложится в основу обвинительного заключения, за исключением случаев ее трансформации в доказательственную. Целями и задачами ориентирующей информации являются установление обстоятельств, которые не входят в предмет доказывания или же имеют характер данных, на основе которых можно получить информацию в перспективе. Ориентирующую информацию сотрудники правоохранительных органов могут получать из различных источников, таких, как результаты оперативно-розыскных мероприятий, в ходе общения с очевидцами преступления и иными гражданами, средств массовой информации, слухов и т.д.

Как доказательственная, так и ориентирующая информация подразделяются по форме выражения на вербальную, невербальную и информацию. Вербальная информация – данные о лицах, признаках предметов, явлениях и процессах, передающиеся с помощью слов (устно или письменно), полученные при осуществлении компетентными государственными органами деятельности по установлению обстоятельств преступления и могущие использоваться в соответствии с конкретными целями и задачами уголовного судопроизводства [13, с. 38]. Невербальная информация – сведения, не имеющие языковой формы выражения, заключенные в физических и (или) психофизических свойствах одушевленных и неодушевленных объектов.

По справедливому замечанию П.В. Копнина, сама проблема – это уже система различного знания, включающего в себя ранее установленные факты, мысли о возможности решения поставленной проблемы, саму ее постановку. Эта система представляет собой совокупность суждений, в центре которой стоит суждение-вопрос [8, с. 296]. В нашем случае проблема – это преступление. Следовательно имеет дело не с уголовно-правовой категорией «преступление», а с подлежащим расследованию событием и сопутствующей его криминальной деятельностью. Методология расследования транснациональных преступлений должна, таким образом, соответствовать двум уровням использования имеющихся и новых знаний: декларативному (знание ЧТО) и процедурному (знание КАК). Декларативное и процедурное знание в отношении транснациональных преступлений касается информации о характеристиках транснациональных преступлений и транснациональных организованных преступных группах, о способах решения конкретных следственных задач на внутригосударственном и межгосударственном уровнях.

Освоение такой информации следователем наталкивается на ряд трудностей: 1) отсутствие четкого соотношения между классификацией транснациональных преступлений в международном праве и классификацией преступлений в Уголовном кодексе РФ, в котором лишь часть терминов может быть четко соотнесена с транснациональным характером преступлений (невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей – ст. 190; контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов – ст. 200.1; контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий – ст. 200.2); 2) отсутствие дефиниций некоторых транснациональных преступлений в международном праве (незаконная торговля оружием, экологическая преступность); 3) динамичным и комплексным характером транснациональных преступлений и транснациональных организованных преступных групп и сообществ; 4) необходимостью приобретения знаний не только в области российского уголовного и уголовно-процессуального права, но и норм международного права.

Для облегчения освоения такой информации важнейшим методом оказывается моделирование,

Таблица 1

Соотношение международно-правовых преступлений с составами преступлений по УК РФ

Международное право	УК РФ			
экологическая преступность	нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247).	незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256).	незаконная охота (ст. 258).	незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (258.1)

при котором сложные взаимосвязи, обусловленные различием международного и национального права России, становятся более очевидными. Так, фреймвая модель с отображением всех составов преступлений может облегчить соотнесение конкретного транснационального преступления по классификации международного права, с преступлениями, закрепленными в УК РФ, могущими приобрести характер транснациональных (табл. 1).

Классификация Организации Объединенных Наций насчитывает 17 категорий транснациональных преступлений. В Уголовном кодексе РФ выделено неизмеримо большее количество составов преступлений, каждое из которых может стать эмерджентным элементом транснационального преступления, обуславливая флуктуации в системе криминалистического знания, относящегося к транснациональным преступлениям, поэтому такой вид моделирования соотношения составов преступлений является необходимым начальным этапом в расследовании транснациональных преступлений. В соответствии с конкретными данными, следователь далее может строить процедурную модель расследования, основанную на правилах планирования следственных действий.

В современных науках разработаны различные способы моделирования этих типов знаний. Комплексное криминалистическое моделирование на основе универсальных общенаучных категорий «знание» и «данные» является перспективным и для методологии расследования транснациональных преступлений, поскольку знание охватывает все закономерности определенной предметной области (принципы, законы, связи), основанные на информационной систематике знаний.

Библиографический список

1. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юрист, 1997. – 408 с.
2. *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М.: Норма, 2005. – 528 с.
3. *Дробышевский В.С.* Российское право в свете синергетического подхода // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2012. – № 4. – С. 189–195.
4. *Друкер П.* Задачи менеджмента в XXI веке: Пер. с англ.: – М.: Издательский дом «Вильямс», 2007. – 272 с.
5. *Ефимов В.В.* Управление знаниями: учебное пособие. – Ульяновск: УлГТУ, 2005. – 111 с.
6. *Колдин В.Я.* Криминалистическое знание о преступной деятельности: функции моделирования // Советское государство и право. – 1987. – № 2. – С. 64–68.
7. *Колдин В.Я., Полевой Н.С.* Информационные процессы и структуры в криминалистике. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 133 с.
8. *Копнин П.В.* Философские идеи В.И. Ленина и логика. – М.: Наука, 1969. – 484 с.
9. *Лебединцева Л.А.* Информация и знание как интеллектуальный продукт: социально-экономический подход // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 1. – С. 24–27.
10. *Рыбина Г.В.* Основы построения интеллектуальных систем: учебное пособие. – М.: Финансы и статистика, Инфра-М, 2010. – 432 с.
11. *Сердюков П.В.* Доказательства в стадии возбуждения уголовного дела. – Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1981. – 87 с.
12. *Усманов Р.А.* Информационные основы предварительного расследования. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 208 с.
13. *Финогенов Н.А.* Фиксация вербальной информации: процессуальный и криминалистический аспекты. – Саратов: ИЦ «ПАТА», 2012. – 126 с.
14. *Хлыщев М.Н.* Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. – 160 с.
15. *Шаров В.И.* Проблемы формализации криминалистического знания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 264–273.

АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК

Статья посвящена исследованию правовой природы недействительных сделок. В ней рассмотрен один из важнейших элементов сделки – правомерность. Показаны точки зрения ученых-цивилистов на ограничения сделок от недействительных сделок. В работе подробно исследованы понятия «сделка», «противоправная сделка», «ничтожная сделка», «оспоримая сделка» «деликтные правонарушения», показаны основания признания сделок недействительными. Особого внимания заслуживает выделение группы так называемых не деликтных правонарушений, включающих неосновательное обогащение, ненадлежащее исполнение договора и др. Анализируются недействительные сделки, совершаемые Федеральными государственными бюджетными образовательными учреждениями высшего профессионального образования.

В работе исследована еще одна категория «недействительности сделки» – оспоримость сделки. Приобретение статуса оспоримой сделки зависит только от воли какой-либо стороны сделки. По мнению автора, будет целесообразным в этом случае использовать термин «действительная сделка» вместо термина «недействительная сделка» до тех пор, пока суд не поставит под сомнение ее действительность по жалобе сторон. Автор считает, что термин «недействительная сделка» логически противоречив и некорректен. Дело в том, что признание недействительных сделок сделками ведет к стиранию граней между сделками и правонарушениями. Поэтому он подвергает критике давно сложившееся в науке гражданского права определение: «недействительная сделка» и предлагает вместо недействительной сделки ввести термин «недействительность соглашений».

Ключевые слова: действительные сделки, недействительные сделки, неправомерные действия, деликты, противоправные сделки, оспоримые сделки, недействительность соглашений, не деликтные правонарушения.

Действующее гражданское законодательство закрепляет основания признания недействительности сделки в ст.ст. 166–181 Гражданского Кодекса РФ. В юридической литературе понятию «недействительности сделок» посвящено большое число исследований [5, с. 2; 6, с. 26–28; 10, с. 54; 13, с. 82] и др. Для исследования правовой природы недействительных сделок рассмотрим один из элементов сделки – правомерность.

Правомерность – это такой элемент сделки, который представляется наиболее интересным, так как вызывает широкую научную дискуссию на протяжении многих лет. Большинство авторов рассматривают сделку как правомерное волевое действие, цели которого придается правовое значение [12; с. 21–35].

Так, профессор И.С. Перетерский в 1929 году попытался отграничить от сделок «недействительные сделки». Он указывал, что не всякое действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских юридических отношений, порождает те юридические последствия, для достижения которых произведено это действие. «Сделка – это действие, дозволенное законом. Действия, хотя бы и вызывающие юридические последствия, но не те, которые имели в виду участники, не пользуются защитой закона и не являются сделками» [9; с. 6]. В.А. Тархов, также считал, что понятие недействительности сделок логически противоречиво, так как сделка – правомерное действие, а потому недействительным быть не может [11, с. 223].

На противоречивость термина «недействительность сделки» в свое время указывал Ю.П. Егоров:

«Обозначаемое им понятие сделкой не является. Это не прекращенная сделка, а непризнание за актом поведения качества сделки» [3, с. 62].

Некоторые авторы пришли к выводу о том, что под сделкой следует понимать только правомерные действия, а так называемые недействительные сделки, собственно, сделками не являются. Кроме того, они полагают, что недействительные сделки, в сущности, являются правонарушениями. Например, по мнению Ф.С. Хейфец, «правомерность действия – это конструктивный элемент сделки, отличающий ее от правонарушения. Отсутствие в конкретной сделке элемента правомерности означает, что возникшее по форме как сделка действие на самом деле является не сделкой, а правонарушением» [13, с.15].

Авторы также подчеркивали, что именно в соответствии с критерием правомерности сделка «отграничивается от всех тех юридических действий, которые противоречат закону, хотя в ряде случаев внешне они и выглядят как сделки, а не как неправомерные действия» [4, с. 199]. Третья точка зрения ученых заключается в том, что характер действий участников сделки (правомерность или неправомерность) нельзя считать определяющим признаком, поскольку это имеет значение только для последствий сделки. Из этого они делали вывод, что сделками являются и действительные, и недействительные сделки, а правомерность рассматривается как признак или элемент действительной сделки. В результате данного вывода Н.Д. Шестакова приходит к убеждению, что недействительны только сделки ничтожные либо оспоримые, по которым существует соответствующее решение суда – остальные действия, даже не соот-

ветствующие каким-либо положениям закона, являются сделками действительными [14, с. 10–11].

И.Б. Новицкий, в свою очередь, применил понятие «противоправная сделка», указывая, что определенные правовые последствия она вызывает, но эти последствия иные, чем те, к которым стремились стороны [8, с. 66].

Противники рассматриваемой позиции в свою очередь выдвигали такие аргументы, в соответствии с которыми признание недействительных сделок сделками ведет к стиранию граней между сделками и правонарушениями. Критикуя вышеуказанные взгляды, известный ученый-цивилист Д.М. Генкин писал: «Могут указать, что признание ничтожных сделок за сделки стирает общепринятое различие между сделками и неправомерными действиями – деликтами. Для сделки как юридического факта, в отличие от деликта, характерно наличие действия (воли), направленного на установление, изменение, прекращение гражданского правоотношения, тогда как при деликте лицо, его совершившее, вовсе не желает наступления тех или иных правовых последствий» [1, с. 50]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Д.М. Генкин отождествлял понятия правонарушение и деликт, то есть считал правомерность и неправомерность не элементом сделки как юридического факта, а элементом, определяющим те или иные последствия сделки.

По нашему мнению, нейтральной позицией можно назвать точку зрения Н.В. Рабинович, которая недействительные сделки называла одновременно и сделками, и правонарушениями «особого порядка», отмечая при этом, что в данном случае следует говорить о правонарушении в широком смысле этого слова [10, с. 12].

Изложенная точка зрения представляется нам особенно интересной, так как проводит четкую грань между понятиями правонарушение и деликт. В связи с этим, представляется правомерным выделение группы так называемых *не деликтных правонарушений*, включающих неосновательное обогащение, ненадлежащее исполнение договора и т.д. Например, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования может совершить сделку в результате обмана со стороны контрагента или по ошибке, которая будет считаться ничтожной [2, с. 205].

В связи с этим Ф.С. Хейфец считает, что «недействительные сделки, являясь действиями неправомерными, представляют собой правонарушения. Отсутствие в настоящее время в системе гражданского права категории не деликтных правонарушений свидетельствует только о том, что она должна быть разработана. Но, на наш взгляд, это не дает никаких оснований относить недействительные сделки к институту сделок, т.е. к правомерным юриди-

ческим действиям, направленным на достижение определенного юридического результата, к которому стремились участники сделки» [13, с. 15].

М.В. Телюкина считает, что «если исходить из того, что сделки – действия правомерные, ответить логически безукоризненно крайне сложно». В соответствии со статьей 153 Гражданского Кодекса РФ, определение сделки не содержит указаний ни на характер действия (правомерное оно или нет), ни на последствия. Кроме того, в законе не сказано, что сделкой является действие, влекущее за собой правовые последствия, желаемые сторонами (такой вывод обычно делается из негативного определения, данного в п. 1 ст. 167 ГК РФ). Поэтому, исходя из буквального толкования норм Гражданского Кодекса РФ, М.В. Телюкина сделала вывод, что сделками являются и действительные, и недействительные сделки; главный же их критерий – это направленность на возникновение, изменение, либо прекращение правоотношений. Действительные сделки порождают правовые последствия, желаемые сторонами, а недействительные – те последствия, которые указаны в законе [12, с. 27].

В связи с этим нам представляется интересным точка зрения Д.И. Мейера, который полагает, что «...подобно юридическим действиям вообще, и сделки могут быть разделены на законные и незаконные и только законные сделки можно назвать сделками, ибо сделки незаконные не считаются действительными, следовательно, и существующими. Но ничтожество поражает эти сделки только при соприкосновении их с общественной властью, а независимо от того они существуют точно так же, как и сделки законные, и встречаются нередко в действительности» [7, с. 177–178].

Анализируя правовую природу сделок, мы приходим к выводу, что под сделкой все же следует понимать правомерные действия физических и юридических лиц, а также публично-правовых образований, в результате совершения которых возникают, изменяются и прекращаются имущественные юридические отношения.

Участниками сделки в сфере образования могут выступать различные субъекты гражданского права: физические и юридические лица, публично-правовые образования, в том числе Федеральные государственные бюджетные образовательные учреждения высшего профессионального образования (ФГБОУ ВПО), которые имеют право совершать различные гражданско-правовые сделки, не противоречащие их Уставу. В этом случае к ним по общему правилу будут применяться нормы о сделках, совершаемых юридическими лицами. ФГБОУ ВПО, в соответствии со своей правоспособностью, вправе совершать гражданско-правовые сделки, (например, покупать учебное оборудование), заключать договоры строительного подряда, договоры с ресурсоснабжающими организациями, заклю-

чать договоры долевого участия в строительстве жилых домов для сотрудников и нежилых помещений для проведения учебных занятий), а также заключать договоры на оказание платных образовательных услуг, которые не противоречат Уставу. Однако ФГБОУ ВПО не может заключать сделки, противоречащие Уставу (например, не может завещать имущество, находящееся на своем балансе, не может заключать договор коммерческой концессии и др. Особенность состоит в том, что от имени ФГБОУ ВПО сделки заключает администрация этих образовательных организаций в лице ректора [2, с. 204].

По нашему мнению, если термин «недействительность» заменить на понятие «неправомерные действия», то можно включать в этот смысл и неправомерный сговор на совершение преступления, за который наступает уголовная ответственность.

Поэтому термин «недействительность сделки», используемый и законодателем, и учеными представляется нам некорректным. Считаем целесообразным употреблять понятие «*недействительность соглашений*», так как недействительные сделки – это противоправные действия, которые изначально нацелены на нарушение закона (например, незаконное соглашение на похищение чужого имущества в уголовном праве квалифицируется как предварительный сговор).

В ст. 166 Гражданского Кодекса РФ законодателем указывается еще одна категория «недействительности сделки» – оспоримость сделки. По общему правилу оспоримой сделка может быть признана судом при наличии порока воли или нарушения закона. До тех пор, пока сделка не будет оспорена в суде какой-либо из сторон, она не будет считаться оспоримой. Таким образом, приобретение статуса оспоримой сделки зависит только от воли какой-либо стороны сделки.

Если стороны не считают существенными какие-либо нарушения при заключении сделки, то они не станут обжаловать такую сделку в суд. В другом же случае, одна из сторон сделки будет считать необходимым обжаловать в суд действительность такой сделки. Так, в первом случае сделка не будет считаться оспоримой, а во втором случае будет признана оспоримой по решению суда.

В этой связи закон, руководствуясь принципом диспозитивности, предоставляет право сторонам сделки самим выбрать вариант своего поведения относительно обжалования либо не обжалования в суд оспоримой по их мнению сделки.

Думается, будет целесообразным в этом случае использовать термин «действительная сделка» вместо термина «недействительная сделка» до тех пор, пока суд не поставит под сомнение ее действительность по жалобе сторон.

Библиографический список

1. *Генкин Д.М.* Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Ученые записки. Ученые записки ВИЮН. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – Вып. 5.
2. *Демидюк В.А.* Правовая природа воли и волеизъявления в сделках с участием Федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений высшего профессионального образования // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3.
3. *Егоров Ю.П.* Несостоявшиеся сделки // Журнал российского права. – 2004. – № 10.
4. *Илларионова Т.И., Гонгало Б.М., Плетнев В.А.* Гражданское право: Учебник для вузов. Часть первая. – М.: Норма, 1998. – 464 с.
5. *Косырев М.* Признание недействительными сделок должника // «Эж-Юрист». – 2003. – № 24.
6. *Марголин М.А.* Недействительные сделки и сделки с участием заинтересованных лиц // Законодательство. – 2001. – № 3.
7. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: Издание пятое – М.: Книга по Требованию, 2012. – 742 с.
8. *Новицкий И.Б.* Сделки. Исковая давность. – М.: Госюриздат, 1954. – 247 с.
9. *Перетерский И.С.* Гражданский кодекс РСФСР. Научный комментарий. Вып. 5. Сделки. Договоры. – М.: Юриздат НКЮ РСФСР, 1929.– 442 с.
10. *Рабинович Н.В.* Недействительность сделок и ее последствия. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. – 171 с.
11. *Тархов В.А.* Гражданское право. – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1997. – 331 с.
12. *Телюкина М.В.* Понятие сделки: теоретический и практический аспекты // Адвокат. – 2002. – № 8.
13. *Хейфец Ф.С.* Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. – М.: Юрайт, 2000. – 162 с.
14. *Шестакова Н.Д.* Недействительность сделок: процессуальный и материальный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001. – 21 с.

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИОННЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К СОТРУДНИКАМ АППАРАТОВ ПОЛНОМОЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ

Статья посвящена исследованию квалификационных требований, предъявляемых к федеральным государственным гражданским служащим аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах. Проанализированы установленные к различным категориям и группам должностей профессиональные знания и навыки. Делается вывод, что квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым федеральным государственным гражданским служащим Администрации Президента России для исполнения должностных обязанностей, представляются достаточными, позволяющими отдельным должностным лицам и аппарату полномочных Представителей Президента Российской Федерации в целом осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне.

Ключевые слова: аппарат, полномочный представитель, Президент России, государственный служащий, квалификационные требования, профессиональные знания, профессиональные навыки.

Аппараты полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах непосредственно созданы в целях организационного обеспечения их деятельности по сопровождению осуществления важнейших полномочий Президента России на местном уровне. В этой связи особое значение приобретает их качественный состав, квалификация сотрудников, являющихся федеральными государственными гражданскими служащими. Данные требования утверждены Распоряжением Администрации Президента России от 18 марта 2007 г. № 291 «Об утверждении квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым федеральным государственным гражданским служащим Администрации Президента Российской Федерации для исполнения должностных обязанностей» [3].

В аппаратах полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах предусмотрены все категории и группы должностей федеральных государственных гражданских служащих, предусмотренные федеральным законодательством [1; 2]. В соответствии с указанным актом к высшей группе должностей категории «руководители» предъявляются следующие требования. Профессиональные знания Конституции России, федеральных конституционных законов, федеральных законов, международных договоров России, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений Правительства России, распоряжений Администрации Президента Российской Федерации и иных нормативных правовых актов, необходимых для исполнения должностных обязанностей; структуры и полномочий органов государственной власти Российской Федерации, государственных органов, органов местного самоуправления муниципальных образований; законодательства о государственной гражданской службе Российской Федерации; слу-

жебного распорядка Администрации Президента России; порядка работы со сведениями, составляющими государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну; форм и методов работы с применением компьютерной техники; правил и норм охраны труда, техники безопасности и противопожарной защиты.

Профессиональные навыки в сфере деятельности, позволяющей исполнять должностные обязанности с учетом задач и функций, возложенных на Администрацию Президента Российской Федерации, управления Президента Российской Федерации и иные самостоятельные подразделения Администрации Президента России; эффективного руководства подразделениями и подчиненными должностными лицами; постановки задач и организации их выполнения; оперативного принятия и реализации управленческих решений; контроля за исполнением поручений; подбора и расстановки кадров; своевременного выявления и разрешения ситуаций, приводящих к конфликту интересов; анализа, прогнозирования и планирования работы; ведения деловых переговоров и публичного выступления; стимулирования достижения результатов; организации работы по эффективному взаимодействию с представителями органов государственной власти Российской Федерации, государственных органов, органов местного самоуправления муниципальных образований и организаций; подготовки проектов нормативных правовых актов и служебных документов; пользования компьютерной техникой.

К государственным гражданским служащим высшей группы должностей категории «помощники (советники)» установлены профессиональные знания Конституции России, федеральных конституционных законов, федеральных законов, международных договоров России, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений Правительства России, распоряжений Администрации Президента Российской Федерации;

Федерации и иных нормативных правовых актов, необходимых для исполнения должностных обязанностей; структуры и полномочий органов государственной власти Российской Федерации, государственных органов, органов местного самоуправления муниципальных образований; законодательства о государственной гражданской службе России; служебного распорядка Администрации Президента России; порядка работы со сведениями, составляющими государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну; форм и методов работы с применением компьютерной техники; правил и норм охраны труда, техники безопасности и противопожарной защиты.

Профессиональные навыки: в сфере деятельности, позволяющей исполнять должностные обязанности с учетом задач и функций, возложенных на помощника; эффективного руководства подчиненными работниками; постановки задач и организации их выполнения; оперативного принятия и реализации решений; контроля за исполнением поручений; подбора и расстановки кадров; своевременного выявления и разрешения ситуаций, приводящих к конфликту интересов; анализа, прогнозирования и планирования работы; ведения деловых переговоров и публичного выступления; стимулирования достижения результатов; организации работы по эффективному взаимодействию с представителями органов государственной власти России, государственных органов, органов местного самоуправления муниципальных образований и организаций; подготовки проектов нормативных правовых актов и служебных документов; пользования компьютерной техникой [4, с. 68–71].

К государственным гражданским служащим, замещающим должности категории «специалисты» высшей, главной и ведущей групп должностей предъявляются квалификационные требования. Профессиональные знания Конституции России, федеральных конституционных законов, федеральных законов, международных договоров Российской Федерации, указов и распоряжений Президента России, постановлений Правительства России, распоряжений Администрации Президента России и иных нормативных правовых актов, необходимых для исполнения должностных обязанностей; структуры и полномочий органов государственной власти Российской Федерации, государственных органов, органов местного самоуправления муниципальных образований; законодательства о государственной гражданской службе России; служебного распорядка Администрации Президента Российской Федерации; порядка работы со сведениями, составляющими государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну; форм и методов работы с применением компьютерной техники; правил и норм охраны труда, техники безопасности и противопожарной защиты.

Профессиональные навыки:

а) для лиц, замещающих должности высшей группы должностей, – в сфере деятельности, позволяющей исполнять должностные обязанности с учетом задач и функций, возложенных на управление Президента Российской Федерации или иное самостоятельное подразделение Администрации Президента России; организации оперативного и качественного исполнения поручений; ответственного, инициативного и творческого подхода к исполнению поручений; анализа, прогнозирования и планирования служебной деятельности; осуществления контрольных мероприятий; взаимодействия с должностными лицами органов государственной власти Российской Федерации, государственных органов, органов местного самоуправления муниципальных образований и организаций; исполнительской дисциплины; подготовки проектов нормативных правовых актов и служебных документов, проведения экспертизы (оценки) их качества; оказания консультационных услуг гражданам (организациям) и публичных выступлений; пользования компьютерной техникой и оргтехникой;

б) для лиц, замещающих должности главной группы должностей, – в сфере деятельности, позволяющей исполнять должностные обязанности с учетом задач и функций, возложенных на управление Президента Российской Федерации или иное самостоятельное подразделение Администрации Президента России; оперативного и качественного исполнения поручений; анализа и планирования служебной деятельности; участия в контрольных мероприятиях; взаимодействия с должностными лицами органов государственной власти Российской Федерации, государственных органов, органов местного самоуправления муниципальных образований и организаций; исполнительской дисциплины; подготовки проектов нормативных правовых актов и служебных документов, проведения экспертизы (оценки) их качества; оказания консультационных услуг гражданам и организациям; пользования компьютерной техникой и оргтехникой;

в) для лиц, замещающих должности ведущей группы должностей, – в сфере деятельности, позволяющей исполнять должностные обязанности с учетом задач и функций, возложенных на управление Президента Российской Федерации или иное самостоятельное подразделение Администрации Президента России; оперативного и качественного исполнения поручений; планирования служебной деятельности; взаимодействия с должностными лицами органов государственной власти Российской Федерации, государственных органов, органов местного самоуправления муниципальных образований и организаций; исполнительской дисциплины; подготовки проектов нормативных правовых актов и служебных документов; оказания

консультационных услуг гражданам; пользования компьютерной техникой и оргтехникой.

Для должностей категории «обеспечивающие специалисты» ведущей и старшей групп установлены следующие квалификационные требования. Профессиональные знания во многом совпадают с требованиями, предъявляемыми к должностям категории «специалисты» высшей, главной и ведущей групп должностей, указанные ранее. Вместе с тем, уже не указаны следующие профессиональные знания: федеральных конституционных законов, международных договоров России; структуры и полномочий органов государственной власти Российской Федерации, государственных органов, органов местного самоуправления муниципальных образований; законодательства о государственной гражданской службе Российской Федерации; служебного распорядка Администрации Президента России. Дополнительно установлено знание основ делопроизводства.

Профессиональные навыки:

а) для лиц, замещающих должности ведущей группы должностей, – в сфере деятельности, позволяющей исполнять должностные обязанности с учетом задач и функций, возложенных на департамент Управления (иного самостоятельного подразделения) Администрации Президента России; оперативного и качественного выполнения поставленных задач; планирования служебной деятельности; сбора и систематизации информации; взаимодействия с должностными лицами органов государственной власти Российской Федерации, государственных органов, органов местного самоуправления муниципальных образований и организаций; исполнительской дисциплины; подготовки служебных документов; пользования компьютерной техникой и оргтехникой;

б) для лиц, замещающих должности старшей группы должностей, – в сфере деятельности, позволяющей исполнять должностные обязанности с учетом задач и функций, возложенных на департамент Управления (иного самостоятельного подразделения) Администрации Президента России; оперативного и качественного выполнения поставленных задач; планирования служебной деятельности; взаимодействия с должностными лицами органов государственной власти Российской Феде-

рации, государственных органов, органов местного самоуправления муниципальных образований и организаций; исполнительской дисциплины; подготовки служебных документов; пользования компьютерной техникой и оргтехникой.

Таким образом, следует признать, что установленные рассмотренным актом Администрации Президента России квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым федеральным государственным гражданским служащим Администрации Президента Российской Федерации для исполнения должностных обязанностей представляются достаточными, позволяющими отдельным должностным лицам и аппарату полномочных Представителей Президента Российской Федерации в целом осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне.

Библиографический список

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215; Рос. газ. – 2016. – 11 янв.

2. О реестре должностей федеральной государственной гражданской службы: указ Президента РФ от 31 декабря 2005 г. № 1574 (в ред. от 10 июля 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 1. – Ст. 118; 2015. – № 28. – Ст. 4216.

3. Распоряжение Администрации Президента Российской Федерации от 18 марта 2007 г. № 291 «Об утверждении квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым федеральным государственным гражданским служащим Администрации Президента Российской Федерации для исполнения должностных обязанностей». Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.state.kremlin.ru> (дата обращения 23.01.2015)

4. Черкасов К.В., Рождествина А.А. К вопросу о поступлении на государственную гражданскую службу в аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе // Административное право. – 2008. – № 2. – С. 68–71.

ЗДЕСЬ «РУССКИЙ ДУХ». ЗДЕСЬ «РУСЬЮ ПАХНЕТ»*

В статье рассмотрена структура рецензируемой книги, ее жанровая направленность, речевые особенности костромских текстов, их характер с точки зрения объемно-прагматического членения. Более подробно говорится о региональной лексике: о воплощении в ней специфических черт диалектной системы; способах представления значений; о типологии по тематическому признаку, по соотношению с литературными единицами, по источнику выявления; о наличии в других, в частности окско-волжско-сурских, говорах.

Ключевые слова: народное слово, костромская речь, тексты, диалектная лексика, диалектные различия, сопоставительный план, композиция, русскость.

В наше время, время социальных потрясений, движения к глобализации, за передел мира, не остается неизменным и язык. Активизация периферийных компонентов национального языка, агрессивное речевое поведение маргинального компонента, арго (языка преступных элементов общества), в связи с социальной обстановкой, значительной криминализацией общества в постсоветскую эпоху, не могли не сказаться на состоянии речевой культуры общества, а в определенной степени и русского языка конца XX – начала XXI вв. Литературный язык испытывает значительный прессинг в связи не только с жаргонизацией и арготизацией речи, но и с неконтролируемым наплывом неоправданных заимствований. И как бы ни подслащивали горькую пилюлю некоторые представители лингвистического, в целом филологического сообщества нашей страны сентенциями типа язык «сам разберется и отринет все ненужное» – факт инокомпонентного (внелитературного) и иноязычного давления на литературный язык отрицать невозможно.

В системе компонентов русского национального языка особое положение занимают территориальные диалекты. При представлении национального языка в виде поля они занимают его центр, или околоядерную зону, – вокруг литературного языка как ядра поля. Русский литературный язык формировался прежде всего на базе русских народных говоров и на протяжении длительного времени питался его единицами, в частности лексическими. Диалектный язык, сохраняя свидетельства истории языка и народа, представляет собой его культурно-историческое наследие.

Несмотря на современное состояние территориальных диалектов, характеризующихся как полудиалекты, или региолекты, они живы. Свидетельством тому является, в частности, книга известного диалектолога профессора КГУ им. Н.А. Некрасова Н.С. Ганцовской «Меткое костромское слово» (2-е изд. – М.:

Книжный Клуб Книговек, 2015. – 176 с.), которая и составляет здесь предмет нашего внимания.

Номинанта *слово* в заглавии книги использована не только в значении лексической единицы, но в обобщенном значении «язык», «речь», то есть обладает синкретизмом как проявлением диффузности.

В книге помещены тексты, разные с точки зрения объемно-прагматического членения: от изречения-предложения до более или менее пространного диалога или диалогизированного монолога, а также разные по жанровой направленности: бытовые, воспоминания (доминируют), фольклорные – афоризмы, прибаутки, присловья, загадки, частушки, песни (хороводные, колыбельные и др.). Все материалы документированы, как и полагается при обследовании говоров, через полную официальную структуру именования и год рождения информанта, через название населенного пункта его проживания, год записи текста и именования собирателя.

Зафиксированные тексты представляют колоритную костромскую речь на всех языковых уровнях – фонетическом, грамматическом, структурно-словообразовательном, лексико-семантическом, лексико-фразеологическом, причем тексты оформлены в орфографической записи, поэтому могут использоваться не только в учебных целях в вузе (в частности, при изучении курса «Русская диалектология»), в школе, не только научным сообществом, но и широким кругом читателей. В этом плане мы можем сопоставить подачу текстов в данной книге с той, что реализована, например, в хрестоматии, составленной арзамасскими диалектологами, – «Речи родимой бескрайняя даль...». Говоры Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья (Арзамас: АГПИ, 2009. 265 с.); в ней тексты даны в транскрипции, что удобно для учебных целей, но затрудняет чтение рядовым читателем, нефилологом. Лексика, употребленная в костромских текстах, отличается необыкновенным богатством,

* Рецензия на книгу: Ганцовская Н.С. Меткое костромское слово. – 2-е изд. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – 176 с.

разнообразием в нескольких планах: по тематическому принципу, по характеру соотношений с литературными единицами, по территориальному признаку (охвачены все административно-территориальные районы Костромской области).

Часть лексики, задействованной в текстах, собрана в «Кратком словаре к текстам» (с. 149–156, около 250 единиц); часть ее поясняется в самом тексте: сразу же за словом в скобках приводится толкование, дефиниция, например: *Сухаря* (рыба) *уже три года не вижу* (с. 12), *На горячей ваде замешиваешь из аржаной муки теребень* (колобок), *заливаешь его квасом* (с. 79), *Ашпариваешь афяную муку с палотицей* (шелухой) (с. 91), *...наложим масла туды, а осенью – смарчков* (шкварок) (с. 94), *роботали на курочке* (вырубке леса) (с. 140) и др.; поясняются, переводятся автором и целые фразы, афоризмы: *Убродно седни* (Снегу намело, не пройти) (с. 97), *Стеклела вчерась за им* (подглядывала за неверным супругом). *Похмычка у него такая за девками бегать* (с. 98), *накормя грош* (очень маленький), *бэз хрену грош доедают* (живут очень бедно), *не скачи кошка на грудь* (возвеличивает себя), *посадить на свой черен* (подчинить своему укладу) (с. 19, 20) и др.

Дается толкование значения слова в тексте и самим информантом через описание соответствующей реалии, например: *Утром с барабанкой на дярвене. Барабанка – такая дашиэчка из тихты, асины или сасны. Привешивают на верёвочки и палочкой стучат. Скатина панимала* (с. 11). *А штёмы или? Мисили тепушку ис толокна. Нальёшь воды ли, молоцька ли и мисишь лошкой, а потом рукам. Она зделаецца крупинкам-говыркам* (с. 132). *И приключилося с ей нешишасье, приключилася болесь такая – волос. Ну, и померла. Ну, рак пононешнему* (с. 139).

При этом так или иначе толкуются в основном диалектные слова с собственно лексическими различиями. Слова же с различиями других типов остаются без объяснений, однако они не затемняют смысл текста, поскольку понятны читателю исходя из контекста или знания родственных единиц языка, из фоновых знаний. См.: *Нонче ничево этова нетутка* (с. 13). *Мои суседи не зазнайчывые* (с. 24). *Я-та шутём – канешна, пайду, я ево не больна любила. Тамашний он был, паговористый такой* (с. 95). *У её уж троё было. Одново на крошках ташишт, двое по краям бежат, за подол держаця. Посуда у мамы деревянная да земляная была. Земляная – это как кринки. Мама в земляной опарнице все творила* (с. 73). *Вот однажды два парнека пошли по бесеткам. <...> А тамоди дефцёнок много было* (с. 130) и мн. др.

Автор включил в книгу некоторые материалы собирателей-диалектологов, этнографов, писателей XIX–XX вв.: извлечения из работ Н.Н. Виноградова, члена Московской диалектологической комиссии,

«О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда», «Народная свадьба в Костромском уезде»; из литературно-этнографического очерка «Бабыя сторона» Д.Н. Жбанкова; из произведений писателя Е.В. Честнякова; личные имена, извлеченные из них; прозвища, собранные в д. Шаблове современниками писателя, учителями и краеведами З.И. Осиповой и А.В. Хробостовым; из произведений краеведа А.В. Громова – из книги «Жгонский язык», из словаря «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже», из «Краткого словаря народного говора Мантуровского района Костромской области», из «Сборника частушек Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области»; кроме того, приведены стихи поэтессы Ольги Коловой, в которых реализованы единицы говора с. Матвеева.

Основу же книги составляют записи современной живой народной речи, по словам автора, – «метких словечек и изречений, небольших рассказиков, быличек, преданий, воспоминаний, былей и небылиц, сказочек и др.» (из вступительного слова в книге, с. 5), сделанные студентами и преподавателями Костромского государственного университета (бывшего педагогического института) и учителями во второй половине XX – первом десятилетии XXI вв.

Книга имеет своеобразную композицию. Материал в ней распределен по разделам в соответствии с территорией бытования систем говоров: «От Буя до Костромы», «Совсем рядом с Костромой», «Вблизи Костромы, слева от Волги», «Пыщуганье», «Междуречье Костромы и Унжи», «По Унже-реке», а также по названиям населенных пунктов: «Семеновское-Лапотное и окрестности (Островской район)», в том числе и внутри разделов: «Сусанино», «Песочня», «Захарово, что за Волгой», «Красноселье», «Макарьев – Мантурово», «На Мёже-реке (Межевской район)». Кроме того, в качестве заглавия одного из разделов – «Кадыйчане, нейчане, антроповцы» – использованы названия жителей районов, населенных пунктов области (своеобразные микроэтнонимы), то же внутри разделов: «Бувеляне», «Судиславцы»; «Нерехтчане»; «Вохмяки», «Павинцы», «Пыщугане», «Поназыревцы», «Галичане», «Парфеньевцы», «Солигаличане», «Чухломичи», «Кологривцы»; есть и совмещенные названия: «Зарецкие: за рекой Костромой Шунга, Саметь и др.»; «По реке Ветлуге: шарьинцы»; «Боговаровцы (Октябрьский район)». При этом почти каждый текст имеет свое название, исходящее из темы повествования, в подавляющем большинстве случаев оно представляет собой по форме глагольное предложение как часть диалектного текста, обычно эффектное, сразу привлекающее к себе внимание. Например: «Радился на хутаре Гарбатки», «Мы одне бабы роботали», «Дурили незнамо как», «Дак чово буди

ошшо сказать?», «Вышла я за вдовча с робятам», «Харашо и с мужем и са свекровью жила», «Бывала ранче фсе квасы хлябали», «Крупеники делали часта», «Бывалинку я вам сецяс скажу», «Не тепериця веть жыли», «А я хоть и стара, а ешшо шустра», «Ой, рас мы с Панёй ушли клевер сгребать», «А у меня звезда-то разны из глаз», «Рассказать, как Святки были, как деушки рядились?», «Пошто ноньце мужиков-от много молодых помираёт?», «Раньше, мила, жили по-единолишному» и мн. др.

В некоторых случаях под одним заглавием собрано несколько текстов: «Моё имё Мари Ваномна, фамилиё Смернова», «Штё мы или», «Крылатые выражения Евдокии Петровны», «Повседневные разговоры», «Обыденное», «Будничные разговоры» и др.

Быт, предметы быта, одежда, обувь, пища и способы ее приготовления, семья, сельский труд, род занятий, ремёсла, будни, праздники, досуг, обряды, суеверия, природа, человеческие отношения, фольклор – этим и другим темам посвящены тексты, в которых задействована диалектная лексика соответствующих тематических групп, проявляющая специфические черты диалектной лексической системы, прежде всего такие, как: конкретность, детализированность, кумулятивность (кумулятивный принцип – это принцип «развития лексического состава каждого языка, когда новое не устраняет старое, а прекрасно «сосуществует» с ним, усложняя эту систему во времени и пространстве» (Т.И. Вендина)), диффузность, образность, экспрессивность, повышенная эмоциональность и др. Последняя черта из названных проявляется, в частности, в обилии деминутивов, в использовании терминов родства в качестве обращения к неродственнику и к незнакомому человеку. Например, в анализируемой книге: *басенькой камешок, на ключик, в колясоцьке* (с. 113), *грамотку, коровку, овечок* (с. 136), *соснечок* (с. 137), *церквушки, ребетёнки, на горушке, внуцька окрешишаю, три годка* (с. 141), *мати-свекровушка* (с. 131) и мн. др.; обращения информантов к собирателям-диалектологам: *желанной* (с. 113), *мила* (с. 69), *доци* (с. 131), *девонька* (с. 136), *матушка моя* (с. 141), *дочька* (с. 87), *ой, милые!* (с. 41), *чудная* (с. 11, 139, 140) и др.

В диалектной лексике, как и во всем строе и содержании народной речи, отражается материальная и духовная культура, традиционность бытия, его ценностные параметры, ментальность сельского населения края как части русского этноса.

Все материалы, помещенные в анализируемой книге, имеют непреходящую историко-этническую, историко-культурную значимость, причем олицетворенную, поскольку вехи истории, культура края и тем самым страны в целом предстают в лицах, через поведение, оценку, стиль жизни, судьбу конкретных людей. Они вскрывают суть русскости как совокупности, системы этнических черт.

Материалы, собранные в книге Н.С. Ганцовской, могут быть использованы, кроме всего прочего, в исследованиях сопоставительного плана, в частности с нижегородскими говорами, текстами, в том числе для выявления параллелизма единиц. Актуально их изучение и лингвогеографическими методами. Так, многие (но, конечно же, не все) единицы, зафиксированные в костромских говорах, есть и в нижегородских, в том числе в окско-волжско-сурских, например: *дерюга, запсотить, беседа* («вечернее собрание молодежи в доме»), *полица, нашто, голик, столбунцы, буркать, вздумать, вица, гребтиться, дровеник, дубец, житница, зыбка, калужина, кока, коли, корчага, кумоха, куть, лопатить, лопоть, лонись, людно, молодуха, молодница, неколи, непраський, обабок, оборки, опарница, откель, отселя, оттоль(я), очесливый, очеп, ошмётки, пестерь, поршни, повесть, полавошник, посиделки, пропой (запой), простой* («пустой»), *разболокаться (оболокаться), рассучивать, рассучить* (тесто), *розженя, рушник, скутать* (печку), *сморчок, столешник, творить* (о тесте), *тока, упечь, утирка, ушат, чепуриться, шишига, ягодиночка* («возлюбленный, -ая») и др., а также многие слова со структурно-словообразовательными различиями.

Тексты в целом понятны, думается, жителям любой территории нашей страны, поскольку имеют значительный общенародный фонд на всех уровнях; тем самым подтверждается наблюдение, мнение М.В. Ломоносова: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в сёлах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало понимает мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа».

Со времен М.В. Ломоносова русские диалекты еще больше сблизилась под влиянием литературного языка в силу значительных социальных преобразований, исторических потрясений. Тем не менее, они живы, нуждаются в дальнейшей фиксации и изучении. В этом плане рассмотренная книга профессора Н.С. Ганцовской «Меткое костромское слово» может служить образцом и вдохновителем собирательской, исследовательской работы.

От народного, регионального слова, имеющего непреходящую ценность, идут многочисленные импульсы – лингвоэтнографические, лингвокультурологические, генетические, исторические и другие, а в целом – импульсы русскости, русской души. Именно в региональной языковой картине мира, на периферии, в глубинке прежде всего проявляется русский дух, «Русью пахнет»: «Читатель уже смеется: “А, знаменитый русский дух!..”» Пожалуй. «Русский дух», как вы его ни хороните или как ни высмеивайте, все-таки существует. Это не

непрерывно гений, стихи, проза, умопомрачительная философия. Нет, это – манера жить, т. е. нечто гораздо простейшее и, пожалуй, мудрейшее» (В.В. Розанов. Уединенное).

Именно об этом со всей очевидностью свидетельствуют материалы, тексты книги Н.С. Ганцовой. Они выполняют этносоциохронотопическую,

кумулятивную, эпистемическую, мемориальную, художественную и иные функции.

Книга, безусловно, имеет и большой воспитательный потенциал: убеждает в силе, выразительности, доброте, красоте русского народного слова, в необходимости чувствовать, знать, ценить, беречь родное слово, отдавать предпочтение именно ему.

SUMMARY

HISTORY AND ARCHEOLOGICAL SCIENCES

Viktor V. Mitrofanov

*State University of the Southern Ural, City of Nizhnevartovsk,
Khanty-Mansi Autonomous District AKA Yugra, Russia
viktor-n1962@mail.ru*

“...I request you to render your possible assistance to us”:

Nikolay Shamonin's letters to Sergey Platonov

Questions of archaeological congresses of Kostroma Region continue to be controversial. There are only a few published studies and they sometimes contain inaccuracies. The lack of sources does not allow evaluating as well Sergey Platonov's significance in organising and holding congresses, particularly in Kostroma. Neither is mentioned Nikolay Shamonin's personal contribution while it was him who headed the organisational committee of scientific archive commission of Kostroma Province on its convocation. The published important historical source – Nikolay Shamonin's letters to Sergey Platonov – concerning the convocation of the congress allows supplementing the available information on the commission's history and its members' relationship, clarifying the congress' preparation stages. They also vividly depict rivalry inside the scientific corporation, especially between the metropolitan highest names, on the principle issues regarding congresses holding.

Keywords: Sergey Platonov, Nikolay Shamonin, scientific archive commission of Kostroma Province, Archaeological congress of Kostroma Region, Kostroma, organisational committee, provincial historiography.

Ol'ga A. Matyuhina

*Bryansk State Technical University
ya.matukhina@yandex.ru*

Valeriy V. Dzyuban

*Academician Petrovsky Bryansk State University
bryanskstudzuban@mail.ru*

Some areas of work with youth on the part of Russian Orthodox clergy in the late 19th—early 20th centuries (in terms of Oryol Province)

Today, there is urgent need to strengthen the educational principles in family, in pedagogy, in society. Modern Russian society is aware that using only educational methods, it is impossible to form a full-fledged, fully developed human of the 21st century. There should be a harmonious personality development, not excluding the spiritual and moral development. The need of inclusion of moral and spiritual component into the educational process was underlined in 1999, when the Ministry of Education of Russia approved the “Program of development of education in the educational system of Russia” for 1999—2001. It began with the words: “Spiritual and moral formation of children and young people, preparing them for an independent life is the most important component of the development of society and the state”. Russian traditions have been named one of the foundations of

the update of content and structure of education. This leads again and again to the historical experience. Use of Russian traditional spiritual and cultural values is not accidental. For centuries, the Russian Orthodox Church has been participating in nation-building through the formation of spiritual and moral traditions of the Russian society. Having developed centuries-old traditions and having been polished by them itself, it is a part of mentality of the Russian people, part of its culture. The Russian Orthodox tradition, being the moral support of the people, has formed a unique and rich culture, has contributed to the consolidation of society. Russian Orthodox clergy has extensive experience in education of the Russian society. The priority for the Russian Orthodox Church has always been to work with the younger generation, children and youngsters. Using this experience seems topical. It is also important to study the regional aspect, this makes it possible to involve a large layer of poorly studied archival material.

Keywords: Russian Orthodox clergy, Oryol Province, parochial schools, “boy soldiers” movement, temperance societies.

Yevgeniy S. Roslyakov

*Dostoyevsky Omsk State University
e.roslyakov@yandex.ru*

The key aspects of perception of metropolitan Antony (Khrapovitsky) by the representatives of Russian religious intellectuals in the early 20th century

The article investigates the peculiarities of perception of metropolitan Antony (Khrapovitsky) by representatives of Russian religious intellectuals in the early 20th century in the period of sharp activation of ecclesiastical and political debate in the Russian society. The key religious, social and political factors which influence the image of metropolitan Antony have been analysed. The revolution of 1905—1907 contributed to a broad public debate on religious issues. In the beginning of the 20th century, the representatives of the Russian intellectuals who turned to religion criticised the official Church. They disputed the Church's monopoly in religious activity. Their attitude to metropolitan Antony (Khrapovitsky), who was a representative of the conservative branch of the Russian Church and opposed the liberal reforms both in ecclesiastical and social spheres, demonstrates the clash of two points of view on society and Church development. The attitude to metropolitan Antony (Khrapovitsky) was formed at the intersection of both church and political positions. The main issues discussed were: the role of the Church in social life, the attitude to the power, the relationship both between the Church and the state and between secular and spiritual cultures. In the works of the intellectuals, metropolitan Antony (Khrapovitsky) was represented as one of the symbols of political reaction and the personification of the synodal system.

Keywords: metropolitan Antony (Khrapovitsky), Russian Orthodox Church, intellectuals, Nikolai Berdyaev, Sergei Bulgakov, Anton Kartashev, Dmitry Merezhkovsky, historiography.

Dmitriy A. Volkov
Nekrasov Kostroma State University
nmargolina@mail.ru

Kostroma police in the Tsarist Russia from police creation to 1917 (a brief sketch)

The problems of formation and development of Kostroma police in Tsarist time, until 1917, have been examined in the article on the basis of a wide range of sources and research literature. It has been shown that the main duty of the police consisted in administering and strict observance of the laws as well as in service and executing government's orders, in taking measures to stop emerging unrest. In addition to this primary responsibility, the police engaged as well as in mass routine, mundane affairs: from monitoring the timely cleaning roads and streets clear of snow in winter time to solution of homicidal offences of criminal and domestic nature.

Keywords: Kostroma police, city police chief, district police officer, police city department, police staff activities.

Andrey M. Belov
Nekrasov Kostroma State University
istclass@ksu.edu.ru

Ivan N. Suloyev
Kostroma State Museum-Reserve of History, Architecture and Art
iwidoroga@mail.ru

Rural gathering under conditions of the Russian Revolution of 1905 (based on Kostroma and Yaroslavl provinces' material)

New public institutions appeared in Russia in the period of the Revolution of 1905: on August 6, 1905, the State Duma was established, a lot of social and political organisations formed. The changes affected as well obdurate countryside, which fell into the vortex of revolutionary events. In Russian historiography, the role of rural gathering in the period of 1905—1907 revolutionary upheavals has not been studied comprehensively. The objective consideration of the transformation of rural gathering in the Upper Povolzhye the period of the Russian Revolution of 1905 is raised in this article. The study is based on different groups of sources: both published and unpublished. In the early 20th century, rural gathering, where the village headman and other incumbents were elected, was self-governing body in the countryside. Rural gathering was a traditional mechanism for addressing social and economic problems in rural society. Under conditions of the Revolution, in 1905—1907, rural gathering in the Upper Povolzhye was drawn into the social and political life of Russia, taking over the functions of the interaction of peasant society and the government. Therefore, political parties and organisations, which, by means of rural gathering, tried to influence the power sought to be wedged into this liaison. On its part, the government was aware of this and tried to prevent the convening of the gatherings.

Keywords: rural gathering, meetings, peasants, revolution, political parties, State Duma.

Yekaterina D. Makeyeva
Povolzhye State Socio-Humanitarian Academy, City of Samara
makeyeva.ed@mail.ru

The formation of the system of public administration and environment protection in Russia from 1917 to the 1920s

In the face of constant environmental degradation in the world, the problem of relations between society and nature becomes more and more urgent; therefore, the study of the origins of this problem, as well as of the history of the development of environmental policy, of the role of state and political institutions in addressing environmental problems are of great importance. The study of the historical experience of the organisation of work of state structures in the sphere of protection of nature allows drawing some lessons and identifying possible ways to further improve environmental practices of the modern Russian state. In this article, it is spoken about the history of formation of system of social and natural interaction in Russia from 1917 to 1920s, the legal base of which consisted in the Bolshevik Initial Decrees, with the state organisations, which were engaged in conservation in Russia, being somewhat in charge of administrative base. The author of the article considers the content of nature protection activity of those years in a number of the directions: forest protection, environment protection against industrial pollution, fight against poaching, ecological enlightenment, and also analyses the reasons of suspension of environmental protection governmental administration nation-wide system development and ecological situation deterioration by the beginning of the 1930s. There are archival documents, unpublished yet, analysis in the article, that determines considerable scientific novelty of the research.

Keywords: conservation, nature protection activity, society and nature, nature protection legislation, state administration.

Maksim V. Yermushin
Kostroma State Agricultural Academy
ermushin@yandex.ru

Gennadiy V. Belyayev
Kostroma State Agricultural Academy
belyaevarmy2014@yandex.ru

Soviet policy on foreign engineers' emoluments in the 1920s

For a long time, foreign experts have been in demand on the Russian labour market. In 1920s, during the period of restoration and development of industry in the USSR, an urgent need for qualified personnel, including from abroad, arised. The article describes the first experience of Soviet power in the employment of skilled foreign specialists in industrial enterprises during the so-called 'New economic policy'. The authors define a revolutionary romanticism and the global economic crisis as the reasons for engineers and technicians to leave their countries for Soviet Russia to work there. They monitor the number of foreign engineers.

They specify options available for foreign employees: high wages, comfortable accommodation, exoneration from work after hours, independence from the Communist Party leadership of the plant. All those factors, as a result, often served as a pretext to the emergence of industrial and domestic conflicts between foreign and Soviet engineers.

Keywords: engineer staff, specialist, emoluments, labour conditions.

Sergey A. Piskunov
Moscow Pedagogic State University
grew5@mail.ru

The practice of the intraregional migration in the RSFSR from the second half of 1940s till 1980

The central element of ensuring the agrarian sector of the RSFSR –the intra-oblast resettlement, widely used in the 50s—80s of the 20th century, is characterised in the article. It should be noted that in the context of urbanisation and demographic transition, the reduction of the number of rural residents, including the centuries-old heavily populated areas of the RSFSR, occurred. This fact, in turn, led to a revision of the concept of centralised attraction of labour resources to the agricultural sector of some considerably poorly developed regions. In this situation, without renouncing the practice of resettlement as a whole, the authorities expanded the social base of the resettlement by attracting urban residents to the countryside by its initiatives. The most important legal documents that define the essence of the problem of intraregional migration were analysed in the article, basing on the archival sources. The specifics of the formation of its flows and the share of total agricultural regulated migration in the period were revealed. In addition, an attempt to trace the dependence of the adaptation of families of settlers to the type of relocation was made. Finally the conclusion about the raising of the profile and the importance of the post-World War II intraregional migration practice of the planned involvement in the migration of the RSFSR citizens to the countryside was made.

Keywords: state, government policy, relocation, intraregional relocation, benefits, migration.

Dmitriy I. Nikitin
Chelyabinsk State University
dm.nikitin90@gmail.com

“There is the pipe for you, Adenauer”: history of the preterm launch of the tube-rolling mill “1020” in Chelyabinsk

Within the economic sanctions against Russia introduced in 2014, studying the Soviet experience of overcoming the similar foreign-policy hardships is growing more and more topical. The article views the analysis of the process of the import substitution of headers (big-diameter pipes) the export of which from the FRG to the USSR was prohibited by the Chancellor Konrad Adenauer in 1962. Due to consolidation of scientists’ and engineers’ efforts from all over the USSR, and also thanks to the selfless work of metallurgists and builders, it became possible to launch the independent pro-

duction in Chelyabinsk. The emphasis should be put on the strategic planning in the Soviet command economics: by the time of rescission of foreign trade contracts, building of the tube-rolling mill had been already in full play. As a result, the most important national economic constructions of the seven-year plan were provided with the pipes: “Bukhara-Ural” gas pipeline and “Druzhba” oil pipeline. Since 1964, the Ural’s industrial plants switched to natural gas; in 1965, oil export to Poland, Bulgaria, Hungary, Czechoslovakia, and the GDR began. The introduced sanctions didn’t do any significant harm to the USSR’s economics because the country managed to go through the technological weakness and decrease independence from the Western partners thanks to inner resources.

Keywords: import substitution, economic sanctions, ferrous metallurgy, Soviet-German relationships, Chelyabinsk Region, Ural.

Aleksandr A. Berezin
Sholokhov Moscow State University for the Humanities
berezin-79@yandex.ru

Expedition of special purpose underwater works in service to humanitarian sciences of the USSR

The present work deals with the foundation and development of underwater archaeology in Russia. The article includes a review of historiography of the researches’ issue, establishment of the discipline’s methodology and practical execution of the first underwater archaeological expeditions. The time frame of the issue are limited to the first half of the 20th century, exactly this period is identified with the practical transition from fixing the occasional underwater archaeological sites to planned search of them, carrying out of intake and restoration operations. Expeditionary activity, which was organised in the early years of the Soviet power, with the participation of scientists and professional sailors-divers, revealed to the world an unprecedented example of a comprehensive solution of issues that relate to the study of the world’s oceans. The author uses popular language to emphasise the need to take a more balanced approach to saving the underwater cultural heritage in Russia, need to engage only highly qualified specialists in intake and increasing liability for unlawful attack on underwater archaeological landmarks.

Keywords: underwater archaeology methodology, expedition activities, historiography of research into underwater cultural heritage landmarks.

Aleksandra A. Mikulyonok
The Kuban State University, City of Krasnodar
klio-alex@yandex.ru

The problem getting a higher education by the Russian emigrants in Poland in 1920—1930s

The article is dedicated to such an aspect of life of the Russian emigrants as getting a higher education in the Inter-War Period. The author bases her scientific research on the archival records housed in the State Archive of the Russian Federation, as well as the emigrants’ periodicals published in Poland in 1917—1939.

The article also pays attentions to the features of the emigrant students in the limitrophe states. Apart from that, the author analyses the specifics of getting a higher education by the emigrant students and their life in Poland; she looks into the special aspects of getting a higher education in various countries and comes to the conclusion that the emigrant students in the limitrophe states had the features that let them stand out among emigrant students living in foreign countries. It was due to both the special place of the emigrants in limitrophe states and the chauvinist policy implemented by the local governments in general. The article reflects the difficulties the refugees faced and the local governments' attitude towards the issue. The author comes to the conclusion that the local governments implemented a double policy relating to the emigrant studentship: on the one hand, the laws were issued to better their lot and to ease the procedure of getting a higher education; on the other hand, the policy was implemented to deprive the national minorities, which affected all aspects of their lives.

Keywords: Poland, Russian emigration, higher education, emigrant students.

Yevgeniya A. Kochukova

*Mikloukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, City of Moscow
ri-jek@yandex.ru*

Features of ethnic classification of peoples in the PRC (based on Fei Xiaotong's works)

The article discusses the ethnic classification project (minzu shibe) that was launched in China during the 1950s. The Chinese government guaranteed at least one seat to each national minority at the first session of the National People's Congress which was held in 1954. According to the 1953 Census, there were over 400 ethnonyms in China. The government came to face the possibility of a congress overcrowded with representatives of small ethnic communities. Therefore, a decision was made to implement the ethnic classification project, to amalgamate some of national minorities, thus forming certain groups and assigning official names to them, which would lead to the emergence of the roster of officially recognised nationalities (minzu). Initially, Joseph Stalin's definition of nation served as a paradigm for that. However, it was obvious that Stalin's definition would not correspond to the Chinese reality and was to be modified. Ethnologist Fei Xiaotong was one of the project's participants, whose works are very important for understanding of the Project's basic principles and ideas.

Keywords: PRC, Chinese ethnic classification project, small ethnic communities, Joseph Stalin's definition of nation, Fei Xiaotong.

SCIENCE OF LITERATURE

El'zara R. Tulup

*The Crimean Engineering-Pedagogic University,
City of Simferopol
telzara@yandex.ru*

Heroic batalism of John Barbour (on the material of Scottish poetry of the 13th—15th centuries)

The paper presents a fundamental analysis of heroic batalism in John Barbour's (c. 1315-1395) poetry, primarily his major piece, "The Bruce". Its battle episodes, their structure and imagery are treated from the viewpoints of classical rhetoric tradition VS Celto-Germanic pagan traditions. The present paper researches the problem of heroic motifs embodiment in the epoch of the High Middle Ages (14th century), unlike the Early Middle Ages, and in a military-heroic poetry. The worldview interpretation of military-heroic theme is quite new.

Keywords: John Barbour, "The Bruce", Scotland, poem, heroic batalism, heroic motif, classic tradition, Celto-Germanic tradition, structure, imagery.

Margarita V. Dubinskaya

*Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
geolea@bk.ru*

Three steps of Alain-Fournier to the spiritual realism in the three variants of the title of the novel "Le Grand Meaulnes"

This article continues the cycle of works and studies the poetics of the polyphonic novel in the creations of French modernists. For the first time, the poetics of three variants of the title of Alain-Fournier's novel is connected with three stages of the formation of his personal poetics. This poetics of the polyphonic novel goes more and more away from the romanticism. In the process of the creation, Alain-Fournier's approaches step by step to the his own unique method, named by himself the spiritual realism, or the reflection of the spiritual reality. The article bases the supposition that the change of titles of "Le Grand Meaulnes" as well as of their character corresponds to the stages of the creative development of the writer and to the stages of the formation of his own author's method. The article demonstrates the interior proximity of the spiritual realism of Alain-Fournier to the author's method of Fyodor Dostoyevsky. It proves that the independent and original method of Alain-Fournier is formed with the influence of the method of Fyodor Dostoyevsky.

Keywords: Alain-Fournier, "Le Grand Meaulnes" realism in high sense, highest romanticism, spiritual realism, author's creative method, religious and ethical motivation, fascination principle, realism principle, mysteriousness principle.

Natal'ya S. Naydyonova

*Russian University of the People's Friendship, City of Moscow
nns1306@mail.ru*

**Narrative space in African novels written
in French and Spanish:
linguistic and stylistic aspect**

Contemporary postcolonial literatures in the European languages are characterised by fragmented and kaleidoscopic narrative spaces, which is explained by personal experience of the writers, whose literary production is created at the interstice of languages, mentalities and imaginary spaces. The clash of the two cultures – African and European – occurs in the “buffer zones” called non-place by Marc Augé. The underground often constitutes such a non-place in the novels by African writers. A vivid example is offered by the eponymous novel by Donato Ndongo-Bidyogo, which opens and closes in the metro of Madrid. An airport in African novels is a “space of flows” (Manuel Castells) constituted on the basis of its relationship with other places. It is a point of crossing of human and information flows conveying special meaning and functionality (“Ces âmes chagrines” by Léonora Milano and “L'Impasse” by Daniel Biyaoula). The analysis reveals the otherness of the chronotope of African novels in French and Spanish and confirms the advisability of projection of postmodern categories on the postcolonial discourse.

Keywords: African literature, French language, Spanish language, chronotope, narrative space, non-place, space of flows.

Anastasiya S. Basenko

*Ivanovo State University
anastasiabasenko@mail.ru*

**The genre of dramatic true stories written
by Nikolai Polevoy**

The article deals with the originality of dramatic true stories, written by Nikolai Polevoy. In spite of the considerable interest in literary and theatrical criticism of the first half of the 19th century and the presence of numerous critical reviews, his dramatic works remain largely unexplored. Trying to solve the problem of poverty of the national repertoire of the Russian drama theatre and focusing on the needs of audience, Nikolai Polevoy gives special importance for representation of historical events on the stage. Along with “dramas” and “dramatic performances”, the author often calls his works “true stories”. These are “historical”, “Russian” and “folk” true stories: “Grandfather of the Russian Navy” (1838), “Igolkin, the Merchant of Novgorod” (1838), “Parasha, the Siberian Wife” (1840), “Kostroma Woods” (1841), “The Russian Seaman” (1844). There, Nikolai Polevoy artistically uses different events of the Russian past and seeks not only to evaluate what happened, but also to reveal the “Nation’s spirit” by showing the characters’ everyday life to the contemporary audience. The genre of Nikolai Polevoy’s true stories can be defined as epic-dramatic. The genre category of the play “A Russian

Does Repay Kindness” (1839) is defined as a “dramatic true story”. This nomination distinguishes the play from other Nikolai Polevoy’s true stories. There, the playwright does not refer to the events of the Russian history, he rather creates his own history and applies to the genre model of “true stories”.

Keywords: Nikolai Polevoy, history of Russian drama, Russian drama theatre, true story genre, character, plot, repertoire, audience.

Vasily V. Ivanov

*Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
geolea@bk.ru*

**The poetics of the poem
by Alexander Pushkin “The Prophet”:
on the power-structural theory of the genres**

The article continues the large cycle of works about the poetics of the polyphonic novel, on the material of the novels of Fyodor Dostoyevsky, and later – on the material of the poetry of Alexander Pushkin. The poetics of the poem “The Prophet” by Alexander Pushkin is for the first time analysed in the aspect of the power-structural theory of the genres, working out by the author. This theory permits to work out the new approach to traditional genre definition of “The Prophet” like “the lyric ode”. The result is the exposure in the poem “The Prophet” of essential signs of the epic work: the presence of the plot, the description of the action, but not of the senses, the epic form of the narration and the delineation of the person. The article indicates the principle of the triple-based polyphony of the poetic in the poetry of Alexander Pushkin in terms of “The Prophet”. The author of the article introduces the term of the power-structural theory of the genres and of the power-structural kernel of the genre. That permits to suppose the connection between the power-structural kernel of the little epic genre and the composition of the genre of the polyphonic novel, and also of the genre of the epic poem.

Keywords: triple-based polyphony principle, epic ode, voice-position, character’s actions “octave”, polyphonic novel power-structure kernel.

Yuriy V. Lebedev

*Nekrasov Kostroma State University
y-v-lebedev@ya.ru*

**The comedy “Money to Burn”
by Alexander Ostrovsky
in the 1880s—90s literary process**

Different types of merchants, depicted in the conservative Russian fiction of the last third of the 19th century, are considered and analysed in the article. The author of the work refers to reasons of artistic incompleteness of the hero of the comedy “Money to Burn” by Alexander Ostrovsky (1870), shows that in Savva Gennadyevich Vasilkov’s image, Alexander Ostrovsky creates a universal type of contemporary bourgeois entrepreneur, having combined the very contradictory and seemingly virtually incompatible features in his

character. Depicting Vasilkov's character, Alexander Ostrovsky face the aesthetic difficulty, which invariably arises when referring to the artistic development of the current, transient effect, which has not yet received completed forms. Features of collective type on the set of characters that have been deprived of artistic universalism, subservient to Alexander Ostrovsky as the Russian national dramatist, were scattered in the works by the 1880s—1890s Russian lesser-rank writers (Pyotr Boborykin, Boleslav Markevich, Vasily Avsenko).

Keywords: Alexander Ostrovsky, Russian bourgeois pattern in making, artistic type and character, blur and formlessness of Russian bourgeois image.

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
nkoptelova@yandex.ru

**“Masculinity Vs Femininity” antithesis
in 1890–1910 literary criticism and journalism
by Dmitry Merezhkovsky**

It is proved in the article that what was one of the most significant and sustained opposition, used by Dmitry Merezhkovsky in literary criticism and journalism in 1890—1910, was the “masculinity Vs femininity” antithesis, filled with author's individually content. This antithesis is seen as well in the work of a universal culture of Fin de siècle on the whole, which has an extensive genealogy. The paper shows that the deification of the “feminine” begins enhanced with the passage of time and the category of “masculinity” goes to the periphery. It is emphasised that it fits into the literary and philosophical context of Fin de siècle on the whole, characterised by intense attention to the “feminine” top. Traced as in the article “Pushkin” with the “masculinity Vs femininity” antithesis, Dmitry Merezhkovsky reveals artistic polarity of Ivan Turgenev and Alexander Pushkin. The proximity of critical positions and assessments of Dmitry Merezhkovsky and Vasily Rozanov, who both believed that it was Ivan Turgenev who expressed his “feminine” as the Russian consciousness revealed in the literature. It turns out that Ivan Turgenev's prose is estimated by Dmitry Merezhkovsky as a source of new insights of the 20th century's sophias, which inherited and developed Vladimir Solovyov's spiritual tradition (“L. Tolstoy and Dostoyevsky”, “Turgenev”). Particular attention is given to the essay “The Eternal Femininity Poet” by Dmitry Merezhkovsky, in which a certain outcome concerning “masculinity Vs femininity” development lines in the 19th century Russian literature is brought by him. Controversy of Dmitry Merezhkovsky with Vasily Rozanov (Nightingales over the Blood) and Nikolai Berdyaev (“Eternal Feminine Poet”), which was brought to life by a different interpretation of these authors with respect to antithesis of “masculinity – femininity”, is characterised.

Keywords: Dmitry Merezhkovsky, Ivan Turgenev, antithesis, masculinity, femininity, Russian literature, literary criticism, journalism.

Yelena Yu. Kulikova
Institute of Philology of the Siberian Division of the Russian
Academy of Sciences, City of Novosibirsk
kulis@mail.ru

**On Nikolay Gumilyov's “mysterious ancestral home”
 (“Stockholm”, “Sweden”,
“The Tram That Lost Its Way”)**

The article deals with Nikolay Gumilyov's “Swedish” poems – “Stockholm”, “Sweden” etc, – their relationship with “The Tram That Lost Its Way”, Nikolay Gumilyov's attraction to the Scandinavian culture, which, according to the poet, has historically influenced Russia since the times of Rurik, is mentioned. Russian mentality is seen by Nikolay Gumilyov through the perception of Swedish origins. The rapprochement between the two countries has become an important feature of the poet's philosophy of history. The paper emphasises that the history line is of great importance in Nikolay Gumilyov's opinion as well concerning the fact, that he was looking for his own world – the world of the poet among the many spaces and times. The author pays special attention to the motif of wandering through space and time – one of the most frequent in terms of Nikolay Gumilyov's creative work. Texts in which the motive is revealed, are analysed. The story of the “stray” hero in Nikolay Gumilyov's works shows the legend of the disappearance of its subtext, bears fatal meanings, which are fraught with tragic finale. A number of poems in which the reflexive meaning sound, reveals complex historiosophical views of Nikolay Gumilyov, who experiences the world as striping and overlap between the temporal and spatial layers, and “Scandinavian space” in the lyric poet is seen part of a complex multi-level world.

Keywords: Nikolay Gumilyov, acmeism, philosophy of history, reminiscence, reflexivity, temporal and spatial characteristics.

Natal'ya V. Dzutseva
Ivanovo State University
starova@bk.ru

Nguyen Thi Thuong
Ivanovo State University
tuyetdautien22724@gmail.com

**The role of name semantics in the short story
“Natalie” by Ivan Bunin**

Ivan Bunin's features stylistic mannerisms in choosing a proper name for the heroine in the series of stories included in his series “Dark Avenues” are in the article. The short story “Natalie” brings to mind the idea of Pavel Florensky that the name expresses a special spiritual personality that determines its existence. Ivan Bunin traced artistic intuition in choosing a proper name for the heroine of the short story that gives reader the idea of original artistic philosophy of the writer. For example, the heroine of the story contemplates the connection between the name and the fate which shows how her own name affects and determines the life of the heroine and the story. The main idea of the article is backed up by using the theory of the onomastics, which was developed in the

works of Aleksandr Pen'kovsky. It is assumed that the writer did not accidentally gave his heroine the name Natalie and headlined the story with that name. Allegedly, a deep understanding of the sacred nature of a proper name, which defines the essence of the person and its destiny that expresses artistic concept of Ivan Bunin's story. It is shown that the French form of name "Natalie", instead of the baptismal name "Natalia", defines complicated paths of life of the heroine, the reader is gradually adjusted to the tragic end. Based on the thought of Aleksandr Pen'kovsky about onomastic semantics, it is concluded that arbitrarily changed name has fatal consequences and imposes its authority over its bearer. It is expected that the change in name of the Christian Orthodox is a rejection of the saint of the same name, according to the church calendar; in connection with which, life of such a person comes to the hard way.

Keywords: Ivan Bunin, "Dark Avenues", name philosophy, proper name, name semantics, mastery of writer, fate of person, renaming, personality, artistic intuition, tragic end, life path.

Aleksandr V. Safronov
Yessenin Ryazan State University
a.safronov@rsu.edu.ru

**Free man from the "Cancer Ward"
(image Maxim Chaly in the novel
by Aleksandr Solzhenitsyn)**

"Cancer ward" is one of the most important works of Aleksandr Solzhenitsyn in Ryazan period of his creative work. The author puts in it the eternal problem of the meaning of life ("what man shall live by?"), love and death, the morality of the existing system and reveals the sources of material and spiritual scarcity of the post-Stalin society, reveals whether it is possible to cure cancer and at what price it is extracted. The theme of the victory of life and love over death in Aleksandr Solzhenitsyn, basing on the philosophical views of Leo Tolstoy, considers in "Dostoyevsky's" manner, giving the floor to absolutely different characters, without standing as a moral rigorist. Aleksandr Solzhenitsyn, like in other works of art of Ryazan period, devoted to the problem of morality of the existing state system, does not resort to direct moralising, the reality is drawn in two plans: a realistic one and a symbolic, while the characters confront reality. One of the symbolic balances to worldly scarcity, austerity and hopelessness of the the Soviet system is as well the image of Maxim Chaly. It carries the tradition of the picaresque novel, acts as a counterbalance to Soviet society, for not living "the ideology and the common good", and at the same time, his greater intimacy with Pavel Rusanov – the evidence of lack of spirituality; shrewdness and cynicism.

Keywords: Aleksandr Solzhenitsyn, Maxim Chaly, Ryazan period of Solzhenitsyn's creative work, "liminal situation", picaresque novel tradition, love as overcoming death, Soviet societias, symbolism.

Vera A. Sokolova
Maxim Gorky Literature Institute, City of Moscow
sokolova-vera@yandex.ru

**The Later Poetry of Irina Knorring
(Using as an example the poem**

"It is dark. No street lamp shine a light...")

This article is dedicated to the character traits particular to the later period of poetry by Irina Knorring (1906—1943). She was a representative of the younger generation of the first wave of Russian emigration. This period is characterised by returning to the civil motifs of her earliest works, while civil motifs were non-typical for the most parts of her poetry. This article considers the characterisation of Irina Knorring's individual lexicon as used in poetic text. What is for analysis, is one of her last poems: "It is dark. No street lamp shine a light...", a typical example of exiting the range of personal. This poem shows features that make this poetess similar to poets of "Paris Note", such as her use of intimacy, consciousness and personal diary style. This analysis shows that she is not limited by her own personal themes. It was mostly concerned with returning of the civil motifs of her early works against the background of World War II and influenced by the increased recurrent episodes of the diabetes that finally caused her death. This poem reflects themes of war and death, the dominant feeling of a more universal existential loneliness which grew over time in Irina Knorring's works. This quality doesn't characterise her earlier poetry in general, but evolves through the later period of her life. This is an example of her evolving humanistic values as well. This article expands sight on Irina Knorring's poetry and proves that she was not only poetess of intimacy, consciousness and personal diary style.

Keywords: Russian émigrés, Irina Knorring, "Paris Note", war, death, later creative work.

Tat'yana N. Khriputlova
Tver State University
khriputlovataat@rambler.ru

**"Dossier of a candidate who failed
to receive State Prize of the USSR in 1987".
Nikolay Tryapkin's archive in Russian State
Archive of Literature and Art**

The article is devoted to the study of archival sources of Russian State Archive of Literature and Art, which are connected with the life and work of Nikolay Tryapkin. Among the materials, there are letters, manuscripts of poems, reviews and comments on the poetry collections of the poet. Fund index of archival documents of Nikolay Tryapkin is presented. Nikolay Tryapkin's fate put its stamp on the fate of his archives as well: the poet would not collect files and would not value them. Unless there were no practical need (for publication or reprint of poems), he would hardly ever keep anything. But then, there was nowhere to keep: homelessness and despondency haunted the poet throughout his life. Nevertheless, some manuscripts were not thrown away, and the archive was collected on its own bat. At present, the study of

creative work of Nikolay Tryapkin is a challenge in terms of textual criticism, the publication of works, that cannot be solved without the involvement of the poet's handwriting heritage. Basing on the study of the surviving sources of information and text sources, one can almost completely restore the creative path of Nikolay Tryapkin. The stored documents are devoted to different periods of Nikolay Tryapkin's life, they are often the only source that allows reproducing the atmosphere, in which the poet worked.

Keywords: Nikolay Tryapkin, archive, poetry, manuscript, letter, review, response.

Anastasiya A. Alekseyeva
Nekrasov Kostroma State University
kisika7@yandex.ru

**Revisiting of peculiarities of poetics lyrical cyclus
“Commemoration Book”
by Aleksandr Shiryayevets**

The peculiarities of poetics lyrical cyclus from “Commemoration Book” by Aleksandr Shiryayevets are concerned in the article. The essence of the creative conception of the author is disclosed: to collect several poems in one over-genre unit. What is proved in the work, is that “Commemoration Book” is a cyclic formation collected by the author from the poems of different periods, however, revealing ideological and motive community. It is indicated in the article that artistic entirety is also supported by cyclus structure: single name, epigraph and foreword. Historical and autobiographical fundamentals of lyrical cycle “Commemoration Book” are pointed out in the research which provide the sense entirety of the literature work. The factors and principles of cycle-formation are characterised in the article used by the author: frequent and varied motifs which determine artistic system of “Commemoration Book” (burden of “leaving”, Russian nature images) as well as specific lexical and syntactical means. The author pays great attention to the antithesis as a main artistic method on which the lyrical narration is based (contradistinction of rural and urban worlds, of the present and the past). It is underlined that autopsychological nature of lyrical carking in the cycle is combined with scale effect of artistic generalisations, due to which, the author managed to convey the Russian peasant's tragedy of the beginning of the 20th century. There is a conclusion in the article that the cycle “Commemoration Book” by Aleksandr Shiryayevets fits organically for the context of spiritual and artistic selections of the new peasant's poetry in general.

Keywords: Aleksandr Shiryayevets, “Commemoration Book”, cycle, cycle-formation, cycle-formation factors.

SCIENCE OF LANGUAGE

Aleksey A. Burykin
Linguistic investigations institute of the Russian Academy of
Sciences, City of Saint-Petersburg
albury@rambler.ru

**Was Architect Kuz'mishche of Kiev the author
“The Tale of Igor's Campaign”?**

The article presents one of hypotheses about the author of “The Tale of Igor's Campaign”, based on a series of assumptions, which were earlier stated and nowadays proved by the author of the present article. This assumption, according to which “The Tale of Igor's Campaign” was written by the translator of the three stories included in Aleksei Musin-Pushkin's manuscript in which “The Tale” was discovered; furthermore, the substantiation of similarities of language of the specified masterpieces and their differences from the language of other stories and annalistic articles of the second half of the 12th century, and basing on the similarity of lexicon of these stories to the language of the so-called “The Tale of the Murder of Andrei Bogolyubsky”, the hypothesis according to which, the translator of “The Legend on the Indian Kingdom”, “The Tale about Akir the Wisest” and “Deugenius' Deed” and the author of “The Tale of Igor's Campaign” could be the same person – the Kievan architect or goldsmith named Kuz'mishche; who is assumed with the greatest probability as the author of “The Tale of the Murder of Andrei Bogolyubsky”. The author of the article marks for these masterpieces a lot of common words and other linguistic features as well, along with a plenty of thematic and aesthetic elements which could be peculiar to the architect well familiar with art and history of Kiev.

Keywords: Old Rus' literature, translation, translating stories of Kievan Rus', “The Tale of Igor's Campaign”, Aleksei Musin-Pushkin's compilation, “The Tale of the Murder of Andrei Bogolyubsky”, worldview, annals, miniatures, aesthetics.

Aleksandr V. Blohin
State Humanitarian-Technological University, City of Moscow
avb6767@mail.ru

**Productive derivational model of suffixal nouns
with abstract and collective meanings
in business content birch bark manuscripts
of Veliky Novgorod of 12th—14th centuries**

The article discusses the issue of productive suffixal word-formation of nouns with abstract and collective values in business birch manuscripts of Veliky Novgorod of the 12th—14th centuries. Abstract and collective values in some derivative are combined, so individual nouns are of the abstract and collecting semantics. Some of the nouns with the abstract and a collective value, sustaining influence from the words with concrete semantics of the subject can acquire the

grammatical and lexical features of a specific-subject words. This is only observed in words built on a single formal-structural word-formation models, the main feature of which is the commonality of word-formation meanings, and derivational values may not be the same. The formation brings together different lexical and semantic level of nouns, thus it is sometimes difficult to establish a precise boundary between abstract and concrete value, between abstract and collective, between the collective and specific. Abstract and collective values, combined on the basis of the principle of contradiction is concrete-subject and personal values, take the certificates in a stable position due to the nature of communicative orientation in the language of business. Abstract and collective values are often mixed into a derived, more approaching each other and thereby moving away from concrete. The development of abstract and collective values could go both ways basifixed word derivation, and on the way suffixal (sometimes prefixal-suffixal) method of word formation, bizoffice non-derivative lexemes gradually becoming obsolete, giving way to the affixal formations. Among the words with an abstract and collective values, there are very ancient, arising, apparently, in common Slavic (or proto-Slavic) period (there are few of them), and also in fact derived old Russian, which actively enriched the vocabulary of the after penetrating of bookish patterns and trends of word derivation.

Keywords: nouns, productive suffixal word-formation, XII–XIV centuries Veliky Novgorod official business birch bark manuscripts, abstract and collective meanings, derivational type.

Nina S. Gantsovskaya
Nekrasov Kostroma State University
gantsovsky_n@mail.ru

**Dialect texts as depository
of vocabulary treasure house
(on the material of Kostroma
patois reading books)**

Nowadays, it is reasonable to study the vocabulary of Russian patois in the concrete conditions of its functioning. It is carried out using extensive contexts where the vocabulary along with phonetic and grammatical means can demonstrate its structural, semantic and areal qualities in the most appropriate way. This study is to promote the more precise eliciting the vocabulary composition and its main immanent traits in the cultural space of the national language and other extra-literary formations. It will give the material to compare with patois of the nearest and farther territories in order to determine their common and distinguishing features, to reveal positive and negative isoglosses, to study local features of the literary form of Russian language. What is the important and insufficiently used source of studying the vocabulary treasure house of patois, are reader books. The texts reflecting Kostroma patois are included in university textbooks on “Russian Dialectology” subject. The collection of

Kostroma patois texts is included in the sources created on Kostroma land in the period of the late 20th—early 21st centuries. These are textbooks, dictionaries, books of different genres, specialised literary miscellanies reflecting the traits of Kostroma patois on all the territory of their spreading within administrative boundaries of Kostroma Region.

Keywords: Kostroma patois, Kostroma Region patois, reading book, Kostroma patois lexis value, literary miscellany.

Yuliya A. Vasil'yeva
Astrakhan State University
gis_00@mail.ru

**Interpretation of ethnic and cultural components
in urban semiotic space
(case study of Turkic ergonyms of Astrakhan)**

In the article, on the material of Turkic ergonyms, what is investigated, are ethnic and cultural components of the semiotic space of the city of Astrakhan. A study on the semiotics of proper names presented as one of the directions describe the ethno-cultural component of urban semiotic space. In ergonomics of the city of Astrakhan, the author highlights the Turkic layer connected with the historical stages of development of the Astrakhan land. The multi-ethnic composition of the population of the city and constant contact between the Turkic and the Russian population contributed to the occurrence of the Turkic language units in Russian speech. On the example of Astrakhan ergonyms, what is traced, is the interaction of different languages. The author concludes that the presence of separate language units of Turkic origin in the modern names of commercial enterprises in the city gives it an Oriental flavour, due to the positioning of Astrakhan as a multicultural region.

Keywords: ergonym, Astrakhan, association, semantic, ethnic culture, semiotics, turkic-slavic language contacts.

Angelina M. Dundukova
Petrozavodsk State University, City of Petrozavodsk,
Karelia autonomy, Russia
gelya@onego.ru

**On the transformation of paradigmatic and
syntagmatic word connections in a folklore text
(on the basis of lexemes referring
to the realm of nature)**

This paper demonstrates several specific functions of words in a folklore text in comparison with their usual functioning. The research is on the basis of the substantives which designate the horse in Alexander Hilferding's collection of Bylinas songs of Onega. There are few appearances of such lexemes in the Bylinas glossary of proper names; however, these lexemes comprise almost half of all the usages of zoonyms and phytonyms in the above-mentioned collection. Probably, this phenomenon is linked with the fact that the horse plays a particularly important role in world mythologies, Slavic mythology is included. In the process of analysis, such oppositions as “steed” – “mare”,

“steed” – “stallion” and others have been noted. The concept “steed” which appears in the Onega Bylina songs is not only the most frequent one but also one of the most heterogeneous concepts. Around the nuclear lexeme which includes most of the meanings, there is other words group establishing various relations with both the centre and each other. In doing so, the lexemes in question acquire additional aspects of meaning in a particular context. Quite often, these aspects break habitual logical links, which were established in the paradigmatics and syntagmatics of Russian lexemes.

Keywords: folklore language, lexeme, substantive, Bylina songs of Onega land collected by Alexander Hilferding, steed, horse, stallion, mare, foal.

Alla E. Pavlova
Nekrasov Kostroma State University
alla0826@yandex.ru

**Phraseological units as means
of paradoxality expressing in the short story
“Love” by Yury Olesha**

This work continues a series of studies, which are devoted to the study of the linguistic nature of the paradoxical nature. Idiom as a means of expression within the framework of the paradoxical nature of the reception of making things strange in the short story “Love” by Yury Olesha is discussed in the article. The use of phraseological units as one of the means to create striking reception of making things strange in the story leads to the topicality of the study, as lexical units often become the dominant means. Idiom in the text plays a key role in terms of the conceptual value of the product, presenting the topic – the metamorphosis of love. Special use of phraseological units (hereinafter PU) in the short story “Love” is that idioms are closely related to the plot of the character and levels of work. PU semantic transformation in the context is associated with the contextual transformation of their inner form, which creates expressiveness, the originality of the reflection picture of the world, contributes to the game, often paradoxical situations. One of the interesting methods of creating comic in the story is a contextual enantiosemy realised through semantic play on the key of phraseology, semantics is a special aesthetic phenomenon: the meaning and form of its unity are the main constituents of the image-composite structure and the ideological and aesthetic content of the literary work.

Keywords: key phraseologisms, means of paradoxality expression, making things strange, phraseological units’ structural-semantic metaphysics.

Alla V. Velichko
Lomonosov Moscow State University
all_velichko@mail.ru

**Structural-semantic and communicative analysis
of sentences with idioms meaning uniqueness
and multiplicity**

The article is devoted to phraseology as a special field of language, which largely determines its national-specific flavour as well as the problems of its study. Lexical phraseology attracts attention of both users

of the Russian language and foreign students who are trying to understand, assimilate and use their Russian speech, and researchers either. It is devoted to significant amount of scientific works of different genres. It is further noted that syntactic phraseological units are of no less interest. The purpose of this article is to draw attention to the phenomenon of the phraseological in syntax. For a more detailed consideration, what is allocated, is one type of syntactic phraseological units – sentences of phraseologism structure (FS). What is considered, is the essence of these proposals; that they combine the characteristics of phraseological units and possess the main features of the proposal. What is characterised, is the specificity of the semantics of FS and their communicative function. A significant part of the article is devoted to consideration of proposals of the Russian Federal Assembly, expressing values of “singularity” and “plurality”. The analysis shows that FS is fixed for more shades of these values and is more differentiated and deep.

Keywords: phraseology, idioms, syntax, unique nature, multiplicity, communicative process.

Lyubov’ S. Nagradova
Nekrasov Kostroma State University
niskos@bk.ru

**Peculiarities of phraseological representation
of the concept “Profit, calculation”
in plays by Alexander Ostrovsky**

The article explores the peculiarities of conveying the conceptual content of the plays by Alexander Ostrovsky by phraseological means. Classification of phraseological units from the viewpoint of the cognitive characteristics they express has served to describe a “phraseological” model of the concept “Profit, consideration”, that is one of the key concepts represented by means of phraseology in plays by Alexander Ostrovsky. The tendency of phraseological units to simultaneous actualisation of the semes “profit” and “consideration” explains the peculiar way of structuring the notional field of the concept, to a large extent. Phraseological units do not include lexical components profit or consideration and function as indirect designations representing various cognitive characteristics of the concept under study. Profit and consideration are conceptualised by means of a complex of vivid anthropocentric images, associated with objects of the material world and material values. Somatic images are symbolic and conceptually related to the function they perform (the function of the hand as a grabbing organ is accentuated), or they may serve as means of personifying greed and desire to taking-over, to appropriation. The analysis of the imagery component, being the dominant one in the macro-structure of the concept, has allowed interpreting a visual fragment of Alexander Ostrovsky’s worldbuilding.

Keywords: concept, cognitive characteristics, concept categorical structure, concept notional field structure, concept macro-structure, phraseological unit, “phraseological” model, author’s worldbuilding.

Yelena E. Pchelintseva

*Linguistic Investigations of the Russian Academy of Sciences,
City of Saint Petersburg
pchele@gmail.com*

Polish verbal noun: dictionary and corpus data

The focal issue is the nature of semantic and pragmatic constraints which prevent deriving action nouns from some Polish verbs. Despite the well-known action nouns' abundance in Polish, the same systemic limitations appear to be detectable as in the languages of Russia and the Ukraine. A clear correlation between the aspectual semantics of the verb and its deverbative productivity has been revealed. According to the analysis of dictionaries, Polish verb may have no correlative action noun in the following cases: disuse of the verb itself; the activity of parallel single-rooted or synonymous verbs; the derivativeness of the verb itself (motivated either by nouns or adjectives); morphological factors; the verbal stem semantics (derivation of action nouns is in some cases prevented by the relational value and undertones of modal semantics of the verb); certain aspectual semantics (e.g., action nouns cannot be derived from a number of ingressive, one-act-progressive, excessive-durative, and delimitative verbs). The research data from the National Corpus of the Polish language makes it clear that there is quite an extensive group of verbal nouns which seem to be rather potential than real linguistic units. All these groups share the same common feature: the presence of the quantitative-temporal limit of action.

Keywords: Polish verbal noun, deverbative, aspectual semantics, quantitative-temporal limit of action.

Yevgeniy V. Sidorov

*Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
sidisprima@rambler.ru*

Anastasiya A. Smerchinskaya

*Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation
ms.smerchinskaya@inbox.ru*

Subjective motives in the semantic organisation of discourse and the sign coordination of communicants' activities

The article is devoted to the research of the phenomenon of implicit theories of verbal communication and its influence on the semantic organisation of dialogue discourse. The authors reveal the essential aspects in the process of implementing the sign coordination of participants' activities in a dialogue. The phenomenon of implicit theories of verbal communication is considered to be a mental structure associated with the knowledge of the world of communication that naturally fits into the ideology of the cognitivist approach. It is used to explain and disclose the motives of verbal behaviour through describing the structures of mental organisation, namely the set of units and structures of knowledge. These structures operate in a certain way at the level of unconscious, intuitive grasps, for instance, expectations, beliefs, ideas, etc;

that have a significant impact on the speaker's conceptions and judgements about the interlocutor as well as the communicative behaviour of both participants in the dialogue. It is stated that analysing the communicants' speech utterances, namely the elements of implicit theories of verbal communication, by means of sign coordination of participants' verbal behaviour, the application of implicit theories of verbal communication allows forming a more accurate view of the functional significance of cognitive schemes in a dialogue organisation.

Keywords: dialogue discourse, cognitive semantics, verbal behaviour, interpretation, implicit theory of verbal communication, verbal interaction, sign coordination.

Yelena I. Shadzhanova

*Ivanovo State University
elena_ivanova87@bk.ru*

The evolution of the semantics of the concept of DEATH within the cognitive level of linguistic personality of Viktor Tsoi

Viktor Tsoi is seen as a hero of generation. Despite the simplicity and clarity of his lyrics, Viktor Tsoi has had a marked influence on rock culture and the culture of his time in general. The key to understanding the phenomenon of Viktor Tsoi is hidden in the study of the structure of cognitive and pragmatic levels of language personality. In the structure of the lexicon of the rock-poet, what is highlighted, is a number of fundamental concepts that form the basis of cognitive level of linguistic personality of the rock poet. The concept of DEATH is one of the most significant elements in the structure of the cognitive level of linguistic personality of Viktor Tsoi. This importance is due to primarily semantic load. The concept of DEATH directly or indirectly is found in most of the texts by Viktor Tsoi. Even speaking about life, he thinks about death. This is evident not only in early but also in later texts. The article traces the evolution of the semantics of the concept of DEATH from album to album through consecutive consideration of the significances of representants of the concept of DEATH in the lyrics by Viktor Tsoi, as well as analysis of changes in the value of the concept of DEATH. Changing the semantics of the concept of DEATH allows tracing the evolutionary processes occurring during the formation of the language personality of Viktor Tsoi. During the formation of the language personality of the rock poet semantics of the concept of DEATH, what has undergone significant changes and is connected with the transformation, is the worldview of Viktor Tsoi. Starting from the understanding of death as absence of life, movement, hope, he comes to the interpretation of death as something metaphysical and inevitably natural.

Keywords: linguistic personality, concept, conceptual system, rock poet, semantics, cognitive level of linguistic personality.

JURAL SCIENCES

Lyudmila A. Siverskaya
Nekrasov Kostroma State University
lsiverskaya@yandex.ru

Sergey B. Konardov
Nekrasov Kostroma State University
skonardov@yandex.ru

**On the question of classification of violations
by officials of law enforcement agencies upon
receipt of a message about crime**

In this article, the authors address the question of violations admitted by law enforcement officers in the implementation of criminal procedure for the review of the reports of crime. They examine the state of the law in this area, statistical data of supervising activity of procuratorial organs to verify the fulfillment of requirements of the Russian Federal law in admission, registration and resolution of communications on crimes in separate subjects of the Russian Federation for 2014 and 2015. Attention is drawn to various scientific approaches to the classification of criminal procedural violations, justifying the need to update the classification in connection with a number of objective circumstances. What the authors attribute to this group, is the stable growth of the statistics of violations of the law, expanding the scale of their prevalence, constant modification, updating and improvement of their shapes, forms, methods, and ways. In addition, the authors believe that the need for a clearer classification of the types of violations at the reception is also due to the dramatic changes in criminal procedure on consideration of reports of crime, the adoption of new Russian Federation laws, updating departmental and interdepartmental regulatory legal acts of the ongoing law enforcement reform and implementation of modern information and communication technologies of reception of message, rapid response and improvement of technical means of control. The article proposes the author's classification of the violations admitted by law enforcement officers in the implementation of criminal procedure for the review of the reports of crime, explains its great practical value.

Keywords: criminal trial, stage of criminal case, reporting crime, violation of procedure of adoption crime report, compliance with law when receiving crime report.

Ol'ga A. Teterina
Nekrasov Kostroma State University
teterina_o_a_65@mail.ru

On the question of prosecutor's powers

Certain powers prosecutors are endowed with in order to carry out their functions, are discussed in the article. Based on the analysis of the current legislation, it is stated that the amendments made to the law of the Russian Federation "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation", are not of a systemic, thought-out nature. The content of Part 5 of Article 35, Part 1 and 2 of Article 36, articles 37-39 of the law for a long time has not been brought into compliance with the law, which defines the powers of the prosecutor,

who is involved in criminal, civil and arbitration proceedings. Additional authority in order to supervise the execution of laws in certain areas (in the sub-sector), which are appropriate to include into Part 1 and 2 of Article 22 of the Law on Prosecutor's Office, is something the prosecutor is provided with by separate federal laws. Analysing the content of the draft law of the Russian Federation # 872311-6 "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (to Expand the Powers of the Public Prosecutor in Pre-Trial Proceedings)", which has been submitted to the State Duma for consideration, the author notes both the validity of certain provisions of the bill that deal with returning supervising authority to the prosecutor (new version of paragraphs 2, 4 and 6 of part 2 of article 37 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and debatable nature of other provisions of the draft law.

Keywords: public prosecutor's office, prosecutor's powers, administering laws, participating in proceedings.

Roman N. Tutov
City of Lugansk
naukalavd@mail.ru

**Some problems of search for missing persons
by police units of Lugansk volunteer corps**

The author of the article analyses the main problems of the police investigation of Lugansk volunteer corps in the modern period. These include, for example, the delayed reaction of law enforcement agencies on the situation related to the disappearances of citizens, detailing the list of indicators of increased risk for missing persons, a cumbersome procedure for calling up information about missing persons in enterprises, institutions, organisations, criminal proceedings' bureaucratisation and many others. Some suggestions to improve the investigative police work in the new conditions are formulated. Among them, what deserves special attention is development of a mechanism initiating the recognition of a person as missing or dead in the civil law, improvement of executive discipline in the bodies of investigation, prosecution, courts, organisations, through the adoption of departmental and interdepartmental regulations, synchronisation of termination of investigation with the termination of the criminal case and others.

Keywords: recognition of person as missing, recognition of person as dead, retrieval, search for missing persons, investigation work of police.

Yana V. Beznosova
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
sunrise148@rambler.ru

**Special aspects of statutory regulation
of the loan agreement according
to Ancient Indian dharmasastras**

Dharmasastras are the Ancient Indian treatises reflecting the views of Brahmans on statutory regulation of the various aspects of Indian life, including the contractual relations between the debtor and the credi-

tor under the loan agreement. A characteristic feature of the treatises is to cover all issues from the viewpoint of morality, rationality and justice. Regulation of debt obligations is not exception. Dharmasastras require parties to contractual relations in their pursuit of economic gain not to forget about the requirements of morality and ethics that, in particular, manifested in the prohibition to establish certain types of interest against the interest of the debtor. In this regard, in the article such interests under the loan agreement are discussed as “kaika”, “kalika”, “karita” and “chakravrd-dhi”. This interests are not previously researched in the historical-legal science. The application of this interests in practice was condemned by the compilers of dharmasastras because of their onerous nature towards a debtor. The varied scholarly opinions on the issue of interpretation of the content of these types of interest are discussed. The main sources of this research are dharmasastras Manu and Narada, in some cases the texts of Gautama’s dharmasutra and Kautilya’s Arthasastra are utilized.

Keywords: Ancient India, dharmasastras, Narada, Manu, debt obligations, kayika, kalavrd-dhi, karita, chakravrd-dhi.

Vladimir V. Puzhayev

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
notionn@mail.ru*

Criticism of dogmatic formalism and the legal doctrine of François Géný

The author of the article examines the peculiarities of “scientific programme” of François Géný, a French jurist of the late 19th century – the first half of the 20th century, which consist in critical perception of the idea about law as the absolute and sole source of positive law where the answers to any questions of juridical practice are implicitly laid. The author analyses François Géný’s “anti-formalist rhetorics” based on criticism of the processes of fetishisation of codified legal texts, which took place in France in the 19th century, and those “logical abuses” which were admitted by the classical legal method which in turn was the basis of the doctrine of legal interpretation of the French exegesis school (L’École de l’exégèse). Moreover, some theoretical views of François Géný on the hierarchy and the list of sources of positive law are also considered in the article. The author highlights that in fact, François Géný’s legal doctrine didn’t lead to the reformation of the classical format of communication with law in the framework of activities of French courts. It is explained by the firmness and duration of the period of domination of dogmatic foundations in the context of the whole continental (as well as French) legal tradition.

Keywords: law, dogma, formation of law, natural and sociological theory of law, free law, sources of law, legal interpretation, judicial law-making.

Yuriy K. Volkonskiy

*Academician Petrovsky Bryansk State University
scenton@yandex.ru*

Modern characteristics of the legal framework for political and legal relationship between the individual and the state in the Russian Federation

This article covers the legal framework for political and legal relationship between the individual and the state in the Russian Federation, it also considers such concepts as freedom and justice. Special attention in the article is paid to the rights and responsibilities of citizens in the chain of “identity – state”. The author notes that, in order to ensure effective activities of the individual and the state within the political-legal relations, what is the determining factor is the combination of legal, spiritual and humanistic endeavours. He emphasises the change in the content of political-legal relations of the individual and the state in favour of more expansion of personality in the sphere of civil society as it develops. In connection with the strengthening of the Russian statehood and the increasing significance of legal regulation, what arises, as noted in the article, is the need for a comprehensive study of political and legal relations of the individual and the state, a detailed study of their legal and moral foundations, the legal formalisation of rights and obligations of the individual as the most important political conditions for their implementation, as well as issues of legal security and guarantees of state protection of rights and freedoms in the Russian Federation, aimed at expanding understanding of political and legal relationships of the individual and of the Russian Federal state on the basis of trends in the development of their political and legal ties.

Keywords: personality, state, freedom, justice, citizen, citizenship, rights, duties.

Yekaterina A. Zlobina

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
e_zlobina80@mail.ru*

Constitutional and legal criteria for assessing the effectiveness of the public authorities

This article discusses one of the most topical and the most developed in the field of legal issues questions – the question of evaluating the performance of public authorities, directly related to the problem of increasing the efficiency of the state on the whole. The topicality of this problem is due to an increased interest on the part of the state administration to the question of the effectiveness of the system of power and the lack of uniform of generally accepted approaches to its solution, since most modern methods of evaluation used a significant number of criteria, seeking thereby to maximise inclusion of all the factors affecting the efficiency of the system authorities. This article presents the criteria for evaluating the effectiveness of the system of state power, allowing investigating not only the performance of public authorities, but also the quality of the work, the complexity and timeliness of

the assigned tasks, as well as indicators of the result (effect) and indicators of the direct process of activities of bodies of state power in all spheres of public life. The proposed evaluation criteria constitute a system, therefore, only the integrated use of the criteria presented in this paper will provide objective data on the work of the government and its agencies.

Keywords: efficiency, performance evaluation, efficiency evaluation criteria, public authorities' system efficiency.

Dar'ya S. Milinchuk

*Research university of the Russian Nation
"Higher School of Economics"
dmilinchuk@hotmail.com*

Conflicts of law as the interbranch institution of the system of Russian law

Conflicts of law is a stable definition in Russian terminology. But nowadays, there is no single-valued answer to question what is the place of conflicts of law in system of law. Some scholars consider it to be a branch of law, others, a method of legal regulation, thirds, the only international law instrument for resolution of legal relationships, regulated by law of different countries, etc. In this article, we suggest to determine the conflicts of law as an interbranch institution. We divide different elements of system of law within regulated relations framework to determine the conflict of laws as an interbranch institution. There are arguments against the conflict of laws as a branch of law (because of an absence of a special method of legal regulation) and against the conflict of laws as institution of international private law only (because there are conflicts of laws in any branch of contemporary law). There is classification of interbranch institutions on the functional one and boundary one and a proposal to determine the conflict of laws as a functional interbranch institution in the end of the article.

Keywords: system of law, interbranch institution, conflicts of law, branch of law, method of legal regulation, element of system of law, superbranch of law.

Denis S. Hizhnyak

*Saratov State Juridical Academy
denis_khizhnyak@mail.ru*

Categories of information and data as methodologically relevant formats of knowledge for modelling transnational crime detection process

The article deals with different formats of knowledge as mental associations of objects formed and based on manifestations of conceptual properties' unity in relation to the methodology of transnational crime investigation. Since transnational crimes are often complex and to unify several offenses, as compared to the Criminal Code of the Russian Federation, the categories of information and data are an informative background against which, not only typical constituent elements of crime, but also their emergent (arising) properties are manifested. The article deals with the

problem of correlation of transnational crimes institutionalised in the international law with the offenses institutionalised in the Criminal Code of the Russian Federation, since during the investigation of transnational crimes, determining such an identification is of practical importance. Such a comparison also contributes to forecasting the display of the emergent properties of systems. In the taxonomy of criminalistics, emergent properties should be treated as immanent properties of criminal activity and the process of the investigation of transnational crimes, as each of their concrete manifestations is characterised by its own, often unique, properties. Knowledge, information and data not only form the basis of forensic systematics, but also the main principle of modelling the process of crime investigation.

Keywords: data, information, knowledge, methodology of criminalistics, criminal activity, taxonomy, modelling.

Viktor A. Demidyuk

*Alexeyev Nizhny Novgorod State Technical University
demidyuk-viktor@yandex.ru*

Analysis of the legal nature of invalid transactions

The article is devoted to the legal nature of invalid transactions. What is one of the most important elements of transaction, is legitimacy and it is considered in the article. It examines various points of view of scientists concerning the delimitation of the transactions from invalid transactions. The author analyses the following concepts: "transaction", "illegal transaction", "void transaction", "voidable transaction" "tortious offense", and shows the grounds for declaring transactions invalid. What is particularly noteworthy, is the allocation of the group of so-called tort offenses, involving unjust enrichment, improper performance of the contract, and others. Invalid transactions, made by state budgetary educative institutions of higher professional education in the Russian Federation, are analysed in the article. What is another category of "invalidity of the transaction", is "voidability of transaction", and it is examined in the article. The acquisition of the status of the disputed deal depends on the will of any party of the transaction. According to the author, it would be appropriate in this case to use the term "real deal" instead of "invalid transaction" as long as the court does not question its validity on the complaint of the parties. The author believes that the term "invalid transaction" is logically contradictory and incorrect. The fact is that the recognition of invalid transactions leads to a blurring of lines between transactions and offenses. Therefore, the author criticises the historically established in the science of civil law definition of "invalid transaction" and offers instead of an "invalid transaction" to introduce the term "agreement invalidity".

Keywords: real transactions, invalid transactions, illegal actions, torts, illegal transactions, voidable transactions, agreements' invalidity, non-tort offenses.

Sergey N. Maksimov

*Moscow Psychological-Social University
maksimov@mps.u.ru*

**On the question of qualification requirements
to employees of administrations
of plenipotentiaries of the President of the Russian
Federation in federal districts**

The article is devoted to research of the qualification requirements imposed to federal public civil servants of administrations of plenipotentiaries of the President of the Russian Federation in federal districts. The professional knowledge and skills established to various categories and groups of positions are analysed. The conclusion is drawn that qualification requirements to professional knowledge and skills, necessary to federal public civil servants of the Russian President Administration for execution of functions are submitted sufficient, allowing certain officials and the device of plenipotentiaries of the President of the Russian Federation carrying out in general the activity at the high professional level.

Keywords: device, plenipotentiary, President of Russia, public servant, qualification requirements, professional knowledge, professional skills.

SCIENTIFIC LIFE

Lyudmila A. Klimkova

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
branch in the city of Arzamas
dialekt_arz@mail.ru*

All breathes of Russ, the Russ of old...

The review deals with the structure of the reviewed book, its genre orientation, speech peculiarities of Kostroma texts and their character from the volume and pragmatic segmentation point of view. Regional vocabulary is taken up in more detail: about implementation of specific traits of dialect system in it; the ways of representation of the meanings; about the typology according to the subject sign, to the correlation with the literary units, to the source of revelation; about its presence in other patois, particularly in the ones of the Oka – the Volga – the Sura.

Keywords: folk word, Kostroma speech, texts, dialect vocabulary, dialect distinctions, comparative plan, composition, Russianness.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova

Nekrasov Kostroma State University

kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПЦ «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

**Костромского государственного
университета имени Н.А. Некрасова**

2016 – Т. 22 – № 1

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ им. Н.А. Некрасова

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 18.01.2016.
Дата выхода в свет 31.03.2016.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 29,0.
Уч.-изд. 30,1 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 98.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна